

№ 4 (28) ▪ 2021

▪ December

Russian Linguistic Bulletin

ISSN 2227-6017 ONLINE

Yekaterinburg
2021

Theoretical and scientific journal.
Published 4 times a year.
Founder: Sokolova M.V.
Editor in chief: Smirnova N.L., PhD
Publisher and editorial address: Yekaterinburg, Akademicheskaya
St., Bldg. 11A, office 4, 620137, Russian Federation
Email: editors@rulb.org
Website: www.rulb.org
16+

№ 4 (28) 2021
December

Publication date 20.12.2021
Price: free.
Impact factor RSCI (2018) – 0,123
https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=50831

Russian Linguistic Bulletin is a peer-reviewed scholarly journal dedicated to the questions of linguistics, which provides an opportunity to publish scientific achievements to graduate students, university professors, persons with a scientific degree, public figures, figures of culture, education and politicians from the CIS countries and around the world.

The journal is an open access journal which means that everybody can read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles in accordance with CC Licence type: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Certificate number of registration in the Federal Supervision Service in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications: **ПН № ФС 77 – 58339 (terminated 07.04.2021), ЭЛ № ФС 77 – 73011**

Editorial board:

Rastjagaev A.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Slozenikina Ju.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Shtreker N.Ju. PhD in Pedagogy, PhD in Philology, Kaluga State Pedagogical University (Kaluga, Russia)
Levickij A.Je. PhD in Philology, Moscow State University (Moscow, Russia)
Alikaev R.S. PhD in Philology, Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia)
Erofeeva E.V. PhD in Philology, Perm State University (Perm, Russia)
Ivanov A.V. PhD in Philology, State Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
Magirovskaja O.V. PhD in Philology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Kyuchukov H. PhD in Philology, Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences (Stendal, Germany)
Umnyashkin A.A. MD, professor, PhD in Philology, Director of the Center for Study of Ancient and Modern Languages of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)
Moradi H. PhD, Lecturer, Shahid Chamran University of Ahvaz, (Ahvaz, Iran)
Iseni B.A., professor, PhD in Philology, State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Jurkovič V. PhD, Associate Professor, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)
Ma Daoshan, PhD, Professor, Tianjin Polytechnic University (Tianjin, China)
Gutovskaya G.S., PhD in Philology, Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Medvedeva O., PhD in Humanities, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Korostenskienė J., PhD in Linguistics, Professor, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Alimi D., PhD in Linguistics, Assoc.Prof., State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Pllana Gani, Doctor, PhD in Linguistics, University of Prishtina "Hasan Prishtina" (Prishtina, Republic of Kosovo)
Kulesh H.I., Professor, Doctor of Pedagogy, PhD in Philology, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

Table of Contents

LINGUISTICS AND LANGUAGES (UDC 81)

Shevchenko Y.M. REPRESENTATION OF CONCEPTS BY PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ONYMS IN ENGLISH.....	6
Bezzemelnaya O.A., Burkhanova E.V. SEMANTIC RELATIONS EXPRESSED BY THE CONJUNCTION “BUT”	9
Korolkova A.V., Tishina A.E. PHRASEOLOGICAL CONTEXT OF APHORISTICS.....	12
Байдашева Э.М. ЯЗЫК СИМВОЛИКИ БОЛЕЗНИ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ	16
Yakovleva S.L. PRINCIPLES FOR THE NOMINATION OF LEPIDOPTERONYMS IN ENGLISH	20
Isakova A.A. QUESTION OF TRANSPORT NOMINATION SUGGESTIVITY	24
Ikhsanova L.I. LINGUOCULTURAL APPROACH TO THE STUDY OF ALLUSION.....	29
Соколова Г.А. ВОСПРИЯТИЕ ЛЕСА В СКАЗОЧНОМ МИРЕ.....	32
Ширяева А.С. КОГНИТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО ПЕРФЕКТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ.....	35
Исакова А.А. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НАЗВАНИЙ ЗАВЕДЕНИЙ ПИТАНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....	39
Lenkova T.A. CAUSES AND STAGES OF VISUALIZATION OF THE DESIGN OF A CREOLIZED MEDIA TEXT IN THE GERMAN PRESS.....	44
Клецкая С.И. ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ФРАЗЫ Н. ХОМСКОГО ‘COLORLESS GREEN IDEAS SLEEP FURIOUSLY’ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ И НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)	49
Negryshev A.A. STYLISTICS OF POSTMODERN IN THE MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONAL-PRAGMATIC ASPECT.....	55
Дорошенко Н.С. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «LEICHTE SPRACHE» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	59
Солодилова И.А., Лукашева Е.С. ПАРОЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ АВТОСПОРТИВНОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ	63
Полякова Е.В., Титлова А.С. ПЕРЕНАСЫЩЕНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНОГО МЕДИАТЕКСТА)	67
Arkhipova E.I. LINGUOCULTURAL LEVEL OF ENGLISH MASS MEDIA TEXT DESCRIPTION	70
Гаврилов А.Д. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МНОГОТОЧИЯ В СЕТЕВОМ ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЧУВАШСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).....	74

Лысова О.Р., Первухина С.В. ПОДКАСТ КАК АДАПТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ В УЧЕБНО – ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	78
Волчкова А.С., Краснопеева Е.С. ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО УСТНОГО ПЕРЕВОДА В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ «КИТАЙСКИЙ-РУССКИЙ»: ВЗГЛЯД ПЕРЕВОДЧИКОВ.....	84
Щетинина А.В., Леонтьева Т.В., Елизарова А.Н. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИИ ЖАРГОНИЗМОВ.....	90
Голикова М.М. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА	97
Максимова Е.Н., Кутяева О.М. СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРРАТИВНОГО И АРГУМЕНТАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА ПРИ АФАЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	104
Полякова Е.В. РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС: МЕМОРИАЛЬНО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЯЯ УФА»)	111
Kazakova O.V. PROSODIC FEATURES OF INDIAN ENGLISH	114
Дубровская Т.В., Юськаева Э.И. СЕМАНТИКА ВРАЖДЫ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	120
Сероштантова Ю.С., Чусовлянова С.В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА ПО МЕНЕДЖМЕНТУ)	127
Пэн Юй-хай СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	133
Калинина Е.Е. ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСИКА В ЧУВАШСКИХ ЗАГАДКАХ.....	141
Tolmacheva I.A. WORD IDENTIFICATION IN THE CONTEXT	145
Gavrilova Yu.V. HISTORY AND MODERNITY OF NORMATIVE TRADITION IN BRITISH LINGUISTICS	149
Блинова О.А. СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (МИМЕТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ).....	153
Манасян Л.Ю. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ВЕСТИМЕНТАРНОГО ДИСКУРСА 1960-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ИЗ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»).....	158
Финогеева А.А. МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ.....	162
Nikitina K.V. MULTIMODAL METAPHORS IN A “TRADE WAR”	166
Kiselyov A.A. ON THE BILITERAL ROOT QUADRILITERAL VERBS IN ASSYRIAN CHRISTIANS URMI NEO-ARAMAIC....	170

Bezzemel'naya O.A. SEMANTICS OF STRATEGIES AND TACTICS IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON ANALYSIS OF H. CLINTON AND D. TRUMP'S ELECTION SPEECHES)	174
Хакимова Г.Ш., Артемова О.Е. ЖАНР АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАСЛУХОВ О СЕЛЕБРИТИ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ	178
Гущина Л.В., Крюкова Е.И. ИДИОМАТИЧЕСКАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТОСИМВОЛИЗМА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ...	185
Мигранова И.Х. ШКАЛИРОВАНИЕ ЭМОЦИОГЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА	190
Никитина Е.С. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ХРОНОТОПЕ КОММУНИКАЦИЙ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	193
LITERATURE (UDC 82)	
Шарипова А.С., Шамсутова А.А. КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРОЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ РИЗВАНА ХАМИДА.....	202
Шарипова А.С. МОТИВ «ПРАВДЫ ЖИЗНИ» В ДРАМЕ ИЛЬДАРА ЮЗЕЕВА «АК КАЛФАГЫМ ТӨШЕРДЕМ КУЛДАН...» («ВЫРОНИЛА ИЗ РУК БЕЛЫЙ КАЛФАК...»).....	206
Угурчиева Р.Х. ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ ПУБЛИЦИСТА БЕКСУЛТАНА БАТЫРХАНА	210
Долженко Н.Г., Милевская К.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.К. ВАГАТОВОЙ	215
Петров М.А., Моргун Е.А. КОНЦЕПТ СМЕРТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТИВЕНА КИНГА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «УИЛЛА» И «ЧУВСТВО, КОТОРОЕ СЛОВАМИ МОЖНО ВЫРАЗИТЬ ТОЛЬКО ПО-ФРАНЦУЗСКИ»)	220
Сергиенко О.С., Бабкина Л.Д. РЕАЛИИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК.....	228
Velilaeva L.R. PATRIOTIC MOTIFS AND LYRICAL SITUATIONS OF SCOTTISH EMIGRATIONAL POETRY OF THE USA OF THE XIXTH CENTURY: RELIGIOUS ASPECT	232
Khomutnikova E.A. LEXICAL MEANS OF VERBALIZATION OF THE "SCIENCE" CONCEPT IN SINCLAIR LEWIS'S "ARROWSMITH"	235
CHINESE LANGUAGES (UDC 811.581)	
Шамотина Э.А. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА-АНТРОПОНИМЫ В КИТАЙСКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СЯНШЕН.....	241
ALBANIAN LANGUAGE (UDC 811.18)	
Kamber Kamberi, Labinot Berisha THE WORK OF MILAN ŠUFFLAY AND THE OPINION OF ALBANIAN RESEARCHERS	245
Pllana Sadete, Pllana Fisnike ANTONYMS WITH DIFFERENT ROOTS IN THE TERMINOLOGY OF ECONOMICS IN THE ALBANIAN LANGUAGE.....	252

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ С ОНИМАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Шевченко Е.М. *

ORCID: 0000-0001-9293-1424,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

* Корреспондирующий автор (lenlen2007[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена проблеме преломления реальности в нашем сознании в виде концептов, репрезентированных на языковом уровне фразеологизмами. В фокусе внимания когнитивной лингвистики находится типология знаний и их репрезентация на концептуальном и языковом уровнях. Концептуализация устанавливает связь между языковыми единицами и концептами, демонстрируя репрезентацию знаний, которые могут получать осмысление в различных когнитивных контекстах. Актуальность статьи определяется многоуровневой теорией значений языковых единиц и заключается в изучении концептуальных структур, лежащих в основе фразеологических единиц с онимами. Цель статьи - рассмотреть матричный формат репрезентации концептов ФЕ с онимами. Автор акцентирует внимание на матричном формате когнитивных знаний. Когнитивная матрица объединяет различные когнитивные контексты, которые определяют формирование и понимание фразеологических единиц со значением онимов. В результате проведенного исследования автор выделяет четыре уровня концептуализации фразеологических единиц с онимами на основе знаний о когнитивных механизмах, формирующих значения фразеологических единиц. Перспективу для исследования представляет четвертая группа фразеологических единиц с интертекстуальными компонентами-онимами, которые порождают интертекстуальные концепты.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, фразеологическая единица, оним, матрица.

REPRESENTATION OF CONCEPTS BY PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ONYMS IN ENGLISH

Research article

Shevchenko Y.M. *

ORCID: 0000-0001-9293-1424,

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

* Corresponding author (lenlen2007[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the problem of reality refraction in our consciousness in the form of concepts, represented at the linguistic level by phraseological units. Cognitive linguistics focuses on the typology of knowledge and its representation at the conceptual and language levels. Conceptualization establishes a connection between language units and concepts, demonstrating the representation of knowledge that can be comprehended in various cognitive contexts. The relevance of the article is determined by a multilevel theory of language units' meanings, and it lies in the study of conceptual structures underlying the phraseological units with onyms. The aim of the article is to study concepts' representation by phraseological units with onyms as a matrix format of knowledge. The author underlines the matrix format of cognitive knowledge. Cognitive matrix unites different cognitive context which determine the formation and understanding of phraseological units with onyms' meaning. As a result of the research, the author differentiates three levels of conceptualization of phraseological units with onyms based on the knowledge about the cognitive mechanisms that form the meanings of phraseological units. The research perspective represents the fourth group of onyms, not so recurrent, but containing intertextual components producing intertextual concepts.

Keywords: conceptualization, concept, phraseological unit, onym, matrix.

Introduction

The surrounding reality receives its refraction in our consciousness in the form of concepts, which are represented at the linguistic level in the form of linguistic units. Concept is "the basic unit of a person's mental code" [5, P. 257]. It can be verbalized not only by words, but also by phraseological units (PU). "The nature of the meaning of a PU is closely connected with the background knowledge of a native speaker, with the practical experience of an individual, with the cultural and historical traditions of the people who speak this language» [6, P. 176]. A PU condenses information about the national and cultural characteristics of a particular ethnic group. In the process of categorizing the surrounding reality, "cognitive knowledge is enriched with linguistic, the indirect form of expression of which is phraseological meanings» [4, P. 211]. The cognitive contexts in which phraseological units comprehended are very diverse. The multidimensional nature of knowledge allows us to talk about its special format; this is the knowledge of a matrix format, that is, a system of interrelated cognitive contexts [2, P. 53].

"Naming cognizable situations, phraseology, on the one hand, takes in and captures in its meanings the generalized experience of cognitive development of reality, and on the other – it introduces language signs into the established language relations" [1, P. 79], verbalizing concepts. An important feature of the phraseological verbalization of a concept with onyms is its multi-level nature. Following Y.S. Stepanov [3, P. 75] we think, that a concept actualized by a PU has: 1. an "active layer", 2. a "passive" layer or a historical and cultural layer, 3. the layer connected with an internal form or etymology. In the "active"

layer of a concept, knowledge understandable to all native speakers is actualized. The "passive" layer contains additional knowledge about concepts, considered in a diachronic aspect. The layer connected with etymology highlights the "original essence" which underlies the basis of phraseological units. Thus, a concept is structured, being a complex multi-layered phenomenon. We suggest, that taking into consideration the structure of a concept, as well as the features of a PU as one of the language signs that verbalizes the concept, conceptual processes can be considered at the level of: 1. knowledge underlying the onyms' components in PUs (a first-level conceptualization); 2. knowledge about the structures that form the "original essence" or inner form of PUs (a second-level conceptualization); 3. knowledge encoded in the actual meanings of PUs (a third-level conceptualization).

It is evident that conceptual structures containing multidimensional knowledge has a multi-level nature and at the language level they can be represented by PUs with onyms. It should be noted that by onyms we mean proper names used as common nouns. There are many varieties of onyms: mythonyms, zoonyms, toponyms, but in this paper we consider the anthroponyms, since the analysis of the actual material showed that they are the most recurrent group. Taking into consideration the fact, that anthroponyms are precedent texts, that is, they appeal to well-known characters, prototypical situations [7, P. 130], the object of the study is a PU with onyms, the subject is their conceptualization. The material for the study includes 253 units, compiled by the method of continuous scanning of the phraseological dictionaries.

Methods

According to the goals and objectives of the study, the following methods were used: conceptual and etymological analyses.

Results

The results of the conceptual analysis of PUs with onyms showed that a first-level conceptualization is connected with the knowledge underlying the onyms' components in PUs. It can be illustrated by the following PUs: Tom fool, Tom Tailor, Tom Thumb, Peeping Thomas, nervous Nellie, Jack the Lad, clever Dick, smart Aleck, Billy – no friends, Johnny-come-lately. It follows from above examples that *this group of PUs contains onyms of folk origin, the meanings of these PUs are evident without any etymological analysis: they have sheer inner forms. The onyms' adjacent components give a semantic "charge" to the whole PU, actualizing multidimensional knowledge. Thus, PUs with onyms, imbued with cultural meanings, can represent concepts by themselves as they are precedent: native speakers have certain associations with them.* Another group of PUs with onyms illustrates second-level conceptual structures forming the basis of the secondary nomination signs. This group can be illustrated with PUs which onyms' components go back to real historical folk prototypes: *Hobson's choice, Real McCoy, Tom o'Bedlam.* In these PUs such as *Hobson's choice* etymological analysis helps to reveal the origin of proper names. The actual meaning of the PU "forced choice, lack of choice". It goes back to a certain Hobson, the owner of a paid stable in Cambridge in the XVI century, who obliged his clients to take only the horse closest to the exit [10]. In these PUs a second-level conceptualization takes place since the etymological analysis highlights the knowledge of the structures that form the internal form of the PU.

A third-level conceptualization is typical for the PUs which have an onym component representing a historical or a literary hero (an eponym): *Cordelia's gift, Darby and Joan, the Admirable Crichton, the thread of Ariadne's, Promethean fire, Adam's ale.* To clarify it we can give an example: *what will Mrs. Grundy say?* A precedent onym "Mrs. Grundy" actualizes the knowledge of the first level: "a hypocrite". At the second level of conceptualization the knowledge of the "original essence" can be represented. The etymological analysis spotlights on the inner form of the PU – "a literary hero". Mrs. Grundy-never appearing on the stage character of the comedy T. Morton (Th. Morton, 1769-1838) "Speed the Plough" – the embodiment of walking morality" [8]; This PU can be conceptualized at the third-level as it reveals the knowledge encoded in the actual meaning of the PU "what will people say?" Another example *the thread of Ariadne's* goes back to Greek mythology. At the first level of PU conceptualization, the name *Ariadne* of the mythological character is highlighted, the knowledge of the second level is connected with PU's internal form "daughter of Minos and Pasiphaë: she gave Theseus the thread with which he found his way out of the Minotaur's labyrinth" [9], at the third level of PU conceptualization an idea of an actual meaning" the guiding thread" is objectivized.

Proper names *Adam and Eve* in the PU *when Adam delved and Eve span who was then a gentleman?* actualize the idea of the progenitors of humanity at the first level of conceptualization. A second-level conceptualization is verbalized with compound nomination "when Adam delved and Eve span" representing an inner form of a "distant past". At the third level additional conceptual features of the PU are objectivized as it was "one of the slogans of the peasants War of 1381, attributed to Monk John Ball who was Wat Tyler's supporter"[8]. The whole PU verbalizes forth-level conceptual processes in modern language; it is used ironically about a person who boasts of his origin.

Conclusion

Generally speaking, the cognitive contexts in which comprehension takes place are diverse and can be represented as components of a matrix providing access to different layers of knowledge. Analyzing 253 phraseological units and cognitive structures underlying them, the author differentiates four groups of PU with onyms which, can be considered at different levels of conceptualization. The first group of PUs with onyms is distinguished on the basis of a separate onyms components' ability to verbalize separate concepts at the first level of conceptualization. These precedent onyms are of folk origin with obscure etymology but understandable to all native speakers. The second group is represented with PUs which onym components go back to real historical folk prototypes, etymological analysis reveals their "original essence". At the second level of conceptualization the knowledge about the structures that form the internal form of these PUs is actualized. A third-level conceptualization is typical for the third group of PUs which has an onym component representing a historical or a literary hero. At this level of conceptualization the knowledge encoded in actual meanings of PUs is objectivized. In conclusion, it

should be noted that the research perspective represents the fourth group of onyms, not so recurrent, but containing intertextual components producing intertextual concepts.

To sum it up, it should be mentioned that the study of concepts' representation by PU with onyms as a matrix format of knowledge helps to investigate different layers of culture and to differentiate additional conceptual features clarifying unique historico-cultural peculiarities.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – Москва: ООО «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Болдырев, Н. Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования / Н. Н. Болдырев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сборник материалов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – 822 с.
3. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов. – 2. изд., испр. и доп. – Москва: Акад. проект, 2001. – 989с.
4. Мелерович, А. М. Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Сборник научных трудов «Слово – сознание – культура». – Москва: «Флинта: Наука», 2006. – 256 с.
5. Стернин И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Сборник научных трудов «Концептуальное пространство языка». – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 257 – 282
6. Шевченко Е.М. Гендерные стереотипы во фразеологической картине мира английского языка / Е. М. Шевченко, Е. С. Данилова // Материалы Четвертой международной научной конференции по когнитивной фразеологии «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры» – Белгород: «ООО Эпицентр», 2019. – С. 176-179.
7. Шевченко Е.М. Прецедентные антропонимы в английском языке / Е. М. Шевченко, А. М. Шевченко // Материалы Третьей международной научно-практической конференции «Иноватика в современном мире: опыт, проблемы и перспективы» – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2020 – С. 129-134.
8. ABBYY Lingvo CD'12 dictionary: Электронный словарь / ABBY Software, 2008. – 1 CD-ROM.
9. Collin's Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 21.05.2021).
10. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 23.05.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Alefirenko N. F. Frazheologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradigm: [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]: Monograph / N. F. Alefirenko. – Moscow: "Elpis", 2008 – 271 p. [in Russian]
2. Boldyrev, N. N. Mnogoaspektnost' kak osobyj format znaniya i lingvisticheskie metody ego issledovaniya [Multidimensionality as a specific format of knowledge and linguistic methods of its research] / N. N. Boldyrev // Mezhdunarodnyy kongress po kognitivnoy lingvistike: Sbornik materialov [International Congress on Cognitive Linguistics: Collection of Papers]. – Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2008. – 822 p. [in Russian]
3. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury [Constants. Dictionary of Russian Culture] / Y.S., Stepanov. – Moscow: Akad. proekt, 2001. – 989 p. [in Russian]
4. Melerovich, A. M. Izomorfizm mezhdu semantikoy i formoy frazeologicheskoy edinicy i principy postroeniya slovarnyh definicij [Isomorphism between the semantics and the form of a phraseological unit and the principles of constructing dictionary definitions] / A. M. Melerovich, V. M. Mokienko // Sbornik nauchnyh trudov "Slovo – soznanie – kul'tura" [Collection of scientific works "Word-consciousness-culture"]. – Moscow: "Flinta: Nauka", 2006 – 256 p. [in Russian]
5. Sternin I. A. Tipy znacheniy i concept [Types of meanings and concept] / I. A. Sternin // Sbornik nauchnyh trudov "Konceptual'noe prostranstvo yazyka" [Collection of scientific works "The conceptual space of language"]. – Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005. – P. 257-282. [in Russian]
6. Shevchenko E. M. Gendernye stereotipy vo frazeologicheskoy kartine mira angliyskogo yazyka. [Gender stereotypes in the phraseological picture of the world of the English language] / E. M. Shevchenko, E. S. Danilova // Materialy Chetvertoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii po kognitivnoy frazeologii "Frazheologiya v yazykovoy kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry" [Proceedings of the Fourth International Scientific Conference on Cognitive Phraseology "Phraseology in the linguistic picture of the world: cognitive-pragmatic registers"]. – Belgorod: "ООО Еpicentr", 2019. – P. 176-179. [in Russian]
7. Shevchenko E. M. Precedentnye antroponimy v anglijskom yazyke [Precedent anthroponyms in English] / E. M. Shevchenko, A. M. Shevchenko // Materialy Tret'ey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Innovatika v sovremennom mire: opyt, problemy i perspektivy» [Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference "Innovation in the Modern World: Experience, Problems and Prospects"]. – Ufa: Izd. NIC Vestnik nauki, 2020 – P. 129-134. [in Russian]
8. ABBYY Lingvo CD'12 dictionary: Electronic dictionary / ABBY Software, 2008. – 1 CD-ROM.
9. Collin's Online Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 21.05.2021).
10. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://www.etymonline.com/> (accessed: 23.05.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.8>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ СОЮЗОМ «BUT»

Научная статья

Безземельная О.А.^{1*}, Бурханова Е.В.²^{1,2} Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (olesik_2009[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются семантические отношения, выраженные союзом “but”. Выбор этого союза не случаен, так как является одним из наиболее употребительных сочинительных союзов в английском языке и уходит корнями в древнеанглийский период. Адверсативный союз “but” образует прототипическое ядро семантико-синтаксического поля сочинительных связей. Этот союз, как показал анализ, может реализовывать как конвенциональные, так и ситуативные связи и отношения. Конвенциональные связи и отношения, актуализируемые этим союзом, производны от семантики дискурсного фрейма, который сформирован на базе соединительных сочинительных отношений. В адверсативном оформлении эти отношения манифестируются как уступительные, противительно-сопоставительные и другие.

Ключевые слова: контрарность, противоречивость, concessивность, контраст, семантика «обманутого ожидания», адверсативный, сравнительный.

SEMANTIC RELATIONS EXPRESSED BY THE CONJUNCTION “BUT”

Research article

Bezzemelnaya O.A.^{1*}, Burkhanova E.V.²^{1,2} Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

* Corresponding author (olesik_2009[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the semantic relations expressed by conjunction “but”. The choice of this conjunction is not accidental, since it is one of the most common coordinative conjunctions in the English language and is dated back to the Old English period. The adversative conjunction “but” forms the prototypical core of the semantic-syntactic field of coordinative relations. This conjunction, as the analysis has shown, can realize both conventional and situational relations. The conventional relations actualized by this conjunction are derived from the semantics of the discourse frame, which is formed on the basis of coordinative conjunctive relations. In an adversarial form, these relations are manifested as concessive, adversative-contrastive and so on.

Keywords: contrary, contradictory, concessivity, the semantics of “contrary to expectations”, adversative, contrastive.

Introduction

The English coordinative conjunction “but” is one of the most common coordinative conjunctions. According to the information presented in The Oxford English Dictionary [9, P. 152], it was used in the language since the Old English period.

As a typical coordinative conjunction, through which opposition relations are realized in the language, “but” is positioned in all English grammars. So, Barkhudarov L.S. and D.A. Shteling in their “Grammar of the English language” [3, P. 192], along with copulative and disjunctive conjunctions, base conjunctions and resultative conjunctions, they also note the presence of adversative conjunctions in the language, realizing in speech the relationship of opposition between concepts. In addition to the “but”, the grammar authors also include the “yet” conjunction here. These conjunctions are more often used in literary art works, in which this means of communication provides the logic of the development of the narrative, the relationship, or, on the contrary, the delimitation of specific judgments. In this case, adversative conjunctions are similar in their functions to units such as *moreover*, *however*, *nevertheless*. The differentiated semantics of the coordinative conjunctions is considered in the grammar of B.A. Ilyish [4, P. 262]. According to author, the “but” conjunction has a clearly expressed unambiguous adversative semantics, which practically cannot be implemented in a sentence by other means. The same point of view on the meaning of the conjunction “but” is also shared by the group of authors of “Grammar of the English language” consisting of E.A. Korneeva, M.I. Ossovskaya, K.A. Guzeeva [6, P. 179]. However, they add that as an adversative, this conjunction can express the semantics of contrast or contradictory.

First of all, one should turn to the relationship of contrary, that is, comparison or contrast between judgments, in which the truth of the previous statement is not refuted by the next one. Contradictory (opposite) is a logical relationship between two simple comparable judgments, which excludes their simultaneous truth, but does not exclude their simultaneous falsehood.

The statements “all trees are red” and “no tree is red” are contrary statements, since both exclude each other, and the statement is “only some trees are red”.

The achievement of such an effect becomes possible due to the specific nature of contrary concepts, which are species of the same genus, however, one of them has certain characteristics, which the second does not deny, but instead they are replaced by others, contrasting. A situation arises when the semantics of contrary concepts includes extreme and mutually exclusive species characteristics, which, nevertheless, are conditioned and predetermining each other. The whole complex of contradictory concepts is in a relationship of contrary (Latin *contrarius* – opposite), that is, in relations arising between opposed or completely opposite statements in meaning (or concepts), the truth of which, like falsehood, cannot manifest itself simultaneously (if one thing is true, then the other is false). If the statement is known to be true, then, accordingly, the contrary

judgment will be false; however, the true falsity of a judgment does not imply a certain truth or falsity of a contrary statement, since it can be equally true or false.

It should also be noted that there is no general unity in the views of linguists on contrary relationship. So, V.N. Zhigadlo, I.P. Ivanova and L.L. Iofik define relations of this type as adversative-contrastive [10, P. 179]; R. Kwerk and S. Greenbaum include them in a number of contrastive ones, together with relations of contradictory [7, P. 217]; and the representative of London structuralism M.A.K. Halliday differentiates the relations of contrary, contradictory and concessivity and places them in the group of adversive relations [3, P. 152].

Contrary relations implement the semantics of comparative opposition, that is, the basis of a message that includes contrary is the presence of a difference or even contraposition in a pair of similar phenomena. At the same time, often the relations of contrary opposition, expressed by the conjunction under consideration, are combined with various kinds of conditionality relations, which will be discussed below.

Let's analyze the example below with the "but" conjunction:

The Richards were grown-up and old and don't count. But the Greys had some small children.

In this sentence, "but" acts as a means of communication between autonomous sentences, which, nevertheless, are in a relationship of contrary, the basis for which here is the presence of relations of antonymy, which are seen in the lexical content of the parts (*grown up* and *old* – on the one hand, and *children* – on another).

I went to work, but she went to the cinema.

I wish I could go but I am too busy.

Here is the contrastive conjunction is used to express the relations of opposition, inconsistency and difference.

The next type of relations of the contrary type, for the expression of which the conjunction "but" is used, are contrary-concessive. According to R. Lakoff, syntactic complexes containing relations of this type carry a certain hidden presupposition. Opportunities for the use of the conjunction "but" provides the compatibility between the functioning of the statement and the presupposition, and such examples are qualified by R. Lakoff as the denial of expectation "but" [8, P. 134].

Mercedes can go fast, but Opels are safe.

Mercedes can go fast, but Nick will never get a ticket for speeding.

In the first sentence, an oppositional meaning is realized through the conjunction but, since the characteristics of two cars are considered and compared here (Mercedes has one positive quality, Opel has another). In the second example, the semantic content of but is considered as "refuting the expected together with the presupposition and the conclusions that follow from it": 1. Nick is a Mercedes driver. 2. It is assumed that if you have the opportunity to go fast, then you will do so. 3. But in this case, you may also be subject to a fine for impermissibly exceeding the established speed limit.

Following him, the semantics of "contrary to expectations" in the conjunction "but" (the contrary-to-expectation "but") is also noted by another linguist L. Carlson [5, P. 277], and from his point of view, this is the most frequent meaning of this conjunction, it is synonymous meaning of the conjunction "yet" and can also be implemented using the words *although*, *despite*, which combine two fragments in a sentence. In our examples, the first part of the sentence includes an argument of an inductive nature, which is opposed to the semantic content of the second part, which is expressed by the word "but" with the semantics of "contrary to expectations".

1. *I love this, but I cannot afford it.*

2. *Ann is intelligent, but she is ugly.*

3. *He tried, but he failed.*

The whole set of the mentioned relations can be realized by means of a connection of this type, in which one can be realized through the other. Reverse causality is the inner essence of the concessive type of communication, it manifests itself in the fact that the first phenomenon, from which the non-verbalized second naturally follows, does not negate the third, which is opposed to the previous (second). The concessive meaning encloses the semantics of the previous fragment in a certain framework by recognizing the simultaneous existence of the opposite thought, action, fact along with what contradicts it, which has already been reported earlier. This is possible if in the subsequent fragment it is said about a changed condition, about some obstacle, or an amendment (counterargument, correction) is given here, causing doubts about the veracity of what is reported in the first part, or making it false at all. This, in our opinion, is the specificity of concessivity relations, distancing them from the relations of contrary and contradictory, we note, however, that the semantics of concessivity is closely interrelated with the oppositional relations, which also act in turn as an obligatory component of concessionary semantics.

Thus, the concessionary meaning can manifest itself only when comparing a pair of opposing facts or phenomena, and one of them will exist regardless of the degree of opposition of the other, but the judgment expressed in the second part will be opposite in meaning to what was a natural consequence of the first part.

Conclusion

All of the above allows us to conclude that there is a special complex of conditioning relations, expressed through the conjunction "but", which can be classified as contrary-causal.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 340 с.
2. Голукович А.Е. Концессивность в английской языковой картине мира / Голукович А.Е. // Известия Тульского

государственного университета. Серия «Филологические науки». – 2006. – № 6. – С. 47-56.

3. Halliday, M.A.K. Cohesion in English. /M.A.K. Halliday, R. Hasan – London: Longman. 1976. – 290 p.
4. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка / Ильиш Б.А. – Л.: Просвещение, 1971. – 367 с.
5. Карлсон Л. Соединительный союз BUT / Карлсон Л. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. – М., 1986. – С. 277-300.
6. Корнеева Е.А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис / Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. – М.: Союз, 1999. – 348 с.
7. Кверк Р. Грамматика современного английского языка для университетов / Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж. и др. – М.: Высш. школа, 1982. – 391 с.
8. Lakoff R. Ifs, ands and buts about conjunction. – Studies in Linguistic Semantics (Ed. by Ch. Filmore and D. Langendoen). / R. Lakoff – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – P. 134–140.
9. The Oxford English Dictionary. – Oxford, 1933.
10. Жигadlo В.Н. Современный английский язык: Теоретический курс грамматики. / В.Н. Жигadlo, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик– М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 359 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Barhudarov L.S. Grammatika anglijskogo yazyka / L.S. Barhudarov, D.A. Shteling. – M.: Izd-vo literatury na inostrannyh yazykah, 1959. – 340 p. [in Russian]
2. Golukovich A.E. Koncessivnost' v anglijskoj yazykovoj kartine mira / A.E. Golukovich // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki». – 2006. – № 6. – P. 47–56. [in Russian]
3. Halliday, M.A.K. Cohesion in English. /M.A.K. Halliday, R. Hasan – London: Longman. 1976. – 290 p.
4. Il'sh B.A. Stroj sovremennogo anglijskogo yazyka / B.A. Il'sh – L.: Prosveshchenie, 1971. – 367 p. [in Russian]
5. Karlson L. Soedinitel'nyj soyuz BUT / L. Karlson // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Iss. XVIII: Logicheskij analiz estestvennogo yazyka. – M., 1986. – P. 277–300. [in Russian]
6. Korneeva E.A. Grammatika anglijskogo yazyka: Morfologiya. Sintaksis / E.A. Korneeva, M.I. Ossovskaya, K.A. Guzeva. – M.: Soyuz, 1999. – 348 p. [in Russian]
7. Kverk R. Grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka dlya universitetov / R. Kverk, S. Grinbaum, Dzh. Lich et al. – M.: Vyssh. shkola, 1982. – 391 p. [in Russian]
8. Lakoff R. Ifs, ands and buts about conjunction. – Studies in Linguistic Semantics (Ed. by Ch. Filmore and D. Langendoen). / R. Lakoff – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – P. 134–140.
9. The Oxford English Dictionary. – Oxford, 1933.
10. Zhigadlo V.N. Sovremennyy anglijskij yazyk: Teoreticheskij kurs grammatiki / V.N. Zhigadlo, I.P. Ivanova, L.L. Iofik – M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1956. – 359 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.13>**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АФОРИСТИКИ**

Научная статья

Королькова А.В.^{1*}, Тишина А.Е.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1,2} Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

* Корреспондирующий автор (lika.korolkova[at]bk.ru)

Аннотация

В статье говорится о развитии в динамике теории афористики в соотношении с развитием теории фразеологии. Материалом для исследования стали афоризмы писателей XX века, зафиксированные в созданном нами в составе авторского коллектива «Словаре афоризмов русских писателей XVII – XX века» и «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка в 2-х томах» под редакцией А.Н. Тихонова.

Проведенный анализ базировался на фразеосемантическом анализе с использованием также описательно-аналитических методик фразеологической семантики.

Фразеологические единицы констатируют понятия, бытующие в современном языке, в лаконичной форме отражают понятийную сущность современного самосознания в обществе. Афоризмы же, являясь единицами более высокого уровня, суждениями, отражают концептуальную картину мира как отдельного автора афоризмов, так и в целом концептуальную картину мира всего народа. Изучая афористику в диахронии в рамках фразеологической системы языка, можно структурировать в динамике языковую и концептуальную картину мира этноса.

Ключевые слова: афоризм, афористика, фразеология, история афористики.

PHRASEOLOGICAL CONTEXT OF APHORISTICS

Research article

Korolkova A.V.^{1*}, Tishina A.E.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1,2} Smolensk State University, Smolensk, Russia

* Corresponding author (lika.korolkova[at]bk.ru)

Abstract

The article deals with the development of the theory of aphoristics in the dynamics in relation to the development of the theory of phraseology. Russian writers' aphorisms of the XXth century recorded in the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers of the XVIIth – XXth century created by us and in the Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 2 volumes edited by A. N. Tikhonov became the material for the study.

The analysis was based on phraseosemantic analysis using descriptive and analytical methods of phraseological semantics.

Phraseological units state the concepts that exist in the modern language, in a concise form they reflect the conceptual essence of modern self-consciousness in society. Aphorisms, being units of a higher level, judgments, reflect both the conceptual picture of the world of an individual author of aphorisms and the conceptual picture of the world of the whole nation. Studying aphoristics in diachrony within the framework of the phraseological system of the language, it is possible to structure the linguistic and conceptual picture of the world of an ethnic group in dynamics.

Keywords: aphorism, aphoristics, phraseology, history of aphoristics.

Introduction

The term "aphorism" was first used by Hippocrates in his work "On the treatment of diseases". Of course, the term had a completely different meaning than it does now. The aphorism then meant a medical prescription for the treatment of a particular disease and in this sense was known for a very long time. For example, Dante used it as a medical term in his *Divine Comedy*. Only by the XVI–XVII centuries the concept of aphorism acquires a political-moralistic and even philosophical character. More than 60 collections of moral sayings were published in French literature from 1550 to 1660. But the aphorism itself became a genre only under the pen of La Rochefoucauld, Pascal and La Bruyère.

In Western Europe, theoretical research in the field of aphoristics has been conducted for several centuries, a huge number of books have been published. Franz Mautner tried to generalize the whole mass of philological studies of aphoristics already in the XX century. He outlined his generalizing concept in a report at the IV Congress of the International Association of Writers in 1966 and offered the following explanation of the term: "an aphorism is a brief linguistic expression of an individual, outwardly isolated thought" [1, PP. 812-819].

In the German, Spanish and Italian philological traditions, the term aphorism exists as a common naming of a maxim, sentence, and even a fragment (in fact, a quote), in the French tradition the term aphorism is completely synonymous with the concept of maxim, in the English one – there are the terms aphorism and maxim in parallel.

In Russia, aphoristics, in fact, arose simultaneously with literature, as wise sayings have been known since the development of writing in Russia. In this case, we agree with the opinion on the synonymy of the concepts "aphorism" and "dictum", set out in the monograph *Aphoristics* by N.T. Fedorenko and L.I. Sokolskaya [10].

The first aphorisms are found in one of the most ancient Old Russian literary monuments *Izbornik* of 1076, then in Vladimir Monomakh's *Teaching to his children*, in Metropolitan Hilarion's *Word about the Law and Grace*, in the *Word about*

Igor's Regiment, in the *Prayer* by Daniel Zatochnik, in *Domostry*, etc. The interpretation of the term aphorism is found in the *First Russian Dictionary of the Russian Academy of Sciences* in 1789. One of the first books of aphorisms in Russian was the book *Aphorisms, or Selected Thoughts of Various Writers* (1816) by K. Smitten, later the collection *Historical Aphorisms* by M.P. Pogodin appeared (1827, 1836), etc.

In the XIX century, many different collections of aphorisms and books of aphorisms of individual authors appeared in Russia, but the topic was developed very poorly in the theoretical aspect. The only evidence of interest in this topic in the sense of philological research remains the interpretation of the term in various dictionaries. For example, in the *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* by V.I. Dal, the following definition is given: "an aphorism is a short and clear saying, a rule based on experience and reasoning; a fragmentary, but complete statement in itself" [4, P. 30].

In the dictionary of M.I. Mikhelson *Russian Thought and Speech. Your Own and Someone Else's. The Experience of Russian Phraseology. Collection of Figurative Words and Parables* the term aphorism is explained as follows: "short, separate sayings; fragmentary, without internal connection between themselves" [9, P. 34].

Methods and principles of research

Russian writers' aphorisms of the XX century, recorded in the *Dictionary of Aphorisms of Russian Writers of the XVII – XX Century* [7] and *Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 2 volumes* created by us as part of the group of authors [11], became the material for the study.

The research was based on phraseosemantic analysis using also descriptive and analytical methods of phraseological semantics.

Text of article

At the turn of the XX–XXI century, a number of very valuable theoretical works in the field of aphoristic research appear. However, they did not give a final answer to a very difficult question about the nature of an aphorism, about its signs, about methods of separating aphorisms from various texts, etc.

Of particular note is the work of the Belarusian researcher E.E. Ivanov *Belarusian Folklore and Literary Aphorisms as a Linguistic Phenomenon: Semantics, Structure, Functioning*, in which an attempt is made to systematically determine the main classes and types of aphorisms, to describe the semantic specifics of aphorisms [6].

Since an aphorism is a statement of a completely stable form, it has a direct relationship to phraseology in a broad sense. In this broad sense, phraseology includes not only phraseological units according to the classification of Academician V.V. Vinogradov (from the point of view of the stability/instability of the form – these are merges, combinations and unities), but also paroemias, some comparative turns, stable expressions of a nominative nature.

S.G. Gavrin in his work *Aphoristic Phraseology as a Linguistic Category* noted that "the relevant properties of aphorisms as phraseological units are reproducibility, stability and common usage". He called stable aphorisms (or phraseological units) "stable phrases with generalizing conclusions, i.e., such phraseological units that have cognitive value, instructive meaning due to the fact that they express life patterns in one form or another" [3, P. 49].

At one time, a lot was said about the sources of the emergence of phraseological units. Until recently, literary texts were considered the main source of phraseology. Thus, A.M. Babkin in the monograph *Russian Phraseology, its Development and Sources* directly states: "One of the sources of enrichment of national phraseology is the language of the writer" [2, P. 106]. The same can be said about aphorisms. Aphorisms are most often isolated from literary texts, so that the basis of their origin is also the language of the writer. At the present stage of the development of the language structure, the language of the writer has ceased to be a universal basis for the emergence of aphorisms and phraseological units. L.P. Dyadechko in the article *Teletext as a Source of Popular Expressions* points out that "texts of new forms of mass communication that successfully compete with print in the information space <...> can become a source of enrichment of Russian phraseology" [5, PP. 123–124].

In addition, an aphorism, as the group of authors quite rightly pointed out in the previously named monograph *Aphoristics*, is a judgment, whereas phraseological unit is a concept. But it is precisely this apparent contradiction that allows us to study aphorisms in the broad context of phraseology. Aphorisms are one of the foundations of the emergence and development of phraseological units. A concept (phraseological unit) is isolated from an imageless judgment (aphorism). In turn, an aphorism can be isolated from a literary text, since it has a semantic core in the form of a potential phraseological unit. This was written by L.I. Shvydkaya in her dissertation *Synonymy of Proverbs and Aphorisms in the English language*: "aphorisms are integral predicative generalizing phraseological units with a direct (imageless) expression of a general meaning" [12, P. 65].

Thus, an aphorism is the context of the future phraseological unit. In order for the phraseological unit to "grow" from an aphorism, it is necessary that a certain image develops. This happened, for example, with the well-known statements, catchphrases of Griboyedov "числом поболее, ценою подешевле" ("more in number, at a cheaper price"), Pushkin "дела давно минувших дней" ("the affairs of bygone days"), "не мудрствуя лукаво" ("without further ado, slyly"), Gogol "легкость в мыслях необыкновенная" ("the lightness in thoughts is extraordinary"), Chekhov "на деревню дедушке" ("to the grandfather's village"), Dostoevsky "административный восторг" ("administrative delight"), Koltsov "на заре туманной юности" ("at the dawn of misty youth"), our contemporary Chernomyrdin "хотели как лучше, получилось как всегда" ("they wanted the best, it turned out as always"), etc.

From the point of view of semantics, aphorisms and phraseological units even in the narrow sense of the term have a lot in common. Indeed, it can be argued that both are a reflection of the conceptual picture of the world of the Russian people. Aphorisms can be considered components of the conceptual information of the people, while expressing the life experience of the subject. They carry a generalizing idea as a result of the search for the regularity of a particular phenomenon.

To confirm this thesis, it is enough to simply compare semantic fields, as well as concepts formed by both aphorisms and phraseological units. They cover the most important mental and philosophical concepts for a modern person. At the same time,

one cannot agree with the statement of A.V. Kuznetsov that "the cognitive meaning of an aphorism is one of its main functions, rather than its essence as such. This function can be realized, but it can also remain only a potency" [8, P. 46-47].

For writers and poets of the XX century, such as F. Abramov, Ch. Aitmatov, V. Aksenov, S. Alexievich, B. Akhmadulina, G. Baklanov, A. Bek, I. Brodsky, A. Vampilov, V. Bykov, A. Voznesensky, V. Voinovich, A. Galich, R. Gamzatov, A. Kabakov, Yu. Kublanovsky, D. Likhachev, B. Mozhaev, V. Ovechkin, B. Okudzhava, Yu. Polyakov, V. Shukshin, I. Ehrenburg, etc. the key words, the specific semantic cores of aphorisms, are the following lexical units that make up the semantic fields: *time, war, peace, struggle, language, humanity (man, people), country, mind, conscience, freedom, Russia, motherland, people, thought, love, nature, truth, life, evil, death, fate, soul, friend*, etc.

The phraseological dictionary showed that phraseological units with the main word coinciding with the key words of aphorisms have not lost their relevance, they remain in the active vocabulary of the modern Russian literary language and are replenished with new phraseological formations.

Потому что душа существует в теле,

Жизнь будет лучше, чем мы хотели.

(Because the soul exists in the body,

Life will be better than we wanted) (I. Brodsky).

Correlative phraseological units: to spend your life, to live; life is boiling; all your life, etc.

Только свобода личности, не попирающая свободы других личностей, есть демократия. (Only the freedom of the individual, which does not trample on the freedoms of other individuals, is democracy) (E. Yevtushenko).

Correlative phraseological units: personal freedom.

Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой. Может быть, бороться с нуждой и крайней необходимостью гораздо легче, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе. Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать. (People have learned to use everything, but they have not learned to use freedom. Perhaps it is much easier to fight with need and extreme necessity than with freedom. In need, people become hardened and live the dream of freedom. But here freedom comes, and people do not know what to do with it) (M. Prishvin).

Correlative phraseological units: freedom of the individual; to give, to grant freedom to someone; freedom of creativity; freedom of assembly and meetings, etc.

Почему в нашей несчастной стране все, даже хорошее, приобретает карикатурный формы! И свобода, которая наконец пришла, какая-то у нас уродливая! (Why in our unhappy country everything, even good things, takes on a caricature form! And the freedom that has finally come is somehow ugly for us!) (E. Ryazanov).

Correlative phraseological units: civil liberties; individual freedom; political freedom, etc.

Results

Thus, it can be argued that aphoristics and phraseology are semantically close in the modern Russian language and have a general tendency to change over time, to correlate with the course of life.

In numerous theoretical works on Russian phraseology, both very remote times and modern ones, it has always been noted that phraseological units are an indicator of the formation of the self-consciousness of the people, reflecting the linguistic features characteristic of a particular society, allow identifying the dominant cultural development, etc.

Phraseological units state the concepts that exist in the modern language, in a concise form they reflect the conceptual essence of modern self-consciousness in society. Aphorisms, being units of a higher level, judgments, reflect both the conceptual picture of the world of an individual author of aphorisms, and as a whole the conceptual picture of the world of the entire nation.

We believe that it can be argued that aphoristics is an integral part of linguistics, or rather, phraseology with its broad interpretation (according to Academician V.V. Vinogradov). Only by studying aphoristics along with paroemias in the phraseological system of the language in its broad sense, it is possible to bring some clarity to the question of the essence and structure of aphorisms.

Conclusion

The conceptual picture of the world of a modern person is formed on the basis of a huge flow of information received from a variety of sources, and, above all, from the media, it is reflected in modern aphoristics and phraseology. Studying aphoristics in diachrony within the framework of the phraseological system of the language, it is possible to structure the linguistic and conceptual picture of the world of an ethnic group in dynamics.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Maunter, F.H. Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen / Maunter, F.H. The Hague, Paris, 1966 S. 812–819.
2. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / Бабкин, А.М. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970. – 261 с.
3. Гаврин, С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория / Гаврин, С.Г. // Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. Т.87. Вопросы теории и методики русского языка. Пермь, 1971 с. 3–23.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. / Владимир Даль. – 8-е изд. – Москва: Русский яз., 1981–1982.

5. Дядечко, Л.П. Телетексты как источник крылатых выражений / Дядечко, Л.П. // Фразеология и межкультурная коммуникация. Материалы Международной научной конференции: «Фразеология и миропонимание народа». Часть 2. Тула, Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2002. С. 123–124.
6. Иванов, Е.Е. Белорусские фольклорные и литературные афоризмы как лингвистический феномен: семантика, структура, функционирование [Электронный ресурс] / Иванов, Е.Е. // – URL: https://vak.gov.by/sites/default/files/2021-03/d_Ivanov.pdf (дата обращения: 23.07.2021)
7. Королькова, А.В. Словарь афоризмов русских писателей / Королькова, А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык Медиа, 2007. – 627 с.
8. Кузнецов, А.В. Афоризм и роман И. Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся». Дис. ... канд. филол. н. – Калининград, 2001. – 20 с.
9. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний / Михельсон, М.И. Т. 1. А–О. – СПб., Типография Императорской Академии наук, 1902. – 779 с.; Т. 2. П–У. – СПб., 1903. – 580 с.; 2-е изд. – 1912
10. Федоренко, Н.Т. Афористика / Федоренко, Н.Т., Сокольская Л.И. – М.: Наука, 1990. – 415 с.
11. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц в 2 т. / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. – Москва: Флинта Наука, 2004
12. Швыдкая, Л.И. Синонимия пословиц и афоризмов в английском языке: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (10.02.04) / Швыдкая, Л.И. // Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1973. – 20 с.
13. Этика: словарь афоризмов и изречений / Сост. В. Н. Назаров, Е. Д. Мелешко. – М.: АО "Аспект-пресс", 1995. – 335 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Maunter, F.H. Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen / Maunter, F.H. The Hague, Paris, 1966 S. 812–819.
2. Babkin, A.M. Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki [Russian Phraseology, its Development and Sources] / Babkin, A.M. – Leningrad: Nauka, Leningrad Publishing House, 1970 – 261 p. [in Russian]
3. Gavrin, S.G. Aforisticheskaya frazeologiya kak lingvisticheskaya kategoriya [Aphoristic Phraseology as a Linguistic Category] / Gavrin, S.G. // Scientific note of the Perm State Pedagogical Institute. Vol. 87. Questions of the theory and methodology of the Russian language. Perm, 1971 pp. 3–23. [in Russian]
4. Dal, V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4-h t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language in 4 volumes] / Vladimir Dal. – 8th ed. – Moscow: Russian Language, 1981–1982. [in Russian]
5. Dyadechko, L.P. Teleteksty kak istochnik krylatyh vyrazhenij [Teletexts as a Source of Proverbial Expressions] / Dyadechko, L.P. // Phraseology and intercultural communication. Materials of the International scientific conference: "Phraseology and worldview of the people". Part 2. Tula, Publishing House of L. N. Tolstoy TSPU, 2002. pp. 123–124. [in Russian]
6. Ivanov, E.E. Belorusskie fol'klornye i literaturnye aforizmy kak lingvisticheskij fenomen: semantika, struktura, funkcionirovanie [Belarusian Folklore and Literary Aphorisms as a Linguistic Phenomenon: Semantics, Structure, Functioning] [Electronic resource] / Ivanov, E.E. / – URL: https://vak.gov.by/sites/default/files/2021-03/d_Ivanov.pdf (accessed: 23.07.2021). [in Russian]
7. Korolkova, A.V. Slovar' aforizmov russkih pisatelej [Dictionary of Aphorisms of Russian Writers] / Korolkova, A.V., Lomov A.G., Tikhonov A.N. Edited by A. N. Tikhonov. M.: Russian Language Media, 2007 – 627 p. [in Russian]
8. Kuznetsov, A.V. Aforizm i roman I. Gete «Gody stranstvij Vil'gel'ma Mejstera, ili Otrekayushchiesya» [Goethe's Aphorism and Novel "The Years of Wilhelm Meister's Wanderings, or the Renouncers"] Dis. ... Candidate of Philology – Kaliningrad, 2001. – 20 p. [in Russian]
9. Mikhelson, M.I. Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazanij [Russian Thought and Speech. Your Own and Someone Else's. The Experience of Russian Phraseology: A Collection of Figurative Words and Allegories] / Mikhelson, M.I. Vol. 1. A–O – St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1902. – 779 p.; Vol. 2. P–Y. – St. Petersburg, 1903 – 580 p.; 2nd ed – 1912. [in Russian]
10. Fedorenko, N.T. Aforistika [Aphoristics] / Fedorenko, N.T., Sokolskaya L.I. – M.: Nauka, 1990 – 415 p. [in Russian]
11. Frazelogicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35000 frazeol. edinic v 2 t. [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language: more than 35,000 phraseols. units in 2 volumes] / comp.: A.V. Korolkova, A. G. Lomov, A. N. Tikhonov; edited by A. N. Tikhonov. – Moscow: Flint Science, 2004. [in Russian]
12. Shvydkaya, L.I. Sinonimiya poslovic i aforizmov v anglijskom yazyke [Synonymy of Proverbs and Aphorisms in the English Language] / Shvydkaya, L.I. // Abstract of dis. for the degree of Candidate of Philological Sciences. (10.02.04). Leningr. state Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. – Leningrad, 1973. – 20 p. [in Russian]
13. Etika: slovar' aforizmov i izrechenij [Ethics: a Dictionary of Aphorisms and Sayings] / V.N. Nazarov, E.D. Meleshko. – Moscow: JSC "Aspect-press", 1995 – 335 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.2>**ЯЗЫК СИМВОЛИКИ БОЛЕЗНИ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ**

Научная статья

Байдашева Э.М. *

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

* Корреспондирующий автор (bem27[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается язык символики болезни с компонентом цветообозначения.

Материалом исследования послужили русскоязычные медицинские словари разных лет выпуска.

В научном мире повышается интерес к исследованию цвета в самых различных аспектах науки. Актуальность исследования определяется интересом к проблематике, связанной с теоретическим и практическим изучением ассоциации человеком степени боли, болевых ощущений с компонентом цветообозначения. Выявлено, что в основе появления боли лежат различные повреждения в системе нашего организма. Проанализированы частоты предпочтения и отвержения цвета в зависимости от интенсивности болевых ощущений. Целью представленного исследования является язык символики болезни с цветовым компонентом в медицине, которые имеют разные ассоциации в медицинской терминологии.

Материалом для исследования являлись цветовые наименования симптомов, органов и их частей, включенные в медицинские энциклопедические словари и справочники. Выявлено, что у одного и того же концепта в разных культурах могут быть разные ассоциации боли с цветовым значением.

Язык символики боли дает определенный оценочный образ, что способствует эффективной передаче болевых синдромов с компонентом цветообозначения в медицине.

Ключевые слова: цвет, боль, восприятие, синдром, цветовое зрение, символ.

THE LANGUAGE OF THE DISEASE SYMBOLISM WITH THE COLOR TERM COMPONENT

Research article

Bajdasheva E.M. *

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

* Corresponding author (bem27[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the language of the symbolism of a disease with the color term component.

Russian-language medical dictionaries of different years of release serve as the primary material of the research.

There is an increasing interest in the study of color in various aspects of the scientific field. The relevance of the research is due to the interest in the problems related to the theoretical and practical study of a person's association of the degree of pain, pain sensations with the color term component. The study determines that the basis of the occurrence of pain is various damage in the system of our body, it features an analysis the frequencies of preference and rejection of color depending on the intensity of pain sensations. The purpose of the research is the language of the symbolism of the disease with a color component in medicine, which have different associations in medical terminology.

The material for the study was the color names of symptoms, organs and their elements included in medical encyclopedic dictionaries and reference books. The authors of the study find that the same concept in different cultures may have different associations of pain with its color value.

The language of pain symbolism provides a certain evaluative image, which contributes to the effective transmission of pain syndromes with a component of color designation in medicine.

Keywords: color, pain, perception, syndrome, color vision, symbol.

История восприятия цвета

Цвет является языком символов, ассоциации, вкуса, стиля, сравнения, который отражает окружающий мир через восприятие человека реалии жизни.

«Цвет был равноценен слову, а цветовой язык широко использовался в ритуальных обрядах, в быту и постепенно в ходе человеческой деятельности цвет становился знаком, приобретая символические, коммуникативные, различительные, выразительные функции [9], [10]».

Многие народы отождествляли цвет с наиболее ценными для них веществами и жизненно важными стихиями (*земля – черная, кровь – красная, огонь – яркий и желтый, молоко – белое и т.д.*).

Изучая «цветовую символику», В. У. Тернер (1972, 1978, 1983) обнаружил, что у примитивных племён Африки доминируют именно три цвета: *белый, красный и черный*. Например, «*белый цвет* для племен Африки является цветом добра, исцеления, чистоты, красный – цвет жизни, силы, энергии, чёрный – цвет зла, темноты, страдания, несчастья, болезни, смерти [9]».

В качестве ключевого доказательства можно привести высказывание Г. А. Адашинской о том, что «с развитием человеческой цивилизации у разных народов цветовые символы связаны уже с представлениями об устройстве космоса, мира богов и людей. Всё самое ценное и значимое, как правило, отмечалось каким-либо цветом [1]».

Дискуссионным продолжает оставаться в труде «Учение о цвете» И. В. Гёте вопрос о психофизиологическом воздействии цвета на человека, что «цвет – продукт света, вызывающий эмоции [4]».

По классификации И.В. Гете, «цвета делятся на возбуждающие (красный, желтый), оживляющие, бодрящие (синий, фиолетовый), а также цвета, которые способны вызвать печально-беспокойное настроение [4]».

В медицине также функционируют понятия, имеющие в своем составе компоненты с цветообозначением. Они также могут указывать на боль и отражать картину мира боли. Говоря о цвете в медицине, мы встречаемся с такими болезнями, в которых указывается цвет, например, *синяк – синий, кровь – красная, вены – синие*; метафоры и терминологически устойчивые выражения: *белая желчь, белый инфаркт, белая смерть, красная волчанка, желтая лихорадка и т.д.*

Согласно обзору Ф. Биррена, «цвет влияет на различные системы организма и связано с аурой больного и целителя. Лечение состояло в том, что врач сосредотачивал свое внимание на представлении определенного цвета, что должно было повлиять на цвет ауры и физическое состояние пациента. Например, темно-синий – успокоение, красный, желтый – укрепляющее и возбуждающее действие [1].

Еще интереснее звучит утверждение Бэби-Брук и Эмбера, что «лечение с помощью цвета, вероятно, было первым типом терапии, использованной человеком» [12].

На основе изучения некоторых врачей (XVII-XVIII вв.) установлено, что цвет влияет на организм и нервную систему человека: синяя сокращает артерии, вызывая повышение кровяного давления, «тонизируя кровь»; анестезирует и имеет хороший эффект при заболеваниях кожи. Зеленый снижает давление и действует успокаивающе и гипнотически на нервную систему.

Цвет заболевания

В настоящее время в лингвистике, в психологии и в медицине возрождается интерес к применению цвета в различных аспектах науки.

Любая боль в организме человека является сигналом и проблемой в организме. Любой человек переносит боль по-разному: одни долго страдают от боли, другие «ходят, как на работу, к врачам», третьи не обращают внимания и т.д.

Э.М.Байдашева рассматривает различные типы сходства цвета и болезни в медицинской терминологии, например,

- 1) сходство названия болезней: *бронзовый диабет – сахарный диабет*;
- 2) сходство клинических болезней: *синяя болезнь – синюха, белая асфиксия – синяя асфиксия*;
- 3) сходство цвета: *желтая лихорадка – желтая дистрофия печени; красная почка – красная печень* [3].

В медицине с древних времен и до настоящего времени нередко используются образные выражения, метафоры, мифологические и фольклорные имена. Метафоры и терминологически устойчивые выражения с компонентом цветообозначения обозначают различные болезни, симптомы, синдромы, которые встречаются в медицинской практике. Например, *бронзовая болезнь (син. Аддисонова болезнь)* – заболевание, обусловленное двухсторонним поражением преимущественно коркового вещества надпочечников;

бронзовая рожа – ланкартообразные пятна, наблюдающиеся в окружности раны, цвет которых и обусловил данное наименование анаэробной инфекции;

голубой невус – невус, получивший название из-за своего цвета – от сероватого голубого до аспидно-серого;

землистый колорит – серый оттенок кожи, наблюдаемый у детей при бактериальном (септическом) эндокардите, особенно при его медленном, затяжном характере;

белая желчь – вид желчи, как правило, светлая и прозрачна; отмечается при холере;

белый центр – вид кровоизлияний при анемической ретинопатии, в центре которых отмечается побледнение сетчатки вплоть до белого цвета;

красный инфаркт – инфаркт, при котором участок омертвения пропитан кровью, он темно-красный и хорошо отграничен. Встречается, как правило, в легких, редко – в кишечнике, селезенке, почках;

мраморные пятна – один из признаков отравления хлорированными углеводородами;

желтая лихорадка – острое инфекционное заболевание, передаваемое комарами и имеющие одним из клинических признаков желтуху;

черная рвота – кровавая рвота, цвет которой обусловлен свернувшейся в желудке кровью и т.д.

Ученые предполагают, что «в основе появления боли лежат повреждающие явления, затрагивающие различные системы нашего организма: причинами нейрогенных болевых синдромов является повреждение структур периферической или центральной нервной систем, участвующих в проведении болевых сигналов. Человек испытывает боль и обращается к врачу, но обследования не выявляют у него телесных болезней, зато нередко обнаруживается скрытая депрессия.

Например, при воспалении суставов и мышц (*красные звездочки*), боли у онкологических больных (*черный рак*), боли при поражении внутренних органов (*почернение печени или желтоватым оттенком печень/ цирроз печени*) и др.

Анализ показал, что у пациентов с разными болевыми синдромами были представлены следующие цвета: чёрный (27,9%), серый (22,1%), красный (18%), коричневый (14,9%), жёлтый (26,7%), фиолетовый (16,2%).

Таким образом, все болезни взаимосвязаны с цветом, каждая боль проявляется в цветовых предпочтениях, и каждый человек испытывает боль по-разному, и ассоциация цвета зависит от индивидуальных особенностей человека и от степени его болезни.

Иногда во время болезни человек длительно испытывает разнообразную по силе боль, это оказывает влияние (может только на период заболевания) на особенности его поведения.

В период болезни часто меняется настроение человека: более темные тона связаны с плохим настроением, слабостью, утомляемостью, более светлые тона проявляются в языке при выздоровлении человека, улучшением самочувствия.

Характерной иллюстрацией является выражение «Мне все фиолетово». Почему используют именно этот цвет, а не какой-то другой, к примеру: «Да мне оранжево/жёлто/зелено?» Фиолетовый цвет в химии – это нейтральный цвет, т. е. безразличный. Это обусловлено уровнем кислотности, определяющейся с помощью лакмусовой бумаги, которая становится красного цвета при опускании в кислую среду. Синий оттенок появляется при взаимодействии со щелочной средой. Если среда не кислая и не щелочная, т.е. нейтральная, то бумага остаётся фиолетового цвета. Отсюда и выражение – «да мне фиолетово», что значит «мне нейтрально», «мне безразлично».

Согласно С. И. Маджаевой и Э. М. Байдашевой, можно предположить, что «цвет играет важную роль при лечении и термины, имеющие в своем составе слово с колоронимом, указывают на определенный симптом, уточняя его [7]».

Созданные учеными новые лекарства помогают бороться с болезнями, когда-то считавшимися неизлечимыми; хирург вторгается в области, ранее для него недоступные. Но есть в медицине такая сложная и тонкая сфера, формирование которой зависит не от открытия новых лекарственных средств или способов хирургического вмешательства, а от душевных свойств человека. Это сфера отношений между врачом и больным. Известно, что больной не всегда ставит профессиональные привычки врача на первое место, а нередко отдает предпочтение способности специалиста-медика сопереживать. Анализ эффективности коммуникативных моделей взаимоотношения врача и пациента, изучение специфики языкового воплощения их когнитивных и речевых стратегий как никогда актуален на современном этапе.

Таким образом, ассоциация цвета зависит от самого больного, который отражает свое внутреннее состояние в силу своего характера, отношения к своей болезни.

Заключение

Изучение проблемы выражения болезни с помощью терминов с колоронимами крайне значимо, поскольку многие виды болезней сопровождаются болью, при этом пациент должен уметь показать интенсивность боли.

Специфика цветового окрашивания болезни заключается в том, что человеческая боль изначально воспринимается световым зрением, затем переносится на ассоциацию человеком болезни и обозначается цветовыми символами.

Цвет болезни разнообразен и уникален у каждого пациента и лечащего его специалиста-медика. Пациент видит и ассоциирует цвет со своей точки зрения, а лечащий врач способствует тому, видит цвета в положительном ракурсе для скорейшего выздоровления пациента.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Адашинская Г.А. Цветовой выбор – как метод оценки боли у пациентов с различными формами болевого синдрома: Автореф. дисс. канд. психол. н. М., 2003. – 24 с.
2. Адашинская Г.А. Боль и цвет / Адашинская Г.А., Ениколопов С.Н., Мейзеров Е.Е. // Психологический журнал. – 2005. Т. 26, №3. – С.74 – 80.
3. Байдашева Э.М. Метафоры и терминологически устойчивые выражения с колоронимами в медицинской терминологии / Байдашева Э.М. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. – №1 (81) 2021. – С.50–57.
4. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию / Гете И.В. М., 1957. – С. 300–340.
5. Соколов Е.Н. Цветовое зрение / Соколов Е.Н., Измайлов Ч.А. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 175 с.
6. Крыжановский Г.Н. Центральные механизмы патологической боли / Крыжановский Г.Н. // Журн. неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. – 1999. Т.99, №12. – С.4–7.
7. Кукушкин М.Л. Механизмы возникновения острой боли и хронических болевых синдромов / Кукушкин М.Л., Решетняк В.К. // Materia-Medica. 1997. – № 3 (15) С.5–21.
8. Маджаева С.И. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины / Маджаева С.И., Байдашева Э.М. // Научные ведомости БелГУ. Белгород: Серия: Гуманитарные науки. – 2019. Том 38, №2. – С.219–226.
9. Тернер В. Цветовая классификация в ритуалах Ндембу: Проблема невербальной классификации / Тернер В. // Символ и ритуал. – М.:Наука, 1983. – С71–103.
10. Яньшин, П.В. Психосемантика цвета : учебное пособие для вузов / Яньшин, П.В. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 419 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-13001-0. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/468252> (дата обращения: 27.09.2021).
11. Birren F. Color psychology and color therapy: A faculty study of the influence of color on human life / Birren F. N.Y., cop. 1961. – 302 p.
12. Babey-Brooke A.M. Color Therapy / Babey-Brooke A.M., Amber R.B. // Santa Barbara Press, Inc. N.Y., 1979. – 120 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Adashinskaya G. A. Cvetovoj vybor – kak metod ocenki boli u pacientov s razlichnymi formami bolevogo sindroma: Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. [Color choice-as a method of pain assessment in patients with various forms of pain syndrome: Autoref. diss.cand. psihol. nauk.] M., 2003. – 24p. [in Russian]
2. Adashinskaya G. A. Bol' icvet [Pain and color] / Adashinskaya G. A., Enikolopov S. N., Meizerov E. E. // Psychological Journal. – 2005. Vol. 26, no. 3. – P. 74–80. [in Russian]
3. Baydasheva E. M. Metaforiy terminologicheski ustojchivye vyrazheniya s koloronimami v medicinskoj terminologii [Metaphors and terminologically stable expressions with coloronyms in medical terminology] / Baydasheva E. M. // Bulletin

- of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Vestnik of North-Eastern Federal University. No. 1 (81) 2021. – P. 50–57. [in Russian]
4. Goethe I. V. K ucheniyu o cvete [To the doctrine of color] / Goethe I. V. Selected works on natural science. M., 1957. P. 300–340 [in Russian]
 5. Sokolov E. N. Tsvetovoezrenie. [Color vision] / Sokolov E. N., Izmailov Ch. A. – M.: Izd-vo – Mosc. un., 1984. – 175 p. [in Russian]
 6. Kryzhanovsky G. N. Central'nye mekhanizmy patologicheskoy boli [Central mechanisms of pathological pain] / Kryzhanovsky G. N. // Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov. – 1999. T. 99, No. 12. – P. 4– 7. [in Russian]
 7. Kukushkin M. L. Mechanisms of occurrence of acute pain and chronic pain syndromes / Kukushkin M. L., Reshetnyak V. K. // Materia-Medica. – 1997. – No. 3 (15) – P. 5–21. [in Russian]
 8. Madzhaeva S. I. Terminy s komponentom cvetooboznacheniya v yazyke mediciny [Terms with a component of color designation in the language of medicine] / Madzhaeva S. I., Baydasheva E. M. // BelSU Scientific Bulletin. Belgorod: Series: Humanities. – 2019. Volume 38, No. 2. – P. 219–226. [in Russian]
 9. Turner V. Cvetovaya klassifikaciya v ritualah Ndembu: Problema neverbal'noj klassifikacii [Color classification in Ndembu rituals: The problem of nonverbal classification] / Turner V. // Symbol and ritual. Moscow: Nauka, 1983. – P. 71–103. [in Russian]
 10. Yanshin, P. V. Psihosemantika cveta [Psychosemantics of color : a textbook for universities] / Yanshin, P. V. 2nd ed., reprint. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. – 419 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-13001-0. Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/468252> (accessed: 27.09.2021). [in Russian]
 11. Birren F. Color psychology and color therapy: A faculty study of the influence of color on human life / Birren F. N.Y., cop. 1961. – 302 p.
 12. Babey-Brooke A.M. Color Therapy / Babey-Brooke A.M., Amber R.B. // Santa Barbara Press, Inc. N.Y., 1979. – 120 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.5>**ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ЛЕПИДОПТЕРОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Научная статья

Яковлева С.Л. *

ORCID: 0000-0001-5166-0699,

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (interpretator[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются принципы номинации наименований лепидоптеронимов с прозрачной внутренней формой в английском языке. На материале 102 лексических единиц были выделены два типа номинации: эндоцентрический и экзоцентрический (согласно классификации О.П. Рябко). Мотивационными признаками номинации эндоцентрического типа являются внешний вид бабочки, ее размер, форма, цвет тела или крыльев, а также место обитания бабочки. Для экзоцентрического типа мотивации характерны использование имен собственных, имен мифологических персонажей и название отдельных частей растений. Результат исследования показал, что наиболее распространенным типом является эндономинация (63,9 %).

Ключевые слова: лепидоптеронимы, принципы номинации, эндоцентрический тип, экзоцентрический тип, лексико-семантическое поле, мотивационный признак.

PRINCIPLES FOR THE NOMINATION OF LEPIDOPTERONYMS IN ENGLISH

Research article

Yakovleva S.L. *

ORCID: 0000-0001-5166-0699,

Timiryasov Kazan Innovative University, Kazan, Russia

* Corresponding author (interpretator[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses both direct and indirect principles for the nomination of lepidopteronyms in English. As a result of the analysis, 102 lepidopteronyms with a transparent inner form of the word, based on different motivational indicators of the endocentric and exocentric types (according to the classification by O.P. Ryabko), were identified. Among the modification lexemes of lepidoptera macro-field the centre is taken by proper names and by the names of mythological characters as a component of lexical units. At the periphery, nuclear composites have been distinguished: lexical units representing the names of plants. In endocentric type of nomination, the most common motivational indicator of a lepidopteronym is the appearance of the butterfly: its size, shape and colour of its body or wings. The reference region is also represented by the butterfly's habitat.

Keywords: lepidopteronym, principles of nomination, endocentric type, exocentric type, lexico-semantic field, motivational indicator.

Introduction

A logically viewed lineage chain gives an idea of the place, where a lexico-semantic group takes place in the linguistic picture of the world. In its pure form the chain can be represented in the following way: material world → organic world → animal world → animal species → insects' names. Butterflies belong to the lepidoptera, a group of insects with complete transformation: egg, larva, doll and imago. The name derives from Latin *Lepidoptera*, ancient Greek: *λεπίς*, genus.p. *λεπίδος* (*lepidos*) – *Scales* and *πτερόν* (*pterón*) – *Wing*. Their wings are coated with various coloured scales and range from 2 mm to 30 cm. The butterfly's life is short: they live from a few hours to a few days, but winter butterflies can live for a few months. Many butterflies contribute to plant pollination by producing natural silk from silk cocoons. However, caterpillars – larvae of butterflies do a great deal of damage to agriculture and forestry.

Beginning with the ancient Greek and ancient Roman times, the image of the butterfly has been rather popular and inspiring for a great number of European painters and researchers. The study of lepidopteronyms may serve as a good example for interdisciplinary approach involving biology, history, mythology, paraemiology, world art culture and foreign languages. The image of the butterfly finds a rather contradictory embodiment in the mythology of different peoples. Ancient Romans believed that the wind blows off the leaves of flowers, and they turn into butterflies. In the myths of ancient Greece, they symbolize love and immortality. The soul in the beliefs of different peoples has wings and it is represented as a butterfly due to its lightness and ease. Along with the idea of the butterfly as a soul that has left (or leaving) the human body, there was an understanding of the demonic nature of these creatures: they could turn into witches and monsters and cause disease or death. The butterfly is the epitome of the divine cycle of death and resurrection. In her life cycle, there is an allegory for the Christian dogma of saving the soul. The caterpillars, evolved from the egg, embody people condemned to live in filth and misery; then they are trapped in a cocoon and later fly out of it – free, light and beautiful.

Our previous research showed that the representation of butterflies in mythology and painting has opposite features. In the beliefs of many peoples, the soul of a human being is a butterfly, freed for eternal life, but at the same time it can be the focus of the evil that kills a human being. In the canvases we have seen, the butterfly is always a symbol of rebirth, of new life, of liberation. It is a new beginning, a new circle of development.

The objective of the research

The objective of the research is to characterize direct and indirect principles for the nomination of lepidopteronyms with a transparent inner form in English and Russian, to analyze motivational indicators of endocentric and exocentric types of nomination.

Materials and Methods

The «Dictionary of Names of European Animals in Seven Languages» by L. Gozmani [1] and «The Dictionary of Animal Names: Insects» by B.R. Striganova and A.A. Zakharov [6] were used to find names of butterflies in the two languages. The dictionary by L. Gozmani consists of two volumes containing more than 12,000 dictionary articles. It includes about 150,000 animal names inhabiting the zoogeographical area of Europe. If the reader knows one of the zoological taxon names in one of the languages used in the dictionary, they can find the name in the appropriate index, from where the sequence number is referred to the scientific Latin name. All the headings are in Latin, in the alphabetical order, followed by their equivalents in German, English, French, Hungarian, Spanish and Russian. Thus, in order to realize the objective of the present study, a list of the names of lepidoptera was drawn up on the basis of the data of the two dictionaries, with a transparent inner form in English and Russian.

In the research, the following research methods have been used: a continuous sampling method, registration and processing of the obtained data, observation, and analysis of motivational indicators in endocentric and exocentric types of nomination.

Results and discussion

Metaphorical transfer of lepidopteronyms in English

The outline of the terms can be presented as follows: Scientific reasoning – Type of scientific reasoning – Terms resulting from semantic transfer – A typology of regular semantic transfers. The last link in the chain can be seen as a specific national feature, being a direct reflection of the metaphorical nature of a given national linguistic consciousness. E.S. Kubryakova indicates that there are direct and indirect ways of nomination [4]. It should be noted that the inner form of a word cannot reflect all its properties. The nomination shall be based on any bright, prominent or secondary feature. G.N. Yagfarova emphasizes that the nominating principles are onomasiological models that generalize the most characteristic features of nominating objects in the surrounding world [7, P.174]. The reasons for this are varied. O.P. Ryabko distinguishes two nominating principles: the first one is based on the logical correspondence between the determining component and the component being determined – which the researcher calls a direct nomination, and the second one – the principle of association, which is called an indirect nomination [5, P. 47]. At the same time we stress that indirect/indirect nomination is based on the metaphorical perception of reality, which according to G.N. Yagfarova, reflects the real interaction between phenomena and objects in the surrounding world [7, P. 174]. L.V. Grichenko considers that indirect nominations are the linguistic embodiment of cultural codes [3, P. 58]. The analysis of the plane of content in the nomination of lepidopteronyms in English and Russian allows highlighting their universal and specific features.

The class of butterflies is divided into groups, which are further divided into one or more families. Each family can generally consist of several genera and species. N.D. Golev indicates that the following types can be distinguished in the content of the motivational features in each thematic group of names: A – insects' names based on their appearance: A1 – by colour, A2 – by shape, A3 – by size; B – by lifestyle: B1 – by biotype, B2 – by distribution, B3 – by time of occurrence, etc. [2]. In the case of lepidopteronyms, another indicator should be added: the insect's diet. These most general types, which we call the categories of nomination, point to those aspects of the realities that constitute the content of the motivational attributes. The categories of nomination are specified in the nominating principles, which directly indicate the quality of the motivational indicator: B1 – by place, B2 – by time, B3 – by action. The categories and principles of the nomination are combined in the motifs for the nomination: in terms of the time of activity, etc.

Let us consider the most common motivational features of a given lexico-semantic field.

Motivational indicator – the butterfly's habitat

Among the modifying lexemes of the lepidoptera macro field the following lexemes nominating the butterfly's habitat have been found: *the European beak* – носатка листовидная; *African queen* or *African monarch* – данаида хризипп; *the European peacock* – павлиний глаз; *The Scotch argus* – чернушка эфиопка; *the white-veined Arctic* – бархатница северная; *the Jutta Arctic or Baltic grayling* – бархатница ютта или энеида болотная; *the Norse grayling* – бархатница норна; *American copper* – червонец пятнистый или многоглазка пятнистая; *the woodland ringlet* – чернушка медуза. A total of 24 lexical units have been identified in the English language, corresponding to the category under consideration. The above examples show that in the English language this group contains such modifying lexemes as: *European, African, Balkan, Siberian, Scottish, Arctic, Yuttan, Norwegian, American, woodland*. In Russian other characteristic features form the basis for nomination with the exception of *Arctic* corresponding to *Northern*.

Motivational indicator – appearance of the butterfly

In the following group of lepidopteronyms, the nomination content is transmitted by using a description of the butterflies, their colour, size and shape: *the black-veined white* – боярышница; *the dragon swallowtail* – серицин монтела; *the green-veined white* – брюквенница; *the common beak* – носатка лепита; *the purple emperor* – переливница ивовая; *the red admiral* – адмирал; *the painted lady* – репейница; *violet fritillary* – перламутровка малая; *the two-tailed pasha* – двухвостая нимфалида; *the marbled white* – пестроглазка галатея; *branded meadowbrown* – бархатница волчья; *the dusky meadow brown* – бархатница ликаон; *the great banded grayling* – бархатница

цирцея; *the orange hairstreak* – зефир Джонаса; *the black hairstreak* – хвостатка сливовая; *the sooty copper* – червонец чёрнопятнистый; *the large copper* – червонец непарный; *the lesser fiery copper* – червонец блестящий; *the holly blue* – голубянка весенняя; *the large jewel blue* – голубянка Лёва. A total of 49 lexical units belonging to this group have been identified. In the English language, the vocabulary representing colour, size and shape are: *double-tailed*, *copper*, *small*, *large*, *blue*, *purple*, *white*, *black*, and *green*. Different types of the butterfly's structure are described in the lexico-semantic field of the species indicating the shape of lepidopteronyms. For example, the composite *two-tailed* shows that butterflies have bifurcated tails on their wings; the composite *large* indicates that butterflies are large or have large wings. The name *dragon swallowtail* refers to a butterfly having wings with tails. The rest of the lexical units representing different colours are widely used in English as opposed to Russian which uses them less.

Motivational indicator – the butterfly's proper name

Human names including the names of ancient mythologists may be the reference components of the lepidopteronyms: *The Apollo* – Аполлон; *The clouded Apollo* – мнемозина; *Mimathyma schrenckii* – переливница Шренка; *Limnitis doerriesi* – ленточник Дёрриса; *the Pallas' sailer* – пеструшка темнокрылая; *Vanessa atalanta* – Адмирал; *Euphydryas iduna* – шашечница Идуна; *Argynnis Pandora* – перламутровка Пандора; *Boloria oscarus* – перламутровка оскар; *the Thor's fritillary* – перламутровка Тора; *Boloria tritonia* – перламутровка тритония; *Erebia cyclopius* – чернушка циклоп; *Fischer's blue* – голубянка Фишера; *Ripart's anomalous blue* – голубянка Рипперта. In this group of 26 names, the nomination is based mainly on various known mythological characters, as well as scholars who discovered or described the species. For example, *Apollo* – the deity of beauty and light (light, beautiful butterfly); *Iduna* – a goddess, possessor of apples of youth (in Russian, this butterfly has an additional shade to the name as a pattern in the form of checkers appears on its wings); *Pandora* – an «endowed with all gifts» woman (this species' wings have an iridescent colour as well as a bright pattern); *Thor* – the god of thunder, storm and fertility, protecting gods and people from giants and monsters (the butterfly has a peculiar harsh coloration describing this God as he might be). A separate group of lepidopteronyms can be distinguished, named after well-known scientists such as: Schrank (a German botanist and zoologist of the 18th-19th centuries); Fischer (a Russian naturalist of the 18th-19th centuries, the author of works on entomology and zoology); Ripart (20th century) and some others. All lepidopteronyms received this nomination thanks to scientists who discovered or researched these species.

Other motivational indicators

At the periphery of the lexico-semantic field in question there are the lexemes that indicate plants and berries: *the chestnut tiger* – caterpillars of the butterfly live on chestnut leaves; *the cranberry fritillary* – cranberry leaves are in the diet of caterpillars; *the pea blue* – this type of caterpillar feeds exclusively on bean cultures.

Conclusion

As a result of our research, we have identified 102 species of lepidopteronyms with a transparent inner form of the word in English. The most common motivational indicator of a lepidoteronym in endocentric type of nomination is the appearance of the butterfly: its size, shape and colour of its body or wings. The second is habitat motivation. The third place belongs to the exocentric type of nomination based on proper names and mythological characters, which was due to the established classical tradition.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гозмани Л. Словарь названий европейских животных на семи языках: в 2 т. / Гозмани Л. – Будапешт: Академия наук, 1979.
2. Голев Н. Д. О принципах номинации и методах исследования / Голев Н. Д. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z66.html> (дата обращения: 10.03.2021).
3. Гриченко Л. В. Ценностная картина мира в единицах паремического дискурса / Гриченко Л. В. // Вестник Пятигорского государственного университета. № 2. – 2020. – С. 56-59.
4. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Кубрякова Е. С. – М., 1986. 217 с.
5. Рябко О. П. Содержательно-ориентированные формы номинации / Рябко О. П. // Вестник Пятигорского государственного университета. № 2. – 2020. – С. 47-49.
6. Стриганова Б. Р. Пятиязычный словарь названий животных: Насекомые (латинский – русский – английский – немецкий – французский) / Стриганова Б. Р., Захаров А. А. Под ред. д-ра биол. наук, проф. Б. Р. Стригановой. — М.: РУССО, 2000. – 560 с.
7. Ягфарова Г. Н. Основные ономастические понятия / Ягфарова Г. Н. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194) // Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 172-177.

Список литературы на английском / References in English

1. Gozmani L. Slovar nazvanij evropejskih zhivotnyh na semi yazykah: v 2 t. [Dictionary of European animal names in seven languages: in 2 vol.] / Gozmani L. – Budapest: Academy of Sciences, 1979. [in Russian]
2. Golev N. D. O principah nominacii i metodah issledovaniya [On the principles of nomination and research methods] / Golev N. D. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z66.html> (accessed: 10.03.2021). [in Russian]
3. Grichenko L. V. Cennostnaya kartina mira v edinicah paremicheskogo diskursa [World value in units of

paraemiological discourse] / Grichenko L. V. // Vestnik of Pyatigorsk State University. – No. 2. – 2020. – Pp. 56 - 59. [in Russian]

4. Kubryakova E. S. Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti [Nominative aspect of speech activity] / Kubryakova E. S. – M., 1986. – 217 p. [in Russian]

5. Ryabko O. P. Soderzhatel'no-orientirovannye formy nominacii [Substantive-oriented nomination forms] / Ryabko O. P. // Vestnik of Pyatigorsk State University. No. 2. – 2020. – Pp. 47-49. [in Russian]

6. Striganova B. R. Pyatiyazychnyj slovar' nazvanij zhivotnyh: Nasekomye (latinskij – russkij – anglijskij – nemeckij – francuzskij) [Five-lingual animal names dictionary: Insects (Latin – Russian – English – German – French)] / Striganova B. R., Zakharov A. A. Ed. by Dr. Biol, Prof. B. R. Striganova. – M.: RUSSO, 2000. – 560 p. [in Russian]

7. Yagfarova G. N. Osnovnye onomaseologicheskie ponyatiya [Basic onomaseological concepts] / Yagfarova G. N. // Vestnik of Chelyabinsk State University. – 2010. – No. 13 (194) // Philology. Art Studies. Issue No. 43. Pp. 172-177. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.6>**К ВОПРОСУ О СУГГЕСТИВНОСТИ ТРАНСПОРТНЫХ НОМИНАЦИЙ**

Научная статья

Исакова А.А. *

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

* Корреспондирующий автор (isakovaaa[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена транспортным товарным маркам и брендам. Цель нашего исследования – попытаться объективно оценить поле транспортных брендов и его эффективность в рекламном слогане. Экспериментальное исследование восприятия названий транспортных средств показало, что разная номинация воспринимается и запоминается по-разному. Большое значение в рекламе имеет язык визуальных образов. Он воспринимается быстрее и легче, т.к. более точен по сравнению с вербальным языком, который состоит из ряда сложных линий в виде букв.

Определенную роль играют логотип, символика и рекламный слоган транспортной торговой марки. Полученные нами данные показали, что семантическое восприятие иноязычного транспортного бренда представляет собой проблему общего понимания и ориентации в соответствии с целью или основным мотивом получаемого сообщения. Мы считаем, что изучение слогана как средства «перевода» транспортной торговой марки является в настоящее время очень актуальным. Актуальность определена наличием огромного числа транспортных номинаций как русского, так и иностранного происхождения, исследование эволюции и функционирования данной группы лексики представляет интерес для изучения становления и развития лексико-семантической системы языка. Анализ определенных микро и макросхем лексики остается актуальной в языкознании и сегодня, поскольку сложные процессы формирования семантической группы и различных полей еще недостаточно освещены.

В статье проанализирован ряд эффективных способов для создания суггестивных слоганов транспортных номинаций.

Ключевые слова: транспортные бренды, транспортные номинации, специфика семантики, адаптация, заимствования, лингвокультурологический аспект.

QUESTION OF TRANSPORT NOMINATION SUGGESTIVITY

Research article

Isakova A.A. *

Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

* Corresponding author (isakovaaa[at]yandex.ru)

Abstract

The article is devoted to transport brands and transport trademarks. The purpose of our research is to try to objectively assess the transport brand field and the effectiveness of transport advertising slogan. The experimental study has shown that different transport nominations are perceived and remembered in different ways.

The language of visual images plays an especially important role in advertising. The visual language is perceived faster and easier because it is more accurate than verbal language which consists of complex letter lines. The transport logo, symbols and advertising slogans play a certain role. Our findings have shown that the semantic perception of a foreign-language transport brand is a problem of common understanding and orientation in accordance with the purpose or main motive of the received message. The transport slogan study is very relevant because a slogan as a mean of transport brand "transferring". Relevance is determined by the presence of a huge number of transport nominations in Russian and foreign languages. A well-crafted slogan remains in the person memory and helps especially foreign-language transport trademarks to adapt in speech.

The article analyzes effective ways of suggestive slogan creation.

Keywords: transport brands, transport nominations, specifics of semantics, adaptation, advertising slogans of vehicles and services, borrowing, linguoculturological aspect.

Introduction

The most important and characteristic features of any language vocabulary composition are mobility, variability, using of various means and resources, and desire for improvement and development.

Great importance is attached to the problems of creating trademarks by foreign researchers. They say that an unsuccessful name can lead to market failure, and successful name can bring millions [1]. The trademark is the core of any advertising text, it is designed » to conquer, » to seduce, to charm» [2].

Multiple brand repetition promotes its memorization [3]. The brand becomes a signal of verbal and non-verbal original units in the mind of the addressee. The original, sonorous, and memorable tradename becomes an integral part of effective sale advertising in the context of fierce competition. The scientific naming approach requires knowledge, understanding of the customer consciousness [4].

The principle of consciousness understanding was developed in the works of A. Leontiev. He writes that the characteristic of activity is its objectivity. Activity is controlled by the image of the mental subject reflection. The image is subjectively determined. It depends on needs, motives, attitudes, emotions: the image formation and development is carried out through the most important mental processes. Feeling, perception, memory, imagination and thinking realize consciousness of the world meaningful reflection of [5]. G. Hegel says that consciousness is knowledge of the external and internal object content, and the

direct existence of the mind [6. P. 7]. E. Tarasov notes the social nature of the consciousness formation with language signs. [7, P. 9].

The key concept of any categorical paradigm is a research object of real / unreal reality and cognitive activity. The object of onomastic research is both original and borrowed lexical units. All nominations are firmly included in the daily life of our society.

The theory of nomination is one of the emerging and developing theories in modern linguistics. Four types of nominations are distinguished:

1. Normal or natural nominations. These nominations are formed naturally and correspond to the norms.
2. Nominations of standardization. These are nominations based on metaphor, metonymy, etc.
3. Nominations of target nominations. These are artificial nominations.
4. "Pathological" nomination. They represent the norm deviation and the influence of extralinguistic factors.

The name has long been studied at the level of paradigmatic relations. The term "nomination" is high frequently used in modern linguistic literature, and its content remains ambiguous. The nomination means both the creating, fixing, distributing process of the name in different fragments of reality, and the significant language unit formed during the naming process.

The cognitive linguistics relies on the theory of nomination, according to which the naming process establishes the connection of language elements with the facts of real reality. These concepts are associated with a specific category, combining names into certain classes and categories. Thus, you can create an unlimited number of nominative units.

Nominative units of the language are diverse both in the semantic content and in the structure.

Analysis of the onomastic space allows us to single out a subgroup of transport names. It should be noted that this peripheral category of onymic vocabulary is not previously represented in the research field of onomastics. The corpus limitation of factual transport material is due to economic factors and the growth of globalization processes. Transport nominations have adopted in the life of modern society.

The **relevance** of the following research is defended the increased interest in transport nomination processes and their modeling abilities.

Methodology

The methodological basis of the work is fundamental philosophical concept research of the relationship between language and culture, works about onomastics and cognitive linguistics, communicative aspects of human interaction in transport environment. Research methods are 1) a descriptive method, 2) a comparative analysis, 3) a method of cultural background interpretation; 4) an associative analysis method.

Results

Nomenclature names are a pronounced "borderline" group of nominative vocabulary. Names combine the qualities of both proper names and appellatives. The nominative vocabulary is influenced by extralinguistic factors, especially purposeful human activity, and it accordingly provides the most obvious results of this activity. The replenishment of new transport proper names and new classes of onyms takes place in modern society. In addition, a number of nomenclature designations is a result of artificial nominations. The road & transport nomenclature can be considered a kind of some author's system with specific individual features.

All road-transport nominations can be roughly divided into two groups. The first group of name creation is most suitable for individualization of a given object in a series of homogeneous ones requiring a minimum of nominative efforts (KAMAZ, BMW, etc.). The second group is an unconventional, original form of naming requiring both conscious nominative efforts on the part of the subject (Volkswagen, Audi, etc.).

As a rule, the transport nomination adheres the following advisory principles proposed by onomastics:

- the nomination must perform an advertising function and appeal to the consciousness of the person according to attracting attention and arousing interest in transport brands or services (Auris, KAMAZ NEO, DreamGaz, Sold, Ditch Witch),
- nomination should be easily remembered and reproduced in speech (Kalina, Priora, Lexus, Autograd).

Modern transport modifications often contain many new foreign-language words. The replenishment of Russian vocabulary is intensive by including of new foreign transport brands in the condition of constantly developing international contacts in the transport and road business. The analysis of this lexical category is interesting in the linguoculturological aspect. The semantic structure of linguoculturems turns out to be more complex than the actual linguistic units [8]. A cultural and conceptual component is added to the usual components (sign-meaning). Linguoculturems have a number of features:

- they express the name of the field,
- they have a certain structure,
- they are combined and differentiated by the nature of the sources.

During the language complex study, the field method has certainly got great importance in the extralinguistic aspect of functioning and description. Responding to the systemology urgent problems, the "field" concept has been applied to synchronize linguistic interpretation of "the world pictures" in the designation theory. It is a kind of reaction to the atomic consideration of the substantive language units' side in various languages.

The "field" concept has been supported in the general language system concept. In principle, such field should represent a complex multidimensional structure, because its reflected elements have not only a linguistic, but also a kind of extra-linguistic dimension.

All elements (illustration, headings, text, logo, layout of elements, common image) closely interact in the creation and market adaptation of the transport brand.

The transport names influence potential buyers, and the overall effect is determined by a predefined associative field within the framework of this single combination and internal connection: "Toyota – Drive Your Dreams (Manage the Dream)," Renault – Passion for life (Energy of life) "

Semantic field theory largely predicts the structure of the associative field. A feature of the associative field, its elements, its nature of the main semiotic properties is a more complex nature, multidimensional phenomenon compared to the usual semantic field.

Therefore, two aspects of its units can be distinguished in the linguoculturological transport brand field, such as linguistic and reference ones. This fact is especially important, since one of the most important tasks is to ensure memorization. The perception and processing of any information are influenced by many factors. The main ones are cognitive, emotional, behavioral [9].

The cognitive component is associated with the perception of a person's transport brand nomination. So, the cognitive component study involves the analysis of an information processing processes, namely: feeling, perception, memory, representation.

The experimental study of the vehicle names perception has showed that different nominations are perceived and remembered differently [10]. The language of visual images has got great importance in advertising. It is perceived faster and easier because it is more accurate compared to verbal language. Verbal language consists of complex letter forms. A certain role is played by the logo, symbols and advertising slogan of the brand. We have interviewed 128 respondents. The audience was invited to write the first word that comes to mind when thinking about transport brands. Analysis of the research results has showed that the process and mechanism of perception is almost the same and occurs automatically in all respondents. In this regard, we define some principles of a positive perception of the transport brands and the accompanying memorized advertising slogan, such as:

- a) a principle of integrity,
- b) a principle of inform completeness,
- c) a principle of brevity,
- d) a principle of clarity and clarity.

However, the results have showed that the third part of transport trademarks is only remembered by people. At the same time, a brand is better remembered with a slogan.

The advertising slogan remains in memory and gives an idea of the trademark and the brand. Moreover, nobody pays attention to the translation of the foreign transport name in the slogan, the word is not translated, but it is rather associated with a particular model.

For example:

Oldsmobile. The entire audience knows the translation of this word ("Oldsmobile" means an old car), but no respondent notes this information. Everybody recognizes a famous brand because they know advertising slogan "Innovations on the Edge of the Fall. Oldsmobile." or "This is not your father's Oldsmobile! Start something!"

In this regard, we believe that a transport slogan is a means of transport brand "transferring". So, the slogan research is currently very relevant. The well-created slogan remains in the people memory, and it helps transport trademarks to adapt in speech, especially foreign-language trademarks. First of all, it is necessary to highlight several functions of transport slogans, such as:

- ensuring of the recognition effect,
- brand adaptation function,
- suggestive function.

We are certainly interested in the last function of transport slogan. The first two functions are already enclosed in the content of the slogan itself, the suggestive function is "created." We can say that there are only slogans in transport advertising message and suggestive slogans. The advantage of suggestive slogans is obvious.

A transport slogan is a cliched advertising expression about transport brands or highway transportation service. It consists of a short, graphically highlighted line of text. For example,

Harley Davidson – American by Birth. Rebel by Choice.

Porsche – There is no substitute.

Aston Martin – Power, beauty, and soul.

Concarga Gigantic Loads and Heavy Haulage South Africa offers specialized services in road haulage and rigging!

Thus, the main markers of transport naming are informativity and suggestiveness. The information has an important role because it forms the core of road-transport communication and a form of reality interpretation. The transport product/service information is captured and used for certain purposes, for example, buying a car. Information (awareness) is the main function to inform people about various properties and qualities of a traffic brand/service. Of course, another main function is suggestiveness. It is necessary to talk about a suggestive reaction on transport nominations. This term is real in the "suggestive paradigm". It defines the reaction to the suggestive effect. The reaction can be verbal, non-verbal, as well as verbal-non-verbal or non-verbal (manifestation in speech, gestures, facial expressions, actions). The sensational formulation of the compressive reaction is to perceive the influential/compressive intensity/on the measured or unintended compressive effect and react in a certain way.

Transport nominations are changed by including of both individual names and entire lexical strata serving from era to era and from people to people. They denote various categories of mechanisms/ services and represent an open lexical system. Regardless of the origin, the name has extensive associative connections which contribute to the fixation and constant functioning of the name in the borrowing language. These extensive associative connections allow to investigate transport naming in an ethnopsycholinguistic way. Our data also confirm the possibility of analyzing transport brands in such aspect

which gives us to track the process of the borrowed name adapting in the receiving language in dynamics. For example: Komatsu technique — kamasutra, Daewoo machine – deva.

Conclusion

We believe that the term "transport nomination" can be called the entire road transport infrastructure: brands of cars, names of special equipment, aircraft, trains, etc., names of transport companies and road transport services including the names of logistics companies. The close connection of the transport name and the concept seems to predefine the features of the functional order: derivational capabilities, special areas of use, the tendency of expressiveness, etc.

The main function of transport product/service information is suggestiveness, so the transport naming connects with the advertising message.

Transport nominative units are interesting in the following reasons. On the one hand, the transport objects are quite homogeneous themselves in the same type and differ little from each other according to appearance, mode of use, result of action, etc. On the other hand, various extralinguistic factors (production, economic, legal, etc.) make it necessary to include them in one class of proper names.

We believe that there is a distinctive component in nominations of transport brands. So, it is better to consider the names of trademarks due to psycholinguistics and especially to the laws of the brand influence on the individual and mass people consciousness. The research factual material gives possibility to note that there are many borrowed words in modern road and transport advertising, such as Anglicisms and Americanisms and borrowed words of other languages. Mainly, these are Italian, Spanish and German., but Russian borrowings words are still used very seldom.

Based on the analysis, the main methods of introducing lexical and semantic transport names were identified into the advertising slogan. The inclusion of road and transport nominations is based on the principles of "notification," "suspension" and "modalization" in the text.

The analysis results have showed that various rhetorical techniques are often used in the transport advertising text: a) personification; b) metaphor; c) word play.

It possible to establish a direct connection between the pragmatic aspect of the text and the choice of lexical and semantic transport nominations, stylistic techniques and visual aids.

Acknowledgement

The project is being implemented by the winner of the Master's program faculty grant competition 2020/2021 of the Vladimir Potanin fellowship program.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Praninskas J. Trade name creation / J. Praninskas. – Trade name creation. Processes and patterns. The Hague-Paris, Monton and Co...1968.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.
3. Hudson R. Some Basic Assumptions about Linguistic and Non-Linguistic Knowledge / R. Hudson. – Quaderni di semantica, 1988. Vol.VI. N.2. – P.284-287.
4. Isakova A. A. Transport nominations in cross-cultural communication training / A. A. Isakova. – IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 2018. Volume 483. – Article Number 1.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. - 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1977. – 304 с.
6. Hegel G.W.F. The Philosophy of History / G.W.F. Hegel. – New York: Collier & Son, 1902. – p. 87.
7. Тарасов Е. Ф. Политические мифы как образы языкового сознания / Е. Ф. Тарасов. – Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 326-333.
8. Володарская Э. Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление / Э. Ф. Володарская. – Вопросы филологии, 2001. №1. – С. 11-27.
9. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы / Р. И. Мокшанцев. – Учеб. пособие. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2003. – 230 с.
10. Мерданов Ш. М. Наземные транспортно-технологические комплексы и средства / Ш. М. Мерданов, А. А. Серебренников, Д. В. Райшев и др. – Учебное пособие / Под общей редакцией Ш. М. Мерданова. – Тюмень, 2019. – 324 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Praninskas J. Trade name creation / J. Praninskas. – Trade name creation. Processes and patterns. The Hague-Paris, Monton and Co...1968.
2. Bjuler K. Teorija jazyka. Reprezentativnaja funkcija jazyka [Language theory. Representative function of language] / K. Bjuler. – М.: Progress, 1993. – 502p. [in Russian]
3. Hudson R. Some Basic Assumptions about Linguistic and Non-Linguistic Knowledge / R. Hudson. – Quaderni di semantica, 1988. Vol.VI. N.2. – P.284-287.
4. Isakova A. A. Transport nominations in cross-cultural communication training / A. A. Isakova. – IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 2018. Volume 483. – Article Number 1.
5. Leontev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality] / A.N. Leontev. – 2-e izd. – М.: Politizdat, 1977. – 304 p. [in Russian]

6. Hegel G.W.F. The Philosophy of History / G.W.F. Hegel. – New York: Collier & Son, 1902. – p. 87.
7. Tarasov E. F. Politicheskie mify kak obrazy yazykovogo soznaniya [Political myths as images of linguistic consciousness] / E. F. Tarasov. – Kognitivnye issledovaniya yazyka, 2019. № 36. – P. 326-333. [in Russian]
8. Volodarskaja Je. F. Zaimstvovanie kak universal'noe lingvisticheskoe javlenie [Borrowing as a universal linguistic phenomenon] / Je. F. Volodarskaja. – Voprosy filologii, 2001. №1. – P. 11-27. [in Russian]
9. Mokshancev R. I. Psihologiya reklamy [Psychology of advertising] / R. I. Mokshancev. – Ucheb. Posobie. – Novosibirsk: Sibirskoe soglasenie, 2003. – 230 p. [in Russian]
10. Merdanov Sh. M. Nazemnye transportno-tekhnologicheskie kompleksy i sredstva [Ground transport and technological complexes and facilities] / Sh. M. Merdanov, A. A. Serebrennikov, D.V. Rajshev et al. – Uchebnoe posobie Pod obshchej redakciej SH. M. Merdanova. – Tyumen, 2019. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.9>**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ АЛЛЮЗИИ**

Научная статья

Ихсанова Л.И. *

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (e-mail98[at]yandex.ru)

Аннотация

На сегодняшний день все более востребованными становятся исследования, направленные на изучение особенностей взаимосвязи языка и культуры. Объектом исследования данной статьи являются аллюзии как единицы, транслирующие культурно-значимую информацию. В рамках лингвокультурологического подхода приводится классификация аллюзий с точки зрения их функционирования в речи. Традиционно, аллюзия используется как для характеристики какого-либо объекта, так и для создания юмористического эффекта. Знание и способность декодировать аллюзию – это критерий принадлежности к определенной группе социума с схожей индивидуально-личностной культурой. Таким образом, затрагивается одна из базовых культурологических категорий «свой – чужой».

Ключевые слова: аллюзия, лингвокультурология, классификация, свой, чужой.

LINGUOCULTURAL APPROACH TO THE STUDY OF ALLUSION

Research article

Ikhsanova L.I. *

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

* Corresponding author (e-mail98[at]yandex.ru)

Abstract

Nowadays, research aimed at studying the peculiarities of the relationship between language and culture is becoming very popular. The object of research of this article is allusions as units transmitting culturally significant information. Within the framework of the linguoculturological approach, the classification of allusions is given from the point of view of their functioning in speech. Traditionally, allusion is used both to characterize an object and to create a humorous effect. Knowledge and the ability to decode an allusion is a criterion for belonging to a certain group of society with a similar individually personal culture. Thus, one of the basic culturological categories «us – them» is touched upon.

Keywords: allusion, linguoculturology, classification, us, them.

Introduction

As the economic, cultural and scientific contacts of countries and their peoples increase topics related to the study of intercultural communication, the relationship between language and culture, the study of the linguistic personality are becoming more and more relevant. Each individual belongs to one or another national culture, which includes national traditions, language, history, literature. Linguistics of the 21st century is actively developing a direction in which language is viewed as the cultural code of a nation, and not just an instrument of communication and cognition.

Cultural linguistics is one of the leading areas of linguistics, based on the idea of an inextricable connection between language and culture. As K. Levi-Strauss noted, language is both a product of culture, and its important component, and a condition for the existence of culture [11]. Cultural linguistics as an independent area of linguistic research was formed in the 70s with the aim of providing scientific foundations for the presentation and activation of data about the country and culture of the target language. In the center of its attention is a person as a native speaker of language and culture, his background knowledge, behavioural norms that make him a representative of this culture [2]. V.A. Maslova defines cultural linguistics as a branch of linguistics that arose at the junction of linguistics and culturology, which studies the manifestations of the culture of the people, which are reflected and entrenched in the language [9]. According to V.A. Maslova, the task of cultural linguistics is to explicate the cultural significance of a linguistic unit on the basis of correlating the prototype situation of a phraseological unit or other linguistic unit, its symbolic reading with those cultural codes that are known or can be offered to a native speaker by a linguist [8]. This article provides examples of the functioning of allusions within the framework of the linguoculturological paradigm.

Allusions play an important role among the units transmitting culturally significant information. Allusions can be expressed through phrases that are part of famous quotes, fragments of proverbs and catchphrases, as well as through famous names or titles referring to precedent texts, to cultural and historical reality, works of various types of art. The convergence point of all definitions of allusion existing today is the interpretation of the allusion as an indirect reference to some fact (person, event, text) assumed to be known [1], [7]. N.A. Kuzmina understands allusion as a reference directly to the world with its realities [5]. The allusion is a three-sided unit: it is both part of the new text, part of the old text and a signal of the presence of a precedent text.

Within the framework of the linguoculturological paradigm Z.Z. Chanyshева proposed a typology of allusions taking into account four criteria: 1) the source of origin, 2) the nature of the manifestation of allusions, 3) the cultural sphere of their distribution, 4) the nature and volume of semantic connotations [10]. Also, within the framework of this paradigm, it seems possible to single out the classification of allusions from the point of view of their functioning: 1) describing an object and 2) creating a humorous effect.

Traditionally, allusion functions as a means of extended transfer of the properties and qualities of the mentioned characters and events to those referred to in the statement, in this case «the allusion does not restore a well-known image, but extracts

additional information from it» [3]. In other words, an allusion is a kind of rolled up information that is used to characterize an object. As a result, speech is freed from excessive descriptiveness, which facilitates the perception of information by the recipient. Thus, allusion is a means of saving linguistic resources, and the brevity of the form, in turn, increases its expressiveness and emotional impact on the reader or listener.

Ross: Well? Isn't that amazing?

Joey: What are we supposed to be seeing here?

Chandler: I dunno, but ... I think it's about to attack the Enterprise [13].

The allusion denotation is the starship Enterprise from the American sci-fi television series «Star Trek: Enterprise». A reference to a series about space travel and foreign civilizations tells us that Chandler imagines an intrauterine baby as some kind of an alien creature.

The use of allusion in order to create a comic effect, as a rule, involves borrowing a certain element from a foreign text and including it in a new context, which deliberately generates some kind of contradiction, when completely different concepts or objects of reality appear on the same plane. There is a deliberate mixing of the areas of the sublime and the ordinary, the abstract and the concrete. A comic situation often arises in the case of using allusions that are difficult for another person to decode.

The following example deals with an unintentional historical allusion that transcends the boundaries of national culture and therefore elusive for the heroes, but used by them against the background of clearly understandable national cultural allusions. Joe and Chandler choose a stage name for Joe:

Chandler: Joe ... Joe ... Joe ... Stalin?

Joey: Stalin ... Stalin ... do I know that name? It sounds familiar.

Chandler: Well, it does not ring a bell with me ...

Joey: Joe Stalin. Y'know, that's pretty good.

Chandler: Might wanna try Joseph.

Joey: Joseph Stalin. I think you'd remember that!

Chandler: Oh yes! Bye Bye Birdie, starring Joseph Stalin. Joseph Stalin is the Fiddler on the Roof [13].

The authors of the Macmillan English Dictionary classify cultural, literary, biblical allusions as well as humor and irony as cultural reference, which includes references to knowledge and experience that are common to a particular group in a given culture [12]. Accordingly, the source of culturological marking of linguistic units is the reality itself, which is closely related to a given national-cultural area, which is understood as the sphere of action of a given culture. Thus, the ability to explicate the meaning of allusions is a criterion for belonging not only to «us» or «them» national culture, but also to one or another group of people who share a similar individually personal culture, that is, the division into «us» and «them» can also occur within one linguocultural community. The individually personal culture of the addressee is «...the process of assimilation and active reproduction of social experience by an individual...» as a result of which he becomes a person and acquires the knowledge, abilities, skills necessary for life among people, the ability to communicate and interact with them in the course of solving certain other tasks, masters the culture of human relations, social norms necessary for interaction with different people [6]. The category «us – them» is a basic culturological category that is responsible for the categorization of reality in terms of the belonging of existing objects to their personal sphere, that is, to oneself or to one's personal space, both physical and mental [4].

Conclusion

Cultural information encoded in allusions is of great importance for cultural linguistics, since among other things, it reflects the attitude of the modern average representative of a particular culture to traditional national cultural values and stereotypes. In addition, the frequency of the use of certain allusions makes it possible to see the changes taking place in the mentality of the nation in relation to its cultural values. Further study of linguoculturologically marked linguistic units and stylistic techniques will help us better understand the process of interaction between language and culture.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык / Арнольд И. В. – М.: Наука, 2004. – 384 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография / Воробьев В. В. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / Гальперин И. Р. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
4. Иванова С. В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография / Иванова С. В., Чанышева З. З. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366с.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Кузьмина Н. А. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272с.
6. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
7. Мамаева А. Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии / Мамаева А. Г. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1977. – 24 с.
8. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / Маслова В. А. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Маслова В. А. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

10. Чанышева З. З. Аллюзии как лингвокультурное явление / Чанышева З. З. // Теория и практика языковой коммуникации. Материалы VII Международной научно-методической конференции. – 2015 г. 24 – 25 июня 2015 г. – Уфа: УГАТУ, 2015. – С. 228 – 233.
11. Levi-Strauss C. The savage mind / Levi-Strauss C. – Chicago: The University of Chicago Press, 1966. – 310 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2007. – 1745 p.
13. Friends Scripts [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.angelfire.com/tv/chocgal/scripts.html> (дата обращения: 28.09.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Arnold I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk [Stylistics. Modern English] / Arnold I. V. – М.: Nauka, 2004. – 384 p. [in Russian]
2. Vorobyov V. V. Lingvokulturologija: Monografija [Linguoculturology: Monograph] / Vorobyov V. V. – М.: RUDN, 2008. – 336 p. [in Russian]
3. Galperin I. R. Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an object of linguistic research] / Galperin I. R. – Moscow: Nauka, 1981. – 144 p. [in Russian]
4. Ivanova S. V. Lingvokulturologija: problemy, poiski, reshenija: Monografija [Linguoculturology: problems, searches, solutions: Monograph] / Ivanova S. V., Chanyшева Z. Z. – Ufa: PPC BashGU, 2010. – 366 p. [in Russian]
5. Kuzmina N. A. Intertekst i ego rol v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka [Intertext and its role in the evolution of poetic language] / Kuzmina N. A. – М.: Editorial URSS, 2004. – 272 p. [in Russian]
6. Kulturologija. XX vek. Slovar [Culturology. XX century. Dictionary]. – SPb.: University book, 1997. – 640 p. [in Russian]
7. Mamaeva A. G. Lingvisticheskaja priroda i stilisticheskie funkicii alljuzii [Linguistic nature and stylistic functions of allusion] : Author's abstract. diss. Cand. Sc. Philology] / Mamaeva A. G. – М., 1977. – 24 p. [in Russian]
8. Maslova V. A. Vvedenie v lingvokulturologiju [Introduction to cultural linguistics] / Maslova V. A. – М.: Heritage, 1997. – 208 p. [in Russian]
9. Maslova V. A. Lingvokulturologija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Linguoculturology: a textbook for students of higher educational institutions] / Maslova V. A. – М.: Publishing House «Academia», 2001. – 208 p. [in Russian]
10. Chanyшева Z. Z. Alljuzii kak lingvokulturnoe javlenie [Allusions as a linguocultural phenomenon] / Chanyшева Z. Z. // Theory and practice of language communication. Materials of the VII International Scientific and Methodological Conference. –2015. 24 – 25 June 2015. – Ufa: USATU, 2015. – P. 228 – 233. [in Russian]
11. Levi-Strauss C. The savage mind / Levi-Strauss C. – Chicago: The University of Chicago Press, 1966. – 310 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2007. – 1745 p.
13. Friends Scripts [Electronic resource]. – URL: <http://www.angelfire.com/tv/chocgal/scripts.html> (accessed: 28.09.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.10>

ВОСПРИЯТИЕ ЛЕСА В СКАЗОЧНОМ МИРЕ

Научная статья

Соколова Г.А. *

ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (ga.sokolova[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена лингвистическому анализу и интерпретации понятия «лес» в русских и немецких сказках. В фокусе внимания находятся народные сказки. Целью данного исследования было установить сходство и различие в восприятии сказочного леса в разных языковых картинах мира, а также определить его лингвопрагматическую функцию в сюжете сказки. Методом сплошной выборки были зафиксированы примеры, выделены лингвистические средства, например, эпитеты, помогающие понять и передать восприятие леса в различных народных сказках. В статье также рассматриваются разные интерпретации символического значения слова «лес», анализируются символические значения некоторых деревьев, например, дуба, который часто упоминается в русских и немецких сказках, например, в русской сказке «Царевна-лягушка», где сундук находится на высоком дубе.

Ключевые слова: сказка, лес, символ, дуб, эпитет.

PERCEPTION OF A FOREST IN FAIRY TALES

Research article

Sokolova G.A. *

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

* Corresponding author (ga.sokolova[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the linguistic analysis and interpretation of the concept of "forest" in Russian and German fairy tales. In particular the authors focus on folk tales. The purpose of this study was to establish the similarity and difference in the perception of a magical forest in different linguistic worldviews, as well as to determine its linguistic and pragmatic function in the plot of fairy tales. By the method of continuous sampling, the study found examples and identified various linguistic means, such as epithets, that help understand and convey the perception of the forest in various folk tales. The article also examines different interpretations of the symbolic meaning of the word "forest", analyzes the symbolic meanings of some trees, for example, oak, which is often mentioned in Russian and German fairy tales, for example, in the Russian fairy tale "The Frog Princess", where the chest is located on a tall oak.

Keywords: fairy tale, forest, symbol, oak, epithet.

Введение

Как известно, сказка многогранна и включает в себя различные элементы, с помощью которых формируется сказочный мир, содержащий пространственные и временные координаты. Говоря про локонымы, слова, передающие локальные характеристики в художественном тексте, стоит сказать, что в народных сказках довольно часто упоминается лес.

В русском сознании лес предстает местом, которое наполнено опасностями и которое таит различные трудности на пути главных сказочных персонажей. В лесу живет баба-яга, старичок-моховичок, обитают другие представители волшебного мира: леший, медведь-шатуны и др.

В русских народных сказках лес сопровождается постоянными эпитетами: «дремучий», «густой», «темный». В сказке «Василиса Прекрасная» Василисе предстояло идти весь день и всю ночь сквозь дремучий лес, пока она не оказалась на полянке, где стояла избушка бабы-яги: «Василиса собралась и, перекрестившись, пошла в *дремучий* лес» [9, С. 99].

Главные сказочные персонажи, получив магические предметы, могут управлять сказочным миром, как в сказке «Ведьма и солнцезавоеватель»: «Приехал Иван-царевич к Вертодубу; всего три дуба осталось; он взял гребенку и кинул во чисто поле; откуда что — вдруг зашумели, поднялись из земли *густые* дубовые леса» [9, С. 82].

В сказке «Фролка-сидень» солдат-пьяница, Фролка-сидень и Ерема отправляются разыскивать царских дочерей, путь их ведет в *дремучий густой* лес, в котором их одолевает сильный сон: «Шли они, шли и пришли в дремучий густой лес» [9, С. 138].

В сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» путь Ивана-царевича лежит через темный лес, в котором он встречает седого старика, тот подсказывает ему, как найти Белого Полянина: «Иван-царевич сел на своего доброго коня, покати клубочек и поехал вслед за ним; а лес все *темней да темней*» [9, С. 196].

Однако лес может быть и убежищем. В сказке «Марья Моревна» Иван-царевич хотел укрыть кобылиц в *дремучих* лесах: «Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпаться по *дремучим* лесам.» «Погнал он [Иван-царевич] кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по *дремучим* лесам» [9, С. 191].

Замечено, что в немецких сказках слово «лес» часто не используется в сочетании с эпитетами, что затрудняет оценку восприятия сказочного леса. Например, в сказке «Птичий найденыш» слово «лес» упоминается как место, куда отправился на охоту лесник и где на высоком дереве птенцу угрожала опасность: «Es war einmal ein Förster, der ging in den *Wald* auf die Jagd» [12, С. 221].

Однако из контекста становится понятно, что лес в сказочном мире немецкой сказки воспринимается негативно в большинстве сказок. Лес представляет собой место, наполненное опасностями. Персонажи немецких сказок отправляются в лес, чтобы раскрыть тайны, там сказочные герои встречают таинственного персонажа — пожилую женщину или пожилого мужчину, которые владеют волшебством и помогают им [5, С. 222]. Например, в сказке «Золотой гусь» главный персонаж отправляется в лес и встречается там незнакомца, который помог ему: «*Der Dummling besann sich nicht lange, sondern ging gleich hinaus in den Wald*» [12, С. 301].

В сказке «Двенадцать братьев» сестра отправляется в большой лес на поиски своих братьев: «*Nun nahm es die zwölf Hemden und ging fort und geradezu in den großen Wald hinein*». Позже она видит своих братьев в облике воронов, которые пролетают над лесом: «*In demselben Augenblick waren die zwölf Brüder in zwölf Raben verwandelt und flogen über den Wald*» [12, С. 52, 54].

Как полагают исследователи, лес в немецких сказках предстает таинственным и темным [11, С. 352]. Например, в сказке «Йоринда и Йорингель» лес показан большим и густым: «*Es war einmal ein altes Schloß mitten in einem großen dicken Wald*» [12, С. 314].

В сказке «Пестрая шкурка» лес изображен огромным: «*Nachts, bis sie in einem großen Wald kam*» [12, С. 304].

Говоря про символическое значение леса, стоит подчеркнуть, что он является местом всевозможных опасностей, подвластен различным духам и демонам. Лес — традиционное место, где можно заблудиться [2, С. 280].

Это место пребывания животной и растительной жизни, не подчиняющейся человеку. Лес противопоставляется городу, дому, полю, как благоустроенному пространству цивилизации. В лесу обитают враждебные человеку силы [1, С. 92].

В народных сказках упоминаются разные деревья. Дерево является мощным символом взаимосвязи жизни и вселенной. В западной культуре деревья ассоциируются со временем и исторической неразрывностью. В других странах деревья имеют устойчивые ассоциации с жизнью, здоровьем и силой [10, С.170].

Сказки разных народов мира наполнены образами множества чудесных растений: деревьев, кустарников и трав. Некоторые из них оберегают людей от злых духов и враждебных сил, другие питают или лечат человека, в иных обитают добрые духи, боги или таинственные существа, передающие растению часть своей сверхъестественной силы [8, С. 148].

В русских и немецких сказках часто упоминается дуб. Он предстает могучим лесным великаном и служит символом мощи, крепости, мудрости. В русских текстах дуб изображается могучим и крепким и является символом защиты [6, С. 122-123].

Он ассоциировался со священным деревом в немецкой и русской культурах. Именно под дубом в прежние времена люди проводили свои собрания, принимали важные решения, творили суд. Расположение дуба на вершине сказочной горы выделяет его из ряда деревьев [3, С. 349, 353].

Согласно немецким источникам, дуб считался священным деревом у многих индогерманских народов. Благодаря своей твердой прочной древесине дуб символизирует силу, мужество и упорство [11, С. 64-65].

В сказке «Вещий дуб» муж выбирает именно дуб в качестве «волшебного» «говорящего» дерева, чтобы проучить жену, которая, поверив ему, обратилась именно к этому дереву: «Дуб, дубовистый, дедушка речистый, как мне быть?» [9, С. 532].

С древнейших времен дуб символизировал силу, стойкость, мужественность. Считалось, что дуб приносит удачу и оберегает от бедствий. Крона и корни дуба ассоциировались с местом обитания различных духов. В фольклоре дуб мог выступать как наказание за страшные преступления [4, С. 92-94].

Рассматривая русские сказки, стоит также упомянуть березу. Это дерево встречается в названии некоторых сказок, например, «Береза и три сокола», «Дурак и береза».

Береза считается деревом, приносящим добро и дающим защиту. Это священное дерево германских богов [10, С. 208].

Символический смысл березы наиболее последовательно разработан в традиции народов Северной Европы. Здесь береза — символ перехода от зимы к весне, символ смерти и воскресения. В старинных славянских поверьях прослеживается взаимосвязь березы с душами умерших. Отсюда возникло двойственное отношение к березе, она воспринимается то как оберег от нечистой силы, то как орудие нечистой силы (ведьмы летают на березовых метлах) [2, С. 77-78]. В поэзии девушка сравнивается с березкой, например, в поэзии С. Есенина мы часто встречаем это сопоставление, например, стихотворение, написанное в 1918 г. и посвященное Л. И. Кашиной, начинается следующими строчками:

*Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась впрод?* [7, С. 116].

Говоря про немецкие сказки, стоит подчеркнуть, что названия некоторых из них включают слово «дерево», например, «*Die drei Männlein im Walde*» («Три маленьких лесовика»).

В сказке «*Aschentputtel*» («Золушка») упоминается орешник: «*Als sie an dem Haselbäumchen vorbeikamen, riefen die zwei weiße Täubchen*» [12, С. 116].

Орешня упоминается в русской сказке «Кочет и курица»: «Пришли к *орешне*; кочеток залез на орешню рвать орехи» [9, С. 60].

Заключение

В процессе лингвистического анализа было установлено, что в русских народных сказках слово «лес» сопровождается разными постоянными эпитетами, передающими во многих примерах негативную коннотацию этого

понятия. В немецких же сказках слово «лес» редко используется в сочетании с эпитетами. Контекст помогает передать негативное восприятие этого слова в немецкой сказке. В русских и немецких произведениях лес, как темное место, часто является местом пребывания злых волшебных сил, с которыми главный сказочный герой вступает в противоборство.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Адамчик М. В. Словарь символов / Адамчик М. В. – Минск: Харвест, 2010. – 224 с.
2. Андреева В. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / Андреева В., Куклев В., Ровнер А. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 556 с.
3. Баландинский Б. Б. Языческие шифры русских мифов. Боги, звери, птицы / Баландинский Б. Б. – М.: Амрита-Русь, 2008. – 480 с.
4. Баешко Л. С. Энциклопедия символов / Баешко Л. С., Гордиенко А. Н. – М.: Эксмо, 2007. – 302 с.
5. Бауэр В. Энциклопедия символов / В. Бауэр, И. Дюмотц, С. Головин. – М.: Крон-Пресс, 2000. – 504 с.
6. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / Вовк О. В. – М.: Вече, 2006. – 528 с.
7. Есенин С. А. Собрание сочинений в трех томах. Том I / Есенин С. А. – М.: Издательство «Правда», 1970. – 383 с.
8. Каширина Т. Символы. Знаки / Каширина Т., Евсеева Т. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2010. – 213 с.
9. Народные русские сказки из сборника А. Н. Афанасьева. – М.: Правда, 1982. – 576 с.
10. О'Коннелл М. Знаки и символы / О'Коннелл М., Раджи Э. – М.: Эксмо, 2008. – 256 с.
11. Becker U. Lexikon der Symbole / Becker U. – Köln: KOMET Verlag GmbH, 2007. – 352 S.
12. Grimm Jakob und Wilhelm. Kinder- und Hausmärchen. – Berlin: Holzinger. Taschenbuch, 2016. – 738 S.

Список литературы на английском / References in English

1. Adamchik M. V. Slovar simvolov [Dictionary of Symbols] / Adamchik M. V. – Minsk: Harvest, 2010. – 224 p. [in Russian]
2. Andreeva V. Enciklopediya. Simvol, znaki, emblemy [Encyclopedia. Symbols, signs, emblems] / Andreeva V., Kuklev V., Rovner A. - Moscow: Astrel, AST, 2006. – 556 p. [in Russian]
3. Balandinskiy B. B. Yazycheskiye chifry russkix mifov. Bogi, zveri, pticy [Pagan ciphers of Russian myths. Gods, beasts, birds] / Balandinskiy B. B. – Moscow: Amrita-Rus, 2008. – 480 p. [in Russian]
4. Baeshko L. S. Enciklopediya simvolov [Encyclopedia of Symbols] / Baeshko L. S., Gordienko A. N. – Moscow: Eksmo, 2007. – 302 p. [in Russian]
5. Bauer V. Enciklopediya simvolov [Encyclopedia of symbols] / Bauer V., Dumotz I., Golovin S. – Moscow: Kron-Press, 2000. – 528 p. [in Russian]
6. Vovk O. V. Enciklopediya znakov i simvolov [Encyclopedia of Signs and Symbols] / Vovk O. V. – Moscow: Veche, 2006. – 528 p. [in Russian]
7. Esenin S. A. Sbranie sochineniy v trekh tomakh. Tom I [Collected works in three volumes. Volume I] / Esenin S. A. – Moscow: Pravda, 1970. – 383 p. [in Russian]
8. Kashirina T. Simvol, znaki [Symbols. Signs] / Kashirina T., Evseeva T. – Moscow: Mir encyclopediy Avanta+, Astrel, 2010. – 213 p. [in Russian]
9. Narodniye russkie skazki iz sbornika A. N. Afanasieva [Russian folk tales from the collection of A. N. Afanasyev]. – Moscow: Pravda, 1982. – 576 p. [in Russian]
10. O'Konnell M. Znaki i simvol [Signs and Symbols] / O'Konnell M., Radgy. – Moscow: Eksmo, 2008. – 256 p. [in Russian]
11. Becker U. Lexicon of Symbols. – Cologne: KOMET, 2007. – 352 p. [in German]
12. Grimm Jacob and Wilhelm. Children's and Household Tales. – Berlin: Holzinger. Paperback novel, 2016. – 738 p. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.11>**КОГНИТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО ПЕРФЕКТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ**

Научная статья

Ширяева А.С. *

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

* Корреспондирующий автор (nancyn8357[at]yahoo.com)

Аннотация

В данной статье анализу подвергается настоящий перфект, разбор формы базируется на правилах когнитивной лингвистики. В основе используется учет временной соотнесенности и аспектуальной. Действие, выраженное перфектом, соотносится с определенным моментом в настоящем и обязательно контактирует с ним. Основные значения анализируемой формы: эксклюзивное, где подчеркивается однократность действия; инклюзивное, то есть внимание уделяется длительности и кратное, в основе лежит повторяющееся действие. Следующим этапом определяется набор минимальных, далее неделимых значений, – сем. При обязательном учете контекста, набора сем, влиянии стиля, определении стилистической функции определяется дополнительное когнитивное значение формы настоящего перфекта. Экземплификация основывается на новостях Би-би-си, британской вещательной корпорации, представляющей типичное отражение современного языка новостей.

Ключевые слова: газетный стиль, грамматика, перфект.

COGNITIVE MEANINGS OF PRESENT PERFECT IN A JOURNALISTIC STYLE

Research article

Shiryaeva A.S. *

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

* Corresponding author (nancyn8357[at]yahoo.com)

Abstract

The current article analyzes present perfect based on the rules of cognitive linguistics while focusing on the examination of tense and aspect correlation. The action expressed via perfect tense correlates with a certain moment in the present and necessarily contacts it. The main values of the form under study are the following: exclusive, where a single action is emphasized; inclusive, where attention is paid to the duration; multiple, which is based on a repetitive action. The next step is to determine a set of indivisible values — semes. The additional cognitive value of the form of the present perfect is determined with the obligatory consideration of the context, the set of semes, the influence of style, and the definition of the stylistic function. The exemplification is based on the news materials provided by the British Broadcasting Corporation, which reflects the modern language of news.

Keywords: journalistic style, grammar, perfect tense.

Введение

Актуальность выбранной темы объясняется недостаточностью изучения реализации когнитивных значений форм перфекта в общем и настоящего перфекта, в частности, при лаконичности и фактологичности газетного стиля. Когнитивные особенности настоящего перфекта в публицистическом стиле будут представлять предмет исследования. Целью является рассмотрение реализации значений.

Методы

На синтагматическом уровне, то есть, когда речь идет о линейных отношениях между единицами языка, используется компонентный анализ, другими словами, учитывается план содержания, в нашем случае это базовые значения перфекта настоящего – эксклюзивное, инклюзивное, кратное. Ведущая роль так же отводится контекстологическому анализу, как раз анализируемые нами значения, приобретаемые формой под влиянием контекста. Функционально-семантический анализ всегда предполагает системный подход к языковой единице, в нашем случае внимание уделяется функционированию значений перфектных форм в определенном контекстологическом окружении при непосредственном влиянии функционального стиля – публицистического. Таким образом, аспектуально-темпоральный принцип предполагает сначала определения основного значения настоящего перфекта, затем определения набора сем, их комбинацию, установление стилистической функции, учет окружающих форму единиц, особенностей стиля и в заключении, как результат выше проделанных операций выводится дополнительное когнитивное значение [6], [9].

Основные результаты

Научно публицистический стиль, которым пользуются газеты, сайты новостей, журналы отличается лаконичностью, информативностью, побудительностью к действиям, воздействующим характером, императивностью, логичностью. Цель средств массовой информации, использующих газетный стиль, отражение текущей ситуации в политике, мире бизнеса, экономики. Яркая черта данного стиля – это наличие разнообразной тематики, при этом функция – одна, направленность на массы; путем данного стиля формируется общественное мнение в той или иной области. Для того, чтобы добиться успеха, фактологичность сменяется экспрессией. Воздействие, в свою очередь, может быть как прямым, так и скрытым. В отличие от научного стиля газетный отличается индивидуальностью, то есть каждый автор пытается проявить свои особенности написания с целью большего влияния на читающего, автор

отстаивает свою собственную позицию. В журнально-публицистическом стиле статья написана всегда от первого лица; другими словами автор и рассказчик совпадают, писатель непосредственно обращается к читателю со своей точкой зрения, эмоциями, оценкой сложившейся ситуацией. Социальная оценочность обязательно включает формирование общественного мнения. Автор и сообщает информацию и воздействует одновременно. Информационная функция является важной для всех стилей речи. Ее особенность в публицистическом стиле состоит в том, что подчеркивается тематика и характер предоставляемой информации, ее источников и целевая аудитория [2]. Таким образом, телепрограммы, газеты и статьи в журналах ставят общество в известность о разных аспектах жизни: о политических спорах, о финансовых проектах правительства, о последних событиях и нарушениях, о проблемах окружающей среды, о повседневных проблемах обычных людей. Газетный стиль отличается высоким уровнем информативности, который достигается тем, что информация излагается в виде конкретных фактов, с отличительной чертой документальности, употреблением специфических лексических единиц таких как профессионализмы; информация предоставляется в обобщенном виде с явной чертой аналитичности; с другой стороны необходимо и нейтральное предоставление информации в таком случае используются лексические единицы без эмоциональной окраски; синтаксический уровень представлен сложными переложениями, насыщенными синтаксическими конструкциями, особенно с подчинительной связью. Современная ситуация отражается в публицистическом стиле по средствам употребления международной лексики, особенно в сфере политики. В связи с научным прогрессом пополняется и словарь науки, отраженный при публикации статей. Газета очень быстро отражает все изменения во всех сферах жизни, отображая новые явления, термин для их названия – «газетизмы». Активно используются прилагательные для описание политических, экономических, культурных и других сфер жизни [4]. В данной статье рассмотрим влияние всех особенностей данного функционального стиля на реализацию значений форм настоящего перфекта. Основным действием является определение набора сем для каждого значения перфекта [10]. Настоящее перфектное эксклюзивное подчеркивает не только предшествие, но и обязательную связь с определенным действием или ситуацией в настоящем времени. Настоящее перфектное эксклюзивное располагается на отрицательном векторе. Связанность выражается в каузальных отношениях. Смысловое время помогает понять суть употребления определенного грамматического аспекта времени. Перфект эксклюзивный выражает обособленное действие и передает прерывистость времени, акцентируя отдельный период в движении временного континуума. Благодаря перфекту эксклюзивному, время идет вспять. Для осуществления значения инклюзивности нет необходимости в благоприятном контексте. Это значение реализуется в предельных и неопредельных глаголах. Для реализации данного значения перфекта необходимо лишь наличие лексических единиц, показывающих начальную фазу действия. Настоящее перфектное инклюзивное выражает непрерывность потока времени. Данное значение концентрирует внимание на постоянстве, стабильности совершения действия. Для значения настоящего перфектного кратного является важным наличие слов, указывающих на цикличность, регулярность действия. Перфектное кратное не определено во времени, временной указатель не является обязательным. Период времени, в течение которого действие повторяется, контактирует с векторным нулем оси ориентации настоящего времени. Настоящее перфектное кратное придает эмоциональную окраску тексту. В итоге, настоящее перфектное эксклюзивное включает в себя отличительную сему «однократно происходящего действия»; инклюзивное или континуальное – «период, длительность, протяженность действия»; кратное – «повтор действия»; для любой разновидности настоящего перфекта характерны такие семы как «соотнесенность или контактность действия с определенным моментом в настоящем», чем и объясняется аспект «совершенности» действия при обязательной связности с настоящим [1], [5]. Тураева З.Я. также выделяет «темпоральную характеристику действия», «отсутствие временного указания», которые в определенных комбинациях в контексте конкретной ситуации способствуют реализации дополнительных когнитивных значений формы настоящего перфекта под влиянием публицистического стиля [10].

Рассмотрим отрывок из раздела новостей о бизнесе под названием «Продажи в магазинах падают четыре месяца, так как больше людей обедают вне дома», где представлен пример настоящего перфекта инклюзивного.

The lack of lorry drivers has been a long-term problem; however, the coronavirus pandemic and tax changes have exacerbated the issue further in recent months [3].

Отсутствие водителей грузовиков было долгосрочной проблемой, однако пандемия коронавируса и налоговые изменения еще больше усугубили проблему в последние месяцы.

Сема «препозиции действия» выражается тем, что проблема недостатка водителей уже существовала, более того является актуальной и на настоящей момент речи, что подтвердит сему «контактность с моментом речи». Более того сема «длительность действия» выражена лексически «a long-term problem». Данная сема подчеркивает, что эта проблема существует уже определенный период времени и за последние месяцы только усугубилась. Функция, выполняемая перфектной формой, а именно «результативная», отражает причинно-следственные отношения. Автор подчеркивает отрицательную оценку происходящих явлений, что будет являться дополнительным когнитивным значением формы настоящего перфекта, более того, подчеркивая причины усугубления ситуации – «пандемия и «налоги». В статье «По данным опроса большинство работников не ожидают возвращения в офис с полной занятостью» в первом предложении мы имеем дело с настоящим перфектным кратным.

He's found big benefits to logging on remotely for the last 16 months, from avoiding expensive coffee shops to cutting down on travel time [7].

Он обнаружил большие преимущества удаленного входа в систему за последние 16 месяцев, от отказа от дорогих кафе до сокращения времени в пути.

Данное действие является рекуррентным. Следует отметить следующую особенность газетного стиля: текст должен передавать информацию кратко, немногословно. Предложения должны быть автосемантические, необходима минимальная зависимость от контекста. Вследствие этого при прочтении лишь одного предложения из статьи становится ясно, что действие совершалось многократно, автор постоянно находил новые преимущества удаленной

работы. Под влиянием других характерных черт газетного стиля – содержательности и эмоциональности – реализуется дополнительное когнитивное значение «изменение характера деятельности в силу ситуации». Следующее предложение статьи содержит настоящее перфектное эксклюзивное со значением «эпилога к действию».

"My health and carbon footprint have never been better. I'm no longer commuting 92 miles a day and I'm more productive," he says [7].

«Мое здоровье и экологическое последствие моей деятельности никогда не были лучше. Я больше не езжу на работу на 92 мили в день и стал более продуктивным», — говорит он.

Автор подытоживает ситуацию, сообщая то, что как результат работы удаленно, его здоровье улучшилось, так как он не ездит по 92 мили в день, более того, он стал очень продуктивным. Сема «предшественности» реализуется за счет того, что автор сравнивает ситуацию настоящего с прошлым и, подводя итог, доказывая сему «контактность с векторным нулем оси ориентации настоящего времени», отмечает положительный исход ситуации.

Заключение

Таким образом, газетный стиль отличается информативностью, то есть передается максимум информации, наиболее лаконично и четко с меньшим количеством языковых средств, текст, таким образом, максимально насыщен фактами; языковые средства употребляются, но не препятствуя пониманию основной информации; при всем этом, необходимо отметить экспрессивность текста, иначе он не имел бы воздействия на массы; при этом выдерживаются определенные стандарты, принятые в языке; информация должна быть четкой, доступной, понятной и лаконичной. Данному стилю присущи две основные функции: первая – информативная, и вторая – воздействия, являющаяся системообразующей, именно данная функция отличает публицистический стиль от остальных. Учет всех характеристик необходим при определении когнитивных значений формы настоящего перфекта. Сначала были определены основные значения данной грамматической формы, затем их разделили на минимальные составляющие, комбинация которых при конкретном контексте и семантико-стилистической функции способствует реализации значений конституентов формы настоящего перфекта.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Блох М. Ю. Курс теоретической грамматики английского языка / М. Ю. Блох. - М.: Высшая школа, 2008. - 383 с.
2. Блохина Н. Г. Современный русский язык. Текст. Стили речи. Культура речи: учебное пособие для ВУЗов / Н. Г. Блохина. - Тамбов, 2006. - 122 с.
3. BBC News [Электронный ресурс] // BBC New – 2021. – URL: <https://www.bbc.com/news/business-58593582> (дата обращения: 17.09.2021).
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 2-е изд., испр. М.: Рольф, 1999. - 448 с.
5. Горбова Е. В. Результативность, экспериментальность, инклюзивность, имediatность: чем определяется значение перфекта? [Электронный ресурс] / Е. В. Горбова // Acta Linguistica Труды института Лингвистических исследований. – 2016. – Р. 1-28 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultativnost-eksperiencialnost-inklyuzivnost-immediatnost-chem-opredelyaetsya-znachenie-perfekta> (дата обращения 26.04.2021).
6. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. - №4. – С. 17-33.
7. Jones L. Most workers do not expect full-time office return, survey says [Электронный ресурс] / L. Jones, R. Wearn // BBC News. – 2021. – URL: <https://www.bbc.com/news/business-5859179> (дата обращения: 17.09.2021).
8. Дружинин А. С. Когнитивная интерпретация английских форм Perfect Aspect-Tense / А. С. Дружинин // Международный исследовательский журнал. – 2016. - №6 (48) Часть 4. – С. 27-29.
9. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е. С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2001. - Часть 1. – С. 4-10.
10. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное / З. Я. Тураева. - Либроком., 2009. - 219 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Blokh M. Yu. Kurs teoreticheskoy grammatiki anglijskogo yazyka [Course of theoretical grammar of the English language] / M. Yu. Blokh. – Moscow : Higher school, 2008. - 383 p. [in Russian]
2. Blokhina N. G. Sovremennyy russkiy yazyk. Tekst. Stili rechi. Kul'tura rechi: uchebnoe posobie dlya VUZov [Modern Russian language. Text. Styles of speech. Culture of speech: a textbook for universities] / N. G. Blokhina – Tambov, 2006. – 122 p. [in Russian]
3. BBC News [Electronic resource] // BBC New – 2021. – URL: <https://www.bbc.com/news/business-58593582> (accessed: 17.09.2021).
4. Golub I. B. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language] / I. B. Golub – 2nd edition. – M.: Rolf, 1999. – 448 p. [in Russian]
5. Gorbova E. V. Rezul'tativnost', eksperiencial'nost', inklyuzivnost', immediatnost': chem opredelyaetsya znachenie perfekta? [Effectiveness, experimentation, inclusiveness, immediacy: what determines the meaning of a perfect?] [Electronic resource] / E. V. Gorbova // Acta Linguistica. – 2016. – P. 1-28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultativnost-eksperiencialnost-inklyuzivnost-immediatnost-chem-opredelyaetsya-znachenie-perfekta> (accessed: 26.04.2021). [in Russian]

6. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach] / V. Z. Dem'yankov // Voprosy yazykoznaniiya. [Questions in Linguistics]. – 1994. - №4. – P. 17-33. [in Russian]
7. Jones L. Most workers do not expect full-time office return, survey says [Electronic resource] / L. Jones, R. Wearn // BBC News. – 2021. – URL: <https://www.bbc.com/news/business-58559179> (accessed: 17.09.2021).
8. Druzhinin A. S. Kognitivnaya interpretaciya anglijskih form Perfect Aspect-Tense [Cognitive interpretation of English Perfect Aspect-Tense] / A. S. Druzhinin // Mezhdunarodnyj issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. – 2016. - №6 (48). Part 4. – P. 27-29. [in Russian]
9. Kubryakova E. S. O kognitivnoj lingvistike i semantike termina «kognitivnyj» [On cognitive linguistics and semantics of the term "cognitive"] / E. S. Kubryakova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Voronezh State University Bulletin]. – 2001. - vol. 1. - P. 4-10. [in Russian]
10. Turaeva Z. Ya. Kategorija vremeni. Vremja grammaticheskoe i vremja hudozhestvennoe [Time category. Grammatical tense and artistic tense] / Z. Ya. Turaeva. - Librokom, 2009. - 219 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.14>**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НАЗВАНИЙ ЗАВЕДЕНИЙ ПИТАНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

Научная статья

Исакова А.А. *

ORCID: 0000-0002-5607-8523,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

* Корреспондирующий автор (annatelem[at]gmail.com)

Аннотация

В статье описывается социокультурная специфика городских названий заведений питания в русском, английском и французском языках на материале заведений г. Тюмени (Россия), г. Сиэтла (США) и г. Тулузы (Франция). Выделяются четыре социокультурные категории названий заведений питания в языке города: названия, которые отражают культуру, доминирующую в данном обществе; названия, демонстрирующие культуру, относящуюся к данному обществу, но не доминирующую в нем; названия, каким-либо образом относящиеся к культуре иностранных государств; название, отсылающие к мировому культурному наследию. Представлена схема коммуникативной ситуации, происходящей между номинатором и посетителем, а также описана роль социокультурной специфики города в этой коммуникации.

Ключевые слова: название заведения питания, эргоним, язык города, социум, культура.

SOCIO-CULTURAL ASPECT OF NAMES OF FOOD ESTABLISHMENTS IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH

Research article

Isakova A.A. *

ORCID: 0000-0002-5607-8523,

Tyumen State University, Tyumen, Russia

* Corresponding author (annatelem[at]gmail.com)

Abstract

The article describes the socio-cultural specifics of the names of food establishments in Russian, English and French cities based on the material of establishments in Tyumen (Russia), Seattle (USA) and Toulouse (France). There are four socio-cultural categories of names of food establishments in the language of a city: names that reflect the culture that dominates in this society; names that demonstrate a culture related to this society but not dominant in it; names that somehow relate to the culture of foreign countries; names referring to the world cultural heritage. The article presents a scheme of the communicative situation occurring between the naming party and the visitor, as well as describe the role of the socio-cultural specifics of the city in this communication.

Keywords: name of the catering establishment, ergonym, language of the city, society, culture.

Введение

Названия заведений питания являются в определенной степени отражением социокультурной специфики языка отдельного города. Социокультурная обусловленность названий заведений питания рассматривается нами через призму социального и культурного контекстов. Создание успешного названия предусматривает учет социокультурной специфики городского пространства: традиций и культуры общества, в котором будет функционировать заведение; языковой политики (одноязычие, двуязычие или многоязычие); предполагаемый контингент посетителей (профессию, уровень образования, владение языками и т.п.), виды постоянных и периодических контактов городских жителей с другими народами и культурами, степень глобализации. Все указанные условия могут оказать значительное влияние на специфику будущего названия заведения питания.

Вопросам изучения влияния социальных явлений на язык посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых – В.И. Беликова, У. Вайнрайха, А. Вежбицкой, Вильгельм фон Гумбольдта, Л.П. Крысина, И.А. Бодуэн де Куртенэ, У. Лабова и других.

И.А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал социальную сторону языка вместе с психической. «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отметить в нем всегда сторону социальную» [3, С. 131]. Многочисленные изменения, происходящие в обществе, в некоторых случаях сразу, в других по истечении определенного времени, проявляются в языке.

Вильгельм фон Гумбольдт исследовал специфику взаимодействия языка и культуры. Ученый отмечал, что национальный язык имеет свою уникальную внутреннюю форму [9].

Гипотеза Сепира-Уорфа подтверждает влияние языка на мышление человека и присутствие своей языковой картины мира у каждого народа [6].

Анна Вежбицкая писала о важности учета национально-культурной специфики анализируемого языка и выявила культурные различия нескольких языков [5].

У. Вайнрайх исследовал языковые контакты различных народов и сделал значимые для науки выводы о взаимодействии языков и культур [4].

Номинативная функция является одной из частных функций языка, в которой естественным образом взаимодействуют язык, социум и культура.

Современные тенденции в изучении социокультурной специфики названий заведений питания рассмотрены в многочисленных исследованиях отечественных ученых.

М.В. Аулина исследовала советский период функционирования эргонимов и отметила, что «эргонимия города отражает социально-экономическую жизнь, психологические установки, языковой вкус, господствующую в данный момент языковую моду» [1, С. 71]. В результате изучения эргонимов соответствующего периода могут быть получены сведения об экономике и культуре народа на определенном этапе его развития.

Ю.Г. Пушкарева рассмотрела социокультурный аспект урбанонимии Квебека (Канады) и отметила, что «урбанонимикон является свидетельством экономической и социокультурной динамики развития города» [13, С. 90].

В.А. Крыжановская пишет о влиянии социальных и культурных событий на язык, который в свою очередь воздействует на эргонимы. Ученый пишет об американизации, проявляющейся в популярности названий на английском языке [7].

И.Н. Пономаренко изучила проблемы городского онима в социокультурном аспекте. «При регистрации делового объекта акт номинации автоматически закрепляется, новая единица приобретает официальный статус и через официально-деловой стиль как подсистему литературного языка проникает в язык-стандарт» [11, С. 429]. В данном случае мы имеем дело с актом сотворения языка, в котором номинатор выступает творцом нового слова.

И.Н. Пономаренко и Т.О. Багдасарян исследовали новую тенденцию в эргонимии, которая проявилась в использовании рекламных текстов в качестве названий заведений питания. «Массив эргонимов современного города чрезвычайно созвучен диалогичности актуальной социокультурной ситуации. Новые городские имена не просто называют объекты, а вовлекают горожан в процесс коммуникации, навязчиво инициируя реакцию» [12, С. 320]. Действительно, некоторые новые названия заведений питания откровенно навязывают «диалог» и провоцируют определенную реакцию. Например, в г. Тюмени функционирует кафе «Сели – Поели», которое ничего не сообщает о блюдах, атмосфере места, ценах, а только формирует намерение – «сесть и поесть» в этом заведении.

Язык отражает в своей системе все аспекты функционирования общества, но в каждой форме его существования степень отражения будет различной. Современные названия заведений питания – зеркало языковых изменений, происходящих на данном этапе развития общества. В период глобальной пандемии 2020-2021 года они демонстрирует «возвращение» к теме вкусной и разнообразной еды, отдыха и путешествий (гастрономических путешествий посредством заведения с определенным названием), домашнего уюта. Фокус внимания создателей названий сместился с туристов на жителей города.

Методы и принципы исследования

Названия заведений питания являются теми лексическими единицами, в которых отражается предшествующая и текущая социокультурная специфика города (в зависимости от времени создания и периода функционирования названия). В соответствии с идеей Е.Д. Поливанова влияние социальной среды на язык происходит особым путем, который мы адаптировали для названий заведений питания. «Экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает видоизменение отправных точек его эволюции» [10, С. 86]. Применимо к функционированию языка в сфере общественного питания регулярно происходят различного рода сдвиги, которые обусловлены изменением акторов специфической коммуникативной ситуации – создателей названий заведений и потенциальных посетителей, а также сменой политических, экономических и социокультурных условий. Глобальная пандемия привела к изменению контингента посетителей заведений общественного питания, следовательно, это привело к изменениям их названий.

В данном исследовании будет рассмотрена специфика частной коммуникативной ситуации в сфере общественного питания применимо к названиям заведений питания. В основе авторской схемы находится универсальное описание коммуникативной ситуации, предложенной В.И. Беликовым и Л.П. Крысиным [2].

Некоторые названия заведений питания представляют собой маркеры социокультурной специфики города и наиболее динамично (по сравнению с другими видами урбанонимов) реагируют на изменения в обществе, языке и культуре. На основе авторской картотеки названий заведений питания г. Тюмени, г. Сиэтла и г. Тулузы будут выделены социокультурные категории языка города.

Обсуждение

В нашем исследовании будут рассматриваться названия заведений питания в русском, английском и французском языках на материале заведений г. Тюмени (Россия), г. Сиэтла (США) и г. Тулузы (Франция). Во всех этих странах Конституцией гарантируется свобода слова и отсутствие цензуры с учетом некоторых незначимых для нашей работы исключений.

Главная цель языка – коммуникативная, главная цель создания названия заведения питания (с точки зрения лингвистики) – номинативная, главная цель функционирования названия – прагматическая (привлечь клиентов). Лингвист может наблюдать следующую коммуникативную ситуацию, возникающую между создателем названия и посетителем, который это название воспринимает.

Коммуникативная ситуация между создателем названия заведения питания и посетителем заведения

1. Адресант (номинатор, в данной роли выступает человек, представляющий интересы владельца заведения);
2. Адресат (посетитель – в данной роли выступает человек, которого необходимо заинтересовать, чтобы он захотел посетить определенное заведение);
3. Отношение между адресантом и адресатом (на наш взгляд, эти отношения можно представить в форме скрытого диалога, в котором адресант предлагает адресату посетить заведение питания, а адресат отвечает либо утвердительно (посещает заведение, оформляет доставку) либо отрицательно (не посещает это заведение).

4. Тональность названия (в названиях заведений питания можно выделить следующие тональности: дружеская подразумевает «дружеские» названия, официальная – «официальные» названия, нейтральная – нейтральные, игровая тональность – «игровые» названия, домашняя – названия, ассоциирующиеся с домашним уютом и домашней кухней; культурная – заведения, названные именами известных личностей, а также те, источником для которых, послужили художественные произведения, фильмы, музыка и т.п.; вкусовая – название отдельных блюд, определенного типа кухни, определенного способа приготовления (Гриль Хауз); территориальная – названия, благодаря которым возникает своеобразное «государство» в государстве (Например: Анталья — город в Турции и название ресторана *Анталья*, в данном случае заведение через название представляет собой модель города в культурном смысле и создает определенные культурные ожидания у посетителей – национальная кухня, национальная одежда, соответствующая атмосфера, проявленная в элементах декора и т.п.).

5. Цель коммуникации (привлечь посетителя, посетить заведение).

6. Средство общения (вербальное и невербальное).

7. Способ общения (смешанный – для данного типа коммуникации характерен письменный способ общения у адресата и деятельностный у адресанта (под деятельностным средством общения мы понимаем ответ адресата на воздействие адресанта действием: положительный – посетить определенное заведение или заказать доставку готовых блюд, отрицательный – не отреагировать на воздействие адресанта и, следовательно, игнорировать его воздействие или принять решение не посещать данный ресторан).

8. Место общения (виртуальное – в пространствах Интернета или реальное – в городе перед вывеской ресторана, посредством третьего участника коммуникации – тот случай, когда адресат узнает о заведении от другого адресата).

9. Условия коммуникации: социокультурная специфика города — степень глобализации, уровень городского развития, национальный, возрастной и гендерный состав городского населения, включенность в глобальную экономику, владение языками и т.п.

Данная схема коммуникативной ситуации между номинатором и посетителем достаточно подробно представляет характер взаимодействия номинатора и посетителя. Социокультурная специфика города входит в условия коммуникации и может оказывать влияние на все другие компоненты коммуникативной ситуации. Именно поэтому важно ее учитывать на этапе создания названия, так как это позволит эффективно реализовать его прагматическую функцию.

Прагматическая функция в названиях заведений питания реализуется посредством трех аспектов:

1. Прием пищи (завтрак, бизнес-ланч, доставка еды на дом или в офис).

2. Прием пищи + Коммуникация (деловые обеды и ужины, свидания, торжественные мероприятия, встречи с друзьями).

3. Прием пищи + Коммуникация + Культурный опыт (дегустация «заведения питания», дегустация новых блюд в ресторане, посещение ресторана в другой стране, посещение национального ресторана в своем городе).

Название заведения питания должно коррелировать с одним из трех аспектов. Если заведение рассчитано только на прием пищи, то в таком случае его название ассоциативно должно быть максимально приближенным к маркерам еды (название блюд, процесс приготовления, способ подачи и т.п.). Если предполагается, что заведение будет выступать не только местом приема пищи, но и местом коммуникации (встреча с друзьями, семейные торжества и т.п.), то в таком случае необходимо учесть это в названии. Для таких заведений маркеры еды не будут являться главными, здесь на первый план будут выходить ассоциации, связанные с подходящим местом для общения. Если в заведении питания будет предоставляться возможность получить культурный опыт, то название подобного заведения может быть создано с использованием маркеров того типа культуры, который планируется продемонстрировать (например: *Чум (название жилища некоторых северных народов) – Чум (ресторан северной кухни)*).

В некоторых названиях заведений питания отражается социокультурный контекст общества, в котором это название было создано. В общей совокупности всех названий заведений питания отдельного города можно будет выделить следующие социокультурные категории:

1. Культура, доминирующая в данном обществе (традиции и наследие). Данная категория включает названия, которые созданы на основе онимов, относящихся к сфере традиций доминирующей культуры, истории народа, его религии. В г. Тюмени выявлены подобные названия – *CAFÉ 1586* (название напрямую указывает на дату образования города), *Потаскуй* (название заведения питания заимствовано из названия городского района Потаскуй) и др. В г. Сиэтле к таким названиям относятся — *Americano Burger* (отсылка к американской культуре), *American Pie Bakery and Café* (отсылка к американской кухне) и т.п. В г. Тулузе — *La Cave Chez Victor et Hugo* (отсылка к творчеству французского писателя Виктора Гюго), *Can-Can* (отсылка к французскому танцу). Кроме того, к этой категории относятся семейные традиции определенного общества. В исследуемых названиях в русском, английском и французском языках активно функционируют эргонимы, включающие такие слова как мать, отец, брат, сестра, семья и т.п. Например, названия в г. Тюмени — *Мамины пироги*, *Папины булочки*; названия в г. Сиэтле — *Papa Johns, Sisters and Brothers* и т.п. В г. Тулузе — *Les Fils a Maman Victor Hugo, Mama Restaurant Toulouse* и т.п. Дополнительно в эту категорию входят названия фильмов, созданных в данном обществе, их персонажей и актеров, различные музыкальные композиции и исполнители, характерные для данного общества, названия художественных произведений, персонажи и имена писателей данного общества.

2. Культура, относящаяся к данному обществу, но не доминирующая в нем – в эту категорию входят названия, которые относятся к традициям и наследию народов, которые представляют меньшинство в данном городе. В г. Тюмени данные названия относятся к многочисленным национальным (грузинским, армянским, корейским и т.п.) ресторанам – *Ван Гоги*, *Самеба*, *Ткемале* и т.п. В г. Сиэтле подобные названия относятся к различным китайским, испанским, мексиканским заведениям питания – *Jiaozi*, *La Cocina Santiago & Cantina* и др. В г. Тулузе также существуют подобные заведения. Как правило, они относятся к региональной кухне Тулузы и,

соответственно, их название также представляется на региональном диалекте (окситанском, каталонском или баскском). Например – кафе в г. Тулузе — Juguem (в переводе с каталанского – Давай поиграем).

3. Культура иностранных государств

— названия, которые представляют международные заведения питания. Это демонстрирует открытость границ исследуемого общества и его включенность в мировую экономику через сферу общественного питания. В г. Тюмени присутствует большое количество таких названий — McDonalds, Subway, Burger king и т.п. В г. Сиэтле — Teriyaki & Pho, Luigi's Pizza & Pasta и т.п. В г. Тулузе — KFC, Garam Masala, Chicken Ben's и т.п.

— названия, которые представляют посетителю культуру других государств. В г. Тюмени к подобным заведениям относятся следующие: Ин Да Юса, Балкан гриль, Casa mia, Тсуру и т.п. В г. Сиэтле — Siam Bistro (название королевства Сиам), Shangri-La (вымышленная страна, описанная британским писателем Джеймсом Хилтоном) и т.п. В г. Тулузе — Kabuki Sushi (кабуки – японская драма), Kebab Indien (индийский кебаб), Gyros (греческое блюдо).

4. Мировое культурное наследие. В эту категорию входят названия заведений, отражающие имена различных объектов мифологии, религиозных понятий, а также элементы мирового кинематографа, музыки, литературы, живописи, латинские крылатые выражения. В г. Тюмени к данной категории можно отнести ресторан «Посейдон», кафе «Ван Гог», чайная «У Раневской» и т.п. В г. Сиэтле — Angel City Deli Soul Food & BBQ, Apollo's Gyros and Pizza, Aurora Donuts и т.п. В г. Тулузе — Jambon 007 (аллюзия на Джеймса Бонда), Carpe diem (латинское выражение – Живи настоящим) и т.п.

Все указанные социокультурные категории будут присутствовать в любом корпусе названий заведений питания и характеризовать специфику и индивидуальные черты того общества, в котором были созданы и функционируют. Анализ представленности различных компонентов каждой категории позволит сделать вывод об открытости данного общества, его толерантности, включенности в мировую повестку, отнесенности к глобальной экономике. Детальный анализ поможет выявить определенные культурные ценности жителей города на определенном этапе развития общества. На наш взгляд, наличие названий заведений питания, относящихся ко всем четырем категориям, свидетельствует о сбалансированном успешном общественном развитии города.

Имеются социокультурные различия в названиях заведений питания в русском, английском и французском языках. В английском языке широко представлены названия, включающие топонимы *Америка*, *Сиэтл* и т.п. Во французском языке также выявлен ряд названий, в которых используются топонимы *Франция*, *Тулуза* и т.п. В русском языке названий, включающие топонимы Россия или Тюмень не выявлено. В русском языке активно функционируют названия, ассоциирующиеся напрямую с домашней кухней и домашним уютом. В названиях заведений питания русского языка широко представлены культурные символы российского государства (Тургенев, Прокофьев и т.п.), во французском – французского (Виктор Гюго, Антуан де Сент-Экзюпери и т.п.), в английском – американского (Фитцджеральд, Марк Твен).

Заключение

Таким образом, были рассмотрены социокультурные категории, выявленные в названиях заведений питания г. Тюмени (Россия), г. Сиэтла (США) и г. Тулузы (Франция). Было выделено четыре категории: культура, доминирующая в данном обществе; культура, относящаяся к данному обществу, но не доминирующая в нем; культура иностранных государств; мировое культурное наследие. Все эти категории представлены в корпусе названий заведений питания г. Тюмени, г. Сиэтла и г. Тулузы.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90050.

Funding

The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90050.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аулина М. В. Отражение языковой ситуации и социокультурной жизни в Азербайджанской эргонимии (советский период) / М. В. Аулина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – №5. – С. 71-75.
2. Беликов В. И. Социоллингвистика: Учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 436 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / Вайнрайх У. – Киев: Высшая школа, 1979. – 263 с.
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Вежицкая А. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 776 с.
6. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Издат-во иностранной литературы, 1960. – С. 111 – 134.
7. Крыжановская В. А. Современный эргоним: социокультурный аспект / В. А. Крыжановская // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. – 2017. – С. 281-284.

8. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / Лабов У. // Новое в лингвистике. – 1975. – №. 7. – С. 96-181.
9. Панченко В. А. Вильгельм фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры / В. А. Панченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – №. 124.
10. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
11. Пономаренко И. Н. Городской оним как социокультурный маркер / И. Н. Пономаренко // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. – 2017. – С. 428-432.
12. Пономаренко И. Н. Новое в языке города: реклама или эргоним / И. Н. Пономаренко, Т. О. Багдасарян // Русский язык в поликультурном мире – 2020. – С. 317-321.
13. Пушкарёва Ю. Г. Социокультурный аспект урбанонимии Квебека (Канада) / Ю. Г. Пушкарёва // Вестник БГУ. – 2016. – №2. – С. 90-95.

Список литературы на английском / References in English

1. Aulina M. V. Otrazhenie jazykovoj situacii i sociokul'turnoj zhizni v Azerbajdzhanskoj jergonimii (sovetskij period) [Reflection of the linguistic situation and socio-cultural life in Azerbaijan ergonymy (Soviet period)] / M. V. Aulina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija» [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"]. – 2015. – №5. – P. 71-75. [in Russian]
2. Belikov V. I. Sociolingvistika: Uchebnik [Sociolinguistics: Textbook] / V. I. Belikov, L. P. Krysin. – M.: RGGU, 2001. – 436 p. [in Russian]
3. Bodujen de Kurtenje I.A. Izbrannye raboty po obshhemu jazykoznaniju [Selected Works on General Linguistics]. / I.A. Bodujen de Kurtenje. – M.: Izd. AN SSSR, 1963. – Vol. 1. – 384 p. [in Russian]
4. Vajnrakh U. Jazykovye kontakty. Sostojanie i problemy issledovanija [Language contacts. Research status and problems] / Vajnrakh U. – Kiev: Vysshaja shkola, 1979. – 263 p. [in Russian]
5. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and description of languages]. – M.: «Jazyki russoj kul'tury», 1999. – 776 p. [in Russian]
6. Zvegincev V. A. Teoretiko-lingvisticheskie predposylki gipotezy Sepira-Uorfa [Theoretical and linguistic premises of the Sapir-Whorf hypothesis] / V. A. Zvegincev // Novoe v lingvistike [New in linguistics]. Iss. 1. – M.: Izdat-vo inostrannoju literatury, 1960. – P. 111 – 134. [in Russian]
7. Kryzhanovskaja V. A. Sovremennij jergonim: sociokul'turnyj aspekt [Modern ergonym: socio-cultural aspect] / V. A. Kryzhanovskaja // Russkij jazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Juga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy [Russian language and onomastics in the multicultural educational space of the South of Russia and the North Caucasus: problems and prospects]. – 2017. – P. 281-284. [in Russian]
8. Labov U. Issledovanie jazyka v ego social'nom kontekste [Study of language in its social context] / Labov U. // Novoe v lingvistike [New in linguistics]. – 1975. – №. 7. – P. 96-181. [in Russian]
9. Panchenko V. A. Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Vnutrennjaja forma jazyka kak otrazhenie samobytnosti jetniceskoj kul'tury [Wilhelm von Humboldt. The internal form of the language as a reflection of the originality of ethnic culture] / V. A. Panchenko // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. – 2010. – №. 124. [in Russian]
10. Polivanov E. D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju [Articles on general linguistics] / E. D. Polivanov. – M.: Nauka, 1968. – 376 p. [in Russian]
11. Ponomarenko I. N. Gorodskoj onim kak sociokul'turnyj marker [City onym as a socio-cultural marker] / I. N. Ponomarenko // Russkij jazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Juga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy [Russian language and onomastics in the multicultural educational space of the South of Russia and the North Caucasus: problems and prospects]. – 2017. – P. 428-432. [in Russian]
12. Ponomarenko I. N. Novoe v jazyke goroda: reklama ili jergonim [New in the language of the city: advertising or ergonym] / I. N. Ponomarenko, T. O. Bagdasarjan // Russkij jazyk v polikul'turnom mire [Russian language in the multicultural world] – 2020. – P. 317-321. [in Russian]
13. Pushkarjova Ju. G. Sociokul'turnyj aspekt urbanonimii Kvebeka (Kanaada) [Socio-cultural aspect of urbanonymy of Quebec (Canada)] / Ju. G. Pushkareva // Vestnik BGU [The BSU Bulletin]. – 2016. – №2. – P. 90-95. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.17>**ПРИЧИНЫ И ЭТАПЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДИЗАЙНА КРЕОЛИЗОВАННОГО
МЕДИАТЕКСТА В ПРЕССЕ ГЕРМАНИИ**

Научная статья

Ленкова Т.А. *

РГУ имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

* Корреспондирующий автор (talenk[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье предпринимается попытка проследить развитие дизайна в креолизованных медиатекстах, подвергая анализу причины и этапы этого процесса, обусловленного тенденцией к визуализации во многих сферах жизни современного общества. Мультимедиадизайн рассматривается автором как результат научно-технологического развития общества и одновременно как ответ на потребности целевой аудитории. Особое внимание в работе обращается на схожесть природы мультимедийного дизайна и креолизованного медиатекста. Развитие медиадизайна прослеживается в двух направлениях, логическом и метафорическом. В соответствии с указанными направлениями автором предлагается дифференцировать визуальный инструментарий на инфографический и визуально-стилистический.

Ключевые слова: креолизованный медиатекст, мультимедийный дизайн, визуализация, вербальные и визуальные средства выразительности.

**CAUSES AND STAGES OF VISUALIZATION OF THE DESIGN OF A CREOLIZED
MEDIA TEXT IN THE GERMAN PRESS**

Research article

Lenkova T.A. *

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

* Corresponding author (talenk[at]yandex.ru)

Abstract

The article attempts to trace the development of design in creolized media texts, analyzing the reasons and stages of this process, due to the trend towards visualization in many areas of modern society. The author considers multimedia design as a result of the scientific and technological development of society and at the same time as a response to the needs of the target audience. Particular attention is paid to the similarity between the nature of multimedia design and creolized media text. The development of media design can be traced in two directions, logical and metaphorical. In accordance with the indicated directions, the author proposes to differentiate visual tools into infographic and visual-stylistic ones.

Keywords: creolized media text, multimedia design, visualization, verbal and visual means of expressiveness.

Introduction

Visualization, which has become an integral part in many spheres of human life over the past 3 decades, has given rise to such a concept as "media design of creolized text" in journalism. This process is due to a number of reasons, among which, in our opinion, the evolutionary development of society is in the first place.

A modern person, tightly surrounded by the media space, is simultaneously not only a customer and a consumer of media products, but also a manufacturer. Society and the media space are interdependent.

The role of information for people in recent decades has changed dramatically; it is perceived and consumed in a completely different way. If not so long ago they talked about readers as a target audience, now this may not be entirely correct. The readership is increasingly playing the role of a "provider of journalism" — that is, it becomes an active participant in the production of multimedia information.

The main criteria of the media space since the 80s of the last century have been speed, mobility, multimedia, versatility and interactivity [6]. These conditions must be met by all publishers wishing to stay "afloat".

At the same time, traditional mass media lose out, primarily those that involve a careful study of the material, namely, printed newspapers and magazines.

In the late 90s of the last century, readers began to gradually move away from the traditional versions of newspapers. Two trends have emerged towards a new model of "media consumption": on the one hand, traditional mass media are gradually individualizing, turning into mass media oriented towards the individual consumer; on the other hand, we are witnessing an ever-increasing growth of the visual and visual component in the mass media.

The increase in the speed of life, the emergence of the Internet, social networks and alternative communication opportunities "reminded" a person that he is a "visual". The production of written texts, and with it the existence of the printed mass media, came into question. If fifty years ago a person's media consumption was very limited, then at the beginning of the 2000s they started talking about such a phenomenon as "information overload" [4], [11].

The editors of traditional newspapers and magazines, in search of effective organization and optimal content, found a solution in multimediaization [6], which became a response to the changing needs of the audience and a consequence of the development of scientific and technological progress.

Today it is customary to say that people are moving from textual thinking and textual types of consumption to visual thinking and visual types of consumption. Visualization is considered one of the trends in multimedia. It seems that visualization and with it the creolization of text are still primary in relation to the process of multimedia. If the presence of five

modes of communication (gesture, image, music, writing, speech) is generally recognized, then at least three of them (writing, image, sound) were used long before the advent of modern multimedia production—it is enough to recall illustrated audiobooks. It is believed that the first audiobook was recorded in 1933, when the famous anthropologist J. Harrington recorded the stories and legends that were told in Indian tribes.

Man did not become a "visual" overnight. We perceive most of the information through sight, nature made us so, it was and will be so. The only question is the extent and quality of the use of visual means of expression. It is the growing need for multimedia that has become, in our opinion, the reason for the increase in visuality in creolized media texts that combine the expressive means of different semiotic systems.

Speaking about multimedia mass media, it would be correct to recall another term — "convergence", which seems to us the most appropriate in the case of creolized media text. The specificity of the multimedia language is that it combines the most diverse communication capabilities. The latter is in perfect agreement with the nature of the creolized text, which combines the expressive means of different semiotic systems. Interacting (converging) with each other, that is, adapting, getting closer, they just create the necessary multimedia effect.

In addition, the visual component is central to multimedia, which, according to many scientists, increase the effectiveness of information [9], its communicative effect and contribute to better assimilation, memorization and, most importantly, understanding of information.

Turning to multimeditization opens up the opportunity for journalists to "repackage" the content of one media for another, the interpenetration of the contents (for example, today many print media have their own Internet versions). According to A. G. Kachkayeva, this "repackaging", that is, the translation of a part of the text content into visual or audiovisual, is the art of creating multimedia.

Thus, creolized media texts, in their own way, were already "ready" for the emergence and perception of multimedia, since they are based on semantic multilingualism, as well as the diversity of communication platforms is hidden at the heart of multimedia. Moreover, it seems that the creolized printed media texts, which served as the fundamental principle of multimedia, have absorbed all modern information and technical innovations, skillfully refracting them on their traditional soil.

Over time, the activities of the mass media are becoming more complex and transformed, but the main tasks remain the same — to inform and influence. However, today a journalist not only collects and presents information using multimedia, but also offers context for reflection, trying to explain what happened. Hence the changes in the attitude towards design, which has ceased to be a simple layout, but has turned into a story tool, into an element of economy and at the same time "attracting" the reader. Heavy text snippets are now rendered and better perceived by the consumer. The road to the "current" level of design has been quite a thorny one. The stages of its formation can be traced, first of all, in the historical development.

The word design appeared in the 16th century in Europe and, according to the Oxford Dictionary of 1588, meant "a man's plan or blueprint for something to be realized, the first draft of a future work of art." The Great Soviet Encyclopedia clarifies that, among other things, design is not only an intention, but also a process and a result [1].

In 1849, the first magazine in the world was published in England with the word "design" in the title—"Journal of Design", founded by the statesman, artist-designer Sir Henry Cole [14]. Even then, this magazine was colorfully illustrated, rich in a variety of typefaces, and its format resembled a book.

Although the first newspapers appeared in Europe in the 16th century, the use of artistic techniques in printing, or rather, graphics and lithography, began closer to the middle of the 19th century. At this time, the era of graphic design began.

In the 20s of the last century, the time of modernism began, publications appeared that "stepped far forward": on their pages, "verbal" and "visual" merged so much that the text could not be separated from the image (for example, newspapers and magazines of the Dadaists).

A definite influence on media design in the mid-twentieth century. rendered commercial graphics, namely: the introduction of corporate identification systems. Mass media design has developed as a symbolic publication system, as a communication tool. New principles of visualization have led to the active inclusion of infographics in the media text.

In the 70s of the twentieth century, digitalization, multimedia began to enter our life, which could not but affect the development of media design. Multidimensional compositions, visual metaphors in the form of graphic illustrations, photographic compositions appear in the print media. Design has become not only a means of organizing and constructing content, but also a tool for navigating through the pages of a publication.

Having traced the development of media design from a historical point of view, it is safe to say that data visualization has almost always been present on the newspaper page, but only on a different scale and in a slightly different quality.

There is no doubt that the visualization process has become a powerful impetus for the development of modern media design. E.V. Chernenko [12], referring to the opinion of the Austrian political scientist Claudia Maria Wolf, says that the study of the "language" of graphic materials in printed publications is one of the most promising and at the same time undeveloped areas by scientists.

In addition to the "cultural-historical" principle, the classification of media design can be based on the degree of participation / non-participation of verbal means in its design. This, in our opinion, is the classification of D. A. Nosayev, although he does not speak about it directly in his works.

The textual type of design, according to D.A.Nosayev, is gradually being transformed into a textographic one. At the same time, the heading complex changes quite strongly. D.A. Nosayev suggests dividing media design into the following groups: text, graphic, textographic, or illustrative news [10].

The stages of development of media design in the magazine "Der Spiegel" have a number of differences, if only because the first issue of the publication came out when the entire journalistic world was in the middle of the second "technological-graphic" stage. "Der Spiegel" was able to combine high quality printed texts with graphic design from the very beginning. If we analyze the issues for 1947-1957, it becomes clear that the magazine has never used only text design—already at the dawn of the magazine's development, the design was mixed.

G.F. Voronenkova [3] made a profound study of the German press during its more than fifty years of development. For the first time, the researcher attempted a comparative analysis of illustrations (photographs, collages, information graphics) in the world's leading illustrated weekly publications, including "Der Spiegel" in the period from 1972 to 2002.

Presumably in the 70s of the last century, media design began to gradually move to a qualitatively new stage of its development, which is undoubtedly associated with the processes of visualization in many spheres of life. Text-graphic type of design turns into multimedia.

Media design is currently seen as the result of the visualization process. V.V. Volkova writes that for a long time the design of mass media was just a formal sign in relation to content or content. But as a result of the development of the media world, the traditional verbal text was transformed into creolized, or polycode. A logical continuation of this process was the redistribution of the verbal and visual components of the media text, more and more often in favor of the latter. Thus, media design from a "serving appendage" of printed newspaper material has grown into its full-fledged part.

Essentially, visualization is a technology. And, like any other technology, visualization has a specific purpose, it applies concepts, methods and tools borrowed from other fields. Let's make a reservation right away that following V.V. Volkova, we consider media design primarily as a part of the media text and only then as a kind of technology [2].

V.V. Volkova proposes to define the toolkit of visual means, since they are very diverse. Quite often, it is suggested to pay attention to visual means, which are usually called in journalism a layout, that is, a structured display of information on a plane, which, along with the text of a publication, is capable of performing "a certain semantic function" [13].

D.A. Nosayev believes that it is the heading complex that is the structural component of the article, where the possibilities of media design are most optimally implemented. The heading complex is a constantly evolving element. The more complex and original it is, the more convenient and effective the presentation of information to readers, and, accordingly, the more functional and logical the design. Agreeing with D.A. Nosayev, let's say that the heading complex in creolized media texts has turned into a navigation mechanism that promotes optimal perception of information. Moreover, the beginning of the article is highly appreciated by German media linguists and practicing journalists, who consider, for example, a lead or an introduction (the verbal part of the heading complex) as the main statement in the material (La Roche, Heusermann).

However, it would be interesting to move a little away from the form, that is, from the structuring of the article, and turn to the content of modern media design in creolized text.

MR Zheltukhina writes about the logic and metaphor of the creolized media text as two complementary manifestations [5]. In the terminology of Yu. S. Stepanov, these are the two sides of the "range of signs", within which it is advisable to consider any semiotic object, which, no doubt, is a creolized media text.

It seems that at the present stage, the development of design in creolized media text goes in two directions indicated by M.R. Zheltukhina, namely: in the logical and metaphorical from the favorite means of expression among journalists, it remains far from the only stylistic device). Quite clearly on the newspaper page, we can see the abundance of infographics and the widespread use of various visual tropes and shapes.

Let us take the liberty to divide the visual toolkit into two parts, namely, it would be appropriate to refer to the logical direction of media design as the means of infographics, that is, all kinds of tables, diagrams, scales, and, in fact, the structure of the article itself, since it can also have a meaning-forming function. The visual-stylistic, or metaphorical direction (in the terminology of M.R. Zheltukhina) direction should include artistic means, such as photography, drawing, caricature, caricature.

In fact, the magazine "Der Spiegel" is, first of all, *das Magazin*, that is, an illustrated edition. In our opinion, the share of information and graphic visualization tools in "Der Spiegel" is somewhat less than artistic means, especially in such sections as *society*, *culture*, *history*. And materials in other headings are very rarely preceded by any schedule; rather, this is an exception.

There is a significant difference between the logical and visual-stylistic directions of media design, which in no way diminishes the importance of the other direction. So, infographics state the facts, presenting data in the form of statistical graphs, maps, charts, diagrams and tables, and artistic visualization helps readers create their own vision of the problem, invites them to think and co-create.

The possibilities of perceiving non-verbal information in a newspaper are truly endless: both a photo and a drawing visualize fragments of data using various semiotic systems and communication platforms. These include kinesics (facial expressions, gestures), haptics (touches and tactile communication of the heroes of the photo), oculosics (eye contact of characters), color (symbolism of color), proxemics (spatial temporal sign system of communication).

According to I. Kiriya, multimedia appeared quite a long time ago, in fact, with the advent of writing. The very word "media", which, if we abstract from too scientific explanations, means, according to I. Kiriya, "a way of communication", that is, the process of transferring information. Based on this definition, we can say that "inside" each photo, drawing or any other artistically rendered fragment has its own multimedia as a set of different ways of transmitting information. Precisely because the visual and stylistic direction of media design presents several possibilities at once for comprehending the meaning of a message, that is, its deverbalization, modern creolized media text is popular with the reader. According to N. I. Klushina, "deverbalization" in modern communication is associated with the fact that "a picture" and other paragraph means become the same semantic code as words" [8]. In a number of research works, «deverbalization» is explained by the negative processes of impoverishment and primitivization of speech. N.I. Klushina, in turn, believes that the rejection of the verbal shell «opens access to the inexpressible» [8].

First, as a rule, the external side is attractive; secondly, reading time is saved; thirdly, the artistic and stylistic presentation of information makes one think; fourthly, the reader can "choose" which of the communication platforms is of interest to him, – whether the characters themselves, their gestures and facial expressions, and color scheme will "hook" him in the photo.

Conclusion

Thus, we can conclude that visualization elements in periodicals were used from the first days of their existence. Changes in the life of society and rapid technological progress have led to a surge in multimedia, and with it a new rise in visualization. As a result of these processes, a special type of media design for creolized text appeared — multimedia design, which combined both external multimedia (at the level of design and structuring) and internal (at the level of content).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Большая советская энциклопедия. Том 8. Дебитор – Евкалипт. 3-е изд. / Глав. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энциклопедия, 1972. — 592 с.
2. Волкова В. В. Специфика медиадизайна / Волкова В. В. // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 4. — С. 5-21.
3. Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии : (исторические предпосылки, особенности становления и эволюция, типологические характеристики, структура, состояние на рубеже тысячелетий) [Текст] : [монография] / Г. Ф. Вороненкова ; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Фак. журналистики, Freies Russisch-Deutsches Institut fuer Publizistik. - 2-е изд., доп. и испр. - Москва : Изд-во Московского ун-та, 2011. — 643 с.
4. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей / Еляков А.Д. // Социологические исследования, №5, 2005. — С. 114-121.
5. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / Желтухина М. Р. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.—656 с.
6. Качкаева А. Г. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. — М.: 2010. — 200 с.
7. Кирия И. Мультимедиа и новые принципы новостей / под ред. А.Г. Качкаевой // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. — М.: 2010.—С. 30-47.
8. Клушина Н.И. Девербализация эмоций в современной медиакulturе: кроссвордное письмо / Клушина Н.И. // Слова ў кантэксце часу: да 85-годдзя прафесара А.І. Наркевіча : пленарныя даклады / пад агул. рэд. В.І. Іўчанкава. — Выд. цэнтр БДУ Мінск, 2014. — 2014 — С. 91–96.
9. Марьина Л.П. Перформативность медиаобразовательных технологий: теория и практика / Марьина Л.П. // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 6.
10. Носаев Д.А. Влияние элементов графической модели периодического издания на его успешность / Носаев Д.А. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 3. — С. 207-212.
11. Тоффлер Э. Шок будущего / Тоффлер Э. — М.: АСТ, 2002. — 557, [3] с.
12. Черненко Е.В. Образ России в немецком еженедельнике «Шпигель» (по материалам публикаций 2000 – 2004 гг.) / Черненко Е.В. // Вестник Московского Университета, Серия 8. История. — 2008. — №5. — С. 80-89.
13. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования ме-диаграмотности / Чичерина Н.В. // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). СПб., 2007. № 9 (47).
14. Henry Cole The Journal of Design and Manufactures Volume 1 London: 1849 Sp Coll BD19-g.1 Chapman & Hall.

Список литературы на английском / References in English

1. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. [Great Soviet Encyclopedia] Vol, 8. Debitor - Evkalipt. 3 ed. / Ch. edit. A. M. Prohorov. — M.: Sov. jenciklopedija, 1972.—592 p. [in Russian]
2. Volkova V. V. Specifika mediadizajna [Specificity of media design] / Volkova V. V. // Vestnik Mosk. Un-ta. S. 10. Zhurnalistika. 2014. № 4. P. 5-21. [in Russian]
3. Voronenkova G. F. Put' dlinoju v pjat' stoletij: ot rukopisnogo listka do informacionnogo obshhestva. Nacional'noe svoeobrazie sredstv massovoj informacii Germanii : (istoricheskie predposylki, osobennosti stanovlenija i jevoljucija, tipologicheskie harakteristiki, struktura, sostojanie na rubezhe tysjacheletij) [Tekst] [A journey spanning five centuries: from handwritten paper to the information society. National identity of the German media: (historical background, features of formation and evolution, typological characteristics, structure, state at the turn of the millennium)]: [monografija] / G. F. Voronenkova ; Moskovskij gos. un-t imeni M. V. Lomonosova, Fak. zhurnalistiki, Freies Russisch-Deutsches Institut fuer Publizistik. - 2 edit., add. and cor. - Moscow : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2011. — 643 p. [in Russian]
4. Eljakov A.D. Informacionnaja peregruzka ljudej [Information overload of people] / Eljakov A.D. // Sociologicheskie issledovanija, №5, 2005. — P. 114-121.
5. Zheltuhina M. R. Tropologicheskaja suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI: monografija. [Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the problem of speech influence of tropes in the language of the media] / Zheltuhina M. R. — M.: In-t jazykoznanija RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003.—656 p. [in Russian]
6. Kachkaeva A. G. Zhurnalistika i konvergencija: pochemu i kak tradicionnyye SMI prevrashhajutsja v mul'timedijnye [Journalism and convergence: why and how traditional media are becoming multimedia] / edit. A.G. Kachkaevoj. — M.: 2010. — 200 p. [in Russian]

7. Kirija I. Mul'timedia i novye principy novostej [Multimedia and new principles of news] / edit. Kirija I. // Zhurnalistika i konvergencija: pochemu i kak tradicionnyye SMI prevrashhajutsja v mul'timedijnye [Journalism and convergence: why and how traditional media are turning into multimedia]. – M.: 2010. P. 30-47. [in Russian]
8. Klushina N.I. Deverbalizacija jemocij v sovremennoj mediakul'ture: krossvordnoe pis'mo [Deverbalization of emotions in modern media culture: crossword writing] / Klushina N.I. // Slova ŷ kantjeksce chasu: da 85-goddzja prafesara A.I. Narkevicha : plenarnyja dakyady / pad agul. rjed. V.I. Iŷchankava. — Vyd. cjentr BDU Minsk, 2014. – P. 91–96.[in Russian]
9. Mar'ina L.P. Performativnost' mediaobrazovatel'nyh tehnologij: teorija i praktika [Performativity of media education technologies: theory and practice] / Mar'ina L.P. // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. – 2019. – № 6 [in Russian]
10. Nosayev D.A. Vlijanie jelementov graficheskoy modeli periodicheskogo izdanija na ego uspesnost' [The influence of the elements of the graphic model of a periodical on its success] / Nosayev D.A. // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija i iskusstvovedenie. Majkop, 2013. Iss. 3. P. 207-212. [in Russian]
11. Toffler Je. Shok budushhego [Shock of the future] / Toffler Je. – M.: AST, 2002.- 557, [3] p. [in Russian]
12. Chernenko E.V. Obraz Rossii v nemeckom ezhenedel'nike «Shpigel'» (po materialam publikacij 2000 – 2004 gg.) [Image of Russia in the German weekly "Der Spiegel"] / Chernenko E.V. // Vestnik Moskovskogo Universiteta, Serija 8. Istorija. – 2008. – №5. –P. 80-89. [in Russian]
13. Chicherina N.V. Tipologija mediatekstov kak osnova formirovanija me-diagramotnosti [Typology of media texts as the basis for the formation of me-diagrite] / Chicherina N.V. // Izvestija Rossijskogo gos. ped. un-ta im. A.I. Gercena. Serija: Obshhestvennye i gumanitarnye nauki (filosofija, jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija, jekonomika, pravo, istorija, sociologija, pedagogika, psihologija). SPb., 2007. № 9 (47). [in Russian]
14. Henry Cole The Journal of Design and Manufactures Volume 1 London: 1849 Sp Coll BD19-g.1 Chapman & Hall.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.18>**ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ФРАЗЫ Н. ХОМСКОГО 'COLORLESS GREEN IDEAS SLEEP FURIOUSLY' (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ И НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Научная статья

Клецкая С.И. *

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (kleckaja[at]inbox.ru)

Аннотация

Фраза Н. Хомского 'Colorless green ideas sleep furiously' получила широкую известность, а ее рецепция в языке и культуре выходит далеко за пределы простого цитирования. Цель исследования состоит в систематизации форм функционирования фразы Хомского в качестве основы для заголовков статей и названий художественных произведений. Достижение цели предполагает решение ряда задач: выявления связей исследуемых единиц с исходным контекстом фразы Хомского и способов ее приспособления к новым контекстам, а также описания формальных и смысловых трансформаций этой фразы, обусловленных ее инкорпорацией в новый контекст. Поскольку фраза Хомского представляет собой периферийный речевой материал, исследование ее функционирования способно углубить существующие представления о механизмах коммуникации, роли речевых практик (прежде всего, неконвенциональных) в формировании языковой системы и коллективной языковой компетенции, а также культурных аспектах функционирования различных дискурсов и языковой системы в целом.

Ключевые слова: Colorless green ideas sleep furiously, Хомский, бессмысленное высказывание, аномальное высказывание.

LINGUISTIC AND CULTURAL RECEPTION OF N. CHOMSKY'S PHRASE 'COLORLESS GREEN IDEAS SLEEP FURIOUSLY' (BASED ON HEADLINES AND TITLES OF WORKS OF ART)

Research article

Kletckaja S.I. *

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (kleckaja[at]inbox.ru)

Abstract

N. Chomsky's phrase 'Colorless green ideas sleep furiously' has become widely known, and its reception in language and culture goes far beyond simple quoting. The purpose of the research is to systematize the forms of functioning of Chomsky's phrase as a basis for the article headlines and titles of works of art. Achieving this objective involves solving the following tasks: identifying the connections of the studied units with the original context of Chomsky's phrase and ways to adapt it to new contexts, as well as describing the formal and semantic transformations of this phrase due to its incorporation into a new context. Since Chomsky's phrase is a peripheral speech material, the study of its functioning is able to deepen existing ideas about the mechanisms of communication, the role of speech practices (primarily non-conventional) in the formation of the language system and collective language competence, as well as cultural aspects of the functioning of various discourses and the language system as a whole.

Keywords: Colorless green ideas sleep furiously, Chomsky, meaningless utterance, abnormal utterance.

Введение

Богатая дискурсивная судьба фразы Н. Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* (далее, для краткости, фраза Хомского) довольно редко привлекает внимание лингвистов, и в настоящий момент нельзя говорить о том, что наука располагает целостным представлением о функционировании этой фразы в различных дискурсах. Анализ данного языкового материала представляет научную ценность, поскольку он позволяет выявить формы и способы освоения культурой и различными дискурсами периферийных (бессмысленных и, шире, аномальных) высказываний.

С одной стороны, это представляется важным для осмысления структуры коммуникации, которая, по нашему мнению, не сводится к простой передаче информации и подчиняется такому принципу, как «презумпция осмысленности» [2]. В соответствии с этим принципом интерпретатор сообщения, чтобы исключить вмешательство искажающих факторов (шума, собственного непонимания, ошибок и небрежности автора высказывания), исходит из осмысленности этого высказывания, что в отдельных случаях приводит к переоценке и нахождению смысла там, где он изначально отсутствует.

С другой стороны, заслуживают внимания формы, в которых осуществляется закрепление неконвенциональных высказываний в языковой культуре. Простое повторное воспроизведение неконвенциональных высказываний представляет собой самую простую форму такого закрепления; в более сложных случаях неконвенциональные высказывания семантизируются (то есть рассматриваются как осмысленные), обособляются от своего первоначального контекста и подвергаются более или менее значительным формальным трансформациям, которые способствуют адаптации этих высказываний к текущему контексту и/или системе языка. Нам уже приходилось останавливаться на аналогичном материале в связи с рецепцией стихотворения «дыр бул шыл...» А. Е. Крученых [1], хотя в последнем случае механизмы рецепции являются принципиально иными в силу более значительного отклонения исходного материала от языковой системы.

Формы культурно-языковой рецепции фразы Хомского довольно многообразны, и их полноценный обзор вряд ли может быть объектом отдельной статьи. Поэтому в данной работе будут проанализированы формы и механизмы рецепции фразы Хомского в контексте заголовков и названий произведений искусства.

Методы и принципы исследования

Для анализа трансформаций фразы Хомского применялись методы лексического и синтаксического анализа. Поскольку использование фразы Хомского часто осуществляется в рамках полемики, а иногда вообще не соотносится напрямую с контекстом ее появления, существенную роль в ходе исследования играл контекстуальный анализ, а также анализ аргументации. Все указанные методы в комплексе позволяют охватить основные особенности избранного речевого материала и осуществить его адекватный и исчерпывающий анализ.

Основные результаты

Одним из самых частотных случаев воспроизведения фразы Хомского, сопровождаемого ее трансформациями, является контекст заголовка. В собранном материале все заголовки принадлежат научным статьям. Рассмотрим несколько характерных примеров.

Так, в заголовке статьи известного психолога Ховарда Гарднера «Green Ideas Sleeping Furiously» [12] фраза Хомского представлена в трансформированном виде: во-первых, опущено прилагательное *colorless*, во-вторых, фраза приведена к номинативной конструкции, более подходящей для заголовка. Данная статья представляет собой обзор трех книг «The Language Instinct» С. Пинкера, «Beyond Modularity: A Developmental Perspective on Cognitive Science» А. Кармилофф-Смит и «Acts of Meaning» Дж. Брунера. Первая книга написана одним из последователей Хомского; вторая книга развивает идеи о роли обучения в усвоении языка, высказанные таким оппонентом Хомского, как Ж. Пиаже; наконец, третья книга посвящена нарративному подходу к изучению человеческой психики. Несмотря на идейные различия, все три книги оцениваются Х. Гарднером как проявления преодоления бихевиоризма Б. Ф. Skinner — тенденции, основоположником которой, по мнению автора, является Н. Хомский. В завершение статьи автор высказывает надежду на развитие и объединение трех столь непохожих подходов, учитывающих творческую природу человека. Мы имеем дело с «зелеными», то есть еще недостаточно оформленными, идеями, которые, тем не менее, просятся к выражению, то есть «спят яростно». Фактически автор прибегает к метафорическому осмыслению словосочетания *green ideas*, которое типично для многих версий семантизации фразы Хомского.

С лексической трансформацией мы сталкиваемся в заголовке статьи П. Норвига «Colorless green ideas learn furiously» [16]. Данная отсылка к фразе Хомского носит полемический характер: автор статьи убедительно показывает преимущества вероятностных и статистических моделей по сравнению с моделью Хомского. Как известно, Хомский всегда был противником статистических и вероятностных моделей языка, так как они, по его мнению, не способны моделировать языковую компетенцию. И фразу *Colorless green ideas sleeps furiously* Хомский придумал как пример предложения, которое никогда не встречалось в опыте ни одного носителя английского языка, а следовательно, не может быть предсказано статистической или вероятностной моделью [9, С. 16]. Однако, как указывает П. Норvig, именно эти модели, в отличие от трансформационной грамматики Хомского, получили широчайшее практическое применение за пределами теоретической лингвистики.

П. Норvig приводит аргументы, доказывающие, что фраза Хомского не является препятствием для математических моделей языка. Эти модели, вопреки мнению Хомского, способны выявлять грамматичность фраз вроде придуманной Хомским (даже если они действительно сталкиваются с ними впервые) и предоставлять дополнительные результаты, на которые модель Хомского не способна (например, определять степень грамматичности, не ограничиваясь ответами «да/нет»). К тому же, как указывает автор, отдельные сочетания слов, входящих в фразу Хомского (*green ideas*, *colorless green*, *ideas sleep*), фиксируются в корпусах английского языка в текстах, созданных задолго до создания этой фразы [16, С. 32].

Наконец, согласно П. Норвигу, язык представляет собой динамичную систему, которая в силу ее природы может быть адекватно описана только вероятностными моделями [16, С. 33]. Будучи единожды созданной, эта фраза автоматически должна стать материалом корпуса, на основе которого происходит обучение нейронных сетей. Более того, сама эта фраза — особенно в силу ее известности и воспроизводимости — в определенной степени трансформировала компетенцию носителей не только английского языка, но и других языков, на которые эта фраза была переведена.

В этом контексте особое осмысление получают компоненты фразы. Основным смыслопорождающим механизмом в заголовке статьи становится замена глагола *to sleep* глаголом *to learn*, который оказывается отсылкой к моделям машинного обучения. Соответственно переосмысляются и другие компоненты фразы: словосочетание *colorless green ideas* становится маркером, отсылающим к идеям и методам трансформационной грамматики, а предикативную группу *learn furiously*, в которую входит наречие, присутствующее в фразе Хомского, можно переосмыслить как указание на беспрецедентную успешность и эффективность вероятностных и статистических моделей.

В трансформированном виде фраза Хомского представлена в заголовке статьи «How Furiously Can Colorless Green Ideas Sleep? Sentence Acceptability in Context» Дж. Х. Лау и соавторов [15]. В этой работе излагаются результаты эксперимента, в котором фразы с разной степенью правильности (*well-formedness*) и грамматичности (*grammaticality*) предъявлялись испытуемым как вне контекста, так и в контексте. Согласно выводам авторов статьи, приемлемость или неприемлемость конкретных фраз, а также их интерпретируемость в значительной степени определяется тем, известен ли контекст, в котором эти фразы были употреблены. Кроме того, в статье предлагается основанная на нейронных сетях математическая модель, которая позволяет формализовать влияние контекста на восприятие отдельных фраз.

Фраза Хомского в заголовке претерпевает двойную лексико-синтаксическую трансформацию, которая заключается во введении модального глагола *can* и преобразовании утвердительного предложения в вопросительное, сопровождающемся изменением порядка слов. При этом мы имеем дело с вопросительной конструкцией, в которой наречие *furiously* акцентируется при помощи вопросительного наречия *how* и выносится на первый план.

Примечательно, что статья не содержит ни упоминаний имени Н. Хомского, ни даже упоминания его знаменитой фразы, которая в трансформированном виде вынесена в заголовок. По всей видимости, заголовок может быть мотивирован тем фактом, что в статье обсуждается влияние контекста на восприятие правильности отдельной фразы, то есть осуществляется выход за пределы отдельного предложения, в которых традиционно действовала трансформационная грамматика. Такое решение позволяет авторам непосредственно продемонстрировать на материале заголовка зависимость восприятия фразы, в том числе аномальной, от контекста (в данном случае зависимость восприятия заголовка от контекста статьи).

В заголовке статьи Д. Бэйда «Colorless green ideals in the language of bibliographic description: Making sense and nonsense in libraries» [4] используется лишь первая часть предложения, придуманного Хомским, причем слово *ideas* ('идеи') заменяется словом *ideals* ('идеалы'). Отсылка к высказыванию Хомского в контексте статьи, посвященной автоматизации составления каталогов в библиотеке, актуализирует изначально заложенную в эту фразу бессмысленность. Согласно аргументации автора статьи, автоматизация создания библиографических описаний ведет к обесмысливанию библиотечного каталога. Из-за переключивания задач, традиционно исполняемых специалистами-библиотекарями, на поставщика и привлечения к работе некомпетентного персонала библиотечный каталог превращается в усредненный продукт для усредненного пользователя.

Приведенные примеры не исчерпывают всех случаев использования фразы Хомского в качестве основы для заголовков. Поэтому, не вдаваясь в детали, упомянем статьи «Colorless green recurrent networks dream hierarchically» К. Гулорда и соавторов [13] и «Colorless Green Photographs» Дж. Бэйтса [6]. Особняком в этом ряду стоит заглавие посвященной наследию Н. Хомского статьи Р. С. Бервика «Revolutionary New Ideas Appear Infrequently» [7], которое, будучи осмысленным, точно повторяет синтаксическую структуру фразы Хомского. Однако в действительности это точное воспроизведение другой фразы Хомского, которую он противопоставляет фразе *Colorless green ideas sleep furiously* (см., например, [10, С. 35]).

Фраза Хомского фигурирует в эстетическом контексте, а точнее, в названиях художественных произведений. Прежде всего, здесь следует упомянуть название инсталляции «colorless green ideas sleep furiously» американской художницы Кэй Уитни, которая в настоящее время хранится в Музее искусств Сан-Антонио (США) [11]. Фразу Хомского в этом контексте следует рассматривать как попытку «визуальной интерпретации», то есть перевода в зрительный мысленный образ. Такую интерпретацию предлагает, например, Джон Л. Касти, описывая возможные образы, которые появляются в сознании при ее восприятии: «Визуально-ориентированный человек, слыша эту предложение, мог бы начать видеть странные, неопределенные образы зеленоватого оттенка, извивающиеся, подобно спящему, который извивается и ворочается бессонной ночью» [8, С. 12]. Возможность визуализации образа, содержащегося в высказывании, вряд ли следует считать полноценной интерпретацией. Однако нельзя отрицать и то, что возможность визуализации является важной составляющей интерпретации.

Фрагмент фразы Хомского — ее предикативная группа — используется в качестве названия документального фильма Гидеона Коппеля «sleep furiously» (2008). Название фильма можно интерпретировать как повелительное предложение (и соответственно, перевести как *спи яростно*). Однако косвенным подтверждением того, что мы имеем дело с усеченным фрагментом фразы Хомского, является написание названия фильма со строчной буквы: с определенной долей вероятности это показывает, что мы имеем дело не с самостоятельным предложением или названием, а с его фрагментом.

Фильм повествует о жизни приходящей в упадок и фактически находящейся на грани гибели сельской общины. В этом контексте противоречие между двумя словами из фразы Хомского, вынесенными в заголовок (сон вряд ли может быть яростным), неожиданным образом снимается: внешне безмятежная община спит, но это лишь видимость, и перед лицом гибели община может проснуться. Это подтверждается текстом, который зритель видит в конце фильма: *It is only when I sense the end of things, that I find the courage to speak, the courage, but not the words (Только когда я чувствую конец вещей, я нахожу смелость говорить — смелость, но не сами слова)*. Императивная интерпретация названия фильма (*спи яростно*) получает подтверждение и может рассматриваться как призыв к возрождению.

Опущенная часть фразы Хомского *colorless green ideas* также вполне сочетается с сельской тематикой фильма. Не претендуя на полноту перечисления возможных ассоциаций, укажем, что прилагательное *green* отсылает к природе, естественной жизни вдали от цивилизации, прилагательное *colorless* — к безликому существованию общины, а *ideas* — к тем мыслям, которые вызываются состоянием общины и для выражения которых, как полагает автор фильма, должны быть найдены слова. Наконец, поскольку фильм повествует об острых социальных проблемах, в этом контексте, по всей видимости, актуализируется политическая активность Н. Хомского (впрочем, прямых переключек с либертарианскими и анархическими взглядами Хомского в фильме нет, фильм ограничивается чистой художественной фиксацией медленного угасания общины).

Обсуждение

Фраза Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* получила широчайшую известность. О ее популярности, далеко выходящей за пределы лингвистики, говорит тот факт, что она была включена в сборник крылатых выражений «Bartlett's Familiar Quotations» [5], который, постоянно обновляясь, издается с 1855 года. Тем не менее, популярность этой фразы парадоксальна. В отличие от афоризма, эта фраза не выражает максимы, а следовательно, не может актуализироваться как стандартный способ емкой презентации некоторой истины или, например, в контексте

аргумента к авторитету. В этом отношении заслуживает внимания вопрос о тех специфических формах, которые принимает ее рецепция.

Выходя за пределы материала, рассмотренного в данной статье, можно выделить три основных формы рецепции фразы Хомского. Во-первых, это простое ее цитирование в контексте передачи его идей или полемики с ними; такое цитирование фактически представляет собой ссылку на речевой акт, совершенный в прошлом. Во-вторых, фраза Хомского нередко инкорпорируется в тексты, преимущественно поэтические. Такая инкорпорация в большинстве случаев представляет собой частный случай семантизации данной фразы, то есть полемического приписывания ей осмысленности вопреки интенции ее автора. Традиция такой семантизации к настоящему моменту является довольно богатой [3, С. 165–173], [14]. При этом целесообразно различать тексты, которые были специально созданы, чтобы быть контекстом, в котором фраза Хомского приобретает осмысленность, и тексты, которые имеют самостоятельную ценность. Наконец, в-третьих, имеются примеры относительно свободного использования фразы Хомского в дискурсе, отдельные примеры которого были проанализированы в данной статье.

Есть лишь две причины, которые способны объяснить популярность этой фразы. Во-первых, это ее яркость и необычность: в силу того, что эта фраза изначально создавалась как пример грамматичного предложения, лишённого смысла, закрепиться в памяти носителей языка и узусе эта фраза может исключительно в качестве казуса, необычного случая. Во-вторых, закреплению этой фразы способствует убедительность, с которой она демонстрирует автономность грамматики по отношению к семантике, то есть выполняет ту функцию, которая изначально в нее заложена. Впрочем, последний момент представляет интерес только в специальном лингвистическом контексте, а потому вряд ли может объяснить широкую известность данной фразы.

Нельзя не отметить знаковый характер этой фразы. Р. С. Бервик [7, С. 177] сравнивает фразу Хомского с фразами, которые открывают «Анну Каренину» Л. Н. Толстого («Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему») и «В поисках утраченного времени» М. Пруста («Давно уже я привык укладываться рано»). Обе эти фразы отсылают к текстам, в которых они содержатся. В сознании лингвиста фраза Хомского непосредственно связана с его теоретическими идеями и, в частности, с книгой «Синтаксические структуры».

Осмысляя приведенные факты, можно сформулировать следующие закономерности. Во-первых, во всех случаях воспроизведения фразы Хомского сохраняется связь с исходным контекстом, и мы вправе говорить лишь о различиях в способе связи с этим контекстом (простая отсылка/полемика), а также в степени этой связи и ее существенности для понимания нового контекста. При этом смысловое наполнение (не всегда достаточно определенное) фраза Хомского получает в новом контексте, на который проецируются те или иные ее свойства и потенции, прежде всего, смысловые. В процессе инкорпорации в новый контекст может актуализироваться свойство, заложенное самим автором (ср. апелляцию к бессмысленности в заглавии статьи Дж. Бэйда), так и ее формальные или смысловые потенции, которые выходят за пределы исходного замысла (трактовка словосочетания *green ideas* как «незрелых» идей, словосочетания *sleep furiously* — как неявного существования чего-либо, что может проявиться, и т. п.).

Во-вторых, воспроизведение фразы Хомского в большинстве случаев сопровождается лексико-синтаксическими трансформациями фразы (ее сокращениями, изменениями синтаксической структуры и лексического наполнения), благодаря чему фраза Хомского оказывается связанной с новым контекстом. Впрочем, более существенным представляется то, что во всех случаях фраза творчески переосмысливается, с этой точки зрения ее формальные трансформации представляют собой лишь частный случай.

Заключение

Проанализированный материал показывает, что намеренно сконструированные аномальные фразы способны воспроизводиться в отрыве от первоначального контекста. Такое воспроизведение и закрепление фраз, не оправданное их смысловым содержанием, нуждается в осмыслении, поскольку вряд ли однозначно укладывается в существующие категории. Их функционирование в этих случаях нельзя сравнить с простым цитированием, предполагающим отсылку к акту высказывания в прошлом («Некто некогда сказал это»), — такого рода высказывания, обособляясь, могут получать иное осмысление в соответствии с новым контекстом и даже трансформироваться. По этой причине перспективным представляется рассмотрение таких случаев с точки зрения теории интертекстуальности. С другой стороны, хотя аномальные фразы функционируют как целостности, это явление вряд ли можно сравнить с фразеологизацией: если формальное варьирование структуры в определенных пределах не противоречит фразеологизации, то отсутствие устойчивого смысла этому процессу явно не соответствует.

В более широкой перспективе проанализированный материал также показывает, что способы инкорпорации аномального высказывания в новые контексты определяется его формально-грамматическими свойствами, а точнее, конкретными свойствами, в которых оно отклоняется (или не отклоняется) от конвенциональных языковых форм. Особенно хорошо это видно при сопоставлении проанализированного материала с рецепцией стихотворения «дыр бул щыл...» А. Е. Крученых, где в силу большей степени отклонения исходного речевого материала от языковых норм преобладают словообразовательные и морфологические модели и трансформации морфофонетики, ср. примеры из поэтической речи: *наевшись дырбулицей* по аналогии с родительным падежом существительного *щи*, деепричастие *дырбулица* по аналогии с *трепещи* и т. п. (подробнее см. [1]). Разумеется, для адекватных обобщений необходимо осмысление широкого ряда разнородных фактов такого типа.

Наконец, вряд ли может вызывать сомнения, что аномальные фразы, получив по тем или иным причинам широкую известность, оказывают определенное воздействие если не на языковую систему, то на узус и отдельные дискурсы, а также коллективную компетенцию носителей языка и их представления о допустимом и недопустимом в речи. При этом сам факт проанализированных творческих трансформаций является манифестацией воздействия периферийного языкового материала на дискурсивную практику. На этот момент обращает внимание Дж. Бэйтс:

фраза Хомского в силу ее стандартности для лингвистики «стала одновременно более вероятной и более осмысленной, хотя и не таким образом, который делает ее поддающимся стандартному анализу» [6]. Это, в частности, позволяет поставить вопросы о статусе подобного речевого материала в контексте языковой культуры и о природе осмысленности, которая характеризует периферийный и, прежде всего, бессмысленный речевой материал, усвоенный языковой культурой.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Клецкая С. И. Оказиональная лексикализация "дыр бул шыл" А. Крученых / С. И. Клецкая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 4 (157). — С. 152–158.
2. Клецкая С. И. Почему ищут смысл в бессмыслице? (Крученых и Хомский как невольные творцы смысла) / С. И. Клецкая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — № 7. — С. 145–149. doi: 10.37882/2223-2982.2021.07.15
3. Успенский Б. А. Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. — М.: URSS. 2007. — 320 с.
4. Bade D. Colorless green ideals in the language of bibliographic description: Making sense and nonsense in libraries / D. Bade // Language & Communication. — 2007. — Vol. 27. — № 1. — P. 54–80. doi: 10.1016/j.langcom.2006.02.002
5. Bartlett's Familiar Quotations. — New York: Little, Brown and Company, 2012. — 1504 p.
6. Bates J. Colorless Green Photographs [Электронный ресурс] / J. Bates // The Online Photographer. — 2009. — May. — URL: https://theonlinephotographer.typepad.com/the_online_photographer/2009/05/colorless-green-photographs.html (дата обращения: 10.11.2021).
7. Berwick R. C. Revolutionary New Ideas Appear Infrequently / R. C. Berwick // Syntactic Structures after 60 Years. — Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2018. — P. 177–194.
8. Casti J. L. The Art of Language Translating the linguistic into the visual / J. L. Casti // Complexity. Vol. 5. №. 1. P. 12–15. doi 10.1002/(SICI)1099-0526(199909/10)5:1<12::AID-CPLX2>3.0.CO;2-T
9. Chomsky N. Syntactic Structures / N. Chomsky. — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. — xviii, 117 p.
10. Chomsky N. Topics in the Theory of Generative Grammar / N. Chomsky. — Boston: Walter de Gruyter, 1972. — 95 p.
11. Colorless green ideas sleep furiously (2017), Collection San Antonio Museum of Art, San Antonio Texas [Электронный ресурс] // Kay Whitney. — URL: <https://kaywhitney.net/artwork/4265989-colorless-green-ideas-sleep-furiously-2017-Collection-San-Antonio-Museum-of-Art-San-Antonio-Texas.html> (дата обращения: 10.11.2021).
12. Gardner H. Green Ideas Sleeping Furiously [Электронный ресурс] / H. Gardner // The New York Review of Books. — 1995. — March 23. — URL: <https://www.nybooks.com/articles/1995/03/23/green-ideas-sleeping-furiously/> (дата обращения: 10.11.2021).
13. Gulordava K. Colorless green recurrent networks dream hierarchically / K. Gulordava, P. Bojanowski, E. Grave et al. // Proceedings of NAACL-HLT 2018. — New Orleans: Association for Computational Linguistics, 2018. — P. 1195–1205.
14. Jahn M. 'Colorless Green Ideas Sleep Furiously': A Linguistic Test Case and Its Appropriations / M. Jahn // Literature and Linguistics: Approaches, Models, and Applications. — Trier: WVT, 2002. — P. 47–60.
15. Lau J. H. How Furiously Can Colorless Green Ideas Sleep? Sentence Acceptability in Context / J. H. Lau, C. Armendariz, Sh. Lappin et al. // Transactions of the Association for Computational Linguistics. — 2020. — № 8. — P. 296–310. doi: 10.1162/tacl_a_00315
16. Norvig P. Colorless green ideas learn furiously: Chomsky and the two cultures of statistical learning / P. Norvig // Significance. — 2012. Vol. 9. — № 4. — P. 30–33. doi 10.1111/j.1740-9713.2012.00590.x

Список литературы на английском / References in English

1. Kleckaja S. I. Okkazional'naja leksikalizacija "dyr bul shhyl" A. Kruchenykh [Occasional lexicalization of "Dyr bul shhyl" by A. Kruchenykh] / S. I. Kleckaja // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]. — 2021. — № 4 (157). — P. 152–158. [in Russian]
2. Kleckaja S. Pochemu ishhtut smysl v bessmyslice? (Kruchenykh i Homskij kak nevol'nye tvorcy smysla) [Why do they look for meaning in nonsense? (Kruchenykh and Chomsky as unwitting creators of meaning)] / S. Kleckaja // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series of «Humanities»]. — 2021. — № 7. — P. 145–149. doi: 10.37882/2223-2982.2021.07.15 [in Russian]
3. Uspenskij B. A. Ego loquens. Jazyk i kommunikacionnoe prostranstvo [Ego loquens. Language and the space of communication] / B. A. Uspenskij. — M.: URSS, 2007. — 320 p. [in Russian]
4. Bade D. Colorless green ideals in the language of bibliographic description: Making sense and nonsense in libraries / D. Bade // Language & Communication. — 2007. — Vol. 27. — № 1. — P. 54–80. doi: 10.1016/j.langcom.2006.02.002
5. Bartlett's Familiar Quotations. — New York: Little, Brown and Company, 2012. — 1504 p.
6. Bates J. Colorless Green Photographs [Electronic resource] / J. Bates // The Online Photographer. — 2009. — May. — URL: https://theonlinephotographer.typepad.com/the_online_photographer/2009/05/colorless-green-photographs.html (accessed: 10.11.2021).
7. Berwick R. C. Revolutionary New Ideas Appear Infrequently / R. C. Berwick // Syntactic Structures after 60 Years. — Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2018. — P. 177–194.

8. Casti J. L. The Art of Language Translating the linguistic into the visual / J. L. Casti // Complexity. Vol. 5. №. 1. P. 12–15. doi 10.1002/(SICI)1099-0526(199909/10)5:1<12::AID-CPLX2>3.0.CO;2-T
9. Chomsky N. Syntactic Structures / N. Chomsky. — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. — xviii, 117 p.
10. Chomsky N. Topics in the Theory of Generative Grammar / N. Chomsky. — Boston: Walter de Gruyter, 1972. — 95 p.
11. Colorless green ideas sleep furiously (2017), Collection San Antonio Museum of Art, San Antonio Texas [Electronic resource] // Kay Whitney. — URL: <https://kaywhitney.net/artwork/4265989-colorless-green-ideas-sleep-furiously-2017-Collection-San-Antonio-Museum-of-Art-San-Antonio-Texas.html> (accessed: 10.11.2021).
12. Gardner H. Green Ideas Sleeping Furiously [Electronic resource] / H. Gardner // The New York Review of Books. — 1995. — March 23. — URL: <https://www.nybooks.com/articles/1995/03/23/green-ideas-sleeping-furiously/> (accessed: 10.11.2021).
13. Gulordava K. Colorless green recurrent networks dream hierarchically / K. Gulordava, P. Bojanowski, E. Grave et al. // Proceedings of NAACL-HLT 2018. — New Orleans: Association for Computational Linguistics, 2018. — P. 1195–1205.
14. Jahn M. 'Colorless Green Ideas Sleep Furiously': A Linguistic Test Case and Its Appropriations / M. Jahn // Literature and Linguistics: Approaches, Models, and Applications. — Trier: WVT, 2002. — P. 47–60.
15. Lau J. H. How Furiously Can Colorless Green Ideas Sleep? Sentence Acceptability in Context / J. H. Lau, C. Armendariz, Sh. Lappin et al. // Transactions of the Association for Computational Linguistics. — 2020. — № 8. — P. 296–310. doi: 10.1162/tacl_a_00315
16. Norvig P. Colorless green ideas learn furiously: Chomsky and the two cultures of statistical learning / P. Norvig // Significance. — 2012. Vol. 9. — № 4. — P. 30–33. doi 10.1111/j.1740-9713.2012.00590.x

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.20>**СТИЛИСТИКА ПОСТМОДЕРНА В ДИСКУРСЕ СМИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научная статья

Негрышев А.А. *

ORCID: 0000-0002-8251-3605,

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия

* Корреспондирующий автор (negryshev[at]inbox.ru)

Аннотация

В статье обсуждается проблема функций постмодернистского письма в дискурсе СМИ. Согласно распространенным в медиалингвистике представлениям прагматическая направленность постмодернистских приемов заключается главным образом в демократизации медиакommunikации и плюрализации содержания медиатекстов. Исходным пунктом для корректировки этих представлений является понимание прагматической природы института СМИ, обуславливающей превалирование воздействующей функции над эстетической. Коммуникативно-технологические параметры медиадискурса, такие как многоканальность, массовость, дробление и скорость распространения информации, пересекаются с такими характеристиками постмодернистской парадигмы, как антисистематичность, релятивизм, иллюзионизм, деперсонализация. В результате этого пересечения все постмодернистские приемы подчиняются прагматическим задачам медиакommunikатора, обеспечивая привлечение и удержание внимания реципиента при одновременном снижении у него критичности восприятия информации. Эклектичность «клиповой» подачи материала, поддерживаемая также приемами постмодернистского письма, способствует дезориентации читателя-слушателя, облегчая тем самым формирование оценочной картины события в заданной отправителем интерпретации. Делается заключение о суггестивном характере постмодернистского письма как инструмента интеллектуального воздействия, позволяющего маскировать прагматические интенции отправителя информации за эстетикой и «демократизмом» выразительных средств.

Ключевые слова: постмодерн, медиадискурс, прагматика дискурса СМИ, коммуникативное воздействие.

STYLISTICS OF POSTMODERN IN THE MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONAL-PRAGMATIC ASPECT

Research article

Negryshev A.A. *

ORCID: 0000-0002-8251-3605,

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir, Russia

* Corresponding author (negryshev[at]inbox.ru)

Abstract

The article discusses the problem of the functions of the postmodern writing in the media discourse. According to the common accepted view in media linguistics, the pragmatic goals of postmodern stylistic devices are mainly the democratization of media communications and pluralizing of the content of media texts. The initial point for the adjustment of these ideas is the understanding of the pragmatic nature of the institute of mass media, which causes the predominance of influencing function over the aesthetic one. Communicative-technological parameters of media discourse, such as multichannel communication, mass character, fragmentation and immediacy of information, intersect with such characteristics of the postmodern paradigm, such as antisystematic worldview, relativism, illusionism, depersonalization. As a result of this intersection all postmodern techniques fall under the tasks of the media sender, providing attraction and retention of the recipient's attention while reducing his critical perception of information. The eclectic manner of the "clip" presentation of information, supported by the techniques of the postmodern writing, contributes to the disorientation of the reader or listener, thereby facilitating of formation of an estimated picture of the event in the sender's interpretation is provided. The article concludes about the suggestive nature of the postmodern writing as a tool of intellectual impact, which allows to mask the pragmatic intentions of the sender of information under the aesthetics and "democracy" of expressive means.

Keywords: postmodern, media discourse, pragmatics of media discourse, communicative exposure.

Introduction

In recent decades, an active understanding of the aesthetics and the worldview of postmodernism is observed in the relationship with the communicative parameters of the media. The system-forming features of media discourse in itself comprise at the intersection of the modern cultural paradigm of the postmodern and the prevailing method of social communication – technically mediated mass communication. For the linguopragmatics it is relevant to clarify the question whether the style of postmodern in contemporary media is a "purely aesthetic" form and / or a tool of influence on the mass consciousness of a modern man. When solving this question a number of related questions appear: to what extent the practice of the postmodern writing makes the media discourse free from authoritarianism, manipulation and other manifestations of the affecting function? Is it justified from the point of view of pragmatolinguistics and linguoculturology to oppose the pluralism and expressiveness of expressive means of postmodern to the simplification of "totalitarian Newspeak" of the Soviet period? Are the "informality" and the dynamism of modern media discourse really testifying for the democratization and strengthening of the informativeness of media messages?

Discussion

The content of the postmodern paradigm can be generally represented as a set of the following key characteristics: the *antisystematic* worldview, fragmentation and relativistic pluralism in ontology, impersonality and refusal of *reflection of reality* in gnoseology, illusionism and eclecticism in aesthetics [10, P. 38-39] (based on [3], [4], [5], [7]). The postmodern creates its special pseudo-reality of "Simulacra", where the text is a kind of the "pure art", for which is not important a referential relationship with reality, but the „game“ of meanings inside the semiotic unity of "signifier" and "signified". The reader, in understanding of postmodernists, strives not to the understanding of being, but to its "deconstruction" (J. Derrida), which is the basis of the text perception strategies.

Namely from these positions many features are clarified which are characteristic for the texts of modern media discourse. So, for example, S.I. Smetanina identifies the following dominant characteristics of postmodern expressiveness in the media text: fragmentation, nonlinearity of narration, disruption of cause-and-effect relationships, composite and syntactic disruption, intertextuality, game-carnival power, pastiche, combining of the voices of author, narrator and characters [11, P. 87].

If we evaluate these features and techniques from the point of view of linguopragmatics, then their **significant impact potential** should be stated. So, the study of the language game, carried out on the material of the news genres of the press, showed that the game occurs as a powerful means of interpretation of reality and, therefore, of the influence on the recipient's worldview. The degree of gaming transformation of reality varies in the news media from a minor stylistic nuance of the event up to the "reformatting", i.e. transformation of its structure and substitution of components [10, P. 73-97]. Also, the range of communicative functions of intertextuality lies from the documenting of information up to the expressive intensification of pragmatically significant information fragments [ibid, P. 53-73]. In general, the use of postmodern stylistic devices in media texts leads to the **displacement of the accent from the content to the form**: it becomes more important not *what* is said, but *how* is said (cf. [12, P. 90-91]). This inevitably leads to the weakening of the significance of the relationship "Reality – Text" in favour of the relationship "Meaning – Text", where the meaning becomes a self-sustaining force subordinating the event reality. We are talking about the generating of virtual reality instead of reflecting the objective reality, which means actually the departure from the principles of traditional journalism values to reflect the objective reality. If we consider that the corporate interests of media enterprises have a significant influence on the process of "creative rethinking" of reality, then we can state, that the media text, written in the postmodern style, cannot but occur as a means of creating that virtual reality, which reflects the position of a direct or mediated customer of the information product.

The ontology of postmodern in its *anti-systematic* worldview, fragmentation and relativism is clearly implemented in those features that were once revealed by H. Schiller for the postindustrial society: multichannel communication, mass character, fragmentation and immediacy of information [13, P. 36-47]. The reality in the media itself, as we found out, is not so much reflected, but constructed by means of images, forming a fragmentary, "clip" consciousness [8, P. 313].

Such an influence affects the formation of a special attitude to reality as to the show, in which the concepts of truth, responsibility, moral etc. are abolished. In this "Society of Spectacle" (Guy Debord) for the fore come the show-politics, show-justice etc. [2]. Postmodern consciousness, refusing to understand reality, turns to its experience as a show, which director are the media. In the show the main thing is to participate, "joining" without the need of a rational understanding, the viewer and the performer are merged, they are not individual, the momentary atmosphere of the carnival becomes a permanent form of life [8, P. 307-308]. In media stylistics there appeared a concept of a "light reader" [6, P. 65], which, unlike the "elite reader", is in the mood for the "ritual consumption" of entertainment information as a part of the mass culture – «business on consumption» [ibid, P. 61]. In such information the outrageousness, sensation and "shock aesthetics" are inseparable from the pragmatic task, which means to "attract the attention of the reader and to increase the circulations" (ibid, P. 35). Natural in such a situation is the reduction of critical perception and the abolition of ethical standards, that creates a situation where "people have no time to "absorb" values, correlating them constantly with the previous one. They begin to consume them" [8, P. 306].

In a number of characteristics of the postmodernist aesthetics of the media, united by the phenomenon of the "mass", "impersonalized" author, researchers point "the inaccuracy, blurring, tendency to ambiguity; fragmentation; irony and the desire to remove any canons; carnivalization; intertextuality as a "ligament" of conjugated concepts; constructivism implying continual generation of multiple conflicting versions" [9, P. 55]. Thus, the "clip", "mosaic" culture of the postmodern, strengthened through the technical means of modern mass media, forms a special type of "pluralistic consciousness", deprived of integrity and moral grounds and, as a result, to the maximum degree predisposed to any kind of communicative impact. As a means of such an impact the expressive tools of postmodern narrative are actively used.

The media narrative is formed under the influence of the factors discussed above and is determined, unlike the fiction discourse, not by the personal creative method of the author, but by the requirements of the media system itself. The "self-expression" of a journalist on the air or on the pages of the print media objectively cannot be only his "private matter" as the creator. The author, practicing the postmodern style of writing and striving to pull the reader into the game, to carry him away by irony, banter, "multi-layered" meaning, is hardly guided only by the "aesthetic" intentions. "Art for art's sake" is possible only in rare specialized media with their "elite" audience and non-massive demand. In the mass circulation media the market conditions dictate the need to search for new expressive means for quite pragmatic goals lying not in the field of virtual "hypereality", but in the field of practical tasks of the editorial staff as a manufacturing enterprise. Under these conditions the postmodern stylistic devices are used as one of the means to influence public opinion, in particular, by manipulation.

The pluralism and expressiveness of postmodern stylistics could be considered as a sign of greater democracy of the media language with assuming of at least the following conditions. 1. The mass reader would know no less than the authors the "laws of the genre" of postmodern, "the rules of the game" and in general, would be in the mood for this game, and not only for receiving information. 2. "Ease of manners" would not be accompanied by the removal of ethical restrictions, which is so characteristic for the relativistic worldview of the postmodern, which does not recognize any "absolutes". 3. The "alienated" world perception of postmodern would not lead to the "loss of sociality" directly caused by the habit of "quasi-real" gamelike perception of information [1, P. 253]. As it is easy to see, none of these conditions can be considered implemented into the

communicative space of the media, which means that the postmodern situation in the media discourse **does not exempt it from manipulation and does not make it more democratic**. Rather, it makes sense to talk about the **change of communicative tactics of impact**. If in the discourse, which is called totalitarian, the explicit methods of repeat and appraisive nominations prevail, then in the “democratic” discourse the impact means are moved to the implicit level and become finer, “intellectual”, but from this – no less effective.

Conclusion

Thus, the cultural situation of postmodern with its *antisystematic* worldview, relativism and illusionism, intersecting in the functional-pragmatic space of the media with its characteristics such as multichannel communication, mass character, fragmentation and immediacy of information, leads to the formation of a “mosaic-carnival” type of technologized pop culture in which a rational critical assessment of reality is inferior to its virtual-irrational consumption. This creates favorable conditions for various types of communicative, including manipulative influence, whose technique, in turn, is updated and improved by means of postmodern writing. The visible “aesthetism” of the form appears, thus, as a tool of intellectual impact, allowing to mask the pragmatic intentions of the sender of information under the “democracy” of expressive stylistic devices.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Артамонова Ю. Д. Текст СМИ в современной культуре: опыт философского анализа / Ю. Д. Артамонова // Язык средств массовой информации / Под ред. М.Н. Володиной. Серия: Gaudeamus. – М.: Академический проект, 2008. – С. 248–263.
2. Дебор Ги. Общество спектакля: [сборник] / Ги Дебор. – М.: Опустошитель, 2018. – 220 с.
3. Жбанков М. Р. Постмодернизм / М. Р. Жбанков // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. – С. 536–537.
4. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 256 с.
5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 253 с.
6. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография / Н. И. Клушина. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 184 с.
7. Малахов В. С. Постмодернизм / В. С. Малахов // Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В. С., Филатов В. П. – М.: Политиздат, 1991. – С. 237–240.
8. Миронов В. В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры / В. В. Миронов // Язык средств массовой информации / Под ред. М. Н. Володиной. Серия: Gaudeamus. – М.: Академический проект, 2008. – С. 295–315.
9. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М. М. Макаров. – М.: УРСС, 2002. – 240 с.
10. Негрышев А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: Учебное пособие / А. А. Негрышев. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 144 с.
11. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
12. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
13. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер / Пер. с англ. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Artamonova Ju. D. Tekst SMI v sovremennoj kul'ture: opyt filosofskogo analiza [Text of the media in modern culture: the experience of philosophical analysis] / Ju. D. Artamonova // Jazyk sredstv massovoj informacii [Language of media] / Pod red. M.N. Volodinoj. Serija: Gaudeamus. – М.: Akademicheskij proekt, 2008. – P. 248–263. [in Russian]
2. Debora Gi. Obshchestvo spektaklja: sbornik [Society of performance: collection] / Gi Debora. – М.: Opustoshitel', 2018. – 220 p. [in Russian]
3. Zhbankov M. R. Postmodernizm [Postmodernism] / M. R. Zhbankov // Novejsij filosofskij slovar' [The newest Philosophical Dictionary] / Sost. A. A. Gricanov. Minsk, 1998. – P. 536–537. [in Russian]
4. Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do konca stoletija: jevoljucija nauchnogo mifa [Postmodernism from the sources to the end of the century: the evolution of the scientific myth] / I. P. Il'in. – М.: Intrada, 1998. – 256 s. [in Russian]
5. Il'in I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism] / I. P. Il'in. – М.: Intrada, 1996. – 253 p. [in Russian]
6. Klushina N. I. Mediastilistika: monografija [Mediastilistics: Monograph] / N. I. Klushina. – М.: FLINTA, 2018. – 184 p. [in Russian]
7. Malahov V. S. Postmodernizm [Postmodernism] / V. S. Malahov // Sovremennaja zapadnaja filosofija: Slovar' [Modern Western Philosophy: Dictionary] / Sost. Malahov V. S., Filatov V. P. – М.: Politizdat, 1991. – P. 237–240. [in Russian]
8. Mironov V. V. Sredstva massovoj kommunikacii kak zerkalo pop-kul'tury [Mass communication media as a mirror of pop culture] / V. V. Mironov // Jazyk sredstv massovoj informacii [Language of media] / Pod red. M. N. Volodinoj. Serija: Gaudeamus. – М.: Akademicheskij proekt, 2008. – P. 295–315. [in Russian]

9. Nazarov M. M. Massovaja kommunikacija v sovremennom mire: metodologija analiza i praktika issledovanij [Mass Communication in the Contemporary World: Methodology for Analysis and Research Practice] / M. M. Makarov. – M.: URSS, 2002. – 240 p. [in Russian]
10. Negryshev A. A. Aspekty rechevogo vozdejstviya v novostyah SMI: Uchebnoe posobie [Aspects of speech impact in media news: Tutorial] / A. A. Negryshev. – Vladimir: VGGU, 2009. – 144 p. [in Russian]
11. Smetanina S. I. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v jazyke i stile zhurnalistiki konca XX veka) [Media Text in the cultural system (dynamic processes in the language and style of journalism of the late XX century)] / S. I. Smetanina. – SPb.: Izd-vo Mihajlova V. A., 2002. – 383 p. [in Russian]
12. Chernjanskaja V. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. Uchebnoe posobie [Linguistics of text: polycodes, intertextuality, interdiscursivity. Tutorial] / V. E. Chernjanskaja. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM. E. », 2009. – 248 p. [in Russian]
13. Shiller G. Manipuljatory soznaniem [Mind Managers] / G. Shiller / Trans. from Eng. – M.: Mysl', 1980. – 326 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.22>

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «LEICHTE SPRACHE» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Дорошенко Н.С. *

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (vasilevans[at]rambler.ru)

Аннотация

Предметом исследования является лингвистическая концепция «Leichte Sprache», активно распространяющаяся в Германии. Созданная в 2006 г. ассоциация легкого языка «Netzwerk Leichte Sprache» принимает участие в продвижении легкого языка в различных областях, в том числе политика, образование, медицина и культура, оказывает помощь в переводе текстов на легкий язык, разрабатывая правила перевода и тестируя их совместно с представителями целевой аудитории, к которым относятся люди со сложностями в обучении.

С лингвистической точки зрения, большой интерес представляет с одной стороны, систематизация и конкретизация этих правил для устной и письменной речи на основе норм современного немецкого языка, с другой стороны, максимальный учет потребностей целевой аудитории легкого языка, которая, в свою очередь, представляется как неоднородная.

Ключевые слова: легкий язык, «Leichte Sprache», коммуникация, немецкий язык, лексический, грамматический, семантический, стилистический уровни языка.

PHENOMENOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE LINGUISTIC CONCEPT "LEICHTE SPRACHE" IN MODERN GERMAN

Research article

Doroshenko N.S.*

Baikal State University, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (vasilevans[at]rambler.ru)

Abstract

The subject of the study is the linguistic concept of "Leichte Sprache", which is actively spreading in Germany. Established in 2006, "Netzwerk Leichte Sprache" (the Easy Language Association) participates in the promotion of easy language in various fields, including politics, education, medicine and culture, provides assistance in translating texts into easy language, developing translation rules and testing them together with representatives of the target audience, which include people with learning difficulties.

From a linguistic point of view, it is of great interest, on the one hand, to systematize and concretize these rules for oral and written speech based on the norms of the modern German language, on the other hand, to take maximum account of the needs of the target audience of the easy language, which, in turn, is presented as heterogeneous.

Keywords: easy language, "Leichte Sprache", communication, German, lexical, grammatical, semantic, stylistic levels of the language.

За последние десять лет во всем мире возрос интерес к изучению немецкого языка как иностранного [5], [8], [11]. По данным аналитического отчета «Немецкий язык как иностранный во всем мире, 2020», подготовленного министерством иностранных дел Германии в сотрудничестве с телерадиокомпанией «Deutsche Welle», Институтом им. Гёте, Германской службой академических обменов и Центральным управлением по делам школьного образования за рубежом, немецкий язык пользуется высокой популярностью в 14 странах мира, в том числе, Франция, Польша, Турция, Россия, Китай, Вьетнам, США и др. [7].

Определенный уровень владения иностранным языком способствует интеграции участников миграционных процессов, предоставляет доступ к программам повышения квалификации, способствует культурному обмену и повышает возможности осуществления совместных проектов высококвалифицированными специалистами со всего мира в разных областях – науки, медицины, образования, культуры и других.

В условиях глобализации немецкий язык играет большую роль не только как иностранный. В условиях двуязычия выполняет консолидирующую функцию. Принадлежность к двум различным социальным группам создает необходимость развивать умения для осуществления эффективной коммуникации, использовать оба языка в различных языковых ситуациях.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком (Common European Framework of Reference — CEFR) представляют возможность определить потенциал, необходимый обучающемуся для осуществления эффективной межкультурной коммуникации [1], [6].

При этом низкий уровень владения языком не должен препятствовать равноправному доступу к информации. В некоторых случаях, когда участники коммуникативного процесса испытывают сложности во взаимодействии, целесообразно говорить об использовании так называемого легкого языка – «Leichte Sprache».

В связи с отсутствием достаточного количества научных исследований, нередким явлением является употребление понятий «Leichte Sprache» und «Einfache Sprache» (Plain Language в английском языке) как синонимов [2]. Несмотря на то, что между ними существует много общего, есть в то же время существенные отличия [10]. По мнению А. Баумерта, термин «Einfache Sprache» (простой язык) — это стандартизированная норма немецкого языка,

позволяющая не специалистам понимать любые письменные тексты языкового уровня A2-B1 согласно CEFR и функционально-стилевой типологии [3]. По утверждению А. Баумерта не требуется никаких специальных трансформаций языковых явлений, преобразования текстов с целью их лучшего понимания. Любая информация может быть передана и воспринята посредством простого языка «Einfache Sprache» — в области повседневной жизни (время приема пищи, продолжительность рабочего дня, досуг, включая СМИ), условий жизни (условия проживания, система социальной помощи), межличностных отношений (семейные отношения, отношения на работе, между гражданами и официальными лицами, представителями правопорядка) и др. [1], [3]. Исключение составляют тексты профессиональной направленности, написанные специалистами для специалистов из одной области — врачи для врачей, физики для физиков и т.д. [3].

В лингвистической концепции «Leichte Sprache» речь, в первую очередь, идет о преобразовании стандартизированного языка, его упрощении, доступности для 4 основных целевых групп, к которым относятся люди со сложностями обучения, люди, которые не умеют хорошо читать, люди, которые не говорят хорошо на немецком языке, люди, страдающие деменцией или другими нарушениями, препятствующими восприятию и переработке информации [4], [9].

У. Брэдель, К. Маас помимо вышеперечисленных адресатов, выделяют людей, не имеющих проблем с инвалидностью, чьи способности к чтению текстов на немецком языке значительно ограничены из-за функциональной неграмотности или низкого уровня владения языком, в том числе носители языка и те, для кого немецкий язык является вторым языком общения в условиях многоязычия [4]. Становится очевидным, что гетерогенность целевой аудитории обуславливает неодинаковые требования к разработке письменных текстов. Так функционально неграмотные носители языка, испытывающие сложности в понимании письменных текстов, не имеют зачастую проблем в устной коммуникации. В то же время, те, для кого немецкий язык является вторым языком общения, чаще всего, опираются на родной язык и изучаемые иностранные языки.

Несмотря на это, на сегодняшний день существуют единые требования на лексическом, грамматическом, семантическом уровнях, учет которых на практике способствует появлению и распространению текстов на «Leichte Sprache».

Изучение правил составления текстов на легком языке и примеров, рекомендованных ассоциацией легкого языка «Netzwerk Leichte Sprache» и представленных в брошюре «Die Regeln für Leichte Sprache», позволяет сделать вывод, что в лингвистическом плане наиболее многочисленные из них предъявляются к лексике [9]. На лексическом уровне речь идет об отказе сложных слов, к которым относятся профессионализмы, лексика ограниченного употребления, термины, заимствованные слова, фразеологизмы. Предпочтительным является использование внутрителических синонимов — *gehemmen* (санкционировать) \ *erlauben* (разрешать) и применение одних и тех же слов для обозначения понятий в аналогичных речевых ситуациях — либо *Tablette* (лекарство в форме небольшого, круглого, более или менее плоского диска для приема внутрь), либо *Pille* (лекарство, изготовленное из твердых веществ, в форме таблеток, драже или капсул для приема внутрь), пояснение профессионализмов, например, *berufliche Rehabilitation* = *Herr Meier hatte einen schweren Unfall. Jetzt lernt er einen anderen Beruf*, избегание заимствованных слов — лучше употреблять *Arbeits-Gruppe* вместо *Workshop*, уход от терминов через инверсионное определение — *Öffentliche Nahverkehr* (общественный транспорт) — *Bus und Bahn* (автобус и поезд). Использование аббревиатуры для условного сокращения слов нежелательно — *d.h.* (=das heißt). Однако допускается введение широкоупотребительных и легко узнаваемых слов в виде инициальной аббревиатуры — *WC*, *LKW*, *Dr. ICE*. При написании чисел римские (например, 9) предпочтительнее арабским (например, IX), цифровое (например, *Fünf Frauen*) предпочтительнее словесному (например, *5 Frauen*).

Использование фразеологических оборотов и образной речи представляется невозможным, стилистические ресурсы лексики ограничены, поскольку зачастую все понимается дословно, например, метафора *Raben-Eltern* (в дословном переводе — «родители-вороны») имеет значение «плохие родители».

На морфологическом уровне особое внимание уделяется такой части речи как глагол. Согласно правилам следует использовать глаголы действия (*Tu-Wörter*), например, *Morgen ist die Wahl zum Heim-Beirat* вместо *Morgen wählen wir den Heim-Beirat*. Активный залог (*Morgen wählen wir den Heim-Beirat*) предпочтительнее пассивному (*Morgen wird der Heim-Beirat gewählt*).

Что касается наклонения, то по правилам ассоциации рекомендуется использовать не сослагательное наклонение конъюнктив, например, а изъявительное — *Morgen könnte es regnen*, а *Morgen regnet es vielleicht*. В случае необходимости можно вводить рекомендацию по его распознаванию на письме — это наличие форм *hätte*, *könnte*, *müsste*, *sollte*, *wäre*, *würde*.

Применительно к существительным имеются указания относительно использования отдельных падежей, в частности замена родительного падежа (*Das Haus des Lehrers*) дательным падежом (*Das Haus von dem Lehrer. Das Haus vom Lehrer*). Обучение распознаванию родительного падежа сводится к ознакомлению с одной из его форм, образующейся при склонении существительных среднего и мужского рода — *des*.

На синтаксическом уровне требования регламентируют построение предложений. Предложение в немецком языке моделируется по вербоцентрическому принципу. В этой связи использование прямого порядка слов (*Wir fahren zusammen in den Urlaub*) по правилам ассоциации является лучшей перспективой обратному (*Zusammen fahren wir in den Urlaub*).

Использование приема парцелляции при составлении предложений на легком языке, позволяет максимально реализовать его грамматико-синтаксическую функцию пояснения и уточнения. В этой связи предложение должно быть коротким и содержать одно высказывание. Длинные предложения (*Wenn Sie mir sagen, was Sie wünschen, kann ich Ihnen helfen.*) следует разделять на более короткие — *Ich kann Ihnen helfen. Bitte sagen Sie mir: Was wünsche Sie?* Кроме того, нежелательным является употребление отрицания *nicht* в составе именного сказуемого. Следующий

пример иллюстрирует, что передаваемое лексико-грамматическое значение, возникающее в процессе образования адъективного именного сказуемого в сочетании с отрицанием, имеет отрицательную окраску — Peter ist nicht krank, поскольку nicht, по мнению разработчиков правил, автоматически ассоциируется с негативными явлениями. Использование антонимов способно придать высказыванию положительную окраску — Peter ist gesund.

При составлении текстов в целом и их заголовков желательно использовать персонифицированные обращения — Sie dürfen morgen wählen вместо безличных — Morgen ist die Wahl. Предпочтительнее обращение на «Вы». Обращение на «ты» применимо к детям и хорошо знакомым читателям. В случае использования одновременно существительных мужского и женского рода, необходимо на первое место помещать форму, соответствующую мужскому роду, поскольку она воспринимается легче, например, Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen.

Перевод текстов на легкий язык представляет собой достаточно трудоемкий процесс. Ассоциация легкий язык подтверждает, что текст написан на легком языке только в том случае, если он был ранее представлен контрольной группе. Эта контрольная группа, по правилам ассоциации, должна пройти одобрение как минимум 2 экспертов, представляющих целевую аудиторию «Leichte Sprache». Как правило, это люди, имеющие образование, но испытывающие сложности в обучении. Оценивание происходит по критерию – понятно\непонятно. Готовый текст, признанный текстом, написанным на легком языке, может быть отдан в печать.

Рассмотрение лингвистической концепции «Leichte Sprache» дает основание полагать, что предоставление информации на легком языке позволяет его реципиентам самостоятельно и напрямую участвовать в процессах коммуникации во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем, остаются нерешенными ряд проблем, открывающих перспективы для будущих исследований.

В теоретическом плане дальнейший интерес представляет процесс разработки и совершенствования лингвистических критериев текстов для разных адресатов, в том числе, носители языка, среди которых по данным за 2019 год, 6, 2 миллиона из них не в полной мере владеют навыками функционального чтения [12], [13], изучающие немецкий язык как второй язык общения. Актуальным остается вопрос разработки и признания оценочных материалов, позволяющих установить уровень владения «Leichte Sprache», уточнение терминологического аппарата.

В практическом плане это, прежде всего, изучение возможностей реализации лингвистической концепции «Leichte Sprache» в обучении немецкому языку как иностранному в условиях инклюзии, а так же в отсутствии таковой.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком : Изучение, обучение, оценка: [монография] / [пер. с англ. под ред. К.М. Ирисхановой; Совет Европы]. - Москва: Департамент по языковой политике: Московский государственный лингвистический университет, 2003. - 256 с.
2. Петрова М.В. "Leichte Sprache" и "Einfache Sprache" как социолингвистические феномены / Петрова М.В. // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. - 2020. - № 13. - С. 51-59.
3. Baumert A. Einfache Sprache und Leichte Sprache – Kurz und bündig [Электронный ресурс] / Baumert A. – URL: https://www.researchgate.net/publication/327142169_Einfache_Sprache_und_Leichte_Sprache_-_Kurz_und_bundig (дата обращения: 15.11.2021).
4. Bredel U. Maaß C. Leichte Sprache. Theoretische Grundlagen. Orientierung für die Praxis / Bredel U. Maaß C. - Dudenverlag. – Berlin. – 2016. – S. 337.
5. Büscher W. In der Krise lernt alle Welt Deutsch [Электронный ресурс] / Büscher W. – URL: <https://www.welt.de/kultur/article115710464/In-der-Krise-lernt-alle-Welt-Deutsch.html> информационная немецкая ежедневная газета (дата обращения: 15.11.2021).
6. Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen [Электронный ресурс]. – URL: <https://europaeischer-referenzrahmen.de/> (дата обращения: 15.11.2021).
7. Deutsch als Fremdsprache weltweit. Datenerhebung 2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf204/bro_deutsch-als-fremdsprache-weltweit-datenerhebung-2020.pdf (дата обращения: 18.10.2021).
8. Die deutsche Sprache gewinnt weltweit an Bedeutung, 19.08. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/ueber-15-millionen-lernen-deutsch-die-deutsche-sprache-gewinnt-weltweit-an-bedeutung/24919778.html> (дата обращения: 05.11.2021).
9. Die Regeln für Leichte Sprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.leichte-sprache.org/leichte-sprache/die-regeln/> (дата обращения: 15.11.2021).
10. Doerr H. Leichte Sprache und einfache Sprache: Was sind die Unterschiede? [Электронный ресурс] / Doerr H. – URL: <https://text-welten.com/einfache-und-leichte-sprache-unterschiede/> (дата обращения: 01.10.2021).
11. Infografik: Deutschlernende in der Welt 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dw.com/de/infografik-deutschlernende-in-der-welt-2020/a-53658366> (дата обращения: 07.10.2021).
12. Weniger Analphabeten in Deutschland [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dw.com/de/weniger-analphabeten-in-deutschland/a-48660990> (дата обращения: 01.11.2021).
13. 6,2 Millionen Deutsche können nicht richtig lesen und schreiben [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dw.com/de/62-millionen-deutsche-können-nicht-richtig-lesen-und-schreiben/l-50772727> (дата обращения: 05.10.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Obshcheevropejskie kompetencii vladeniya inostrannym yazykom : Izuchenie, obuchenie, ocenka: [monografiya] [Common European Framework of Reference for Languages: Study, Training, Assessment: [monograph]] / [transl. from Eng., edit. K.M. Iriskhanovoj; Sovet Evropy]. - Moskva: Departament po yazykovoj politike: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2003. - 256 p. [in Russian]
2. Petrova M.V. "Leichte Sprache" i "Einfache Sprache" kak sociolingvisticheskie fenomeny ["Leichte Sprache" and "Einfache Sprache" as Sociolinguistic Phenomena] / Petrova M.V. // Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. - 2020. - № 13. - P. 51-59. [in Russian]
3. Baumert A. Einfache Sprache und Leichte Sprache – Kurz und bündig [Electronic resource] / Baumert A. – URL: https://www.researchgate.net/publication/327142169_Einfache_Sprache_und_Leichte_Sprache_-_Kurz_und_bundig (accessed: 15.11.2021). [in German]
4. Bredel U. Maaß C. Leichte Sprache. Theoretische Grundlagen. Orientierung für die Praxis / Bredel U. Maaß C. - Dudenverlag. – Berlin. – 2016. – S. 337. [in German]
5. Büscher W. In der Krise lernt alle Welt Deutsch [Electronic resource] / Büscher W. – URL: <https://www.welt.de/kultur/article115710464/In-der-Krise-lernt-alle-Welt-Deutsch.html> информационная немецкая ежедневная газета (accessed: 15.11.2021). [in German]
6. Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen [Electronic resource]. – URL: <https://europaeischer-referenzrahmen.de/> (accessed: 15.11.2021). [in German]
7. Deutsch als Fremdsprache weltweit. Datenerhebung 2020 [Electronic resource]. – URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf204/bro_deutsch-als-fremdsprache-weltweit.-datenerhebung-2020.pdf (accessed: 18.10.2021). [in German]
8. Die deutsche Sprache gewinnt weltweit an Bedeutung, 19.08. [Electronic resource]. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/ueber-15-millionen-lernen-deutsch-die-deutsche-sprache-gewinnt-weltweit-an-bedeutung/24919778.html> (accessed: 05.11.2021). [in German]
9. Die Regeln für Leichte Sprache [Electronic resource]. – URL: <https://www.leichte-sprache.org/leichte-sprache/die-regeln/> (accessed: 15.11.2021). [in German]
10. Doerr H. Leichte Sprache und einfache Sprache: Was sind die Unterschiede? [Electronic resource] / Doerr H. – URL: <https://text-welten.com/einfache-und-leichte-sprache-unterschiede/> (accessed: 01.10.2021). [in German]
11. Infografik: Deutschlernende in der Welt 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://www.dw.com/de/infografik-deutschlernende-in-der-welt-2020/a-53658366> (accessed: 07.10.2021). [in German]
12. Weniger Analphabeten in Deutschland [Electronic resource]. – URL: <https://www.dw.com/de/weniger-analphabeten-in-deutschland/a-48660990> (accessed: 01.11.2021). [in German]
13. 6,2 Millionen Deutsche können nicht richtig lesen und schreiben [Electronic resource]. – URL: <https://www.dw.com/de/62-millionen-deutsche-können-nicht-richtig-lesen-und-schreiben/l-50772727> (accessed: 05.10.2021). [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.19>**ПАРОЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ АВТОСПОРТИВНОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ**

Научная статья

Солодилова И.А.¹, Лукашева Е.С.²*^{1,2} Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

* Корреспондирующий автор (ekaterina.lukasheva[at]yahoo.com)

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению одной из особенностей автоспортивного дискурса Германии – реализации в нем парольной функции. Автоспортивный дискурс понимается в исследовании как гибридное образование, сформированное на основе автомобильного и спортивного дискурса в части содержания, и обладающий во многом признаками дискурса СМИ как реализующийся в большем своем объеме в его пространстве. Парольная функция как одна из постоянных для всех институциональных типов дискурса определяет взаимоотношения коммуникативных участников внутри дискурса (агентов и клиентов) и их отграничение от остальных – не относящихся к нему непосредственно. Особенностью реализации парольной функции в автоспортивном дискурсе является ее связь с национально-культурным компонентом семантики текста.

Ключевые слова: дискурс, автоспортивный, парольная функция, аллюзия, национально-культурный компонент.

PASSWORD FUNCTION OF THE GERMAN MOTORSPORT DISCOURSE: IMPLEMENTATION FEATURES

Research article

Solodilova I.A.¹, Lukasheva E.S.²*^{1,2} Orenburg state university, Orenburg, Russia

* Corresponding author (ekaterina.lukasheva[at]yahoo.com)

Abstract

This article discusses one of the features of the German motorsport discourse, namely the implementation of password function in it. In the article, motorsport discourse is understood as a hybrid formation formed on the basis of automotive and sports discourse in terms of content, and having in many respects the characteristics of media discourse as being realized in its larger volume in its space. As one of the constants for all institutional types of discourse, the password function, determines the relationship of communicative participants within the discourse (agents and clients) and their separation from the rest, which are not directly related to it. One of the features of the implementation of the password function in motorsport discourse is its connection with the national and cultural component of the text semantics.

Keywords: discourse, motorsport, password function, allusion, national and cultural component.

Введение

Интенсивное развитие той или иной сферы жизнедеятельности людей в рамках определенной социальной группы или шире – национально-культурного сообщества влечет за собой, как правило, усиление коммуникативной активности членов данной группы (сообщества) и, соответственно, увеличение объема коммуникативного содержания (текстов, в широком понимании), числа коммуникативных партнеров и, в большинстве своем, расширение коммуникативного пространства. Данные процессы позволяют ученым-лингвистам говорить в данном случае о формировании нового типа дискурса. Это относится к относительно новому в дискурсивной лингвистике объекту исследования – автоспортивному дискурсу.

Автоспортивный дискурс понимается нами как сложное коммуникативное явление, многофакторный по своей организации процесс коммуникативного взаимодействия в рамках некоторого социокультурного пространства, результатом которого является совокупность текстов вербального и невербального характера в устной и письменной форме на некоторую тему (в широком смысле), соответствующую определенной сфере жизнедеятельности человека. Данное понимание дискурса позволяет выделить три основных параметра (измерения): *социокультурное измерение* дискурса предопределяет его зависимость от экстралингвистических факторов прагматического, психологического, социокультурного характера, *событийность* (процессуальность) – понимание его как целенаправленного социального действия, *интерактивность* (человеческое взаимодействие) как фактор, определяющий содержание дискурса – когнитивную основу его формирования (см. определения дискурса Н.Д. Арутюновой [5], Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова [4]).

Развитие автоспортивной техники, обилие автоспортивных мероприятий, увеличение и развитие рынка автоспортивной прессы – процессы, имеющие место на протяжении последних 30 лет в сфере как отечественного, так и европейского автоспорта, обусловили в итоге формирование и становление автоспортивного дискурса.

Новизна и интенсивность дальнейшего развития предопределили наличие достаточно высокого интереса лингвистики к автоспортивному дискурсу, что объясняет актуальность предпринятого нами исследования, посвященного выявлению лингвокогнитивных характеристик автоспортивного дискурса России и Германии.

Автоспортивный дискурс представляет собой образование гибридного типа, формирующееся на основе автомобильного и спортивного типов дискурса. В след за О.С. Рогалева [6], мы считаем, что базис автоспортивного дискурса составляет именно автомобильный дискурс в силу того, что автомобиль всегда является (прямо или косвенно) предметом речи (описания, обсуждения и т.п.) в текстах на автоспортивную тематику. Тем не менее, сфера спорта, ее модальность (значимость соревновательного момента, оценочный характер описания, высокая доля

эмоциональности и т.п.) предопределяют во многом специфику автоспортивного дискурса. А представленность текстов об автоспорте больше частью в средствах массовой информации обуславливают наличие у автоспортивного дискурса характеристик, свойственных дискурсу СМИ. Исходя из этого, мы склонны считать, что ядро автоспортивного дискурса составляют коммуникативные процессы, посвященные событиям автоспорта и материализующиеся в текстах, созданных агентами автоспортивного дискурса – специалистами, спортсменами (автогонщиками), журналистами в пространстве СМИ. Этим обусловлен выбор материала исследования – текстов автоспортивных интернет-журналов.

Автоспортивный дискурс относится к институциональному типу дискурса и выполняет свойственные этому типу функции: перформативную, нормативную, презентационную и парольную [1].

В настоящей статье представлены результаты анализа текстов автоспортивного дискурса Германии на предмет реализации в них парольной функции. Выбор функции в качестве предмета анализа обусловлен ее тесной связью с национально-культурным и дискурсивным компонентами текстового содержания, которые, в частности, определяют лингвокогнитивное своеобразие исследуемого нами дискурса. Основная цель парольной функции – установление границы и связи между клиентами и агентами дискурса с помощью специальных дискурсивных знаков. Парольная функция позволяет, с одной стороны, отграничить «имманентных» коммуникативных участников дискурса (агентов и клиентов) от остальных, а с другой – самих агентов (специалистов) от клиентов (менее компетентных участников).

К дискурсивным знакам, реализующим парольную функцию, относятся специальные термины (широко развитая в автомобилестроении терминология, специальные термины автоспорта), сокращения, аллюзий и т. п.

Следует отметить, что парольная функция дискурса, устанавливая границы его участников, тесно коррелирует с эмотивностью, поскольку позволяет его участникам осознавать свою избранность за счет понимания (раскодирования, узнавания) зашифрованной в тексте информации – так называемых культурных и дискурсивных кодов.

Одним из стилистических приёмов, которые помогают реализовать парольную функцию в текстах автоспортивного дискурса, является литературная аллюзия – стилистический прием, содержащий указание, намек, отсылку на некий литературный факт, ставший в силу своей общей известности частью культуры соответствующего социокультурного сообщества. В данном понимании аллюзия соотносится с понятием лингвокультуры как ее частный случай (см. работы В.В. Воробьева) [2], [3] и может рассматриваться, с нашей точки зрения, языковым репрезентантом элементов национальной картины мира.

Парольная функция реализуется с помощью аллюзий в данном случае в двух аспектах – национально-культурологическом и дискурсивном. С одной стороны, как знаки лингвокультуры аллюзии апеллируют к представителям данного лингвокультурного сообщества, а с другой – как дискурсивные знаки, обозначающие некоторую экстралингвистическую ситуацию – к клиентам и агентам автоспортивного дискурса.

Продemonстрируем эту особенность текстов автоспортивного дискурса Германии на конкретных примерах.

Описывая автомобиль Land Rover Discovery SD4, журналист издания «Auto Motor und Sport», называет его «*Fliegendes Masse-Zimmer*», что является модификацией названия известного детского романа Эриха Кестнера «*Das fliegende Klassenzimmer*» («Летающий класс») (национально-культурный компонент семантики). Заменяя в сложносоставном существительном *Klassenzimmer* элемент *Klassen* на *Masse*, автор текста Йенс Дралле акцентирует внимание читателя на весе транспортного средства, при этом причастие *fliegend* характеризует его скоростные возможности (дискурсивный компонент) [8]. Широко известный роман, имеющий не менее известную экранизацию, связан в сознании представителей немецкого народа с исключительно положительными эмоциями, мальчишеской дерзостью, находчивостью, весельем. Все это позволяет автору статьи не только привлечь внимание яркой языковой игрой, но и создать эмоциональный образ автомобиля и дать ему характеристику.

Название статьи Кристиан Гебхардта «*Rotkäppchen und der böse Golf*» («Красная шапочка и злой Гольф») отсылает ко всем известной сказке братьев Grimm «Красная шапочка и злой волк» (национально-культурный компонент аллюзии). Языковая игра основана в данном случае на замене фонетически созвучных слов *Wolf* и *Golf*. Последнее обозначает автомобиль Volkswagen Golf GTI TCR, который большинство немцев в повседневной жизни называют просто *Golf*. Семантическую трансформацию претерпевает прилагательное *böse* (злой), обозначающее в данном случае скоростные характеристики автомобиля (дискурсивный компонент). Существительное *Rotkäppchen* (Красная шапочка) также дискурсивно и лингвистически мотивировано: представляемый в статье автомобиль имеет красные зеркала заднего вида (нем. *rote Spiegelkappen*) [10]. В итоге автору статьи уже заголовком удается создать привлекающий внимание образ автомобиля, понятный, однако, только посвященным (если сказку о Красной шапочке знают многие, то использование ее названия в автоспортивном контексте поймут лишь агенты и клиенты дискурса).

Анализируя ход гонщика чемпионата мира по шоссейно-кольцевым мотогонкам на гоночных мотоциклах «MotoGP», журналисты издания «Motorsport aktuell» используют название одной из сказок братьев Grimm для описания ситуации, сложившейся на гоночной трассе. Название статьи «*Marc im Glück*» является отсылкой к сказке «*Hans im Glück*». Образ Ганса-везунчика является одним из любимых в немецком народе среди фольклорных образов (национально-культурный компонент аллюзии) и позволяет очень ёмко описать поведение гонщика Марка Маркеса (исп. Marc Marquez) на соревнованиях как как весьма рискованное, но тем не менее принесшее удачу (корреляция национально-культурного и дискурсивного компонентов) [9].

Стоит отметить, что наряду с модифицированными аллюзиями достаточно частотное употребление литературных названий в неизменном виде. Примером является статья журналиста издания «Sport Auto» Штефана Хельмрайха «*Die Schöne und das Biest*» (рус. «Красавица и чудовище»). Сказка французского писателя Шарля Перро широко известна и в немецком народе, что позволяет автору статьи апеллировать к ее образам (национально-культурный компонент аллюзии). Предметом статьи является сравнение двух автомобилей – Alfa Romeo Giulia Quadrifoglio и BMW M3 Competition. Безошибочное соотношение имен, используемых в названии сказки, и названий автомобилей обеспечивается лингвистическим компонентом – совпадением грамматического рода у

существительного *die Schöne* и названия *Alfa Romeo Giulia* (Ср. «Entdecken Sie die Alfa Romeo Giulia Quadrifoglio: kompromisslose Leistung und ideale Gewichtsverteilung <...>» [<https://www.alfaromeo.de/quadrifoglio/giulia-quadrifoglio>] (Выд. – нами.). Имя *das Biest* относится, соответственно, к автомобилю *BMW M3 Competition*.

Яркие образы известной сказки актуализируют в сознании читателей четко определяемые характеристики: эстетическое превосходство одного и силу (технические характеристики) другого. Образ могучего существа поддерживается далее в тексте с помощью выражения *Zähne fletschten* (*огрызаться*).

Используемые в текстах статей автоспортивных журналов литературные аллюзии могут быть и далеко не такими общепонятными, как проанализированные выше, если отсылают к названиям менее известных произведений.

Так, название статьи «Das Rot der früheren Jahren» в журнале «Auto Motor und Sport» [8] является аллюзией к названию повести Генриха Бёлля «Das Brot der früheren Jahren» (рус. «Хлеб ранних лет»). Произведение, опубликованное в 1955 году, повествует о современнике, 24-летнем молодом человеке, на долю которого выпали тяготы военной жизни, и отсылает именно к 50-ым годам. Модификация, основанная на замене фонетически созвучных слов, призвана дать посвященным информацию об источнике возникновения нового цвета для Ferrari: «Schließlich gibt es für den 812 Superfast eine neue Farbe, inspiriert vom Rot der 50er und 60er: Rosso 70 Anni». Красный цвет является традиционным цветом бренда «Ferrari» (дискурсивный компонент). Национально-культурный компонент аллюзии не относится к общеизвестной в данном сообществе информации и требует от читателя большей литературной эрудиции, нежели в приведенных выше примерах, что обуславливает сужение числа «посвященных» и усиление парольной функции.

Не меньшую сложность для распознавания представляют, на наш взгляд, аллюзии к произведениям, относящимся к специальной литературе.

Название статьи «Genie oder Wahnsinn?» (Гений или безумие) в журнале «Auto Bild Motorsport» представляет собой аллюзию к книге итальянского психиатра Чезаре Ламброзо «Гений и безумие». Предметом обсуждения статьи является гонщик Формулы-1 Макс Ферстаппен, чьи рискованные, а порой безумные идеи и поступки обескураживают аналитиков, побуждая их задаваться вопросом о его гениальности или безумстве. В подзаголовке эта мысль эксплицируется: «Das Wunderkind der Formel 1 hat 2018 eine Saison mit Höhen und Tiefen hinter sich. In der ersten Hälfte stand er im Zentrum der Kritik, zuletzt wird er als neuer Ayrton Senna gepriesen» [7]. Модификация названия книги заключается в замене союза *и* на союз *или*, что существенно меняет смысл: сопряжение гениальности и безумия в книге на их противопоставление в статье.

Несмотря на сложность распознавания, для которого необходимо специальное знание, обе аллюзии не мешают в целом пониманию смысла статей и не вызывают недоумения даже в том случае, если читатель не осведомлен о произведениях, давших названия статьям, что, собственно, является особенностью всех СМИ: тенденции к намеренной выразительности и экспрессивности противостоит наличие стандарта и требование общедоступности в понимании.

Заключение

Проведенный анализ позволил установить высокую значимость парольной функции для автоспортивного дискурса, которая определяет во многом языковое своеобразие представленных в нем текстов, в частности использование литературных аллюзий. Данный прием отражает и когнитивное своеобразие исследуемого типа дискурса, поскольку тесно связан с национально-культурным компонентом семантики. Аллюзии к немецким литературным произведениям или произведениям, широко известным в немецком народе, могут рассматриваться в этой связи как репрезентанты языковой и национальной картины мира, что, в свою очередь, предопределяет связь автоспортивного дискурса с ценностной системой. Употребление аллюзий к народным сказкам определяет национальный колорит дискурса, к произведениям художественной и специальной литературы – социальный статус авторов текстов (агентов), модификации аллюзий обеспечивают причастность к теме автоспорта, понимание которой возможно в основном для имманентных участников дискурса.

Результаты анализа являются также подтверждением того факта, что в основе каждого институционального дискурса заложена система ценностей, не выраженная в виде определенного оценочного кодекса, но реконструируемая с помощью выделения оценочных (в широком смысле) суждений на основе высказываний, явно или имплицитно содержащих оценку. Высказывания, отсылающие к системе норм, эталонов и т.п. характеризуются значимостью пресуппозиционального компонента (фоновых знаний) и характеризуются большой смысловой емкостью.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бейлинсон, Л. С. Функции институционального дискурса / Л. С. Бейлинсон // Вестник ИГЛУ. – 2009. – №3(7). – С. 142-143.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности: моногр. / В. В. Воробьев. – М.: Российский университет дружбы народов, 1996. – 170 с.
4. Караулов Ю.Н. От грамматики к когнитивной теории дискурса / Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. Ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989

5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
6. Рогалева, О. С. Лексика автоспорта в современных СМИ: семантика и функционирование / О. С. Рогалева // Коммуникативные исследования. – 2014. – №2. – С. 213-218
7. Autobild Motorsport: Sonderheft / Objektleiter «Axel Springer SE». – 2018, Nov. – Hamburg : Axel Springer Auto Verlag GmbH, 2018 – ISSN 1617-4100. – 2018, №1.
8. Auto Motor und Sport: Heft / Verlag «Motor Presse Stuttgart GmbH & Co. KG». – 2017, Jun. – Hamburg : DPV Deutscher Pressevertrieb GmbH, 2017 – 2017, № 14 – № 25.
9. Motorsport aktuell : Heft / Verlag «Motor Presse Stuttgart GmbH & Co. KG». – 2017, Nov. – Hamburg : DPV Deutscher Pressevertrieb GmbH, 2017 – 2017, № 48 – № 50.
10. Sport auto : Heft / Verlag «Motor Presse Stuttgart GmbH & Co. KG». – 2019, Mär. – Hamburg : DPV Deutscher Pressevertrieb GmbH, 2017 – 2019, № 4; 2021, № 6.

Список литературы на английском / References in English

1. Bejlinson, L. S. Funkcii institucional'nogo diskursa [Functions of institutional discourse] / L. S. Bejlinson // Vestnik IGLU [ISLU Bulletin]. – 2009. – №3(7). – P. 142-14. [in Russian]
2. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]: Monografiya [Monograph] / V.V. Vorob'ev. – M.: RUDN, 2008. – 336 p. [in Russian]
3. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologicheskaya paradigma lichnosti [Linguocultural paradigm of personality] : monogr. / V. V. Vorob'ev. – M.: Rossijskij universitet druzhby narodov [RUDN University], 1996. – 170 p. [in Russian]
4. Karaulov YU.N. Ot grammatiki k kognitivnoj teorii diskursa [From grammar to cognitive discourse theory] / Van Dejk T.A. YAzyk. Poznanie. Kommunikaciya [Cognition. Communication]: Per. s angl. / Sost. V.V. Petrova; Pod red. V.I. Gerasimova; Vstup. St. YU.N. Karaulova i V.V. Petrova. – Moskva : Progress, 1989 [in Russian]
5. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary] / gl. red. V.N. YArceva. – 2-e izd., dop. – Moskva : Bol'shaya ros. encikl. [Great Russian encyclopedia], 2002. – 709 p. [in Russian]
6. Rogaleva, O. S. Leksika avtosporta v sovremennyh SMI: semantika i funkcionirovanie [Motorsport vocabulary in modern media: semantics and functioning] / O. S. Rogaleva // Kommunikativnye issledovaniya [Communication research]. – 2014. – №2. – P. 213-218 [in Russian]
7. Autobild Motorsport: Sonderheft [Autobild Motorsport: special issue] / Objektleiter «Axel Springer SE». – 2018, Nov. – . – Hamburg : Axel Springer Auto Verlag GmbH, 2018 – . – ISSN 1617-4100. – 2018, №1. [in German]
8. Auto Motor und Sport: Heft [Auto Motor und Sport: [Issue] / Verlag «Motor Presse Stuttgart GmbH & Co. KG». – 2017, Jun. – Hamburg : DPV Deutscher Pressevertrieb GmbH, 2017 – 2017, № 14 – № 25. [in German]
9. Motorsport aktuell : Heft [Motorsport up-to-date: Issue] / Verlag «Motor Presse Stuttgart GmbH & Co. KG». – 2017, Nov. – Hamburg : DPV Deutscher Pressevertrieb GmbH, 2017 – 2017, № 48 – № 50. [in German]
10. Sport auto : Heft [Sport auto: Issue] / Verlag «Motor Presse Stuttgart GmbH & Co. KG». – 2019, Mär. – Hamburg : DPV Deutscher Pressevertrieb GmbH, 2017 – 2019, № 4; 2021, № 6. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.30>**ПЕРЕНАСЫЩЕНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНОГО МЕДИАТЕКСТА)**

Научная статья

Полякова Е.В.^{1*}, Титлова А.С.²¹ ORCID: 0000-0001-6606-6342;^{1,2} Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (fotodarr[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена процессу перенасыщения информацией в эпоху глобализации. Медиатекст представлен как один из основных источников информации в современном мире. Выделяются основные характеристики медиатекста: мультимедийность, или поликодовость, гипертекстуальность, или нелинейность, и интерактивность. На основе интерактивности медиатекста произведена классификация комментариев пользователей-реципиентов медиатекста, что позволило выявить основные причины информационной перенасыщенности. Выделены следующие группы: повторяющаяся информация, негативная информация, переизбыток деталей, манипуляция, множественные источники информации, информационная тревога. Авторы отмечают, что если учесть приведенные аспекты воздействия медиатекста на его реципиента, то информационным новостным ресурсам удастся достичь своей основной цели – привлечь большое количество читателей.

Ключевые слова: перенасыщение информацией, медиатекст, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность.

INFORMATION OVERSATURATION IN MODERN MEDIA CULTURE (BASED ON A NEWS MEDIA TEXT)

Research article

Poliakova E.V.^{1*}, Titlova A.S.²¹ ORCID: 0000-0001-6606-6342;^{1,2} Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (fotodarr[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the process of information saturation in the era of globalization. The media text is presented as one of the main sources of information in the modern world. The article highlights the main characteristics of the media text such as its multimedia nature, hypertextuality, or nonlinearity, and interactivity. Based on the interactive nature of media texts, the authors conduct a classification of the comments of users-recipients of a selected media text, which made it possible to identify the main causes of information saturation. The study identifies the following groups: repetitive information, negative information, overabundance of details, manipulation, multiple sources of information, information anxiety. The authors note that if the above aspects of the impact of media texts on its recipient are taken into account, the news outlets will be able to achieve their main goal, which is to attract a large number of readers.

Keywords: oversaturation of information, media text, multimedia, hypertextuality, interactivity.

Введение

В эпоху стремительного развития технологий, увеличения числа источников передачи информации и их доступности современный пользователь может в полной мере оценить их преимущества. Сейчас не обязательно идти в кинотеатр, чтобы посмотреть фильм, не нужно оформлять подписку или идти в газетный киоск, чтобы почитать газету. Человек, «средой обитания» которого стало дигитализированное пространство, окружен информацией со всех сторон. Но всегда ли такое положение является преимуществом?

Очевидно, нет. Все чаще исследователи, работающие в рамках различных дисциплин, таких как психология, социология, медицина, лингвистика, говорят об информационном насыщении. Иными словами, это явление называют полумедицинским термином «инфоксикация» – такая информационная перегрузка, при которой человек получает больше информации, чем может обработать. Здесь также стоит вспомнить высказывание, приписываемое Сократу: «Я знаю только то, что ничего не знаю» – чем больше информации поступает к пользователю по разным каналам, тем меньше и незначительнее кажутся человеку имеющиеся у него знания.

Основные результаты

Далее в своем исследовании мы, на основе содержательного анализа комментариев пользователей, предприняли попытку проанализировать, в чем именно заключается переизбыток информации при чтении новостного интернет-текста. Для сбора аналитического материала был использован новостной ресурс Myufarb [10], публикующий новости, касающиеся событий, происходящих в городе Уфа и Республике Башкортостан.

Нами были проанализированы 9537 комментариев к 206 новостным текстам (опубликованным в период с 1 октября по 31 октября 2021 г.). Комментарии к публикациям были выгружены с помощью программы Morescom [9].

Полученные комментарии далее были сгруппированы согласно высказанному реципиентами отношению к полученной информации. Нами были выделены следующие группы:

1. Повторяющаяся информация. В своих комментариях пользователи отмечают, что данный источник не первый, в котором встречается эта новость. Примеры комментариев: 1. Стопицот раз уже печатали везде. Ну сколько можно? 2. А есть паблики, где еще этой новости нет? Че повторять-то по кругу. 3. Ну, везде уже с утра *angry face*.

2. Негативная информация. Пользователи жалуются, что получают слишком много негативной информации. Примеры комментариев: 1. Как ни зайдешь, один негатив((. 2. Хорошего у нас совсем ничего не происходит, да? 3. Отпишусь, надоели с этой грязью!

3. Переизбыток деталей. В комментариях отмечено, что текст содержит много ненужных подробностей. Примеры комментариев: 1. А фамилии-то зачем печатать? У этих подростков родители есть, семьи. 2. Вы б еще адрес написали *facerpalm* 3. Ну и зачем нам такие подробности?

4. Манипуляция. Пользователи подозревают, что характер информации подталкивает к принятию решения или к действию. Примеры комментариев: 1. Чем больше пишете, тем больше у людей отторжение. Так вы никого не уговорите. 2. Пытаетесь заставить нас поверить в эту чушь? 3. Кого убедит этот ваш никому не известный «эксперт»?

5. Множественные источники информации. Читатели новостного источника высказывают недовольство, что новостной ресурс размещает часть информации в виде ссылок на сторонние источники. Примеры комментариев: 1. А нельзя сразу здесь разместить? Опять ссылка на ссылку со ссылкой *facerpalm* 2. Что за квест «Найди видео»?! 3. По-вашему, кто-то пойдет в шапке профиля открывать? Спасибо, но нет.

6. Информационная тревога. Состояние, вызванное непредсказуемостью информации и нежеланием ее воспринимать. Примеры комментариев: 1. Господи, ну предупреждать же как-то надо! 2. Я не могу на такое смотреть((. 3. Даже не знаешь уже, читать или просто дальше пролистать.

Обсуждение

Одним из основных источников информации в современном мире является медиатекст. В самом общем своем значении, медиатекст – «это динамическая сложная единица высшего порядка, через которую происходит речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [2, С. 6]. На наш взгляд, медиатекст в его современном понимании является гиперонимом таких терминов, как газетный текст, публицистический текст, текст средств массовой информации, интернет-текст и др.

Дифференцируя медиатексты согласно каналам их коммуникации, отметим, что, по нашему мнению, именно интернет-текст, в силу его отличительных характеристик, является основным «виновником» перенасыщения информацией. Во-первых, интернет-текст конвергентен, или, говоря интернет-языком, мультимедиаен, то есть передает информацию с помощью разных кодов [6]. В лингвистике такой текст называют креализованным, или поликодовым, т.е. сочетающим в себе «естественный языковой код с кодом какой-либо иной семиотической системы» [1, С. 107]. Так современный интернет-текст сочетает в себе вербальную часть, а также фото-, видео-, аудиокomпоненты. Эти визуальные и аудиальные составляющие, несомненно, несут дополнительную смысловую нагрузку, увеличивая объем воспринимаемой реципиентом текста информации [4], [5].

Еще одной отличительной характеристикой медиатекста является его гипертекстуальность. С точки зрения лингвистики такой текст можно назвать нелинейным, имеющим мозаичную структуру. Технически эта особенность реализуется через гиперссылки, отсылающие читателя к другим источникам или другим частям того же текста. Гиперссылка в новостном тексте может перенаправлять читателя к описанию предшествующих событий и явлений, давать толкование или вести к медиатексту со схожим, но размещенном в другом источнике содержанием. Гиперссылкой могут служить также визуальные компоненты медиатекста. В настоящее время переход по ссылке не всегда обязателен – дополнительное окно может «всплыть» при наведении на объект [3, С. 249].

Интерактивность также является значимой для нашего исследования характеристикой новостного интернет-текста. Традиционный публицистический текст принято относить к опосредованным средствам коммуникации, где обратная связь маловероятна или отложена по времени, в то время как коммуникация в интернет-тексте непосредственна, связь между агентом и реципиентом, т.е. коммуникантами, может быть мгновенной. Для такого диалога (а в случае интернет-коммуникации, чаще всего, диалога) существует возможность для пользователей оставлять комментарии под прочитанной новостью [7], [8].

Заключение

По нашему мнению, так называемый «синдром информационной усталости» – это один из факторов, который необходимо принимать во внимание авторам, редакторам и SMM-специалистам, работающим в онлайн издании. Как следствие переизбытка информации, эта информация зачастую не используется, не структурируется (или структурируется и воспринимается в искаженном виде), поскольку мозг реципиента перенасыщен информацией, перегружен и находится в состоянии тревоги, что приводит к неспособности адекватно воспринимать и перерабатывать необходимый объем поступающей информации. Если учесть приведенные в настоящей статье аспекты воздействия медиатекста на его реципиента, то информационным новостным ресурсам удастся достичь своей основной цели – привлечь большое количество читателей.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ейгер Г. В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М.Тореза. Ч. I. – М., 1974. – С. 103–110.
2. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.

3. Титлова А. С. Особенности восприятия микроблога как гипертекста / Титлова А. С. // Межкультурная-интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Уфа, 2019. – С. 246–250.
4. Филиппов К. А. Лингвистика текста: курс лекций / Филиппов К. А. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. – 336 с.
5. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем / Р.М. Фрумкина. – Препринт WP6/2004/04. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 24 с.
6. Чернявская В. Е. Поликодовое пространство текста: лингвосемантическая парадигма языкознания / В.Е. Чернявская// Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб.: 2009. – С. 23–35.
7. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики / В.И. Шаховский// ВЯ, № 4. – М.: Наука, 1994. – С. 20–26.
8. Шевякова Л. П. Основные формы общения в Интернете и их особенности / Л. П. Шевякова// Образование. Коммуникация. Ценности. (Проблемы, дискуссии, перспективы). Под ред. С.И. Дудника. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 26–29.
9. Morecom [Электронный ресурс]. – URL: <https://morecom.ru/>. (дата обращения: 27.11.2021)
10. Myufarb [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.instagram.com/myufarb/?hl=ru>. (дата обращения: 27.11.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Ejger G. V. K postroeniyu tipologii tekstov [Towards the construction of a typology of texts] / G.V. Ejger, V.L. YUht // Ling-vistika teksta: Materialy nauchnoj konferencii pri MGPIYA im. M.Toreza. CH. I. – M., 1974. – P. 103–110. [in Russian]
2. Sovremennyy mediatekst: uchebnoe posobie [Modern media text: a tutorial] / Ch. edit. N. A. Kuz'mina. – Omsk, 2011. – 414 p. [in Russian]
3. Titlova A. S. Osobennosti vospriyatiya mikrobloga kak giperteksta [Features of the perception of microblogging as a hypertext] / Titlova A. S. // Mezhkul'turnaya-intrakul'turnaya kommunikaciya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda. Ufa, 2019. – P. 246–250. [in Russian]
4. Filippov K. A. Lingvistika teksta: kurs lekciy [Linguistics of the text: a course of lectures] / Filippov K. A. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2003. – 336 p. [in Russian]
5. Frumkina R. M. Psiholingvistika: chto my delaem, kogda govorim i думаем [Psycholinguistics: what we do when we speak and think] / R.M. Frumkina. – Preprint WP6/2004/04. – М.: GU VSHE, 2004. – 24 p. [in Russian]
6. CHernyavskaya V. E. Polikodovoe prostranstvo teksta: lingvosemanticheskaya paradigma yazykoznaniiya [Polycode text space: linguistic-semantic paradigm of linguistics] / V.E. CHernyavskaya// YAzyk v paradigmah gumanitarnogo znaniya: HKHI vek. – SPb.: 2009. – P. 23–35. [in Russian]
7. SHahovskij V. I. Tipy znachenij emotivnoj leksiki [Types of meanings of emotive vocabulary] / V.I. SHahovskij// VYA, № 4. – М.: Nauka, 1994. – P. 20–26. [in Russian]
8. SHEvyakova L. P. Osnovnye formy obshcheniya v Internetе i ih osobennosti [The main forms of communication on the Internet and their features] / L. P. SHEvyakova// Obrazovanie. Kommunikaciya. Cennosti. (Problemy, diskussii, perspektivy). Pod red. S.I. Dudnika. – SPb: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2004. – P. 26–29. [in Russian]
9. Morecom [Electronic resource]. – URL: <https://morecom.ru/>. (accessed: 27.11.2021)
10. Myufarb [Electronic resource]. – URL: <https://www.instagram.com/myufarb/?hl=ru>. (accessed: 27.11.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.25>**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ОПИСАНИЯ АНГЛИЙСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ**

Научная статья

Архипова Е.И. *

ORCID: 0000-0001-9992-3443,

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

* Корреспондирующий автор (gorina9[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье предпринята попытка выявить и проиллюстрировать лингвокультурологические особенности английского медиатекста, определяющие инвентарь языковых средств и их организацию. Особое внимание уделено феномену прецедентности, коммуникативно-прагматическому потенциалу функционирования фразеологических выражений, аллюзий и использованию коллокаций в текстах масс-медиа. Семантически трансформированные фразеологизмы в медиатексте устанавливают связь с различными образами и стереотипами определённой культуры. Аллюзии на базе универсальных культурных или исторических концептов представляют способы познания окружающего мира, общие для различных языковых сообществ. Исследование имеет теоретическую и практическую значимость и будет полезно в дальнейшем изучении лингвокультурологических особенностей использования лексических единиц для воздействия на читателя и отражения индивидуального стиля автора.

Ключевые слова: медиатекст, фразеологизм, аллюзия, коллокация, прецедентный феномен.

LINGUOCULTURAL LEVEL OF ENGLISH MASS MEDIA TEXT DESCRIPTION

Research article

Arkhipova E.I. *

ORCID: 0000-0001-9992-3443,

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

* Corresponding author (gorina9[at]yandex.ru)

Abstract

The article attempts to identify and illustrate the linguocultural features of the English media text, which determine the inventory of linguistic means and their organization. Particular attention is paid to the phenomenon of precedence, the communicative and pragmatic potential of the functioning of phraseological expressions, allusions and the use of collocations in mass media texts. Semantically transformed phraseological units in the media text establish a connection with various images and stereotypes of a particular culture. Allusions based on universal cultural or historical concepts represent ways of seeing the surrounding world, common to different linguistic communities. The research has theoretical and practical significance and will be useful in the further study of the linguocultural features of the use of lexical units to influence the reader and reflect the individual style of the author.

Keywords: mass media texts, phraseological units, allusions, collocation, precedent phenomena.

Introduction

Mass media texts as units of communication reflect reality and convey culture, they are oriented to the maximum impact on the audience and are characterized by borrowing features from other styles, including vocabulary (scientific terms, clichés of the official business style), as well as adding expressiveness and emotionality to the artistic style for better perception and impact. This type of text presents a connected symbolic complex focused on the interaction between its author and a mass audience for the exchange of relevant social information, ideas, opinions and maximally actualizing the potential of textual dynamics [8, P. 116].

The operational component of these texts stems from the nature of journalism, the activity of which is related to pressing social and political issues: such a text is always the result of urgent problems that require an instant response [6, P. 144]. The specificity also lies in the combination of artistic and scientific methods, combining logical and figurative thinking. Publicism takes research methods from science. This is manifested in the use of conclusions, evidence, terms and concepts. Beyond that mass media texts borrow the image from art. Hence their main specific feature is syncretism, that is, the use of both scientific, rational-conceptual and artistic, emotional-figurative means in their indivisible unity [5, P. 246]. It is known that in most cases it is not enough for the author to simply “portray” reality. The author needs to force the reader to use his imagination. In this case, the text uses various artistic techniques to emotionally impact the audience.

Research methods and principles

A number of methods formed the basis of the study: the method of context analysis – revealing the characteristics of the components of the text as a result of deliberate decisions made by the author. Descriptive research method shows the characteristics of phraseological expressions, allusions and the use of collocations in mass media texts. The method of continuous sampling is used for the collection of factual material, as it occurs in the process of reading the mass media texts.

Discussion and Results

A linguistic personality has a cognitive base of the national-linguistic-cultural community, a set of collective cognitive spaces of societies that it enters into, and an individual cognitive space [2, P. 107]. In works on cultural linguistics and communication theory, a precedent text is considered as one of the components of basic spatial cognitive systems [1, P. 63].

The phenomenon of precedents (texts, situations, names and phrases) is characterized by recognizability, frequent reproducibility, and high cultural value. This phenomenon has been the subject of research of a number of scientists, such as A.N. Gudkov, V.V. Krasnykh, E.A. Prokhorov, etc. Precedent phrases include proverbs, sayings, quotes, aphorisms, slogans, mottoes, titles of works of literature, songs, films, etc.

The use of phraseological units and linguistic aphorisms in mass media text plays a special role in the study of its language [4, P. 156]. The process of forming phraseological units, i.e. the selection of images, shows their connection with the various images and stereotypes that have been laid into a given culture over the course of many years [3, P. 138]. Mass media texts contain a large number of semantically transformed units. The communicative and pragmatic potential of the phraseological expressions functioning in printed media can be observed in both the usage and the occasional forms: *"She married, divorced and vowed to marry again – when the pigs fly"* (*The New York Times*); *"When pets (pigs, too!) fly"* (*USA Today*). *"When pigs fly"* is a figure of speech so hyperbolic that it describes an impossibility. *"All that glitters is Ari Gold"* (*USA Today*). *"All that glitters is not gold"* is an aphorism stating that not everything that looks precious or true turns out to be so. This example is used in the article about the popular singer who can be seen in shining armor in photos on his website. The choice of the pseudonym and controversial attitude to his art is deciphered in the allusion. *"It's not enough for you to eat your words"* (*The New York Times*). If someone has to eat their words, they have to admit that an opinion that they stated publicly has now been proved wrong. *"Westray, sly as a fox, and Reiner, his face jutting into the frame like a cathedral gargyle, share bloody tales that only make ghastly sense later"* (*The New York Times*). The Times critic reviews the movie *"The Counselor"*, describing its character as an exceptionally clever and cunning, especially in devious or underhanded ways. *"Women's Place – At the table, but not for dinner"* (*The New York Times*). The growing tendency of women's rights movements against gender humiliation is implied in the idea of changing the established opinion about women's destination.

Another aspect that reflects the relationship between language and culture is the use of literary allusion. Unlike quotation, which implies the repetition of some text with the original reproduction of the sample, allusion is the borrowing of only some fragments.

Authors use biblical or mythological allusions to make the text of the article emotional. Allusions that refer to biblical texts are often used to characterize people in a positive way. To convey non-standard, sensational information, the editors include mythological allusions in the titles. Most people are somehow familiar with the myths of Ancient Greece, due to this, it will not be difficult for them to determine the meaning of the title with such an allusion: *"Talakhadze takes Olympic gold after Iranian Hercules"* (*USA Today*). The allusion is based on the idea of comparing the sportsman to Hercules, a man of outstanding strength or size. *"Where Jesus would spend Christmas"* (*The New York Times*). The fact that consumerism has made Christmas a nationwide phenomenon encouraged the journalists to reflect on the idea of how Jesus, himself, would have celebrated this event.

Allusions based on universal cultural or historical concepts represent ways of cognizing the surrounding world, which are common to various linguistic communities. In contrast, there are examples of allusions of a particular community. They characterize specific national ways of understanding the world, which originate in the traditions of this ethnic group. There are also intermedia allusions based not only on verbal texts, but also on the "texts" of other arts, such as cinematography.

Also, newspaper headlines can contain double allusions: *"Once and Future NATO"* (*USA Today*). The first allusion to *"Once and future"* contains a reference to the work of Terence Hanbury White, in which the writer outlined the ideas of an ideal society. The ambiguity lies in the mentioning of the North Atlantic Treaty Organization "NATO". In this title the allusion is used to create an ironic effect: the NATO military bloc should not harbor illusions in advance, because the joy caused by the admission of new members hides serious problems.

There are many sources of allusion used in newspaper headlines. One of the most frequent sources of allusion in mass media texts is classical literature, known throughout the world. There are several official translations for one work, which makes not necessary to know the source language.

It is worth mentioning the works of the English poet and playwright William Shakespeare. The works of this author are often quoted in media texts: *"Hamlet"*, *"Othello"*, *"Antony and Cleopatra"*, *"Romeo and Juliet"*, *"Julius Caesar"*: *"To read, or not to read, novels on a mobile phone. That is the question"* (*The New York Times*). *"What's in the journals"* (*USA Today*) – a transformed quote from the tragedy *"Romeo and Juliet"*.

Poetic allusions are also used in newspaper headlines due to the fact that poems cling to the mind of an individual and their use is an effective technique for attracting the reader's attention: *"Nothing gold can pay"* (*The New York Times*). The author refers to the poem *"Nothing gold can stay"* by the American poet Robert Frost. The article describes the unsuccessful life of athletes who once received gold medals.

Literary allusions in the mass media texts may contain historical implications, because a lot of events are reflected in literature: *"Barack Obama rewrites war and peace for Nobel audience"* (*USA Today*). This is an allusion to the work of Leo Tolstoy *"War and Peace"*. In his 36-minute speech Barack Obama dwells on the topic of controlling violence, the tensions between war and peace and the idea of a "just war". The reason for this title lies in the author's skepticism about the merits of Barack Obama, who became the Nobel Peace Prize laureate, despite of some controversy, because he is a president waging two wars abroad.

The names of famous writers (Jane Austen, Charles Dickens, J. K. Rowling) are also common: *"A Jane Austen state of mind"* (*USA Today*). The name of the famous English writer Jane Austen is used to describe the problems of modern society and the fact that they should be solved in the near future. Irony, realism and criticism of social problems are clearly observed in the writer's works. With the advent of the Harry Potter series, the name of the English writer J.K. Rowling is also making headlines in the media: *"At Last, Rowling Gets Back to School"* (*The New York Times*), which is the transformed title of The New York Times Book Review *"At Last, The Wizard Gets Back To School"* published in 2000.

It is known that a significant part of the content in the media is devoted to politics. This is facilitated by the possibility of instantaneous transmission of information over long distances to a mass global audience. Therefore, social and political

vocabulary acquires the character of a kind of journalism terminology, making up an integral part of the newspaper's vocabulary. Linguistically, the language of politics is, first of all, social and political vocabulary, abundantly represented in the media [7, P. 21]. So, in political discourse, collocations often attract the attention of the reader: "Our parliamentarians who stood for election were chosen through online voting on the Rousseau platform – not inside a *smoke-filled room* like the established parties" (The New York Times); "For a few thousand dollars you can spend the night in what may be the original *smoke-filled room*" (USA Today). A smoke-filled room is a secret political gathering as a decision-making process. "A blistering summary of the administration's overdue obligation to *make strategic decisions* to deter Russia and China, as opposed to glad-handing them..." (The New York Times); "Iran's Rouhani Seen as *Lame Duck* After Trump Ditches Deal" (The New York Times). In the literal sense, the term refers to a duck which is unable to keep up with its flock, making it a target for predators. In these contexts, it has the meaning of one whose position or term of office will soon end. "All of the top jobs in the Communist Party are *chosen through* intense *horse-trading* among outgoing and former leaders" (USA Today). Horse trading is the negotiation accompanied by shrewd bargaining and reciprocal concessions. "The *grassroots group* Arizona Educators United is asking teachers to cast ballots over three days on whether to risk a walkout that could shut schools" (USA Today). The grassroots movements and organizations use collective action from the local level to effect change at the local, regional, national or international level. "Cracks appear at last in Thai economy's '*teflon*' coating" (The New York Times). A metaphorical use of the title "Teflon" used of a politician able to shrug off scandal or misjudgement and deflect criticism on to others. These examples of collocations are non-equivalent that makes them culturally specific even after borrowing into other languages.

Conclusion

Linguistic and cultural features are reflected in the mass media texts through the use of phraseological units, different types of allusions, collocations, etc. These linguistic units may be used in a modified form, which is a reflection of the individual style of the author and their creativity. A significant number of allusions highlights the tendency of attracting the readers' attention due to various images and stereotypes of a particular culture, along with the existence of universal precedent phenomena familiar to people regardless of their belonging to a particular language community. Linguocultural potential of the media texts lies in the field of cognitive connection of a linguistic personality to the various images and stereotypes programmed by its culture. Thus, culturally specific precedent phenomena encode the text, limiting the readership able to understand the essence, thereby drawing attention to the text.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Прохоров Е.П. Журналист и массовое сознание / Е.П. Прохоров – М.: РИП-холдинг, 2007. – 94 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
3. Лазукова А.А. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов, характеризующих человека. / А.А. Лазукова // Лингвокультурология. – 2008. – 15. – с. 137-144.
4. Негматова М.М. О пословицах и поговорках. / М.М. Негматова // Вестник ТГУПБП. – 2010. – 4. – с. 155-159.
5. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование. / Е.С. Щелкунова // Родная речь. – 2004. – 1. – с. 189.
6. Самарская Т.Б. Публицистический текст: сущность, специфика, функции. / Т.Б. Самарская // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – 4. – с. 143-147.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов // Русский язык и языковая личность. – 2019. – 1.
8. Солганик Г.Я. Язык СМИ на современном этапе. / Г.Я. Солганик // Мир русского слова. – 2010. – 2. – с. 21-24.
9. The New York Times [Electronic source] // The New York Times. – 2021. – №1. – URL: <https://www.nytimes.com/>. (accessed: 20.10.21)
10. USA Today [Electronic source] // USA Today. – 2021. – №1. – URL: <https://www.usatoday.com/>. (accessed: 29.10.21)

Список литературы на английском / References in English

1. Proxorov E.P. Zhurnalist i massovoe soznanie [Journalist and mass consciousness] / E.P. Proxorov – M.: RIP-xolding, 2007. – 94 p. [in Russian]
2. Krasny'x V.V. E'tnopsixolingvistika i lingvokul'turologiya [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology] / V.V. Krasny'x – M.: Gnozis, 2002. – 284 p. [in Russian]
3. Lazukova A.A. Lingvokul'torologicheskij analiz frazeologizmov, xarakterizuyushhix cheloveka [Linguocultorological analysis of phraseological units characterizing a person]. / A.A. Lazukova // Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. – 2008. – 15. – p. 137-144. [in Russian]
4. Negmatova M.M. O poslovicax i pogovorkax [About proverbs and sayings]. / M.M. Negmatova // Vestnik TGUPBP [Bulletin of the TSUPBP]. – 2010. – 4. – p. 155-159. [in Russian]
5. Shhelkunova E.S. Publicisticheskij tekst v sisteme massovoj kommunikacii: specifika i funkcionirovanie [Publicistic text in the system of mass communication: specificity and functioning]. / E.S. Shhelkunova // Rodnaya rech' [Native speech]. – 2004. – 1. – p. 189. [in Russian]
6. Samarskaya T.B. Publicisticheskij tekst: sushhnost', specifika, funkcii [Publicistic text: essence, specificity, functions]. / T.B. Samarskaya // Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adygeya State University]. – 2011. – 4. – p. 143-147. [in Russian]

7. Karaulov Yu.N. Russkij yazy'k i yazy'kovaya lichnost' [Russian language and language personality] / Yu.N. Karaulov // Russkij yazy'k i yazy'kovaya lichnost' [Russian language and language personality]. – 2019. – 1. [in Russian]
8. Solganik G.Ya. Yazy'k SMI na sovremennom e'tape [The language of the media at the present stage]. / G.Ya. Solganik // Mir russkogo slova [World of the Russian word]. – 2010. – 2. – p. 21-24. [in Russian]
9. The New York Times [Electronic source] // The New York Times. – 2021. – №1. – URL: <https://www.nytimes.com/>. (accessed: 20.10.21)
10. USA Today [Electronic source] // USA Today. – 2021. – №1. – URL: <https://www.usatoday.com/>. (accessed: 29.10.21)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.26>**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МНОГОТОЧИЯ В СЕТЕВОМ ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЧУВАШСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Научная статья

Гаврилов А.Д. *

ORCID: 0000-0001-6031-2725,

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

* Корреспондирующий автор (artmaster28[at]rambler.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена выявлению и сопоставлению функций многоточия в заголовках сетевых версий качественных печатных изданий: «Ведомости» и «Известия» (на русском языке), «Хыпар» (на чувашском языке), The Times и The Guardian (на английском языке). В качестве материала исследования использовались собранные автором заголовки за 2017-2021 гг. Актуальность работы объясняется тем, что анализ речевой практики в Интернете позволяет, с одной стороны, уточнить ключевые тенденции пунктуационного оформления сетевых текстов, а с другой – проанализировать и переосмыслить актуальные функции и значения знаков препинания, определить их экспрессивный потенциал, в частности, многоточия. В ходе сопоставительного исследования установлено, что в сетевых газетных заголовках на русском языке многоточие используется в составе стилистического приема «умолчание»; на английском языке – для указания на подтекст, а также в эмотивных значениях «удивления» и «иронизирования»; на чувашском языке – в эмотивных значениях «сожаления» и «удивления», а также стилистически окрашивает высказывания, выделяя содержательный аспект фактуальной информации, усиливая эмоции, указывая на социальную значимость и на подтекст. С помощью многоточия журналисты эффективно реализуют различные коммуникативные интенции и воздействуют на массовую аудиторию.

Ключевые слова: многоточие, экспрессивная пунктуация, русская пунктуация, чувашская пунктуация, английская пунктуация, сетевой газетный заголовок.

**FEATURES OF THE ELLIPSIS FUNCTION IN ONLINE NEWSPAPER HEADLINES
(BASED ON RUSSIAN, CHUVASH, AND ENGLISH MATERIALS)**

Research article

Gavrilov A.D. *

ORCID: 0000-0001-6031-2725,

Chuvash State University, Cheboksary, Russia

* Corresponding author (artmaster28[at]rambler.ru)

Abstract

This article identifies and compares the functions of ellipsis in the headlines of online versions of high-profile print publications such as Vedomosti and Izvestia (in Russian), Khypar (in Chuvash), The Times, and The Guardian (in English). The headlines for the period from 2017 to 2021, which were collected by the author, were used as the primary research material. The relevance of the research lies in the fact that the analysis of speech practice on the Internet, on the one hand, allows for clarifying the key trends in punctuation design of online texts, while on the other hand, analyzing and rethinking the relevant functions and meanings of punctuation marks, as well as determining their expressive potential. In particular, the article touches upon ellipsis. In the course of a comparative study, the author finds that in online newspaper headlines in Russian, the ellipsis is used as part of omission; in English, it is used to indicate the subtext, as well as in the emotive meanings of "surprise" and "irony"; in Chuvash, it is used in the emotive meanings of "regret" and "surprise", while also stylistically coloring statements by highlighting the substantive aspect of factual information, enhancing emotions, indicating social significance and subtext. With the help of ellipsis, journalists effectively implement various communicative intentions and influence the mass audience.

Keywords: ellipsis, expressive punctuation, Russian punctuation, Chuvash punctuation, English punctuation, online newspaper headline.

Введение

Первая четверть XXI века войдет в историю языкознания как время становления и развития теории интернет-лингвистики. Сеть Интернет стала для людей новым масштабным каналом коммуникации и получения информации, в пределах которого сложилась своя уникальная речевая культура. Зарубежные и отечественные лингвисты сейчас активно изучают ее особенности [7], [8], [9]. Наиболее интересными нам представляются сетевые медиатексты, в частности, сетевые газетные заголовки, создаваемые журналистами профессиональных редакций. С одной стороны, на их примере мы можем проследить трансформацию публицистического стиля под влиянием языка Интернета, определить набор языковых средств, используемых журналистами с целью усиления выразительности своих сообщений и эффективного воздействия на массовую аудиторию. С другой стороны, наблюдения над современной речевой практикой журналистов в Интернете позволяют зафиксировать языковые инновации, новые функции и значения языковых знаков, в том числе пунктуационных.

Цель настоящей статьи – выявить и сопоставить функции многоточия в сетевых газетных заголовках на русском, чувашском и английском языках. Сопоставительный аспект исследования позволит уточнить актуальные функциональные значения многоточия в медиатексте, а также установить межъязыковые сходства и различия его

употребления в трех разноструктурных языках. Важно отметить, что многоточие является популярным средством пунктуационного оформления интернет-заголовков: «Многоточие стало активно использоваться в современных заголовках, особенно в заглавиях аналитических материалов, поскольку в них, в отличие от информационно-новостной журналистики, проявляется субъективный взгляд журналиста или героев его статьи» [3, С. 6].

Методы и принципы исследования

В качестве материала исследования использовались заголовки аналитических материалов сетевых версий качественных изданий: «Ведомости» и «Известия» (на русском языке), «Хыпар» (на чувашском языке), «The Times» и «The Guardian» (на английском языке). Хронологические рамки исследования охватывают период с 2017 по 2021 гг. Работа проводилась методами сплошной выборки, систематизации и классификации исследуемого материала, сопоставительным и описательно-аналитическим методами.

Основные результаты и их обсуждение

Пунктуация как система знаков препинания главным образом используется с целью членения письменного текста. Знаки препинания способствуют облегчению понимания написанного и подчеркивают интонационные и смысловые акценты в соответствии с замыслом автора. Принципы пунктуации в разных языках различаются между собой. Как отмечает исследователь английской пунктуации Н.Н. Гончарова, «В русском языке ведущим является формально-грамматический принцип, в английском – интонационно-риторический» [4, С. 13]. В связи с этим, по классификации авторитетного отечественного лингвиста Л.В. Щербы [10], русская пунктуация относится к немецкому типу (строго регламентированному), а английская – к французскому (свободному, опирающемуся в большей степени на смысловой принцип). Теория чувашской пунктуации с момента своего формирования (1919 г.) [11] развивается под влиянием принципов русской пунктуации (триумвирата формально-грамматического, смыслового и интонационного [2, С. 415]), но подчиняется собственной системе правил и исключений из них [12]. Однако стоит заметить, что в зависимости от сферы употребления, знаки препинания расширяют диапазон своих основных функций. «Тексты научные, официально-деловые, газетно-публицистические, художественные хотя и обслуживаются единой пунктуационной системой, но имеют свои закономерности употребления знаков» [6, С. 176]. Рассмотрим этот языковой феномен на примере функционирования многоточия в сетевых газетных заголовках на русском, чувашском и английском языках.

В большинстве пунктуационных справочников и учебных пособий называются две основные функции многоточия – указание на пропуск информации в тексте и на незаконченность высказывания. Однако в публицистическом стиле этот знак проявляет себя значительно шире. Теоретик экспрессивной пунктуации и автор пособия, посвященного экспрессии многоточия в медиатекстах, Л.А. Будниченко определяет многоточие как «смысловый эмотивный знак, обладающий своим собственным типовым значением и вносящий в текст дополнительные смысловые (коннотативные) оттенки» [1, С. 54]. К ним исследователь относит эмотивное значение «сожаления» (в позиции конца предложения) и эмотивное значение «удивления» (в позиции середины предложения), а также обращает особое внимание на стилистические функции многоточия и его использование в составе экспрессивных пунктуационных приемов. Все эти закономерности нам удалось проследить в ходе лингвистического анализа сетевых газетных заголовков и выявить особенности, присущие рассматриваемым языкам.

К тенденциям пунктуационного оформления русско-, чуваше- и англоязычных заголовков относится использование многоточия в следующих функциях:

1. В эмотивном значении «сожаления» в позиции конца предложения:

– *Унччен «Нарспи» вулаттăмăр... / Раньше, бывало, читали «Нарспи»... / (Хыпар, 20 ноября 2018);*

– *Асфальт сиччи Акатуй... / Акатуй на асфальте... / (Хыпар, 17 июля 2018);*

– *Интернет урлă туянма меллĕ, çапах... / Удобно покупать через Интернет, однако... / (Хыпар, 21 мая 2019).*

2. В эмотивном значении «удивления» в позиции середины предложения:

– *Чуна лăпкăть... тасалăх / Душу ласкает... чистота / (Хыпар, 23 апреля 2018);*

– *Хваттере хуçине пĕрлех... сутасçĕ / Квартуру вместе с владельцем... продают / (Хыпар, 15 октября 2018);*

– *Escape to the country... and the Hell's Angels / Сбежать в деревню... и к «Ангелам Ада» / (The Times, 26 июля 2021);*

– *You ain't going nowhere... for a while, anyhow / Ты никуда не пойдешь... во всяком случае, пока / (The Times, 01 января 2021).*

3. В эмотивном значении «иронизирования» в позиции середины предложения:

– *Women reach 40 and hit their stride . . . only to be cruelly shoved aside at work / Женщины достигают 40 лет и становятся мастерами своего дела... только для того, чтобы их жестко «подвинули» на работе / (The Guardian, 07 апреля 2021);*

– *July heatwave: Pace yourself . . . it's going to get hotter / Успокойтесь... станет жарче / (The Times, 19 июля 2021).*

В представленных выше примерах заголовков многоточие актуализирует эмотивную категорию: с помощью пунктуационного знака автор передает читателям конкретные эмоции. В первом случае многоточие выражает сожаление по поводу сказанного, во втором – создает интригующую паузу и вызывает удивление, поскольку продолжение прерванной знаком препинания фразы является непредсказуемым, а в третьем – усиливает семантику первой части высказывания и подчеркивает ироническое отношение автора к истории/ ситуации, описанной в озаглавливаемом тексте. Все три варианта использования многоточия в заголовках прагматически эффективны. Такие

заглавия «цепляют» взгляд читателя и создают определенный эмоциональный фон, благодаря чему выделяются на фоне других заголовков.

Кроме того, в сетевых газетных заголовках многоточие выполняет стилистические функции: актуализирует ключевые категории публицистической поэтики:

1. Содержательный аспект фактуальной информации:

– *Прививка чиртен хутёлет... / Прививка защищает от болезни...* / (Хыпар, 14 июля 2021);

– *Пурччэ ал асти ялта... / Жил в деревне умелец...* / (Хыпар, 04 сентября 2017).

2. Социальную значимость и эмоциональную окраску факта:

– *Юр ирёлет васкаса... / Снег быстро тает...* / (Хыпар, 16 апреля 2018);

– *Паянхи тике хйине кўренгерме памасть... / Современная девушка не даст себя в обиду...* / (Хыпар, 16 апреля 2018).

3. Образные детали факта:

– *Юррэм та пур, таишйам та... / У меня и песня есть, и танец...* / (Хыпар, 27 июня 2020);

– *Пирён елка пите каняр... / Наша елка очень нарядная...* / (Хыпар, 24 декабря 2018).

4. Подтекст:

– *Тёпсёр хутаç... / Бездонная сумка...* / (Хыпар, 04 сентября 2017);

– *Никёссёр... / Без основы...* / (Хыпар, 26 марта 2018);

– *No kidding... goats are cleverer than you thought / Это не шутка... козы умнее, чем ты думал* / (The Times, 22 мая 2020);

– *So an ancient TV set can bring down the mighty broadband? Good... / Значит, древний телевизор может обрушить мощную широкополосную связь? Хорошо...* / (The Guardian, 27 сентября 2020).

В приведенных примерах мы видим, как с помощью многоточия журналисты развивают воображение читателей, выделяя те или иные детали преподнесенной информации в заголовке: будь то само содержание, эмоциональная окраска, образность или подтекст. В последнем случае, как правило, на первый план выходит субъективизация изложения озаглавливаемого материала: прослеживается позиция автора к фактам, событиям и явлениям, и она нередко сопровождается его оценочными комментариями. В указанных примерах на английском языке – это отдельные сегменты двухчастных заголовков (*No kidding... / Good...*).

Многоточие в сетевых газетных заголовках также выступает в качестве экспрессивного пунктуационного знака в составе стилистического приема «умолчание». Под приемом лингвисты понимают «преднамеренный способ использования определенных языковых средств в целях достижения выразительного (экспрессивного) эффекта» [5, С. 80], а под умолчанием – «невербализованный компонент речевого сообщения, который в ситуации намеренного обрыва говорящим речевой цепи реализуется на письме многоточием [1, С. 44]. Причем, профессор Л.А. Будниченко подчеркивает, что, используя данный прием, «автор сознательно не до конца выражает мысль, предоставляя читателю (или слушателю) возможность самому догадываться о невысказанном» [1, С. 45]. Таким образом, умолчание представляет собой постановку многоточия в конце завершённой конструкции, где многоточие может актуализировать разные категории публицистической поэтики и делать заголовок более ярким, образным, экспрессивным:

– *Пир во время...* / (Ведомости, 28 мая 2020);

– *Ты виноват уж тем...* / (Известия, 13 января 2021);

– *Дареному броневнику...* / (Известия, 02 сентября 2021).

В каждом из примеров читатели могут легко восстановить продолжение фразы, спрятанной за многоточием: «Пир во время чумы» (название произведения А.С. Пушкина), «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» (фраза из басни «Волк и ягненок» И.А. Крылова), «Дареному коню в зубы не смотрят» (русская пословица). Такое построение объясняется тем, что для заголовка авторы намеренно выбирают прецедентные феномены, широко известные носителям языка, на котором он написан. С одной стороны, подобного рода заголовки за счет узнаваемости используемых прецедентов вызывают эмоциональную реакцию у аудитории, а с другой – более емко, образно и оценочно передают читателям суть материалов, намекая на прямую связь с известными сюжетами.

Заключение

В ходе мониторинга аналитических материалов качественных изданий «Ведомости», «Известия», «Хыпар», «The Times» и «The Guardian» выявлены общие и особенные функции многоточия в русско-, чуваше- и англоязычных сетевых газетных заголовках. Так, в заглавиях на русском языке многоточие используется редко: только в составе экспрессивного приема «умолчание». В англоязычных – чаще, в основном для указания на подтекст, а также в эмотивных значениях «удивления» и «иронизирования» в позиции середины предложения. Кстати, употребление многоточия в заголовке как средства выражения иронии, на наш взгляд, является особенностью исключительно английской медиаречи. Что касается чувашезычных заголовков с многоточием, то их мы обнаружили наибольшее количество, причем в них данный знак препинания занимает различные позиции и выполняет ряд функций: используется в эмотивном значении «сожаления» (в позиции конца предложения) и «удивления» (в позиции середины предложения), а также стилистически окрашивает высказывания, выделяя содержательный аспект фактуальной информации, усиливая эмоции, указывая на социальную значимость и на подтекст. Таким образом, постановка многоточия в заголовках позволяет журналистам не только отразить синтаксическую структуру, но и эффективно реализовать различные авторские интенции: привлечь внимание читателей, передать им определенные эмоции, транслировать субъективные оценки описываемых в материалах явлений и событий.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Будниченко Л. А. Экспрессия многоточия в медиатекстах: учеб. пособие / Л. А. Будниченко. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – 60 с.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: учебник для вузов / Н. С. Валгина. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1978. – 440 с.
3. Гаврилов А. Д. Сопоставительное изучение пунктуации в сетевом газетном заголовке: к постановке проблемы / А. Д. Гаврилов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 3(112). – С. 3–8. – DOI 10.37972/chgpu.2021.112.3.001.
4. Гончарова Н. Н. Основы английской пунктуации: знаки препинания, небуквенные знаки, выделения / Н. Н. Гончарова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 256 с.
5. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. – Минск: Вышэйшая школа, 1997. – 156 с.
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под. ред. В. В. Лопатина. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2020. – 432 с.
7. Современный русский язык в Интернете / ред. Я. Э. Ахупкина, Е. В. Рахилина. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 328 с.
8. Тошович Б. Интернет-стилистика: монография / Б. Тошович. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 238 с.
9. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России / Г. Н. Трофимова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: РУДН, 2011. – 436 с.
10. Щерба Л. В. Пунктуация // В кн. : Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 241–245.
11. Тимофеев, Ф. Т. Чăвашла тĕрĕс çырмалли правилăсем / Ф. Т. Тимофеев. – Казань: Типо-литография Казанского университета, 1919. – 16 с.
12. Чăваш орфографийĕпе пунктуацийĕ (тĕрĕс çырмалли правилăсем). – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1992. – 80 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Budnichenko L. A. Ekspressiya mnogotochiya v mediatekstakh: ucheb. posobie [Ellipsis expression in media texts: textbook] / L. A. Budnichenko. – Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2014. – 60 p. [in Russian]
2. Valgina N. S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik dlya vuzov [Syntax of the modern Russian language: textbook for universities] / N. S. Valgina. – 2-e izd. – M. : Vysshaya shkola, 1978. – 440 p. [in Russian]
3. Gavrilov A. D. Sopostavitel'noe izuchenie punktuatsii v setevom gazetnom zagolovke: k postanovke problemy [Comparative study of punctuation in an online newspaper headline: statement of the problem] / A. D. Gavrilov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2021. – № 3(112). – P. 3–8. – DOI 10.37972/chgpu.2021.112.3.001. [in Russian]
4. Goncharova N. N. Osnovy angliiskoi punktuatsii: znaki prepinaniya, nebukvennye znaki, vydeleniya [Basics of English punctuation: punctuation marks, non-letter marks, highlighting] / N. N. Goncharova. – M. : LENAND, 2019. – 256 p. [in Russian]
5. Maslova V. A. Lingvisticheskii analiz ekspressivnosti khudozhestvennogo teksta [Linguistic analysis of the expressiveness of a literary text] / V. A. Maslova. – Minsk: Vysheishaya shkola, 1997. – 156 p. [in Russian]
6. Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Reference] / pod. red. V. V. Lopatina. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2020. – 432 p. [in Russian]
7. Sovremennyi russkii yazyk v Internetе [Modern Russian on the Internet] / red. Ya. E. Akhupkina, E. V. Rakhilina. – M. : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. – 328 p. [in Russian]
8. Toshovich B. Internet-stilistika: monografiya [Internet stylistics: monograph] / B. Toshovich. – M. : FLINTA, 2018. – 238 p. [in Russian]
9. Trofimova, G. N. Yazykovoi vkus internet-epokhi v Rossii [The linguistic taste of the Internet age in Russia] / G. N. Trofimova. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: RUDN, 2011. – 436 p. [in Russian]
10. Shcherba L. V. Punktuatsiya [Punctuation] // V kn. : Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L., 1974. – P. 241–245. [in Russian]
11. Timofeev, F. T. Chăvashla tĕrĕs çymalli pravilăsem [Rules of correct spelling in the Chuvash language] / F. T. Timofeev. – Kazan': Tipo-litografiya Kazanskogo universiteta, 1919. – 16 p. [in Chuvash]
12. Chăvash orfografiyĕpe punktuatsiiĕ (tĕrĕs çymalli pravilăsem) [Chuvash spelling and punctuation (rules of correct spelling)]. – Shupashkar: Chăvash kĕneke izdatel'stvi, 1992. – 80 p. [in Chuvash]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.32>**ПОДКАСТ КАК АДАПТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ В УЧЕБНО – ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Научная статья

Лысова О.Р.^{1*}, Первухина С.В.²¹ ORCID: 0000-0002-1565-8038;² ORCID: 0000-0001-5475-8384;^{1, 2} Донской государственный технический университет, Ростов–на–Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (lysova.or[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием подкастов как текстов педагогического дискурса. В современном мире коммуникация между участниками учебно-педагогического дискурса выходит на другой семиотический уровень, все чаще обращается к первой сигнальной системе, при этом сохраняя основные характеристики учебно – педагогического дискурса, одной из которых является использование адаптированных текстов. Широкое распространение получают подкасты – серии видео сюжетов, как правило по определенной тематике, размещенных в сети Интернет. Рассматривая такие тексты, мы пришли к выводу, что они обладают высокой степенью креолизации благодаря использованию разнообразных иконических символов.

Ключевые слова: адаптация текста, учебно-педагогический дискурс, иконические символы, креолизация текста, подкаст.

PODCAST AS AN ADAPTED TEXT IN EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL DISCOURSE

Research article

Lysova O.R.¹, Pervukhina S.V.^{2*}¹ ORCID: 0000-0002-1565-8038;² ORCID: 0000-0001-5475-8384;^{1, 2} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (lysova.or[at]yandex.ru)

Abstract

The article discusses issues related to the use of podcasts as texts of pedagogical discourse. In the modern world, communication between participants of the educational and pedagogical discourse reaches another semiotic level, increasingly turns to the first signal system while maintaining the main characteristics of the educational and pedagogical discourse, one of which is the use of adapted texts. Podcasts are widely distributed – a series of online video narratives, usually on a certain topic. Considering such texts, the authors come to the conclusion that they have a high degree of creolization due to the use of various iconic symbols.

Keywords: text adaptation, educational and pedagogical discourse, iconic symbols, text creolization, podcast.

Введение

Последние годы проявляется устойчивая тенденция к цифровизации коммуникации и сфер, зависящих от коммуникации. Одной из них является образовательный процесс. Общение между учителем и учеником переходит на качественно новый семиотический уровень.

По общепринятой классификации Ч. Пирса, знаки делятся на иконические, индексальные и символические. Иконические знаки представляют собой изображение означаемого предмета и основаны на подобию, индексальные знаки основаны на закономерностях и близости означаемого и означающего во времени и пространстве, а символы устроены на основе договоренности [1, С. 45-48]. Использование компьютерных технологий в процессе коммуникации дает возможность обращения к качественно другим семиотическим знакам – языковые знаки-символы активно заменяются знаками иконическими. Иконические знаки проще для восприятия, чем символические, поскольку они задействуют первую сигнальную систему – изображение окружающего мира, а не символический знак, обладающий высокой степенью абстракции. В условиях цифровой коммуникации активно используемые ранее вербальные тексты дополняются невербальными элементами (фотографии, рисунки, и т.д.) и видеорядом, что широко применяется как для обучения, так и для самообразования. Под цифровой коммуникацией традиционно понимается коммуникация с использованием компьютерных технологий и технических средств: сети Интернет, компьютерных программ, мессенджеров, эмодзи, эмодзи и т.д. [2].

В данной статье мы рассмотрим адаптацию текста посредством креолизации на примере подкастов в учебно-педагогическом дискурсе. Под *адаптацией текста посредством креолизации* мы понимаем здесь прагматическую трансформацию текста с учетом характеристик адресата и условий коммуникации, где адресат – это человек, который обращается за информацией к доступному по сложности источнику в сети Интернет, а условия коммуникации позволяют использовать невербальные элементы.

Методы и принципы исследования

Развитие технологий передачи данных и доступность сети Интернет дают коммуникантам новые семиотические возможности использовать графическое изображение для передачи информации. Благодаря доступности цифровых технологий и их способности апеллировать к первой сигнальной системе (иконическим знакам) у адресанта появилась принципиально новая возможность адаптировать свои тексты соответственно запросам различной аудитории:

школьники, студенты, взрослые, занимающиеся самообразованием. Такая коммуникация осуществляется в рамках учебно-педагогического дискурса. По мнению Н.Д. Арутюновой, «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [3, С. 136]. Педагогический дискурс выделяется среди остальных видов институционального дискурса согласно системообразующим признакам, таким как участники, цели, хронотоп, прецедентные тексты и др. [4, С. 303]. Особенностью текстов педагогического дискурса является их адаптированность, вызванная необходимостью «увязки учителем новой для ученика информации с жизненным опытом и мировоззрением ученика» [4, С. 307]. Мы выделяем *учебно-педагогический дискурс* как дискурс, включающий ситуацию самообразования, в которой адресат занимает активную прагматическую позицию, осуществляя самостоятельный поиск необходимой информации, оценивая ее релевантность, сложность и качество. При таком поиске критически важна доступность формы и понятийной составляющей текста.

Для анализа учебно-педагогического дискурса в его цифровой форме был применен контент-анализ. Проанализировав более 150 текстов подкастов мы обратили внимание, что присутствует тенденция к разделению на две группы: (1) видео представляет собой съемку реального урока, лекции и т.д.; (2) мультипликация с элементами компьютерной обработки (подписи, стрелки и другие графические элементы для выделения определенных элементов и т.д.).

Ранее исследователи отмечали эффект «двойного кодирования», при котором читатель получает информацию по двум каналам – вербальному и невербальному. При этом невербальная информация больше способствует запоминанию (30% – невербальный канал и 20% – вербальный). [5, С.166]. Этот эффект широко используется в педагогике, о чем свидетельствует многочисленная научная литература, но он интересен и для лингвистов, чему мы находим подтверждение в работе Е.А. Елиной, рассматривающей симбиоз подписи к картине и самого изображения [6].

Обсуждение

Научная тематика, благодаря своей доступности в процессе адаптации, выходит за рамки учебной аудитории, присутствует в радио- и телепрограммах, интернет-проектах, социальных сетях [7, С.143]. В условиях цифровой коммуникации адаптация может осуществляться посредством креолизации, т.е. изменения формы текста через включение невербального элемента. Использование невербальных знаков наравне с вербальными образует одно сообщение с гибридным семиотическим кодом. Оно опирается и на первую, и на вторую сигнальную систему. Таким образом, несмотря на сложность некоторых научных представлений и понятий, адаптированный учебно-педагогический дискурс пользуется большой популярностью, невербальные элементы текстов этого дискурса (картинки, фотографии, видеоряд) способствуют доступности информации этих текстов и привлекают читателей.

В педагогическом дискурсе объяснение часто происходит через адаптацию текста. Адаптация текста может быть *структурно-семантической* (через упрощение синтаксической организации текста и его лексического состава), *прагматической* (учет характеристик адресата и выбор языковых средств, понятных конкретной аудитории) и *семиотической* (выбор семиотических знаков второй или первой сигнальной систем, использование паралингвистических средств). В современном учебно-педагогическом дискурсе благодаря новым технологиям тексты из письменных (учебник, хрестоматия и т.д.) или устно-письменных (речь лектора, дополненная презентацией) превращаются в устно-письменные вербально-невербальные сообщения, представляя собой единство вербальных, невербальных (фото, рисунки, схемы и т.д.) и паралингвистических (видео ряд) компонентов. Несмотря на сложную составную структуру, эти тексты сохраняют свою главную функцию – они передают адаптированное знание, а потому являются вторичными [8].

Текстам педагогического дискурса свойственна прецедентность, т.е. они хранятся в сознании учеников как часть их картины мира. Прецедентные тексты учебно-педагогического дискурса, наряду с традиционными текстами учебников и хрестоматий, дополнились аудио и видео подкастами, блогами профессиональных преподавателей и ученых. Несмотря на появление новых средств и форм коммуникации, основные характеристики учебно-педагогического дискурса сохраняются: участники, цели, функции, коммуникативные стратегии. Однако, можно отметить появление некоторых новых жанров, среди которых мы выделяем подкаст. Рассмотрим эти структурные компоненты далее более подробно.

В условиях опосредованной коммуникации, главные участники педагогического дискурса – учитель и ученик – могут находиться в совершенно разных условиях (ученику нет необходимости находиться в учебной аудитории во время просмотра подкаста, учитель тоже может вести свой блог в домашней обстановке или на улице и т.д.), но при этом важно сохранить образовательный контекст, т.е. цель и тему обучения. Основная цель педагогического дискурса – «объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества <...> проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов» [4, С. 307] достигается при помощи различных средств цифровой коммуникации.

Согласно исследованиям [9], учитель играет ключевую роль в регулировании образовательного процесса и успехе ученика, важное место в процессе взаимодействия занимает невербальная коммуникация или язык жестов. Таким образом, присутствие учителя на видео усиливает воздействующий эффект на адресата, создает ощущение реальной, не опосредованной коммуникации. В большинстве проанализированных видео подкастах авторы используют учебные средства, свойственные работе в обычном классе, например, доску, на которой отображается информация так же, как это было бы во время очного урока. Это приближает восприятие опосредованного текста к условиям реальной коммуникации. Следует отметить, что в видео подкастах можно проследить характерные дискурсивные формы и коммуникативные стратегии, присущие как цифровой, так и неопосредованной коммуникации: приветствие (*здравствуйте, добрый день*), прощание (*до новых встреч, пока*), объяснение (*слушайте, сейчас я вам расскажу о*),

оценивание и обратная связь (*напишите ответ в комментариях, есть ли у вас вопросы*). Наличие или отсутствие той или иной дискурсивной формы во многом зависит от формата видео: в блогах авторов длина урока ограничена временными рамками, соответственно, некоторые элементы опускаются или сокращаются. Отмечается сокращение дистанции между адресатом (учителем) и адресантом (учениками, просматривающими подкаст), например, вместо *добрый день – привет*, в английском языке – *hi* и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что видео блоги и подкасты можно отнести к жанрам учебно-педагогического дискурса.

Основные результаты

Отмечается, что учитель в цифровом образовательном пространстве выступает в качестве комментатора, тьютора и навигатора в образовательном контенте [10, С.39]. Невербальный текст может при этом выполнять функцию этого контента, а тьютор комментирует его.

На популярном ютуб канале Nucleus Medical Media с более чем 4 миллионами подписчиков, посвященному различным вопросам биологии и других наук, все тексты представляют собой комбинацию анимации и вербального компонента, представленного речью автора и различными подписями (рис.1).

Рис. 1 – Фрагмент анимационного видео о строении клетки

Воздействие на адресата достигается за счет обращения к первой сигнальной системе, визуализации сложных явлений, например, строение клетки (рис.1) или воздействие вакцины на организм и др. Созданное при помощи компьютерной графики видео даёт наглядное представление понятия или явления окружающего мира, которое невозможно увидеть без специального оборудования, особых лабораторных условий и длительного периода наблюдения тем самым делая доступным понимание таких сложных процессов для более широкого круга лиц. Подписи, вмонтированные в видеоряд, помогают сфокусировать внимание на основных терминах или процессах. Например, в видео (рис.1) вербальный компонент дублирует речь диктора и фиксирует термины: *cells* – «клетки» *cytoplasm* – «цитоплазма» и др. Это микроскопические частицы, которые невозможно рассмотреть невооруженным взглядом. Компьютерная анимация представляет процесс наглядно, обращаясь к первой сигнальной системе, а вербальная интерпретация изображенного объекта актуализирует денотативное значение, содержащееся в видео. Появляется вторичный текст, который создается для других условий коммуникации и для другой аудитории.

Вторая группа текстов представляет собой съемку реального автора, который выступает в роли персонажа. Например, популярный ютуб канал Мослекторий предлагает адресатам видео реальных лекций специалистов из разных областей знаний: биология, психология, искусство, медицина и т.д., которые представляют собой сложный видеотекст, состоящий и видео ряда, презентации, видеофрагментов или анимации, которые использует учитель в

ходе урока. При этом видео приближает адресата к ситуации реальной коммуникации; автор, разговаривая со зрителями в студии, одновременно обращается и к тем участникам, которые будут просматривать это видео позднее. Необходимо отметить, что не всегда в подкастах в форме лекции присутствует зритель. Большинство популярных видео блогов авторов – это запись видео учителя, передающего знание ученику только через опосредованную коммуникацию. Например, видео блог Эндрю Хубермана (Andrew Huberman), профессора нейробиологии и офтальмологии Стенфордского университета, представляет собой запись лекции – рассказа о влиянии различных явлений и веществ на эффективность работы различных систем человеческого организма, описание механизмов и условий работы гормональной системы и др. Блог достаточно популярен у всех, кого интересует данное направление и имеет около шестиста тысяч подписчиков. В видеофрагментах присутствует один автор-персонаж, обращающийся непосредственно к адресату при помощи вербальных средств – речь и подписи. Особый интерес у этого автора представляют тизеры к подкастам – короткие по продолжительности видео, описывающие содержание будущих лекций. Их прагматика нацелена на то, чтобы вызвать интерес у зрителя к последующим материалам. Большинство этих тизеров дополнены авторским рисунком – скетчем по той или иной теме или написанным от руки планом к лекции, которая будет отображаться в видео, и в качестве знака — символа, фокусирующего внимание адресата используется ручка (рис.2) Так же, как и в большинстве креолизованных текстов педагогического дискурса, символ ручки, пера или карандаша рядом с вербальным компонентом означает, что данная информация важна, на нее необходимо обратить внимание или записать.

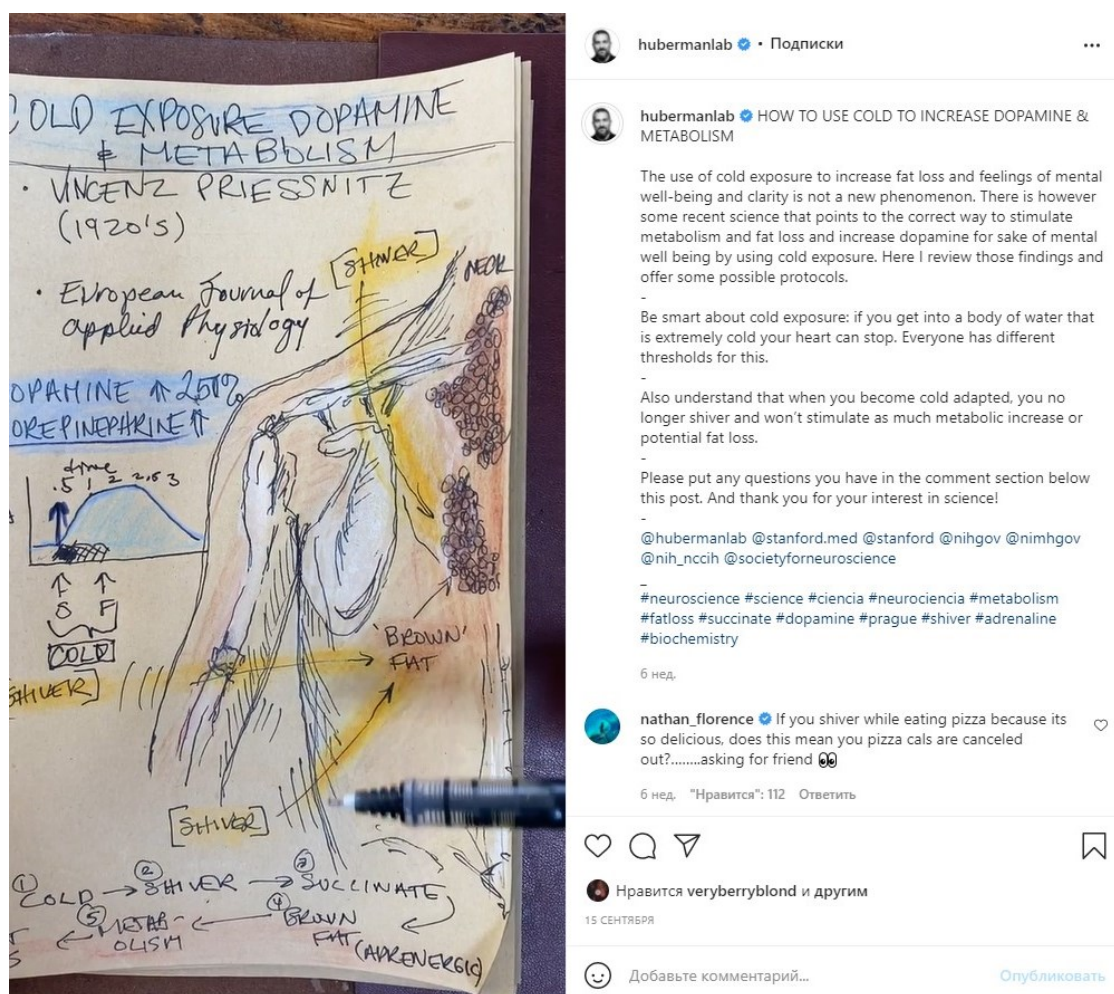

Рис. 2 – Фрагмент видео с использованием ручки как индексального знака

Неотъемлемой частью процесса коммуникации в рамках педагогического дискурса является непосредственное взаимодействие между участниками образовательного процесса. В цифровом пространстве это взаимодействие происходит путем опосредованной коммуникации и может быть выражено различными средствами. За счет возможности оставлять комментарии, повествовательный текст приобретает черты диалогичности. В частности, свойственные непосредственной коммуникации дискурсивные формы оценивания и обратной связи, направленные на достижение перлокутивного эффекта, реализуется в опосредованной коммуникации. Например, в видео на тему Органеллы клетки на канале Beverly Biology автор обращается к зрителям: «Если бы мы были в классе, то я бы попросил вас с соседом по парте обсудить следующие вопросы, но сейчас, пожалуйста, остановите видео и попробуйте ответить на них самостоятельно» и предлагает небольшой тест (рис.3). После чего, через несколько секунд в следующем фрагменте появляются ответы на эти вопросы. Таким образом, адресаты могут проверить и оценить свои знания самостоятельно и вернуться к просмотру вопросов, вызвавших затруднение и ситуация опосредованной коммуникации дополняется дискурсивной формой оценивания, являющейся важной характерной особенностью учебно-педагогического дискурса.

1 minute: Discuss with your neighbor

- 1) Which organelle builds proteins? _____
- 2) Stores DNA? _____
- 3) Produces ribosomes? _____
- 4) Creates fats and breaks down toxins? _____
- 5) Packages and releases proteins from a cell? _____
- 6) Allows material to enter/exit a cell? _____
- 7) Links chains of amino acids together? _____

Рис.3 – Тест

Необходимо отметить, что коммуникации в рамках видео уроков свойственны такие же дискурсивные элементы, как и в очном общении. Цель автора – донести более сложную научную информацию для широкого круга зрителей – учеников достигается при помощи механизмов адаптации.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Подкаст перспективно рассматривать как особый жанр креолизованного адаптированного текста, имеющего характерные структурные элементы и особые прагматические функции (привлечение внимания адресата, передача информации в доступной форме).

Популярность подкаста как текста учебно-педагогического дискурса будет только расти, что объясняется востребованностью образовательных целей, массовизацией самообразования и образования, персонализацией обучения и удобством условий обучения. Удаленность адресата и адресанта, а также опосредованность их общения заставляет обращаться к адаптированным текстам. Яркость контента, его апелляция к первой сигнальной системе за счет иконизации компонентов сообщения обеспечивает востребованность подкастов в рамках учебно-педагогического дискурса. Частотный выбор невербального сообщения при прагматическом выборе речевых средств, а не исключительно вербальных речевых средств свидетельствует о наглядно-образном мышлении адресата, а не только вербальном, поскольку язык связан с мышлением.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций. М.: Академический проект, Трикта, 2006. – 528 с.
2. Pervukhina S.V. Digital communication in linguistic research / Pervukhina S.V., Churikov M.P. // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 2 (26). – С.9-11.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1990. – С. 136-137
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик // – Волгоград: «Перемена», 2002. – С. 303 - 315
5. Голубева С.Л. Влияние Интернета на трансформацию языка и мышления / Голубева С.Л. // Научное мнение. – 2014. – № 10-1. – С.165-171.
6. Елина Е.А. Изобразительное искусство как феномен «удвоенной коммуникации» / Елина Е.А. // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С.112-123.
7. Савчук С.О. Устная научная речь в свете корпусных данных / С. О. Савчук // Анализ разговорной русской речи (АРЗ - 2017). Труды седьмого междисциплинарного семинара. – 2017. – С. 143
8. Первухина С.В. / Креолизованность как одна из характеристик адаптированного текста / С.В. Первухина // Гуманитарные исследования. – 2015. - №2(54). – С. 7
9. Fateme Bambaerloo. The impact of the teachers' non-verbal communication on success in teaching / Fateme Bambaerloo, N. Shokrpour // Journal of Advances in Medical Education & Professionalism. – 2017. – С. 51
10. Яницкий Е.С. Психологические аспекты цифрового образования / Яницкий Е.С. // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – №2 – (34). – С.38-44.

Список литературы на английском / References in English

1. Nikitina E.S. Semiotika. Kurs lekcij [Semiotics. Lectures] / E.S. Nikitina. – М.: Akademicheskij proekt, Trikssta, 2006. – 528 p. [in Russian]

2. Pervukhina S.V. Digital communication in linguistic research / Pervukhina S.V., Churikov M.P. // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 2 (26). – P.9-11.
3. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse] / N.D. Arutyunova // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedia]. – M.: Sovetskaya enciklopediya. – 1990. – P. 136-137. [in Russian]
4. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] / V. I. Karasik // – Volgograd: «Peremena», 2002. – P. 303 – 315. [in Russian]
5. Golubeva S.L. Vliyanie Interneta na transformaciyu yazyka i myshleniya [Internet impact on the language and mentality transformation] / S.L. Golubeva // Nauchnoe mnenie [Scientific opinion]. –2014. –№ 10-1. –P.165-171. [in Russian]
6. Elina E.A. Izobrazitel'noe iskusstvo kak fenomen «udvoennoj kommunikacii» [Fine art as a phenomenon of 'doubled communication'] / E.A. Elina // Voprosy psiholingvistiki [Psycholinguistics issues]. –2008. –№ 8. – P.112-123. [in Russian]
7. Savchuk S.O. Ustnaya nauchnaya rech' v svete korpusnyh dannyh [Oral scientific speech in corpus data] / S. O. Savchuk // Analiz razgovornoj russkoj rechi (AR3 - 2017). Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara. [Analysis of oral Russian speech. Issues of interdisciplinary seminar] – 2017. – P. 143 [in Russian]
8. Pervuhina S.V. Kreolizovannost' kak odna iz harakteristik adaptirovannogo teksta [Creolization as a characteristic feature of a simplified text] / S.V. Pervuhina // Gumanitarnye issledovaniya.[Humanitarian research] – 2015. – №2 (54). – P. 7 [in Russian]
9. Fateme Bambaeroo. The impact of the teachers' non-verbal communication on success in teaching / Fateme Bambaeroo, N. Shokrpour // Journal of Advances in Medical Education & Professionalism. – 2017. –C. 51
10. Yanickij E.S. Psihologicheskie aspekty cifrovogo obrazovaniya [Psychological aspects of digital education] / E.S. Yanickij // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad] . –2019. –№2 (34). – P.38-44. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.34>**ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО УСТНОГО ПЕРЕВОДА В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ
«КИТАЙСКИЙ-РУССКИЙ»: ВЗГЛЯД ПЕРЕВОДЧИКОВ**

Научная статья

Волчкова А.С.¹, Краснопеьева Е.С.²*² ORCID: 0000-0002-3503-1849;^{1, 2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

* Корреспондирующий автор (krasnopeyeva[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена обсуждению вопроса трансформации профессии устного переводчика в условиях цифровизации. Рассматриваются понятия дистанционного перевода и перевода с применением технологии видеосвязи. Систематизируются результаты пилотного исследования на основе интервью и анкетирования переводчиков, работающих в языковой паре китайский–русский. Исследование позволило сделать вывод о том, что на локальном рынке востребован последовательный перевод онлайн-переговоров (в сфере бизнеса и образования), осуществляемых по видеосвязи с применением платформ и приложений Zoom, WeChat и Skype. Переводчики отмечают готовность адаптироваться к новым технологическим решениям, однако говорят об отсутствии технической поддержки со стороны заказчика, что приводит к дополнительным переводческим задачам и потенциально повышает психологическую нагрузку. Респонденты отмечают изменения в динамике онлайн-общения по сравнению с очными переговорами, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения дистанционной коммуникации с участием переводчика в китайской и российской бизнес-среде с точки зрения межкультурной коммуникации, социокультурных норм и этикета.

Ключевые слова: переводоведение; дистанционный перевод; перевод по видеосвязи; информационные технологии в переводе; китайский язык.

DISTANCE INTERPRETING IN CHINESE-RUSSIAN LANGUAGE PAIR: THE INTERPRETERS' PERCEPTION

Research article

Volchkova A.S.¹, Krasnopeyeva E.S.²*² ORCID: 0000-0002-3503-1849;^{1, 2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

* Corresponding author (krasnopeyeva[at]gmail.com)

Abstract

This article discusses the digital transformation of the interpreting profession. It focuses on the concepts of distance interpreting and video-mediated interpreting. It summarises the results of a pilot study based on interviews and a small-scale survey of interpreters working in the Chinese-Russian language pair. The study reveals that in the local market there is a demand for consecutive dialogue interpreting (in business and educational domains) conducted via video link, using Zoom, WeChat and Skype. The surveyed interpreters express their willingness to adapt to new technologies, but report a lack of technical support from the client, resulting in additional interpreting tasks and potentially making interpreting more psychologically demanding. The respondents observe a change in the dynamics of online communication compared to face-to-face negotiations, which underlines the need for further research into distance communication involving an interpreter in the Chinese and Russian business environment in terms of intercultural communication, socio-cultural norms and etiquette.

Keywords: translation studies; distance interpreting; interpreting via video link; information technology in interpreting; Chinese language.

Введение

2020 год внёс коррективы в жизнь каждого человека. Словами года объявлены «пандемия» (疫 yì) [1], «локдаун» (lockdown) [2] и «самоизоляция» [3]. Введённые ограничения потребовали поиска новых способов взаимодействия и налаживания межличностных и межгосударственных связей. Сейчас можно с уверенностью констатировать: пандемия не стала причиной для прекращения международного сотрудничества. В 2020–2021 гг. в рамках стратегического партнерства России и Китая было запланировано и осуществлено множество контактов, в том числе более тысячи мероприятий в рамках Годов российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества: конференций, выставок, форумов, конкурсов совместных научно-исследовательских проектов и образовательных семинаров [4]. В шестом ежегодном докладе «Российско-китайский диалог: модель 2020» была обозначена необходимость использовать для реализации поставленных задач информационно-коммуникационные технологии: «интернет-платформы, включая трансграничную электронную торговлю, дистанционную медицину, дистанционное обучение, видеоконференции и т. д.» [5]. Таким образом, в дистанционный формат были перенесены переговорные процессы в дипломатической, гуманитарной, а также бизнес-сфере, что обусловило и удалённую работу переводчиков.

Переводчики и заказчики, впервые столкнувшиеся с онлайн-форматом, в особенности на местах в рамках локальных мероприятий, не имели достаточного опыта для того, чтобы оперативно подготовиться к новым условиям ни в техническом, ни в психологическом плане. На сегодняшний день благодаря международным организациям, а также профессиональным сообществам – как официальным, так и неформальным, – у переводчиков появилось больше ресурсов для эффективного осуществления дистанционного перевода. У отдельных переводчиков появился

значительный опыт работы в онлайн-среде. Систематизация их наблюдений и описание сложившихся компетенций необходима для создания материалов учебных курсов, а также для проведения дальнейших исследований когнитивных и коммуникативных особенностей переводческой деятельности в условиях нового техноландшафта.

Материал и методика исследования

Среди традиционных задач, которые решает устный переводчик китайского языка в России, выделяют следующие: устный последовательный перевод в рамках важных мероприятий, в т. ч. официальных встреч, деловых и бизнес-переговоров, торжественных обедов, специальных технических совещаний; перевод при монтаже оборудования; на судебных заседаниях; перевод телефонных переговоров и видеоконференций; отдельно выделяется профессиональный синхронный перевод международных конференций [6, С. 132]. Соответственно, в условиях ограничений на первый план вышли виды перевода, обеспечивающие дистанционную коммуникацию.

Дистанционный устный перевод (distance interpreting) [7] подразумевает применение информационно-коммуникационных технологий в различных конфигурациях и сценариях, определяемых комбинацией трёх категорий параметров: 1) технологии связи – использование аудио- или видеосвязи; 2) способа перевода – последовательного или синхронного; а также 3) особенностей взаимодействия участников коммуникации (перевод диалогической/монологической речи) [8]. Ключевым основанием классификации сценариев дистанционного перевода является телеприсутствие: удалённо в коммуникации могут принимать участие а) переводчик (собственно удалённый перевод – remote interpreting), б) один из коммуникантов (перевод видеоконференцсвязи – video conference interpreting), в) все коммуниканты в режиме онлайн-конференции [7], [9]. В современных условиях особую актуальность приобрели три вида дистанционного перевода: перевод по телефону (over-the-phone interpreting, OPI – 电话口译 (diànhuà kǒuyì)), видеоудалённый перевод (video remote interpreting, VRI – 视频口译 (shìpín kǒuyì)) и удаленный синхронный перевод (remote simultaneous interpreting, RSI – 远程同传 (yuǎnchéng tóngchuán)). Если OPI и VRI могут осуществляться с использованием платформ для проведения конференций или видеозвонков (например, Skype, WeChat), то RSI подразумевает использование специализированных платформ для видеоконференцсвязи (Zoom) и непосредственно платформ удаленного перевода (KUDO, Interprefy и др.). По отзывам переводчиков, использование последних на территории Китая зачастую невозможно: *“Live streaming into Mainland China is another major issue with most RSI platforms as there are no servers allocated at all in China from the platforms based outside China”* [10]. Этот факт вносит коррективы в работу переводчиков, поскольку влияет на выбор способа перевода – синхронного или последовательного.

Информационно-коммуникационные технологии в устном переводе приобрели особую актуальность в связи с ограничениями пандемии, однако дистанционный перевод нельзя назвать новым явлением. Эксперименты и исследования в этой области, направленные на изучение особенностей как синхронного (конференц-перевода), так и последовательного перевода видеоконференций и конференц-связи (перевода в социальных ситуациях), начались под эгидой международных организаций уже несколько десятилетий назад. Тем не менее, особенности дистанционной работы переводчика в языковой паре китайский–русский пока значительно не освещены ни в отечественной, ни в зарубежной традиции. Исследования на материале европейских языков показали, что при удалённой работе переводчику приходится прилагать больше усилий, выстраивая переводческую стратегию; быстрее наступает усталость, снижается концентрация. Это связывают с тем, что в процессе общения по видеосвязи переводчик находится в двух пространствах – виртуальном и реальном – увеличивается когнитивная нагрузка (см. обзор ключевых исследований дистанционного перевода в [11]). Нагрузку также связывают с многозадачностью в дистанционном переводе (медиа многозадачностью [12]), поскольку переводчику зачастую приходится брать на себя роль модератора коммуникации и технического специалиста, «присутствуя» в двух пространствах – виртуальном и физическом – одновременно (например, в рамках выполнения перевода по видеосвязи в ходе пуско-наладочных работ [13]).

Настоящее исследование посвящено описанию отношения переводчиков к технологиям дистанционного перевода, а также их опыта работы с технологией видеосвязи. Среди поставленных задач следующие: выявить технические конфигурации дистанционного перевода, релевантные для переводчиков, работающих в языковой паре китайский–русский; описать распространённые коммуникативные ситуации, требующие использования дистанционного перевода в указанной комбинации; уточнить отношение переводчиков к технологиям дистанционного перевода; сравнить результаты с существующим корпусом исследований.

Наше исследование носит пилотный характер, однако позволяет описать ситуацию на региональном челябинском рынке устного перевода в языковой паре китайский–русский. В рамках исследования проведены интервью с шестью практикующими переводчиками из Челябинска и Москвы. Интервью стали первым этапом исследования, в ходе которого систематизированы данные об опыте работы переводчиков с применением технологии видеосвязи, опыте перевода телефонных переговоров и удалённого синхронного перевода. В процессе разметки интервью выделены три значимые темы: конфигурации и сценарии дистанционного перевода; трудности технического и психологического характера; отличия дистанционного и контактного перевода. В Таблице 1 представлены данные переводчиков, принявших участие в исследовании.

Таблица 1 – Характеристики респондентов (интервью)

Параметр		Количество респондентов
Общее количество участников		6
Родной язык	Русский	6
Пол	Женский	6
Возраст	18–25	1
	26–35	4
	Нет данных	1
Опыт устного перевода	3–5	1
	6–10	1
	>10	4
Должность	Фрилансер	4
	Начальник отдела переводов	2

На основе наших данных, а также данных, полученных европейскими коллегами (см. обзор исследований на основе анкетирования в [14]), на следующем этапе работы подготовлен опросный лист из 24 закрытых вопросов с возможностью комментирования ответа. Опросный лист распространялся в сентябре 2021 года в ряде онлайн-сообществ переводчиков и синологов. В результате своим отношением к новым технологиям в устном переводе поделились 26 респондентов (табл. 2). Из них 39% имели опыт дистанционного перевода (последовательного перевода или нащепывания в ходе переговоров, интервью и пр., где одна из сторон подключается по видеосвязи; последовательного перевода онлайн-видеоконференции с небольшим количеством участников (Zoom, Teams); синхронного перевода с применением RSI-технологий). Данной группе переводчиков было предложено заполнить более подробную анкету, в которой описывали своё отношение к новым технологическим контекстам, характеризовали своё психологическое и эмоциональное состояние, трудности, с которыми сталкивались, а также отмечали, в каких ситуациях, тематиках и на каких платформах чаще всего осуществляли удаленный последовательный и/или синхронный перевод.

Все респонденты, независимо от наличия опыта дистанционного перевода, указывали в анкете свой родной язык и рабочие языки, страну проживания, пол, возраст; а также наличие опыта устного перевода. В основной части опросного листа респонденты также выбирали из списка ключевые трудности, с которыми, по их мнению, сталкивается переводчик при работе по видеосвязи, а также оценивали, в каких сферах чаще всего необходим удаленный последовательный и удаленный синхронный перевод в языковой паре китайский–русский. Демографические характеристики участников опроса представлены в Таблице 2.

Таблица 2 – Характеристики респондентов (опрос)

Параметр		Количество респондентов
Общее количество участников		26
Родной язык	Русский	25
	Китайский	1
Пол	Женский	23
	Мужской	3
Возраст	18–25	5
	26–35	14
	36–45	4
	без ответа	3
Опыт устного перевода	<1	9
	3–5	7
	6–10	6
	>10	4
Опыт дистанционного перевода	Есть	10
	Нет	16

Результаты исследования

Обобщим ключевые результаты анкетирования и интервью. Несмотря на то, что все опрошенные в рамках интервью переводчики имеют опыт дистанционного перевода или организации онлайн-мероприятий с переводом, нельзя сказать, что этот опыт значительный. У отдельных переводчиков – участников опроса есть опыт удалённого синхронного перевода и перевода по телефону (20% опрошенных). 24% опрошенных регулярно выполняют видеоудалённый перевод и перевод по видеосвязи.

В целом респонденты отмечают наличие запроса на дистанционный перевод в различных конфигурациях. Среди значимых конфигураций и ситуаций перевода – перевод переговоров b2b с использованием платформ Zoom и WeChat. Можно заключить, что на локальном рынке востребован последовательный перевод онлайн-переговоров по видеосвязи (бизнес-переговоры, сфера образования) с применением платформ и приложений Zoom (указали 10 опрошенных), WeChat (8) и Skype (6). Рассмотрим мнения переводчиков относительно этого сценария более подробно.

Одной из наиболее обсуждаемых тем в переводческом сообществе в связи с экстренным переходом в онлайн-среду стала техническая сторона дистанционного перевода [15]. Как отмечают исследователи, технологически индустрия переводов была готова к трансформации: уже в 2018 году самым быстрорастущим сегментом рынка переводческих технологий стали виртуальные инструменты для устного перевода [16]. В этот момент Б. С. Олсен сравнивает профессию устного переводчика с птенцом, который только научился летать и ловил поток попутного ветра, чтобы расправить новые «технологические» крылья и взмыть ввысь, однако попал в ураган пандемии [17]: изменения произошли слишком быстро, и разработка рекомендаций шла буквально на лету. Опрошенные в сентябре 2021 года переводчики отмечают, что легко адаптируются к новым технологическим условиям, готовы к решению технических трудностей. В то же время они признаются, что для удаленного последовательного и удаленного синхронного перевода характерны проблемы со связью и звуком (зачастую – со стороны заказчика): *«часто возникающие в моем регионе проблемы со связью делают практически невозможной любую долгую коммуникацию по видеосвязи, тем более, если требуется детальное понимание»*, – делится мнением респондент. В качестве проблемы выделяют фрагментацию дискурса, поскольку участники общения могут говорить одновременно, оказывается сложно выделить реплики для перевода. В результате переводчикам приходится выполнять роль модератора и технического консультанта. По словам одного из участников опроса, переводчик в условиях дистанционного общения оказывается *«перегружен лишней информацией»*, что отражается на его психологическом состоянии: работа становится сопряжена со стрессом и быстрым наступлением усталости. В интервью респонденты, напротив, не акцентировали внимание на озвученных проблемах, но отмечали отчуждённость в процессе работы: *«Психологически трудно чувствовать себя в одном месте и видеть человека в другом»*, *«...объективно, мне кажется, сложнее воспринимать на слух не видя человека»*. Трудности подобного характера респонденты связывают и с тем, что переводчик в процессе работы не видит или плохо воспринимает паралингвистические средства – жесты и мимику говорящего, не может почувствовать его эмоции.

Переводчики замечают, что в b2b-переговорах видеосвязь изменила динамику общения. Во-первых, иногда переводчика просят выступить в роли менеджера со знанием языка: например, решить необходимый заказчику вопрос с использованием WeChat – приложения, в котором российская сторона не разбирается. Несмотря на то, что такие дополнительные задачи в целом характерны для перевода в коммуникативной ситуации с большим количеством участников в бизнес-среде [18], в данном случае постановка задачи обусловлена именно технологической опосредованностью общения. Во-вторых, при коммуникации по видеосвязи традиционный обмен любезностями также оказывается заменён общением по электронной почте, что делает видеовстречи намного короче, чем очные переговоры: *«Зачастую, самое большое отличие – скорость общения по сравнению с переговорами вживую. Минута на экивоки, а потом все четко по делу. Все вопросы задали, вопросов больше нет, прощаемся... Все любезности переходят в переписку, а по видео уже решаются вопросы четко и по делу»*, – отмечает один из респондентов. Таким образом, по видеосвязи обсуждаются только существенные вопросы. Однако, когда речь идет о налаживании деловых и личных связей с китайской стороной, многие традиционные аспекты, такие как общение в кулуарах и за официальным обедом, невозможно заменить видеосвязью. Соответственно, использование видеосвязи и устного перевода по видеосвязи в российской и китайской деловой среде требует дальнейшего изучения с точки зрения межкультурной коммуникации, социокультурных норм и этикета.

Выводы

Итак, несмотря на наличие трудностей технического и психологического плана, опрошенные переводчики в целом положительно относятся к развитию технологий дистанционного перевода. Нововведения воспринимаются как вынужденная мера, к которой придётся приспособиться, как *«хорошая альтернатива, когда нет другого выбора»*. Тем не менее, аналитики отмечают, что сегодня трансформация техноландшафта в области устного перевода идёт быстрее, чем несколько десятилетий назад. Давление со стороны рынка лингвистических услуг и технологических компаний, в совокупности с ограничениями пандемии заставляют устного переводчика оперативно осваивать новые инструменты, которые не всегда облегчают его профессиональные задачи, а напротив, делают их более трудозатратными. Именно поэтому на сегодняшний день немаловажное место занимают исследования сложившихся практик дистанционного перевода, эргономики удалённого перевода и экологии переводческого пространства. Подобные исследования направлены на выявление факторов, определяющих особенности работы в дистанционном режиме, а также отработку технической стороны вопроса, поскольку исследования показывают [19], что трудности удалённой работы можно устранить благодаря специальной подготовке переводчиков.

Статья частично основана на материалах доклада, прозвучавшего в рамках Международной конференции «V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение АТР в русле трансдисциплинарной регионологии» 19–21 октября 2021 года.

Финансирование

Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, МК-73.2021.2.

Funding

This research is supported by the President's Grant for the State Support of the Young Russian Candidates of Sciences (Project No. MK-73.2021.2).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. China's words and characters of 2020 [Электронный ресурс] // China Plus. – URL: <http://chinaplus.cri.cn/nihao/learn-through-news/594780> (дата обращения: 1.10.2021).
2. Collins Word of the Year 2020 [Электронный ресурс] // Language Lovers : The year of lockdown / Collins Dictionary Blog. – URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/the-year-of-lockdown/> (дата обращения: 1.10.2021).
3. Институт Пушкина назвал «самоизоляцию» и «обнуление» словами года [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9969207> (дата обращения: 1.10.2021).
4. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem> (дата обращения: 1.10.2021).
5. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 / Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – 254 с.
6. Воропаев Н. Н. О проблемах становления устного переводчика с китайского языка / Н. Н. Воропаев // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты : материалы международной научной конференции, 27 октября 2016 г., Чита / Забайкальский государственный университет – Чита, 2016. – С. 130–135.
7. Braun S. Technology and interpreting / S. Braun // The Routledge Handbook of Translation and Technology. – London : Routledge, 2019. – P. 271–288.
8. Pöchhacker F. “Going video” Mediality and multimodality in interpreting / F. Pöchhacker // Linking Up with Video: Perspectives on Interpreting Practice and Research. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2020. – P. 13–45.
9. Constable A. Distance Interpreting: A Nuremberg Moment for our Time [Электронный ресурс] / A. Constable // AIIC 2015 Assembly Day 3: Debate on Remote. – 18 January 2015. – URL: <https://aiic.ch/wp-content/uploads/2020/05/di-a-nuremberg-moment-for-our-time-andrew-constable-01182015.pdf> (дата обращения: 1.08.2021).
10. Song B. Considerations When Using Remote Simultaneous Interpreting During the Pandemics [Электронный ресурс] / B. Song // Dr. Bernard Song –Professional Consultant Interpreter in Singapore. – URL: <https://www.bernardsong.com/post/considerations-when-using-remote-simultaneous-interpreting-during-the-pandemics> (дата обращения: 1.10.2021).
11. Краснопеева Е. С. Дистанционный устный перевод: терминология, таксономия и ключевые направления исследования / Краснопеева Е. С. // Научный диалог. – 2021. – № 11. – С. 143–167.
12. Солдатова Г.У. Медиамногозадачность: от когнитивных функций к цифровой повседневности / Г. У. Солдатова, Е. Ю. Никонова, А. Г. Кошечкина, А. В. Трифонова // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 8–21.
13. Краева С. С. Опыт описания коммуникативных особенностей устного перевода по видеосвязи в ходе пуско-наладочных работ / С. С. Краева, Е. С. Краснопеева // MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция : материалы VI Международной научной конференции, 23–25 ноября 2021 г., Челябинск / под ред. А.А. Морозовой; Челябинский государственный университет – Челябинск, 2021. – С. 32–37.
14. Corpas Pastor G. Remote interpreting in public service settings: technology, perceptions and practice / G. Corpas Pastor, M. Gaber // SKASE Journal of Translation and Interpretation. – 2020. – Vol. 13 (2). – P. 58–78.
15. Краснопеева Е. С. Remote interpreting practices through the lens of social media // Е. С. Краснопеева / Пользовательский контент в современной коммуникации : Материалы I Международной научно-практической конференции, 22–23 апреля 2021 г., Челябинск / Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2021. – С. 363–365.
16. Introduction to Virtual Interpreting Technology (VIT) [Электронный ресурс] / Nimdzi Insights. – 25 July 2018. – URL: <https://www.nimdzi.com/vit-introduction/> (дата обращения: 1.10.2021).
17. Olsen B. S. Moving from the Bleachers to the Playing Field: The Tech-Savvy Interpreter Says Goodbye [Электронный ресурс] / B. S. Olsen // The 313th Tool Box Journal. – URL: <https://myemail.constantcontact.com/The-313th-Tool-Box-Journal---Premium-Edition.html?soid=1101859302759&aid=lkbFv5CEmVY> (дата обращения: 1.10.2021).
18. Takimoto M. Characteristics of an Interpreted Situation with Multiple Participants: Implications for Pedagogy / M. Takimoto // International Journal of Interpreter Education. – 2009. – Vol. 1. – P. 33–44.
19. Ko L. The need for long-term empirical studies in remote interpreting research: A case study of telephone interpreting / L. Ko // Linguistica Antverpiensia, New Series. Themes in Translation Studies. – 2006. – Vol. 5. – P. 325–338.

Список литературы на английском / References in English

1. China's words and characters of 2020 [Electronic resource] // China Plus. – URL: <http://chinaplus.cri.cn/nihao/learn-through-news/594780> (accessed: 1.10.2021).
2. Collins Word of the Year 2020 [Electronic resource] // Language Lovers : The year of lockdown / Collins Dictionary Blog. – URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/the-year-of-lockdown/> (accessed: 1.10.2021).
3. Institut Pushkina nazval «samoizoljaciju» i «obnulenie» slovami goda [Pushkin Institute named “self-isolation” and “renewal” words of the year] [Electronic resource] // TASS. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9969207> (accessed: 1.10.2021). [in Russian]
4. O rossijsko-kitajskih otnoshenijah strategicheskogo partnerstva [On the Russian-Chinese strategic partnership] [Electronic resource] // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. – URL: <https://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem> (accessed: 1.10.2021). [in Russian]
5. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2020: report N. 58/2020 / Russian International Affairs Council: RIAC. – M.: RIAC, 2020. – 254 p. [in Russian]

6. Voropaev N. N. O problemah stanovlenija ustnogo perevodchika s kitajskogo jazyka [On the challenges of becoming an interpreter from the Chinese language] / N. N. Voropaev // Kitajskij jazyk: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 27 oktjabrja 2016 g. [The Chinese language: linguistic and didactic aspects: Proceedings of the international scientific conference, 27 October 2016], Chita / Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet [Transbaikal State University] – Chita, 2016. – P. 130–135. [in Russian]
7. Braun S. Technology and interpreting / S. Braun // The Routledge Handbook of Translation and Technology. – London : Routledge, 2019. – P. 271–288.
8. Pöhhacker F. “Going video” Mediality and multimodality in interpreting / F. Pöhhacker // Linking Up with Video: Perspectives on Interpreting Practice and Research. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2020. – P. 13–45.
9. Constable A. Distance Interpreting: A Nuremberg Moment for our Time [Electronic resource] / A. Constable // AIIC 2015 Assembly Day 3: Debate on Remote. – 18 January 2015. – URL: <https://aiic.ch/wp-content/uploads/2020/05/di-a-nuremberg-moment-for-our-time-andrew-constable-01182015.pdf> (accessed: 1.08.2021).
10. Song B. Considerations When Using Remote Simultaneous Interpreting During the Pandemics [Electronic resource] / B. Song // Dr. Bernard Song –Professional Consultant Interpreter in Singapore. – URL: <https://www.bernardsong.com/post/considerations-when-using-remote-simultaneous-interpreting-during-the-pandemics> (accessed: 1.10.2021).
11. Krasnopeyeva E. S. Distancionnyj ustnyj perevod: terminologija, taksonomija i ključevye napravlenija issledovanija [Distance Interpreting: Terminology, Taxonomy, and Key Directions of Research]. – Nauchnyi dialog. –2021. – № 11. – P. 143–167. [in Russian]
12. Soldatova G. U. Mediamnogozadachnost': ot kognitivnyh funkcij k cifrovoj povsednevnosti [Media multitasking: from cognitive functions to digital] / G. U. Soldatova, E. Yu. Nikonova, A. G. Koshevaya, A. V. Trifonova // Sovremennaja zarubezhnaja psihologija [Journal of Modern Foreign Psychology]. – 2020. – V. 9. – № 4. – P. 8–21. [in Russian]
13. Kraeva S. S. Opyt opisaniya kommunikativnyh osobennostej ustnogo perevoda po videosvjazi v hode pusko-naladochnyh rabot / S. S. Kraeva, E. S. Krasnopeyeva [On the interpreter-mediated communication via video link during equipment testing and commissioning] // MEDIAObrazovanie: mediavključennost' vs mediaizoljacija : materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 23–25 nojabrja 2021 g. [“MEDIAEducation: media inclusion vs media isolation”: Proceedings of the VI International scientific conference, 23–25 November 2021], Cheljabinsk / Cheljabinskij gosudarstvennyj universitet [Chelyabinsk State University]. – Cheljabinsk, 2021. – P. 32–37. [in Russian]
14. Corpas Pastor G. Remote interpreting in public service settings: technology, perceptions and practice / G. Corpas Pastor, M. Gaber // SKASE Journal of Translation and Interpretation. – 2020. – Vol. 13 (2). – P. 58–78.
15. Krasnopeyeva E. S. Remote interpreting practices through the lens of social media // E. S. Krasnopeyeva / Pol'zovatel'skij kontent v sovremennoj kommunikacii : Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, 22–23 aprelja 2021 g. [User-generated content in modern communication: Proceedings of the I International scientific conference, 22–23 April 2021], Cheljabinsk / Cheljabinskij gosudarstvennyj universitet [Chelyabinsk State University]. – Cheljabinsk, 2021. – P. 363–365.
16. Introduction to Virtual Interpreting Technology (VIT) [Electronic resource] / Nimdzi Insights. – 25 July 2018. – URL: <https://www.nimdzi.com/vit-introduction/> (accessed: 1.10.2021).
17. Olsen B. S. Moving from the Bleachers to the Playing Field: The Tech-Savvy Interpreter Says Goodbye [Electronic resource] / B. S. Olsen // The 313th Tool Box Journal. – URL: <https://myemail.constantcontact.com/The-313th-Tool-Box-Journal---Premium-Edition.html?soid=1101859302759&aid=lkbFv5CEmVY> (accessed: 1.10.2021).
18. Takimoto M. Characteristics of an Interpreted Situation with Multiple Participants: Implications for Pedagogy / M. Takimoto // International Journal of Interpreter Education. – 2009. – Vol. 1. – P. 33–44.
19. Ko L. The need for long-term empirical studies in remote interpreting research: A case study of telephone interpreting / L. Ko // Linguistica Antverpiensia, New Series. Themes in Translation Studies. – 2006. – Vol. 5. – P. 325–338.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.40>**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИИ
ЖАРГОНИЗМОВ**

Научная статья

Щетинина А.В.^{1*}, Леонтьева Т.В.², Елизарова А.Н.³¹ ORCID: 0000-0002-9085-8697;² ORCID: 0000-0002-7213-1582;³ ORCID: 0000-0001-8851-461X;^{1, 2, 3} Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (A.V.Shchetinina[at]at.urfu.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу трудностей в отборе и представлении иллюстративных материалов при лексикографировании жаргонных слов. Сообщается о подготовке нового тематического толкового словаря актуальной лексики, посвященного лексике единения и вражды. Отмечается, что в издание будут включены слова, функционирующие в современном молодежном и профессиональном жаргоне. Авторы считают, что при подборе иллюстративного материала, демонстрирующего читателю словаря возможности словоупотребления новых слов, в особенности жаргонизмов, возникает действительная необходимость тщательно подходить к оценке качества, числа и объема контекстов. Подчеркивается, что иллюстрации должны удовлетворять запросу пользователей словаря на полноту предоставляемой информации. Предполагается, что материалы справочного характера аккумулируют сведения, позволяющие пользователю словаря сориентироваться в происхождении слова. Авторы настаивают на том, что в структуре словарной статьи должны быть зона эквивалентов и зона для фиксации типовой сочетаемости слова.

Ключевые слова: лексикография, жаргон, словарная статья, иллюстративный контекст, неологизм.

PRESENTATION OF ILLUSTRATIVE MATERIALS IN LEXICOGRAPHY OF JARGONISMS

Research article

Shchetinina A.V.^{1*}, Leontyeva T.V.², Elizarova A.N.³¹ ORCID: 0000-0002-9085-8697;² ORCID: 0000-0002-7213-1582;³ ORCID: 0000-0001-8851-461X;^{1, 2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

* Corresponding author (A.V.Shchetinina[at]at.urfu.ru)

Abstract

The article analyzes difficulties in the selection and presentation of illustrative materials in the lexicography of slang words. The study discusses the preparation of a new thematic explanatory dictionary of current vocabulary dedicated to the vocabulary of unity and enmity. It is noted that the publication will include words functioning in modern youth and professional jargon. The authors believe that when selecting illustrative material that demonstrates the possibilities of using new words, especially jargonisms, there is a real need to carefully assess the quality, number and volume of contexts. It is emphasized that illustrations should satisfy the dictionary users' request for the completeness of the information provided. It is also assumed that reference materials accumulate information that allows the dictionary user to navigate the origin of the word. The authors insist that in the structure of a dictionary entry there should be a zone of equivalents and a zone for fixing the typical compatibility of a word.

Keywords: lexicography, jargon, dictionary entry, illustrative context, neologism.

Введение

Поиск новых подходов к составлению словарей актуальной лексики, включающей неологизмы, которые активно пополняют лексикон русского языка, — постоянная практика лингвистов, занимающихся вопросами лексикографирования [2], [9], [10], [14] и др. Коллективом исследователей, в состав которого входят и авторы статьи, готовится словарь, описывающий русскую лексику и фразеологию социальных взаимодействий, вошедшую в обиход в последние два десятилетия см. подробнее [17]. Этот лексический массив включает языковые единицы, принадлежащие различным подсистемам языка, поскольку год за годом интенсивно обновляются все сферы коммуникации: деловые взаимодействия, публичная среда, бытовая повседневность, область научных контактов.

Общение через социальные сети, образующее сегодня практически фундамент свободной коммуникации (причем не только неинституциональной, но и институциональной, поскольку продвижение в соцсетях стало трендом даже для государственных органов и представителей официальной власти) привело к появлению новых форм солидаризации и дисгармонии в коммуникации. Эти трансформации нашли отражение в появлении новых слов, обозначающих как факты единения людей на основании общих профессиональных и личных интересов (например, *батл*, *бодипозитив*, *краудсорсинг*), так и проявления враждебности по отношению к человеку, обществу или государству (*бодийеймерство*, *треш-стримерство*, *твиттер-революция*). Особенно остро откликаются на эти социальные изменения носители жаргона: «Молодежный жаргон не только эволюционирует сам по себе, но и своеобразно отражает изменения в обществе, системе ценностей, предметном мире» [16, С. 313].

Субстандартные единицы традиционно сложны для описания по ряду причин. Так, границу между речевым и языковым фактом часто невозможно провести бесспорно, так как нет общепризнанных критериев и методик их

разграничения. Кроме того, жаргон обновляется, пожалуй, еще быстрее, чем все другие разновидности языка: слова быстро входят в моду и столь же быстро отживают, выходят из узуса, сменяются другими. В. В. Шаповал в рецензии на словарь М. А. Грачева «Словарь современного молодежного жаргона», изданный в 2006 году, подчеркивает, насколько сложно «описывать такого рода текучий и непростой в лингвистическом отношении материал» [16, С. 306]. Исключить жаргонизмы из описания при подготовке новых словарей — означает упустить целый пласт слов, которые, вполне вероятно, вскоре утратят свою актуальность.

Уже в традиционных толковых словарях можно наблюдать единичные произвольные включения слов из иной, в сравнении с основным для данного словаря лексическим массивом, подсистемы языка. Толковые словари русского литературного языка часто содержат вкрапления жаргонной или просторечной лексики при условии введения ограничительных помет (*жарг.*, *простореч.*).

Современные опыты толковых словарей новейшей лексики характеризуются намеренным, обусловленным концепцией словаря объединением в пределах издания языковых единиц из разных языковых идиомов. Такие издания по понятным причинам ориентированы на большую представленность субстандартных единиц.

Принципы лексикографирования языковых единиц, принадлежащих тем подсистемам национального языка, которые находятся за пределами его литературной разновидности, обсуждаются в русской лингвистике на протяжении многих лет и еще долго останутся предметом исследования. Значительные затруднения возникают перед лексикографами в связи с вопросами о введении стилистических помет, о качестве дефиниций, о целесообразности комментирования прагматических особенностей употребления слова или выражения, о системе отсылок и т. д. Формирование этих принципов осложняется еще и тем, что расширяется спектр разновидностей словарей, которые имеют различное назначение, основываются на разных подходах или их сочетании (антропоцентрическом, сопоставительном и др.) и ориентированы на разные аудитории (ученых или всех, кого может заинтересовать предлагаемый материал). Параллельно развивается и поощряется «наивное лексикографирование»; напомним, что словарь «Викилексия», который готовится под руководством Н. Д. Голева, заявлен как «народный интернет-словарь», ориентированный на привлечение «широких масс рядовых носителей языка для получения материала лексикографических рефлексивов» [4, С. 32].

Лексикографическое описание новых слов опирается, несомненно, на достижения современной академической лексикографии, в русле которой разработаны известные словари жаргонной лексики [3], [5], [8] и др. В то же время ряд ученых ставит вопросы о выделении самостоятельного направления лингвистических исследований, посвященных особенностям лексикографического описания языкового субстандарта [6], [12], [13] и др., о необходимости комплексного подхода к описанию жаргона в словаре, поскольку данный лексико-семантический пласт «имеет свою собственную организацию, созданную самим языком, и им самим регулирующую» [15], о возможности создания учебных словарей жаргона для иностранцев, изучающих русский язык [11], об актуальности описания языка интернета, который является сегодня самым богатым источником для пополнения жаргонного лексикона [14].

Затруднения и вопросы, возникающие в работе лексикографа, должны получить теоретико-методологическое осмысление. В перспективе видится большой путь, который еще должна пройти лексикография субстандарта, и этапы этого пути тесно связаны с практическими разработками, с постепенным накоплением опыта соответствующих словарей или изданий, включающих в себя лексику субстандарта.

При освещении вопросов лексикографирования чаще всего предметом анализа становится структура словарной статьи, что закономерно, поскольку она задает критерии отбора и подготовки информации о языковой единице. Одним из существенных компонентов словарной статьи является иллюстративный материал, и к его отбору лексикографы подходят различно в зависимости от назначения издания. В данной статье мы остановимся на принципах иллюстрирования жаргонных единиц в словаре.

Количественные характеристики (объем) иллюстративного материала в словарной статье, посвященной жаргонному факту

При фиксации жаргонной лексики нередко в пределах одного издания совмещаются словарные статьи разного объема и разной степени разработанности. Так, Б. Л. Бойко указывает, сравнивая два словаря жаргона — русский и немецкий: «Объем словарной статьи в обоих словарях в минимальном случае исчерпывается единицей жаргона — ее эквивалентом или чаще интерпретацией на литературном языке, в максимальном случае словарная статья передает все значения заглавного слова, включающие лингвострановедческую или культурологическую информацию» [1, С. 70].

Столь же различаются и объемы предлагаемого иллюстративного материала в статьях одного и того же словаря, посвященных разным языковым фактам.

Одной из причин этого является обращение составителей словаря к другим лексикографическим источникам: извлеченные из разных изданий или архивов материалы неодинаковы. Если составители очередного нового издания стремятся собрать, объединить, системно описать весь доступный материал, то они, помимо сбора нового материала, привлекают уже имеющиеся источники лексического субстандарта, и это становится фактором, отрицательно влияющим на надежность материалов вновь составляемого словаря. Как правило, слова, перенесенные в составляемый словарь из других изданий, охарактеризованы кратко, поскольку в источнике были представлены ограниченные сведения, в то время как слова и выражения, выявляемые и описываемые авторами словаря, сопровождаются значительно более развернутыми контекстами и комментариями.

Каким должен быть объем каждого приведенного примера? Очевидно, что контекстуальное окружение слова содержит (точнее, должно содержать) такую информацию о предмете номинации, чтобы она обладала свойством дополнительности по отношению к дефиниции, очерчивающей денотат лишь в основных его чертах. Например, профессиональный жаргонизм *патентный тролль* имеет значение 'юридическое или физическое лицо, которое

скупает патенты и зарабатывает на их перепродаже или судебных исках», которое не дает представления о специфике процесса. Такого рода дополнительная информация может быть представлена в иллюстрациях: *Патентные тролли находят и скупают патенты, а затем подают в суд на известных и крупных производителей, обвиняя их в нарушении авторских прав. Они ничего не производят и не продают, их работа начинается в офисе, где они корпят над документами, составляя их так, чтобы к ним было сложно придаться, а заканчивается в суде. Риск минимальный, в худшем случае иск просто отклоняют. В лучшем — они заработают свои миллионы* (Game of Trolls: как *патентные тролли* вымогают деньги у крупных корпораций // Вещи РБК Стиль. 2014) [КА].

Малый контекст иногда вводит в заблуждение и становится причиной досадных ошибок в толковании языкового факта. Примеры такого рода приводит В. В. Шаповал в ходе анализа словаря М. А. Грачева: «В столь богатый и объемный материал, который представлен в рецензируемом словаре, тем не менее, не могло не просочиться несколько не вполне обоснованных, на наш взгляд, семантических трактовок, которые, возможно, объясняются *излишним доверием к слишком лаконичному контексту иллюстративного примера* (выделено нами. — А. Ш., Т. Л., А. Е.): “ТРЕНД, -а, м. Брюки. Тренд номер два — полоски на всем”. <...> Представляется вероятным, что слово тренд означает ‘течение в моде, основную тенденцию’, в данном случае — ‘предпочтение при выборе тканей в полоску’, т. е. вполне обычное употребление уже общеизвестного слова тренд (англ. *trend* ‘курс, направление’)» [16, С. 311].

Принцип отбора широких по объему контекстов обусловлен тем, что они должны помочь читателю составить как можно более полное представление об обозначаемом понятии или феномене действительности и об особенностях функционирования нового слова или выражения в естественной речи, его коннотациях, специфических грамматических свойствах, прагматической нагрузке и под. Жаргонизм может оказаться совершенно неизвестным пользователю словаря, что объясняет установку на развернутое и разнообразие контекстов.

Качественные характеристики иллюстраций в словарной статье, посвященной жаргонному факту

В отношении подбора иллюстративного материала хотелось бы прокомментировать трудности, возникающие в связи с качеством текстов в аспекте их соответствия языковым нормам. Если издание не является словарем нормативного типа, то обычно в качестве примеров выступают наряду с фрагментами из публикаций в официальных СМИ также письменные высказывания рядовых носителей русского языка, интернет-пользователей, не подвергавшиеся редактированию и поэтому нередко содержащие ошибки (орфографические, пунктуационные, речевые и др.). Отказаться от привлечения таких примеров означает утратить отсылки к образцам естественной разговорной речи, а иногда и вовсе потерять возможность зафиксировать слово, так как примеров другого качества просто не существует (как раз с жаргонными словами так и случается). Что можно предпринять для того, чтобы читатель в некотором смысле «избежал шока», столкнувшись с явными грубыми ошибками на страницах печатного лексикографического издания? Как нам кажется, есть смысл ввести специальные метки, которые позволили бы пользователю словаря отличить образцы естественной неотредактированной речи (отрывки из постов в личных блогах, из комментариев в соцсетях и под.) от фрагментов, извлеченных из качественной прессы, прошедшей профессиональное редактирование:

► Яркая, современная, начитанная, саркастичная, абсолютно безобидная внешне — *абыюзериша* может позволить себе принимать десятки обликов. Будучи слабее своего партнера в физическом плане, она выбирает хитрую тактику манипулирования близкими людьми, не гнушается коварными способами достижения цели (Л. Конопелько. Жена-абыюзер: за что страдают мужчины //sb.by. 2019).

– Я сама женщина, и всегда на стороне женщин. Или почти Всегда. Но то, что *абыюзериши* реальные есть — это факт <...> В моих реальных историях от клиентов, отношений друзей и родни — это модель поведения пришедшая ещё от бабушек и мам, или некоторые психические расстройства. Невростения, это вроде бы как по-другому нынче называют, а этот термин не толерантен, как модно говорить теперь. Самое ужасное, что пережив абыюзные отношения, женщины сами становятся такими (Женщина-абыюзер. Секс и отношения на TJ // tjournal.ru. 2020).

Значимую долю сведений добавляет, несомненно, паспортизация приводимых примеров, которая, на наш взгляд, должна включать в себя данные об имени автора (если есть) и названии публикации (если есть), о названии источника (газеты, журнала, ресурса) и годе опубликования статьи, поста, интернет-комментария и под.

Желательно, чтобы описываемое слово было употреблено в выбранных контекстах по возможности в разных формах (падежных, числовых, временных и под.). Словоизменительная парадигма жаргонных слов вообще составляет немалую проблему, так как может не совпадать с моделями литературного языка или может требовать отдельных изысканий в связи с отсутствием данных на момент фиксации слова.

Наконец, для удобства пользователя словаря целесообразно оформлять примеры так, чтобы лексикографируемая номинация была выделена на общем фоне (полужирным курсивом или иным способом).

Отсылочные зоны словарной статьи, посвященной жаргонному факту

При лексикографировании неологизмов важно уделить особое внимание информации справочного характера. Такие данные не претендуют на полноту освещения истории функционирования слова в русском языке, так как изыскания такого рода и описание результатов этой работы представляли бы собой самостоятельную научную публикацию.

Но все же для заимствованного слова (заметим, что наиболее популярный сегодня способ образования новых жаргонных слов — это заимствование) будет нелишним привести сведения о переводе иностранного слова или выражения, соотносительного с новой русскоязычной единицей, например:

Либфем / либ-фем, сущ., м.

Ср.: англ. *Liberal feminism* – либеральный феминизм.

При этом не утверждается прямая взаимосвязь между ними, поэтому ввод данных предваряется меткой «ср.» (сравни), а не «от».

Номинации, входящие в состав какого-либо медиаобъекта, получившего широкое распространение в сети Интернет, могут сопровождаться отсылкой к интернет-мему. Иногда целесообразны отсылки к истории возникновения слова или выражения. Например, события 2014 года, связанные с присоединением Крымского полуострова, породили ряд номинаций, в том числе жаргонного характера, появление которых важно пояснить:

Крымнашизм, сущ., м.

Ср.: по версии ряда открытых интернет-источников, слово ввели в употребление противники присоединения в 2014 году Крыма к России.

Необходимой кажется такой компонент словарной статьи, как «типовая сочетаемость». Эта зона словарной статьи дополняет и расширяет информацию, которую читатель словаря может почерпнуть из приведенного ранее иллюстративного материала. При лексикографировании жаргонных слов и — шире — вообще любых новых слов, которые очень активно используются в молодежной или профессиональной среде, но при этом редко используются или совсем отсутствуют в лексиконе других социальных групп, важно зафиксировать в словаре сведения о сочетаемости таких слов, так как способ их включения в высказывание предсказуемо вызывает трудности у людей, незнакомых с лексемой и имеющих намерение понять ее значение или прагматические особенности ее функционирования в речи. Приведем пример представления в словаре сочетаемости слова *деанонимизировать* («нарушать анонимность пользователя Интернета путем публикации персональных данных») с другими языковыми единицами:

Типовая сочетаемость: *деанонимизировать администраторов*, *деанонимизировать владельцев*, *деанонимизировать злоумышленника*, *деанонимизировать личность*, *деанонимизировать пользователей*, *деанонимизировать силовиков*, *деанонимизировать правоотношения*, *деанонимизировать в соцсетях*, *деанонимизировать путём привязки*.

Необходимость установить и описать место слова в языковой системе, связи с другими единицами обусловила введение следующих разделов словарной статьи, в которые включаются языковые факты, имеющие сходное с заголовочным словом значение, в том числе и контекстно обусловленное, например, для приведенного выше выражения *деанонимизировать* авторы выявили следующие эквивалентные языковые факты:

эквиваленты: *обнародовать*, *персонализировать*, *рассекретить*.

Последней зоной словарной статьи являются однокоренные слова, которые показывают встроенность языковой единицы на данный момент в систему русского языка и ее употребляемость в речи носителей языка, поскольку разрастание массива дериватов косвенно свидетельствует об актуальности обозначаемой реалии:

Однокоренные слова: *деанон*, *деанонер*, *деанонимизация*, *деанонимизированный*, *деанонимизировать*, *деанонить*, *деанонщик*.

Пример словарной статьи, посвященной жаргонному факту

Приведем далее пример полного лексикографического описания жаргонизма:

Буллить / булить, глаг.

Ср.: англ. *bully* – запугивать, задира́ть, издеваться.

В языке психологов. Жарг.

Агрессивно преследовать с целью унижения одного из членов коллектива или нескольких лиц; травить.

– Легче всего **буллить** молодых неопытных коллег, которые не могут дать отпор во многом из-за неуверенности в своих силах. По такому принципу жертвой травли стала Елена Лондарь, сейчас эйчар-эксперт HeadHunter, а 15 лет лет назад – 24-летняя руководительница HR-отдела одной из IT-компаний. Вскоре после назначения команда показывала ей электронное письмо, высланное всем 400 сотрудникам компании, исключая ее, где говорилось, что она «неизвестно каким образом получила свою должность» (IsTOPnik. Называли толстым, дымили в лицо: что такое офисный буллинг ... // Fishki.net. 2020).

– Ну на самом деле без рофла **буллил** в основном тех кто не отвечает, думаю есть основных 5 типов людей в такой ситуации. (они офк могут делиться на кучу подвидов, но это так обобщенно)

1 – «быдло» начинают **буллить**, чаще всего у них какие то проблемы с самооценкой и семьей, и они так это компенсируют

2 – «те кто потокают», эти ребята просто тоже не особо самоуверены, но и сами никого бы не **буллил**, просто так они «повышают» свой статус становясь прихвостнями первых.

3 – нейтралы, их не **буллят** тк они умеют дать отпор в любом плане, но при этом они никак не выступают в защиту тех кого **буллят** и не пытаются ничего сгладить.

4 – челы которые могут дать отпор (вообще чаще всего это тупо психологический а не физический, тк до драки если и доходит то там обычно все заканчивается на паре синяков), но при этом тех кого **буллят** пытаются как то защитить, или просто смягчить ситуацию, останавливают буллеров (тоже офк делиться на кучу подвидов, кто то будет реально защищать от буллинга других, а кто то просто будет говорить типо ребят хватит), это хорошие парни бтв и их меньше всего, вот прям реально обычно это что то около 1 человека на коллектив.

5 – те, кого **буллят**, скорее всего они не дали отпор в первый раз, а потом снежным комом по нарастающей их начали **буллить**, при этом чаще всего как то выделяются из серой массы (Буллинг в школе. Страница 2 // dota2.ru/forum. 2020).

– МЗ: Дети на самом деле очень отзывчивы, какой бы ни был сложный класс. Они с удовольствием вовлекаются в любую деятельность, когда им показывают, что иначе тоже можно. Часто тот же самый булли не имеет возможности

выйти из своей роли просто потому, что он потеряет авторитет – начнут *буллить* его (Е. Красоткина. Буллинг: кого и за что травят // Такие дела. 2021).

Типовая сочетаемость: *буллить коллег, буллить их, буллить за что-то, буллить просто так, не должен буллить, буллить в частной школе, систематически буллить, начать буллить.*

Эквиваленты: *абыюзить, газлайтить, неглектить, преследовать, унижать, травить, троллить, хейтить, шеймить.*

Однокоренные слова: *антибуллинг, антибуллинговый, буллер, буллерский, буллерша, булли, буллинговый, кибербуллинг, контрбуллинг.*

Закключение

Итак, в рамках данной статьи мы остановились на вопросах иллюстрирования жаргонных слов с учетом методических аспектов лексикографической практики.

Задача как можно более полного, а значит — достаточного для понимания читателем, описания жаргонизма обуславливает необходимость придерживаться следующих принципов:

1) при подборе иллюстративного материала, демонстрирующего читателю словаря возможности словоупотребления новых слов, в особенности жаргонизмов, возникает действительная необходимость тщательно подходить к оценке качества, числа и объема контекстов; иллюстрации должны удовлетворять запросу пользователей словаря на полноту предоставляемой информации;

2) материалы справочного характера аккумулируют сведения, позволяющие пользователю словаря сориентироваться в таких вопросах, как происхождение слова, история его функционирования;

3) зона эквивалентов и отсылочная зона в структуре словарной статьи имеют большое значение при лексикографировании жаргонизма, поскольку встраивание слова в число близких, или соотносимых с ним слов — это фактически предмет отдельного исследования, способного выявить особенности системной организации лексики и, помимо прочего, установить взаимосвязи между языковыми фактами из разных подсистем языка;

4) «типовая сочетаемость»: эта зона словарной статьи дополняет и расширяет информацию, которую читатель словаря может почерпнуть из приведенного ранее иллюстративного материала. Приводится ряд словосочетаний, включающих описываемое слово или выражение, извлеченных из проанализированных текстов. При отборе словосочетаний реализуется установка на возможно более полную репрезентацию всех имеющихся у лексемы семантико-синтаксических валентностей. Разработка данного компонента словарного описания обусловлена тем, что при лексикографировании новых слов, которые активно используются носителями одного подязыка (например, молодежью), но при этом практически совсем отсутствуют в лексиконе других социальных групп, важно зафиксировать в словаре сведения о сочетаемости, так как даже при понимании семантики (значения слова) способ включения этих номинаций в высказывание предсказуемо вызывает трудности у носителей языка.

Представленные в статье материалы значимы как часть концепции подготавливаемого к изданию тематического толкового словаря лексики единения и вражды в русском языке 2000–2021 годов. Он включает в себя актуальную лексику, репрезентирующую особенности современной коммуникации с позиций намерений участников общения установить контакт, сблизиться, добиться согласия, договоренностей, вступить в группу, коллектив и т. д. либо, наоборот, отдалиться, закрепить разрыв, выразить и реализовать агрессивные намерения, вражду.

Финансирование

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс.

Funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 Semantics of unity and enmity in Russian Vocabulary and phraseology: system-language data and discourse.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

- Бойко Б. Л. Проблемы лексикографического описания военного жаргона (опыт сопоставления) / Б. Л. Бойко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 2 (36). – С. 67–70.
- Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг. : справочник / Т. А. Голикова. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 484 с.
- Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – М. : Эксмо, 2006. – 672 с.
- Голев Н. Д. “Викилексия” – народный интернет-словарь : инновационный лексикографический проект / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 2 (6). – С. 31–67.
- Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980-х–1990-х) / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
- Заграевская Т. Б. Аспектообразующие черты этносоциолексикографии / Т. Б. Заграевская // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 40–47.
- КА – Картотека авторов.
- Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 720 с.

9. Новиков В. И. Словарь модных слов : языковая картина современности / Вл. И. Новиков. – М. : Словари XXI века, 2018. – 351 с.
10. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова ; Ин-т лингвистических исследований РАН. – Т. 3 : Паркомат – Я. – СПб : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1360 с.
11. Руденя Ж. И. Жаргонная лексика в современном русском молодежном дискурсе и возможности ее представления в словаре для изучающих русский язык как иностранный : на материале жаргонизмов, функционирующих в речи воронежской молодежи : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ж. И. Руденя. – Воронеж, 2017. – 24 с.
12. Рябичкина Г. В. К вопросу о презентации словарной статьи в «большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной / Г. В. Рябичкина // Высшее гуманитарное образование XXI века : проблемы и перспективы : материалы III Международной научно-практической конференции. – Самара : Самарский государственный педагогический университет, 2008. – С. 270–274.
13. Рябичкина Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Г. В. Рябичкина. – Пенза, 2009. – 42 с.
14. Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.
15. Цибизова О. В. Современный молодежный жаргон : проблемы лексикографического описания : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Цибизова. – Архангельск, 2006. – 24 с.
16. Шаповал В. В. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2006. 672 с. / В. В. Шаповал, М. А. Грачев // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 1(13). – С. 306–314.
17. Щетинина А. В. Ватник, брексит и крымаш : к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды / А. В. Щетинина // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 139–155. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.

Список литературы на английском / References in English

1. Bojko B. L. Problemy leksikograficheskogo opisanija voennogo zhargona (opyt sopostavlenija) [Problems of lexicographic description of military jargon (comparison experience) / B. L. Bojko // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. – 2009. – № 2 (36). – P. 67–70. [in Russian]
2. Golikova T. A. Lingvokul'turologicheskij slovar' zaimstvovaniy sovremennogo russkogo jazyka 2000–2020 gg. : spravochnik [Linguoculturological dictionary of borrowings of the modern Russian language 2000–2020 : reference] / T. A. Golikova. – M. ; Berlin : Direkt-Media, 2021. – 484 p. [in Russian]
3. Grachev M. A. Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona [Dictionary of modern youth jargon] / M. A. Grachev. – M. : Eksmo, 2006. – 672 p. [in Russian]
4. Golev N. D. "Vikileksija" – narodnyj internet-slovar' : innovacionnyj leksikograficheskij proekt ["Wikilexia – people's Internet dictionary : an innovative lexicographic project] / N. D. Golev // Voprosy leksikografii [Questions of lexicography]. – 2014. – № 2 (6). – P. 31–67. [in Russian]
5. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo (materialy 1980-h–1990-h) [Russian Russian Argot Dictionary (materials of the 1980s-1990s)] / V. S. Elistratov. – M. : Russkie slovari, 2000. – 694 p. [in Russian]
6. Zagraevskaja T. B. Aspektobrazujushhie cherty jetnosocioleksikografii [Aspect-forming features of ethnosociolexicography] / T. B. Zagraevskaja // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. – 2012. – Т. 1. – № 2. – P. 40–47. [in Russian]
7. KA – Kartoteka avtorov [A card file of authors]. [in Russian]
8. Mokienko V. M. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona [A large dictionary of Russian jargon] / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. – SPb : Norint, 2001. – 720 p. [in Russian]
9. Novikov V. I. Slovar' modnyh slov : jazykovaja kartina sovremennosti [Dictionary of fashionable words: the linguistic picture of modernity] / V. I. Novikov. – M. : Slovare XXI veka, 2018. – 35 p. [in Russian]
10. Novye slova i znachenija : slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka : v 3 t. [New words and meanings : dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century : in 3 volumes] / pod red. T. N. Bucevoj (otv. red.) i E. A. Levashova ; In-t lingvisticheskikh issledovanij RAN. – Т. 3 : Parkomat – Я. – SPb : DMITRIJ BULANIN, 2014. – 1360 p. [in Russian]
11. Rudenja Zh. I. Zhargonnaja leksika v sovremennom russkom molodezhnom diskurse i vozmozhnosti ee predstavlenija v slovare dlja izuchajushchih russkij jazyk kak inostrannyj: na materiale zhargonizmov, funkcionirujushchih v rechi voronezhskoj molodezhi : aftoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.01 [Russian slang vocabulary in modern Russian youth discourse and the possibilities of its representation in the dictionary for students of Russian as a foreign language : on the material of jargonisms functioning in the speech of Voronezh youth : aftoreferat ... of PhD of Philology : 10.02.01] / Zh. I. Rudenja. – Voronezh, 2017. – 24 p. [in Russian]
12. Rjabichkina G. V. K voprosu o prezentacii slovarnoj stat'i v «bol'shom slovare russkogo zhargona» V. M. Mokienko, T. G. Nikitinoj [On the presentation of a dictionary entry in the "Big Dictionary of Russian jargon" by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina] / G. V. Rjabichkina // Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka : problemy i perspektivy : materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Higher humanitarian education of the XXI century : problems and prospects : materials of the III International Scientific and Practical Conference]. – Samara : Samarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2008. – P. 270–274. [in Russian]
13. Rjabichkina G. V. Problemy substandartnoj leksikografii anglijskogo i russkogo jazykov : teoreticheskij i prikladnoj aspekty : avtoreferat diss. ... doktora filologicheskikh nauk [Problems of substandard lexicography of English and Russian

languages: theoretical and applied aspects : abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences] / G. V. Rjabichkina ; Pjatigorskij gosudarstvennyj universitet. – Pjatigorsk, 2009. – 42 p. [in Russian]

14. Slovar' jazyka interneta.ru [Language Dictionary interneta.ru] / pod red. M. A. Krongauza. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2016. – 288 p. [in Russian]

15. Cibizova O. V. Sovremennyy molodezhnyj zhargon : problemy leksikograficheskogo opisanija : avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.01 [Modern youth jargon : problems of lexicographic description : abstract of the dissertation ... of PhD of Philology : 10.02.01] / O. V. Cibizova. – Arhangel'sk, 2006. – 24 p. [in Russian]

16. Shapoval V. V. Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona [Vocabulary of modern youth jargon] / V. V. Shapoval, M. A. Grachev // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. – 2007. – № 1 (13). – P. 306–314. [in Russian]

17. Shchetinina A. V. Vatnik, breksit i krymnash: k voprosu o leksikografirovanii novyh slov s semantikoj edinenija i vrazhdy [Lexicography of New Words with the Semantics of Unity and Enmity] / A. V. Shchetinina // Nauchnyi dialog. – 2021. – № 3. – P. 139–155. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.28>**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА**

Обзорная статья

Голикова М.М.*

ORCID: 0000-0001-7029-3599,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

* Корреспондирующий автор (mmgolikova[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена проблемным направлениям изучения образной составляющей фразеологической семантики. В аналитическом ключе рассматриваются подходы отечественных и зарубежных лингвистов к осмыслению языкового образа в его фразеологической ипостаси. Выявляя спорные положения и различные стратегии исследования обозначенной проблемы, автор демонстрирует возможность интерпретации сущности фразеологического образа и его парадигмальных очертаний сквозь призму лингвокогнитивистики. Источниками исследования послужили произведения русских писателей эмигрантов. Результаты работы способны пролить свет на спорные вопросы современной фразеологии, систематизировать имеющиеся сведения по вопросам, связанным со значимыми фразеологическими категориями, что позволяет расширить горизонты исследовательской работы.

Ключевые слова: фразеология, фразеологический образ, метафора, проза русской эмиграции.

TODAY'S PROBLEMS OF UNDERSTANDING PHRASEOLOGICAL IMAGES

Review article

Golikova M.M.*

ORCID: 0000-0001-7029-3599,

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

* Corresponding author (mmgolikova[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the problematic areas of studying the figurative component of phraseological semantics. The author analytically examines the approaches of domestic and foreign linguists to the comprehension of the linguistic image in its phraseological nature. By identifying controversial positions and various strategies for the study of the designated problem, the author demonstrates the possibility of interpreting the essence of the phraseological image and its paradigmatic outlines through the prism of linguocognitivism. The works of Russian emigrant writers serve as the primary source of the research. The results of the study can shed light on controversial issues of modern phraseology, systematize the available information on issues related to significant phraseological categories, which allows for expanding the research boundaries.

Keywords: phraseology, phraseological image, metaphor, prose of Russian emigration.

Введение

Дискуссии о том или ином лингвистическом феномене являются стимулирующим фактором для выявления скрытых свойств даже тех понятий, которые постоянно на слуху, но, тем не менее, создают научную интригу своей загадочной природой. Рассматривая то или иное явление с разных точек зрения, ученые выявляют его онтологический статус и функциональные особенности его проявления. Причём поиск истины обычно локализуется тогда, когда высказываются мнения, порой, различающиеся весьма кардинально. Это касается не только предельно новых явлений, но и тех, которые оказываются привычными. В силу их регулярного использования на страницах академических изданий, создаётся иллюзия доподлинного знания их природы и сущности. Это в полной мере относится и к ситуации, сложившейся в лингвистике вокруг понятий «образ» и «образность». Учитывая, что данные понятия не имеют выраженных знаковых показателей, оставаясь скорее умозрительными категориями, нельзя не заметить досадную путаницу в их использовании. Авторы многих публикаций не только вкладывают в них разный смысл, но и нередко подменяют ими другие, уже давно активно используемые в лингвистике, такие, как *внутренняя форма* или *фразеологическое значение*. Все это обуславливает назревшую необходимость, с одной стороны, дифференциации, а с другой, – обобщения и систематизации существующих толкований понятий «образ», «языковой образ» и его подвид «фразеологический образ» (далее – ФО). Найти адекватные точки их соприкосновения и различий сформирует такое их понимание, которое позволит более корректно, а значит, и более продуктивно организовывать исследовательскую работу.

Основная часть

Образ – важнейшее понятие междисциплинарного изучения познавательной деятельности человека с активным участием лингвистической составляющей. Фундаментальное основание для нетривиального понимания образа было заложено отечественными психологами: А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьевым, С.Д. Смирновым и их учениками. Для адаптации их концепции к лингвофилософии значительную роль сыграли исследования Н.Д. Арутюновой. Если в психологии было обосновано понимание образа как категории сознания, а не реальной действительности, то в трудах Н.Д. Арутюновой порождается преимущественно зрительными впечатлениями образ, хотя и интерпретируется в фокусе восприятия реального объекта, но такого восприятия, которое не принимает прямого участия в отражении конкретной реальности. Исследователь неустанно подчеркивает, что образ возникает в сознании в «ситуации отсутствия», т.е. без прямого контакта с объектом [1, С. 123]. Это обуславливает разницу между прямым восприятием объекта и

опосредованным, проходящим через призму возможных видоизменений, вызванных разными факторами, среди которых нельзя не отметить мировоззрение языковой личности, накопленный ею опыт, языковую среду и т.д. При этом автор не допускал появляющегося в лингвистической литературе отождествления образа с метафорическим мировосприятием. По мнению исследователя, если для возникновения метафоры смещение категориальных границ является необходимым условием, то для образа, тем более, языкового такая коллизия не присуща. По мере возрастания глубины смыслов, передаваемых языковым образом, открывается возможность его «возвышения» до символа.

Важно разграничивать понятия образа и образности. На наш взгляд, они соотносятся друг с другом как признак и реальная или потенциальная способность этим признаком обладать. Наиболее часто образность рассматривается в рамках лексикологии, что обуславливает устоявшуюся на сегодняшний день номинацию – лексический образ (далее – ЛО). По мнению Т.М. Филоненко, он «создается на основе прямого и переносного значений одного слова». Вероятно, что на уровне словесных номинаций уже упоминавшееся ранее смещение категориальных границ (для определённой категории лексической образности) является в определенной мере образопорождающим. Но наиболее явно это просматривается в образах фразеологических. От лексических они отличаются в первую очередь тем, что базируются не на отдельных лексемах, а на прототипических словесных комплексах. Разнообразие грамматических структур, синтагматическая связь отдельных компонентов делают ФО более гибким, чем ЛО, обеспечивают ему больший прагматический потенциал. Это наглядно подтверждается сопоставлением ФЕ и лексемы, образованной от нее лексико-семантическим способом, например, голова кружится и головокружение. На первый взгляд, их значение практически совпадает, однако при более детальном изучении возможных контекстов различия более явно всплывают на поверхность. Так, под головокружением в прямом значении подразумевается физиологическое состояние, проявляющееся в ощущении неустойчивости, мнимом движении предметов вокруг себя (испытывать головокружение на фоне сниженного давления). В переносном значении слово употребляется достаточно редко и может означать излишне эмоциональную реакцию под воздействием какого-либо раздражителя, однако такое значение чаще развивается в том случае, когда лексема входит в состав ФЕ (например, головокружение от успехов). Иначе проявляет себя ФЕ голова кружится. Несмотря на те же зафиксированные словарями 2 значения ('испытывать головокружение в связи с состоянием здоровья' и 'терять способность здраво мыслить из-за переживаний и хлопот'), реальный прагматический потенциал выражения гораздо шире. Более того, общность образной составляющей дает основания для того, чтобы совокупно изучать также синонимичную ФЕ голова идет кругом и схожую в компонентном плане, но несколько отличающуюся семантически ФЕ кружить голову:

1) У Федора кружилась голова, он уже ничего, кроме Рыльской, не видел [2] – спутанность сознания на фоне переизбытка чувств;

2) Когда сидишь долго и потом поднимаешься – кружится голова от истощения [3, С. 362] – физиологическое состояние, вызванное внешними факторами;

3) У всего циркового состава закружилась голова от этих известий [4, С. 251] – яркие эмоции, вызванные радостной новостью;

4) И странно было то, что среди всей этой сумятицы, от которой кругом шла голова, крови и огня, спокойно шла обычная жизнь... [5, С. 174] – состояние дезориентации (в переносном смысле), вызванное окружающей обстановкой;

5) И вскоре у меня голова кругом шла: и от этого совершенно для меня непривычного и столь замечательного общества, и от этого людного низка, в полуподвальные окна которого <...> видны были всяческие ноги идущих взад и вперед по улице... [6, С. 238] – растерянность в непривычных обстоятельствах;

6) Густое золотое сияние льется из глаз Соломона, и очаровывает ее, и кружит ей голову, и сладкой, теплой дрожью струится по коже ее тела [7, С. 17] – будоражит, сводит с ума;

7) Директор театральной школы кружил Кате голову похвалами, и она не могла удержаться, рассказывала Мите об этих похвалах [8, С. 302] – сбивать с толку похвалой, в т.ч. необоснованной.

Очевидно, при едином образе, положенном в основу приведенных выше ФЕ, имеется разница в значении и коннотативных особенностях единиц. Стоит отметить, что, в зависимости от формы и строения глагольного компонента, может менять и соотношения субъекта-объекта, также обуславливающее специфику фразеологической ситуации (голова кружится сама либо кто-то сторонний кружит ее своей «жертве»).

Полемизируя с Н.Д. Арутюновой, все больше ученых говорят о том, что базисом и ЛО, и ФО становится метафорический перенос. Такое положение можно встретить в работах В.И. Зиминой, Н.В. Баско [9], Т.М. Филоненко [10], И.А. Волошкиной [11], Е.И. Рогалева [12], А. Naciscione [13] и др. Это свидетельствует об эволюции взглядов на сложность и многогранность образа как лингвистической категории. На наш взгляд, ФО и метафора имеют очень хрупкую связь: с одной стороны, метафора представляет собой механизм, превращающий исходную «картинку», прототипический словесный комплекс, в единицу вторичной номинации, приобретающую новые смыслы, а с другой, она (метафора) способна порождать сам образ. При этом механизм словесной метафоризации напрямую может зависеть от специфики самого образа.

Образность – одна из важнейших характеристик фразеологических единиц (далее – ФЕ). Будучи результатом вторичной номинации, они предполагают наполнение исходной семантической основы дополнительными смыслами, базирующимися на многочисленных экстралингвистических факторах. Так, например, ФЕ железный занавес, вошедшая в политический, а затем и повседневный дискурс после выступления У. Черчилля 5 марта 1946 и фактически ознаменовавшая начало Холодной войны (стоит отметить, что выражение существовало и раньше, но окончательно закрепилось в прессе и устной речи именно после упомянутого события). Со временем ФЕ превратилась в знак целой эпохи, что находит свое отражение и в художественной литературе: *Вот и эта мудрость, как и нападки на сентиментальность, вымудрена была д о последней войны, д о тоталитаризмов и железных занавесей* [14, С.

155]. Появление ФЕ обусловлено реальной исторической ситуацией: СССР и страны социалистического лагеря фактически закрылись для других государств, что можно сравнить с непробиваемым (прочным, *железным*) ограждением (=занавес), служащим надежным разделительным барьером. Только соотнесение с этими фактами позволяет пролить свет не только на сам ФО, но и на пути его зарождения. Отдельного комментария могут требовать и ФЕ, компоненты которых представляют собой лексику бытового характера, в т.ч. и устаревшую. Пример служит лексема *баклуши*, включенная в употребительную ФЕ *бить баклуши* (*И вы знаете, я считаю, что летний лагерь настолько полезнее для девчонки – настолько осмысленнее, как я всегда говорю, чем бить баклуши на пригородном газоне...* [15, С. 78]). *Баклуша* – деревянная заготовка для ложки или, согласно, другим версиям, чурка для игры в городки. Изготовление таких болванок считалось очень легким делом, что и могло стать основой для появления ФЕ (версия с игрой также представляется убедительной), т.е. характеристика процесса, связанного с предметом, сначала переносится на всю фразеологизируемую ситуацию, а затем повторно переосмысливается (*выполнять легкую работу / играть → бездельничать*). Это служит и репрезентацией особенностей русской ментальности: выполнение легкой работы, пусть и приносящей пользу, приравнивается к безделью.

ФЕ способны базироваться и на значимых культурных образах, в т.ч. активно репрезентируемых в фольклоре. Такова, например, ФЕ *молочные реки и кисельные берега*, употребляющаяся как в полном виде, так и в трансформированном, сокращенном (*Однако разве не исконная мечта о молочных реках, о воле без удержу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности?* [6, С. 159]). Она репрезентирует представление русского народа о мифическом раздольном месте. Образ молока символизирует сытость, столь вожделенную для многих крестьян. Такой прагматический слой становится предметом исследования ученых-лингвокультурологов, т.к. он напрямую связан с культурным кодом носителей языка и окружающими их реалиями. Под культурным кодом вслед за М.Л. Ковшовой мы понимаем «систему знаков (знаковых тел), ставших носителями культурного смысла; в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [16, С. 60]. Очевидно, что изучение культурного кода чрезвычайно важно для интерпретации как всей ФЕ, так и для изучения ФО. Такой процесс предполагает восприятие ФЕ через призму фоновых культурных знаний. Процесс декодирования фразеологического знака может протекать как на уровне автоматизма, за счет имеющихся у каждого носителя языка кодовых знаний, так и при глубинном исследовании, позволяющем обнаружить неизвестные первоначально связи. Особое внимание при этом может уделяться образу, т.к. именно он служит концентратом культурно насыщенной информации (*молочные реки* говорят о культурных доминантах, зафиксированных даже в фольклоре; пришедший из-за рубежа образ *железного занавеса* нашел отклик в сознании русского этноса и прочно закрепился в речи, став ярким репрезентантом представления об окружающей действительности).

Все вышесказанное дает основания задать важный вопрос: является ли образность категориальным свойством ФЕ? Единогласного мнения на этот счет не существует, однако наиболее верным представляется положение о том, что ряд выражений, причисляемых в фразеологии в широком ее понимании, лишены образной составляющей. Зачастую их называют *устойчивыми словосочетаниями*, встречаются такие единицы в официальной и научной речи, а также служат номинациями для тех или иных явлений (*принять меры, Млечный путь, до сих пор*). Противопоставлены таким выражениям образные ФЕ, чаще всего именуемые *идиомами*:

1) *И Митя почувствовал: какой это простой, спокойный и родной мир по сравнению с московским, уже отшедшим куда-то в тридцатое царство...* [8, С. 310];

2) *Это была другая Таня, и весь июнь, хотя и ворвалась в него чудовищная война, пребывал я «в Аркадии счастливой»* [14, С. 54];

3) – *Кто не повинуется ему, тот идет в геенну огненную* [18, С. 261];

4) *А ходишь гоголем, в отелях живешь, актрис, должно быть, взасос...* [19, С. 238] и др.

Такие выражения имеют несопоставимо больший коннотативный потенциал и зачастую характеризуются ярко выраженной эмоциональностью. Подобная градация поддерживается работами А.И. Смирницкого, Н.Н. Амосовой, А.В. Кунина и др. Д.О. Добровольский характеризует идиому как «устойчивое словосочетание различных структурно-семантических типов, чье значение является результатом полного или частичного семантического переосмысления компонентов его структуры» [цит. по: 20, С. 318]. Именно подобные ФЕ представляются наиболее интересными и перспективными для изучения с точки зрения когнитивистики и лингвокультурологии.

Нередкими являются случаи, когда ФО и ЛО фактически уравниваются в своей специфике. Внимание уделяется самому факту существования образа как наполненного смыслами знака, основанного на семантических особенностях языковой единицы, но при этом не учитываются сущностные различия ФЕ и отдельных лексем. Так, ставя своей целью изучить образность ФЕ с той или иной стороны, некоторые ученые (В. Mirchevska-Bosheva, Е. Рогалева и др.) исследуют исключительно ЛО компонентов, входящих в состав выражения. Такой подход может быть уместен для решения определенных исследовательских задач, однако не представляется верным для выявления образной сущности всей ФЕ, ведь он фактически разрушает ведущий ФО, превращая его в набор не связанных друг с другом элементов. Так, В. Mirchevska-Bosheva и G. Nikolovski в работе «*Frazeološka podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku*» («Фразеологический образ смерти в македонском и словенском языках») предлагают внимание читателей глубокое исследование ФЕ, семантически связанных со *смертью* и/или содержащих данный компонент в своем составе. Это позволяет не только изучить образ с разных сторон, но и понять его место в упомянутых лингвокультурах [21]. Однако исследование, якобы направленное на изучение целостного ФО, в конечном счете, сводится к изучению специфики ЛО в разных случаях употребления. Ошибочность такого подхода становится особенно заметной при изучении ФЕ с высокой степенью спаянности компонентов (такие выражения принято относить к фразеологическим сращениям). Такова, например, ФЕ *в бирюльки играть* (*Не подпадало дела настоящего! Ну, а в бирюльки играть был он не охотник* [8, С. 152]). Лексема *бирюльки*, вышедшая из активного словарного запаса,

не вызывает отклика в сознании современного носителя языка. Подробный анализ позволяет установить, что это наименование старинной игры, заключающейся в последовательном извлечении мелких предметов. С ней коррелирует лексема *играть*, предполагающая единственно возможное в данном контексте действие. Образы, связанные с каждым из этих компонентов, способны пролить свет на происхождение выражения, стать неким ключом к его пониманию, однако лишь изучение ФО позволяет в полной мере оценить специфику совокупного выражения (*игра* как несерьезное занятие вместе с конкретизацией вида деятельности формирует представление о бесполезном занятии, не имеющем никакой практической ценности). Подобная ситуация может складываться и в тех случаях, когда речь идет о ФЕ, взятых из Библии. Здесь мы имеем дело с особым образом, имеющим мощное религиозное основание и зачастую представляющим собой некий символ (*Ястребам простится: это их хлеб насущный* [22, С. 476]; *Кто не повинуется ему, тот идет в геенну огненную* [18, С. 261]). Разделение изучение образов, лежащих в основе каждого из компонентов подобных выражения, разрушает их целостность и уничтожает связь с первоисточником, обладающим высокой степенью культуранности. В отдельных случаях, на наш взгляд, даже попытки членения единого образа на частные оказались бы невозможными. Это касается заимствованных выражений, не подвергшихся усвоению. Таковы, например, многочисленных афористичные единицы латинского языка (*Но ее глубочайшая развращенность, способная смутить даже султана, ее необыкновенная опытность и смелость в аргументах подтверждают мою догадку, что она получила воспитание в лупанарии...* [23, С. 236]; *Я несколько преувеличил свое, так сказать, position sociale* [3, С. 63]). Иноязычное происхождение таких ФЕ чрезвычайно затрудняет анализ ЛО отдельных лексем. Однако, несмотря на все вышеизложенное, значимость компонентов как смысловых маркеров все равно нельзя, ведь первичное формирование ФЕ происходит именно благодаря семантико-коннотативным особенностям каждого из них.

Природа ФО также представляется чрезвычайно важным вопросом. Так, на наш взгляд, очень убедительной представляется точка зрения Р.Х. Хайруллиной, отмечающей сложность, двуплановость ФО. «Это связано, с одной стороны, с особенностями человеческого мышления и когнитивно-оценочной деятельности субъекта, а с другой – с особенностями языкового выражения фразеологической образности», – отмечает исследователь [24, С. 6130]. Это обуславливается двуплановостью семантики самих ФЕ. Важным аспектом становится привлечение в качестве доказательства результатов исследований нейролингвиста К.Ф. Седова, доказавшего, что при восприятии ФЕ задействуются оба полушария мозга, одно из которых отвечает за интерпретацию буквального смысла ФЕ, а другое – его образной составляющей. В результате Р.Х. Хайруллина делает вывод о том, что «под фразеологическим образом следует понимать возникший в результате переносно-образной интерпретации компонентов исходной единицы смысл, который закрепляет миропонимание носителей языка» [24, С. 6131].

Еще одной значимой проблемой можно считать недостаточную разграниченность понятий ФО и внутренней формы (далее – ВФ). ВФ – сложное явление, напрямую связанное с механизмами мышления. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «большинство исследователей выводит ВФ идиом за пределы их семантической структуры в область психических (сенсорно-перцептивных) категорий» [25, С. 274]. Однако, по мнению ученого, такой подход представляется односторонним. Исследователь отмечает, что «сущность ВФ дискурсивных идиом обуславливается вторичностью их семиозиса, предполагающей активное участие в ее возникновении всех фразеомобразующих компонентов – лексических и грамматических – в их ономазиологическом и семасиологическом взаимодействии» [25, С. 274]. Такое понимание ВФ делает невозможным ее отождествление с ФО. Однако именно это мы встречаем в некоторых работах. Так, например, у Л.Ш. Миграновой можно встретить такое положение: «Интерпретация **образного основания фразеологизма (внутренней формы)** в знаковом культурно-национальном пространстве русского языка является механизмом вскрытия культурной коннотации» [26, 30] (выделение наше – М.Г.). Как видим, исследователь поясняет одно понятие другим, подчеркивая тем самым их равнозначность. Аналогичное уподобление можно встретить и у Н.В. Баско и В.И. Зимина: «Эти [упомянутые в работе] фразеологические картины мира не являются независимыми друг от друга, они связаны **внутренней формой, точнее образом фразеологизма**, представленным в сознании современных русских людей» [27, С. 411].

По мнению Н.Ф. Алефиренко (эта точка зрения представляется нам наиболее точной), ВФ и ФО не могут считаться тождественными уже потому, что она [ВФ] «выступает лишь одним, хотя и наиболее выразительным, его [генетического образа] признаком, символизирующим собой всю многогранность дискурсивно-когнитивного образа» [25, С. 274]. Эта точка зрения опирается на положение А.А. Потебни, согласно которому ВФ представляет собой «не образ предмета, а образ образа» [цит. по: 25, С. 274]. Вслед за Н.Ф. Алефиренко, мы считаем ВФ ключевым признаком образа, его центром, но не эквивалентом. Это подтверждается и существованием ФЕ, не имеющих образной составляющей, но обладающих ВФ. Таковы, например, ФЕ, состоящие из одной словоформы, не подвергшейся значительному переосмыслению (*Я до боли хочу понять, откуда это* [22, С. 490]; *Это инструмент, эта уж до самой смерти заговорит, эта уж не выпустит, н-е-т!* [28, С. 157]), или же отдельные устойчивые конструкции нейтрального и/или официального характера (*Да, надо принять меры, чтобы между женищинами и нашими военнопленными никакого общения не было* [3, С. 82]; *Ну, так имейте в виду... если шук сотню сразу... лучше, конечно, в толченом виде – сеанс может успешно кончиться* [22, С. 509]).

Исходя из всего вышесказанного, можно заметить, что корень всех проблем кроется в отсутствии четкого понимания сути ФО. Примечательно, что сам термин активно используется учеными для формулировки темы исследования, однако нередко бесследно исчезает внутри работы. Это свидетельствует о недостаточно глубоком понимании такой важной проблемы, как сущность ФО. Сюда же можно отнести поверхностную трактовку термина. Так, под ФО нередко подразумевается буквальное понимание ФЕ, механическое копирование внешней «картинки». Такой подход чаще всего встречается в работах молодых ученых, однако просматривается и в трудах опытных специалистов как в России, так и за рубежом (например, исследованные работы Л.Б. Воробьевой, Л.И. Гишкаевой, Г. Nikolovski и др.). Многие исследователи в свою очередь стремятся сделать упор на важности особенностей лингвокультуры, национальных артефактов, формирующих тот или иной ФО. Подобный подход представляется нам

более обоснованным. Опираясь на изыскания Т.М. Филоненко [10, С. 74], мы понимаем под ФО «наглядное представление», определенную «картинку», воссоздающую конкретную ситуацию или атрибут, связанный с этой ситуацией. Важно понимать, что речь здесь идет не о точных «копиях» событий, происходящих в реальной действительности, а об их трансформированных языковым сознанием версиях, образованных под влиянием историко-культурного фона, традиций, обычаев и других значимых в лингвокультурном отношении факторов. Подобные метаморфозы существенно влияют и на фразеологическое значение, которое, по мнению многих исследователей (В.Н. Телия, И.А. Волошкина, Чой Юн Хи и др.), так или иначе, зависит от ФО. Так, И.А. Волошкина полагает, что «в основе формирования значения ФЕ лежит не целостный образ, а лишь произведенная от образа ассоциация, актуализированная на фоне значения некоторого исходного сочетания, а затем — вычерпанного из него содержания, соотносимого с номинативным замыслом говорящего, заданным в форме некоторого когнитивного состояния сознания» [11, С. 56]. При этом исследователь отмечает статический характер ФО, в отличие от динамичной ВФ, «придающей направление мысли от одного денотата, выраженного в исходном словосочетании, к другому, воплощенном в ФЕ» [11, С. 57], тогда как А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский называют ВФ «образной составляющей» ФЕ и отмечают ее значимость как элемента плана содержания [29, С. 21], указывая при этом на неоднозначность соотношения актуального ФЗ и ВФ во многих ФЕ. Основываясь на всем вышесказанном, можно заключить, что ФО и ВФ находятся в тесной связи друг с другом, однако при этом не являются взаимодополняющими (так, в ФЕ со сниженной образностью может определяться ВФ и наоборот, во фразеологических сращениях выделение ВФ может быть затруднительным). ФО и ВФ связаны с ФЗ как базовый конструкт и «путь» его трактовки с конечным результатом. При этом именно благодаря специфике ФО могут развиваться дополнительные коннотации, ФЗ может становиться более сложным и разветвленным.

Заключение

Итак, рассмотренные проблемы в учении о ФО позволяют выявить основные «горячие точки», связанные с исследованием категориальных свойств ФЕ. Аналитическое описание этих проблем позволит в перспективе интуитивно воспринимаемые категории современной фразеологии перевести в плоскость аргументированной и корректной интерпретации фразеологических структур как особой номинации лежащих у их основания образов.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90034.

Funding

The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90034.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01 : защищена 2004-04-19 : утв. 2004-09-09 / Т.М. Филоненко — Магнитогорск: 2004. — 435 с.
2. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т.; / А.И. Куприн — М.: Правда, 1964. — 7 т.
3. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т.; / Л.Н. Андреев — М.: Художественная литература, 1990. — 2 т.
4. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т.; / А.И. Куприн — М.: Правда, 1964. — 5 т.
5. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т.; / И.С. Шмелев — М.: Русская книга, 1998. — 1 т.
6. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т.; / Л.Н. Андреев — М.: Художественная литература, 1994. — 4 т.
7. Юрасов В.И. Враг народа / В.И. Юрасов — Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. — 126 с.
8. Ржевский Л.Д. Звездопад / Л.Д. Ржевский — Анн-Арбор: Эрмитаж, 1984. — 273 с.
9. Набоков В.В. Круг: Стихотворения, повесть, рассказы / В.В. Набоков — М.: Советская Россия, 1991. — 287 с.
10. Набоков В.В. Лолита / В.В. Набоков — М.: Художественная литература, 1991. — 415 с.
11. Ржевский Л.Д. Между двух звезд / Л.Д. Ржевский — Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. — 410 с.
12. Бунин И.А. Поэзия и проза / И.А. Бунин — М.: Просвещение, 1986. — 384 с.
13. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко — М.: Academia, 2002. — 394 с.
14. Андреев Л.Н. Собрание сочинений / Л.Н. Андреев — М.: Художественная литература, 1996. — 739 с.
15. Бунин И.А. Суходол. Жизнь Арсеньева. Рассказы / И.А. Бунин — Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1978. — 479 с.
16. Ковшова М.Л. Анализ фразеологических единиц и коды культуры. / М.Л. Ковшова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2008. — 67-2. — с. 60-65.
17. Чернобай С.Е. Определение идиомы в современной фразеологии. / С.Е. Чернобай // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2011. — 3-2. — с. 317-321.
18. Баранов А.Н. Принципы семантического описания фразеологии. / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. — 2009. — 6. — с. 21-34.
19. Рогалева Е.И. Способы словарной интерпретации фразеологического образа. / Е.И. Рогалева // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. — 2010. — 1-11. — с. 49-54.
20. Мигранова Л.Ш. Фразеологический образ как источник культурной коннотации (на материале повести А. Приставкина "Ночевала тучка золотая"). / Л.Ш. Мигранова // Язык и культура. — 2014. — 2 (26). — с. 30-5.

21. Волошкина И.А. Фразеологический образ как отражение характера человека (на материале французского языка). / И.А. Волошкина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2008. – 49. – с. 55-58.
22. Хайруллина Р.Х. Фразеологический образ: ментальная природа и лингвистическое выражение. / Р.Х. Хайруллина // Фундаментальные исследования. – 2015. – 2-27. – с. 6129-6132.
23. Naciscione A. Visual representation of phraseological image [Electronic source] / A. Naciscione // Researchgate. – 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303165559_Visual_representation_of_phraseological_image. (accessed: 09.11.21)
24. Арутюнова Н. Д. Образ (опыт концептуального анализа) / Н.Д. Арутюнова // Референция и проблемы текстообразования. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1988. – С. 117-130.
25. Баско Н. В. Образ фразеологизма как проблема словарной дефиниции во фразеологическом словаре / Н. В. Баско, В. И. Зимин // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции. – СПб, 2016. – С. 34-37.
26. Баско Н. В. Новое время – новые фразеологические образы / Н. В. Баско, В. И. Зимин // Пушкинские чтения-2017. художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII международной научной конференции. – СПб, 2017. – С. 407-416.
27. Mirchevska-Bosheva B. Frazeološka podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku / B. Mirchevska-Bosheva, G. Nikolovski // Jezik in slovstvo. – 2020. – №65. – P. 316-337.

Список литературы на английском / References in English

1. Filonenko T.M. Frazeologičeskij obraz v yazy'kovy'x modelyax prostranstva, vremeni i kolichestva [Phraseological image in languages models of space, time and quantity] dis....of PhD in Social and human sciences: 10.02.01 : defense of the thesis 2004-04-19 : approved 2004-09-09 / T.M. Филоненко – Magnitogorsk: 2004. – 435 p. [in Russian]
2. Kuprin A.I. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 9 vol.; / A.I. Kuprin – M.: Pravda, 1964. – 7 vol. [in Russian]
3. Andreev L.N. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 vol.; / L.N. Andreev – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1990. – 2 vol. [in Russian]
4. Kuprin A.I. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 9 vol.; / A.I. Kuprin – M.: Pravda, 1964. – 5 vol. [in Russian]
5. Shmelev I.S. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 5 vol.; / I.S. Shmelev – M.: Russkaya kniga, 1998. – 1 vol. [in Russian]
6. Andreev L.N. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 vol.; / L.N. Andreev – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1994. – 4 vol. [in Russian]
7. Yurasov V.I. Vrag naroda [Enemy of the people] / V.I. Yurasov – N'yu-York: Izd-vo imeni Chexova, 1952. – 126 p. [in Russian]
8. Rzhevskij L.D. Zvezdopad [Starfall] / L.D. Rzhevskij – Ann-Arbor: E'rmitazh, 1984. – 273 p. [in Russian]
9. Nabokov V.V. Krug: Stixotvoreniya, povest', rasskazy' [Circle: Poems, novellas, short stories] / V.V. Nabokov – M.: Sovetskaya Rossiya, 1991. – 287 p. [in Russian]
10. Nabokov V.V. Lolita [Lolita] / V.V. Nabokov – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1991. – 415 p. [in Russian]
11. Rzhevskij L.D. Mezhdv dvux zvezd [Between two stars] / L.D. Rzhevskij – N'yu-York: Izd-vo imeni Chexova, 1953. – 410 p. [in Russian]
12. Bunin I.A. Poe'ziya i proza [Poetry and prose] / I.A. Bunin – M.: Prosveshchenie, 1986. – 384 p. [in Russian]
13. Alefirenko N.F. Poe'ticheskaya e'nergiya slova. Sinergetika yazy'ka, soznaniya i kul'tury' [The poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture] / N.F. Alefirenko – M.: Academia, 2002. – 394 p. [in Russian]
14. Andreev L.N. Sobranie sochinenij [Collected works] / L.N. Andreev – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1996. – 739 p. [in Russian]
15. Bunin I.A. Suxodol. Zhizn' Arsen'eva. Rasskazy' [Sukhodol. Arsenyev's life. Stories] / I.A. Bunin – Voronezh: Centr.-Chernozemnoe kn. izd-vo, 1978. – 479 p. [in Russian]
16. Kovshova M.L. Analiz frazeologicheskix edinic i kody' kul'tury' [Analysis of phraseological units and cultural codes]. / M.L. Kovshova // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury' i yazy'ka [Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka]. – 2008. – 67-2. – p. 60-65. [in Russian]
17. Chernobaj S.E. Opredelenie idiomov' v sovremennoj frazeologii [Definition of an idiom in modern phraseology]. / S.E. Chernobaj // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernad'skogo. Filologičeskie nauki [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo. Filologičeskie nauki]. – 2011. – 3-2. – p. 317-321. [in Russian]
18. Baranov A.N. Principy' semanticheskogo opisaniya frazeologii [Principles of semantic description of phraseology]. / A.N. Baranov, D.O. Dobrovol'skij // Voprosy' yazy'koznaniya [Voprosy yazykoznaniya]. – 2009. – 6. – p. 21-34. [in Russian]
19. Rogaleva E.I. Sposoby' slovarnoj interpretacii frazeologičeskogo obraza [Ways of dictionary interpretation of phraseological image]. / E.I. Rogaleva // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazy'koznanie [Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie]. – 2010. – 1-11. – p. 49-54. [in Russian]
20. Migranova L.Sh. Frazеологический образ как источник кул'турной коннотации (на материале повести А. Приставкина "Nochevala tuchka zolotaya") [Phraseological image as a source of cultural connotation (based on the material of A. Pristavkin's story "The Golden Cloud spent the Night")]. / L.Sh. Migranova // Yazy'k i kul'tura [Yazyk i kul'tura]. – 2014. – 2 (26). – p. 30-5. [in Russian]
21. Voloshkina I.A. Frazеологический образ как отражение характера человека (на материале французского языка) [Phraseological image as a reflection of a person's character (based on the material of the French language)]. / I.A. Voloshkina // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta]. – 2008. – 49. – p. 55-58. [in Russian]

22. Xajrullina R.X. Frazеologicheskij obraz: mental'naya priroda i lingvisticheskoe vy'razhenie [Phraseological image: mental nature and linguistic expression]. / R.X. Xajrullina // Fundamental'ny'e issledovaniya [Fundamental'nye issledovaniya]. – 2015. – 2-27. – p. 6129-6132. [in Russian]
23. Naciscione A. Visual representation of phraseological image [Electronic source] / A. Naciscione // Researchgate. – 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303165559_Visual_representation_of_phraseological_image. (accessed: 09.11.21)
24. Arutyunova N. D. Obraz (opyt konceptual'nogo analiza) [Image (conceptual analysis experience)] / N.D. Arutyunova // Referenciya i problemy tekstoobrazovaniya. Sbornik nauchnyh trudov / Edited by N.D. Arutyunova. – M.: Nauka, 1988. – P. 117-130. [in Russian]
25. Basko N. V. Obraz frazeologizma kak problema slovarnoj definicii vo frazeologicheskom slovare [The image of phraseology as a problem of dictionary definition in a phraseological dictionary] / N. V. Basko, V. I. Zimin // Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ih resheniya. Materialy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – SPb, 2016. – P. 34-37. [in Russian]
26. Basko N. V. Novoe vremya – novye frazeologicheskie obrazy [New time – new phraseological images] / N. V. Basko, V. I. Zimin // Pushkinskie chteniya-2017. hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy XXII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – SPb, 2017. – P. 407-416. [in Russian]
27. Mirchevska-Bosheva B. Frazеološka podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku [Frazеological image of death in Macedonian and Slovenian languages] / B. Mirchevska-Bosheva, G. Nikolovski // Jezik in slovstvo. – 2020. – №65. – P. 316-337. [in Slovenian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.44>**СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРРАТИВНОГО И АРГУМЕНТАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА ПРИ АФАЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Научная статья

Максимова Е.Н.^{1*}, Кутяева О.М.²^{1,2} Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

* Корреспондирующий автор (e.n.maximova[at]aoe.su)

Аннотация

Статья посвящена исследованию нарративного и аргументативного типов дискурса в речи англоязычных людей, страдающих афазией. Цель работы – выявить особенности нарративного и аргументативного типов дискурса афазийной речи для более глубокого понимания природы речевых нарушений у людей с афазией. Анализ нарративного дискурса афазийной речи показал, что нарративный дискурс у людей с афазией и дискурс людей без речевых нарушений имеют схожую жанровую модель. Результаты исследования аргументативного дискурса речи людей с афазией выявили различия в жанровой модели по сравнению с дискурсом людей без речевых нарушений. Так, в аргументативном дискурсе афазийная речь не обладает характерными чертами жанровой модели аргументативного дискурса, а скорее, построена по жанровой модели нарративного дискурса. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что внутренние процессы построения аргументативного дискурса у людей с афазией нарушены, в то время как жанровая модель нарративного дискурса соответствует ожидаемой типовой модели.

Ключевые слова: жанровая модель, нарративный дискурс, аргументативный дискурс, афазия, английский язык.

A SYSTEM-FUNCTIONAL ANALYSIS OF NARRATIVE AND ARGUMENTATIVE TYPES OF DISCOURSE IN THE CONTEXT OF APHASIA (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIALS)

Research article

Maximova E.N.^{1*}, Kutyaeva O.M.²^{1,2} Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russia

* Corresponding author (e.n.maximova[at]aoe.su)

Abstract

The article explores the narrative and argumentative types of discourse in the speech of English-speaking people suffering from aphasia. The aim of the study is to identify the features of the narrative and argumentative types of the aphasic speech discourse for a deeper understanding of the nature of speech disorders in people with aphasia. The analysis of the narrative discourse of aphasic speech demonstrates that the narrative discourse of people with aphasia and the discourse of people without speech disorders have a similar genre model. The results of the study of the argumentative discourse of speech of people with aphasia identify differences in the genre model compared with the discourse of people without speech disorders. For example, in argumentative discourse, aphasic speech does not have the characteristic features of the genre model of argumentative discourse but rather is built on the genre model of narrative discourse. The conducted research allows the authors to conclude that the internal processes of constructing argumentative discourse in people with aphasia are disrupted, while the genre model of narrative discourse corresponds to the expected typical model.

Keywords: genre model, narrative discourse, argumentative discourse, aphasia, English.

Введение

В данном исследовании нарративный и аргументативный типы дискурса при афазии ассоциируются с особенностями жанровой организации общения. Это объясняется тем, что исследование любого типа дискурса связано с пониманием его коммуникативной цели, с особенностями организации дискурса, с условиями ситуации, в рамках которой реализуется дискурс, и особенностями использования языковых средств. Перечисленные компоненты дискурса выступают критериями определения жанровых особенностей дискурса, где жанр отражает типичную практику построения текстов, характеризующихся общностью тематического содержания, стилевых черт и «стандартной» композиционной структурой. При этом реализация коммуникативной цели в рамках жанровой структуры дискурса имеет прочные социально-культурные основания. На такое понимание жанровой обусловленности общения указывают работы М. Бахтина, М. Хэллидея, Дж. Мартина, К. Хайленда, Дж. Свейлса [3], [4], [5], [7] и др.

Исходя из положения о типовой или «стандартной» структуре жанра, исследование особенностей дискурса при разных типах нарушения речи предполагает выявление неких «нестандартных», или нетипичных, речевых действий в сравнении с принятой жанровой практикой, что, в свою очередь, может указывать и на особенности ментальных процессов.

В данной статье представлен анализ аргументативного и нарративного типов дискурса при афазии в сравнении с ожидаемой моделью жанра, а также в сравнении с дискурсом людей без нарушения речи. Анализ проводится с опорой на жанровую модель, в которой контекстуальные измерения жанра связаны с семантической и грамматической организацией самого языка [3]. Такой подход представлен системно-функциональной лингвистикой М. Хэллидея, где жанр определяется как способ использования языка для достижения определенной культурно обоснованной цели, а дискурс рассматривается как в языковом, так и социальном контексте. В рамках данного подхода применим транзитивный анализ простого предложения, который даёт возможность выявить мыслительное (семантическое)

содержание языка в модели определенного жанра. Последнее определяет актуальность применения методов системно-функциональной лингвистики для выявления особенностей жанровых моделей дискурса при афазии.

Методы и принципы исследования

Методы и принципы исследования отражают исследовательские подходы теории дискурса, представленные как отечественными, так и зарубежными школами. В основе определения жанрового характера дискурса лежат положения М. Бахтина, М. Хэллидея, Дж. Мартина, К. Хайленда, Дж. Свейлса [3], [4], [5], [7] и др. Определение ожидаемой жанровой модели исследуемых дискурсов основывается на научных трудах Л. Герот и П. Вигнелл, Д. Шифрин, Р. Хасан, В. Шмид, У. Лабова, М. М. Бахтина, М. Б. Бергельсон об особенностях нарративного дискурса [1], [6], [8], [11] и трудах Дж. Гринберг, Ши-сю, Т. А. ван Дейка, С. Сомасундаран и др. об аргументативном дискурсе [2], [12], [13], [16].

Ключевым инструментом анализа особенностей нарративного и аргументативного типов дискурса при афазии является системно-функциональный анализ, являющийся основной транзитивной системы системно-функциональной лингвистики. Модель грамматики в системно-функциональной лингвистике представляет собой сложную систему взаимозависимых компонентов. В ней язык тесно связан с контекстом. В этой структуре связь между грамматическими системами и функциями языка осуществляется через три метафункции (понятийная, межличностная, текстуальная) [14]. Грамматические системы, в свою очередь, связаны с тремя категориями (область, направленность, способ), которые рассматриваются в терминах организации контекста ситуации. К тому же язык стратифицируется на уровни выражения (фонетика и фонология), содержания (лексика, грамматика, семантика) и контекста [5].

Обсуждение

Системно-функциональная лингвистика предлагает транзитивную систему, которая используется для представления мыслительного (семантического) содержания языка. Основой анализа данной системы является простое предложение [4]. Такое предложение состоит из двух основных элементов: процесса и участника, вовлеченного в данный процесс. Процессы позволяют участникам выражать действия, мысли, события, утверждения и состояния. М. Хэллидей разделял процессы на следующие типы: материальные, поведенческие, вербальные, ментальные и аналогии отношений. Процессы реализуются с помощью глагола или глагольной фразы в составе простого предложения. К материальным процессам относятся глаголы «делания» и «пересказа события», к процессам аналогии отношений – глаголы «обладания» и «бытия», к ментальным процессам – глаголы «чувствования», «размышления», к вербальным процессам – глаголы «говорения», «сигнализирования», к поведенческим – глаголы «поведения», «делания и пересказа событий» [5].

Для применения данной системы в построении жанровых моделей нарративного и аргументативного дискурсов необходимо учесть функционально-прагматические и языковые особенности данных типов дискурса.

Эти типы дискурсов противопоставлены друг другу: имеют разные коммуникативные цели, разные особенности организации и разную языковую реализацию. Так, нарративный дискурс представляет собой последовательное изложение прошедших событий и обладает такими отличительными чертами как информационная или развлекательная коммуникативные функции, определенная темпоральная структура, грамматические особенности, представленные сложными синтаксическими конструкциями, глагольными формами прошедшего и настоящего времени, наличием инструментальных наречий и наречий образа действия, некоторыми видами обстоятельств, а также лексические средства, отражающие ситуативность, детальность, процессуальность, хронологию и оценочность повествуемых событий [8], [17].

Термин «аргументативный дискурс» не является однозначным. Отечественные лингвисты к аргументативному дискурсу чаще относят убеждающий дискурс, в котором говорящий, используя различные стратегии, языковые средства и следуя определенной структуре, пытается воздействовать на адресата в целях влияния на сознание участников коммуникации [19], [20], [21], [22] и др. В свою очередь зарубежные авторы, говоря об аргументативном дискурсе, подразумевают два типа дискурса: дискурс мнения и дискурс убеждения, которые имеют свою определенную структуру и используют различные языковые средства. При этом в дискурсе мнения цель говорящего – дать субъективную оценку событиям или опыту, а целью дискурса убеждения является навязывание собеседнику своей точки зрения. В данном исследовании в основе жанровой модели аргументативного дискурса рассматриваются особенности дискурса мнения [2], [12], [13], [16]. Подытоживая, дискурс мнения как разновидность аргументативного дискурса – это дискурс, в котором говорящий высказывает личные субъективные оценочные суждения о прошедших событиях или опыте. Отличительными особенностями такого дискурса выступают субъективность, индивидуальность и оценочный характер.

Таким образом, исходя из особенностей нарративного и аргументативного типов дискурса, можно предложить следующие жанровые модели для этих жанров с позиции системно-функциональной лингвистики. Жанровая модель нарративного дискурса включает материальные процессы и процессы аналогии отношений, что соответствует хронологическому последовательному представлению событий с целью информирования или развлечения. В жанровой модели аргументативного дискурса можно предположить преобладание материальных и ментальных процессов, что делает акцент на субъективной оценочности высказывания, а не на событийности повествования.

Материалом для выверки выделенных моделей послужил банк афазии, собранный Г. Олнесс [9]. В соответствии с целью исследования были выбраны две англоязычные группы: говорящие с афазией и контрольная группа.

В нарративном дискурсе обе группы попросили рассказать о пугающем опыте из их жизни (frightening experience). Рассказ представлял собой повествование в виде монолога. В аргументативном дискурсе обе группы попросили

высказать мнение на вопрос: «Какой урок можно извлечь из Вашего пугающего опыта?» Ответ на вопрос был также дан в виде монологического высказывания.

Основные результаты

Системно-функциональный анализ исследуемой группы показал, что всего в нарративном дискурсе участники использовали 409 процессов, 207 (51%) из которых были материальными, 101 (25%) – аналогии отношений, 43 (11%) – ментальными, 38 (9%) – вербальными и 20 (5%) – поведенческими (Рисунок 1). Такое распределение процессов наблюдалось у большинства участников исследуемой группы. В целом в речи испытуемых преобладали материальные процессы и процессы аналогии отношений. Однако распределение остальных процессов (ментальных, вербальных и поведенческих) нельзя назвать одинаковым среди всех испытуемых. Среди этих процессов у некоторых испытуемых преобладали ментальные, у некоторых – вербальные. У нескольких исследуемых участников ментальные, вербальные и поведенческие процессы распределились равномерно. Стоит отметить, однако, что поведенческие процессы оказались наименее встречающимися в речи всех испытуемых исследуемой группы.

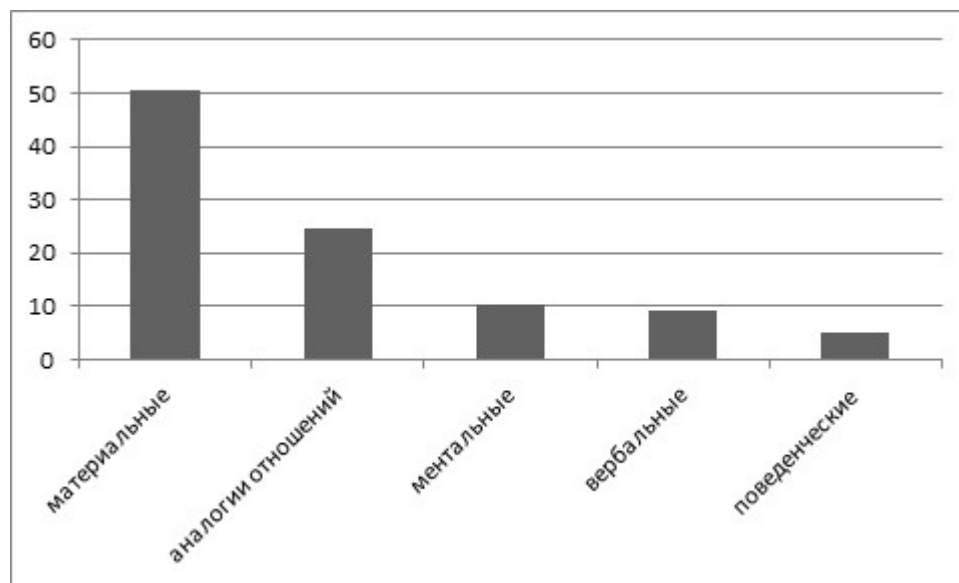

Рис. 1 – Модель распределения процессов в нарративном жанре в исследуемой группе

Анализ контрольной группы показал, что всего в нарративном дискурсе участники использовали 622 процесса, 274 (44%) из которых были материальными, 155 (25%) – аналогии отношений, 57 (9%) – ментальными, 96 (15%) – вербальными и 40 (6%) – поведенческими (Рисунок 2). Такое распределение процессов наблюдалось у большинства участников контрольной группы. Ментальные процессы и процессы аналогии отношений преобладали у всех за исключением одного испытуемого. Распределение ментальных, вербальных и поведенческих процессов оказалось менее однородным. Так, у пятерых испытуемых наблюдалось преобладание вербальных процессов над ментальными и поведенческими. У двоих испытуемых преобладали ментальные процессы над вербальными и поведенческими. У одного испытуемого доминировало использование поведенческих процессов над ментальными и вербальными. Двое испытуемых показали равное распределение между ментальными и поведенческими процессами.

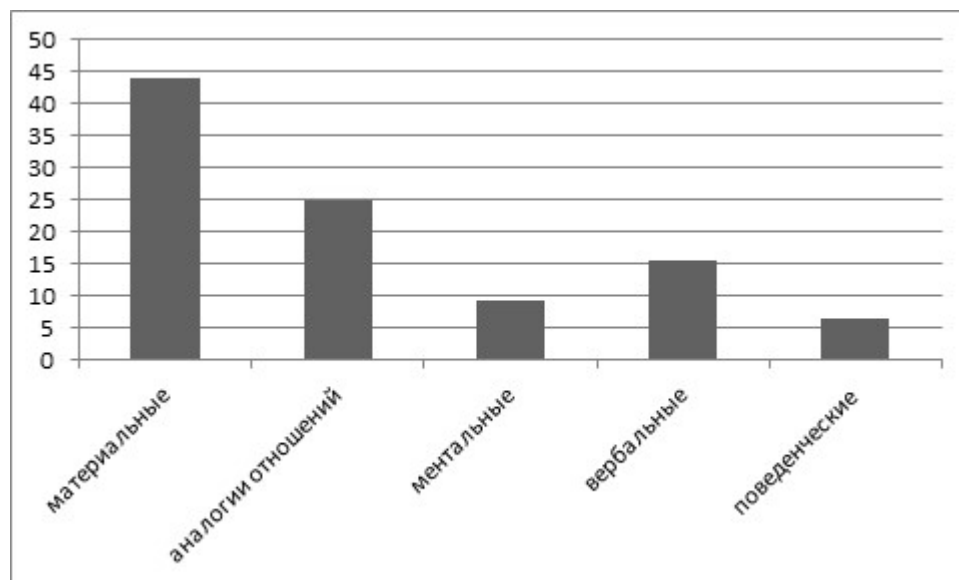

Рис. 2 – Модель распределения процессов в нарративном жанре в контрольной группе

Сравнительный анализ результатов распределения процессов в исследуемой и контрольной группах показал, что в обеих группах наиболее частотными процессами являются материальные и аналогии отношений, наименее употребимыми – ментальные, вербальные и поведенческие процессы (Рисунок 3). Такую модель распределения процессов можно назвать типичной для англоязычного нарративного дискурса, отражающей его особенности. Действительно, нарративный жанр характеризуется рассказом о событиях прошлого, в котором говорящий поэтапно рассказывает о действиях участников события, что объясняет преобладание материальных процессов. Особенностью англоязычного нарративного жанра является использование вспомогательного глагола «быть» (“be”) в прошедшем длительном времени, которое характерно для англоязычного нарративного жанра. Эта характерная черта объясняет большое количество процессов аналогии отношений. Наименее частотные ментальные, вербальные и поведенческие процессы в обеих группах можно объяснить тем, что нарративный жанр имеет не только повествовательный, но и описательный характер (что объясняет использование вербальных и поведенческих процессов), а также включает оценочные суждения говорящего (что объясняет использование ментальных процессов).

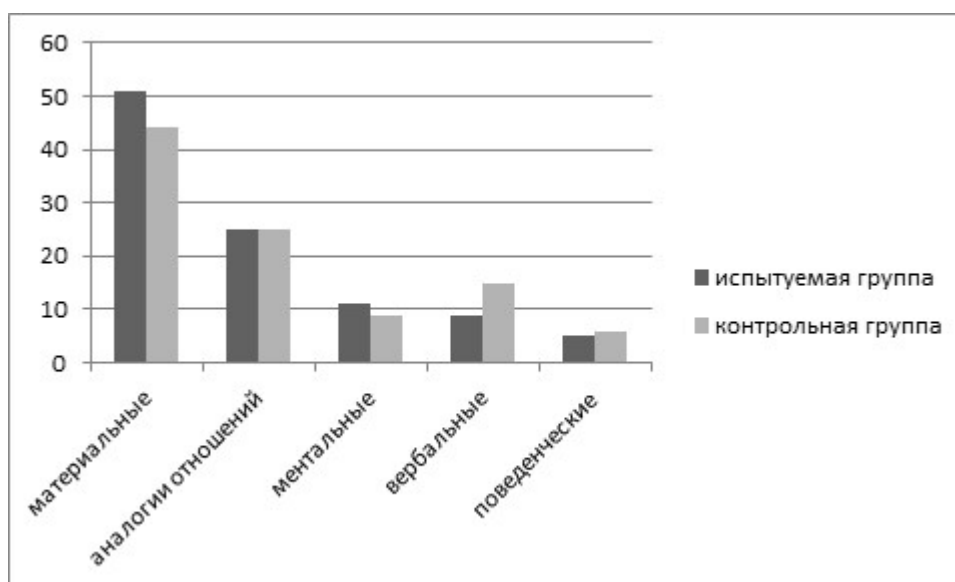

Рис. 3 – Сравнительная модель распределения процессов в нарративном жанре в исследуемой и контрольной группах

Несмотря на схожую общую модель распределения процессов в испытуемой и контрольной группах, стоит отметить, что в контрольной группе наблюдается преобладание вербальных процессов над ментальными и поведенческими внутри группы. К тому же, вербальные процессы используются чаще в контрольной группе, чем в испытуемой.

В аргументативном дискурсе анализ исследуемой группы показал, что всего участники использовали 168 процессов, 63 (38%) из которых были материальными, 48 (29%) – аналогии отношений, 27 (16%) – ментальными, 9 (5%) – вербальными и 21 (13%) – поведенческими (Рисунок 4). Такое распределение процессов наблюдалось у всех участников исследуемой группы. В своей речи чаще всего участники исследуемой группы использовали материальные процессы и процессы аналогии отношений, менее частотными оказались ментальные и поведенческие процессы. Реже всего в аргументативном дискурсе в речи испытуемых использовались вербальные процессы.

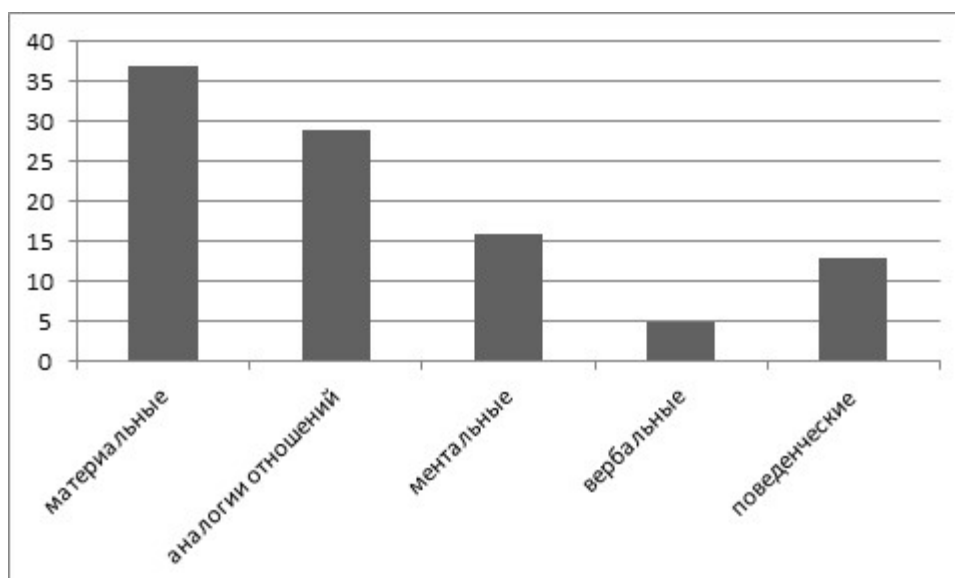

Рис. 4 – Модель распределения процессов в аргументативном жанре в исследуемой группе

Анализ аргументативного дискурса контрольной группы показал, что всего участники использовали 240 процессов, 69 (29%) из которых были материальными, 66 (27%) – аналогии отношений, 63 (26%) – ментальными, 24 (10%) – вербальными и 18 (8%) – поведенческими (Рисунок 5). Такое распределение процессов наблюдалось у подавляющего большинства участников исследуемой группы. В контрольной группе преобладание материальных, ментальных и процессов аналогии отношений практически равномерно, в то время как вербальные и поведенческие процессы встречаются наименее частотно в речи участников контрольной группы в аргументативном дискурсе.

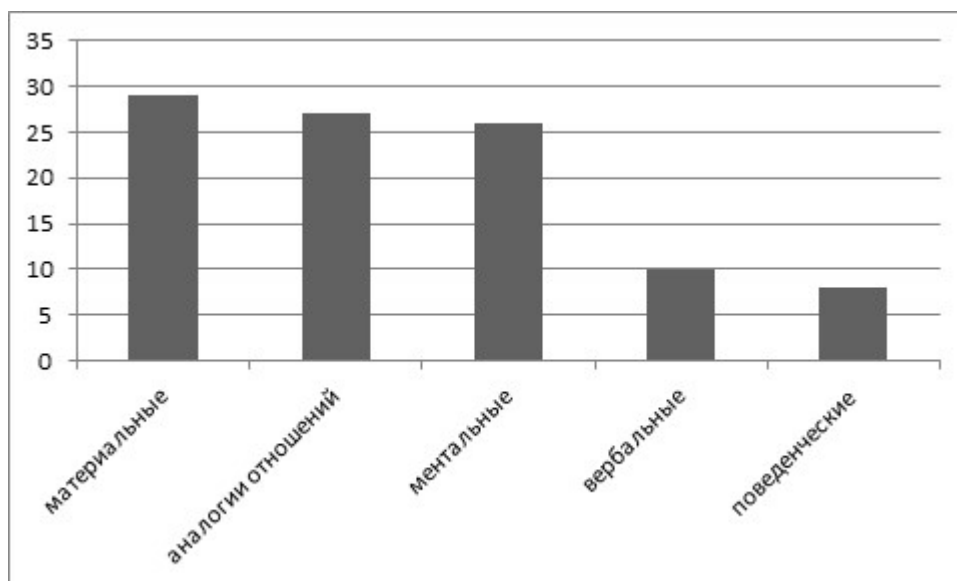

Рис. 5 – Модель распределения процессов в аргументативном жанре в контрольной группе

Сравнительный анализ распределения процессов в аргументативном дискурсе показал различия между испытуемой группой и контрольной группой в моделях использования процессов в аргументативном жанре (Рисунок 6). Так, в исследуемой группе модель распределения процессов в аргументативном дискурсе схожа с моделью в нарративном дискурсе. В обоих случаях прослеживается явное преобладание материальных процессов и процессов аналогии отношений, в то время как ментальные, вербальные и поведенческие процессы используются менее часто. Однако в контрольной группе модели распределения процессов в нарративном и аргументативном типах дискурса различаются. В частности, в нарративном дискурсе прослеживается явное преобладание материальных процессов и процессов аналогии отношений, в то время как в аргументативном дискурсе материальные, ментальные и процессы аналогии отношений распределены равномерно.

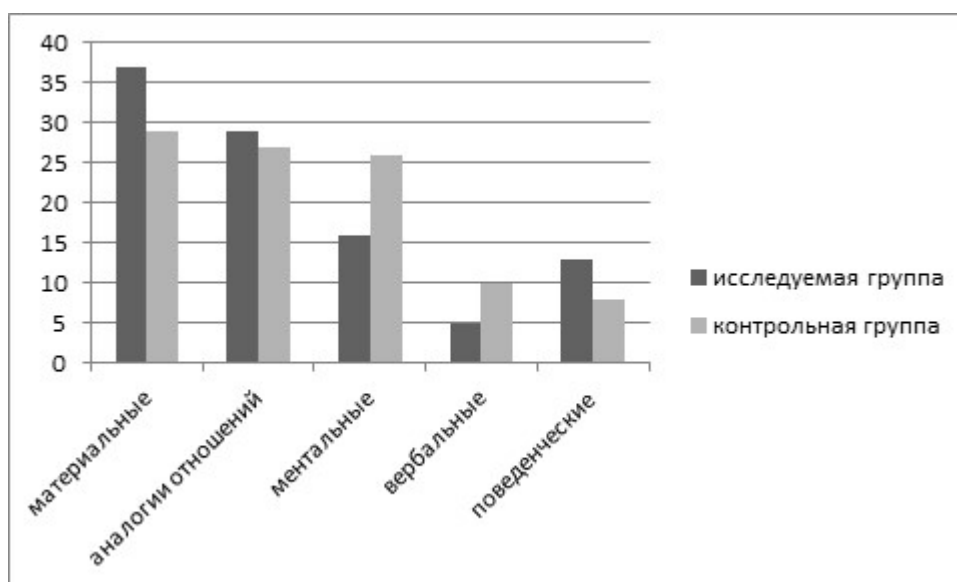

Рис. 6 – Сравнительная модель распределения процессов в аргументативном жанре в исследуемой и контрольной группах

Полученные результаты распределения процессов в аргументативном жанре в сравнительном аспекте показывают, что контрольная группа демонстрирует ожидаемую модель для аргументативного дискурса. Действительно, для данного типа дискурса характерно, что говорящий высказывает свою точку зрения, подкрепляя ее аргументами. Это объясняет равномерное распределение материальных и ментальных процессов в контрольной группе. В англоязычном дискурсе вспомогательный глагол «быть» (“be”) также характерен для обоих типов дискурса.

В то же время, результаты распределения процессов в аргументативном жанре в исследуемой группе не типичны для специфики данного дискурса, а скорее характерны для нарративного типа.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что дискурс людей с афазией имеет отличительные черты. С позиции системно-функциональной грамматики нарративный и аргументативный типы дискурса людей с афазией не имеют отличий, однако для типичных жанровых моделей характерны отличительные черты. Полученные результаты свидетельствуют о том, что на макроуровне внутренние процессы производства аргументативного дискурса людей с афазией повреждены.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества Проблема речевых жанров : в 5 т.; / М.М. Бахтин – М.: Русские словари, 1996. – 5 т.
2. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday, C.M.I.M. Matthiessen – L. – N. Y. – Sydney – Auckland: Edward Arnold, 2004. – 427 p.
3. Halliday M.A.K. An introduction to functional grammar / M.A.K. Halliday – London: Arnold, 1994. – 689 p.
4. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings / J. Swales – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 288 p.
5. Schiffrin D. In Other Words: Variation in reference and narrative / D. Schiffrin – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 390 p.
6. Thompson G. Introducing functional grammar / G. Thompson – London: Hodder Arnold, 2004. – 347 p.
7. Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular / W. Labov – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 384 p.
8. Gerot L. Making Sense of Functional Grammar / L. Gerot, P. Wignell – Queensland: Antipodean Educational Enterprises, 1994. – 264 p.
9. Martin J.R. Working with discourse: Meaning beyond the clause / J.R. Martin, D. Rose – London: Continuum, 2003. – 293 p.
10. Шмид В. Нарратология / В. Шмид – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
11. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы / М.Б. Бергельсон – М.: Университетская книга, 2007. – 320 с.
12. MacWhinney B. AphasiaBank: Methods for studying discourse. / B. MacWhinney, D. Fromm, M. Forbes // Aphasiology. – 2011. – 25. – p. 1286-1307.
13. Halliday M.A.K. Dimensions of discourse and grammar. / M.A.K. Halliday // Handbook of Discourse Analysis. – 1985. – 2. – p. 29-56.
14. Somasundaran S. Discourse level opinion interpretation. / S. Somasundaran, L. Wiebe, J. Ruppenhofer // 22nd International conference on computational linguistics. – 2008. – 3. – p. 801-808.
15. Hyland K. Language, context, and literacy. / K. Hyland // Annual Review of Applied Linguistics. – 2002. – 20. – p. 113-135.
16. Shi -xu Opinion Discourse: Investigating the paradoxical nature of the text and talk of opinions. / -xu Shi // Research on language and social interaction. – 2000. – 33 (2). – p. 263-289.
17. Greenberg J. Opinion discourse and Canadian newspapers: The case of the Chinese 'Boat people'. / J. Greenberg // Canadian Journal of Communication. – 2000. – 25. – p. 517-537.
18. Van Dijk T.A. Opinions and attitudes in discourse comprehension. / T.A. Van Dijk // Language and comprehension. – 1985. – 1. – p. 35-51.
19. Hasan R. The structure of a text. / R. Hasan // Language, context, and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective. – 1985. – 1. – p. 55-69.
20. Воеводская Т.Б. Основные интенции метакоммуникативных высказываний в аргументативном дискурсе. / Т.Б. Воеводская, Е.Г. Арюхина // International journal of experimental education. – 2012. – 6. – с. 123 – 124.
21. Емельянова О.П. Понятие и специфика аргументативного дискурса. / О.П. Емельянова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – 2(81). – с. 386 - 388.
22. Пригарина Н.К. Риторические характеристики аргументативных моделей некоторых видов дискурса. / Н.К. Пригарина // Электронный научно-познавательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2015. – 1(35). – с. 116 – 121.
23. Головчун А.А. Роль аргументативного дискурса в формировании межкультурной коммуникативной компетенции. / А.А. Головчун, А.С. Муктарова, Ф.Т. Саметова // Вестник АПН Казахстана. – 2020. – 2. – с. 145 – 150.
24. Мальковская Н.А. Структура аргументативного дискурса. / Н.А. Мальковская, Т.Б. Стариннова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – 4. – с. 19-29.
25. Куликова О.В. Структура дискурса и проблемы инференции (на примере аргументативного дискурса). / О.В. Куликова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – 521. – с. 8 – 28.

Список литературы на английском / References in English

1. Bakhtin M.M. E'stetika slovesnogo tvorchestva [Esthetics of Speech Art] The Problem of Speech Genres: in 5 vol.; / M.M. Bakhtin – M.: Russkie slovani, 1996. – 5 vol. [in Russian]

2. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday, C.M.I.M. Matthiessen – L. – N. Y. – Sydney – Auckland: Edward Arnold, 2004. – 427 p.
3. Halliday M.A.K. An introduction to functional grammar / M.A.K. Halliday – London: Arnold, 1994. – 689 p.
4. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings / J. Swales – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 288 p.
5. Schiffrin D. In Other Words: Variation in reference and narrative / D. Schiffrin – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 390 p.
6. Thompson G. Introducing functional grammar / G. Thompson – London: Hodder Arnold, 2004. – 347 p.
7. Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular / W. Labov – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 384 p.
8. Gerot L. Making Sense of Functional Grammar / L. Gerot, P. Wignell – Queensland: Antipodean Educational Enterprises, 1994. – 264 p.
9. Martin J.R. Working with discourse: Meaning beyond the clause / J.R. Martin, D. Rose – London: Continuum, 2003. – 293 p.
10. Shmid B. Narratologiya [Narratology] / B. Shmid – M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2003. – 312 p. [in Russian]
11. Bergel'son M.B. Pragmaticheskaya i sociokul'turnaya motivirovannost' yazy'kovoj formy' [Pragmatic and sociocultural motivation of a language form] / M.B. Bergel'son – M.: Universitetskaya kniga, 2007. – 320 p. [in Russian]
12. MacWhinney B. AphasiaBank: Methods for studying discourse. / B. MacWhinney, D. Fromm, M. Forbes // Aphasiology. – 2011. – 25. – p. 1286-1307.
13. Halliday M.A.K. Dimensions of discourse and grammar. / M.A.K. Halliday // Handbook of Discourse Analysis . – 1985. – 2. – p. 29-56.
14. Somasundaran S. Discourse level opinion interpretation. / S. Somasundaran, L. Wiebe, J. Ruppenhofer // 22nd International conference on computational linguistics . – 2008. – 3. – p. 801-808.
15. Hyland K. Language, context, and literacy. / K. Hyland // Annual Review of Applied Linguistics. – 2002. – 20. – p. 113-135.
16. Shi -xu Opinion Discourse: Investigating the paradoxical nature of the text and talk of opinions. / -xu Shi // Research on language and social interaction. – 2000. – 33 (2). – p. 263-289.
17. Greenberg J. Opinion discourse and Canadian newspapers: The case of the Chinese 'Boat people'. / J. Greenberg // Canadian Journal of Communication. – 2000. – 25. – p. 517-537.
18. Van Dijk T.A. Opinions and attitudes in discourse comprehension. / T.A. Van Dijk // Language and comprehension. – 1985. – 1. – p. 35-51.
19. Hasan R. The structure of a text. / R. Hasan // Language, context, and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective. – 1985. – 1. – p. 55-69.
20. Voevodskaya T.B. Osnovny'e intencii metakommunikativny'x vy'skazy'vanij v argumentativnom diskurse [Main intentions of metacommunicative expressions in argumentative discourse]. / T.B. Voevodskaya, E.G. Aryuxina // International journal of experimental education [International journal of experimental education]. – 2012. – 6. – p. 123 – 124. [in Russian]
21. Emel'yanova O.P. Ponyatie i specifika argumentativnogo diskursa [The concept and features of argumentative discourse]. / O.P. Emel'yanova // Mir nauki, kul'tury', obrazovaniya [The world of science, culture, education]. – 2020. – 2(81). – p. 386 - 388. [in Russian]
22. Prigarina N.K. Ritoricheskie xarakteristiki argumentativny'x modelej nekotory'x vidov diskursa [Rhetoric features of argumentative models of some types of discourse]. / N.K. Prigarina // E'lektronny'j nauchno-poznavatel'ny'j zhurnal VGSPU «Grani poznaniya» [Electronic popular science journal VGSPU "Facets of knowledge"]. – 2015. – 1(35). – p. 116 – 121. [in Russian]
23. Golovchun A.A. Rol' argumentativnogo diskursa v formirovanii mezhekul'turnoj kommunikativnoj kompetencii [The role of argumentative discourse in forming intercultural communicative competency]. / A.A. Golovchun, A.S. Muktarova, F.T. Sametova // Vestnik APN Kazaxstana [Bulletin of APN Kazakhstan]. – 2020. – 2. – p. 145 – 150. [in Russian]
24. Mal'kovskaya N.A. Struktura argumentativnogo diskursa [Structure of argumentative discourse]. / N.A. Mal'kovskaya, T.B. Starinnova // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatisheva [Bulletin of Volzhsky University named after V. N. Tatischev]. – 2010. – 4. – p. 19-29. [in Russian]
25. Kulikova O.V. Struktura diskursa i problemy' inferencii (na primere argumentativnogo diskursa) [Structure of discourse and problems of inference (in argumentative discourse)]. / O.V. Kulikova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. – 2007. – 521. – p. 8 – 28. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.29>**РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС: МЕМОРИАЛЬНО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЯЯ УФА»)**

Научная статья

Полякова Е.В. *

ORCID: 0000-0001-6606-6342,

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (fotodarr[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье описываются семантические и стилистические особенности регионального медиадискурса, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Мемориально-краеведческая функция отмечается как одна из основных функций любого регионального издания, являющаяся специфической, присущей только региональному медиадискурсу. Данная функция тесно связана с социальной оценкой и осуществляется посредством информирования читателя и воздействия на аудиторию. Подчеркивается, что реализация мемориально-краеведческой функции в публицистическом тексте происходит через три основных принципа: принцип непосредственной коммуникации с аудиторией, принцип градоцентризма и региоцентризма, принцип краеведческого фокусирования.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, мемориально-краеведческая функция, социальная оценка, функция медиатекста.

REGIONAL MEDIA DISCOURSE: COMMEMORATIVE AND LOCAL HISTORY FUNCTION (BASED ON THE NEWSPAPER "VECHERNYAYA UFA")

Research article

Poliakova E.V. *

ORCID: 0000-0001-6606-6342,

Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (fotodarr[at]mail.ru)

Abstract

The article describes the semantic and stylistic features of the regional media discourse, which are subjected to both linguistic and extralinguistic factors. The commemorative and local history function is noted as one of the main functions of any regional publication, which is specific and inherent only in the regional media discourse. This function is closely related to social assessment and is carried out by informing the reader and influencing the audience. It is emphasized that the implementation of the commemorative and local history function in the journalistic text occurs through three main principles: the principle of direct communication with the audience, the principle of urban centrism and region centrism, the principle of focusing on local history.

Keywords: media discourse, media text, commemorative and local history function, social assessment, media text function.

Введение

Семантические и стилистические особенности регионального медиадискурса обусловлены не только лингвистическими факторами, но и совокупностью факторов экстралингвистических. В данной статье предпринимается попытка поднять актуальную, на наш взгляд, тему функциональности медиадискурса в общем и специфической функциональности регионального медиадискурса в частности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более пристального изучения аспектов, влияющих на характер медиа-источников, издающихся в конкретном регионе, таких как история региона, его территориальное местоположение, этнические особенности. В этой связи как одна из основных функций регионального издания выделяется мемориально-краеведческая функция, которая в Башкортостане успешно выполняется газетой «Вечерняя Уфа», сайт которой является источником анализируемого материала в данной статье. Анализ материала проводился с использованием социолингвистического анализа массива журналистских текстов и соответствующих рубрикаций, размещенных на сайте.

Мемориальная функция является одной из базовых функций любой газеты, что связано с местом газеты в системе социальных коммуникаций, поскольку газета – это «внешняя память человека и человечества в целом» [10, С. 92].

Основные результаты

Выделим три коммуникативных принципа, посредством которых осуществляется мемориально-краеведческая функция в региональной газете. Это 1) непосредственная коммуникация с аудиторией; 2) градо- или региоцентризм [6, С. 21]; 3) краеведческое фокусирование. Данные принципы всесторонне отражают специфику региональной газеты, характеризуя особенности ее адресата, коммуникации «газета-читатель», содержательную сторону газетного медиатекста, способы и приемы передачи информации. Рассмотрим далее данные принципы.

Принцип коммуникации с читателем. В типологии средств массовой информации место региональной газеты определяется по диалогичности, характерной для любого газетного текста [9]. В городской газете «Вечерняя Уфа» предлагает в разделе «Спецрубрика» рубрику «Читатель – газета – читатель», в которой публикуются новости и

заметки, присланные в редакцию читателями, ответы редакции на вопросы аудитории, устраиваются через диалог с читателем, выступая в роли не только собеседника, но и помощника. Так, например, в газете существует рубрика «Компас потребителя», которая информирует читателя об открытии новых торговых комплексов, проведении сезонных ярмарок, даются практические советы. Существуют также тематические рубрики по интересам для разных категорий читателей, например, «Мамин класс» и «Мужской клуб».

Принцип градоцентризма. В данной статье мы не будем уделять внимания принципу региоцентризма, поскольку рассматриваемая нами газета «Вечерняя Уфа» сконцентрирована именно на освещении жизни города Уфы. Известно, что содержательно-концептуальная, содержательно-фактуальная и содержательно-подтекстовая информация о городе играет ключевую роль в рассматриваемом издании, а город является его гипертемой и гипертекстовой темой. Гипертема эксплицируется в тематической связности посредством базовых и дополнительных номинаций, где к базовым следует отнести собственно астионим и прямую номинацию «наш город», а к дополнительным – номинации с референтной тождественностью. Гипертема издания выражается с помощью краеведческих доминант, т.е. основных тем, формирующих дискурс городской газеты. Через краеведческие доминанты происходит выражение национальной идентичности, в них отражается неповторимость города. Так, например, в газете «Вечерняя Уфа» одними из таких доминант являются памятник Салавату Юлаеву, исторический центр города, башкиры.

Принцип краеведческого фокусирования. Данный принцип заключается в нацеленности информации на создание самобытного образа города или региона [8]. Одним из основных аспектов здесь является антропоцентрический, также вписывающийся в поле концепта «малая родина». В текстах газеты в основном наблюдается позитивная тональность. Тематиках таких текстов условно может быть поделена на две категории: во-первых, объекты публикаций представлены комплиментарно, происходит «героизация объектов публикаций: руководителей региона, представителей местной власти или крупного бизнеса, силовиков, профессиональной элиты – учителей, медиков, работников культуры» [3, С. 8]. С другой стороны, в центре внимания может оказаться простой человек, оказавший в необычной ситуации, совершивший выдающийся поступок, нуждающийся в помощи. Так, например, заголовки «Вечерней Уфы» гласят: «Морская пехота – для стойких работа»; «Под жестким контролем главы республики»; «За труд – признание, цветы, аплодисменты»; «Сергей Греков: услышать каждого уфимца». Даже по нескольким примерам наглядно видно, что новости газеты за последнее время посвящены как простым жителям города, получившим награды, так и чиновникам, которые стремятся наладить контакт с гражданами [1].

Обсуждение

Газета как источник газетно-публицистических текстов выполняет типологические коммуникативные функции. Но мемориальная функция является специфической, присущей в основном только региональному медиадискурсу. Данная функция закладывает нравственную социальную основу, сохраняя историческую память народа и связь поколений и времен.

Мемориально-краеведческая функция тесно связана с функцией социальной оценки и осуществляется посредством выполнения двух других ключевых функций медийного текста: посредством информирования читателя и воздействия на аудиторию [7, С. 960].

Следует отметить, что, как ни странно, интерес к местной истории связан с таким масштабным процессом, как глобализация. Именно новое информационное общество осознало, что развитие национальных культур замедляется. Исследователи отмечали «беззащитность общества и граждан перед неконтролируемым потоком информации, размывание социокультурных и нравственных норм» [2, С. 3]. Я.Н. Засурский признает важную роль глобализации в процессе развития информационной среды. Однако автор напоминает, что имеется «региональная и национальная специфика, множество индивидуальных особенностей, из которых и складываются разнообразные информационно-коммуникационные модели – порождение сегодняшнего перехода мирового сообщества к информационному веку» [4, С. 27-28].

В процессе регионализации местной прессы актуализируется мемориальная функция и появляется краеведческая направленность. Как и любой медиадискурс, региональная пресса выполняет коммуникативную функцию, частью которой становится и мемориально-краеведческая: региональная газета актуализирует краеведческую информацию, привлекая к ней внимание читателя, пробуждая любовь и уважение к родному краю.

Следует отметить, что социальная оценочность в газетном тексте в целом реализуется в существовании таких ценностей, как общественные идеалы. В тексте региональной газеты в качестве общественных идеалов выступают «предметно воплощенные ценности» [5, С. 23]. Аксиологически региональный медиадискурс обусловлен пристальным вниманием к объектам материальной и духовной культуры, составляющими поле концепта «малая родина». Региональная пресса описывает наиболее значимые для местных жителей объекты, в роли которых может выступать любой регионально идентичный объект, поскольку в нем заложена потенциальная возможность быть формой существования ценностей. Например, в газете «Вечерняя Уфа» (рубрика «Уфимский путеводитель») как предметно воплощенные ценности представлены исторические здания, старейшая в городе церковь, герб города, железнодорожный вокзал. Репрезентация предметно воплощенных ценностей в «Вечерней Уфе» происходит в том числе и в виде иконических составляющих поликодовых текстов (в основном, фотографий).

Заключение

Таким образом, на примере городской газеты «Вечерняя Уфа» возможно проследить реализацию мемориально-краеведческой функции в публицистическом тексте. Эта функция выражается через три основных принципа: принцип непосредственной коммуникации с аудиторией, принцип градоцентризма и региоцентризма, принцип краеведческого фокусирования. При соблюдении данных принципов авторам и издателям региональной прессы

удается поддерживать связь между поколениями читателей, пробуждать и поддерживать любовь и уважение к родному краю.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Вечерняя Уфа [Электронный ресурс]. – URL: <http://vechufa.ru/> (дата обращения: 26.11.2021)
2. Викулова В. П. Мемориальная деятельность публичной библиотеки: организационно-управленческая концепция: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. П. Викулова. – Москва, 2008. – 24 с.
3. Гурова Е. К. Нужные, полезные, «свои»... / Е. К. Гурова // Медиа Тренды. – 2015. – № 5 (54). – С. 8.
4. Засурский Я. Н. Тенденции функционирования СМИ в современной структуре российского общества / Я. Н. Засурский // Средства массовой информации России : учеб. пособие для студентов вузов / М. И. Алексеева [и др.] ; под ред. Я. Н. Засурского. – Москва : Аспект Пресс, 2008б. – С. 3–53.
5. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.
6. Пушкарева И. А. Стилистика региональной прессы: учеб. Пособие / Пушкарева И. А., Кусургашева И. А. – Новокузнецк, 2018. – 207 с.
7. Тилова А. С. Воздействующий потенциал поликодового масс-медийного текста / Тилова А. С., Моисеева А. В. // Вестник Башкирского университета, 2019. Т.24. - №4. – С. 959–962.
8. Халина Н. В. Журналистика как эмпирическая философия (к обоснованию теоретико-научного статуса литературно-публицистической деятельности) / Н. В. Халина, Л. Н. Уразова, Е. В. Волошко // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул : АлтГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 19–28.
9. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова; науч. ред. и предисл. Н. Д. Голева. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 296 с.
10. Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – Москва: Рыбари; Киев: Знания, 2009. – 487 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Vechernyaya Ufa [Evening Ufa] [Electronic resource]. – URL: <http://vechufa.ru/> (accessed: 26.11.2021) [in Russian]
2. Vikulova V. P. Memorial'naya deyatel'nost' publichnoj biblioteki: organizacionno-upravlencheskaya koncepciya [Public Library Memorial Activities: An Organizational and Management Concept]: avtoref. dis. ... PhD in Pedagogy / V. P. Vikulova. – Moscow, 2008. – 24 p. [in Russian]
3. Gurova E. K. Nuzhnye, poleznye, «svoi»... [Necessary, useful, "our" ...] / E. K. Gurova // Media Trendy. – 2015. – № 5 (54). – P. 8. [in Russian]
4. Zasurskij YA. N. Tendencii funkcionirovaniya SMI v sovremennoj strukture rossijskogo obshchestva [Trends in the functioning of the media in the modern structure of Russian society] / YA. N. Zasurskij // Sredstva massovoj informacii Rossii : ucheb. posobie dlya studentov vuzov / M. I. Alekseeva [i dr.] ; pod red. YA. N. Zasurskogo. – Moscow : Aspekt Press, 2008b. – P. 3–53. [in Russian]
5. Leont'ev D. A. Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoj rekonstrukcii [Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction] / D. A. Leont'ev // Voprosy filosofii. – 1996. – № 4. – P. 15–26. [in Russian]
6. Pushkareva I. A. Stilistika regional'noj pressy: ucheb. Posobie [Stylistics of the regional press: textbook. Manual] / Pushkareva I. A., Kusurgasheva I. A. – Novokuzneck, 2018. – 207 p. [in Russian]
7. Tilova A. S. Vozdejstvuyushchij potencial polikodovogo mass-medijnogo teksta [Effective potential of polycode mass media text] / Tilova A. S., Moiseeva A. V. // Vestnik Bashkirskogo univer-siteta, 2019. T.24. - №4. – P. 959–962. [in Russian]
8. Halina N. V. Zhurnalistskaya kak empiricheskaya filosofiya (k obosnovaniyu teoretiko-nauchnogo statusa literaturno-publicisticheskoy deya-tel'nosti) [Journalism as an empirical philosophy (to substantiate the theoretical and scientific status of literary and journalistic activity)] / N. V. Halina, L. N. Urazova, E. V. Voloshko // CHelovek – kommunika-ciya – tekst / pod red. A.A. CHuvakina. – Barnaul : AltGU, 1999. – Iss. 3. – P. 19–28. [in Russian]
9. CHernyshova T. V. Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoj Rossii [Media texts in the mental and linguistic space of modern Russia] / T. V. CHernyshova; nauch. red. i predisl. N. D. Goleva. – M. : LIBROKOM, 2009. – 296 p. [in Russian]
10. SHvecova-Vodka G. N. Obshchaya teoriya dokumenta i knigi: ucheb. posobie [General theory of document and book: textbook] / G. N. SHvecova-Vodka. – Moskva: Rybari; Kiev: Znaniya, 2009. – 487 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.31>**ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНДИИ**

Научная статья

Казакова О.В. *

Военная академия Министерства обороны РФ, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (barciki2015[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается ряд просодических особенностей английского языка в Индии, самого крупного по числу носителей представителя новых вариантов. Развившись на территории бывшей колонии Великобритании и испытывая воздействие языков коренного населения, данный вариант приобретает характерные лингвистические черты, способствующие выражению национальной идентичности говорящего. В наибольшей степени своеобразие варианта проявляется на фонетическом уровне, в частности на уровне просодии, одного из самых ярких маркеров национальной принадлежности в звучащей речи.

Просодия индийского варианта английского языка не является достаточно изученной областью лингвистических исследований. Кроме того, просодические особенности варианта, обусловленные несоответствием стандартному типу английского произношения, способны значительно затруднять процесс восприятия и понимания смысловой стороны высказывания в ходе межкультурного общения, что повышает риск коммуникативных неудач. В целях содействия решению лингвистических задач, а также снижения трудностей восприятия и понимания звучащей речи носителей исследуемого варианта в статье определяются его главные просодические особенности в области ритма, ударения и мелодики.

Ключевые слова: просодия, индийский вариант английского языка, новые варианты английского языка.

PROSODIC FEATURES OF INDIAN ENGLISH

Research article

Kazakova O.V. *

Defence Ministry Military Academy, Moscow, Russia

* Corresponding author (barciki2015[at]gmail.com)

Abstract

This paper examines the most typical prosodic features of Indian English. By the number of second language (L2) speakers, it is the most spoken variety among New Englishes. It was born and developed in the former British colony, but as a result of long-time transfer effects from the speaker's first language, Indian English has acquired a number of distinguishable features, which have made it different from British English, as well as other English varieties; they have also formed a medium for transmitting the speaker's national identity. The most salient of them show at the phonetic level, namely at the level of prosody, which is one of the most significant markers of the speaker's national affiliation in spoken speech.

Indian English prosody is still understudied in linguistics. Apart from that, in cross-cultural communication, the prosodic features of the variety may cause speech perception and comprehension difficulties owing to deviations from Standard English pronunciation, which eventually may lead to communication breakdown. This article aims to contribute to the linguistic study of Indian English prosody, as well as the resolution of possible problems in perception and comprehension of Indian English speakers. To this end, the author singles out the major prosodic characteristics of Indian English in speech rhythm, accentuation and melody.

Keywords: prosody, Indian English, New Englishes.

Introduction

Since the early 1980s, the term *New Englishes* has gained a high profile in linguistic literature. It embodies new varieties of English, which emerged in the overseas dependent territories of the British Empire, and are now spoken by non-native speakers whose mother tongue is other than English.

Considering historical, political and social factors, it should be recalled that the arrival of English, which was imposed by the colonizers on indigenous populations, brought about bilingualism in those territories. Interestingly, after the colonies got their national independence, the English language did not disappear with the exodus of the colonizers. It stayed, became one of the official languages of a territory, and continues to play an important part in the life of local societies to the present day. Specifically, English has become an institutionalized language, having entered such discourse domains as education, administration, law, corporate business, mass media, science and technology.

What is more, the attitude of the indigenous population to English has changed. It is no longer perceived as the language of colonizers or identified with Anglo-Saxon culture. Nowadays, it is viewed as a tool to getting a good education and a high-paid job, and being successful. Speaking English is considered to be prestigious. Thus, having assimilated into a society, it has become an indispensable part of indigenous culture and, consequently, a medium for its expression [5].

From a linguistic perspective, English has been nativized by indigenous societies, having developed localized varieties in accordance with linguistic and cultural contexts [9]. Being in contact with indigenous cultures and languages, the localized varieties have gradually been deviating from standard British English, while acquiring specific linguistic features of their own. These linguistic features make them unique and distinguishable among the existing English varieties, and start to serve as a medium for expressing the speaker's national identity. Indian English (IE) is one of such varieties.

In India, English is a statutory national working language [2]. However, it is used not only in formal domains but also in informal situations cross-country as a lingua franca. Arguing the linguistic status of IE, many researchers agree that it is currently going through the stage of endonormative stabilization, i.e., it is on the way to evolving into an autonomous variety of English with its own linguistic norms, not coinciding with the norms of Standard English [6]. Specifically, German researcher Robert Fuchs, who examines the educated variety of IE in one of his works, provides evidence on *the emerging standard IE* [8].

A far-reaching effect of the establishment of IE as an independent variety is that its characteristic features can pose an obstacle to a successful cross-cultural communication, namely create speech perception and comprehension problems. It has to be emphasized that these problems are not really caused by the grammatical or lexical peculiarities of IE, but they are mostly caused by its phonetic characteristics, which are different from Standard English pronunciation.

The problems of perception and comprehension of non-native English speakers are acute issues today, especially in relation to IE speakers, who make up 265,260,000 users [7]. It means that IE is the largest New English variety, widely spoken in cross-cultural contacts, particularly in business, trade, tourism, medicine, science, education, mass media, etc. Moreover, the number of IE speakers is expected to be growing in coming years due to a high population growth rate in the country.

Nevertheless, despite its vast presence in international communication, this New English variety is still understudied in linguistics, especially at its suprasegmental level. The reason for the lack of the linguistic research of IE, in comparison with that of native English varieties, lies in the long-time linguistic approach which defined the unique features of IE as mistakes or deviations from the norms of Standard English.

The typical features of IE are also overlooked in teaching English as a foreign language, to be specific, in developing students' listening skills. It is common knowledge that listening comprehension activity in most cases is narrowed down to the development of students' ability to comprehend native varieties of English, especially its British and American standards, while New Englishes are often left out of the listening comprehension process. Yet, the development of English learners' skills to comprehend IE speakers in particular seems equally important.

English learners might fail to understand the information content conveyed in an utterance due to the specifics of IE at the phonetic level. A lack of awareness of the phonetic peculiarities of the variety, insufficient experience in its perception and comprehension, the acquired pronunciation norms of British or American Standard and their association with the pronunciation forms heard in IE, let along the complexity of the speech perception and comprehension process in general, are all among the factors which may seriously affect the act of communication and contribute to communication breakdowns. In other words, the problem of perception and comprehension of IE speakers could result in communicative failure in a real-life situation.

Obviously, the success of speech perception and comprehension depends to a large extent on the listener's awareness of the speaker's pronunciation type, as all the main components of the phonetic and phonological systems (segment, word and sentence stress, rhythm, and melody) have an impact on the way the listener perceives and comprehends spoken speech. That is why for the appropriate perception and comprehension of IE speakers it seems essential to single out those phonetic features of IE that distinguish it from other English varieties and constitute salient markers of the speaker's national identity.

In this respect, the study proceeds with a description of the most typical phonetic features of IE at the prosodic level, as prosody is one of the most conspicuous indicators of national affiliation in spoken language [10]. Besides, the prosodic level of the variety, especially its melodic component, is far from being extensively investigated. The existing studies of the IE variety on rhythm, word and sentence stress, as well as melody, are quite rare in phonetic literature and do not provide the whole and complete picture of the IE prosody. Therefore, the prosodic system of the IE variety still requires thorough research. Moreover, the emergence and development of many other new varieties of English requires not only systematic accounts of their prosodies but also increases the need to come up with prosodic typology of the varieties. These unresolved issues determined the subject matter of this study.

Methods and Materials

First and foremost, it is worth pointing out that IE is by no means homogeneous, which means that inside the variety there is a large degree of variability in pronunciation forms, resulting from substratum interference, the speaker's English proficiency level and other extralinguistic factors. For this reason, the prosodic features, discussed in this article and selected as the prosodic indicators of IE speakers' national identity, reflect general trends, discovered in the speech corpus of 20 IE subjects [1]. It also should be noted that the prosodic features of IE are described in comparison with British Standard – the variety from which IE evolved.

The subjects (10 men and 10 women) were selected as IE speakers on the basis of their linguistic background, educational level and social status, and make a relatively homogeneous group. They were all born and live in the so-called Hindi belt, speak Hindi as their mother tongue (the most spoken language in India), have a high English proficiency level, hold a high school or university degree, and come from the middle or upper-middle class. For comparative purposes, a speech corpus of 20 native British English (BE) speakers was compiled to form a reference group. The authentic interviews recorded on New Delhi Television and BBC Radio 4 served as a source of audio material and contained spontaneous speech [11], [3]. The corpus of the data selected for analysis consisted of the subjects' answers to an interviewer's questions, with the duration of approximately 5 minutes for each subject. The total duration of the IE corpus was 101 min 38 sec, and that of the BE corpus was 99 min 02 sec.

The research was based on a complex approach and comprised theoretical analysis, methods of sociophonetic analysis, proper phonetic methods (i.e. auditory / perceptual and instrumental analyses), comparative analysis, as well as methods of statistical analysis for data processing. Praat software (version 5.3.42) was applied as an acoustic analyzer of sound wave signals [4]. The phonetic analysis had the following major objectives: to study the rhythmic patterns in the subjects' spontaneous speech production; to determine the averaged pitch level and range used by the subjects; to estimate the fundamental frequency (F0) peak and its alignment with the syllable structure in an intonational phrase; to examine the

melodic contour in the head of an intonational phrase; to identify the inventory of nuclear tones and peculiarities of their phonetic realization.

In order to find out the rhythmic characteristics of the speech corpus in question, syllable duration, measured in milliseconds (ms), was selected for investigation. Measurements of syllable durations in stressed and unstressed positions were made in the small corpus of the IE and BE subjects (the first two minutes of the speech data of each speaker). The data were analyzed and compared, and the mean values for syllable durations in stressed and unstressed positions for the IE and BE groups were calculated. After that, the duration ratios of stressed to unstressed syllables were derived for each of the two groups. In order to achieve the other objectives of the study, the mean values for the pitch range (in semitones) and level (in Hertz) were calculated for each female and male speaker, as well as group; the F0 peak of an intonational phrase was located and measured, and the correlation between the F0, duration and intensity in nuclear tones was established in each utterance.

The complex approach to the study, representative dataset and sufficient size of the speech corpus provide for reliability and validity of the findings.

Results and Discussion

In speech rhythm, IE tends to be more syllable-timed than Standard British English, which is traditionally described as stress-timed. This means that IE users tend to show minimum or no vowel reduction in unstressed syllables, where BE speakers tend to have reduced vowel variants. In our study, the ratio value for the durations of stressed vs. unstressed syllables in the corpus of the IE subjects is 1.3:1, and in the corpus of the BE subjects it is 1.7:1 [1, P. 113]. It was found that the IE speakers demonstrated smaller differences in the syllable durations in stressed and unstressed positions by lengthening the duration of unstressed syllables. The difference between the two English varieties was identified as being statistically significant. The features of a syllable-timed rhythm in IE are a result of the possible transfer of rhythmic properties from Indian languages (Hindi in our case study), whose rhythm is said to be syllable-timed.

Another feature of the rhythmic organization in the speech of the IE subjects is a tendency to stress monosyllabic function words, such as personal and possessive pronouns, auxiliaries, prepositions, and conjunctions, even though they are not the focus of the utterance or rhythmically justified. In our study, the IE speakers made monosyllabic function words prominent in 12.8% of observations, despite the fact that they were not contrastive in any way [1, P. 116]. The BE speakers stressed monosyllabic function words in 8.9% of observations, and only due to rhythmical requirements. Moreover, prominence on monosyllabic function words in the utterances of the IE subjects was achieved not only through an increase in intensity and / or duration, but also through tonal changes.

Regarding the average pitch level, it has been found that the IE subjects speak at a higher pitch than the BE subjects. This difference is statistically significant and has been observed in both the female and male speech data. To illustrate the point, the means for the Indian female and male groups are 218.29 and 126.92 Hz respectively. The British subjects in our study spoke at a lower pitch, and their means accounted for 177.92 Hz for the British female group and 112.7 Hz for the British male group [1, P. 121-123]. As for the use of the pitch range, no significant difference has been established between the IE and BE subjects. The 60% range of the females and males in both the IE and BE data was from 3.0 to 3.2 semitones (ST) wide. The relatively narrow pitch range of the subjects may be attributed to the mostly neutral and unemphatic speech present in the interview style speech data.

The analysis of the F0 contour has indicated that one of the peculiarities of the IE melodic organization is a frequent alignment of the F0 peak of an intonational phrase with an unstressed syllable of the first foot. This melodic feature manifested itself in the speech of the Indian males and females in a relatively high percentage of observations – 23.8%. It was not typical of the speech of the British subjects though (only 8.3% of observations), in whose data the F0 peak of an intonational phrase aligned in most cases with the stressed syllable of the first foot [1, P. 128].

Furthermore, the head of an intonational phrase in the IE data was characterized by numerous enclitic feet, with unstressed syllables being realized at a higher pitch in relation to the preceding stressed one (39.8% of observations) [1, P. 131]. The tendency to raise the melodic contour on unstressed syllables following the stressed one showed in the speech of each IE subject. It was not typical of the BE subjects, in whose data the most frequent type of foot was the foot in which unstressed syllables remained at the same pitch level as the preceding stressed one (74.8% of observations). This difference between the IE and BE corpora proved to be statistically significant, and the tendency to align the F0 peak of the foot with an unstressed syllable can be considered as a specific feature of the IE variety. In our study, the pitch movement on unstressed syllables in the foot was on average by 2.9 ST upward in the corpus of the Indian women and by 3.3 ST up in the corpus of the Indian men. The rising pitch movement on unstressed syllables in the foot is frequently followed by a fall in F0, which creates a wavy melodic contour of different amplitude in the head of an intonational phrase and makes a characteristic feature of the IE melody. The subsequent falling pitch movement typically occurs on the next stressed syllable. In other words, in the head of an intonational phrase of the IE variety, the F0 tends to go down on stressed syllables and it goes up on unstressed ones. However, the F0 can also fall on the next unstressed syllable of the same foot, or on the unstressed syllable preceding the stressed one of the next foot. Below is the basic schematic representation of F0 movement in the head of an intonational phrase of the IE variety, where a line denotes a stressed syllable and a dot indicates an unstressed syllable (see figure 1):

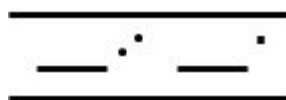

Fig. 1 – F0 movement in the head of an intonational phrase of the IE variety

The rising F0 contour on the unstressed syllables following the stressed ones in the utterance produced by an IE female speaker can be clearly observed in the graph below (see figure 2):

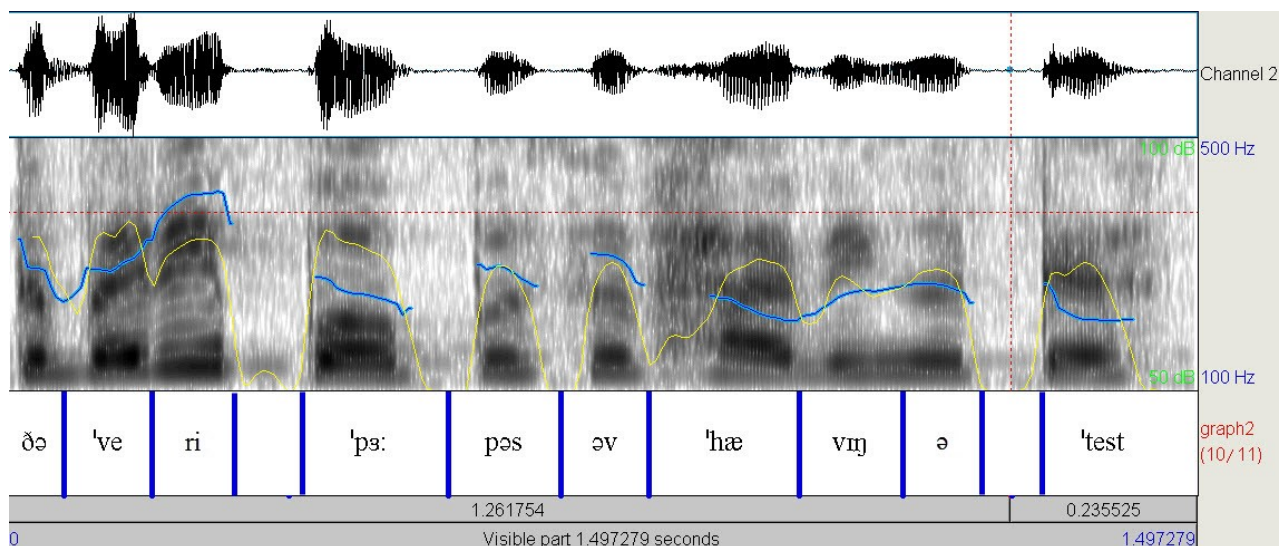

Fig. 2 – F0 contour in the utterance produced by an IE female speaker

Notes: blue curve signifies F0; yellow curve signifies intensity

The paper proceeds now to the inventory of nuclear tones and their shapes in IE. One of the melodic features of the IE tone system is the presence of rise-falls conveying neutral attitudes. Numerous rise-falls of neutral meaning have been found in the corpora of both the Indian women and men. This makes IE different from BE, in which the Rise-Fall is emotionally coloured and attitudinally marked. Besides, in the IE rise-falls which cover polysyllabic words, the F0 peak tends to align with a post-stress syllable, unlike in the rise-falls of BE, where the F0 peak aligns as a rule with a stressed syllable. Also, the duration of the rising interval may exceed that of the falling interval which becomes incomplete, that is to say, the pitch level at which the falling interval ends may almost coincide with the pitch level at which the rising interval starts. This F0 contour shape of a widened or narrowed pitch range adds another special feature to the IE melody and makes it different from BE, in which the falling pitch movement of the Rise-Fall usually goes to the bottom of the speaker's range. The typical configuration of the Rise-Fall in IE is illustrated by the graph below (see figure 3). In this graph, the rising-falling tone is implemented on the word *definitely*, pronounced by an IE speaker as ['defnədli]:

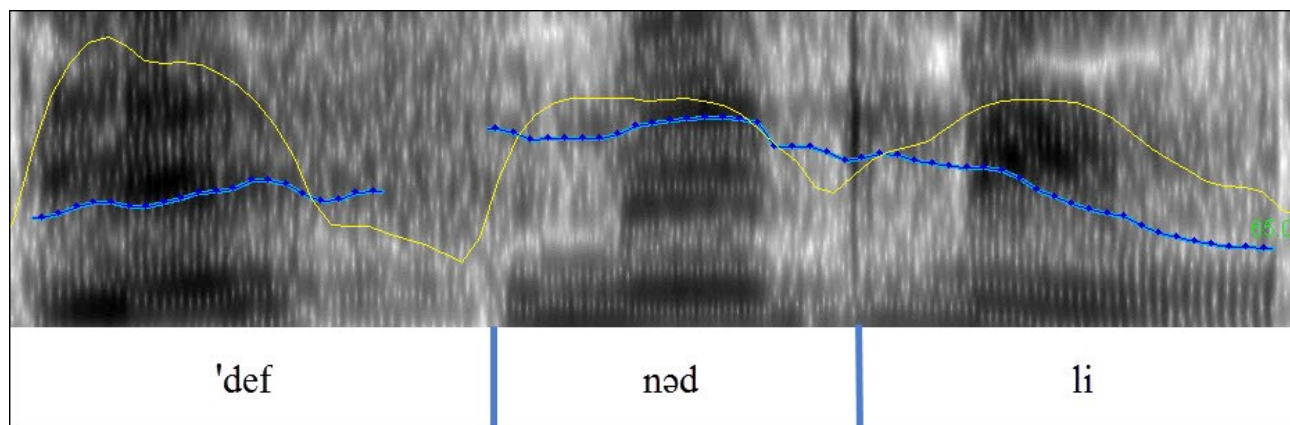

Fig. 3 – Configuration of the Rise-Fall in IE

Notes: blue curve signifies F0; yellow curve signifies intensity

Another important feature of the IE tone system is the presence of the rising tones in which the rising pitch movement is preceded by a fall in F0, the latter being phonetically realized within the stressed syllable. In other words, this nuclear configuration is composed of two pitch movements: first, the F0 contour begins with a descending movement to its minimum point at which it abruptly changes its pitch direction into a steadily ascending contour. Compared to the falling tonal segment, the rising segment is more prominent in pitch height, slope, or length. If the tone is implemented on a disyllabic or polysyllabic word, the falling pitch movement spreads to the endpoint of the stressed syllable, while the rising pitch movement covers the following unstressed syllable(s). This F0 contour type of the Rise was relatively common in the corpora of the Indian men and women, and among all the rising nuclear configurations in the dataset, it was encountered in 21.4% of observations. Note that this type of Rise is quite rare in BE standard. The graph below displays a rising tone in IE across the polysyllabic word *intelligence* (see figure 4). The falling pitch movement can clearly be seen covering the stressed syllable, while the rising pitch movement covers the following unstressed syllables.

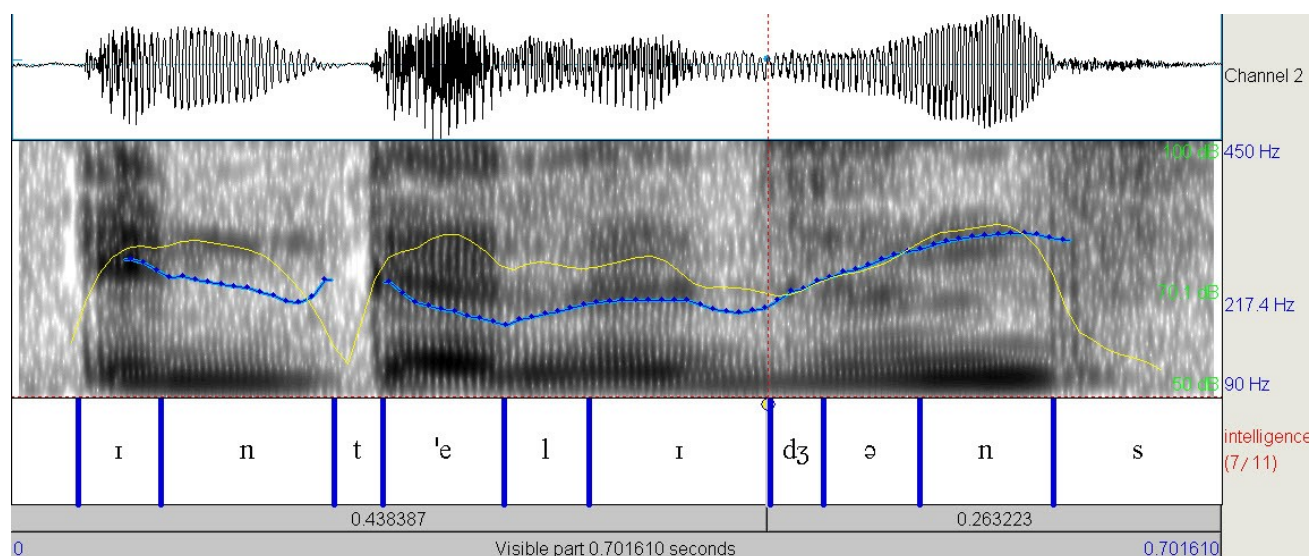

Fig. 4 – Configuration of the Rise produced by an IE female speaker

Notes: blue curve signifies F0; yellow curve signifies intensity

Among the falling tones which are characterized as falls beginning on the stressed syllable that carries the F0 peak, there are numerous delayed falls, with the F0 peak localized on an unstressed syllable (20.2% of observations). In this type of contours, the falling pitch movement occurs on unstressed syllables, while the stressed syllable is covered by a level tone. Besides, in IE, the falling pitch movement across polysyllabic words tends to continue through unstressed syllables, unlike in BE, where unstressed syllables tend to remain at the same pitch level as the ending of the fall, with the latter being realized within the stressed syllable.

F0 peak delay was also observed in falling-rising configurations, in which the falling-rising pitch movement is realized on unstressed syllables, while the stressed syllable is covered by a level or rising pitch movement (18.9% of observations). Falling-rising tones in IE were encountered not only in non-final but also in final intonational phrases.

The IE corpus also featured a relatively large number of level tones, found in both non-final and final intonational phrases (17.5% of observations). In non-final intonational phrases, a level tone covers mono- or polysyllabic feet, in which the last unstressed syllable is marked by the maximum duration, and the stressed syllable – by the maximum intensity. In final intonational phrases, level tones, characterized as a flat F0 contour, are perceived as falling tones due to an abrupt and rapid fall in intensity.

Conclusion

IE is a New English variety with its own distinct prosodic features, which make it different from other varieties of English. Prosody is an indispensable and significant element of speech. Awareness of the peculiarities of IE at the prosodic level will help overcome speech perception and comprehension problems in conversation with IE speakers and, as a result, will guarantee a successful cross-cultural communication. It will also increase the level of phonetic, linguistic and communicative competences of English learners, teachers, interpreters, future linguists, and other professionals.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Казакова О. В. Просодия вариантов английского языка в Индии и Гонконге как средство выражения национальной идентичности (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 230 с.
2. Constitution of India: online edition / Government of India. – 2020. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI.pdf> (дата обращения: 07.10.2021)
3. BBC Radio 4. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.co.uk/radio4/> (дата обращения: 07.10.2021)
4. Boersma P. Praat: doing phonetics by computer (version 5.3.42), 2014 / Boersma P., Weenink D. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: 07.10.2021)
5. Bolton K. World Englishes: critical concepts in linguistics / Bolton K., Kachru B. (eds.). – London, New York: Routledge, 2006. – 339 p.
6. Buschfeld S. The evolution of Englishes: the dynamic model and beyond / Buschfeld S., Hoffmann T., Huber M., Kautzsch A. (eds.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. – 513 p.
7. Ethnologue: languages of the world. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ethnologue.com/language/eng/> (дата обращения: 21.10.2021)
8. Fuchs R. Speech rhythm in Indian English and British English / Fuchs R. // Speech rhythm in varieties of English. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2016. – P. 113–162.
9. Kachru B. American English and other Englishes / C. A. Ferguson, S. B. Heath (eds.). // Language in the USA. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – P. 21–43.

10. Mennen I. Phonetic and phonological influences in non-native intonation: an overview for language teachers / J. M. Scobbie, I. Mennen, J. Watson (eds.) // QMUC Speech Science Research Centre Working Paper. – Edinburgh: Queen Margaret University College, 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.116.1937&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 01.10.2021)
11. New Delhi Television. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ndtv.com/> (дата обращения: 07.10.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Kazakova O.V. Prosodiia variantov angliiskogo iazyka v Indii i Gonkonge kak sredstvo vyrazheniia natsional'noi identichnosti (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) [Prosody of Indian and Hong Kong English varieties as a means of conveying national identity (phonetic case study).] : dis. ... of PhD in Philology. – Moscow, 2017. – 230 p. [in Russian]
2. Constitution of India: online edition / Government of India. – 2020. – [Electronic source]. – URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI.pdf> (accessed: 07.10.2021)
3. BBC Radio 4. – [Electronic source]. – URL: <http://www.bbc.co.uk/radio4/> (accessed: 07.10.2021)
4. Boersma P. Praat: doing phonetics by computer (version 5.3.42), 2014 / Boersma P., Weenink D. – [Electronic source]. – URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (accessed: 07.10.2021)
5. Bolton K. World Englishes: critical concepts in linguistics / Bolton K., Kachru B. (eds.). – London, New York: Routledge, 2006. – 339 p.
6. Buschfeld S. The evolution of Englishes: the dynamic model and beyond / Buschfeld S., Hoffmann T., Huber M., Kautzsch A. (eds.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. – 513 p.
7. Ethnologue: Languages of the world. – [Electronic source]. – URL: <https://www.ethnologue.com/language/eng/> (accessed: 21.10.2021)
8. Fuchs R. Speech rhythm in Indian English and British English / Fuchs R. // Speech rhythm in varieties of English. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2016. – P. 113–162.
9. Kachru B. American English and other Englishes / C. A. Ferguson, S. B. Heath (eds.). // Language in the USA. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – P. 21–43.
10. Mennen I. Phonetic and phonological influences in non-native intonation: an overview for language teachers / J. M. Scobbie, I. Mennen, J. Watson (eds.) // QMUC Speech Science Research Centre Working Paper. – Edinburgh: Queen Margaret University College, 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.116.1937&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 01.10.2021)
11. New Delhi Television. – [Electronic source]. – URL: <http://www.ndtv.com/> (accessed: 21.10.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.46>

СЕМАНТИКА ВРАЖДЫ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научная статья

Дубровская Т.В.^{1*}, Юськаева Э.И.²¹ORCID: 0000-0003-0044-6056;^{1,2} Пензенский государственный университет, Пенза, Россия; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (gynergy74[at]gmail.ru)

Аннотация

Авторы исследуют семантику вражды и ставят цель выявить типичные лексические единицы, актуализирующие семантику вражды и используемые для создания репрезентаций международных отношений между Россией и НАТО. Рассматривается специфика их функционирования и частотность. В качестве материала используются материалы официального сайта НАТО. В исследовании задействованы методики качественного и количественного анализа. Авторы приходят к выводу, что существует ряд наиболее востребованных лексических единиц в официальном дискурсе НАТО. Языковые средства, используемые при конструировании отношений с Россией, включают лексемы *threat, fight, war, aggressive, attack*; милитарную лексику; лексику с семантикой отрицательной оценки и вмешательства, в совокупности образующие семантику вражды.

Ключевые слова: дискурс, медиатизированный дискурс, международные отношения, конструирование, репрезентации, семантика вражды, языковые средства.

SEMANTICS OF ENMITY IN THE MEDIATIZED DISCOURSE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Research article

Dubrovskaya T.V.^{1*}, Yuskaeva E.I.²¹ORCID: 0000-0003-0044-6056;^{1,2} Penza State University, Penza, Russia; Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

* Corresponding author (gynergy74[at]gmail.ru)

Abstract

The authors of the article investigate the semantics of enmity and aim to identify typical lexical units that actualize the semantics of enmity and are used to create representations of international relations between Russia and NATO. The article examines specifics of their functioning and frequency using the materials of the official NATO website as the primary research material. The research involves methods of qualitative and quantitative analysis. The authors conclude that there are a number of the most popular lexical units in the official discourse of NATO. The linguistic means used in the construction of relations with Russia include the lexemes *threat, fight, war, aggressive, attack*; military vocabulary; vocabulary with the semantics of negative evaluation and interference, which collectively form the semantics of enmity.

Keywords: discourse, mediatized discourse, international relations, construction, representations, semantics of enmity, linguistic means.

Введение

Настоящая статья излагает некоторые результаты проекта, посвящённого исследованию семантики единения и вражды в языке и дискурсе. В частности мы обращаемся к проблематике конструирования вражды в дискурсе международных отношений, понимая под дискурсом «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации <...>, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и стратегических установок коммуникантов» [4, С. 14]. Что касается международных отношений (international relations), то они подразумевают «отношения между акторами международной политики. Такие акторы включают национальные государства, международные организации, неправительственные организации и мультинациональные корпорации» [19, Р. 99] (Перевод с английского здесь и далее наш. – Т.Д., Э.Ю.).

Международные отношения целесообразно рассматривать в качестве социального конструкта, актуализируемого в процессе коммуникации: «межнациональные отношения, как и любой другой социальный феномен, являются предметом дискурсивных практик – как научных, так и институциональных – и через них могут быть поняты, поскольку их суть, их «семантический капитал» есть результат сложных когнитивно-коммуникативных операций» [3, С. 112]. Язык как мощный инструмент поддержания власти в обществе используется стратегически, чтобы конструировать и поддерживать социальные структуры, а также сети взаимодействующих акторов в рамках государства или на международной арене. Проблема медиатизации международных отношений изучалась нами ранее [12], [17]. Исследуя конструирование международных отношений России в медиа дискурсе, Т. В. Дубровская и Е. А. Кожемякин отмечают, что «с учётом идеологических установок и меняющегося социально-политического ландшафта средства массовой информации конструируют разные типы отношений» [17, Р. 94]. Особенно важно то, что для репрезентаций международных отношений в медиа дискурсе характерна реконтекстуализация: возможные интерпретации событий в газетах зачастую сводятся к тем, которые предопределены используемыми газетами подходами, основанными на той или иной идеологии [17, Р. 103].

В контексте данного исследования также важно отметить, что дискурс международных отношений только в редких случаях доступен обывателю для непосредственного наблюдения. В основном мы имеем дело с его

опосредованными, медиатизированными формами: избранные материалы, фрагменты коммуникаций, пресс-релизы суммируют отобранную информацию в стратегически выверенном направлении и представляют её в медиаресурсах. На подконтрольных той или иной организации медиа площадках, каковой и является официальный сайт НАТО, размещаются материалы, отвечающие целям организации и создающие соответствующие репрезентации международных отношений.

Материалы, размещенные на сайте НАТО www.nato.int и изучаемые нами, отвечают целям организации и создают соответствующие репрезентации международных отношений. Материал включает разные медиатизированные жанры: новостные тексты, тематические материалы, публичную речь, текст пресс-конференции и годовой отчет Генерального секретаря НАТО за 2020 год. Отбор материалов для анализа проводился по принципу упоминания в них отношений с Россией. Общий объем материала составил 59376 словоупотреблений, в числе которых 105 упоминаний России. Материалы относятся к периоду с октября 2020 по март 2021 года и далее цитируются нами в строгом соответствии с оригиналами текстов на сайте.

Категория вражды и способы её актуализации в коммуникации не раз становились объектом исследований. Анализ подвергались маркеры вражды в политическом дискурсе [15], номинации врага [1] и «язык вражды» [11], речевые проявления враждебности по отношению к России в западных СМИ [7], [8], [14] и др.

Цель нашего исследования – выявление типичных лексических единиц, актуализирующих семантику вражды и используемых для создания репрезентаций международных отношений между Россией и НАТО, а также определение специфики их функционирования в текстах. Новизна исследования определяется как материалом (изучается не собственно медийный дискурс, а официальный дискурс международной организации), так и комбинацией качественных и количественных методов. Методологически мы опираемся на теорию социального конструкционизма и критический дискурс-анализ как «направление исследований, направленных на «вскрытие» идеологически, политически и социально нагруженных смысловых порядков, репрезентированных и транслируемых с помощью дискурсивных практик» [6, С. 87], и продолжаем применять метод количественного анализа посредством программы MonoConc Pro 2.2. Данная программа была успешно апробирована Т.В. Дубровской в работе, посвящённой исследованию семантики единения в политико-правовом дискурсе [2].

Алгоритм исследования можно описать следующим образом. На начальном этапе происходит сбор корпуса текстов разных жанров. Кроме годового отчета НАТО за 2020 г. были отобраны разные материалы по наличию в них ключевого слова «Russia». После знакомства с материалом, прочтения и выявления ряда лексических единиц с семантикой вражды и противостояния производится автоматическая обработка текста программой MonoConc Pro 2.2. с целью выявления типичных коллокаций заданных единиц и количественных подсчетов. На заключительном этапе проводится качественный анализ контекстов с выявленной лексикой.

НАТО: общая характеристика организации и сайта

В число самых влиятельных международных организаций входит НАТО, военно-политическая организация, которая объединяет на данный момент 30 стран и ставит цель защитить государства-члены от внешнего вмешательства. Созданный в 1949 году для противостояния Советскому Союзу, Североатлантический Альянс сохраняет свою политическую линию и называет одним из основных вызовов «агрессивные действия России» (Russia's aggressive actions) [22, С. 6]. Отношения между блоком НАТО и Россией как мощными политическими акторами и коммуникативные практики, в которые вступают обе стороны, образуют важную часть общемирового контекста. Современное состояние отношений России и НАТО характеризуется глубоким кризисом и конфронтационным характером, и прогнозы политологов пессимистичны: «Для возрождения эффективного двустороннего диалога необходимы политические решения высокого уровня, перспектива принятия которых лидерами ведущих держав пока не просматривается» [10, С. 13].

Для НАТО одним из основных инструментов конструирования стратегических репрезентаций международных отношений является официальный сайт, который доступен для просмотра на четырёх языках: английском, французском, русском и украинском. Английский язык как лингва франка международного общения и французский, язык дипломатии, закономерны. Опция с русским и украинским языками также не случайна: такой набор языков очерчивает потенциальную целевую аудиторию, для которой предназначены материалы на сайте. В навигационном меню сайта четыре раздела, среди которых следующие:

- ORGANIZATION (сведения об организации и её структуре);
- TOPICS (актуальные темы для обсуждения);
- NEWSROOM (новости, аудио- и видеоматериалы);
- E-LIBRARY (официальные тексты, архивы, публикации).

Наполняемость разделов варьируется в зависимости от выбора языка. Так, раздел «Topics» в английской и французской версиях сайта представлен большим количеством рубрик. В русской и украинской версиях он ограничен лишь одной рубрикой, посвящённой взаимоотношениям НАТО и России. В названии рубрики «NATO-Russia: setting the record straight» (в русской версии «Обвинения России: расставим точки над «и»») Североатлантический Альянс репрезентируется как абсолютный носитель истины и единственно верной точки зрения с помощью идиомы «to set the record straight» (вносить ясность). При введении запроса «Russia» в поисковой строке сайта отображается тысяча статей, в которых Россия упоминается в том или ином контексте.

Лексика с семантикой вражды

Ручная обработка текстов позволила выявить ряд востребованных лексем с семантикой вражды, а дальнейшая автоматическая обработка с помощью программы MonoConc Pro 2.2. – подсчитать количество их употреблений.

Представим эти данные в таблице 1, объединив лексемы по морфемному принципу и предложив их перевод на русский язык.

Таблица 1 – Количественные показатели словоупотреблений

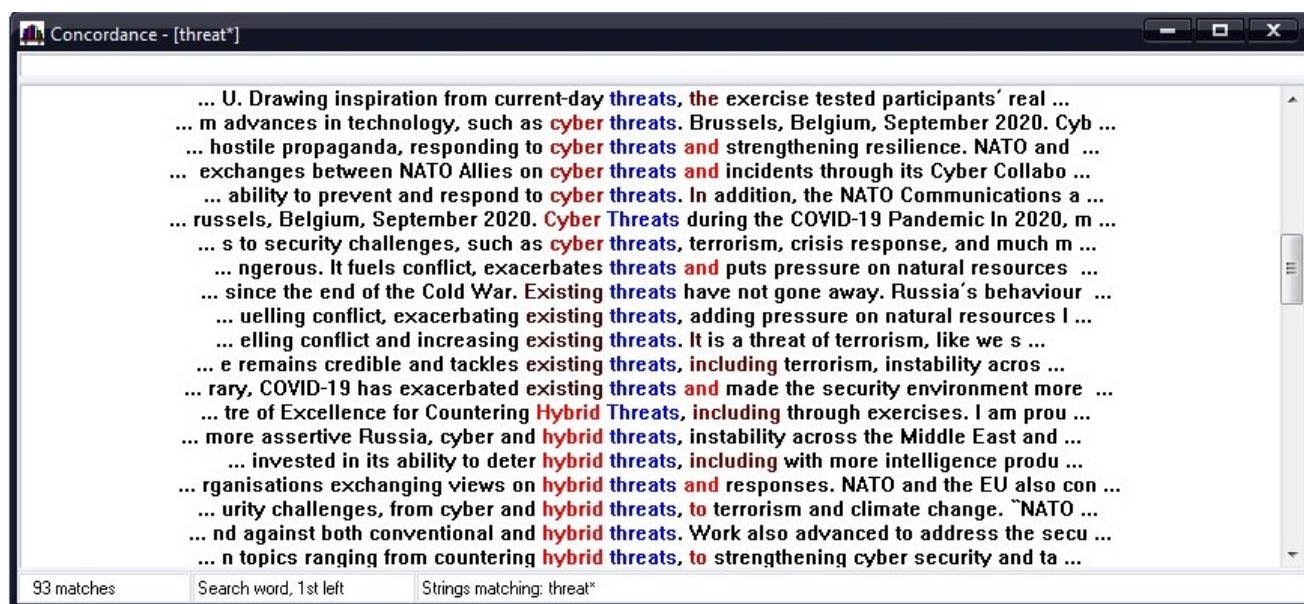
threat – угроза threaten – угрожать (93)	fight (сущ.) – битва fight (гл.) – бороться fighter, fighter jet – истребитель fighting – процесс борьбы (54)	war – война warhead – боеголовка warfare – военное дело, столкновение (53)	against – против (49)
conflict – конфликт, противостояние conflict—related – обусловленный конфликтом (34)	attack (сущ.) – нападение attack (гл.) – нападать (31)	crisis – кризис (11)	aggressive – агрессивный aggressively – агрессивно aggression – агрессия aggressors – агрессоры (10)

Как видим из таблицы, востребованными оказываются лексемы разных частей речи, в числе которых преобладают существительные, имеющие как абстрактные значения состояний (*conflict, aggression, threat*), так и значения предметные (*fighter, warhead*). В выделенной лексике особое место занимает лексика милитарная (*war, warhead, warfare, fight*), что, очевидно, обусловлено спецификой деятельности Североатлантического Альянса как военного союза. Лексемы с морфемой *war* набирают 53 употребления.

Отдельно отметим как самую частотную (93 употребления) лексику *threat* и особенности её применения в текстах. В окне с результатами поиска (рисунок 1) видно, что наиболее часто лексема *threat* выступает в коллокациях *cyber threats, existing threats, hybrid threats*.

Рассмотрение более широких контекстов с этими коллокациями позволяет увидеть, какие политические акторы представлены в качестве источников угрозы. С этой точки зрения фрагменты дискурса различны. В примере (1) акторы, создающие киберугрозы, не обозначены непосредственно и получают обобщенную номинацию *cyber threat actors*:

(1) *Technological changes <...> continued to provide cyber threat actors an array of new opportunities to achieve their objectives* [22].

Рис. 1 – Представленность лексемы *threat* в корпусе

Однако в ряде контекстов актор-источник угрозы может получать эксплицитную номинацию. Так, в примере (2) в число существующих для НАТО угроз (*existing threats*) включена Россия:

(2) *Its purpose is to translate the 2019 NATO Military Strategy into practical steps to ensure NATO's deterrence and defence posture remains credible and tackles existing threats, including terrorism, instability across the Middle East and North Africa, and a more assertive Russia* [22].

В то время как количественные показатели и данные о коллокациях обрисовывают общую тематическую и содержательную направленность текстов, они не всегда дают представления о репрезентациях конкретных политических акторов. Далее мы рассмотрим **ключевые репрезентации России**, выделенные на основе анализа материала.

1. Россия как одна из мировых угроз

Репрезентация России как угрозы мировому сообществу не является новым явлением в дискурсе международных отношений. В своем исследовании М.А. Степанова прослеживает трансформацию идеологемы «Soviet threat» посредством смены номинаций «Soviet → Russian» [13]. Исследовательница отмечает несколько семантических компонентов идеологемы: «угроза использования военной силы», «угроза со стороны организованной преступности», «коррумпированных чиновников», «угроза энергетической зависимости», «киберугроза», «угроза проявления автократии». Отмечается и взаимообусловленность развития дискурса, насыщенного конкретной идеологемой и принятия конкретных политических решений [13, С. 178].

Как можно было видеть из примера (2) в дискурсе НАТО Россия ставится в один ряд с терроризмом и нестабильностью на Ближнем Востоке. Россия также стоит в одном ряду с угрозой исламизма и радикализма, киберугрозами:

(3) *A strong transatlantic bond is the cornerstone of our security and the only way to tackle great challenges, including Russia's aggressive actions, international terrorism, more complex cyber attacks, the rise of China, disruptive technologies and the security implications of climate change* [22, P. 6].

(4) *Instability in the Western Balkans continues, where we see a confluence of threats from nationalist, Islamist, radicalist and Russian interference* [21].

Лексемы с семантикой единения *transatlantic bond*, *cornerstone* используются с целью подчеркнуть важность объединения государств-союзников перед лицом угроз, тогда как эпитет *aggressive* применяется для репрезентации России как страны-агрессора. Россия репрезентируется как член группы «Чужие» по отношению к группе государств НАТО («Свои»), что иллюстрирует бинарную оппозицию «свой vs. чужой», прочно закрепившуюся в лингвистике [5], [9], [18].

НАТО представлен как политический актор, который пытается вести диалог с официальными представителями России, тогда как Россия такие попытки отвергает:

(5) *Since February, Since February, NATO has repeatedly invited Russia to convene a meeting of the NATO-Russia Council. Russia has consistently declined these invitations. Consequently, there were no meetings of the NATO-Russia Council in 2020* [22, P. 25].

Нежелание России вступать в коммуникацию выражено наречиями с семантикой постоянства (*repeatedly, consistently*).

В дискурсе НАТО выдвигаются ряд причин, которые легитимируют использование защитных механизмов в отношении России. Такими причинами называются проведение Россией военных учений и совершенствование вооружения:

(6) *Russia, on the other hand, continued to conduct large-scale exercises despite the pandemic. One such exercise was KAVKAZ-2020, for which Russia provided a Vienna Document notification of only 12,900 troops taking part in the active phase of the exercise, while stating publicly that the overall exercise involved about 80,000 troops. In this way, Russia continued to flout its commitments to mandatory military transparency* [22, P. 28].

(7) *The Alliance continued to work hard in 2020 to maintain a safe, secure and effective nuclear deterrent. Meanwhile, Russia is modernising its nuclear and missile forces in ways that undermine Allied security and create deep uncertainty over Moscow's intentions. Russia's continued investment in nuclear weapons, including many dual-use missile systems, raises serious concerns and creates greater risk of escalation or misperception in a crisis* [22, P. 31].

В данных примерах Россия репрезентируется как актор, пренебрегающий нормами международного права (*to flout its commitments*). Лексические единицы с семантикой неопределённости (*risk, concerns, uncertainty*) актуализируют нестабильность, вызываемую действиями России, которые противопоставлены действиям Альянса, конструируемым с помощью лексем с семантикой положительной оценки (*safe, secure, effective*). В данном случае дискурс можно охарактеризовать в терминах «идеологического квадрата» Т. ван Дейка [16]. В текстах происходит акцентирование собственных положительных качеств и негативная оценка действий «Других».

2. Россия как участник затяжных конфликтов

Дискурс НАТО «рисует» свою карту, очерчивает посредством топонимов территории, на которых Россия осуществляет операции:

(8) *Allies' concerns about Russia's destabilising actions and policies go beyond Ukraine and include provocative military activities near NATO's borders stretching from the Baltic to the Black Sea; irresponsible and aggressive nuclear rhetoric, military posture and underlying posture; the risks posed by its military intervention and support for the regime in Syria; and the nerve agent attack in the United Kingdom in March 2018, a clear breach of international norms* [20].

Лексемы с семантикой вторжения (*intervention, attack*) и прилагательные с семантикой деструктивности (*destabilizing, irresponsible, aggressive, provocative*) используются с целью создания образа врага, а перечисление географических точек создает репрезентацию обширных действий:

(9) *Russia has shown it is willing to use military force against its neighbours. Russian forces are in Ukraine, Georgia and Moldova against the will of those governments. In recent years, we have seen a pattern of dangerous behaviour from Russia – including cyber-attacks, disinformation campaigns and attempts to interfere in our democratic processes* [23].

3. Россия как государство, входящее в группу «ОНИ» по отношению к НАТО

Дискурсивное разъединение групп «МЫ» и «ОНИ» происходит по аксиологическому критерию, принятию или непринятию ряда ценностных установок:

(10) *Other nations like Russia and China, countries that do not share the same values as we do, are developing new technologies: from hypersonic missiles, to autonomous systems, through artificial intelligence and cyber warfare* [21].

Дейктические элементы (*we, other*) позволяют подчеркнуть поляризацию между группами. В категорию «ОНИ» попадают Россия и Китай, стремительное развитие которых получает высокую оценку:

(11) *NATO also needs to account for the development of increasingly sophisticated hypersonic missile systems, such as those showcased by China and Russia* [22, P. 19].

Лексемы с семантикой усовершенствования (*developing, sophisticated, new*) позволяют сконструировать образ сильных «других», чьё развитие может угрожать стабильности группы «Мы».

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, дискурс международных отношений дает значительный материал для изучения лексики с семантикой вражды. Репрезентации, конструирующие отношения вражды между политическими акторами, задействуют как вербальные, так и невербальные средства, включая стратегически выверенную организацию и структуру информационных ресурсов. Лингвистический анализ, в том числе при помощи автоматической обработки текстов, показывает, что существует ряд наиболее востребованных лексических единиц с семантикой вражды в официальном дискурсе НАТО. Анализ материала позволяет утверждать, что языковые средства, используемые при конструировании образа России, включают лексемы *threat, fight, war, aggressive, attack*; милитарную лексику; лексику с семантикой отрицательной оценки и вмешательства, в совокупности образующие семантику вражды.

Финансирование

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс.

Funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 Semantics of unity and enmity in Russian Vocabulary and Phraseology: system-language data and discourse.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ворошилова М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М. Б. Ворошилова. // Юрислингвистика. — 2012. — № 1(12). — С. 67-72.
2. Дубровская Т. В. Дискурсивное конструирование единения в концепции внешней политики РФ: лексика с морфемами МЕЖ-/ МЕЖДУ-, ВЗАИМО- и ОБЩЕ- (опыт интегративного подхода) / Т. В. Дубровская. // Культура и текст. — 2020. — № 4 (43). — С. 196-213.
3. Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций / Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — Серия: Гуманитарные науки. — 2015. — № 18(215). — С. 111-125.
4. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). — М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. — 351 с.
5. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция "свой - чужой" как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов / Е. В. Кишина. // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2011. — № 4(48). — С. 174-179.
6. Кожемякин Е. А. Визуальное и социальное: перспективы критического дискурс-анализа и социальной семиотики / Е. А. Кожемякин. // Проблемное поле медиаобразования. — 2018. — №1. — С. 86-92.
7. Кошкарлова Н. Н. Зарубежные СМИ о церемонии открытия Олимпиады в Сочи: вектор речетворчества и политики / Н. Н. Кошкарлова. // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. — 2014. — №2. — С. 92-95.
8. Кошкин П. Г. Формирование нового образа России в прессе Запад с 2014 по 2019 г. / П. Г. Кошкин. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2019. — Т.12. — Вып.4. — С. 477-499.
9. Нехорошева А. М. Механизмы формирования когнитивной матрицы "свой - чужой" в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) / А. М. Нехорошева. // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (48). — С. 140-144.
10. Ознобищев С. К. Отношения Россия-НАТО: от декларативного партнерства к глубокому кризису / С. К. Ознобищев. — // Мировая экономика и международные отношения. — 2018. — Т. 62. — № 5. — С. 5-16.
11. Пантелеева Т. Ю. "Язык вражды" в парадигме юрислингвистики: когнитивносемантический и правовой аспекты / Т. Ю. Пантелеева. // Известия Южного федерального университета. — Филологические науки. — 2016. — № 3. — С. 96-103.
12. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации: Коллективная монография / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин [и др.]. — Москва: ФЛИНТА, 2017. — 248 с.
13. Степанова М. А. Ушла ли советская угроза? (О трансформации идеологемы "Soviet threat") / М. А. Степанова. // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3(37). — С. 172-179.
14. Федоров А. В. Образ России в современной Западной прессе / А. В. Федоров. // Медиаобразование. — 2013. — №4. — С. 51-58.

15. Шкапенко Т. М. Маркеры языка вражды в интернет-комментариях к переводным статьям польских СМИ / Т. М. Шкапенко, И. Ю. Вертелова. // Политическая лингвистика. — 2018. — № 4(70). — С. 104-111.
16. Dijk van T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — L.: Sage. — 1998. — 374 p.
17. Dubrovskaya T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, E. Kozhemyakin. // Critical Discourse Studies. — 2017. — 14:1. — Pp. 90-107.
18. Sowinska A. Discursive Construction and Transformation of 'Us' and 'Them' Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View / T. Dubrovskaya, A. Sowinska. // Discourse & Communication. — 2012. — 6 (4). — Pp. 449-468.
19. Steele Brent J. International Relations / Steele Brent J. // International Encyclopedia of the Social Sciences. — 2nd edition. — W.A. Darity Jr. (Ed.). Vol. 4. — Detroit, N.Y.: Macmillan. — 2008. — P. 99-101.
20. Relations with Russia [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50090.htm?selectedLocale=en. (accessed: 24.11.2021)
21. Speech by Mircea Geoană, NATO Deputy Secretary General at the conference on 'Preparing NATO and the Allies for the Future Challenges' [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_179205.htm. (accessed: 24.11.2021)
22. The Secretary General's Annual Report [Electronic resource] // — NATO: site. — https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/sgar20-en.pdf. (accessed: 24.11.2021)
23. Top Five Russian Myths Debunked [Electronic resource] // NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_178946.htm. (accessed: 24.11.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Voroshilova M. B. Chernaja chuma: nominacii vruga v ehkstremskom tekste [The Black Plague: nominations of the enemy in the extremist text] / M. B. Voroshilova. // Jurislingvistika [Legal Linguistics]. — 2012. — № 1(12). — Pp. 67-72 [in Russian]
2. Dubrovskaya T. V. Diskursivnoe konstruirovaniye edineniya v koncepcii vneshnej politiki RF: leksika s morfemami MEZH-/ MEZH DU-, VZAIMO- i OBSHhE- (opyt integrativnogo podkhoda) [Discursive construction of Unity in the concept of foreign Policy of the Russian Federation: vocabulary with morphemes MEZH-/ MEZH DU-, VZAIMO- and OBSHCHE (experience of the integrative approach)] / Vol. V. Dubrovskaya. // Kul'tura i tekst [Culture and text]. — 2020. — № 4 (43). — pp. 196-213 [in Russian]
3. Dubrovskaya T. V. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnoshenij v SMI: specifika reprezentacij [The construction of interethnic relations in the media: the specifics of representations] / T. V. Dubrovskaya, E. A. Kozhemyakin. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Bulletin of Belgorod State University. - Series: Humanities]. — 2015. — № 18(215). — pp. 111-125 [in Russian]
4. Dubrovskaya T.V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Judicial discourse: the speech behavior of a judge (based on the material of Russian and English)] / T. V. Dubrovskaya. - M.:Izd-vo «Akademija MNEhPU», 2010. - 351 p. [in Russian]
5. Kishina E. V. Semanticheskaja oppozitsija "svojj - chuzhojj" kak realizatsija ideologo-manipuljativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [Semantic opposition "friend - foe" as the realization of the ideological and manipulative potential of political discourses] / E. V. Kishina. // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. — 2011. — № 4(48). — Pp. 174-179 [in Russian]
6. Kozhemyakin E. A. Vizual'noe i social'noe: perspektivy kriticheskogo diskursa-analiza i social'noj semiotiki [Visual and Social: Perspectives of critical discourse analysis and social Semiotics] / A. Kozhemyakin. // Problemnoe pole mediaobrazovaniya [Problematic field of media education]. - 2018. - No. 1. - pp. 86-92 [in Russian]
7. Koshkarova N. N. Zarubezhnye SMI o ceremonii otkrytija Olimpiady v Sochi: vektor rechetvorchestva i politiki [Foreign media about the opening ceremony of the Olympic Games in Sochi: the vector of speech creation and politics] / N. N. Koshkarova. // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Psicholingvistika v obrazovanii [Ural Philological Bulletin. Series: Psycholinguistics in Education]. - 2014. - No. 2. - pp. 92-95 [in Russian]
8. Koshkin P. G. Formirovaniye novogo obraza Rossii v presse Zapad s 2014 po 2019 g. [Formation of a new image of Russia in the West press from 2014 to 2019] / P. G. Koshkin. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. International relations]. - 2019. - Vol.12. - Vol.4. - pp. 477-499 [in Russian]
9. Nekhorosheva A. M. Mekhanizmy formirovaniya kognitivnoj matricy "svojj - chuzhojj" v nemeckom politicheskom diskurse (na primere vystuplenij Angely Merkel') [Mechanisms of formation of the cognitive matrix "friend - foe" in German political discourse (on the example of Angela Merkel's speeches)] / A. M. Nekhorosheva. // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]. — 2012. — № 2 (40). — pp. 140-144 [in Russian]
10. Oznobishchev S. K. Otnosheniya Rossija-NATO: ot deklarativnogo partnerstva k glubokomu krizisu [Russia-NATO Relations: from Declarative Partnership to Deep Crisis] / S. K. Oznobishchev. - // Mirovaja ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and International Relations]. - 2018. - Vol. 62. - No. 5. - pp. 5-16 [in Russian]
11. Panteleeva T. Yu. "Jazyk vrazhdy" v paradigme jurislingvistiki: kognitivnosemanticheskij i pravovoj aspekt [The language of enmity in the paradigm of Legal linguistics: cognitive semantic and legal aspects] / Vol. Yu. Panteleev // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. — Filologicheskie nauki [Proceedings of the Southern Federal University. - Philological sciences]. - 2016. - No. 3. - pp. 96-103 [in Russian]
12. Politicheskij, juridicheskij i massmedijnyj diskurs v aspekte konstruirovaniya mezhnatsional'nykh otnoshenij Rossijskoj Federacii: Kollektivnaja monografija [Political, legal and mass media discourse in the aspect of the construction of interethnic relations of the Russian Federation: A collective monograph] / T. V. Dubrovskaya, E. K. Reva, E. A. Kozhemyakin [et al.]. - Moscow: FLINTA, 2017. - 248 p. [in Russian]

13. Stepanova M. A. Ushla li soverskaja ugroza? (O transformacii ideologem "Soviet threat") [Has the Soviet threat gone away? (On the transformation of the "Soviet threat" ideologeme)] / M. A. Stepanova. // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]. — 2011. — № 3(37). — pp. 172-179 [in Russian]
14. Fedorov A. V. Obraz Rossii v sovremennoj Zapadnoj presse [The Image of Russia in the Modern Western press] / A.V. Fedorov. // Mediaobrazovanie [Media education]. - 2013. - No. 4. - pp. 51-58 [in Russian]
15. Shkapenko T. M. Markery jazyka vrazhdy v internet-kommentarijakh k perevodnym stat'jam pol'skikh SMI [Markers of the language of enmity in Internet comments to translated articles of Polish media] / T. M. Shkapenko, I. Yu. Vertelova. // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]. — 2018. — № 4(70). — pp. 104-111 [in Russian]
16. Dijk van T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — L.: Sage. — 1998. — 374 p.
17. Dubrovskaya T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, E. Kozhemyakin. // Critical Discourse Studies. — 2017. — 14:1. — Pp. 90-107.
18. Sowinska A. Discursive Construction and Transformation of 'Us' and 'Them' Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View / T. Dubrovskaya, A. Sowinska. // Discourse & Communication. — 2012. — 6 (4). — Pp. 449-468.
19. Steele Brent J. International Relations / Steele Brent J. // International Encyclopedia of the Social Sciences. — 2nd edition. — W.A. Darity Jr. (Ed.). Vol. 4. — Detroit, N.Y.: Macmillan. — 2008. — P. 99-101.
20. Relations with Russia [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50090.htm?selectedLocale=en. (accessed: 24.11.2021)
21. Speech by Mircea Geoană, NATO Deputy Secretary General at the conference on 'Preparing NATO and the Allies for the Future Challenges' [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_179205.htm. (accessed: 24.11.2021)
22. The Secretary General's Annual Report [Electronic resource] // — NATO: site. — https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/sgar20-en.pdf. (accessed: 24.11.2021)
23. Top Five Russian Myths Debunked [Electronic resource] // NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_178946.htm. (accessed: 24.11.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.47>**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА ПО МЕНЕДЖМЕНТУ)**

Научная статья

Сероштантова Ю.С.^{1*}, Чусовлянова С.В.²² ORCID: 0000-0003-4499-1179;^{1, 2} Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия

* Корреспондирующий автор (79139227485[at]yandex.ru)

Аннотация

В работе рассмотрены особенности передачи в процессе перевода эмоциональной информации, которая присутствует в американской специальной литературе. Актуальность заключается в необходимости вычленения в специальных текстах средства выражения эмоциональной информации для последующего адекватного и эквивалентного перевода. Целью работы является изучение способов передачи эмоциональной информации при переводе специального текста. В статье анализируются теоретические подходы к изучению эмоциональной информации в тексте. В качестве методов исследования использовались общенаучные и лингвистические методы (анализ, сравнение, контекстуальный анализ, структурно-семантический и лексико-семантический анализ). В результате исследования было определено, что для текстов данного стиля характерно последовательное и логичное изложение информации, наличие терминов и сокращений. С прагматической точки зрения для данных текстов характерно наличие содержательных компонентов, что объясняется присутствием лексических сокращений, аббревиатур и терминов, а также формальных компонентов, представленных рисунками.

Ключевые слова: эмоциональная информация; способы выражения эмоциональной информации; процесс перевода; специальный текст.

ASPECTS OF TRANSFERRING EMOTIONAL INFORMATION WHEN TRANSLATING A SPECIALIZED TEXT (BASED ON A MANAGEMENT TEXTBOOK)

Research article

Seroshtantova Yu.S.^{1*}, Chusovlyanova S.V.²² ORCID: 0000-0003-4499-1179;^{1, 2} Siberian Transport University, Novosibirsk Novosibirsk, Russia

* Corresponding author (79139227485[at]yandex.ru)

Abstract

The current article examines the features of the transfer of emotional information in the process of translation, which is present in American specialized literature. The relevance of the research lies in the need to isolate the means of expressing emotional information for subsequent adequate and equivalent translation of such texts. The purpose of the study is to examine the ways of transmitting emotional information when translating the type of text under study. The article also analyzes theoretical approaches to the study of emotional information in a text. As research methods, the authors use general scientific and linguistic methods (analysis, comparison, contextual analysis, structural-semantic and lexico-semantic analysis). The study determines that the texts of this style are characterized by a consistent and logical presentation of information, the presence of terms and abbreviations. From a pragmatic point of view, these texts are characterized by the presence of meaningful components, which is explained by the presence of clipping, lexical abbreviations, and terms, as well as formal components represented by drawings.

Keywords: emotional information; ways of expressing emotional information; translation process; specialized text.

Введение

Менеджмент организаций в процессе обучения персонала использует значительное количество иностранной литературы: руководства по эксплуатации, методические и учебные пособия и другую специальную литературу. В настоящее время англоязычная литература имеет широкое распространение при обучении специалистов многих отраслей. Тексты, адресованные специалистам на английском языке, допускают наличие эмоционально окрашенной лексики, в русском языке данное явление проявляется в гораздо меньшей степени. Здесь возникает проблема восприятия эмоциональной лексики в специальных текстах русским читателем в силу культурологических особенностей.

Целью данной работы является изучение способов передачи эмоциональной информации при переводе специального текста. Для достижения цели были поставлены и решены следующие задачи: определить и классифицировать способы выражения и функции эмоциональной информации в специальном тексте; определить приемы передачи эмоциональной информации в специальном тексте.

Обзор литературы

Научные тексты специализированы на передачу когнитивной информации. Особого типа информации, и их когнитивная функция определяется спецификой профессиональной коммуникации. Функция текстов научного стиля – передача логической информации и доказательство её истинности, при полном отсутствии выражения эмоций (в русском языке). Здесь стоит учитывать, что, в силу культурологических особенностей, доказательство истинности научной информации на разных языках осуществляется разными способами [9, С.125]. Например, в русском языке

автор научного текста имеет меньше свободы, в то время как в англоязычной традиции отход от академичности присутствует в большей степени [4, С. 8]. В американских специальных текстах часто встречается яркая, стилистически окрашенная лексика и её механическое перенесение в русский текст перевода будет противоречить требованиям, предъявляемым русскому специальному тексту [2, С. 73]. Учитывая всю вышеуказанную информацию, мы сформулировали следующее определение: американский специальный текст – это особый тип письменной коммуникации, относящейся к определенной отрасли знаний, особенностью данного типа текстов является наличие эмоционально-окрашенной лексики, ярких приемов передачи информации используемый в американском англоязычном пространстве.

Л.Л. Нелюбин под специальным текстом понимает текст, относящийся к определенной области знаний и профессиональной отрасли, обладающий терминологической номенклатурой [7, С. 208]. Специальный текст должен соответствовать требованиям научно-технического стиля, обладать признаками научно-технического жанра соответствующей разновидности. Это подразумевает его стандартизированность и стилистическую единообразность [9, С. 108]. Т.Д. Алексеева выделяет следующие основные особенности специального текста: широкое использование простых предложений с составным именным сказуемым; использование инфинитивных конструкций; высокая частотность определения форм пассивного залога и форм простого настоящего времени; обилие сложноподчиненных предложений; насыщенность специальными терминами; использование аббревиатур; использование парных синонимов, которые переводятся на русский язык одним понятием [2, С.109]. Основной функцией специального текста можно считать объяснение, которое включает в себя закрепление процесса познания, изложение его результатов, фиксация способов применения этих результатов [3, С. 108].

А.А. Небылицин определяет эмоциональную информацию как отношение автора высказывания к передаваемой им информации [5, С. 135]. Е.А. Мисуно отмечает, что эмоциональная информация выражает сведения о чувствах, высказанных автором. Она передается с помощью эмоционально окрашенной лексики и синтаксических структур, свойственных каждому конкретному функциональному стилю и каждому речевому жанру конкретного языка [4, С. 4]. И.С. Алексеева также утверждает, что эмоциональная (экспрессивная) информация содержит сообщение о человеческих эмоциях. Передавая эмоции, язык выполняет экспрессивную функцию [1, С. 129]. В нашей работе мы далее придерживаемся определения И.С. Алексеевой.

Эмоциональная информация служит для передачи эмоций (чувств) в процессе коммуникации. По своим типологическим признакам этот вид информации во многом представляет собой противоположность когнитивной информации. Ведущими признаками эмоциональной информации являются субъективность, конкретность, образность [1, С. 252].

Способами выражения субъективности являются слова с модальным значением, вненормативная лексика, в том числе и относящаяся к социальным вариантам языка, просторечие, ругательства, табуированная лексика, жаргонизмы, профессионализмы, лексика высокого стиля; территориальные варианты лексики: диалектизмы; диахронические варианты: архаизмы, историзмы, неологизмы, эмоционально-оценочная лексика. Конкретность проявляется и в привязке содержания к конкретному времени и в преобладании лексики, организованной по словообразовательным моделям, в которых сема абстрактности находится на периферии, и в обилии семантически полноценных глаголов. В организации текстового единства эмоциональная информация заявляет о себе малой эксплицированностью средств когезии; преобладает ассоциативный принцип соединения отдельных предложений в единое целое. Образность выражается с помощью фразеологизмов, пословиц, клишированных метафор, сравнений и т. п., которые позволяют ассоциативно обобщить информацию, образно сопоставить ее с другой, уже известной реципиенту [1, С. 252].

Таким образом, учитывая вышеуказанные способы выражения эмоциональной информации, мы разделили их на две группы:

- лингвистические (модальные слова, вненормативная лексика, просторечия, жаргонизмы, эмоционально-оценочная лексика, фразеологизмы, пословицы, сравнения и т.п.);
- экстралингвистические: эксплицированные средства когезии: условные рисунки, схемы, членение текста, графические выделения текста.

Исходя из способов выражения эмоциональной информации, мы обозначили основные её функции, которых далее будем придерживаться в работе: формирование образа, понятного читателю; подчеркивание важности; побуждение к действию; убеждение читателя.

Функция формирования образа, понятного читателю, помогает установить контакт с реципиентом, сформировать в его сознании определенный образ той или иной ситуации. Подчеркнуть важность необходимо в наиболее значимых ситуативных контекстах, где читателю нужно сфокусировать все своё внимание. Эмоциональная информация, которая выполняет функцию побуждение к действию, заставляет читателя принять какие-либо меры для достижения его дальнейших целей. Функция убеждения позволяет воздействовать на читателя таким образом, чтобы мнение автора по поводу того или иного вопроса стало ему близким.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил текст учебника *Critical touch points of recruitment* [7]. Автором учебного пособия является группа специалистов из международной компании Strategic HR inc., работающей в сфере человеческих ресурсов и менеджмента. Компания была основана в 1995 г. в США, штат Огайо, г. Кинсинати.

В ходе исследования были взяты первые 11 231 печатных знаков без пробелов, методом сплошной выборки были посчитаны лингвистические и экстралингвистические способы выражения эмоциональной информации.

В качестве методов исследования использовались апробированные общенаучные и лингвистические методы (анализ, сравнение, контекстуальный анализ, структурно-семантический и лексико-семантический анализ). Также использовались приемы переводческой трансформации.

Результаты

Как было сказано ранее, эмоциональная информация имеет следующие признаки: субъективность, конкретность, образность. Каждый из этих признаков имеет различные способы и типы выражения. В нашей работе определена частота таких приемов. Данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Способы выражения эмоциональной информации в американском специальном тексте

Признак	Способ выражения	Тип выражения	Количество
Субъективность	Эмоционально-оценочная лексика	лингвистический	26
	Жаргонизмы	лингвистический	10
	Профессионализмы	лингвистический	9
	Неологизмы	лингвистический	7
	Модальные слова	лингвистический	2
Конкретность	Условные рисунки	экстралингвистический	11
	Форматирование текста (шрифт)	экстралингвистический	9
	Членение текста	экстралингвистический	31
Образность	Фразеологизмы	лингвистический	11
	Метафоры	лингвистический	5
	Сравнения	лингвистический	7
Итого	128		

На 11 231 печатных знаков без пробелов было выделено 128 способов выражения эмоциональной информации.

Проанализировав результаты, приведенные в таблице, мы видим, что эмоционально-оценочная лексика в большом количестве присутствует в данном тексте. Это объясняется тем, что автору необходимо выразить свое отношение к исследуемому в тексте вопросу, выразить субъективность, в чем помогают слова с эмоциональной оценкой. Фразеологизмы позволяют автору сформировать определенный образ у читателя, тем самым, устанавливается более тесный контакт. Эксплицированность средств когезии (условные рисунки, членение текста, форматирование текста) позволяют автору привлечь внимание читателя, выделяя основную информацию графическим образом.

Как мы установили, эмоциональная информация выполняет определенный набор функций, а именно: побуждение к действию; (восклицательные знаки); убеждение читателя; — формирование образа, понятного читателю; подчеркивание важности сообщения. В нашем специальном тексте также присутствовали вышеупомянутые функции, их количественный анализ представлен ниже.

Таблица 2 – Количественный анализ функций эмоциональной информации

Функция	Частота употребления
Формирование образа, понятного читателю	74
Подчеркивание важности	51
Побуждение к действию	8
Убеждение читателя	8

Таким образом, мы приходим к выводу, что основной функцией, которую выполняет эмоциональная информация в американском специальном тексте является формирование образа, понятного читателю. Более того, экстралингвистические способы выражения эмоциональной информации зачастую выполняют функцию «подчеркнуть важность», обращая внимание читателя на наиболее важные аспекты текста.

Ранее мы выяснили, что эмоциональная информация выражается с помощью лингвистических и экстралингвистических способов. Поскольку в специальном тексте мы сталкиваемся и с теми, и с другими типами её выражения, необходимо понимать, какие приемы перевода помогут нам сохранить функционально-ситуативное содержание контекста при передаче эмоциональной информации.

Переводческие приемы – виды операций, производимых переводчиком над текстом оригинала с целью получения текста перевода [7, С. 151]. Рассмотрим переводческие приемы для передачи эмоциональной информации лингвистических способов её выражения. Обобщенные данные представлены в Таблице 3.

Таблица 3 – Приемы перевода лингвистических способов выражения эмоционально информации

Способ выражения	Функция	Пример	Перевод	Прием перевода
Эмоционально-оценочная лексика	Формирование образа, понятного читателю	Creating the perfect job posting (i.e. advertisement) is where it all begins.	Создание подходящего по всем параметрам рабочего объявления (т.е. рекламы) является отправной точкой.	Смысловое развитие
Модальные слова	Формирование образа, понятного читателю	Unfortunately most candidates don't really care what you want – they want to know what they will get out of a job.	К сожалению , большинство кандидатов заботятся только о личной выгоде, а не о том, что хочет работодатель.	Буквальный перевод
Жаргонизмы	Формирование образа, понятного читателю	WIIFM: What's In It For Me?	Что меня привлекает в данной должности?	Смысловое развитие
Профессионализмы	Формирование образа, понятного читателю	This information will help you determine your strategy for where you may find your ideal candidate, i.e. online, newspapers, outplacement centers, social media, and how you will sell the job to them?	Такая информация поможет определить стратегию поиска идеального кандидата: через интернет, газеты, центры трудоустройства или же социальные сети, и как убедить его обратиться именно к вам	Смысловое развитие
Неологизмы	Формирование образа, понятного читателю	What skills or qualities are “ must haves ”, “ nice to haves ” and “ deal-breakers ”?	Какие навыки и качества потенциального кандидата обязательны, желательны и препятствуют прохождению дальше?	Смысловое развитие
Фразеологизмы	Формирование образа, понятного читателю	Put yourself in the candidates' shoes.	Представьте себя на месте кандидатов.	Целостное преобразование
Метафоры	Формирование образа, понятного читателю	Here's an example of a poor job posting.	Далее вы ознакомитесь с объявлением, которое лучше не повторять.	Смысловое развитие

Как видно из таблицы, основная функция – это формирование образа понятного читателю. Таблица 3 наглядно показывает, что при передаче лингвистических способов выражения эмоциональной информации следует прибегать к таким переводческим приемам как смысловое развитие, целостное преобразование, кроме того, в некоторых случаях возможен и буквальный перевод. Чаще всего применяется такой прием как смысловое развитие.

Далее будут рассмотрены приемы передачи экстралингвистических способов выражения эмоциональной информации. Поскольку, зная экстралингвистический контекст: кому адресован текст, тему сообщения и ситуацию, переводчик способен правильно раскрыть значения тех или иных высказываний в тексте, так как именно экстралингвистические знания дают возможность наиболее полно проникнуться текстом. В Таблице 4 приведены примеры приемов экстралингвистических способов, при этом указан способ выражения информации, а также функция в тексте.

Таблица 4 – Приемы передачи экстралингвистических способов выражения эмоциональной информации

Способ выражения	Функция	Пример	Перевод	Прием перевода
Форматирование текста	Подчеркнуть важность	You need to find out why someone WOULD want to work for you and develop your messaging around that – your Employment Brand.	Необходимо определить, почему кто-то захочет работать именно на вас и распространить эту информацию, иными словами, продвигать бренд фирмы.	Нейтрализация
Форматирование текста	Убеждение	Does your company have a defined employment brand? It should!	Ваша компания имеет свой выраженный бренд? Он обязательно должен присутствовать.	Целостное преобразование
Форматирование текста	Убеждение	Yes, this is an actual job posting copied from one of the major job boards. BORING!	Да, это объявление является реальным и взято с одной из основных бирж труда. Не вызывает интереса, не так ли?	Целостное преобразование
Форматирование текста	Побуждение к действию	Make it easy!	Давайте упростим этот процесс.	Целостное преобразование

Из таблицы 4 видно, что приемы передачи экстралингвистических способов эмоциональной информации из американского текста в основном включают нейтрализацию, смысловое развитие, целостное преобразование, а также такие приемы как буквальный перевод и взятие слова в кавычки.

Обсуждение

Ранее мы установили, что эмоциональная информация выражается с помощью лингвистических и экстралингвистических способов. Поскольку в специальном тексте мы сталкиваемся и с теми, и с другими типами её выражения, необходимо понимать, какие приемы перевода помогут нам сохранить функционально-ситуативное содержание контекста при передаче эмоциональной информации. Наличие экстралингвистических факторов при переводе текста во многом определяет раскрытие значения некоторых слов. Поскольку в данный момент речь идет о передаче эмоциональной информации в специальном тексте, данные факторы имеют большое значение. Перевод некоторых конструкций возможен только в том случае, если переводчик владеет экстралингвистическими знаниями определенной отрасли.

Заключение

В результате исследования мы определили, что для текстов данного стиля характерно последовательное и логичное изложение информации, наличие терминов и сокращений. С прагматической точки зрения для данных текстов характерно наличие содержательных компонентов, что объясняется присутствием лексических сокращений, аббревиатур и терминов, а также формальных компонентов, представленных рисунками.

Мы определили, что при переводе специального текста необходимо учитывать, что для него характерно употребление специальных профессиональных знаний, которое реализуется при помощи применения абстрактной лексики, однородности лексики и наличия пассивных, неопределенно-личных и безличных конструкций на трех уровнях анализа языка – лексическом, синтаксическом, прагматическом.

На основании проделанной работы, мы пришли к выводу, что при передаче эмоциональной информации американского специального текста, следует придерживаться следующих переводческих рекомендаций:

1. Перевод эмоционально оценочной лексики, метафор, жаргонизмов, профессионализмов, различных сравнений следует осуществлять с помощью таких переводческих приемов, как смысловое развитие и целостное преобразование, в некоторых случаях возможно взятие слова в кавычки.
2. Перевод модальных слов следует осуществлять с помощью буквального перевода.
3. Условные рисунки и обозначения исходного текста необходимо сохранить в тексте перевода.
4. Передачу различных графических выделений шрифтов в исходном тексте следует осуществлять в тексте перевода согласно требованиям, предъявляемым русскому специальному тексту.
5. Членение в тексте перевода следует осуществлять согласно требованиям, предъявляемым русскому специальному тексту.

В заключение следует отметить, что наличие экстралингвистических факторов при переводе текста во многом является определяющим при раскрытии значения некоторых слов. Поскольку мы говорим о передаче эмоциональной информации в специальном тексте, экстралингвистические факторы имеют большое значение. Перевод некоторых конструкций возможен только в том случае, если переводчик владеет экстралингвистическими знаниями определенной отрасли.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение / Алексеева И.С. – Издательский центр: «Академия», 2004. – 352 с.
2. Алексеева Т.Д. Особенности специального перевода в неязыковом вузе / Алексеева Т.Д. // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015, № 1-3. – С. 108-111.
3. Клестер А.М. Описание модели специального текста / Клестер А.М., Шумайлова М.С. // Грамота. – 2017, № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 107-109.
4. Мисуно Е.А. Письменный перевод специальных текстов: учеб. Пособие / Мисуно Е.А., Баценко И.В., Вдовичев А.В., Игнатова С.А. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 256 с.
5. Небылицин А.А. Эмоциональная информация и её составляющие: экспрессивная интенсивность / А.А. Небылицин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015, № 10. – С. 135-137.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь / Нелюбин Л.Л. – М.: Флинта: Наука, 2003 – 320 с.
7. Strategic HR inc. Critical touch points of recruitment [Электронный ресурс]. – URL: <https://bookboon.com/en/critical-touch-points-of-recruitment-ebook> (дата обращения: 18.11.2019).
8. Kočote I. Aspects of Military-related Text Translation from English into Latvian [Электронный ресурс] / Kočote I., Smirnova T. Procedia - Social and Behavioral Sciences, 231, 2016 107-113. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.078> (дата обращения: 20.10.2019)
9. Stolze, R. Dealing with cultural elements in technical texts for translation / Stolze, R. // The Journal of Specialised Translation, 11, 2009, 124-142
10. Pfau, M. Translation Analysis of Academic Texts in the Human Sciences: A Case Study [Электронный ресурс] / Pfau, M., & Humblé, P. // Cadernos de Tradução, 39(2), 2019, 146-165. – URL: <https://doi.org/10.5007/2175-7968.2019v39n2p146> (дата обращения: 10.11.2019)
11. Sdobnikov, V.V. Translation vs localization: what's the difference? [Электронный ресурс] / Sdobnikov, V.V. // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 11(9), 2018, 1487-1498. – URL: <https://doi.org/doi: 10.17516/1997-1370-0317> (дата обращения: 19.11.2019).
12. Heshmatifar, Z. Exploring the translation strategies utilized for the rendition of economic terms from English into Persian / Heshmatifar, Z. & Biria, R. // Journal of Applied Linguistics and Language Research 2(8), 2015, 111-127.

Список литературы на английском / References in English

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies] / I. S. Alekseeva. -Izdatel'skij centr: «Akademija», 2004. - 352 p. [in Russian]
2. Alekseeva T.D. Osobennosti special'nogo perevoda v neязыkovom vuze [Features of special translation in a non-linguistic university] / T. D. Alekseeva // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologii [Modern trends in the development of science and technology]. - 2015, No. 1-3. - pp. 108-111 [in Russian]
3. Klyoster A.M., Shumaylova M.S. [Description of the model of a special text] / A. M. Klyoster, M. S. Shumaylova // Gramota. - 2017, No. 7(73): in 3 volumes. Vol. 2. – pp. 107-109 [in Russian]
4. Misuno E.A., Batsenko I.V., Vdovichev A.V., Ignatova S.A. Pis'mennyj perevod special'nykh tekstov: ucheb. posobie [Written translation of special texts: a textbook] / E. A. Misuno, I. V. Batsenko, A. V. Vdovichev, et al. - Moscow : FLINT, 2013– - 256 p. [in Russian]
5. Nebylitsin A.A. Ehmocional'naja informacija i ejo sostavlajushhie: ehkspressivnaja intensivnost' [Emotional information and its components: expressive intensity] / A.A. Nebylitsin // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. - 2015, No. 10. - pp. 135-137 [in Russian]
6. Nelyubin L.L. Tolkovyj perevodcheskij slovar' [Explanatory translation dictionary] / L. L. Nelyubin. - Moscow : Flinta : Nauka, 2003 - 320 p. [in Russian]
7. Strategic HR inc. Critical touch points of recruitment [Electronic resource]. - URL: <https://bookboon.com/en/critical-touch-points-of-recruitment-ebook> (accessed: 18.11.2019).
7. Strategic HR inc. Critical touch points of recruitment [Electronic resource]. – URL: <https://bookboon.com/en/critical-touch-points-of-recruitment-ebook> (accessed: 18.11.2019).
8. Kočote I. Aspects of Military-related Text Translation from English into Latvian [Electronic resource] / Kočote I., Smirnova T. Procedia - Social and Behavioral Sciences, 231, 2016 107-113. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.078> (accessed: 20.10.2019)
9. Stolze, R. Dealing with cultural elements in technical texts for translation / Stolze, R. // The Journal of Specialised Translation, 11, 2009, 124-142
10. Pfau, M. Translation Analysis of Academic Texts in the Human Sciences: A Case Study [Electronic resource] / Pfau, M., & Humblé, P. // Cadernos de Tradução, 39(2), 2019, 146-165. – URL: <https://doi.org/10.5007/2175-7968.2019v39n2p146> (accessed: 10.11.2019)
11. Sdobnikov, V.V. Translation vs localization: what's the difference? [Electronic resource] / Sdobnikov, V.V. // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 11(9), 2018, 1487-1498. – URL: <https://doi.org/doi: 10.17516/1997-1370-0317> (accessed: 19.11.2019).
12. Heshmatifar, Z. Exploring the translation strategies utilized for the rendition of economic terms from English into Persian / Heshmatifar, Z. & Biria, R. // Journal of Applied Linguistics and Language Research 2(8), 2015, 111-127.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.24>**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

Научная статья

Пэн Юй-хай *

Институт иностранных языков Сычуаньского университета, Чэнду, КНР

* Корреспондирующий автор (ccttcnn[at]scu.edu.cn)

Аннотация

Пассивное предложение отражает смысловое отношение между семантическим объектом как предметом описания и действием-поведением. Однако из-за взаимодействия семантических компонентов предложения и различного понимания и интерпретации этого отношения языковым субъектом, субъективное идеологическое понимание и концептуальное сознание события соответственно проникают в предложение, формируя уникальные семантические особенности пассивного предложения, и функционирование и проявление таких семантических особенностей в пассивном предложении разных языков имеет как общие черты, так и различия. Выяснение этих общих черт и различий, а также их причин имеет важное значение для правильного анализа и понимания характеристик и семантических функций пассивного предложения соответствующих языков. В связи с этим, основываясь на методе динамического семантического анализа, будем делать сопоставительный анализ семантических особенностей пассивных предложений в русском и китайском языках с трех аспектов, таких как семантические характеристики «события состояния», семантические характеристики «страдания» и семантические характеристики «метафоры». Данное исследование приносит новые идеи и познание для анализа проблемы синтаксической семантики русских и китайских пассивных предложений, оно не только помогает улучшить понимание семантической сущности и семантического свойства самих пассивных предложений, но и способствует изучению типологии языка с точки зрения сравнительно-сопоставительного анализа.

Ключевые слова: русские и китайские пассивные предложения, динамическая семантика, семантические особенности, значение «страдание», семантика метафоры, сопоставительный анализ.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN AND CHINESE PASSIVE SENTENCES

Research article

Peng Yu-hai *

College of Foreign Languages and Literatures, Sichuan University, Chengdu, China

* Corresponding author (ccttcnn[at]scu.edu.cn)

Abstract

Passive sentences reflect the semantic relationship between the semantic object as the subject of description and the behavioral action. However, due to the interaction of the semantic components of the sentence and the different understanding and interpretation of this relationship by the linguistic subject, the subjective ideological understanding and conceptual consciousness of the event respectively penetrate into the sentence, forming unique semantic features of the passive sentence, and the functioning; manifestation of such semantic features in the passive sentence of different languages has both common features and differences. Finding out these common features and differences, as well as their causes, is important for the correct analysis and understanding of the characteristics and semantic functions of the passive sentence of the respective languages. In this regard, based on the method of dynamic semantic analysis, the current study conducts a comparative analysis of the semantic features of passive sentences in Russian and Chinese from three aspects, such as the semantic characteristics of "sobytiya sostoyaniya" (state events), the semantic characteristics of "stradanie" (suffering) and the semantic characteristics of "metafora" (metaphor). This research brings new ideas and knowledge for the purposes of analyzing the problem of syntactic semantics of Russian and Chinese passive sentences helping not only improve the understanding of the semantic essence and semantic properties of the passive sentences themselves but also contributes to the study of the typology of the language from the point of view of comparative analysis.

Keywords: Russian and Chinese passive sentences, dynamic semantics, semantic features, meaning of "suffering", semantics of metaphor, comparative analysis.

Введение

«Семантика предложения — это концептуализация человеком определенных законов или характеристик объективной реальности» [1, С. 169], которая обязательно содержит субъективное мышление и сознание о содержании события, заданное языковым субъектом, это отражено в русских и китайских пассивных предложениях. Пассивное предложение отражает смысловую связь между семантическим объектом (пассивным участником события) как предметом описания и действием-поведением, однако в силу взаимодействия между семантическими компонентами предложения и различного понимания и интерпретации говорящим этой взаимосвязи, возникает его проникновение в концептуальное сознание события предложения и формируются семантические особенности, уникальные для данного типа предложения, и проявление таких семантических особенностей в пассивном предложении разных языков имеет как общие черты, так и явные различия. Выяснение этих сходств и различий и их причин имеет важное значение для правильного анализа и понимания характеристик семантических функций пассивного предложения соответствующих языков. Согласно концепту о «синтаксической иконичности», «структура языка непосредственно отражает концептуальную структуру человека» [2, С. 2], семантика близка, тогда структура сходна, «структурная

формула представляет собой комбинацию формы и значения» [3, С. 75], существует сходство между синтаксической структурой и семантикой, сходная синтаксическая структура исходит от подобной концептуальной структуры.

Таким образом, структурные характеристики языковой формы предложения определяются его семантическими характеристиками, а формирование моделей пассивного предложения в разных языках зависит от его семантических функциональных факторов. Соответственно, оказывается очень важно то, что необходимо исследовать модели пассивного предложения в естественном языке с семантической точки зрения. В связи с этим в данной статье будет проведено сравнительно-сопоставительное исследование семантических особенностей пассивного предложения в русском и китайском языках. Соответствующее исследование не только помогает углубить понимание семантической сущности и семантического свойства пассивного предложения, но и способствует изучению типологии языка с точки зрения сопоставительного анализа.

Целью нашего исследования является выявление семантических особенностей и свойства русских и китайских пассивных предложений и содействие семантическим исследованиям пассивных предложений в естественном языке. В связи с этим мы проведем сравнительно-сопоставительное исследование семантических особенностей пассивного предложения в русском и китайском языках на основе соответствующей языковой теории и практики в следующих трех аспектах: 1) семантические особенности «события состояния»; 2) семантические особенности «страдания»; 3) семантические особенности «метафоры» пассивного предложения в русском и китайском языках.

Методы

В данной статье используются два основных метода исследования: 1) метод описания семантических признаков: подробный сравнительный анализ и описание семантических свойств и семантических характеристик русских и китайских пассивных предложений; 2) метод динамического семантического анализа: динамический анализ и описание семантических характеристик русских и китайских пассивных предложений с точки зрения коммуникации, модальности, прагматики и когнитивности.

Обсуждение

Существует общая особенность между русскими и китайскими пассивными предложениями, то есть предикативный признак, соответствующий объекту или пациенсу, одинаково представляет состояние, даже глагол, обозначающий действие, преобразуется из выражения действия в способ обозначения состояния. Общая семантика русских и китайских пассивных предложений выражается следующим образом: пассивный участник события, представленный подлежащем, находится в состоянии, обозначенным сказуемым-предикатом, то есть его семантическая функция состоит в том, чтобы выразить событие процесса как событие состояния. Именно по этой причине пассивное предложение, исходя из взгляда некоторых ученых, относится к «функциональному пассиву», и соответственно оно считается «производным залогом». С точки зрения семантических отношений, русские и китайские пассивные предложения фактически возникают из «представления о состоянии» событий, фокусируясь на содержании результата-состояния, включенном в объекте-вещи, и они в принципе обозначают идеализированное событие состояния, которое является самодостаточным и не имеет «внешней причины» (каузатор/causer), а состояние, вызванное действием, концептуализируется как самодостаточный атрибут вещей. С точки зрения семантической особенности отражается то, что пассивные предложения в обоих языках имеют одинаковую структуру смыслового отношения «воздействуемое+состояние», где последнее (характеристики состояния) является описанием первого (воздействуемое). В то же время такая семантическая особенность русских и китайских пассивных предложений не может быть отделена или полностью исключить участие фактора «агенса», и между ней и семантической ролью агенса существует сложная взаимосвязь, кроме этого данная семантическая особенность имеет как одинаковое, так и разное отражение в функционировании «агенса» русских и китайских пассивных предложений: с одной стороны, если в пассивном предложении нет «агенса», то уменьшится внимание к отправителю действия, что удобно для сосредоточения описания на таких характеристиках «состояния события», как процесс, отношение, свойство и результат действия; с другой стороны, по причине некоторых различий в самих структурно-семантических характеристиках русских и китайских предложений соответственно существуют также некоторые различия в функционировании «агенса» в семантике пассивного предложения. Это образует особую конкретизацию и продолжение семантической особенности «событие состояния» русских и китайских пассивных предложений в падеже «агенса». Об этом будем анализировать ниже.

Китайские пассивные предложения могут включать в себя семантический падеж «агенса», чтобы отразить роль, которую играет инициатор пассивного «события состояния» в ходе действия, и при этом «агенса», как правило, должен нести грамматический маркерный компонент — слово «被», чтобы отличить себя от пациенса-объекта по структурной форме. Грамматикализация понятия «агенса» в китайских пассивных предложениях имеет свои уникальные причины: поскольку китайские предложения имеют характеристики топики, и большое количество имён существительных со значением «воздействуемого» может быть перенесено перед глаголами, что делает метод различения агенса и пациенса по словопорядку неэффективным, и побуждает использовать грамматический маркер для идентификации существительных-агентов, и предлог «被» появляется в соответствии с этим требованием.

Иногда наличие или отсутствие «被+N5» приводит к различию в значении предложения.

Например, китайское пассивное предложение “西瓜被弟弟吃了/The watermelon was eaten by my brother” (с агенсом и грамматическим маркером “被/was eaten by”) означает, что состояние «арбуза» изменилось из-за внешних сил, и это изменение противоречит ожиданиям говорящего (ожидалось, что его должен был съесть кто-то другой, но его съел брат).

Напротив, «西瓜吃了/The watermelon was eaten» (предложение без агенса и маркера «被») просто означает, что действие «есть/съесть» вызывает изменение «состояния события»: «西瓜没了», то есть «арбуза» теперь находится в состоянии результата действия.

В русских пассивных предложениях преобладают двухкомпонентные структурные типы без агентов или они выступают в качестве их прототипов. Между прочим, Английское пассивное предложение также обладает аналогичными характеристиками. W. Croft утверждает, что прототип пассивного предложения должен выражать абсолютное событие состояния без необходимости в агенте [4].

Например: *The enemy was defeated; The cap was blown away*. Вместо этого предложение с агентом обозначает «особое формальное состояние пассивного предложения».

Например: *The violin was made by my father*.

Л. Л. Буланин указал, что для русского языка (и других славянских языков) биномиальная структура без агенса N5 является самой употребительной и базовой структурой пассивного предложения [5, С. 36]. Во многих случаях русское пассивное предложение не требует добавления агенса N5, который представляет состояние неактивного действия и свойство-состояние вещей, семантика события состояния очевидна. В. В. Виноградов отмечает, что пассивность (страдательность) данного двухкомпонентного пассивного предложения, в котором отсутствует агент N5, не очень очевидна и сильна, и что при этом значение страдательности и значение медиума (среднего или медиального залога) на самом деле несколько трудно различить [6, С. 633].

Например: *Колонна направляется к лесу; Хлев держится на двух столбах; Полупроводники широко используются в быту; В это утро Петр пробудился позже обыкновенного; Стакан легко бьется; Газеты печатаются на машине; Мороза не чувствуется; Оригинал этого списка не сохранился; Воротник подвернулся; Крыша наполовину обвалилась*.

В этом случае также можно добавить соответствующую словоформу «сам (сам собой)», чтобы подчеркнуть семантические особенности неактивного свойства и состояния события пассивного предложения.

Например: *Мина сама управляется; Пень сам собой слагается в уме; Ребенок воспитывается сам по себе*. Кроме того, в пассивных предложениях со значением психологически-эмоциональной семантикой, такое значение «события состояния» будет более очевидным, и пассивное значение превращается в «общее возвратное значение», зарезервированная пассивная семантика уже слаба, и относится к категории периферийного пассивного значения [7, С. 116].

Например: *Я испугался (удивился, обрадовался, огорчился) его прихода (его приходу, от его прихода)*.

Надо отметить, что русское пассивное предложение с краткой формой страдательного причастия часто может быть без словоформы агенса N5, при этом пассивное значение предложения ослабевает или даже исчезает.

Например: *Руки сложены на спинке стула; Парень влюблен в ее сестру; Родители были сердиты на грубости сына; Перила лестницы были изрезаны; Птицы пущены на свободу; Пассажиры отправлены; Даже изолятор был заполнен; Она была потрясена*.

Ю. Д. Апресян, в свою очередь, рассматривает такие случаи по опущению N5 как результат исчезновения пассивного значения предложения, отмечая, что «В предложениях типа *Собака была привязана к дереву пять м.* краткая форма страдательного причастия потеряла свое пассивное значение, указывающее не на действие, а на состояние, и в это время не может быть дополнения в форме N5» [8, С. 21]. Данный вопрос Е. В. Падучева освещает короткой формой страдательного причастия глагола со значением психологически-эмоциональной деятельности. По ее мнению, «*был возмущен, взбешен, заинтригован, восхищен, взволнован*, и т. д. только обозначает состояние, и они не требуют агенса-дополнения» [9, С. 277], и она, соответственно, исключает такую структуру из страдательного залога, что также отражает связи и отношения между словоформой N5 и пассивное значение предложения. Прилагательные, преобразованные из страдательных причастий, таких как *образованный, воспитанный* в русском языке, показывают это более четко, и им больше не нужна словоформа N5, их пассивная семантика была очень забавлена.

Конечно, русское пассивное предложение также имеет дело с агентом N5, который представляет чистую пассивную семантику, то есть «логический объект принимается как носитель предикативного признака глагола (предиката)» [10], итак оно в определенной степени подчеркивает семантику «действия-процесса», а семантика «события состояния» оказывается относительно слабой.

Например: *Флаг поднимается пионером; Инструмент затачивается мастером; Машина была остановлена милиционером; Свечи вынесли, комната опять была освещена одной лампадой; Оба берега реки соединяются мостом; Небо закрылось тучами; Пруд затянулся тиной; Ручей замыкался плотиной; Земля освещается солнцем; Тучи рассеивались ветром*.

По отношению к значению «страдания» русские и китайские пассивные предложения демонстрируют большие различия. Хотя, как указал Китайский лингвист Чжан Мин, значение «страдания» в пассивных предложениях является общим явлением в языке, на самом деле это значение не доминирует в русских пассивных предложениях [11]. Русские пассивные предложения, как правило, являются нейтральными или немаркированными пассивными семантическими предложениями, которые часто представляют объективное оценочное значение и характеристики чистой объективности, потому что «страдательное (пассивное) и действительное залоги в русском языке не означают хорошее или плохое, они просто описывают одно и то же дело с двух разных точек зрения» [12, С. 13]. А семантика пассивного предложения в китайском языке реализуется часто с маркированностью значения, оно имеет как положительную, так и отрицательную семантику, и среди них отрицательное значение «страдания» и «повреждения» преобладает, данное отрицательное значение в основном относится к «воздействию», «вызванному негативному и неблагоприятному изменению» и «неудовлетворительному и неприятному результату», и при этом ключевым моментом является значение «воздействуемое и испытывающее изменение», — ведь в китайском языке «пассивное

предложение связано с влиянием, подвергнутым неактивным участником (т. е. объектом-пациентом), и изменением, которое происходит в данном участнике» [13, С. 17]. Ли Линдин отметил, что «В современном китайском языке наблюдается тенденция к расширению значения нейтрального и даже похвального характера пассивного предложения, но в основном его значение имеет уничижительный характер» [14, С. 401-412]. Теперь мы обсудим данную семантическую особенность («страдание») в русских и китайских пассивных предложениях отдельно.

С точки зрения семантического отношения события русское пассивное предложение в основном объективно описывает характеристики взаимосвязи между вещами и действиями, и субъективное сознание и модально-оценочные характеристики проявляются не заметно, значение «страдания» не составляет его основных особенностей, оно не естественно имплицитно значения «несчастных» и «неблагоприятных» компонентов, может выражать семантические характеристики «похвальной» или «уничижительной» оценки

(Например: *Передовики завода награждены начальством; Доброе дело всеми хвалится; Вся его жизнь посвящена делу служения народа; Он великолепно защищался на судебном процессе; Народное хозяйство разрушено войной; Костя обманут мошенником; Он запутан в грязное дело*), также может обозначать нейтральное значение, то есть значения без признака оценки (Например: *Некоторые старые славянские имена не разрешались православной церковью; Столы были накрыты и все стали рассаживаться; Эти слова были обращены к автору книги; Подача газа была приостановлена; Занятия проводятся на воздухе*).

И пассивные предложения с нейтральным (не поврежденным и не полезным), чисто объективным значением более распространены и наиболее приемлемы в русском языке, что и является одной из причин, по которой русские пассивные предложения чаще используются в научном и политическом стиле в стремлении к абстракции, обобщению и объективности.

Поскольку в русских пассивных предложениях нет специальных определений и требований к значению «страдания», его семантическими характеристиками могут стать как положительное, так и отрицательное значения или нейтральное значение, и соответствующие значения «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия» не входят в сферу его семантических обязательных требований, независимо от того, влияет ли действие или соответствующее изменение на объект NP (объект-пациент/неактивный носитель признака), и предложения одинаково считаются нормативными. И эта семантическая особенность имеет тесную связь с происхождением, образованием и сущностью русских пассивных предложений: основой русских пассивных предложений является связь между действием и его семантическим объектом — они указывают на логическую семантическую связь между объектом и действием, и их составляющим условием является «переходность», то есть, если это переходный глагол, то он может образовывать пассивные предложения, поэтому по сравнению с китайскими пассивными предложениями, семантические ограничения русских пассивных предложений меньше, и его процесс семантизации более единичен.

В отличие от этого, сами китайские пассивные предложения являются результатом грамматикализации значения слова «被», включая семантическое отношение «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия», а значение «страдания» становится основной и типичной семантической особенностью китайских пассивных предложений. С диахронической точки зрения значение «страдания» и «воздействуемости» является основой китайских пассивных предложений. Слово «被» первоначально означает значение «подвергнутого неблагоприятному воздействию» в китайском языке, и включает в себя значение «воздействуемого отрицательным фактором» и «страдания». Таким образом, с самого начала оно содержит дополнительный слой семантического оттенка неудовлетворительного, неприятного и поврежденного, и обладает особенностью прагматической маркировки [15, С. 17]. В связи с этим, если обозначенное действие в предложении не оказывает никакого (негативного) влияния на объект, тогда данное пассивное предложение, скорее всего, неверно.

Например: **抽屉里的信被小狗看见了*; **他被人写了一封信*. Чэн Цилун и другие лингвисты четко подчеркнули, что китайские пассивные предложения должны содержать семантическую особенность «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия», и рассматривают «воздействуемое» как «ограничительное условие тематической семантики» китайских пассивных предложений, то есть, объект должен быть «человеком, предметом, информацией под некоторым воздействием, или другими вещами, связанными со семантикой «повреждения» [16, С. 40, 46], [17].

Ср.: **这个拐弯被他拐过去了——这一页被他翻过去了* (**The corner was turned by him——The page was turned by him*). Иногда данная семантическая особенность проявляется как «ненормальное, необычное изменение состояния».

Существует логическое следствие семантической особенности «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия» китайских пассивных предложений, а именно они не обладают особенной семантической ролью «темы». Это происходит потому, что «тема» здесь обозначает именно значение «не подвергающего изменению под воздействия» и «не страдающего...», что противоречит значению «страдания» в китайских пассивных предложениях. Так называемая «тема» относится к семантической роли, которая означает, что «предмет не изменяется соответствующим образом из-за действия других вещей против самой себя» [18, С. 35], [19]. Иногда китайские пассивные предложения с «темой», такими как «*他被我看见了*» или «*他被我发现了*», тоже приемлемы, потому что они содержат такие значения, как «неожидаемый случай», «повреждение», «не ожидается», «вопреки желанию объекта N1», то есть вещи не ожидаются, «он/е не хочет, чтобы это произошло», «это не то, чего он хочет». С другой стороны, русские пассивные предложения не имеют этого ограничения.

Например: *Пропажа обнаружена дежурным; Прошлое вспомнилось ему; Его паспорт был замечен мальчиком; Город осмотрен туристами; Песня была слышна девочкой; Поднявшись на трибуну, докладчик был встречен аплодисментами. Русские пассивные предложения приемлемы, даже если субъект не знает, что "агента" действует против него. Например: Николай был уважаем, но не любим в обществе; А он вот был ненавидим, ненавидим хорошенькой девушкой.*

Кроме того, русские пассивные предложения, как правило, «обращают внимание на форму, игнорируют значение» или принцип формы для них важнее принципа значения, «они с помощью признаков формального отношения отражают участие в действии и событийную конструкцию объекта-пациенса, и при этом грамматические формы и структурно-реляционные компоненты приобретают активное проявление» [20, С. 38]. Семантические факторы китайских пассивных предложений более заметны и важны, и они относятся к схеме предложения «семантической связи», основным контролем китайских пассивных предложений является семантико-смысловой механизм, а формальные ограничения относительно слабы — с точки зрения внутренних законов, «предложение китайского языка, по сравнению с предложением западных языков, имеет меньше грамматических и формальных ограничений» [16, С. 38]. Это различие между русскими и китайскими пассивными предложениями отражается в их соответствующих грамматических маркерах: русские пассивные предложения всегда имеют грамматические маркеры —*ся* или —*н/-т*, а китайские пассивные предложения делятся на несколько конкретных случаев по этому вопросу. Это подробно обсуждается ниже.

Во-первых, неживое существо часто является объектами действия, и при нормальных обстоятельствах отношение между неживым существом (как пациенсом) и действием не маркировано, «существует 'естественная корреляция' между 'объектом действия (пациенсом)' и действием» [3, С. 75], поэтому нет необходимости использовать слово "被" и образуется уникальное китайское пассивное предложение или естественное пассивное предложение.

Например: *鸡杀了; 苹果吃了; 汤喝了; 信写了; 衣服洗了; 被子晒了; 家具买了; 房间打扫了; 货物搬走了.*

Во-вторых, человек является источником подавляющего большинства действий, поэтому, когда человек становится объектом или пациенсом действий, это кажется несколько противоречащим здравому смыслу и семантической интуиции, их ассоциация соответственно требует маркера, и поэтому необходимо добавить слово «被» при обозначении пассивного понятия, чтобы отличить его от агенса-субъекта.

Ср.: *张三被骂了; 老王被打了; 小明被诬告了; 嫌疑人被假释了; 张华被开除了.*

В-третьих, когда абстрактное событие сочетается с глагольным действием, китайские пассивные предложения часто выражают значение «неожиданности», которое имеет характер маркировки и должно быть помечено грамматическим маркером «被».

Ср.: *拟定好的计划被打乱了; 他们的阴谋被识破了; 你的意思被误解了; 公车私用被叫停; 人们的猜测被证实了; 这一事件的历史意义逐渐被认识和发掘出来.*

Кроме того, поскольку русский язык является языком, который стремится к формализации, так степень грамматикализации пассивного предложения высока, а средства выражения страдательного залога стандартизированы и едины. По сравнению с русским языком, китайский язык является семантическим языком, и грамматическая степень пассивного понятия не так высока, как в русском языке, поэтому все еще сохраняет много лексических средств, таких как глаголы «受到», «遭到», «得到», «让», «为», «叫», «给» и т. д., которые могут подчеркнуть семантическую особенность «страдания» в отношении пассивного понятия, а также отразить его значение «субъективного распоряжения». [21, С. 387-388] Например: *他受到惩罚; 他遭到报应; 他得到批评; 他为了情所困; 他让童话看傻了; 他叫人骂了; 他看童话给看傻了.*

Следует отметить, что в дополнение к значению «повреждения» в китайском языке в последние годы наблюдается тенденция к расширению похвального и нейтрального значения, что можно объяснить по следующему поводу: здесь есть ключевой момент, то есть «воздействуемое» и «подвергающее изменению под воздействия», иными словами, пока в предложении существует семантическая особенность «воздействия» и «изменения», будь то оно выражает похвальное, уничижительное или нейтральное значение, данное пассивное предложение считается приемлемым и правильным в принципе. Отсюда видно, что семантические особенности пассивных предложений в русском и китайском языках в определенной степени могут быть нейтрализованы. Это, несомненно, обогащает и углубляет наше понимание семантических общих характеристик русских и китайских пассивных предложений.

Различие в семантических характеристиках тропа (здесь в основном имеется в виду метафора) в русских и китайских пассивных предложениях относится к различию в семантическом происхождении обоих основных предикатов, а именно глаголов. В частности, метафорические семантические изменения русских (переходных) глаголов не будут продолжаться в их грамматической пассивной форме, и в то же время метафорическое значение китайских глаголов останется в их соответствующей (производной) пассивной форме и пассивном семантическом отношении и сформирует соответствующее пассивное предложение.

В силу различий в семантическом происхождении и сущности пассивных предложений в русском и китайском языках, для русских пассивных предложений не существует прямая и существенная связь между их образованием и употреблением, и кроме того, с точки зрения морфологической структуры имеется недискретная континуальная связь между постфиксом пассивного глагола «-ся» или кратной формой страдательного залога и основой русского (переходного) глагола, что повлияет на сопутствующий перенос, а именно глагол не обладает релевантностью и транзитивностью лексически-метафорического значения и «привязанности (supereminence)» [22, С. 15] — «сопутствуемости» пассивного глагола или пассивной формы к метафорическому значению исходного переходного глагола, следовательно, пассивная форма не может унаследовать и продолжить семантические изменения от формы переходного глагола, и соответственно, она не может сформировать пассивное высказывание на основе метафоры данного переходного глагола.

Например: *Любопытство грызет меня — *Я грызусь любопытством; Ел его целый день — *Он елся целый день; Год швейной работы окончательно подрезал её — *Она была окончательно подрезана от года швейной работы; Счастье покинуло его — *Он был покинут счастьем; Ребята следуют моде — *Мода следуема ребятами.*

Напротив, слово «被» китайского пассивного предложения представляет собой дискретную связь с глаголом, что создает удобные условия для присоединения глагольного переносного значения к соответствующему пассивному

глаголу, и пассивная конструкция, таким образом, образует более естественную семантическую связь с лексической метафорой глагола, соответственно конструирование пассивного предложения становится логичной вещью.

Ср.: 公款都被这群贪官给**吃掉了**; 一穷二白的帽子被**摘掉了**; 国家财富都被 (不加限制的人口生育) “**生**”掉了; 人民币汇率被**松绑**; 插班生的信心就这样被“**赶走**”了。

Более того, распространение метафорического значения глаголов на пассивные предложения в китайском языке нетрудно обнаружить в разговорной речи.

Ср.: 他被人给**修理**了一顿; 纳达尔被**打个**回头 (球); 六个破发点被一一**化解**; 这位明星被**包装**得很俗气; 中国队的射门被 (对方守门员) 一一**没收**。

Основные результаты

Объектом исследования в данной статье выступают русские и китайские пассивные предложения, которые не только имеют свои собственные структурные признаки, но и обладают своими отличительными семантическими особенностями. В статье решаются три основные задачи: 1) проанализировать семантические особенности «события состояния» русских и китайских пассивных предложений; 2) сопоставить семантические особенности «страдания» русских и китайских пассивных предложений; 3) сравнить семантику русских и китайских пассивных предложений и её реализацию глагольного тропа. И на основании сопоставительного анализа выявлены **общие черты и различия** по семантике между русскими и китайскими пассивными предложениями, и данные общие черты и различия составляют основные результаты исследования данной работы.

Заключение

Таким образом, пассивные предложения чрезвычайно активны в русском и китайском языках, и их семантические особенности имеют свое уникальное динамическое представление в русском и китайском языках. В данной статье проводится сопоставительный анализ семантической проблемы пассивных предложений в русском и китайском языках главным образом с трех сторон: семантические особенности «события состояния», «страдания» и «тропа».

Анализ показывает, что семантические особенности пассивных предложений в русском и китайском языках имеют определенные общие черты и существуют большие различия. Самое главное состоит в том, что русские пассивные предложения в основном отражают отношение между объектом и действием, выражает логическую и смысловую связь между вещью и действием и не специально обращает внимания на то, является ли выраженное значение положительным, отрицательным или нейтральным, однако китайские пассивные предложения по сути содержат значение повреждения, неудовлетворительности и неприятности, поэтому значение «страдание» является для них основным и типичным семантическим признаком, в то же время в последние годы в китайском языке наметилась новая тенденция развития и изменения, то есть если они выражают или включают в себя значение «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия», то могут быть приемлемыми, даже они передают похвальное и нейтральное значение, что в некоторой степени сужает семантическую разницу между русскими и китайскими пассивными предложениями. Кроме того, пассивные предложения в русском и китайском языках одинаково могут выражать семантическую особенность «события состояния», но у них разные реакции в функциональном исполнении связанной с этим семантической роли «агенса». Более того, после метафорического семантического изменения китайских переходных глаголов метафорическое значение может быть сохранено в соответствующей форме пассивного глагола, и соответственно пассивное предложение может быть естественным образом построено, и по сравнению с этим, после метафоры русского переходного глагола часто невозможно ввести или придать метафорическое значение соответствующей форме пассивного глагола, что не позволяет образовать соответствующее пассивное предложение, это также отражает особые различия в семантике русских и китайских пассивных предложений с точки зрения лексического тропа (метафоры).

Проведенное в данной статье исследование имеет пользу для прояснения сущности и характеристик очень распространенных в языке пассивных предложений и для понимания семантических сходств и различий пассивных предложений в русском и китайском языках, а также имеет справочную значимость и ценность для преподавания русского языка и практики перевода. Следует также отметить, что существует тесная взаимосвязь между семантическим анализом пассивных предложений и семантикой самих глаголов, поэтому необходимо подробно описать синтаксически-семантические характеристики пассивных предложений в аспекте семантической субкатегоризации глагола, и такое описание и исследование имеет значительную теоретическую ценность и необходимость. Связанные с этим вопросы нуждаются в дальнейшем углубленном обсуждении.

Финансирование

Данная статья выполнена в рамках национального проекта фонда социальных наук КНР «Культурно-когнитивные исследования концептуальной метафоры русских глаголов» (No. 19BYY209) и Основного проекта ключевых исследовательских баз гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР «Анализ и интерпретация ядерных культурных концептов Российской нации» (No. 13JJD740011); Данное исследование поддержано «Фондом фундаментальных исследований центральных университетов КНР».

Funding

The article is created in the framework of the national project fund of social sciences of the Chinese "Cultural-Cognitive Study of the Conceptual Metaphors of Russian Verbs" (No. 19BYY209) and the Main Project of Key Research Bases of Humanities and Social Sciences of Ministry of Education of China "Analysis and Interpretation of the Central Cultural Concepts of the Russian Nation" (No. 13JJD740011); This study was supported by "the Fundamental Research Fund for the Central Universities of China".

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar, Vol. I: Theoretical Prerequisites / Langacker R. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 516 p.
2. 沈家煊. 句法的象似性问题. 外语教学与研究. —1993. — №.1. С. 2-8.
3. 彭玉海. 论俄汉被动句的认知共性. 外语学刊. —2006. — №.6. С. 72-75.
4. Croft W. Voice: Beyond Control Affectedness / Croft W. // Voice: Form and Function. — Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 89-117.
5. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке / Буланин Л. Л. — Ленинград, ЛГУ, 1986. — 86 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Виноградов В. В. — Москва-Ленинград, Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. — 784 с.
7. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Янко-Триницкая Н. А. — Москва, Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 247 с.
8. Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: Лексикографический аспект / Апресян Ю. Д. // Русский язык в научном освещении. —2002. — №.3. С. 10-29.
9. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Падучева Е. В. — Москва, Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.
10. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Залоговость / Бондарко А. В. — СПб., Наука, 1991. — 370 с.
11. 张敏. 语法化的类型学及认知语言学考量. 温州: 中国第九届近代汉语学研讨会, 2000.
12. 赵敏善. 俄汉语中的被动句. 外语学刊. —1990. — №.4. С. 11-17.
13. 王志坚. 俄语性质被动句语义认知研究. 中国俄语教学. —2013. — №.3. С. 14-17.
14. 李临定. “被”字句. 中国语文. —1980. — №.6. С. 401-412.
15. 邵敬敏、赵春利. “致使把字句”和“省隐被字句”及其语用解释. 汉语学习. —2005. — №.4. С. 11-18.
16. 程琪龙. 被字句的语义结构. 汕头大学学报 (人文科学版). —1993. — №.2. С. 38-46.
17. 程琪龙. 致使概念语义结构的认知研究. 现代外语. —2001. — №.2. С. 122-133.
18. 彭玉海. 语义研究中的角色题元. 俄语语言文学研究. —2004. — №.4. С. 32-47.
19. 彭玉海. 语义研究动态分析方法探索. 北京: 中国社会科学出版社, 2009. — 302 p.
20. 盛义朝. 俄、汉语被动句语义实质及其语用后果. 外语与外语教学. —2014. — №.2. С. 38-42.
21. 沈家煊. 如何处置“处置式”. 中国语文. —2002. — №.5. С. 387-399+478.
22. 徐盛桓. 隐喻建模: 同一性视域下非字面义表达研究——以谐音词替代表达为例. 外语教学. —2017. — №.1. С. 11-18.

Список литературы на английском / References in English

1. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar, Vol. I: Theoretical Prerequisites / Langacker R. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 516 p.
2. Shen Jiaxuan. The Problem of Syntactic Similarity / Shen Jiaxuan // Foreign Language Education and Research. 1993. №.1. pp. 2-8. [in Chinese]
3. Peng Yuhai. On the Cognitive Commonality of Russian and Chinese Passive Sentences / Peng Yuhai // Foreign Language Research. 2006. №.6. pp. 72-75. [in Chinese]
4. Croft W. Voice: Beyond Control Affectedness / Croft W. // Voice: Form and Function. — Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 89-117.
5. Bulanin L. L. Kategoriya zaloga v sovremennom russkom yazyke [The Category of Voice in the Modern Russian Language] / Bulanin L. L. — Leningrad: Leningrad State University, 1986. — 86 p. [in Russian]
6. Vinogradov V. V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical Teaching about the Word] / Vinogradov V. V. — Moscow-Leningrad: State Educational-Pedagogical Publishing House, 1947. — 784 p. [in Russian]
7. Yanko-Trinititskaya N. A. Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke [Reflexive Verbs in the Modern Russian Language] / Yanko-Trinititskaya N. A. — Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. — 247 p. [in Russian]
8. Apresian Yu. D. Vzaimodejstvie leksiki i grammatiki: Leksikograficheskij aspekt [Interaction of Vocabulary and Grammar: Lexicographic Aspect] / Apresian Yu. D. // Russian Language in Scientific Interpretation. 2002. No. 3. pp. 10-29. [in Russian]
9. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary] / Paducheva E. V. — Moscow: languages of Slavic Culture, 2004. — 608 p. [in Russian]
10. Bondarko A.V. Teoriya funkcional'noj grammatiki. Zalogovost' [Theory of Functional Grammar. Voice] / Bondarko A.V. — Saint Petersburg: Science, 1991. — 370 p. [in Russian]
11. Zhang Min. Grammatical Typology and Cognitive Linguistics Considerations / Zhang Min // Wenzhou: The 9th Symposium on Modern Chinese Studies in China, 2000. [in Chinese]
12. Zhao Minshan. Passive Sentence in Russian and Chinese / Zhao Minshan // Foreign Language Research. 1990. №.4. pp. 11-17. [in Chinese]

13. Wang Zhijian. The Cognitive Study of Semantics of Russian Passive Sentence / Wang Zhijian // Russian Language in China. 2013. №.3. pp. 14-17. [in Chinese]
14. Li Linding. The Passive Sentence with Word "Bei " / Li Linding // Studies of the Chinese Language. 1980. №.6. pp. 401-412. [in Chinese]
15. Shao Jingmin. Causation Sentence with "Ba" and Passive Sentence without "Bei" and Their Pragmatic Interpretation / Shao Jingmin, Zhao Chunli // Chinese Language Learning. 2005. №.4. pp. 11-18. [in Chinese]
16. Cheng Qilong. The Semantic Structure of the Passive Sentence / Cheng Qilong // Journal of Shantou University (Human Sciences Edition). 1993. №.2. p. 38-46. [in Chinese]
17. Cheng Qilong. The Cognitive Study of the Semantic Structure of Concepts / Cheng Qilong // Modern Foreign Languages. 2001. №.2. pp. 122-133. [in Chinese]
18. Peng Yuhai. Semantic Role in Semantic Research / Peng Yuhai // Research of Russian Language and Literature. 2004. №.4. pp. 32-47. [in Chinese]
19. Peng Yuhai. The Dynamic Analysis Method of Semantic Research / Peng Yuha. Beijing: China Social Science Press, 2009. – 302 p. [in Chinese]
20. Sheng Yichao. The Semantic Essence of Passive Sentences in Russian And Chinese And Their Pragmatic Consequences / Sheng Yichao // Foreign Languages and Foreign Language Education. 2014. №.2. pp. 38-42. [in Chinese]
21. Shen Jiaxuan. How to Dispose of "Disposition" / Shen Jiaxuan // Studies of the Chinese Language. 2002. №.5. pp. 387-399+478. [in Chinese]
22. Xu Shenghuan. Notes on Non-literal Expression from the Perspective of Identity: A Case Study of Use of Homophonic Expression / Xu Shenghuan // Foreign Language Education. 2017. №.1. pp. 11-18. [in Chinese]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.33>**ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСИКА В ЧУВАШСКИХ ЗАГАДКАХ**

Научная статья

Калинина Е.Е. *

ORCID: 0000-0001-9022-2712,

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

* Корреспондирующий автор (kalininaekaterina2021[at]mail.ru)

Аннотация

Работа посвящена вопросам изучения цветообозначений в чувашском языке. Цель исследования – выявить специфику и закономерности употребления цветовой лексики в чувашских загадках.

В результате проведенного анализа выявлено доминирование черного, белого и красного цветов в чувашских загадках, что свидетельствует об архаичной природе чувашского языка. К релевантным и часто применяемым цветам также относятся синий, желтый и зеленый. Цветообозначения встречаются в группах загадок, отображающих сельскую жизнь, земледельческий труд, предметы быта, растительный и животный мир, продукты питания, явления природы.

Чувашские загадки с компонентом цветообозначения, являясь частью духовного достояния нации, способствуют раскрытию мировоззренческих, философских и нравственно-эстетических основ чувашского этноса.

Ключевые слова: загадка, чувашский язык, цветообозначения, лексика, культура.

COLOR VOCABULARY IN CHUVASH RIDDLES

Research article

Kalinina E.E. *

ORCID: 0000-0001-9022-2712,

Chuvash State University, Cheboksary, Russia

* Corresponding author (kalininaekaterina2021[at]mail.ru)

Abstract

The current article explores color terms in the Chuvash language. The purpose of the study is to identify the specifics and patterns of the use of color vocabulary in Chuvash riddles.

The analysis revealed the dominance of black, white and red colors in the Chuvash riddles, which indicates the archaic nature of the Chuvash language. The relevant and frequently used colors also include blue, yellow and green. Color designations are found in groups of riddles depicting rural life, agricultural labor, household items, flora, fauna, food, as well as natural phenomena.

As part of the spiritual heritage of the nation, Chuvash riddles with the color term component contribute to the exploration of the ideological, philosophical, moral and aesthetic foundations of the Chuvash ethnos.

Keywords: riddle, Chuvash language, color terms, vocabulary, culture.

Введение

Изучение цветообозначений в лингвокультурологическом аспекте является одной из интереснейших проблем в современном языкознании. Это обусловлено тем, что слово, обозначающее цвет, рассматривается как элемент культурного кода нации и «является емким компонентом для конструирования национальной картины мира» [6, С. 80].

Исследователь Л. А. Андреева отмечает, что «Лингвистика цвета является одной из важнейших частей исследований языковой картины мира, позволяющей раскрыть основные факторы функционирования языка и способствующей тем самым его глубокому анализу, изучению и сохранению» [1, С. 409]. В чувашском языкознании категория цвета относится к числу малоизученных. Данное исследование является попыткой рассмотреть специфику и закономерности употребления цветовой лексики на материале чувашских загадок.

В отечественной лингвистической науке для обозначения лексических единиц, называющих цвет, используются различные названия: цветообозначение, цветолексема, колороним, цветное прилагательное и др. В данной работе мы будем использовать термин «цветообозначение» под которым мы понимаем языковую единицу с цветовым значением, а также «общий процесс обозначения цветовых оттенков в языке» [3, С. 36].

Загадки – неотъемлемая часть устного народного творчества чувашского народа. Под загадкой мы понимаем «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [2, С. 56]. Г. Л. Пермяков, наряду с пословицами, поговорками, приметами и др., относит загадки к паремиологическим единицам [7, С. 145].

По мнению Е. Н. Вагановой, «народная загадка позволяет приобщиться к ментальному опыту национального социума, проникнуть в его образное метафорическое мышление» [4, С. 78]. Метафора в загадке отражает стереотипы народного сознания, раскрывает уровень его символической природы, способ репрезентации образов и художественное видение мира.

Специальному исследованию чувашских загадок посвящена работа Н. Р. Романова. Он пишет, что «в народном творчестве чувашей есть коротенькие метафорические произведения, требующие отгадывания. Чуваша их называют по-разному: *кёске юмах* "короткая сказка", *тупмалли юмах* "сказка для отгадывания", или *сутмалли юмах* "сказка с

наказанием"» [8, С. 142]. Анализируя загадки, Н. Р. Романов выделяет две интересные особенности чувашских загадок: первая – «у чувашей нет ни одной загадки о мифических и культовых вещах (боге, киремети и т.п.). Нет загадок и о болезнях, стихийных бедствиях, несчастиях, которые приходилось претерпевать крестьянину в прошлом. Этот факт свидетельствует о том, что творцы устного творчества были оптимистами» [8, С. 144]; вторая – «почти половина всех известных чувашских загадок говорит о женщине и женских занятиях по дому, инструментах, которыми она пользуется, и произведениях женского труда» [8, С. 144].

Загадки имели важное значение в духовной жизни чувашей. Так, М. Я. Сироткин отмечает, что «чаще всего в осеннее и зимнее время, в чувашском быту принято было не только петь песни, рассказывать сказки, но и загадывать и отгадывать загадки» [9, С. 47]. Чувашские загадки также упоминаются в этнографическом очерке о жизни и быте чувашей начала XX века «Чувашлар» З. Ш. Башири. В нем автор подчеркивает, что «чувашаи знают очень много загадок» [5, С. 53].

О. П. Терехова пишет о сходстве чувашских загадок с загадками других народов: «Профессор Н. И. Ашмарин при составлении 17-томного «Словаря чувашского языка» обратил внимание на сходство чувашских загадок с татарскими. Долгие годы чувашаи жили по соседству с русскими, всегда общались друг с другом, совместно трудились на строительстве городов, укрепленных линий, каналов, были бурлаками на Волге и т. п. На многих загадках заметны следы общения этих народов: некоторые из них калькированы с русских загадок, другие творчески переработаны» [10, С. 164, 165]. Отметим, что для полного раскрытия смысла чувашских пословиц, поговорок и загадок многие из них в сборниках даются в сравнении с аналогичными выражениями других народов. Например, с адыгейскими, белорусскими, каракалпакскими, русскими, туркменскими, удмуртскими, уйгурскими, украинскими народными изречениями и др.

Загадки являются частью нематериального наследия чувашского народа, в которых с лингвокультурологической точки зрения особый интерес представляют цветообозначения.

Методы и принципы исследования

Материалом для исследования послужили 210 загадок с компонентом цветообозначения в чувашском языке, отобранных методом сплошной выборки. В результате проведенного статистического анализа чувашских загадок были выявлены следующие наименования цветов: черный 'хура' (65), белый 'шурă' (34), красный 'хёрлĕ' (27), синий/голубой/серый 'кăвак' (25), желтый 'сарă' (23), зеленый 'симĕс' (22), золотой 'ылтăн' (14).

Основные результаты

В чувашском языке содержится большое количество загадок, содержащих имена цвета. Наиболее частотным цветообозначением является черный. Этот цвет встречается в загадках, прежде всего, описывающих предметы сельского быта (*ручная мельница, лачуга, котел, перевесло, бочка, кувшин, ухват и горшок, метла, горение лучины, смолянка, нары, дым, коса, ужомка*). Например, *хура-мара хуртумайш, хуп-хупланкă хупламаш* 'черномазый – губитель, а лубковый – угнетатель' (изба), *кăмака умĕнче хура качака ташлĕ* 'перед печью скачет черный козел' (дым), *хура каччă сарă хĕре ыталать* 'смуглый парень обнимает русую девушку' (ухват и горшок).

В лингвоцветовой картине мира чувашей черный цвет также символизирует землю. Это нашло отражение в загадке о вспаханном загоне: *сĕсенхирте хура сăхман выртать* 'в чистом поле лежит черный кафтан'. Интересна загадка, в которой коса сравнивается с черным змеем: *пурт айккинче хура сĕлен саканса тăрат* 'с боку избы висит черный змей'.

Встречаются загадки в рамках цветовой оппозиции «черное-белое»: *ани шурă, тырри хура* 'нива белая, семя черное' (письмо); *шур акайăн шăлĕсем хура* 'у белолицей сестры зубы черные' (ужовка); *хура хирте шур шашкă чупать* 'по черному полю белый зверек пробежал' (доска и мел).

Черный и белый цвета также употребляются в метафорических образах о дне и ночи: *шурă тăван шурă шупăрна, хура тăван хура халатпа* 'белый родственник в белом шабуре, черный родственник в черном халате'; *атпăшĕ шап-шурă, йăмăкĕ йăм-хура* 'старшая сестра беленькая, младшая совсем черная'.

Черный, белый и желтый цвета входят в состав загадок о продуктах питания. Например, *хут арчара хура тăпра* 'в бумажном сундуке черная земля' (чай), *шĕвĕ, шыв мар; шурă, юр мар* 'жидко, а не вода, бело, а не снег' (молоко), *сарă арчанăн сĕвви сук* 'желтый сундучок не имеет шва' (яйцо).

В чувашских загадках о растениях, овощах, насекомых, домашних и диких животных и птицах активно употребляются черный, белый, красный, зеленый и желтый цвета. Известны загадки о капусте, моркови, репе, луке, подсолнухе, малине, черемухе, липе, березе, клене, лисе, зайце, сороке, скворце, петухе, утке, индюке, пчеле, шмеле и т.д. Например, *хутлă-хутлă хутаçлă, хура сăран атăллă* 'с мешком со многими складками, в черных кожаных сапожках' (капуста), *шур вăкăрăн тирĕ урлă* 'у белого бычка кожа полосатая' (береза), *сулла симĕс хыс тăхăнать, кĕркунне сарă кĕрĕк тăхăнать* 'летом в зеленом халате, осенью в желтой шубе' (клен), *пĕр пиçихилĕ, симĕс пуçлă* 'с одним поясом, зеленой головкой' (утка).

В чувашской культуре желтый – один из самых любимых и красивых цветов. Так, в чувашских загадках желтый цвет используется для передачи образа красивой или русской девушки: *сарă Сарпикен сакăрвун сараппан* 'красавица Сарпике надела восемьдесят сарафанов' (лук) (досл.: желтая Сарпике надела восемьдесят сарафанов); *синсе пилĕк сарă хĕр теттĕм сĕрте тĕрĕ тăвать* 'русская девица с тонкой талией вышивает в темноте' (пчела) (досл.: желтая девица с тонкой талией вышивает в темноте').

Красный цвет ассоциируется с огнем и пожаром, что актуализируется в следующих загадках: *самки хура, чĕлхи хёрлĕ* 'лоб черный, язык красный' (дымовое окно); *аслăк айĕнче хёрлĕ автан хирĕлсе авăтать* 'под навесом красный петух заливается' (топка печи); *пурт синчен пурт сине хёрлĕ автан сиксе сĕрет* 'с избы на избы скачет красный петух' (пожар).

В двух примерах прилагательное *хёрлĕ* используется для обозначения рыжего цвета: *хёрлĕ хёрлемес хир чăххине хёрхенмест* ‘рыжая сиводушка куропаток не жалеет’ (лиса); *ярăп, ярăп, ярр-ярăп, тимĕр сине сарса хурăп, хёрлĕ йытта вёртерĕп* ‘тесто размешаю, по железу раскатаю, рыжая собака облает’ (печенье блинов).

В чувашском языке слово *ка́вак* переводится как синий, голубой или серый цвет. В большинстве случаев в загадках используется в значении серый. Например, *ка́вак така кучĕне те, пусĕне сĕкет* ‘серый баран бодается и задом, и передом’ (ставни), *сĕм вăрманта ка́вак йытă вĕрет* ‘в темном лесу лает серая собака’ (топор).

Цветобозначение *ка́вак* ‘синий’ встречается в загадках при описании явлений природы: *ка́вак шăналăк сине пин нухрат* ‘на синем пологие тысяча монет’ (звезды); *ка́вак хирте кĕмĕл выртать* ‘в синем поле лежит серебряное’ (туча). Интересна загадка о патефоне: *пĕчĕкĕсĕс ка́вак арча; арча йишĕнче шăрчăк пур, арча сине шăпчăк пур; астарать те култарать, пур кăмăла тултарать* ‘маленький синий сундучок; в этом сундуке сверчок сидит, на сундуке соловей поет; и смешит, и привлекает, и полное удовольствие доставляет’. Здесь ‘синий сундучок’ символизирует что-либо необычное и волшебное.

Золотой цвет в чувашских загадках используется в значениях свет, солнце и яркость, например, *чўрече витĕр ылтăн кĕвенте кĕрĕ* ‘в окно входит золотое коромысло’ (луч солнца), *ылтăн каска йăванĕ, сĕр хурчĕ тапранĕ* ‘золотой кряж перевалится, все земные насекомые зашевеливаются’ (рассвет), *сĕсенхир варринче ылтăн юна* ‘посреди поля золотой столб’ (гром и молния). Также этот цвет встречается в загадках о растениях золотого оттенка: *хурт-капшанкă тапранать, ылтăн алăк усăлат* ‘отворяется золотая дверь, тронутся все букашки’ (овес), *уллут майран ылтăн сўс* ‘у барыни золотые волосы’ (подсолнух).

В чувашских загадках упоминаются некоторые масти лошади, например, *шăмă витере сарă лаша кĕсенсе тăрат* ‘в костяной конюшне ржет саврасая лошада’ (язык); *алтăр урлă ка́вак лаша пăхат* ‘поверх ковши смотрит сивая лошада’ (рассвет); *вăрманта – турă, сула тухсан – хушка, киле кĕрсен – тимĕр ка́вак* ‘в лесу гнедой, в пути лысый, в доме сивый’ (липа). Здесь саврасая лошада переводится на чувашский язык как *сарă лаша* (досл.: желтая лошада), сивая лошада – как *ка́вак лаша* (досл.: серая лошада) и *тимĕр ка́вак лаша* (досл.: лошада железно-серого цвета).

Цветовая лексика встречается в загадках юмористического характера.

Например, *ипчăк-купчăк симĕс купчăк тайкаланчăк* ‘зеленая старушка идет, переваливаясь’ (утка); *симĕс Сисменди ка́вак! тесе мухтанать* ‘зеленый Сисменди кричит: я голубой!’ (лягушка).

Особый интерес представляют загадки, отражающие национальную специфику чувашей. Слова-цветобозначения обладают в них культурологической маркированностью. Встречается загадка, в которой отгадкой является часть женского головного убора верховых чувашек в виде ленты с вышитым узором – *масмак*: *лаптак кашта сине симĕс курăк шăтĕ* ‘на плоской перекладине зеленый мох вырос’. Или, например, *сурпан шурă, тĕрри хура* ‘сурбан белый, а вышивка черная’ (письмо); *уйра шур сурпан выртĕ* ‘в поле лежит белый сурбан’ (дорога). Сурбан являлся обязательной принадлежностью костюма замужней чувашской женщины в виде головного покрывала из полосы белого тонкого холста.

В загадке *Шурча чиркў, шур чиркў, ништан кĕме алăк сук* ‘Акрамовская церковь, белая церковь, не имеет дверей для входа’ (яйцо) упоминается деревня Акрамово, расположенная в Моргаушском районе Чувашской Республики. В этом населенном пункте существовал храм Успения Пресвятой Богородицы, что отразилось в загадке.

Название кисломолочного напитка чувашей – *уйран* встречается в следующей загадке: *шур чўлмекре хура уйран* ‘в белой крынке черный уйран’ (чернила).

Заключение

Таким образом, самыми высокочастотными цветобозначениями в чувашских загадках являются черный, белый и красный, что свидетельствует об архаичной природе чувашского языка. К релевантным и часто применяемым цветам относятся синий, желтый и зеленый, также используется золотой цвет. Цветовая лексика встречается в группах загадок, отображающих сельскую жизнь, земледельческий труд, предметы быта, растительный и животный мир, продукты питания, явления природы.

Цветобозначения в чувашских загадках имеют как прямое значение и указывают на сам цвет, отображая окружающую действительность, так и создают образы, символы, метафоры и сравнения, которые способствуют раскрытию мировоззренческих, философских и нравственно-эстетических основ чувашского этноса.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Андреева Л. А. Сопоставительный анализ цветовой лексики в марийских и хантыйских загадках / Л. А. Андреева, О. Ф. Худобина, Т. А. Молданова и др. // Мир науки, культуры и образования. – 2021. – №2 (87). – С. 409-411.
2. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор / В. П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
3. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветобозначения в языке / Д. Н. Борисова // Вестник ЧелГУ. – 2008. – №21. – С. 32-37.
4. Ваганова Е. Н. Образ луны в мордовской устной поэтической традиции (на материале загадок) / Е. Н. Ваганова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – №1 (54). – С. 78-81.
5. Галимов С. Ф. Зариф Башири о национальных особенностях чувашского народа (на материале очерков «Чуваши») / С. Ф. Галимов // Вестник ЧелГУ. – 2012. – №6 (260). – С. 52-54.

6. Калинина Е. Е. Цветообозначения в чувашском и китайских языках: к истории изучения / Е. Е. Калинина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 2 (111). – С. 79–85. DOI 10.37972/chgpu.2021.111.2.009

7. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии / сост. Г. Л. Капчиц. М.: Изд-во «Наука», 1988. – 236 с.

8. Романов Н. Р. О чувашских загадках / Н. Р. Романов // Ученые зап. Вып. XXI. – Чебоксары : ЧНИИЯЛИЭ, 1962. – С. 142-154.

9. Сироткин М. Я. Чувашский фольклор / М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 132 с.

10. Терехова О. П. Природа в чувашском фольклоре как фактор народного воспитания / О. П. Терехова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2012. – №1-1. – С. 161-166.

11. Ваттисен сáмахăсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем / Сост. Н. Р. Романов. – Шупашкар : Чăваш АССР гос. изд-ви, 1960. – 360 с.

12. Чăваш халăх сáмахлăхĕ. V том. Вак жанрсем. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1984. – 352 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Andreeva L. A. Sopostavitel'nyi analiz tsvetovoi leksiki v mariiskikh i khantyiskikh zagadkakh [Comparative analysis of color vocabulary in the Mari and Khanty riddles] / L. A. Andreeva, O. F. Khudobina, T. A. Moldanova et al. // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. – 2021. – №2 (87). – P. 409-411. [in Russian]

2. Anikin V. P. Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki, detskii fol'klor [Russian folk proverbs, sayings, riddles, children's folklore] / V. P. Anikin. – M.: Uchpedgiz, 1957. – 240 p. [in Russian]

3. Borisova D. N. K probleme vibora termina dlya nazvaniya form cvetooboznacheniya v yazike [On the problem of choosing a term for the name of color coding forms in a language] / D. N. Borisova // Vestnik ChelGU. – 2008. – №21. – P. 32-37. [in Russian]

4. Vaganova E. N. Obraz luny v mordovskoi ustnoi poeticheskoi traditsii (na materiale zagadok) [The image of the moon in the Mordovian oral poetic tradition (based on riddles)] / E. N. Vaganova // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – №1 (54). P. 78-81. [in Russian]

5. Galimov S. F. Zarif Bashiri o natsional'nykh osobennostyakh chuvashskogo naroda (na materiale ocherkov «Chuvashi») [Zarif Bashiri on the national characteristics of the Chuvash people (based on the essays "Chuvash")] / S. F. Galimov // Vestnik ChelGU. – 2012. – №6 (260). – P. 52-54. [in Russian]

6. Kalinina E. E. Tsvetooboznacheniya v chuvashskom i kitaiskikh yazykakh: k istorii izucheniya [Color designations in the Chuvash and Chinese languages: on the history of study] / E. E. Kalinina // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2021. – № 2 (111). – P. 79–85. DOI 10.37972/chgpu.2021.111.2.009 [in Russian]

7. Permyakov G. L. Osnovi strukturnoi paremiologii [Fundamentals of Structural Paremiology] / sost. G. L. Kapchic. M.: Izd-vo «Nauka», 1988. – 236 p. [in Russian]

8. Romanov N. R. O chuvashskikh zagadkakh [About Chuvash riddles] / N. R. Romanov // Uchenye zap. Vyp. XXI. – Cheboksary : ChNIIYaLIE, 1962. – P. 142-154. [in Russian]

9. Sirotkin M. Ya. Chuvashskii fol'klor [Chuvash folklore] / M. Ya. Sirotkin. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1965. – 132 p. [in Russian]

10. Terekhova O. P. Priroda v chuvashskom fol'klоре kak faktor narodnogo vospitaniya [Nature in Chuvash folklore as a factor of national education] / O. P. Terekhova // Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva. – 2012. – №1-1. – P. 161-166. [in Russian]

11. Vattisen sáмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем [Chuvash proverbs, sayings and riddles] / Sost. N. R. Romanov. – Shupashkar : Chăvash ASSR gos. izd-vi, 1960. – 360 p. [in Chuvash & Russian]

12. Chăvash khalăkh sáмахлăхĕ. 5 том. Вак жанрсем [Chuvash oral literature. 5 volume. Small genres]. – Shupashkar : Chăvash kĕneke izdatel'stvi, 1984. – 352 p. [in Chuvash]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.35>**ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЛОВ В КОНТЕКСТЕ**

Научная статья

Толмачева И.А. *

ORCID: 0000-0002-3473-1237,

Юго-западный государственный университет, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (toirina[at]yandex.ru)

Аннотация

Исследование связей слова в лексиконе, в частности в лексиконе многоязычного индивида, неизбежно связано с проблемами доступа к слову, а, следовательно, и с проблемами идентификации слова. Несмотря на то, что в настоящем исследовании не ставится специальная задача выявления опор для идентификации слов, авторы обсуждают некоторых теоретических вопросов, связанных с проблемой идентификации слова. Идентификация слова является неотъемлемой чертой взаимодействия языков. В статье проведён анализ различных подходов и теорий изучения идентификации слова. Обсуждаются проблемы лексического доступа, а также исследование стратегий идентификации значения псевдослова. Рассматриваются такие термины как «идентификация», «псевдослово». Приводится пример экспериментального исследования на идентификацию слова в контексте.

Ключевые слова: слово, термин, респондент, идентификация, русский, английский, псевдо-слово.

WORD IDENTIFICATION IN THE CONTEXT

Research article

Tolmacheva I.A. *

ORCID: 0000-0002-3473-1237,

South-west state university, Kursk, Russia

* Corresponding author (toirina[at]yandex.ru)

Abstract

The study of word connections in lexicon, especially in the lexicon of a multilingual individual, is inevitably associated with the problem of access to the word, and, therefore, with problems of word identification. Even though the present study does not set a special task of identifying supports for words identification, the author discusses some theoretical issues related to the problem of a word identification. Word identification is an integral feature of languages interaction. The analysis of various approaches and theories of studying a word identification is described in the article. The problems of lexical access are discussed, as well as the study of strategies for identifying the value of pseudo-word. Such terms as "identification," "pseudo word" are described. An example of an experimental study of word identification in the context is given.

Keywords: word, term, respondent, identification, Russian, English, pseudo-word.

Introduction

The study of word connections in the lexicon, especially in the lexicon of a multilingual individual, is inevitably associated with problems of access to the word, and, therefore, with problems of word identification. In foreign literature on cognitive psychology and psycholinguistics the term "identification" refers to the process of visual stimulus recognizing [1]. It is assumed that access to word meaning is possible when the stimulus is fully identified. A.A. Zalevskaya proposed psycholinguistic theory of the word as an asset of an individual, as means of access to a single information base of a person. This theory led to a wider interpretation of the term «word identification.» This interpretation involves the designation of all mental processes, the product of which is a subjective experience of knowledge (understanding) of what we are talking about, readiness to operate this knowledge considering versatile prior experience and emotional evaluation, conscious and unconscious interaction, verbalized and non-verbalized [2]. Modeling of word identification processes implies to distinguish conditionally the following stages of this single process for research purposes: access to a word — word recognition — word identification [3].

T.Yu. Sazonova emphasizes that psycholinguistic approach considers and explains the nature of perceptual interaction, conceptual and affective information in identification process of word meaning. She points out that "from the point of view of this approach, the identification process is considered as an interactive process for finding the meaning of a word *in all directions simultaneously*" [4; highlighted by the authors]. Note that experimental situations allow you to expose individual results of this process, which makes it possible to determine supports (keys) that motivate word identification, which is provided by a complex of multistage processes that take place at different levels of awareness during the interaction of perceptual, cognitive, and emotional-evaluation experiences of a native speaker [ibid.: P.192].

Discussion

Such scientists as I.A. Sternin, F.G. Samigulin, A. A. Flaxman, I.S. Borozdina, N.I. Vlasenko, I.A. Tolmacheva, V.V. Zvyagintseva believe that the key link in solving the problem of language processing is not knowledge, but those characteristics of native speakers, that are not subjected to stereotyping and conceptual modeling, namely goal-setting, formation and satisfaction of needs, emotional states, hidden motives, worldview values. F.G. Samigulina notes that "cognitive activity, the results of which materialize in the language, depends on many pragmatic and even ideological factors. Consideration of these factors in modern linguistic research means a transition from a theory based solely on signs and operations with signs to a theory appealing to pragmatic needs of communicators, since specific to discursive activities as

activities of thinking, carried out in a certain situation, are influenced by various communicative and pragmatic conditions" [5, P. 6]. I.A. Sternin uses the term «communicative consciousness,» by which he understands «a complex of human consciousness mechanisms that ensure its communicative activity» [6, P.87]. A.A. Flaxman says that «mentality, language and culture of a single people are mutually beneficial to each other» [7]. Many researchers, studying various language aspects, for example phraseological foundation, conclude that the role of vocabulary in translating national-cultural knowledge about native language is great.

Problems of lexical access in the process of recognition or word identification attract special attention. Access process includes several steps. First, there should be a kind of incentive that "starts" the operating system. It is assumed that a written word is such a stimulus, a spoken word is for the perception of oral speech, a concept is for speaking and writing. The stimulus is like an input to the procedure (set of procedures) for mapping this input to a representation, which provides access to mental lexicon. Since such a representation is in the interface between stimulus and mental lexicon (memory), it is called access representation. Spelling representation is for reading, phonological representation is for oral perception, semantic-syntactic is for speaking and writing. Lexical access is made at the time of contact with access representation. Such access leads to the extraction of all available information about the word [4].

Many works are devoted to the study of the processes of word identification. For example, scientific study of L.V. Gazizova is devoted to the study of strategies and supports used by native speakers in word identification as an individual asset. The author considers word identification as a process carried out at different levels of information processing (perceptual, affective, cognitive) using various ways of correlating language information with person's knowledge, beliefs, and ideas about the world. This study considers the process of identifying a familiar word on the material of Tatar and Bashkir languages with adult speakers, and words identification is studied as a three-sided process that proceeds according to formal and semantic features of the word. As a result of data analysis obtained during the experiment, it was found that the following supports are used as supports on semantic grounds: identification of a word stimulus based on image or representation; word identification as an understanding of its meaning for itself; word identification based on the situation; word identification based on emotional-evaluation experiences of an individual; word identification based on an intermediate element of an associative process; word identification based on sensory-emotional experiences; word identification based on word potential; word identification based on a "specific" concept system and word identification based on an "abstract" concept system [8].

N.M. Tkachenko discusses a study of strategies for pseudo-word identification. In this study a pseudo-word is a word without substantive correlation. The work is devoted not only to the analysis of an isolated pseudo-word, but to its functioning in a verbal context, which consists only of pseudo-words. According to the author, pseudo-word identification strategies functioning at different levels of its awareness in direct interaction are due to a number of identification supports, priority choice of which depends both on the nature of pseudo-word itself and on the characteristics of perceptual interaction, cognitive and affective experience of an individual and presence/absence of a verbal context [9]. During the analysis of obtained reactions the researcher found out that the following supports are used as supports in the process of isolated pseudo-word identification: 1) support on the phonetic image of a pseudo-word, 2) support on the phonetic image of the stimulus as an intermediate element of an associative process, 3) support on a word symbol, 4) support on a stimulus symbol as an intermediate element of an associative process, 5) support on morphological components of a word, 6) reliance on morphological components of a word as an intermediate element of an associative process, 7) support on grapheme chains as components of a word, 8) supporting grapheme/phoneme chains as an intermediate element of an associative process, 9) support on lexico-grammatical class and grammatical form of the pseudo-word [ibid.].

Analysis of associative reactions obtained in the process of a pseudo-word identification in the context allowed N.M. Tkachenko to identify the following supports: 1) supports on sensual components of internal context, 2) support on vocabulary-grammatical class and grammatical form of a pseudo-word, 3) rejection of the reaction, 4) support on the situation simulated by the subjects [ibid.].

Yu.V. Fedurko considers the features of the process of an unfamiliar word identification from the perspective of a synergistic vision of the world. According to the author, the synergy of the identification process lies on the one hand, in mutually deterministic circular process of merging the energy of an individual aimed at identifying a new word and the energy of a word that appears in it as the realization of a representative language function only due to the specific content of perceptive-cognitive-affective experience of each particular individual. On the other hand, successful/unsuccessful identification of an unfamiliar word occurs when reference elements interact. An unfamiliar/new word is a certain informational impulse that intensifies multiple connections, relationships between elements of mental lexicon; calls certain experiences, emotions; updates a certain piece of experience. [10].

The researcher developed a synergistic model for an unfamiliar word identification, which includes all processes from getting a word into a view of an individual to its identification — identifying with a fragment of an individual image of the world. The identification process is accompanied by an increase in the number of links. And when an order parameter appears concentration on the corresponding datum increase. Yu.V. Fedurko also notes that when an individual meets an unfamiliar word, a nonlinear situation occurs. In this situation random deviations occur in mental lexicon as a dynamic self-organizing system, bringing the system into instability state. This happens due to the arrival of energy in the conceptual system of an individual in the form of new information. This stage ends with the transition of the system to a stable state with a higher level of organization (getting into mental lexicon of a new unit with the formation of numerous connections) [ibid.].

However, despite the versatility conducted research on word identification processes and strategies, it should be noted that linguistics does not have a complete set of knowledge of the process of terms identification that have not been subjected to consistent and systematic analysis and subsequent description in a comparative aspect based on language differentiation.

Experiment and Results

We conducted an experimental study to identify terms in the context. Respondents were asked to read the text and then to retell it. If the text was in English, it was necessary to retell it into Russian and Burmese; when the text was in Russian, it was necessary to retell it into English and Burmese. Respondents were interviewed individually. The retelling of the texts was fixed in written form. Then a comparison was made between the use of terms and professional vocabulary in original texts and in retellings.

During the analysis of obtained experiment data, it was found that many terms were identified and used in each type of retelling: *internet, provider, wireless access points, users, kilo bite (kilobyte), connection, software, access point, attack, server, overloaded, access, hacker, virus, flood*. In most cases, direct translation equivalents were used. Only in some cases respondents somehow explain the term. We can say that they did this when they simply did not know translated equivalent (for example, *provider* — *обеспечиватель*) [11, P. 96-101], [12, P. 199-204], [13, P.12-20], [14, P. 72-75].

Terms such as: *network, network center, hotspot, broadband speed connection, outlets, external drives, updated databases, portable work, authentication tool* were not identified by the respondents in any language. Some terms were not identified when retelling Russian texts into Burmese, for example: *removable drive, system registry*.

The results of a qualitative analysis, in which original texts and retellings were compared not in terms of presence or absence of certain terms, but in terms of meaning and usefulness of a certain term usage in the context.

Conclusion

So, we can conclude that: 1) relatively simple and widespread terms are easily identified by the respondents and easily transmitted by translation equivalents in another language. Such correspondences are more observed between English and Russian; this ratio is a little less between Russian and Burmese and English and Burmese [12, P. 199-204]; 2) when there were highly specialized terms the respondents had difficulty in their identification, in most cases they simply omitted these terms when retelling the text. For example, the term *broadband speed connection* was omitted in retelling English text into Russian, despite its meaning in the context and role in understanding the meaning of the text: Each card entitles users to 15 hours *access* through a *broadband speed connection*; ranging from 128-512 *kilo bytes* per second. – Каждая карта даёт возможность 15 часового *доступа* со скоростью интернета 125-512 *килобайт* в секунду.

Thus, we can say that in many cases, the links between the words of different languages operate only at the level of word form.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Солсо Р.Л. – М.: Тривола, 1996. С. 28–36.
2. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: монография / Залевская А.А. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 134 с.
3. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: монография / Сазонова Т.Ю. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 134 с.
4. Мягкова Е.Ю. Коммуникативный конфликт; психолингвистический аспект / Мягкова Е.Ю., Сазонова Т.Ю. // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: в 2 ч. / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. Ч. 1. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. С. 189–202.
5. Самигулина Ф.Г. Реализация парадигматических отношений в синтагматике: парадигматический аспект / Самигулина Ф.Г. // Известия Саратовского университета. Саратов, 2010. Вып. 3. С. 6–12.
6. Стернин И.А. О национальном и коммуникативном сознании / Стернин И.А. // Лингвистический вестник. Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 87–94.
7. Флакман А.А. Немецкий язык как отражение ментальности его носителей: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 172 с.
8. Газизова Л.В. Стратегии идентификации полисемантического слова: на материале разносистемных языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 186 с.
9. Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 21 с.
10. Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 177 с.
11. Власенко, Н. И. Промежуточный язык как "третья система" в процессе взаимодействия языков / Н. И. Власенко, И. А. Толмачева // Язык для специальных целей: система, функции, среда : сборник научных статей VI международной научно-практической конференции, Курск, 14–15 мая 2016 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2016. – С. 96-101.
12. Толмачева, И. А. Взаимодействие языков в сознании многоязычного индивида / И. А. Толмачева // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 6-2(39). – С. 199-204.
13. Бороздина, И. С. Прагматические и когнитивные аспекты речевого акта: взаимосвязь и взаимовлияние / И. С. Бороздина, Н. И. Власенко // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1(32). – С. 12-20.
14. Власенко, Н. И. Взаимодействие языков и идентификация слов в контексте / Н. И. Власенко, И. А. Толмачева // Проблемы педагогической инноватики в профессиональном образовании : Материалы XX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 года / Ответственные редакторы: Е.И. Бражник, Н.Н.

Суртаева, С.В. Кривых. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2019. – С. 72-75.

Список литературы на английском / References in English

1. Solso R.L. Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive Psychology] / Solso R.L. – М.: Trivola, 1996. [in Russian]
2. Zalevskaya A.A. Individual'noe znanie: specifika i principy funkcionirovaniya [Individual knowledge: specifics and principles of functioning]: monograph / Zalevskaya A.A. – Tver: Tver. state. Un-t, 1992, 134 p. [in Russian]
3. Sazonova T.Yu. Modelirovanie processov identifikatsii slova chelovekom [Modeling the processes of identifying a word by a person: psycholinguistic approach]: monograph / Sazonova T.Yu. – Tver: Tver. state. Un-t, 2000, 134 p. [in Russian]
4. Myagkova E.Yu. Kommunikativnyj konflikt; psiholingvisticheskiy aspekt [Communicative conflict; psycholinguistic aspect] / E. Yu. Myagkova, T. Yu. Sazonova // Mutual understanding in the dialogue of cultures: conditions of success, Part 1. Voronezh, 2004, pp. 189–202. [in Russian]
5. Samigulina F.G. Realizatsiya paradigmatischeskikh otnoshenij v sintagmatike: paradigmatischeskiy aspekt [The implementation of paradigmatic relations in syntagmatics: a paradigmatic aspect] / F. G. Samigulina // Izvestiya Saratovskogo universiteta Proceedings of Saratov university. Series 3]. - 2010. - № 3. – P. 6–12. [in Russian]
6. Sternin I.A. O nacional'nom i kommunikativnom soznanii [On national and communicative consciousness] / I.A. Sternin // Lingvisticheskiy vestnik. Iss. 4. [Linguistic bulletin]. - 2002. № 4. – P. 87-94. [in Russian]
7. Flaxman A.A. Nemeckiy yazyk kak otrazhenie mental'nosti ego nositelej. [German as a reflection of the mentality of its speakers]: dis. of PhD in Philology. Nizhny Novgorod, 2005.- 172 p. [in Russian]
8. Gazizova L.V. Strategii identifikatsii polisemantichnogo slova: na materiale raznosistemnykh yazykov. [Strategies for identifying the polysemantic word: on the material of different system languages]: dis. of PhD in Philology. Ufa, 2006.- 186 p. [in Russian]
9. Tkachenko N.M. Issledovanie strategij identifikatsii znacheniya psevdoslova [Study of strategies for identifying the meaning of a pseudo-word]: report. dis. of PhD in Philology. Izhevsk, 2007. 21 p. [in Russian]
10. Fedurko Yu.V. Identifikatsiya neznakomogo slova kak sinergeticheskiy process [Identification of an unfamiliar word as a synergistic process]: dis. of PhD in Philology. Tver, 2008. 177 p. [in Russian]
11. Vlasenko, N. I. Promezhutochnyy yazyk kak "tret'ya sistema" v processe vzaimodejstviya yazykov [Intermediate language as the "third system" in the process of interaction of languages] / N. I. Vlasenko, I. A. Tolmacheva // Yazyk dlya special'nykh tsелей: sistema, funktsii, sreda: sbornik nauchnykh statej VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 14–15 maya 2016. [Language for special purposes: system, functions, environment: collection of scientific articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Kursk, May 14-15] – Kursk, 2016. - pp. 96-101. [in Russian]
12. Tolmacheva, I. A. Vzaimodejstvie yazykov v soznanii mnogoyazychnogo individa [Interaction of languages in the minds of a multilingual individual] / I. A. Tolmacheva // Izvestia Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. [Proceedings of South-west state university]. – 2011.- № 6-2(39). - P. 199-204. [in Russian]
13. Borozdina, I. S. Pragmaticheskie i kognitivnye aspekty rechevogo akta: vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie [Pragmatic and cognitive aspects of the speech act: interconnection and mutual influence] / I. S. Borozdina, N. I. Vlasenko // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language theory and intercultural communication]. – 2019. – № 1(32). - P. 12-20. [in Russian]
14. Vlasenko, N. I. Vzaimodejstvie yazykov i identifikatsiya slov v kontekste [Interaction of languages and identification of words in the context] / N. I. Vlasenko, I. A. Tolmacheva // Problemy pedagogicheskoy innovatsii v professional'nom obrazovanii : Materialy XX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 26–27 aprelya 2019 [Problems of pedagogical innovation in vocational education: Materials of the XX International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 26-27, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen] - St. Petersburg , 2019. - pp. 72-75. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.36>**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ НОРМАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ В БРИТАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ**

Научная статья

Гаврилова Ю.В. *

Национальный исследовательский университет МЭИ, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (march1378[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению истории возникновения нормативной традиции английского языка в грамматике, фразеологии и произношении. Отдельное внимание уделено грамматике Джозефа Пристли и нормативной традиции в газете *The Times*. Автор указывает, что ранние нормы появились еще в период господства латинской и греческой традиций, а также упоминает источники, которыми пользовался Джозеф Пристли при написании грамматики. Интересно, что в ту эпоху учебники по грамматике включали в себя примеры «плохого английского». В XX веке появилось общеизвестное RP (Received Pronunciation - стандартное произношение), которое в настоящее время постепенно вытесняется EE (Estuary English – эстуарный английский).

Ключевые слова: норма, грамматика, произношение, традиция, акцент.

HISTORY AND MODERNITY OF NORMATIVE TRADITION IN BRITISH LINGUISTICS

Research article

Gavrilova Yu.V. *

National Research University MPEI, Moscow, Russia

* Corresponding author (march1378[at]yandex.ru)

Abstract

The article deals with studying the history of English normative tradition in grammar, phraseology and pronunciation. Special attention is paid to the grammar by Joseph Priestley and normative tradition in *The Times*, British daily national newspaper. The author states that early norms appeared during the dominance of Greek and Latin traditions and mentions the sources that Joseph Priestley used while writing his grammar book. It is interesting to note that during the time studied grammar books included some examples of ‘bad English’. In the 20th century, RP (Received Pronunciation) norm appeared and it is now gradually superseded by EE (Estuary English).

Keywords: norm, grammar, pronunciation, tradition, accent.

Introduction

Looking at the problems of normative tradition it is necessary, first of all, to define and understand what a norm actually is. By saying ‘norm’ we usually imply a literary or a linguistic norm or standard and understand that it has been historically formed and is now considered to be the correct way of pronouncing, spelling or using words [7].

The article will examine some facts from the history of normative tradition, principles of correct pronunciation and phraseology, correctness in Joseph Priestley’s grammar, normative tradition expressed in *The Times* and specialized bilingual dictionaries.

Theoretical background

The present research is based mostly on a selection of papers that were presented at workshops at different conferences of the European Society for the Study of English held at different times in different European and Asian cities. The Society itself was founded in Rome in 1990 and now comprises more than 7000 members from different countries. The findings of the research may be interesting for university lecturers, professors and researchers of English who work with literature, linguistics, culture in European countries.

Methods

Methods of our analysis include studying papers of British scholars critically, basing on examples provided in their works. At the end of the article some conclusions about the present day state of normative tradition are drawn.

Early norms in the traditions of English grammar

This section of the paper touches upon some initial norms of English and identifies their major roots.

Some norms can be actually traced back to the time of foundation of linguistic thought during the classical period. At that time, the problem of norm was closely connected with the practical interests pursued while reflecting about the language, philosophical, rhetorical, literary. But some central and long-lasting arguments and polemic issues had remained not settled by the end of the period of Middle Ages.

Grammar books “Pamphlet for Grammar” (1586) by W. Bullokar and “Key to the Art of Letters” (1700) written by A. Lane [2] display evidence from the classical tradition of scholarship, which means that there was sudden appearance, designing and making of grammars of the European vernaculars. It happened at the time when Latin and Greek were considered instituted languages. The status of the producer of norms was challenged and debated.

At the same time the challenging of norms itself implies their existence. It is known that in the second half of the sixteenth century scholars reduced the rules of Latin to quite a low number as they were seen as inappropriate. “The English grammarians of the time were not only struggling to adapt a general Latin pattern to the vernacular, they were also pointing out

its fallacy... The debate over the parts of speech, or the progressively revisited pattern of moods and tenses, was inspired by a genuine willingness to express the true nature of a vernacular" [2, P.11].

The inquiry of norms is to be carried out along the lines of custom, authority and patterns, as authority varies with time, custom may not always prevail on nature or reason and patterns may be adapted to various states of a language. Therefore, norms will probably always be judged as adverse to actual language usage. And although norms change together with language the history of their development cannot be forgotten.

Sources of norms in Joseph Priestley's grammar

This section of the article is devoted to the well-known grammar book "The Rudiments of English Grammar" [8] written by Joseph Priestley (1733-1804). It is seen by many linguists as one of the few descriptive English grammars of the time. Priestley intended his grammar for schools and so it was obviously based on a normative principle.

"The Rudiments of English Grammar" [8] is a truly influential work in the codification of the English language. It is considered that Joseph Priestley held the publications appearing in "The Spectator" as examples of very good English and identified himself with middle-class values. It is also known that Priestley was elected a member of the Royal Society of London in 1766 and between the years 1769 and 1791 he published 16 articles in the Society's publications.

Turning to the authoritative sources for Priestley we should mention Samuel Johnson's "Dictionary of the English Language" (1755). It was valuable in terms of lexicography and lexicology. Johnson supplied his dictionary with a short grammar, which was used by Priestley when preparing his own English grammar. It is interesting to note that Priestley did not accept all the observations and rules and sometimes even criticized Johnson.

Another source of grammar material and norms for Priestley was Lowth's Grammar [6]. Priestley found that Lowth placed too much value on analogy and idealized norms and not enough on their actual usage.

It is also necessary to note that some grammars of that time also included examples of incorrect usage and this phenomenon was new during the period of Late Modern English. The origin is known. It was Ann Fisher's with her book "New Grammar, with Exercises of Bad English" [5]. These examples quickly became popular, but Joseph Priestley excluded such illustrative sentences from his grammar.

Like many other contemporary grammarians Priestley also used well-known authors as examples. The norms of linguistic correctness were in fact collectively created by a discourse community of grammarians in the second half of the 18th century to which Priestley belonged. This community collected the usage of the best authors and examples of bad English and that was the basis of a canon of norms for the English language.

Critical Pronouncing Dictionary by John Walker

This dictionary was published in 1791 [12] and was based on a lexicographic tradition started by Johnson [3] and also on the British elocutionary movement. Walker's innovational idea implemented in the dictionary was to compare the data of previous dictionaries and add his own critical notes and commentaries on pronunciation.

This dictionary had a long editorial success which later on was superseded only by Daniel Jones' English Pronouncing Dictionary [4]. Walker recommended a polite pronunciation and condemned another one for being pedantic or vulgar. This very thing was one of the reasons for success. Walker's critical notes were later edited and compiled into a corpus and provide now a separate database useful for the study of eighteenth-century norms of pronunciation together with sociolinguistic patterns.

"At the end of the eighteenth century Walker offers a new vision of correct pronunciation by trying to arbitrate between three main sociolects of his time, and considering the productions of the upper classes as well as those of the vulgar. The rational ideals of the century led him to invoke science as an objective judge, by drawing on the principle of analogy and limiting the spread of typically 'learned' pronunciations based on classical languages rather than the speakers' intuition of English" [10, P.35].

Some modern authors [11] believe that despite some simplistic visions and subjective characteristics Walker's ironic critical pronunciation descriptions have brought new light on the standard language and began to challenge and question so-called 'polite' pronunciation at that time.

Normative attitude in *The Times*

The Times national newspaper was a mirror of the Late Modern English standard accent ideology and normative tradition. It is believed that the press in eighteenth- and nineteenth-century Britain actually helped in promoting and reinforcing the standard English ideology which characterized most of the early Late Modern English period [10]. It allowed people to have their say and also significantly contributed to reinforce and promote so called 'false myths' which were to characterize prescriptive attitudes on a social and a linguistic level.

The Times was a widely read paper. Another reason why *The Times* was used as a source of investigation of standards and norms was because "it has always enjoyed a high prestige and has had an educated readership" [10, P.41]. The material of study carried out by M. Sturiale [9] were letters to the editor published in *The Times*. He draws the conclusion that readers and editors made an effort to indicate and safeguard a model accent as the linguistic ideal to be attained. In so doing the newspaper played an important role in the prescription of British English pronunciation which imposed itself as a status emblem in the nineteenth century.

Modern tendencies in pronunciation norms

Speaking about the present-day state of things concerning norms we should point out that due to the process of globalization more and more people are learning English and using it for professional communication. The world is facing a global shift which requires British bilingualism as for many people both in Asian and European countries English has actually

become the second used for everyday and professional communication. The British RP (Received Pronunciation) norm meets most of the requirements of choosing a language standard [1]. In the twentieth century, BBC presenters became the standard. However, with the passing of time, at the beginning of the twenty-first century, some presenters with their local accents started working at BBC which led to the influence of local pronunciation on the standard. In these conditions we may now speak about so-called Estuary English (EE). So EE may actually become tomorrow's RP. Estuary English includes some peculiarities of South-East accent on segment and intonation levels, which is spoken along the river Thames and its estuary.

Linguists tend to mark some specific features of Estuary English. They are as follows: t-glottaling, l-vocalization and the London vowel shift. T-glottaling can be seen when in a phrase 'like a lot of' the sound [t] becomes a glottal stop. L-vocalization is revealed when in words like 'bell' the letter 'l' becomes a vowel sound and the words is pronounced as [bew]. Vowel shift typical of London implies that the vowel in *face* moves towards *price*, *lace* moves towards *lice*.

Concluding remarks

When we speak about a norm in English we usually imply a norm in pronunciation or accent. "The prestige of using this or that form is socially important as well as any deviation from it" [1, P.5]. However, as we have seen above, British normative tradition does not include only pronunciation norms, as it also has a long history of grammar norms. The first grammar books of English appeared at a time when Latin and Greek were considered instituted languages. A special mention deserves Joseph Priestley's grammar. We have covered in our research dictionaries by John Walker and Daniel Jones. In the nineteenth century, the normative tradition was established and observed by the newspaper *The Times*, and in the twentieth century by the BBC, world's leading public service broadcaster. At present time RP (Received Pronunciation) is being substituted by EE (Estuary English), spoken along the river Thames and its estuary.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абрамова И.Е. Британский произносительный стандарт: тенденции развития / Абрамова И.Е. // Вестник челябинского государственного университета, №29 (210). Серия Филология. Искусствоведение. – 2010 – Выпуск 27. – Стр. 5-10.
2. Beal J.C. Towards a History of the English Normative Tradition / Beal J.C., Jamartino G. // Language and History, vol.59, №1, 2016. – Pp.4-13.
3. Johnson S. A Dictionary of the English Language / Johnson S. London: J. & P. Knapton, 1755. – 1138 p.
4. Jones D. English Pronouncing Dictionary. Fourteenth edition, ed. by A.C Gimson. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 576 p.
5. Fisher A. A Practical New Grammar with Exercises of Bad English or an Easy Guide to Speaking and Writing the English Language Properly and Correctly / Fisher A. London: Thompson, 1789. – 192 p.
6. Lowth R. A Short Introduction to English Grammar / Lowth R. London, A. Millar and R. & J. Dodsley, 1762. – 152 p.
7. Matthews P.H. Concise Dictionary of Linguistics, second edition / Matthews P.H. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 445 p.
8. Priestley J. The Rudiments of English Grammar; Adapted to the Use of Schools. With Observations on Style / Priestley J. London: R. Griffiths, 1761. – 430 p.
9. Straaijer R. Codification of Correctness: Normative Sources for Joseph Priestley's Grammar / Straaijer R. // Language and History, vol.59, №1, 2016. – Pp.14-24.
10. Sturiale M. '[Sir,] Who is the English Authority on Pronunciation?': Accent and Normative Attitude in The Times (1785-1922) / Sturiale M. // Language and History, vol.59, №1, 2016. – Pp.37-47.
11. Trapateau N. 'Pedantic', 'polite', or 'vulgar'? a systematic analysis of eighteenth-century normative discourse on pronunciation in John Walker's dictionary (1791) / Trapateau N. // Language and History, vol.59, №1, 2016. – Pp.25-36.
12. Walker J. A Critical Pronouncing Dictionary and Expositor of the English Language / Walker J. London: G.G.J.& J.Robinson, 1791. – 488 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Abramova I.E. Britanskij proiznositel'nyj standart: tendencii razvitiya [British Pronunciation Standard: Development Trends] / Abramova I.E. // Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, №29 (210). Filologiya. Iskuststvovedenie. – 2010 – Issue 27. – P. 5-10.
2. Beal J.C. Towards a History of the English Normative Tradition / Beal J.C., Jamartino G. // Language and History, vol.59, №1, 2016. – Pp.4-13.
3. Johnson S. A Dictionary of the English Language / Johnson S. London: J. & P. Knapton, 1755. – 1138 p.
4. Jones D. English Pronouncing Dictionary. Fourteenth edition, ed. by A.C Gimson. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 576 p.
5. Fisher A. A Practical New Grammar with Exercises of Bad English or an Easy Guide to Speaking and Writing the English Language Properly and Correctly / Fisher A. London: Thompson, 1789. – 192 p.
6. Lowth R. A Short Introduction to English Grammar / Lowth R. London, A. Millar and R. & J. Dodsley, 1762. – 152 p.
7. Matthews P.H. Concise Dictionary of Linguistics, second edition / Matthews P.H. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 445 p.
8. Priestley J. The Rudiments of English Grammar; Adapted to the Use of Schools. With Observations on Style / Priestley J. London: R. Griffiths, 1761. – 430 p.

9. Straaijer R. Codification of Correctness: Normative Sources for Joseph Priestley's Grammar / Straaijer R. // *Language and History*, vol.59, №1, 2016. – Pp.14-24.
10. Sturiale M. '[Sir,] Who is the English Authority on Pronunciation?': Accent and Normative Attitude in The Times (1785-1922) / Sturiale M. // *Language and History*, vol.59, №1, 2016. – Pp.37-47.
11. Trapateau N. 'Pedantic', 'polite', or 'vulgar'? a systematic analysis of eighteenth-century normative discourse on pronunciation in John Walker's dictionary (1791) / Trapateau N. // *Language and History*, vol.59, №1, 2016. – Pp.25-36.
12. Walker J. A Critical Pronouncing Dictionary and Expositor of the English Language / Walker J. London: G.G.J.& J.Robinson, 1791. – 488 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.37>**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(МИМЕТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ)**

Научная статья

Блинова О.А. *

ORCID: 0000-0002-7456-4998,

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (o.blinova[at]my.mgimo.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются типы передачи чужой речи в художественном тексте: пересказ восприятия, нарративная репрезентация речевого акта, миметическая косвенная речь, несобственно-прямая речь, прямая/свободная прямая речь. Отличительные характеристики каждого типа иллюстрируются на примере англоязычной художественной литературы. Предлагается классификация способов передачи чужой речи в зависимости от миметических свойств текста, которая позволила бы упорядочить существующее разнообразие типов. Предлагается выделять пересказ восприятия, нарративную репрезентацию речевого акта, резюме, косвенный перифраз содержания, миметическую косвенную речь, несобственно-прямую речь и прямую (свободную) речь.

Ключевые слова: чужая речь, передача чужой речи, несобственно-прямая речь, мимесис; резюме, нарративная репрезентация речевого акта.

**METHODS OF TRANSMITTING REPORTED SPEECH IN A LITERARY TEXT
(MIMETIC CLASSIFICATION)**

Research article

Blinova O.A. *

ORCID: 0000-0002-7456-4998,

SMoscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

* Corresponding author (o.blinova[at]my.mgimo.ru)

Abstract

The article discusses the types of transmission of reported speech in a literary text: retelling of experience, narrative representation of a speech act, mimetic indirect speech, experienced speech, direct/spontaneous direct speech. The authors illustrate distinctive characteristics of each type using English-language literary works as an example. The study proposes a classification of ways of transmitting someone else's speech depending on the mimetic properties of a text, which would allow for adjusting the existing variety of types. It is proposed to distinguish the retelling of perception, narrative representation of the speech act, summary, indirect periphrasis of content, mimetic indirect speech, non-direct speech and direct (spontaneous) speech.

Keywords: reported speech, transmission of someone else's speech, experienced speech, mimesis, summary, narrative representation of a speech act.

Введение

Существующее обилие работ, посвященных проблеме ввода в текст чужой речи, в том числе рассматривающих соотношение авторской и чужой речи и вербальные форматы их выражения, говорит о необходимости объединения подобных исследований под общим «зонтичным» названием. Еще в 1970-е годы в ответ на эту необходимость Г. М. Чумаковым был предложен термин «репрезентология», обозначающий науку о формах передачи речи [6]. Однако, термин этот встречается лишь изредка, и сегодня уже можно с уверенностью констатировать, что в русскоязычной литературе он не прижился. Работы в лучшем случае формально классифицируются под наиболее общим тегом «чужая речь» [3], [4], хотя чаще всего порождается бесчисленное множество более частных тегов, происходящих от не менее огромного числа терминов, используемых для обозначения конкретных способов передачи речи (несобственно-прямая, переданная, изображенная речь и т.д.). Попытки привести отечественную терминологию к единому знаменателю не очень многочисленны; отметим работу Н. М. Торчинской о соотношении терминов [4].

В англоязычном научном дискурсе наблюдается более унифицированная картина: используется преимущественно термин *speech and thought representation*, хотя у отдельных ученых возражение вызывает как термин *representation*, так и сочетание *speech and thought* [19].

Истоки разобщенности мы видим в сложности самого предмета исследования: чужая речь многогранна, порой трудно идентифицируема, а вербальные форматы ее выражения могут принимать очень разные формы в зависимости от языка, на материале которого проводится исследование. В настоящей статье дается критическая оценка существующих типологий способов репрезентации чужой речи и предпринимается попытка их обобщения.

Методы и принципы исследования

Способность человека как к воспроизведению чужой речи, так и к представлению собственного мыслительного процесса вызывает интерес ученых, занимающихся широким спектром наук. Это человеческое свойство исследуется с позиций психологии, философии, лингвистики, литературоведения и др. Человек учится осознавать себя и отличать себя от другого субъекта, причем эта способность развивается постепенно по мере взросления. Далее возникает необходимость передать — изложить, перефразировать, дословно воспроизвести и т.д. — речь другого (М. Флудерник

использует термин «discourse of alterity») [13]. При всем многообразии языков мира, в абсолютном большинстве из них развиваются несколько одинаковых способов передачи чужой речи, отличаясь друг от друга лишь незначительными морфосинтаксическими вариациями. Было предпринято несколько попыток классификации всего многообразия форм передачи чужой речи, причем большинство из них выполнено на материале художественной литературы.

Обилие работ, вышедших за последние 50-100 лет, может создать обманчивое впечатление, что проблема выделения и классификации способов передачи речи была поставлена совсем недавно. Однако, это совсем не так: она была впервые сформулирована еще в Античности. Так, в «Государстве» Платона противопоставляются два типа речи: поэт говорит за себя (*oratio recta*) либо имитирует голос другого, т.е. героя (*oratio obliqua*) [20].

Расцвет изучения чужой речи начинается во второй половине XX века, в связи с чем встает необходимость разработки терминологического аппарата. В некоторых русскоязычных работах встречается термин «репрезентология», который был введен Г. М. Чумаковым [6] и под которым понимают «раздел языкознания о специфике чужой речи» [4, С. 38]. Говорить о распространенности этого термина, однако, нельзя. Более того, приходится констатировать, что, невзирая на неугасающий интерес к исследованию феномена чужой речи, можно встретить мнение, что само понятие «чужая речь» до сих пор не имеет терминологического статуса [1, С. 3].

Другой не менее существенной проблемой, неизбежно встающей перед исследователем, оказывается само количество способов передачи чужой речи и их включения в текст (как устный, так и письменный; в рамках настоящей статьи мы ограничиваемся письменным художественным текстом, исключая из поля зрения другие жанры). Если до начала XX в. выделялось два таких способа (прямая и косвенная речь), то в настоящее время их число варьируется от трех до тридцати.

В результате и сегодня именно прямую и косвенную речь многие ученые принимают за точки отсчета, видя в них основные типы передачи чужой речи (в терминах Н.Д. Арутюновой, это «канонические» способы [4, С. 42]). Иные формы, если они вообще выделяются, получают название промежуточных.

Поскольку каждый исследователь предлагает свою собственную трактовку каждой формы и свой собственный терминологический аппарат, обилие репрезентологических терминов сегодня достигает огромного количества. Чаще всего промежуточные модели передачи чужой речи именуются полупрямой речью, хотя важно отметить, что единого толкования и этот термин не имеет. Так, в широком смысле, полупрямая речь понимается как любой тип чужой передачи речи, сочетающий в себе черты как прямой, так и косвенной [2]. В англоязычной терминологии «полупрямой речи» соответствуют «*semi-direct speech*» и «*biperspectival speech*» [7], [12], [16], [24]. В узком понимании, «полупрямая речь» — это модель (способ) передачи чужой речи, в которой имеется подчинительная связь и отдельные экспрессивные элементы. Англоязычные исследователи называют такую модель «креативной косвенной речью» — «*Creative Indirect Discourse*» (термин предложен М.Туланом [26]).

В научной литературе можно встретить и обратный термин: «*semi-indirect speech*», «полукосвенная речь», т.е. такой способ передачи чужой речи, в котором не происходит темпоральной транспозиции глагола, но наблюдается сдвиг пространственно-временных дейктических показателей [15, С. 132].

В свете вышеописанного, сегодня представляется едва ли возможным выработать универсальную типологию способов передачи речи, хотя с середины XX в. философское и лингвистическое научное сообщество не оставляет попытки увидеть закономерность и системность во всем многообразии способов передачи чужой речи. Разнообразие морфологического арсенала, которым располагают носители языков мира, делает практически невозможной единую классификацию форм на основе морфологического признака. Самые базовые формальные признаки прямой и косвенной речи разнятся даже внутри индоевропейской семьи: см., например, согласование глагольно-временных форм в русском и английском. При привлечении материала неродственных, особенно экзотических, языков лингвист оказывается перед лицом еще больших несовпадений.

Более реальной в таком случае выглядит попытка классифицировать способы передачи речи на основании миметического критерия. В настоящей статье делается попытка подобной систематизации. Мы опираемся на европейскую традицию, так как исследование выполнено на материале английского языка.

В основе предлагаемого нами способа классифицировать способы передачи речи лежит понятие мимезиса (мимесиса). Этот термин имеет греческое происхождение (*μίμησις*) и означает подобие, воспроизведение, подражание. Согласно словарному определению, мимезис представляет собой «приём имитации чьей-либо речевой манеры, особенностей стиля (идиостиля), намеренное воспроизведение характерных элементов чужой речи» [5, С. 247]. В самом широком смысле, понятие мимезиса относится к междисциплинарным и применяется в разных областях лингвистики и филологии, от теории возникновения языка вообще [11] и вопросов обучения иностранным языкам [21] до кино- и театроведения [17]. Нас же интересует трактовка и осмысление мимезиса в нарратологии.

Как отмечают некоторые исследователи, уже в самом термине «нарратив», которым оперируют при анализе художественной литературы, заложен субъективный сдвиг к мимезису [8, Р. 114]. Любой художественный текст мыслится как прототипическая манифестация нарратива, так как они смоделированы по образцу и подобию реального мира и, таким образом, подражают ему.

В более узком смысле, говоря о мимезисе в контексте репрезентации чужой речи, мы имеем дело с автором, который говорит не от своего лица, а от лица персонажа, а не просто максимально верное воспроизведение действительности. Традиционно предполагалось, что чем точнее воспроизводятся слова персонажа относительно «реальности», тем выше степень реалистичности произведения. При таком подходе наиболее реалистичным способом передачи чужой речи кажется прямая речь, а несобственно-прямая — одним из самых нереалистичных. Однако, в непосредственном эмпирическом опыте дано, что это не так, и понятие «реалистичности» оказывается неприменимо. Таким образом, миметическая классификация способов передачи чужой речи в тексте — это классификация по степени верности передающей речи содержанию и форме речи передаваемой.

Основные результаты

На основании обобщения существующих классификаций можно сделать вывод, что большинство ученых выделяют следующие типы передачи чужой речи: пересказ восприятия, нарративная репрезентация речевого акта, миметическая косвенная речь, несобственно-прямая речь, прямая/свободная прямая речь. Ниже мы приводим сводный список, сопровождая каждый тип аутентичными примерами из художественной литературы, а также альтернативными именованиями, встречающимися у разных авторов.

1. **Пересказ восприятия** (англ. *Narrated Perception*). Описание события как такового заменяется изложением того, как его наблюдает персонаж (т.е. перцепцией цитируемого):

e.g. «*With the maid holding the umbrella over her, she walked along the gravel path until she was under their window. The table was there, washed bright green in the rain, but the cat was gone*» [14].

Отметим, что некоторые авторы относят такой тип передачи к несобственно-прямой речи, не выделяя его в самостоятельный вид репрезентации [10].

2. **Нарративная репрезентация речевого акта** (англ. *Diegetic Summary*, т.е. «*диегетическое резюме*»). Сообщает о совершении речевого акта, но не уточняет его характер и содержание.

e.g. *She challenged him to a duel.*

Сюда же относят и описание жеста, принятого в культуре для замещения того или иного речевого акта (например, кивок в знак согласия, качание головой в знак отрицания, пожимание плечами и т.д.):

e.g. *She nodded. / She shook her head.*

Используемый англоязычный термин (*diegetic*) происходит от греческого «*диегезис*», под которым понимается явление, противоположное мимезису: это авторский нарратив, описывающий действия персонажа.

3. **Резюме** (англ. *Summary*; встречается и термин *Psycho—Narration*). Сообщает о совершении речевого акта, в том числе мыслительного, и о манере его совершения и/или его содержании:

e.g. «*Emma continued to entertain no doubt of her being in love.(...) But, on the other hand, she could not admit herself to be unhappy; (...) she sat drawing or working, forming a thousand amusing schemes for the progress and close of their attachment, fancying interesting dialogues, and inventing elegant letters; (...) Their affection was always to subside into friendship. Everything tender and charming was to mark their parting; but still they were to part. When she became sensible of this, it struck her that she could not be very much in love*» [9, С. 210].

В том случае, если речевой акт был мыслительным, многие исследователи считают целесообразным говорить о внутреннем монологе или даже потоке сознания.

4. **Косвенный перифраз содержания** (англ. *Indirect Content-Paraphrase*). Передает содержание, но не учитывает ни форму, ни стиль цитируемого акта. При косвенном перифразе не сохраняются речевые характеристики персонажа (жаргон, экспрессивная лексика и т.д.):

e.g. «*It was the most enjoyable conversation I'd had in a while. He asked me all kinds of interesting questions, like what I'd read in literature and how middle school was different from elementary school*». [25, С. 149-150].

5. **Миметическая косвенная речь** (англ. *Mimetic Indirect Speech*). Воспроизводит речевой акт с позиции цитирующего, сохраняя некоторые особенности исходного высказывания, в том числе оценочную, экспрессивную, ненормативную лексику и т.д., однако синтаксически оформляется как косвенная речь, т.е. через придаточное предложение [вводящий глагол] + [косвенная речь]. Некоторые исследования приравнивают этот тип к несобственно-прямой речи:

e.g. «*Ian Woodall, however, declared that the South Africans would go to the top whenever they damn pleased, probably on May 10, and anyone who didn't like it could bugger off*». [18, С. 142].

Несмотря на наличие экспрессивных элементов (*damn, bugger off*), перед нами синтаксическая конструкция косвенной речи, с вводным союзом *that* и согласованием времен.

6. **Несобственно-прямая речь** (англ. *Free Indirect Discourse*). Воспроизводит субъективную позицию цитируемого посредством сочетания языковых средств как цитируемого, так и цитирующего:

e.g. «*Another physician, in Kansas I think, wrote to say that it was the best description of incipient insanity he had ever seen, and — begging my pardon — had I been there?*» [23].

Как следует из приведенного примера, несобственно-прямая речь представляет собой гибридную форму, сохраняющую синтаксис и лексико-стилистическое наполнение прямой речи, в то время как временной, пространственный и местоименный дейксис оформляется по модели косвенной. В результате мы имеем дело с повествованием от первого лица даже в вопросе, адресованного рассказчику.

7. **Прямая/свободная речь** (англ. *Free Direct Discourse*). Воспроизводит речевой акт в точности так, как он был бы произведен говорящим. Пример сочетания обоих типов в одной фразе:

e.g. «*Why should Rafael, an Australian-born lad, have an Amerian song by heart? 'I didn't know 'twas a Yankee 'un', he replied awkwardly. «My mam teached it me'»*» [22, С. 39].

В завершении нашего обзора отметим, что приведенные выше примеры демонстрируют, почему многие исследователи предпочитают говорить не о строго разделенных типах передачи чужой речи, а о континууме форм, перетекающих одна в другую. Иногда можно обнаружить не «чистую форму», а смешанную: вкрапления одного типа в другой. Рассмотрим пример:

«*...All that really stuck in my mind was the story he'd told of how he met my mother: massive snowstorm, no taxis in sight — when — preceded by a fan of wet snow — an occupied cab had plowed to the corner of Eighty-Fourth and Park. Window rolled down — my mother ('a vision of loveliness!') going as far as East Fifty-Seventh, was he headed that way?*» [25, С. 368].

Пассаж представляет собой воспоминание персонажа (ребенка) об однажды случившемся разговоре. При этом в тексте разводятся дословные цитаты из его речи (они оформлены в кавычках) и вопрос собеседника (он оформлен как

несобственно-прямая речь). Весь текст при этом носит обрывочный характер, потому что это детское воспоминание. Об этом свидетельствует дробление предложений на краткие высказывания либо неполные предложения, отделенные друг от друга тире. Конечный эффект напоминает сменяющие друг друга кинокадры. Сбивчивость, таким образом, выступает, с одной стороны, стилистическим маркером речи ребенка, а с другой — маркером воспоминания о давно прошедшем событии.

Заключение

Таким образом, подводя итог, можно говорить о следующих обобщенных типах передачи чужой речи в художественном тексте с позиции их миметических свойств: пересказ восприятия, нарративная репрезентация речевого акта, миметическая косвенная речь, несобственно-прямая речь, прямая/свободная прямая речь. Представляется, что предпринятая в настоящей статье попытка свести воедино существующее разнообразие различных терминов, получивших распространение в нарратологии применительно к способам передач чужой речи в художественном тексте, поспособствует упорядочиванию накопленных знаний и унификации терминологического аппарата.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Борисова Е. С. Несобственно-прямая речь в итальянском нарративе XIX-XXI вв. : дисс.... канд. филол. наук : 10.02.05 : защищена 31.10.2014 / Борисова Елена Сергеевна. — М., 2014. — 212 с.
2. Литвиненко А. О. Стратегии передачи «чужой речи» в рассказах по картинкам (на материале русского языка) / А. О. Литвиненко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», 25 - 29 мая 2011 г., Бекасово / Издательство РГГУ. — Москва, 2011. — С. 425–433.
3. Терентьева Е. Д. Чужая речь как элемент структуры текста испанской газеты : д : дисс.... канд. филол. наук : 10.02.05 : защищена 2004 / Терентьева Екатерина Дмитриевна. — М., 2004. — 198 с.
4. Торчинская Н. М. Терминосистема чужой речи: диалог, монолог, полилог / Н. М. Торчинская // Балтийский гуманитарный журнал. — 2013. — № 4(5). — С. 38–40.
5. Хазагеров Т. Г. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. — Ростов н/Д, 1999. — 320 с.
6. Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью / Г. М. Чумаков. — Киев: Вища школа, 1975. — 220 с.
7. Aikhenvald A. Y. Semi-direct speech: Manumbu and beyond / A. Y. Aikhenvald // Language Sciences, 30-4 July 2008. — ELSEVIER. — P. 383–342.
8. Alber J. Unnatural Narratives, Unnatural Narratology: Beyond Mimetic Models / J. Alber, S. Iversen, H. Skov Nielsen, B. Richardson // NARRATIVE. — 2010. — Vol. 18, No. 2. — P. 113–136.
9. Austen J. Emma / J. Austen. — Wordsworth Classics, 2007. — 393 p.
10. Carter R. Working with Texts: a core introduction to language analysis / R. Carter, A. Goddard, D. Reah, K. Sanger et al. — Taylor & Francis, 2005. — 306 p.
11. Donald M. Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition / M. Donald — Cambridge, MA: Harvard UP, 1991. — 413 p.
12. Evans N. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach / N. Evans // Canonical Morphology and Syntax. Oxford University Press, 2013. — P. 66–99.
13. Fludernik M. The Linguistic Illusion of Alterity: The Free Indirect as Paradigm of Discourse Representation / M. Fludernik // Diacritic. — 1995. — Vol. 25. — No. 4. — P. 89–115.
14. Hemingway The First Forty-Nine Stories / E. Hemingway. — London, 1946. — 461 p.
15. Hewitt B. G. Speech reporting in the Caucasus / B. G. Hewitt, S. R. Crisp // Direct and indirect speech (Trends in linguistics: Studies and monographs; 31). — Mouton de Gruyter, 1986. — P. 121–144.
16. Horrack K. He jumped off the bridge CAUS she told him to: indirect speech as a means of expressing indirect causation in Wubuy / K. Horrack // Selected Papers from the 44th Conference of the Australian Linguistic Society, 2013. — University of Melbourne, 2014. — P. 211–230.
17. Kiss E. A. Between Mimesis and Technē: Cinematic Image as a Site for Critical Thinking / E. A. Kiss // The Journal of Aesthetic Education. — 2017. — Vol. 51. — No 3. — P. 42–57.
18. Krakauer J. Into Thin Air / J. Krakauer. — Pan Macmillan, 2011. — 304 p.
19. Leech G., Short M. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G. Leech, M. Short. — London: Longman, 2007 [1981]. — 404 p.
20. McHale B. An Introduction to Narratology / B. McHale // Style. — 2011. — Vol. 45. — No. 1. — P. 161.
21. McCafferty S. Mimesis and second language acquisition: A Sociocultural Perspective / S. McCafferty // Studies in Second Language Acquisition. — 2008. — Vol. 30 (2). — P. 147–167.
22. Mitchell D. Cloud Atlas / D. Mitchell. — London, 2004. — 528 p.
23. Perkins Gilman Ch. The Yellow Wallpaper. The Forerunner, October 1913 [Electronic resource]. — URL : <https://americanliterature.com/author/charlotte-perkins-gilman/short-story/the-yellow-wallpaper> (accessed: 04.12.2021)
24. Perridon H. Reported speech in Swedish / H. Perridon // Reported Speech: Forms and Functions of the Verb. — John Benjamins Publishing, 1996. — P. 165–188.
25. Tarrt D. The Goldfinch / D. Tarrt. — London, 2014. — 864 p.

26. Toolan M. Analysing Conversation in Fiction: The Christmas Dinner Scene in Joyce's Portrait of the Artist as a Young Man / M. Toolan. — Poetics Today. — 1987. — No 8. — P. 393–416.

Список литературы на английском / References in English

1. Borisova E. S. Nesobstvenno-prjamaja rech' v ital'janskom narrative XIX-XXI vv. [Free Indirect Discourse in Italian Narrative in XIX-XXI cc.] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.05 ; defense of the thesis 31.10.2014 / Borisova Elena Sergeevna. — M., 2014. — 212 p. [in Russian]
2. Litvinenko A. O. Strategii peredachi «chuzhoj rechi» v rasskazah po kartinkam (na materiale russkogo jazyka) [Speech reporting strategies in Russian comics-based stories] / A. O. Litvinenko // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii : po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (2011), 25 — 29 maja 2011 g., Bekasovo [Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Dialog Conference (2011)], Moscow / RGGU. — Moscow, 2011. — P. 425–433. [in Russian]
3. Terent'eva E. D. Chuzhaja rech' kak jelement struktury teksta ispanskoj gazety [Discourse of Alterity as a structural element of a Spanish newspaper text] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.05 ; defense of the thesis 2004 / Terent'eva Ekaterina Dmitrievna. — M., 2004. — 198 p. [in Russian]
4. Torchinskaja N. M. Terminosistema chuzhoj rechi: dialog, monolog, polilog [Terminological system of discourse of alterity; dialogue, monologue, polilogue] / N. M. Torchinskaja // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal [Humanities Journal of Baku]. — 2013. — № 4(5). — P. 38–40. [in Russian]
5. Hazagerov T. G. Obshhaja ritorika: kurs lekcij. Slovar' ritoricheskikh priemov [General Rhetoric; a lecture course. Dictionary of rhetorical tools] / T. G. Hazagerov, L. S. Shirina : Rostov-on-Don, 1999. — 320 p. [in Russian]
6. Chumakov G. M. Sintaksis konstrukcij s chuzhoj rech'ju. [Syntax of the discourse of alterity] / G. M. Chumakov. — Kiev : Vishha shkola, 1975. — 220 p. [in Russian]
7. Aikhenvald A. Y. Semi-direct speech: Manumbu and beyond / A. Y. Aikhenvald // Language Sciences, 30-4 July 2008. — ELSEVIER. — P. 383–342.
8. Alber J. Unnatural Narratives, Unnatural Narratology: Beyond Mimetic Models / J. Alber, S. Iversen, H. Skov Nielsen, B. Richardson // NARRATIVE. — 2010. — Vol. 18, No. 2. — P. 113-136.
9. Austen J. Emma / J. Austen. — Wordsworth Classics, 2007. — 393 p.
10. Carter R. Working with Texts: a core introduction to language analysis / R. Carter, A. Goddard, D. Reah, K. Sanger et al. — Taylor & Francis, 2005. — 306 p.
11. Donald M. Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition / M. Donald — Cambridge, MA: Harvard UP, 1991. — 413 p.
12. Evans N. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach / N. Evans // Canonical Morphology and Syntax. Oxford University Press, 2013. — P. 66-99.
13. Fludernik M. The Linguistic Illusion of Alterity: The Free Indirect as Paradigm of Discourse Representation / M. Fludernik // Diacritic. — 1995. — Vol. 25. — No. 4. — P. 89–115.
14. Hemingway The First Forty-Nine Stories / E. Hemingway. — London, 1946. — 461 p.
15. Hewitt B. G. Speech reporting in the Caucasus / B. G. Hewitt, S. R. Crisp // Direct and indirect speech (Trends in linguistics: Studies and monographs; 31). — Mouton de Gruyter, 1986. — P. 121-144.
16. Horrack K. He jumped off the bridge CAUS she told him to: indirect speech as a means of expressing indirect causation in Wubuy / K. Horrack // Selected Papers from the 44th Conference of the Australian Linguistic Society, 2013. — University of Melbourne, 2014. — P. 211-230.
17. Kiss E. A. Between Mimesis and Technē: Cinematic Image as a Site for Critical Thinking / E. A. Kiss // The Journal of Aesthetic Education. — 2017. — Vol. 51. — No 3. — P. 42-57.
18. Krakauer J. Into Thin Air / J. Krakauer. — Pan Macmillan, 2011. — 304 p.
19. Leech G., Short M. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G. Leech, M. Short. — London: Longman, 2007 [1981]. — 404 p.
20. McHale B. An Introduction to Narratology / B. McHale // Style. — 2011. — Vol. 45. — No. 1. — P. 161.
21. McCafferty S. Mimesis and second language aquisition: A Sociocultural Perspective / S. McCafferty // Studies in Second Language Acquisition. — 2008. — Vol. 30 (2). — P. 147-167.
22. Mitchell D. Cloud Atlas / D. Mitchell. — London, 2004. — 528 p.
23. Perkins Gilman Ch. The Yellow Wallpaper. The Forerunner, October 1913 [Electronic resource]. — URL : <https://americanliterature.com/author/charlotte-perkins-gilman/short-story/the-yellow-wallpaper> (accessed: 04.12.2021)
24. Perridon H. Reported speech in Swedish / H. Perridon // Reported Speech: Forms and Functions of the Verb. — John Benjamins Publishing, 1996. — P. 165-188.
25. Tarrt D. The Goldfinch / D. Tarrt. — London, 2014. — 864 p.
26. Toolan M. Analysing Conversation in Fiction: The Christmas Dinner Scene in Joyce's Portrait of the Artist as a Young Man / M. Toolan. — Poetics Today. — 1987. — No 8. — P. 393–416.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.38>**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ВЕСТИМЕНТАРНОГО ДИСКУРСА 1960-Х ГГ.
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ИЗ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»)**

Научная статья

Манасян Л.Ю. *

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (li.manasyan[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается вопрос реализации основных функций советского вестиментарного дискурса середины 1960-х гг. Показано, что вестиментарному дискурсу (ВД) анализируемого периода свойственна специфическая типология функций. На примере анализа ряда статей и заметок из газеты «Советская культура» за 1965-1966 гг. нами выделены и охарактеризованы следующие определяющие функции советского ВД 1960-х гг.: инновационная; пропагандистская; проектировочная. Важная роль отводилась пропагандистской функции в контексте актуализации идеологичности дискурса, а также в контексте преодоления рассогласованности между стратегией формирования хорошего вкуса (духовная ценность) и стратегией планирования производства (материальная ценность).

Ключевые слова: 1960-е, вестиментарный дискурс, дискурс моды, советская культура, функции дискурса.

**ON THE SPECIFICS OF IMPLEMENTING THE FUNCTIONS OF THE VESTIMENTARY DISCOURSE OF THE
1960S (BASED ON THE ARTICLES FROM THE NEWSPAPER "SOVETSKAYA KULTURA")**

Research article

Manasyan L.Yu. *

Kuban State University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (li.manasyan[at]gmail.com)

Abstract

The article explores the issue of the implementation of the main functions of the Soviet vestimentary discourse of the mid-1960s. The authors show that the vestimentary discourse of the period under study is characterized by a specific typology of functions. Based on the analysis of a number of articles and notes from the newspaper "Soviet Culture" for the period from 1965 to 1966, the authors identify and characterize the following defining functions of the Soviet vestimentary discourse of the 1960s: innovation; propaganda; design. An important role was assigned to the propaganda function in the context of updating the ideological discourse, as well as in the context of overcoming the inconsistency between the strategy of forming good taste (spiritual value) and the strategy of production planning (material value).

Keywords: 1960s, vestimentary discourse, fashion discourse, Soviet culture, discourse functions.

Введение

В настоящей работе мы продолжаем исследование советского вестиментарного дискурса 1960-х гг. на материале текстов советских печатных СМИ. Объем выборки проанализированных нами материалов из газеты «Советская культура» за 1960-е гг. на текущем этапе исследования составляет 20 статей и заметок. В рамках данной статьи представлен анализ трёх источников.

Необходимо отметить, что свои научные изыскания в обозначенной области мы начинали в контексте изучения дискурса моды (ДМ), дефиниция которого связана с определениями понятия «мода» [2], [3], [4], [5]. По мере развития наших исследований мы приняли решение о введении, использовании и рассмотрении понятия «вестиментарный (от лат. vestimentum – одежда, платье) дискурс» (ВД); мы рассматриваем его как феномен, содержащий в себе оппозицию понятий «модное» и «немодное» и характеризующий анализируемый период в нашей стране, когда обсуждения и споры велись не столько о модных вещах, сколько об одежде в целом – одежде удобной, красивой, элегантной.

Вестиментарный дискурс, как и дискурс моды, определяется как институциональный тип дискурса [8], [12] в социо- и лингвокультурном, лингвоаксиологическом, лингводидактическом аспектах.

Остановимся несколько подробнее на уже обозначенных нами выше исследованиях Ю. С. Болотовой; в контексте настоящей работы они представляют особый интерес тем, что в них автор выделяет и характеризует функции, присущие дискурсу моды. Среди данных функций находим следующие: *коммуникативная; информирующая; инструктирующая; имидж-определяющая; маркетинг-ориентированная и рекламная; инновационная; регулятивная; социальная; эстетическая*. На базе основных функций выстраивается типология подвидов дискурса, которым соответствуют определенные типы текстов [6, С. 134-136].

В. М. Войченко справедливо замечает, что «журналистика, как любое проявление массовой культуры и массового сознания, невозможна без стереотипных, устойчивых представлений о должном и не должном, дурном и праведном, положительном и отрицательном» [7, С. 14]. В контексте наших рассуждений данное замечание приобретает особую актуальность, т. к. в рассматриваемом нами хронотопе создание одежды было предельно идеологизировано [1], и советская пресса, в свою очередь, являлась безусловным проводником господствовавшей идеологии и культурных ценностей.

Интегративность инновационной функции

Инновации в вестиментарной сфере технологически многопрофильны, охватывают прогрессивные тенденции в области науки, художественного творчества, промышленности. Здесь мы можем говорить о новых тенденциях

развития конструирования, позиционирования новых форм и видов одежды; о технологиях разработки материалов в области химии; о новых возможностях промышленного производства как материалов, так и, в конечном итоге, изделий из них. Реализация сложного инновационного процесса возможна лишь при условии согласованности и выполнения всех перечисленных этапов. Однако наряду с названными объективными факторами имел место и тормозящий инновационный процесс субъективный фактор, исходящий от руководителей различного уровня – «вредителей». Такая рассогласованность приводила к провалу коммуникации в ВД. Инновационная и прогностическая функции осуществлялись в едином контексте информирующей функции в виде обнародования – заявления и репрезентации новых тенденций в моде. Инновационная функция связывается с самими предметами одежды, а прогностическая – с периодом времени, отведенном на их актуальность, жизнеспособность.

Рассмотрим пример. Из заметки читатель получает информацию о прогнозах и инновациях: речь идет о творческих участниках дискурса (1), об объектах реализации основного концепта (2) и стратегии (3); ценностях, представленных эстетической компонентой (4) и согласованности объективных и субъективных факторов в инновационном процессе, в котором важная роль отводится этической компоненте (5): *«Конструкторы и художники Общесоюзного дома моделей дважды разрабатывают основные модели будущих сезонов задолго до их наступления (1). Уже сейчас, например, готовы различные ансамбли 1967 года (2). Характерная черта моды будущих лет – резкое разграничение видов одежды по назначению (рабочее платье, домашнее, нарядное и т. д.) (3). Отличаются предлагаемые модели также простотой и лаконизмом (4). Но эта простота – результат продолжительных творческих поисков, глубокого изучения свойств материалов, возможностей технологии (5). Большое значение придается модельерами включению в модельный силуэт национальных, характерных для разных народов, населяющих СССР, деталей костюма (6). Есть интересные разработки украинского, русского, прибалтийского и других ансамблей (7)» [9].*

В двух последних высказываниях подчеркивается ценностный аспект, характеризующий многонациональное пространство советской страны, единство которой поддерживалось признанием как общих идеалов, так и специфических проявлений в культуре каждой республики.

Пропагандистская функция как интегративная функция ВД

ВД анализируемого периода свойственна пропагандистская функция, посредством которой осуществлялось информирование адресатов о великих достижениях нашей страны. Страна к этому времени экономически окрепла: преодоление послевоенной разрухи закрепилось беспрецедентным событием мирового масштаба – полетом в космос Юрия Гагарина. На фоне грандиозных прорывов и ситуации успешно развиваемой тяжелой промышленности такой вопрос, как проблемы легкой промышленности, вызывал досадное недоумение. Вместе с тем отдельные достижения в этой сфере в ВД находили признание посредством различных средств, формирующих метафорический образ успешно развивающейся экономики, в частности легкой промышленности. К примеру, в статье «Хлопок – король текстиля» (1) [10] С. Павлова в названии статьи использует персонификацию (1), которая в первом абзаце конкретизируется в мегахислительном числе с капитализацией (2). Это число служит в качестве основания для актуализации маркетинг-ориентированной и рекламной функции: употребление сравнения с другими значимыми для промышленности и быта материалами (персонификация: «ни <...> не могут спорить»), которое синтаксически выражено в параллельных конструкциях-отрицаниях (3). Значимость и грандиозность производства подкрепляются ссылкой на дополнительную информацию об институтах, способствующих разработке ассортимента и производству материала (4). Наконец, информация о хлопке циклично репрезентируется посредством метафоры и числа (5): *«ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИАРДА МЕТРОВ – эта десятизначная цифра говорит о том (2), сколько наша страна вырабатывает в год бытовых хлопчатобумажных тканей. Ни лен, ни шерсть, ни шелк при всей их красоте и благородстве не могут спорить в популярности с вечно модным хлопком (3). <...> Недавно в Москве во Всесоюзном институте ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды <...> комбинатов и 5 научно-исследовательских институтов продемонстрировали новые возможности хлопка (4). Разноцветный водопад тканей струился по стенам: 2[4]00 образцов, из них больше половины – с новыми рисунками и 31[9] с новыми переплетениями (5)».*

Фрагмент сопровождается краткими заметками «Лучшее – детям» (1) и «Вельвет-корд и вельвет-рубчик» (2) об ассортименте тканей с описанием, указанием адресатов, целевого назначения одежды, советами, в которых актуальна инструктирующая функция (2). О детском ассортименте (1): *«Веселые жирафы и задумчивые олени, синие рыбки и желтые цветы на ситце и сатине»;* о преимуществах вельвета (2): *«Это универсальный материал. Спортивные брюки и весенние пальто, детское платье и лыжную куртку можно сшить из прочного и дешевого вельвета».*

Названные здесь функции ДМ (по Ю. С. Болотовой) – информирующая (например, о детском ассортименте), маркетинг-ориентированная («Смотр тканей показал, каких новинок не хватает в магазинах»), рекламная («Когда хлопок красивее льна») – формируют интегративную пропагандистскую функцию. Она реализуется, к примеру, посредством апеллиатива, призыва к активному действию (1) с приведением конкретных аргументов (2): *«Торопитесь, художники льнокомбинатов, – ваши коллеги идут впереди (1). И ткани у них лучше, и рисунки красивее (2)».* Последний фрагмент выражает актуальный в ту пору принцип соцсоревнования, который способствовал реализации планов пятилеток. Он идеологически противопоставлялся капиталистической конкуренции, был нацелен на повышение благосостояния народа и характеризовался доброжелательной тональностью, выраженной соответствующими языковыми средствами (лексической единицей «ваши коллеги» (1); параллельной синтаксической конструкцией, вводимой союзом «и», и прилагательными в сравнительной степени (2)).

Рассмотрим специфическую интерпретацию рекламной функции в другой статье из газеты. Автор рассматривает проблему с различных позиций с помощью сравнения. Дискурс экспликативен. Эмотивность и эмоциональность высказываний характеризуются лексически и синтаксически (выделено подчеркиванием):

«Сегодня все западные модницы считают свою жизнь неудавшейся, если в их гардеробе нет платья из натурального льна. В любом большом и маленьком магазине Франции, Италии, Англии, Мексики, Нью-Йорка самый ходкий товар – ирландское полотно и лен. Но ведь наш лен ничуть не хуже ирландского и к тому же намного дешевле. Однако, кроме рекламы, на “незанятых” еще торцах домов да объявлений в “Вечерней Москве” о льне не услышишь ни слова. В магазинах происходит та же история: невнятные, без национальной отделки, платья близнецы висят, как увядшие гроздья, не вызывая спроса. И висят в основном в магазинах, торгующих сувенирами. Почему?! Слово лен надо рекламировать лишь иностранцам! Да они и без всякой рекламы, кроме обязательной матрешки, непременно увозят от нас отрез льна! А ведь стоит сделать лишь небольшое усилие...» [11].

Проектировочная функция ВД в становлении (реализация стратегии воспитания хорошего вкуса)

В части интервью Л. Сергеевой с художником-модельером Л. К. Ефремовой под заголовком «“Внимание: час моды!”» выявляется необходимость более активной «популяризации достижений советской моды» и более пристального внимания к «выработке у наших людей высокой требовательности в одежде». Отмечается различие подходов к этому вопросу в нашей стране и за рубежом. За рубежом «Публикуются не только снимки, дается подробное объяснение, что откуда происходит, что кому пойдет, где что можно приобрести. Это необходимо в капиталистических странах: читатель “Униты” знает, что по телевидению, где за каждую минуту телевидения фирма ради рекламы платит бешеные деньги, он не увидит и не услышит то, что его может заинтересовать и быть пригодным» [11].

В рамках проектировочной функции ВД предлагаются различные инструменты для популяризации, разъяснения ситуации вестиментарной культуры у нас и на Западе; указываются достоинства и недостатки, а также потенциальные возможности: «Здесь надо обращаться к помощи широкой печати, радио, телевидения, кино. Возьмем хотя бы центральные издания. До сих пор постоянный разговор о модах ведут лишь два из них – “Работница” и “Неделя”. И ведут, надо отметить, с завидной последовательностью. Видно, что редакции хорошо изучили свою “аудиторию”, знают ее запросы и обслуживают достаточно добросовестно. Но опять-таки ведется разговор с чисто практической точки зрения – где какая выточка, как сделать патронку. Это хорошо, но недостаточно. Воспитание вкуса должно проводиться систематически, планомерно и в увлекательной форме. И в этом главную роль должно сыграть телевидение» [11].

Выдвигаемое далее предложение моделируется на базе имеющихся сценариев:

– А у нас ведь могло бы быть совсем другое. «Внимание, дорогие телезрители, – объявляет знакомый диктор, – мы предлагаем вам “час моды”». После чего один из наших модельеров повел бы разговор о моде, откомментировал страницы и наших, и зарубежных журналов мод. Ведь завоевали же справедливое признание такие постоянные передачи, как «Музыкальный киоск», «Клуб кинопутешествий» и другие! Можно ли сомневаться, что такой «час моды» привлек бы внимание колоссальной аудитории и превратился в интереснейшую лекцию о хорошем вкусе в одежде.

В качестве популярных актрис, наиболее подходящих для такого «живого комментария» и для участия «в столь необходимом разговоре о современной моде», Людмила Константиновна называла сестер Вертинских, Наталью Фатееву и многих других, считавшихся иконами стиля того времени [11].

Заключение

Итак, на основе проанализированных материалов мы выделили и охарактеризовали три основные функции советского ВД 1960-х гг. Несмотря на то, что каждая из них играла свою особую важную роль в формировании дискурса анализируемой эпохи, они объединены общими свойствами – интегративностью и комплексностью; исследуемые нами тексты – обращения к производителям и потребителям, а также диалоги на страницах газеты – представляют собой сложное полотно четко ставившихся вопросов, задач и целей и активно ведшегося поиска путей их эффективного решения и достижения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Азархи С. В. Модные люди: К истории художественных жестов нашего времени / С. В. Азархи. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. – 376 с.: ил.
2. Аракелова А. Р. Лингвоаксиологические характеристики современного англоязычного дискурса моды : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 : защищена 17.11.17 / Аракелова Амалия Робертовна. – Пятигорск, 2017. – 222 с.
3. Атаманова Е. Т. Вячеслав Зайцев – «Территория» моды: к вопросу о формировании креативной личности в советском и постсоветском поликультурном дискурсе / Атаманова Е. Т. // Развитие креативности личности в современном мультикультурном пространстве : сб. мат-ов междунар. науч.-практ. конф. 27 апреля 2018 г., Елец; под ред. М. В. Климовой и В. А. Мальцевой. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2018. – С. 266-269.
4. Болотова Ю. С. Аксиологический аспект дискурса моды / Ю. С. Болотова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 16-22.
5. Болотова Ю. С. Лингводидактический аспект дискурса моды / Ю. С. Болотова // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 626. – С. 22-29.
6. Болотова Ю. С. Об особенностях дискурса моды / Ю. С. Болотова // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 610. – С. 131-140.

7. Войченко В. М. Массмедийный женский гляцевый дискурс: жанровые, тематические и стилистические особенности / В. М. Войченко // Дискурсивное пространство в лингвистическом ракурсе : коллективная монография; Е. В. Полякова, В. М. Войченко, Н. Г. Щитова и др.; под ред. Е. В. Поляковой. – Москва: Издательство «Перо», 2017. – С. 13-37.

8. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

9. Моды. 1967 // Советская культура. – 1965. – № 156 (1960), 30 декабря. – С. 4.

10. Павлова С. Хлопок – король текстиля // Советская культура. – 1965. – № 41 (1845), 6 апреля. – С. 2.

11. Сергеева Л. О босых коленках, зарубежных модах и хорошем вкусе (Рубрика «Рядом с интересным собеседником») // Советская культура. – 1966. – № 117 (2077), 1 октября. – С. 4.

12. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тён А. ван Дейк; пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. – М.: URSS; Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Azarkhi S. V. *Modnye lyudi: K istorii khudozhestvennykh zhestov nashego vremeni* [Stylish People: Introduction to the History of Modern Artistic Gestures] / S. V. Azarkhi. – SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2012. – 376 p.: il. [in Russian]

2. Arakelova A. R. *Lingvoaksiologicheskie kharakteristiki sovremennogo angloyazychnogo diskursa mody* [Linguo-Axiological Characteristics of the Modern English-Language Fashion Discourse] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.04 : defense of the thesis 17.11.17 / Arakelova Amaliya Robertovna. – Pyatigorsk, 2017. – 222 p. [in Russian]

3. Atamanova E. T. Vyacheslav Zaitsev – “Territoriya” mody: k voprosu o formirovaniy kreativnoi lichnosti v sovetskom i postsovetskom polikul'turnom diskurse [Vyacheslav Zaitsev – “Territory” of Fashion: on the Question of Formation of Creative Personality in Soviet and Post-Soviet Multicultural Discourse] / Atamanova E. T. // *Razvitie kreativnosti lichnosti v sovennom mul'tikul'turnom prostranstve* : sb. mat-ov mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. 27 aprelya 2018 g. [The Development of Personality Creativity in the Modern Multicultural Space : Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference on April 27, 2018], Elets; edited by M. V. Klimova and V. A. Mal'tseva. – Elets: EGU im. I. A. Bunina, 2018. – pp. 266-269. [in Russian]

4. Bolotova Yu. S. *Aksiologicheskii aspekt diskursa mody* [The Axiological Aspect of the Fashion Discourse] / Yu. S. Bolotova // *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2011. – № 4. – pp. 16-22. [in Russian]

5. Bolotova Yu. S. *Lingvodidakticheskii aspekt diskursa mody* [The Linguo-Didactic Aspect of the Fashion Discourse] / Yu. S. Bolotova // *Vestnik MGLU* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. – 2011. – № 626. – pp. 22-29. [in Russian]

6. Bolotova Yu. S. *Ob osobennostyakh diskursa mody* [About the Peculiarities of the Fashion Discourse] / Yu. S. Bolotova // *Vestnik MGLU* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. – 2011. – № 610. – pp. 131-140. [in Russian]

7. Voichenko V. M. *Massmediynyi zhenskii glyantsevyi diskurs: zhanrovye, tematicheskie i stilisticheskie osobennosti* [Women's Mass Media Glossy Discourse: Genre, Thematic and Stylistic Features] / V. M. Voichenko // *Diskursivnoe prostranstvo v lingvisticheskom rakurse : kolektivnaya monografiya* [Discursive Space in Linguistic Perspective : a Collective Monograph]; E. V. Polyakova, V. M. Voichenko, N. G. Shchitova and others; edited by E. V. Polyakova. – Moscow: Izdatel'stvo “Pero”, 2017. – pp. 13-37. [in Russian]

8. Karasik V. I. *O tipakh diskursa* [About the Types of Discourse] / V. I. Karasik // *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* : sb. nauch. tr. [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse : Collection of Scientific Papers]. – Volgograd: Peremena, 2000. – pp. 5-20. [in Russian]

9. Mody. 1967 [Fashions. 1967] // *Sovetskaya kul'tura* [Soviet Culture]. – 1965. – № 156 (1960), 30 dec. – P. 4. [in Russian]

10. Pavlova S. *Khlopok – korol' tekstilya* [Cotton is the King of Textiles] // *Sovetskaya kul'tura* [Soviet Culture]. – 1965. – № 41 (1845), 6 april. – P. 2. [in Russian]

11. Sergeeva L. *O bosykh kolenkakh, zagranichnykh modakh i khoroshem vkuse* (Rubrika “Ryadom s interesnym sobesednikom”) [About Bare Knees, Foreign Fashions and Good Taste (Heading “Next to an Interesting Interlocutor”)] // *Sovetskaya kul'tura* [Soviet Culture]. – 1966. – № 117 (2077), 1 oct. – P. 4. [in Russian]

12. Teun A. van Dijk. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication] / Teun A. van Dijk; translated by E. A. Kozhemyakin, E. V. Pereverzev, A. M. Amатов. – Moscow: URSS; Knizhnyi dom “Librokom”, 2013. – 344 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.39>**МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ**

Научная статья

Финогеева А.А. *

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

* Корреспондирующий автор (anna.eng.1811[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей Инстаграм аккаунта Московского государственного университета, который является частью глобального университетского дискурса, за период январь-август 2021 года. Все посты, опубликованные в исследуемый период, были разделены по тематикам. Наиболее частотными темами постов Инстаграм аккаунта МГУ являются образование, наука и новостные сообщения о жизни университета. В сообщениях преобладает нейтральная лексика с отдельными вкраплениями эмоциональных единиц. Эмоциональность достигается с помощью комбинирования различных типов информации (аудио, видео, текст) в сочетании с эмоджиками. Дальнейшее исследование было проведено в рамках мультимодального подхода к анализу современных каналов коммуникации. Анализ показал, что доминантным типом корреляции различных каналов является сочетание визуальной, аудиальной и текстовой информации. Именно такие сообщения набирают большее количество просмотров и отклик широкой аудитории.

Ключевые слова: университетский дискурс, интернет-дискурс, мультимодальность, канал передачи информации, Инстаграм.

MULTIMODALITY IN THE MODERN INTERNET DISCOURSE

Research article

Finogeeva A.A. *

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

* Corresponding author (anna.eng.1811[at]gmail.com)

Abstract

The article analyses the peculiarities of Instagram account of Moscow state university, which is a part of a global university discourse, for the period January-August 2021. All the posts, published within this time period, were divided into several theme groups. The most frequent topics in the account of MSU are education, science and some news about the everyday life of the university. Neutral lexis dominates in the posts, but also there are some emotionally marked words. Emoticons and various types of information are used to create emotional effect of the messages. The next step was to study the multimodal approach in dealing with modern communication channels. The analysis showed that the dominant type of correlation of different channels is the combination of visual, audio and text information. Such message gain more views and get more comments.

Keywords: university discourse, internet discourse, multimodality, communication channel, Instagram.

Введение

Развитие современной цивилизации обуславливает появление новых технологий и средств коммуникации, что, в свою очередь, заставляет обратиться к изучению новых феноменов. Одним из таких активно исследуемых явлений стал Интернет-дискурс. Интернет превратился в информационно-коммуникативную среду, обладающую ресурсами сиюминутной обратной связи посредством которой осуществляется социальная, политическая и экономическая деятельность. Интерес в этой связи представляет изучение лингвистических способов воздействия и характеристик успешного воздействия на различных этапах функционирования Интернет-дискурса. В связи с этим многие организации и учреждения стремятся создать свой репрезентативный имидж в Интернет-пространстве. В рамках данной статьи мы будем говорить об университетском дискурсе, который является основной единицей коммуникации представителей университетского сообщества, и Интернете как об одном из каналов передачи информации, позволяющем реализовать восприятие информации путем вербальных, визуальных и аудиальных средств коммуникации.

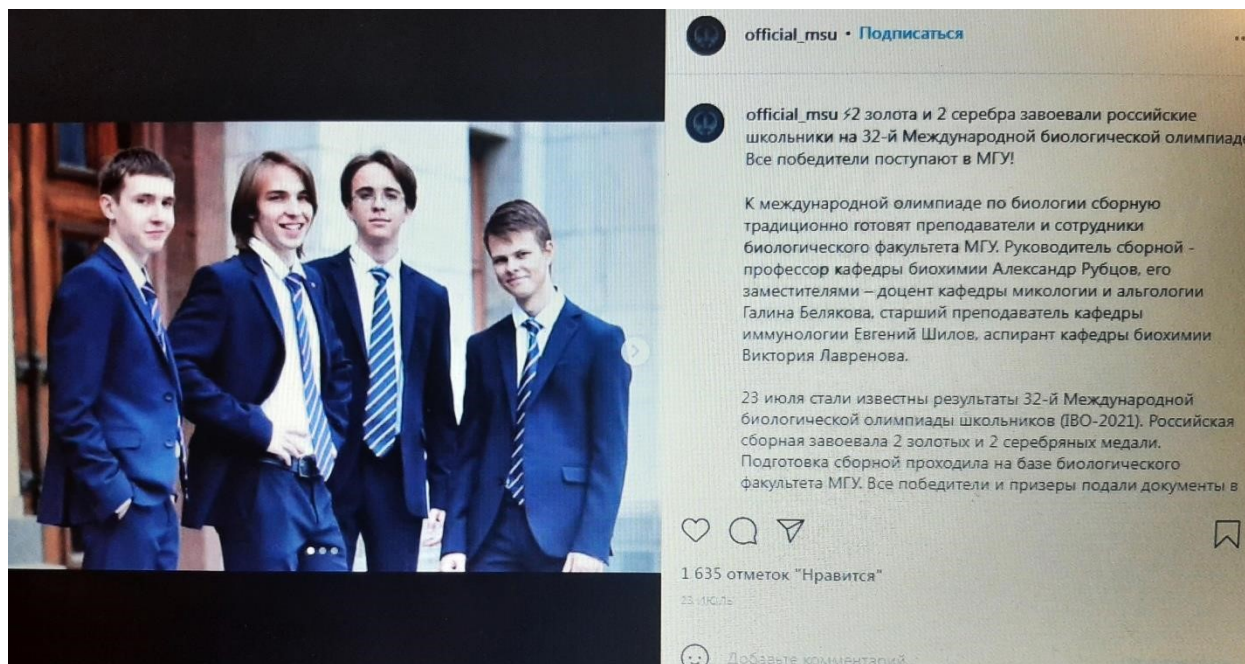

Рис 1. – Инстаграм пост МГУ «Победители 32-й Международной биологической олимпиады»

В условиях глобализации высшего образования и его повсеместной доступности, роста академической мобильности и универсализации образовательных практик особое место в дискурсивных исследованиях стали занимать вопросы университетского дискурса. В.И. Карасик относит университетский дискурс к институциональному дискурсу, подчёркивая, что участники общения могут не знать друг друга лично, но должны общаться согласно нормам данной социальной группы. Тип институционального дискурса определяется статусно-ролевыми отношениями участников, целью и местом общения [4]. Цели университетского дискурса (передавать информацию, сообщать знания) созвучны целям университета как образовательного учреждения в общем и конкретного университета в частности.

В современную эпоху стремительного развития технологий человек ежедневно попадает в различные информационные поля, воздействующие на индивида многообразием систем, способных порождать значения (речь, цвет, мимика, интонация и т.д.). Язык одновременно является и статической системой, и динамическим процессом говорения (а так же и понимания). В речевой реализации просодические компоненты переплетены с вербальной структурой, и от них невозможно абстрагироваться. Мультикодальность, или в иной терминологии поликодальность, как сочетание и взаимозависимость различных каналов передачи информации, а именно – вербального и визуального, оказывает комплексное влияние на сознание людей. Поликодальность как термин был впервые введен Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом в 1974 г. По их мнению, под поликодальностью понимаются «случаи сочетания естественного языка с кодом какой-либо иной семиотической системы» [10, С. 4068]. С позиций теории мультикодальности «язык» всего лишь один из инструментов, порождающих смысл. В связи с этим, все модусы являются неотъемлемыми компонентами единой сферы употребления и воспринимаются как унитарный источник порождения новых смыслов членами определенной социальной группы в конкретный момент времени [8, С. 38]. В связи с этим, мультикодальность, порождающая новые смыслы и создающая эффект визуального присутствия здесь и сейчас, является неотъемлемой частью современного Интернет-дискурса.

Методы и принципы исследования

В статье были исследованы публикации, размещенные в официальном Инстаграм аккаунте МГУ, за период с января по август 2021 года. Общее количество постов в указанный период составило 98 единиц, опубликованных в течение 243 дней. В работе были использованы следующие методы:

- метод синхронного лингвистического описания (для отбора, систематизации и описания материала);
- метод социокультурного и лингвистического описания;
- описательно-аналитический метод (включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию выявленных фактов);
- контекстуальный анализ (анализ фрагмента текста, в котором использовано данное слово, а также анализ зависимости значения слова от этого контекста).

Обсуждение и основные результаты

Репрезентация имиджа университета в Интернет-пространстве – ключевая задача учреждения, заинтересованного в привлечении большого количества абитуриентов. В статье исследован Инстаграм аккаунт Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Пик публикационной активности пришелся на июль 2021 года, что связано с кульминацией приёмной кампании и задачами привлечения большого количества абитуриентов. Исходя из среднестатистических данных, ежемесячно выходило примерно 12 постов. Наименьшее количество сообщений было опубликовано в июне – 8 единиц, что может быть объяснено переходным периодом между окончанием учебного процесса и запуском приёмной кампании (см. Рисунок 2).

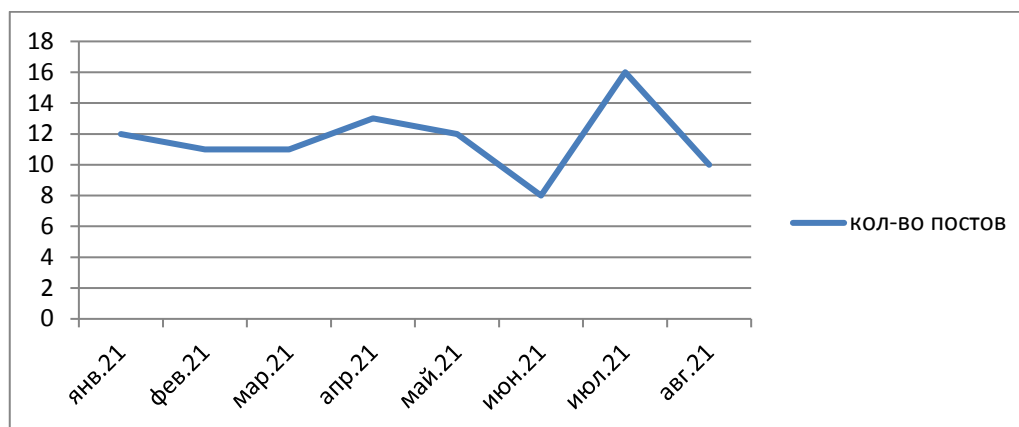

Рис 2. – Количество постов, размещенных в каждый месяц 2021 года

Тематически все публикации на странице МГУ в Инстаграм можно разделить на следующие группы:

Праздники: университетские, общегосударственные;

Информация абитуриентам: информация об университете, лекции от преподавателей вуза, конкурсы;

Текущие новости: об университете (здании, рейтингах), образование, вакцинация, конкурсы, культура, наука;

Студентам: советы, фотографии студенческой жизни, программы академической мобильности;

Наука: лекции от научной элиты, премии и стипендии для ученых, онлайн конференции (см. Рисунок 3).

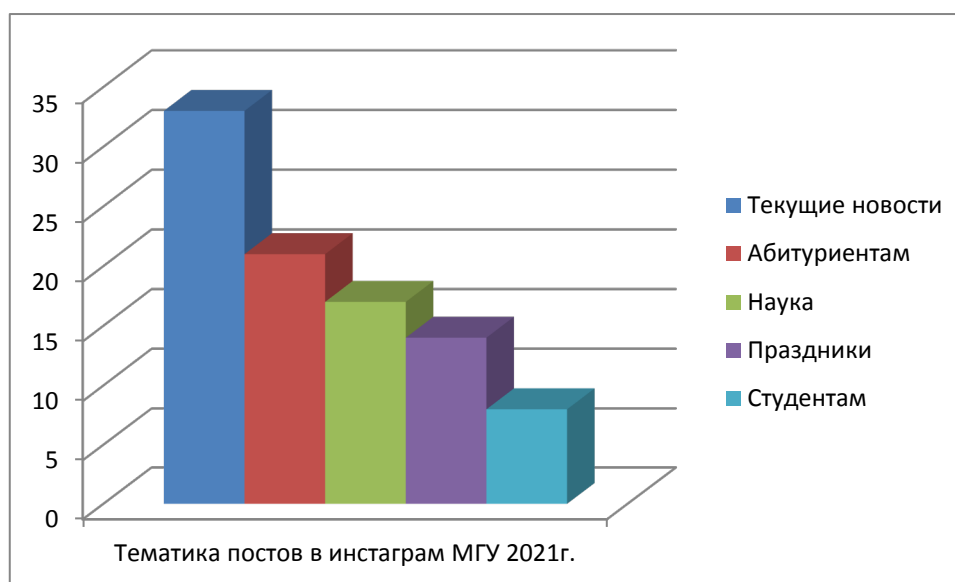

Рис 3. – Тематика постов в Инстаграм МГУ за январь-август 2021

Самое большое количество постов опубликовано в категории Текущие новости. Здесь освещаются такие события, как вакцинация; рейтинги МГУ; награждения ректора, сотрудников и студентов университета; первенства, кубки и конкурсы, проводимые в МГУ; погодные условия; даются рекомендации книг для чтения. Следующей по количеству постов является тематическая группа Абитуриентам. В исследуемых постах рассказывается о виртуальных днях открытых дверей и конкурсах; проводятся занятия с преподавателями университетской гимназии; размещаются чек-листы для поступления в МГУ; преподаватели различных факультетов МГУ презентуют информацию о специальностях и предметах, преподаваемых на факультете.

Прагматика воздействия в Инстаграм аккаунте МГУ в основном достигается за счёт явления мультимодальности, а именно, сочетания различных каналов передачи информации: визуального, текстового, вербального, просодического, аудиального. «Мультимодальный дискурс – дискурс, использующий стилистические приёмы более чем одного семиотического способа выражения» [9, С. 253]. То есть, «вербальное взаимодействует с невербальным, создавая новое значение в метафорических и метонимических представлениях, которые в свою очередь служат характеристиками как мышления, так и действия» [9, С. 253]. Большее количество лайков за исследуемый период времени набирают публикации, сочетающие в себе визуальную, аудиальную и текстовую информацию, посвященные обзору факультетов для приёмной комиссии. Интенция побуждения к выбору необходимого факультета достигается за счёт компиляции вербальных и невербальных компонентов (жестов, мимики, движения тела, позы, интонации), что увеличивает привлекательность сообщения для широкого круга подписчиков и гостей страницы. Эмоционально окрашенная лексика и эмодзи усиливают эффект воздействия на широкую аудиторию.

Заключение

В современном мире значительно возросла роль онлайн коммуникации и социально-медийных платформ, ставших визитными карточками большого количества учреждений. Университеты, как участники глобального

образовательного сегмента, стремящиеся создать позитивный имидж в Интернет-среде, часто выбирают в качестве такой платформы Инстаграм за удобство поиска информации, возможность кратко изложить основные идеи, оперативность размещения постов. Сообщения в исследованном аккаунте Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова отличаются краткостью, ёмкостью, эмоциональностью, которая достигается посредством использования эмоционально окрашенной лексики, побудительных структур и эмодзи с положительной коннотацией. Успешность мультимедийной коммуникации обусловлена сочетанием аудиального, визуального и вербального каналов передачи данных.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Вдовина, Т. В. Дискурс-анализ: методологические основания и перспективы применения в социологических исследованиях : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01 : защищена 28.12.2012 / Вдовина Татьяна Витальевна. – М., 2012. – 187 с.
2. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. – Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Инстаграм МГУ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.instagram.com/official_msu/ (дата обращения: 27.11.2021).
4. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
5. Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс / А.А. Кибрик // Психологический журнал. Часть 1. Постановка проблемы. – 2018. Т. 39 - №1. – с. 70–80.
6. Питина, С.А. Университетская культура: эволюция понятия / С.А. Питина // Лингвокультура университета : коллектив. монография / под общ. ред. С.А. Питиной. – Челябинск : Энциклопедия, 2016. – С. 56–62.
7. Что такое Инстаграм и как им пользоваться [Электронный ресурс]. – URL: <https://скачать-инстаграм.рф/что-такое-instagram-i-kak-im-polzovatsya.html> (дата обращения: 27.11.2021).
8. Gunther Kress. Multimodal discourse analysis from: The Routledge Handbook of Discourse Analysis Routledge [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203809068.ch3> (accessed: 27.11.2021).
9. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione // Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. – 2010. – 292 p.
10. Valentini C. Is using social media ‘good’ for the public relations profession? A critical reflection / C. Valentini // Public Relations Review. – 2015. V. 2. - № 41. – P. 4055–4073.

Список литературы на английском / References in English

1. Vdovina T.V. Discourse analysis: methodological analysis and application perspectives of sociology research : dis. ... of Phd in Sociology : 22.00.01 : defense of the thesis 28.12.2012 / Vdovina Tatyana Vitalyevna. – M., 2012. – 23 pp. [in Russian]
2. Deyk T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication] / T.A. van Deyk. – Blagoveshchensk, BGK im. I.A. Boduena de Kurtene Publ. – 2000. – 308 p. [in Russian]
3. Instagram MGU [Electronic resource]. – URL: https://www.instagram.com/official_msu/ (accessed: 27.11.2021). [in Russian]
4. Karasik V.I. O tipah discursa [On types of discourse] / V.I. Karasik // Yazykovaya lichnost': istitucionl'nyj i personal'nyj discours. – Volgograd : Izd-vo Peremena. – 2000. – P. 5–20. [in Russian]
5. Kibrik A.A. Russkii multikanal'nyj discours [Russian multichannel discourse] / A.A. Kibrik // Psikhologicheskii zhurnal. Ch. 1. Postanovka problem – 2018. V. 39 - №1. – pp. 70–80. [in Russian]
6. Pitina, S.A. Universitetskaya kultura: evolucia ponyatia [University culture: evolution of the concept] / S.A. Pitina // Lingvokultura universiteta : kollektiv. monografia / pod obch. red. S.A. Pitinoi. – Chelyabinsk : Enciklopediya. – 2016. – P. 56–62. [in Russian]
7. Chto takoe Instagram i kak im pol'zovat'sya [What is Instagram and how to use it] [Electronic resource]. – URL: <https://skachat'-instagram.rf/что-такое-instagram-i-kak-im-polzovatsya.html> (accessed: 27.11.2021). [in Russian]
8. Gunther Kress. Multimodal discourse analysis from: The Routledge Handbook of Discourse Analysis Routledge [Electronic resource]. – URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203809068.ch3> (accessed: 27.11.2021).
9. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione // Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. – 2010. – 292 p.
10. Valentini C. Is using social media ‘good’ for the public relations profession? A critical reflection / C. Valentini // Public Relations Review. – 2015. V. 2. - № 41. – P. 4055–4073.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.43>**МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В «ТОРГОВОЙ ВОЙНЕ»**

Научная статья

Никитина К.В. *

ORCID: 0000-0003-1968-7423,

Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (kseniah[at]mail.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению функционирования мультимодальной метафоры в рамках политического дискурса СМИ. Образное представление окружающей реальности, использование различных ассоциаций, неизбежная дешифровка культурных кодов читателем вполне может способствовать реализации интенции автора. Расположение метафоры во вводной части текста влияет на восприятие дискурса: метафора «ведет» читателя. Когнитивные особенности метафоры позволяют автору вкладывать в дискурс особые значения, их оттенки и субъективные оценки, важные для понимания замысла текста. Вкупе с возможностями цифровых масс медиа использование метафоры предоставляет огромный потенциал для манипулирования массовым пользователем.

Ключевые слова: политический дискурс СМИ, мультимодальная метафоры, поликодовый текст.

MULTIMODAL METAPHORS IN A “TRADE WAR”

Research article

Nikitina K.V. *

ORCID: 0000-0003-1968-7423,

Bashkir State Medical University, Ufa, Russia

* Corresponding author (kseniah[at]mail.ru)

Abstract

The following article is devoted to considering multimodal metaphors in the political media discourse. The figurative representation of the surrounding reality, the use of various associations, the inevitable deciphering of cultural codes by the reader may well contribute to the realization of author's intentions. Placing a metaphor in the introductory part of a text influences the discourse perception: metaphors route the reader. Cognitive peculiarities of metaphors let the author attach the meanings, implications and evaluations essential to the perception of the discourse idea. Together with the capabilities of digital mass media, use of metaphors gives huge potential for mass reader manipulation.

Keywords: political media discourse, multimodal metaphor, multimodal text.

Introduction

Political discourse is a purposeful communication; its global aim is to struggle for power. Modern political media discourse enjoys an abundance of technical and technological opportunities to achieve the defined global aim. Internet editions highlight political issues in a specific way using semiotically diverse levels of text production. This paper is focused on the synergetic effect occurring when the verbal and non-verbal layers of the discourse effectively interact. This cooperative phenomenon enables the communicants to implement their intention which involves strategy deployment on the cognitive level of text production [1]. This policy is manifested via different semiotic modes in the context of political internet-mediated communication. It is namely this strategy that immediately defines the choice of verbal and non-verbal components of a multimodal text, that is a heterogeneous text comprised of elements belonging to various sign modes. “Mode is a socially shaped and culturally given semiotic resource for making meaning” [2, P.79]. A multimodal text should not be considered as a mere sum of the components making it up. It is more likely a purposeful unity of closely interacting constituents [3].

Research methods and principles

The bulk of the research included 76 articles in Russian and in English reflecting a wide range of political opinions and beliefs. The publications present media discourse focused on one issue — relations between Russia, China and the United States on the background of “trade war” and sanctions against Huawei company. The heading complex of such texts contains not only the title, subtitle and lead, but also illustrative material: photographs, drawings, caricatures, collages. A journalistic text is known to be structured according to the principle of the “inverted pyramid”: the most important role is granted to the introductory part of an article. Meanwhile, there are certain “champions” in catching the reader’s attention in the heading complex. The first thing a reader sees is the title. It is the most outstanding part of an article, it is a signal that attracts attention. After perceiving the title communicants pay attention to the picture accompanying the text. That is why the connection between the text and the picture is so important [4]. Tackling the issue we discovered a multimodal metaphor in the introductory part of some texts.

A metaphor is an old-line notion with no less multifaceted perspectives. Commonly this term is defined as a trope or speech mechanism consisting in the use of a word denoting a certain class of objects, phenomena, etc., to characterize or name an object belonging to another class, or to name another class of objects similar to that in relation [5]. The development of political linguistics and cognitive sciences called forth the definition of the metaphor as the main mental operation that combines two conceptual spheres and creates the opportunity to use the potentials of structuring the source sphere in the conceptualization of a new sphere [6]. Accordingly, the “envelope” of the metaphor may be made not only of the verbal layer but of non-verbal elements. Ch. Forceville says that the target and source of multimodal metaphors are represented exclusively

or predominantly in different modes [7, p.384]. In this paper we considered a combination of verbal and visual modes in the realization of metaphors. The empirical material gave 27% of multimodal metaphors in the heading complex and a couple of instances are demonstrated onwards.

Main results

A noteworthy example was found on the Fox News portal. The article is illustrated with a picture of a child playing with a huge soap bubble against a neon Huawei logo (see fig. 1) [8]. It is easy to guess what is the finale of this amusement. “Burst someone’s bubble” is defined as “informal : to cause someone to suddenly realize that something believed, trusted, or admired is not really true, good, etc.” [9] That means that the object used to have a perfect image but due to some outer factors it turned out to look in a different way. The multimodal metaphor operates the things familiar to every person and transmits the results of the game to the world of large companies and political decisions.

Fig. 1 – A multimodal metaphor

The article focuses on the difficulties that Google may face because of the sanctions against the Chinese tech giant since these companies had close cooperation: “U.S. companies that supply the Chinese tech powerhouse with computer chips saw their stock prices slump Monday, and Huawei faces decimated smartphone sales with the anticipated loss of Google's popular software and services”. The verbalization of the main idea of the text in the lead attracts attention. “To slump” is defined as “to go into a marked or sustained decline especially in economic activity or prices”, whereas “to decimate” is “to destroy a large number of (plants, animals, people, etc.); to severely damage or destroy a large part of (something)” [9]. The problems of US companies are described in economic terms, the problems of the Chinese company are depicted in military shades. On the whole the pitiful tone of the publication makes it clear that Huawei is in trouble: “Huawei is the No. 2 global smartphone brand by sales volume behind South Korea's Samsung. Industry analysts say it might struggle to compete if it cannot line up replacements for Google services that run afoul of the U.S. curbs”. And the readers suddenly realize that the big company is vulnerable.

Another instance is taken from an economic magazine. The article titled “Какие компании оказались в зоне риска из-за торговой войны” is supplied with experts’ points of view but the political colouring of the publication can be easily revealed. A militaristic metaphor is expressed by a collage (see fig. 2) [10]. This metaphor is certainly less delicate than the first example but it is unambiguous and definite. The collage eloquently indicates the confrontation between the United States and China. The preposition vs. (versus — “in contrast to or as the alternative of” [9]) is placed on the background of two national flags, moreover, caricature tanks are aimed at each other.

Какие компании оказались в зоне риска из-за торговой войны

Fig. 2 – A multimodal metaphor

In general, the article uses a metaphorical description of events as military operations. The subtitle is marked in bold: «Торговая война между США и Китаем оказала негативное влияние на оценку перспектив мировой экономики и на настроение инвесторов». The militaristic metaphor tightly coheres the entire text and manifests itself in verbal («война», «жертва», «лидерство», «взаимные удары») and visual means.

Conclusion

Employing metaphors in the heading complex of a publication gives the intended direction to the text comprehension. The reader is ready to perceive the subsequent facts through the prism of comparisons, associations, allusions. Online publication under consideration supplied our research with striking examples of the synergistic effect of manipulative tools from various semiotic systems within a digital text. Multimodal metaphors route the reader's perception from the very first glance at the publication.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Kress G.R. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication* / G.R. Kress – London: Routledge, 2010. – 214 p.
2. Ярцева В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь* / В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 709 с.
3. Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)* / А.П. Чудинов – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с.
4. Forceville Ch. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: agendas for research. / Ch. Forceville // *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future*. – 2006. – 1. – p. 379-402.
5. Никитина К.В. Или друг, или враг: дихотомия «свой / чужой» в поликодовых интернет-текстах. / К.В. Никитина // *Филология и культура*. – 2019. – 3 (57). – с. 74-80.
6. Дейк Т.А. ван Макростратегии. / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // *Язык. Познание. Коммуникация*. . – 1989. – 4. – с. 41-67.
7. Dictionary by Meriam-Webster [Electronic source], – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 10.06.20)
8. McDonald J. Huawei: US controls have 'no impact,' talking to Google [Electronic source] / J. McDonald // *The Fox New*: сайт. – 2019. – URL: <https://www.foxnews.com>. (accessed: 10.06.20)
9. Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики [Электронный ресурс] / Э. Фихтелиус // *ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ*. – 1996. – URL: <http://www.journ.bsu.by.html>. (дата обращения: 01.06.20)
10. Паутов Р. Какие компании оказались в зоне риска из-за торговой войны [Электронный ресурс] / Р. Паутов // *Financial One*: сайт. – 2020. – URL: <https://fomag.ru>. (дата обращения: 10.06.20)

Список литературы на английском / References in English

1. Kress G.R. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication* / G.R. Kress – London: Routledge, 2010. – 214 p.
2. Yarceva V.N. *Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar'* [Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]] / V.N. Yarceva – M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. – 709 p. [in Russian]

3. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory' (1991–2000) [Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory' (1991–2000) [Russia in metaphoric mirror: Cognitive research of political metaphor (1991–2000)]] / A.P. Chudinov – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2001. – 238 p. [in Russian]
4. Forceville Ch. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: agendas for research. / Ch. Forceville // *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future*. – 2006. – 1. – p. 379-402.
5. Nikitina K.V. Ili drug, ili vrag: dixotomiya «svoj / chuzhoj» v polikodovy'x internet-tekstax [Ili drug, ili vrag: dihotomija «svoj / chuzhoj» v polikodovyh internet tekstah [Either a friend or a foe: the political dichotomy in multimodal internet texts]]. / K.V. Nikitina // *Filologiya i kul'tura* [Filologija i kul'tura]. – 2019. – 3 (57). – p. 74-80. [in Russian]
6. Dejk T.A.van Makrostrategii [Makrostrategii [Macrostrategies]]. / T.A.van Dejk, V. Kinch // *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya*. [Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia]. – 1989. – 4. – p. 41-67. [in Russian]
7. Dictionary by Meriam-Webster [Electronic source], – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 10.06.20)
8. McDonald J. Huawei: US controls have 'no impact,' talking to Google [Electronic source] / J. McDonald // *The Fox New*: сайт. – 2019. – URL: <https://www.foxnews.com>. (accessed: 10.06.20)
9. Fixtelius E'. Desyat' zapovedej zhurnalistiki [Desjat' zapovedej zhurnalistiki [10 commandments of journalism] [Electronic source] / E'. Fixtelius // *shkola zhurnalistiki*. – 1996. – URL: <http://www.journ.bsu.by.html>. (accessed: 01.06.20) [in Russian]
10. Pautov R. Kakie kompanii okazalis' v zone riska iz-za torgovoj vojny' [Kakie kompanii okazalis' v zone riska iz-za torgovoi voiny [What companies are at risk because of the trade war] [Electronic source] / R. Pautov // *Financial One*: website. – 2020. – URL: <https://fomag.ru>. (accessed: 10.06.20) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.45>

О ДВУХСОГЛАСНЫХ ЧЕТЫРЁХКОРНЕВЫХ ГЛАГОЛАХ В ХРИСТИАНСКОМ УРМИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО АССИРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Научная статья

Киселёв А.А. *

Санкт-Петербургский Государственный Университет Гражданской Авиации, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (kiseliov2a[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию двухсогласных четырёхкорневых глаголов в христианском урмийском диалекте современного ассирийского языка. Обсуждаются активные и пассивные породы таких глаголов в различных семитских языках: классическом сирийском, арабском, иврите и современном ассирийском. Для сравнения приведены модели редупликации в таких языках, как хинди, турецкий и японский. Выписаны глаголы, восходящие к классическому сирийскому языку, а также глаголы, сравнимые с ивритом. Отдельно рассмотрены заимствования из арабского и персидского языка. Выявлены случаи фонетического сходства этих глаголов с другими языками – в частности, с английским языком. Обсуждается семантика этих глаголов, являющихся по большей части звукоподражательными или звукоизобразительными. Список глаголов дан в приложении.

Ключевые слова: Урмийский, современный ассирийский, глагол, порода, редупликация, звукоподражание, звукоизображение.

ON THE BILATERAL ROOT QUADRILITERAL VERBS IN ASSYRIAN CHRISTIANS URMI NEO-ARAMAIC

Research article

Kiselyov A.A. *

The State University of Civil Aviation, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (kiseliov2a[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the investigation of the bilateral root quadrilateral verbs in the Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. The active and passive stems of such verbs in different Semitic languages including Classical Syriac, Arabic, Hebrew, Neo-Aramaic are discussed. The reduplication models in such languages as Hindi, Turkish and Japanese, are given for comparison. The verbs ascending to Classical Syriac and those compared with Hebrew are written down. The loan-words from Arabic and Persian are discussed apart. The cases of these verbs phonetic similarity with other languages including English are found. The semantic of these verbs being mostly mimetic or onomatopoeic is investigated. The list of verbs is given in Appendix.

Keywords: Urmi, Neo-Aramaic, verb, stem, reduplication, onomatopoeic, mimetic, denominative.

Introduction

The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi (NAACU) like the others Semitic languages is known to have four radical verbs. In Classical Hebrew the active stem of such verbs is close to the intensive stem (or D-stem): *tirgem* “to translate” vs. *sipper* “to tell”. The second consonant gemination in D-stem common for Aramaic, Classical Syriac, Classical Hebrew and Arabic, has been lost in NAACU as well as in Modern Hebrew. In NAACU D-stem ($C_1aC_2uC_3e$) and K-stem ($maC_1C_2uC_3e$) are morphologically similar (C means a consonant). Therefore the quadrilateral verbs turn out to be closer to causative stem K-stem rather than to D-stem: *hamzume* “to speak” vs. *malyupe* “to teach” (K-stem) vs. *labule* “to bring” (D-stem). The quadrilateral verbs may be formed by the reduplication of two root consonants (1-2-1-2 structure). In Classical Syriac such roots correspond to the active stem of palpel (*marmar* “to embitter”) and the reflexive stem etpalpel (*etmarmar* “to become bitter”) [1, P. 128]. In Hebrew the verbs of such type are found in D-stem (*pipet* “to chatter”), Dt-stem (*hitbazbez* “to be wasted”) and passive pupal stem (*qulqal* “to be spoiled”). Arabic has four stems for the quadrilateral verbs [2, P. 48] but only G-stem (*zalzala* “to shake”) and tG-stem (*tazalzala* “to shudder”) are not rare to be considered. The verb in NAACU may have two dictionary forms: the jussive one as used in [3] and the infinitive one as used in [4]. I follow the manner of the infinitive verbal presentation. Thus the quadrilateral verbs in NAACU have $C_1aC_2C_3uC_4e$ form. The bilateral root quadrilateral verbs (BRQV) may be presented as $C_1aC_2C_1uC_2e$ (*čaqaqe* “to tattle”). Particularly if the second consonant is weak y or w this scheme transforms to C_1awC_1uye (*gawguye* “to babble”). The detailed word dedicated to the quadrilateral verbs is [5]. This article firstly introduces the bilateral root quadrilateral verbs in NAACU as an object of the special discussion including the semantic classification and the comparison with other languages. The methodology is based on the lexical and semantic analysis.

The two consonant reduplication models

Now let us compare the structure of the bilateral root quadrilateral verbs (BRQV). The Semitic languages presented here are given only in their active stems. In Classical Syriac the structure looks like as $C_1aC_2C_1eC_2$, in Hebrew as $C_1iC_2C_1eC_2$, in Arabic $C_1aC_2C_1aC_2a$, in NAACU $C_1aC_2C_1uC_2e$.

The similar schemes can be also found in non-Semitic languages. The case of two consonant morpheme or word reduplication is widely spread. The words formed by the reduplication are often onomatopoeic or mimetic. For example Japanese has a multitude of such words called *gitaigo* and *giongo*. Their phonetic structure usually looks like as $C_1V_1C_2V_2$ — $C_1V_1C_2V_2$ (V means a vowel): *bura-bura* “walk”, *peko-peko* “hungry”, *gaya-gaya* “noise”. Hindi also possesses words of the

similar structure C₁VC₂C₁VC₂: *kalkal* “ripple”; *paṭpaṭ* “fall of a light thing”; *phakphak* “puffing”. Turkic has a lot of mimetic words formation schemes [6, P. 67 – 73] including C₁VC₂C₁VC₂ (*pat-pat* “thudding”); C₁V₁C₂C₁V₂C₂ (*har-hur* “confusion”).

The comparison with other languages

NAACU verbs mostly belong to Classical Syriac (Syr.) lexicon [7], Hebrew (Heb.) is added for a comparison [8]: *baqbuqe* “to gurgle”, Syr. *baqbeq*, Heb. *biqbeq* “to gurgle”; *galgule* “to unveil”, Syr. *glā* “to uncover”; *daldule* “to make thin”, Syr. *dallilā* “thin”, Heb. *dal* “thin”; *damdume* “to bleed”, Syr. *damdem* “to bleed”, *dam* “blood”; *daqduqe* “to diminish”, Syr. *daqdaq* “small”, Heb. *dal* “thin, small”; *hanhune* “to be pleased”, Syr. *hnā* “to be pleasant”, Heb. *hinhen* “to signify assent”; *zamzume* “to resound”, Syr. *zamzem*, Heb. *zimzem* “to resound”; *taṭṭule* “to belittle”, Syr. *ṭli* “to be young”; *ṭapṭupe* “to flicker”, Syr. *ṭapṭep* “to flicker”; *kaškuše* “to cry Kish”, Syr. *akkeš* “to drive off”; *lagluge* “to stammer”, Syr. *lagleg* “to stammer”; *lamlume* “to mumble”, Syr. *lamlem* “to speak, to enunciate”, Heb. *limlem* “to babble, to grumble”; *mašmuše* “to grope”, Syr. *maš* “to touch”, Heb. *mišmeš* “to grope”; *parpure* “to spin”, Syr. *par* “to flee, to fly away”, Heb. *pirper* “to flutter”; *paqpuqe* “to cackle”, Syr. *paqqeq* “to babble”; *paṭpute* “to shred”, Syr. *paṭpet* “to tear to pieces”, Heb. *pitpet* “to break, to crush”; *šawšuye* “to whine”, Syr. *šawši* “to chirp, to squeak”, Heb. *šiyeš* “to chirp, to chirrup”; *qadqude* “to cut up into logs”, Syr. *qad* “to cut away”; *qahquhe* “to chuckle”, Syr. *qahqah* “to laugh”; *qanqune* “to chant”, Syr. *qanqen* “to chant”; *qapqupe* “to cluck”, Syr. *qapqep* “to brood”; *qapqupe* “to cluck”, Syr. *qapqep* “to brood”; *qarqure* “to croak; to grumble”, Syr. *qarqar* “to cluck”, Heb. *qirqer* “to cluck, to croak”; *raprupe* “to flutter”, Syr. *raprep* “to move to and from”, Heb. *riprep* “to flutter”; *raqruqe* “to grow thin”, Syr. *raqqeq* “to make thin”, Heb. *raq* “thin”; *ratrute* “to tremble”, Syr. *rat*, Heb. *ratat* “to tremble”; *šapšupe* “to creep”, Syr. *šap* “to crawl”; *tamtume* “to snuffle”, Syr. *tamtem* “to mutter”; *tantune* “to smoke”, Syr. *tan* “to smoke”.

The following verbs are loaned from Arabic (Arab.) [9]: *hamhume* “to grumble”, Arab. *hamhama* “to growl, to grumble”; *hashuse* “to hiss”, Arab. *hashasa* “to sizzle”; *walwule* “to wail”, Arab. *walwala* “to wail”; *waqwuge* “to quack, to croak”, Arab. *waqwaqa* “to croak, to bark”; *zanzune* “to hum”, Arab. *zanna* “to hum”; *hašhuše* “to rustle”, Arabic *hašhaša* “to ring, to rustle”; *taṭṭuhe* “to crumble”, Arab. *taṭṭaha* “to break”; *taṭtune* “to buzz”, Arab. *taṭṭana* “to ring, to make a noise, to buzz”; *qaşquše* “to break”, Arab. *qaşqaşa* “to break”; *ragruqe* “to tremble”, Arab. *rajraja* “to tremble”; *rahruhe* “to soften”, Arab. *raxraxa* “to make weak”; *šaršure* “to stream”, Arabic *šaršara* “to drop”. Some connections are probable: *daşduše* “to trample, to tread down”, Arab. *daşdaşa* “to crash” (cf. Heb. *dişdeš* “to stamp”); *zaqzuqe* “to cackle”, Arab. *zaqzaqa* “to chirp; to chatter (about a woman)”; *hamhume* “to fever”, Arab. *hamhama* “to be warm” (cf. *himma* “heat”); *kaškuše* “to cry Kish”, Arab. *kaşša* “to drive off” (cf. Syr. *akkeš* “to drive off”); *lakluqe* “to prod”, Arab. *lakka* “to fist”; *naḥnuhe* “to pant”, Arab. *naḥnaḥa* “to clear throat”; *šaršure* “to chirp”, Arab. *šaršara* “to crack, to chirr” (cf. Heb. *širšer* “to chirr”); *šaşquqe* “to rattle”, Arab. *šaşqaqa* “to chirp” (cf. Heb. *šişseq* “to rattle”).

Some BRQV are loaned from Persian (Pers.) [10]: *harhure* “to laugh”, Pers. *herher* “roars of laughing”; *wazwuze* “to whiz, to whirl”, Pers. *wezwez* “buzz”; *zawzuye* “to howl”, Pers. *zuze* “squeal, howl”; *haşhuše* “to wheeze”, Pers. *xesxes* “wheeze”; *karkure* “to deafen”, Pers. *kar* “deaf”; *pačpuče* “to whisper”, Pers. *pečpeče* “whisper”; *taqtuqe* “to knock”, Pers. *taqtaq* “rat-rat”. Some connections are probable: *balbule* “to improve”, Pers. *bālā* “top, upper part”; *gawguye* “to babble”, Pers. *gu*, the presence stem of *goftan* “to say”; *hamhume* “to grumble”, Pers. *hamhame* “noise, boom”; *latlute* “to mangle”, Pers. *latlat* “by parts”; *namnume* “to dampen”, Pers. *namnam* “drop by drop” (but cf. *nimmana* “damp”); *naqnuqe* “to stammer”, Pers. *neqneq* “whimper”.

In some cases the meaning of loan-word is slightly changed: *lamlume* “to mumble” vs. Syr. *lamlem* “to speak, to enunciate”; *hanhune* “to be pleased” vs. Syr. *hnā* “to be pleasant”; *šaršure* “to stream” vs. Arabic *šaršara* “to drop”.

Some verbs in relative Semitic languages have the same root but different meanings: *marmure* “to murmur”, but Syr. *marmar* “to embitter”; *gargure* “to swagger”, but Syr. *gargar* “to drag”; *gamgume* “to thunder, to roar”, but Heb. *gimgem* “to stammer”; *dagduqe* “to trot”, but Heb. *digdeg* “to tickle”; *waşwuše* “to whine”, but Arab. *waşwaşa* “to peep out”; *qapqupe* “to cluck”, but Arab. *qafqafa* “to shiver with cold”.

The general character of mimetic and onomatopoeic semantics leads to the possibility of arbitrary similarity or independent formation (e.g. *wazwuze* “to whiz, to whirl” may have appeared itself or may have been loaned from Persian *wezwez* “buzz”). Therefore the comparison with English should not be so amazing: *hashuse* “to hiss”, *wazwuze* “to whiz”, *walwule* “to wail”, *warwure* “to whirl”, *taṭṭuke* “to tick”, *kaškuše* “to cry Kish”, *marmure* “to murmur”. The verb *taṭṭupe* “to patter” finds correspondence with both English (*tap-tap*) and Turkic (*tip-tip* “tap-tap”). Moreover the resemblance with Japanese (Jap.) and Hindi may be discovered for several words (*gangune* “to hum”, Jap. *gangan* (*suru*) “to ring”; *paqpuqe* “to cackle”, Jap. *paku-paku* “without sound”, *harhure* “to snore”, Hindi *kharkhar* “snore”; *marmure* “to murmur”, Hindi *marmarānā* “to murmur”).

The verb semantics

The most of BRQV are onomatopoeic (46%) and mimetic (48 %). “Onomatopoeia refers to the imitation of sound, whereas mimesis refers to an outward appearance or inner feeling rather than a sound” [11, P. 3]. The onomatopoeic verbs present the animal sounds (*waqwuge* “to quack”, *zarzure* “to bray”, *qawquye* “to croak”); the human sounds (*harhure* “to laugh”, *harhure* “to snore”, *kalkule* “to sob”); the natural sounds (*baqbuqe* “to gurgle”). The mimetic verbs express the bodily feelings (*hamhume* “to fever”, *čančune* “to tingle”, *lahluhe* “to pant”); the movements (*dagduqe* “to trot”, *lačluče* “to trample”, *načnuče* “to masticate”); the appearance (*gabgube* “to foam”, *taṭṭupe* “to flicker”, *pakpuke* “to putrefy”).

One should also note that NAACU has some mimetic and onomatopoeic verbs being not quadrilateral or quadrilateral but not two consonants reduplicated: *nvaḥa* “to bark”, *raya* “to rain, to snow”, *zangure* “to ring”, *pa’wure* “to yawn”.

The four radical verbs of 1-2-1-2 structure may come from the geminated 1-2-2 structure verbs: *√dqq* “to be small”, *daqqiqā* “small, tiny”, *daqā* “to make small”, *daqduqe* “to diminish”. Such verbs are mostly denominated from a noun

or an adjective: *damdume* “to bleed” vs. *dimma* “blood”; *daqduqe* “to diminish” vs. *daqqiqa* “small, tiny”; *qalqule* “to lighten” vs. *qalulla* “light”; *tantune* “to smoke” vs. *tinna* “smoke” (cf. Syr. *tan* “to smoke”, *tenānā* “smoke”).

There are some synonyms among these verbs: *laghūge*, *naqnuqe* “to stammer”; *dardure*, *gawguyē* “to babble”; *qažquže*, *šaršure* “to pour”. The synonymous verbs may differ only by one consonant (*pazpuze*, *bazbuze* “to squirt”; *raghrughe*, *raħruħe*, *raxruxe* “to soften”) or by the consonant transposition (*ħašħuše*, *šaħšuħe* “to rustle”).

Conclusion

The reduplication is spread over mostly of the word languages. One of such verbs semantic sphere is onomatopoeia and mimesis. The verbs root structure in Semitic languages usually includes three or four consonants. Thus the four consonant verbs are nicely convenient for the bilateral root reduplication structure! Such verbs could be met in Arabic, Hebrew, Classical Syriac and Neo-Aramaic. The verbs of Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi are analyzed. Many verbs are shown to ascend to Classical Syriac language or be loaned from Arabic and Persian. These verbs semantics is mostly onomatopoeic or mimetic. The phonetic comparison of these NAACU verbs with similar semantics words in other languages may be the object of the further discussion.

Appendix

A list of the BRQV in NAACU

<i>bajbuje</i> “to creep”	<i>lahluhe</i> “to pant”
<i>bazbuze</i> “to squirt”	<i>laħluħe</i> “to nibble”
<i>balbule</i> “to improve”	<i>lakluke</i> “to prod”
<i>baqbuqe</i> “to gurgle”	<i>lačluče</i> “to trample”
<i>gabgube</i> “to foam”	<i>lamlume</i> “to mumble”
<i>gawguyē</i> “to babble”	<i>lasluse</i> “to chew”
<i>gazguze</i> “to abhor”	<i>laplupe</i> “to fluff; to puff”
<i>galgule</i> “to unveil”	<i>laqluqe</i> “to rattle”
<i>gamgume</i> “to thunder”	<i>latlute</i> “to mangle”
<i>gangune</i> “to hum”	<i>maħmuħe</i> “to snuff about”
<i>gapgupe</i> “to froth”	<i>maimuye</i> “to swear”
<i>gargure</i> “to swagger”	<i>mašmuše</i> “to bide time”
<i>gažquže</i> “to fizz; to become giddy”	<i>marmure</i> “to murmur”
<i>dagduqe</i> “to trot”	<i>mašmuše</i> “to grope”
<i>daldule</i> “to make thin”	<i>naznuze</i> “to whine”
<i>damdume</i> “to bleed”	<i>naħnuħe</i> “to pant”
<i>daqduqe</i> “to diminish”	<i>naknuke</i> “to groan; to stutter”
<i>dardure</i> “to babble”	<i>načnuče</i> “to masticate”
<i>dašduše</i> “to trample”	<i>namnume</i> “to dampen”
<i>halhule</i> “to decay; to incite”	<i>naqnuqe</i> “to stammer”
<i>hamhume</i> “to grumble”	<i>sarsure</i> “to scream”
<i>hanhune</i> “to be pleased”	<i>pazpuze</i> “to squirt”
<i>hashuse</i> “to hiss”	<i>pahpuhe</i> “to snort”
<i>harhure</i> “to laugh”	<i>patpuṭe</i> “to whisper”
<i>hathute</i> “to incite”	<i>pakpuke</i> “to putrefy”
<i>wazwuze</i> “to whiz, to whirl”	<i>pačpuče</i> “to whisper”
<i>walwule</i> “to wail”	<i>paqpuqe</i> “to boil; to cackle”
<i>waswuse</i> “to squeak”	<i>parpure</i> “to spin”
<i>wašwuše</i> “to whine”	<i>pašpuše</i> “to mollify”
<i>waqwuqe</i> “to quack, to croak”	<i>patpuṭe</i> “to whisper; to shred”
<i>warwure</i> “to whirl”	<i>šawšuyē</i> “to whine”
<i>zawzuyē</i> “to howl”	<i>šaršure</i> “to chirp”
<i>zakzuke</i> “to pale; to trot; to prod”	<i>qaghqughe</i> “to cackle”
<i>zamzume</i> “to resound”	<i>qadqude</i> “to cut up into logs”
<i>zanzune</i> “to hum”	<i>qawquye</i> “to croak”
<i>zapzupe</i> “to pat; to puff”	<i>qaħquħe</i> “to chuckle”
<i>zaquze</i> “to cackle”	<i>qaṭquṭe</i> “to cluck”
<i>zarzure</i> “to bray”	<i>qačquče</i> “to separate in parts”
<i>ħačhuče</i> “to probe”	<i>qalqule</i> “to lighten”
<i>ħalħule</i> “to undermine”	<i>qamqume</i> “to rumble”
<i>ħamħume</i> “to fever”	<i>qanqune</i> “to chant”
<i>ħašhuse</i> “to wheeze”	<i>qasquse</i> “to break”
<i>ħaphuṭe</i> “to feel faint”	<i>qapqupe</i> “to cluck”
<i>ħarħure</i> “to snore”	<i>qašquše</i> “to break”
<i>ħašħuše</i> “to rustle”	<i>qarqure</i> “to croak; to grumble”
<i>ṭaḥṭuḥe</i> “to crumble”	<i>qažquže</i> “to pour”
<i>ṭaktuke</i> “to tick”	<i>ragruge</i> “to tremble”

taṭṭule “to belittle”
ṭaṭṭune “to buzz”
ṭaṭṭupe “to flicker”
kazkuze “to crisp”
čazčuze “to sizzle”
čaḥčuḥe “to crash”
kalkule “to sob”
kamkume “to scorch”
čamčume “to hurl”
čančune “to tingle”
čapčupe “to flap”
čaḡčuḡe “to tattle”
karkure “to deafen”
čarčure “to scream; to grind; to squeak”
kaškuše “to cry Kish”
katkute “to disintegrate”
lagluḡe “to stammer”
lajluḡe “to glisten”

raghrughe, “to soften”
raḥruḥe “to soften”
raxruḡe “to soften”
raprupe “to flutter”
raṣruṣe “to shiver”
raqruḡe “to grow thin”
ratruṭe “to tremble”
šaḥšuḥe “to rustle”
šakšuḡe “to totter, to shake”
šamšume “to swoon”
šapšupe “to creep”
šaḡšuḡe “to rattle”
šaršure “to stream”
tamtume “to snuffle”
tantune “to smoke”
taptupe “to patter”
taḡtuḡe “to knock”
tarture “to hoarse”

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Younansardaroud E. Classical Syriac Course Book. / E. Younansardaroud. – Berlin, 2016 – 157 p.
2. Wright W. The grammar of Arabic language. Volume I. / W. Wright – Beirut: Librairie du Liban, 1996 – 317 p.
3. Maclean A.J. Dictionary of the Dialects of the Vernacular Syriac. / A.J. Maclean – Oxford: The Calderon Press, 1901 – 358 p.
4. Oraham, A. Dictionary of the Stabilized and Enriched Assyrian Language. / A. Oraham – Chicago, 1943 – 575 p.
5. Sabar Y. The quadriradical verbs in Eastern Neo-Aramaic dialects / Y. Sabar // The Journal of Semitic studies” – 1982 – № 27 (2) – P. 149 – 176
6. Ido Sh.G. Turkic mimetic word formation / Sh.G. Ido // Asian and African Studies – 1999 – № 8 (1) – P. 67 – 73
7. Smith P. Compendious Syriac Dictionary / P. Smith – Oxford: The Calderon Press, 1903 – 626 p.
8. Sivan R., Levenson A.E., Melcer I. The New Bantam – Megiddo Hebrew & English Dictionary / R. Sivan, A.E. Levenson, I. Melcer – New York, 2009 – 742 p.
9. Wehr H. A dictionary of Modern Written Arabic / H. Wehr – New York: Spoken Language Services, 1976 – 1110 p.
10. Steingass F. A comprehensive Persian – English Dictionary / F. Steingass – London: Routledge & Kegan Paul Limited, 1963 – 1539 p.
11. Yamada K., Taura T. and Y. Nagai, Y. Study on the use of mimetic words in motion design / K. Yamada, T. Taura and Nagai Y. // The 2nd International Conference on Design Creativity – 2012 – № 1 – 8

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.48>**СЕМАНТИКА СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ Х. КЛИНТОН И Д. ТРАМПА)**

Научная статья

Безземельная О.А. *

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (olesik_2009[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается семантика стратегий и тактик, применяемых политиками, что вносит определенный вклад в ретиорику и прагматику вообще и в исследования политического дискурса в частности. Цель статьи – исследовать использование различных видов стратегий и тактик, т.е. различные способы воздействия на аудиторию. Научная новизна исследования заключается в том, что стратегии предвыборного политического дискурса являются малоизученным явлением современной политической жизни, в то время как данная область имеет большое значение для современного общества. Представлена попытка классификации и анализа речевых стратегий зарубежных политиков на основе изучения используемых ими языковых средств. Как правило, политик желает побудить адресата проголосовать за него на выборах, завоевать авторитет или укрепить свой имидж, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу и т.д. С точки зрения речевого воздействия стратегию можно рассматривать только с помощью анализа тактик. Стратегии в политическом дискурсе определяются целями, которые вызывает к жизни политическое общение. Эта статья заинтересует людей, которые так или иначе хотят ознакомиться со стратегиями дискредитации и нападения, научиться так же уверенно, а главное, верно отстаивать свою точку зрения, принимая оппонентов.

Ключевые слова: дискурс, кампания, кандидат, оппонент, стратегия, тактика, политик.

SEMANTICS OF STRATEGIES AND TACTICS IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON ANALYSIS OF H. CLINTON AND D. TRUMP'S ELECTION SPEECHES)

Research article

Bezzemel'naya O.A. *

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

* Corresponding author (olesik_2009[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the semantics of strategies and tactics used by politicians, which makes a certain contribution to rhetoric and pragmatics in general and to the study of political discourse in particular. The purpose of the article is to study the use of various types of strategies and tactics, i.e. different ways of influencing the audience. The scientific novelty of the research lies in the fact that the strategies of pre-election political discourse are a little-studied phenomenon of modern political life, while this area is very important for modern society. The article presents an attempt to classify and analyze the speech strategies of foreign politicians based on the study of the language means they use. As a rule, a politician wants to encourage the addressee to vote for him in the elections, gain credibility or strengthen his/her image, inform the addressee about his/her position on any issue, etc. From the point of view of speech impact, the strategy can be considered only with the help of tactics analysis. Strategies in political discourse are determined by the goals that political communication brings to life. The purpose of this article is to explore the use of common types of offensive strategy. This article will be of interest to people who, in one way or another, want to familiarize themselves with the strategies of discrediting and attack, learn how confidently, and most importantly, correctly defend their point of view, belittling opponents.

Keywords: discourse, campaign, candidate, opponent, strategy, tactics, politician.

Introduction

The most important characteristic in the behavior of a political leader is communicative strategies. There is no generally accepted interpretation of the term “strategy” in linguistics. We understand strategy as a set of speech moves planned by a participant of communication aimed at achieving his goal. In addition to this term, the term “tactics” is also used, which is defined as a separate speech move within the strategy. In the article we tried to classify and analyze the speech strategies of foreign politicians based on the study of the language tools they use. We propose to base the classification on the ultimate goal, which we understand as being predicted, desired, as an idea of the result to be achieved in relation to the addressee.

Today the success of any politician, a party in elections largely depends on the effectiveness of the image formed, on the perception of its target audiences, on the popularity of their image. In other words, the formation of the necessary public opinion by the applicants for power is of particular importance.

The task of a political leader is to be able to win and retain the sympathy of the population, affection, understanding, support, trust, which is not always feasible with the help of a “correct” rational conviction based on logical proof. Very often, political leaders resort to various types of manipulative techniques or “tricks” used in discussions, to strategies and means of verbal influence on the feelings, emotions and subconscious of the addressee in order to create and maintain an appropriate image. This task is accomplished through a number of strategies [2, P. 25].

Strategies and tactics of modern American political discourse help politicians to arouse the audience's interest in new ideas and are means of influencing public consciousness [5, P. 102].

It is obvious that the strategic repertoire of candidates for the US presidency is diverse, but the universal strategy used by all politicians without exception is the strategy of self-presentation. Self-presentation acts as an important part of communication skills used by various subjects in order to form a certain image in the minds of other people for further material and social benefits. The strategy of self-presentation is verbalized by the tactics of self-praise, promises, and demonstration of professional success.

The tactics of self-praise are based on the desire of the candidate for the presidency to present himself in the most favorable light, to describe his personal qualities, virtues, talents [8, P. 161]. The tactics of self-praise are verbalized by lexemes, the semantics of which allows us to characterize a politician as a person with a certain set of positive qualities. Such lexemes include, for example, the verbs to fight, to wrestle. Politicians often use adjectives in comparative and superlative degrees, for example: toughest. An indispensable attribute of self-praise tactics is the personal pronoun I:

1. When **I** see the crumbling roads and bridges, or the dilapidated airports, or the factories moving overseas to Mexico, or to other countries, **I** know these problems can all be fixed, but not by Hillary Clinton – only by me [9].

2. As your Senator, **I fought** against racial profiling and the disparity in sentencing between crack and powder cocaine [5].

3. **I wrestled** with the Chinese over a climate deal in Copenhagen, brokered a ceasefire between Israel and Hamas, negotiated the reduction of nuclear weapons with Russia, twisted arms to bring the world together in global sanctions against Iran, and stood up for the rights of women, religious minorities and LGBT people around the world. And **I** have, **I** have sat in the Situation Room and advised the President on some of **the toughest** choices he faced [9].

The latter example is also a combination with another tactic – the tactic of demonstrating professional success. H. Clinton demonstrates her professional achievements in the field of international and domestic politics and emphasizes her professional managerial and diplomatic abilities (I wrestled, I fought, the toughest).

Thus, the tactics of self-praise are explicated by a certain set of lexical means, in particular verbs, degrees of comparison, etc., expressing the idea of the nominee's struggle for the presidency.

The tactic of promise is actively used in political discourse by those politicians for whom the main thing is to be elected, to achieve their goals, to gain power, and not compliance with ethical and moral norms. As a result of achieving power, decrees are usually canceled, promises are not fulfilled. If the people are perplexed about this, the politician is surprised and does not recognize his promises, or, at best, apologizes and says that it did not work out.

If I am elected President, I will end the special interest monopoly in Washington, D.C. [9].

A distinctive feature of Candidate H. Clinton's promise tactics has a clear value hierarchy of tasks to be solved by the future president. To do this, the politician uses numerals that determine the order of tasks: first, second, third, etc. Lexical representatives of H. Clinton's tactics of promise are the following verbs: *to increase, to make, to give, to build on*.

First, we're going to increase the federal minimum wage. **Second**, we're going to make college debt-free for all. And we're going to build on the president's idea to make community college free. **Third**, we're going to rewrite the rules and crack down on companies that ship jobs overseas and profits to go with them [9].

Thus, the tactic of promise is explicated by a set of lexical and grammatical means, the leading of which is the form of the verb of the future tense.

Self-defense strategy

The strategy of self-defense is most often used to deny their involvement in the accusation or retaliatory criticism. The implementation of a self-defense strategy is often reduced to the use of special lexical units. In addition, the speaker evades the answer and changes the topic of the statement, "laughs off" using sarcasm or rhetorical questions. This strategy is implemented through a certain set of tactics used by the author for self-defense.

Clinton: At the end, I chose not to keep my private personal emails — emails about planning Chelsea's wedding or my mother's funeral arrangements, condolence notes to friends as well as yoga routines, family vacations, the other things you typically find in inboxes. No one wants their personal emails made public, and I think most people understand that and respect that privacy [10].

Clinton: I did say when I was Secretary of State, three years ago, that I hoped it would be the gold standard. It was just finally negotiated last week, and in looking at it, it didn't meet my standards. My standards for more new, good jobs for Americans, for raising wages for Americans. And I want to make sure that I can look into the eyes of any middle-class American and say, 'this will help raise your wages.' And I concluded I could not [10].

Tactics of negative evaluation of actions and qualities

The negative assessment of the interlocutor and his actions is aimed at emphasizing the responsibility of the individual for the reprehensible action. Charges are brought on the basis of the communicant's own ideas about the norm, moral and ethical attitudes, etc. The following example clearly illustrates the use of tactics of negative evaluation of actions and qualities in order to discredit the enemy.

Everywhere I look, I see the possibilities of what our country could be. But we can't solve any of these problems by relying on the politicians who created them. We will never be able to fix a rigged system by counting on the same people who rigged it in the first place [10].

The analyzed example shows that the adversative conjunction "but" serves as the core of grammatical means of implementing contrary communication.

The second tactic in solving the strategy of self-defense is the tactic of criticism. In our materials, criticism is expressed mainly through emotional arguments and means of negative evaluation.

Hilary Clinton wants to be President. But she doesn't have the temperament, or, as Bernie Sanders' said, the judgement, to be president [10].

The tactics of accusation

The purpose of this tactic is to attribute guilt to someone, to present the interlocutor and his intentions, views, interests in a negative light. The tactics of accusation are implemented with the help of ridicule, insults, condemnations and accusations. Often the accusation is unsubstantiated and unfounded [4, P. 235].

Clinton: Donald Trump's ideas aren't just different – they are dangerously incoherent. They're not even really ideas – just a series of bizarre rants, personal feuds, and outright lies [10].

A discrediting strategy

This strategy occupies the most prominent place in the group of conflict strategies. The perlocative effect, consisting in diminishing the dignity of the addressee, insulting him, ridiculing him, is intensified in the presence of third parties. To implement this strategy, exclusively negative, conflicting speech actions are chosen – insult, sneer, mockery.

Trump: Hillary Clinton is the vessel for all of the global, special interests seeking to run our government and our lives [8].

Trump: Crooked Hillary is nothing more than a Wall Street PUPPET [8].

Conclusion

Thus, the article considered the semantics of strategies and tactics of political discourse based on analysis of H. Clinton and D. Trump's election speeches. We came to the conclusion that D. Trump and H. Clinton use a number of tactics in their election campaign speeches within the framework of certain strategies. Each speech has its own language features, which are used to influence voters and meet the main function of political discourse. However, we can say that the list of the described tactics should certainly be considered open, since the differences in the methods of tactical construction of conflict discourse are due to situational features.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале англ. яз.): Дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 211 с.
2. Даньшина Е. В. Стратегии и тактики американского предвыборного дискурса / Даньшина Е. В. // Вестник СумДУ. Сер. Филология. – Сумы, 2007. – № 1. – Т. 2. – С. 24-28.
3. Иванова Т. В. Содержательный потенциал актуальных концептов в современном американском политическом дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 2007.
4. Иссерс О. С. Тактики выведения информации / Иссерс О. С. // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. тр. Саратов, Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 231-239.
5. Кауфова И. Б. Лингво-коммуникативные стратегии в предвыборных речах Хиллари Клинтон / Кауфова И. Б. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 9 (63). – Ч. 2. – С. 100-103.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / Макаров М. Л. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / Труфанова И. В. // Филологические науки. – 2001. – №3. – С. 56-65.
8. Халатян А. Б. Коммуникативные стратегии и тактики современного предвыборного дискурса в России и США / Халатян А. Б. – Вестник ПГЛУ. 2010. – № 1. – С. 159-164.
9. Hillary Clinton President Obama and Hillary Clinton's Remarks From Their First Joint Rally [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/briefing/updates/2016/07/05/president-obama-and-hillary-clinton's-remarks-from-their-first-joint-rally/> (дата обращения: 05.07.2016).
10. Hillary Clinton's Speech on Donald Trump and National Security [Электронный ресурс]. URL: <http://time.com/4355797/hillary-clinton-donald-trump> [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.donaldtrump.com/briefing/updates/2016/06/22/donald-trump-nyc-speech-on-stakes-of-the-election/> (дата обращения: 22.06.2016).
11. Hillary Clinton Delivers Remarks at National Action Network [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/briefing/updates/2016/04/13/hillary-clinton-delivers-remarks-at-national-action-network/> (дата обращения: 21.07.2016).

Список литературы на английском / References in English

1. Gajkova O. V. Predvybornyj diskurs kak zhanr politicheskoy kommunikacii (na materiale angl. jaz.) [Pre-election discourse as a genre of political communication (based on the material of the English language)]: Diss. of Candidate of Philology. – Volgograd, 2003. – 211 p. [in Russian]
2. Danshina E. V. Strategii i taktiki amerikanskogo predvybornogo diskursa [Strategies and tactics of American electoral discourse] / Danshina E. V. // Bulletin of SumDU. Ser. Philology. – Sumy, 2007. – № 1. – Vol. 2. – P. 24-28. [in Russian]
3. Ivanova T. V. Soderzhatel'nyj potencial aktual'nyh konceptov v sovremennoe amerikanskoe politicheskoe diskurs [The content potential of relevant concepts in modern American political discourse]: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. – Barnaul, 2007. [in Russian]
4. Issers O. S. Taktiki vyvedyvanija informacii [Tactics of extracting information] / Issers O. S. // Direct and indirect communication: Collection of scientific work. Saratov, Publishing House of GOSUNTS «College», 2003. – P. 231-239. [in Russian]
5. Kaufova I. B. Lingvo-kommunikativnye strategii v predvybornykh rechah Hillari Klinton [Linguistic and communicative strategies in Hillary Clinton's election speeches] / Kaufova I. B. – Tambov: Gramota, 2016. – № 9 (63). – Ch. 2. – P. 100-103. [in Russian]

6. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of the theory of discourse] / Makarov M. L. – M.: ITDGK «Gnosis», 2003. – 280 p. [in Russian]
7. Trufanova, I. V. O razgranichenii ponjatij: rechevoj akt, rechevoj zhanr, rechevaja strategija, rechevaja taktika [On the differentiation of concepts: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactics] / Trufanova, I. V. // Philological sciences. – 2001. – №3. – P. 56-65. [in Russian]
8. Halatjan A. B. Kommunikativnye strategii i taktiki sovremennogo predvybornogo diskursa v Rossii i SShA [Communicative strategies and tactics of modern electoral discourse in Russia and the USA] / Halatjan A. B. – Bulletin of PSLU. 2010. – № 1. – P. 159-164. [in Russian]
9. Hillary Clinton President Obama and Hillary Clinton's Remarks From Their First Joint Rally [Electronic resource]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/briefing/updates/2016/07/05/president-obama-and-hillary-clinton's-reinarks-from-their-first-joint-rally/> (accessed: 05.07.2016).
10. Hillary Clinton's Speech on Donald Trump and National Security [Electronic resource]. – URL: <http://time.com/4355797/hillary-clinton-donald-trump> [Electronic resource]. URL: <https://www.donaldtrump.com/briefing/updates/2016/06/22/donald-trump-nyc-speech-on-stakes-of-the-election/> (accessed: 22.06.2016).
11. Hillary Clinton Delivers Remarks at National Action Network [Electronic resource]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/briefing/updates/2016/04/13/hillary-clinton-delivers-remarks-at-national-action-network/> (accessed: 21.07.2016).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.50>**ЖАНР АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАСЛУХОВ О СЕЛЕБРИТИ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ**

Научная статья

Хакимова Г.Ш.^{1*}, Артемова О.Е.²¹ ORCID: 0000-0003-3287-6966;¹ Южно-Уральский государственный университет, Златоуст, Россия;² Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (gkhakimova[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена выявлению интенционального плана жанра англоязычных массмедийных светских слухов. Речевой жанр представлен как коммуникативная единица, в которой воплощается интенциональность, образуемая набором интенций продуцентов текстов. Интенциональность проявляется во всех аспектах текстотипа (содержательном, формальном, стилистическом) и рассматривается как жанроформирующий фактор. Речевой жанр англоязычных медиаслухов о селебрити в рамках содержательно-тематического уровня обладает комплексной интенциональной структурой. Сумма типичных коммуникативных интенций исследуемого текстотипа включает ряд установок, связанных с информирующей, развлекающей, оценивающей и воздействующей функциями. Доминантной целеустановкой выделена макроинтенция фатики, соединяющая рекреативную и гедонистическую функции его текстовых репрезентантов. Интенциональная модель исследуемого жанра формируется посредством как экстралингвистических, так и языковых средств.

Ключевые слова: медиадискурс, речевой жанр, текст, светские слухи, интенциональность, коммуникативная интенция.

**GENRE OF ENGLISH-LANGUAGE CELEBRITY-THEMED MEDIA RUMORS IN THE ASPECT OF THE
CATEGORY OF INTENTIONALITY**

Research article

Khakimova G.Sh.^{1*}, Artemova O.E.²¹ ORCID: 0000-0003-3287-6966;¹ South Ural State University Zlatoust Branch, Zlatoust, Russia;² Bashkir State Medical University, Ufa, Russia

* Corresponding author (gkhakimova[at]yandex.ru)

Abstract

The article attempts to identify the intentional plan of the English-language mass media genre of celebrity rumors. The speech genre is presented as a communicative unit, which embodies the intentionality formed by a set of intentions of the producers of texts. Intentionality manifests itself in all aspects of a textotype (a generalized text structure, in which certain components are distinguished that determine texts of different genres) such as substantive, formal, stylistic, and is considered a genre-forming factor. The speech genre of English-language media rumors about celebrities within the content-thematic level has a complex intentional structure. The sum of typical communicative intentions of the textotype under study includes a number of attitudes related to informing, entertaining, evaluating, and influencing functions. The dominant goal is the phatic macrointension, which combines the recreational and hedonistic functions of its textual representatives. The intentional model of the genre under study is formed through both extralinguistic and linguistic means.

Keywords: media discourse, speech genre, text, celebrity rumors, intentionality, communicative intention.

Введение

Цель статьи – определить интенциональную структуру текстов жанра светских слухов (*celebrity gossip*) в англоязычном массмедийном дискурсе в рамках их содержательно-тематического уровня. Актуальность данного исследования обусловлена двумя факторами: с одной стороны, прагматическим поворотом в языкознании, сфокусированностью на современном этапе развития лингвистической дискурсологии на коммуникативном назначении текста, признанием интенционального плана речевых высказываний в качестве решающего критерия при их порождении и интерпретации; с другой, возрастающим интересом науки к специфическому элементу коммуникативного пространства – феномену слухов, претерпевающему качественные изменения в условиях развития информационного общества. Методологическим основанием является дискурсивно-ориентированный подход, соответственно основным методом избран метод дискурс-анализа. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов при создании жанрово-дискурсивной модели феномена слухов.

В когнитивно-дискурсивной парадигме одним из семи классических признаков текста, предложенных в рамках модели текстуальности Р.-А. де Бограндом и В. Дресслером [1], выделен критерий интенциональности. Интенциональность текста понимается как «способность текста отражать авторское коммуникативное намерение» [2]. В жанроведении при трактовке жанра производится проекция типа коммуникативной ситуации на текстовую структуру. Жанр как «исторически сложившийся текстотип, обслуживающий определённую сферу человеческой деятельности» [3, С. 57–58] представляет собой конкретную разновидность текстов, объединённых не только сходными композиционными формами и тематической одноплановостью, но прежде всего общей целеустановкой.

Причем интенция постулируется как «главное организующее начало речевого жанра» [4, С. 25]. Более того, в автороцентристском подходе интенциональность все чаще признается базовой текстовой категорией, обладающей не только текстообразующей, но и текстопорождающей и – шире – дискурсоформирующей способностью [2], [5]. Толчком этому послужила бахтинская концепция, ориентированная на прагматический потенциал речевых жанров, поскольку параметр интенциональности, обозначенный термином «речевая воля» говорящего, в ней занимает особое место [6, С. 258–259].

Интенциональность текстотипа формируется коммуникативными установками, типичными для всех его текстовых репрезентаций и образующими интенциональный комплекс, что обуславливает её жанроформирующий характер. Интенциональная структура отдельного текста создается совокупностью конкретных авторских интенций, включающих как макроинтенции, общие для текстотипа (присущие текстотипу в целом), так и микроинтенции (частные авторские целеустановки), проявляющиеся в отдельной коммуникативной ситуации. Причем «её [интенциональности] ведущая роль обуславливает множество приёмов и средств реализации» [7, С. 30].

Интенционально-коммуникативный план текстов приобретает решающее значение и при осмыслении современной медиапрактики. Это обусловлено поворотом теории публицистического стиля, разработанной в рамках функциональной стилистики, в сторону интенционального подхода в частности и дискурсологии в целом, в результате чего возникли новые, более широкие понятия медиастили и медиадискурса. В текстоцентрической модели авторские интенции признаются своеобразным «центром» для системы значений текста и импульсом для его многочисленных интерпретаций, которые должны быть соотнесены с авторским замыслом.

Журналист как «информационно-медийная языковая личность» (термин А.В. Болотнова [8]) реализует свой авторский замысел с помощью актуализации языковых значений и задействования различных языковых и текстовых ресурсов. В дискурсивном подходе препарирование текстов на глубинном макросемантическом уровне (что является собственно дискурсивным анализом) предполагает уделение пристального внимания изучению прагматической сфокусированности их структурно-композиционных и семантико-языковых компонентов, т.е. установление текстовых элементов, играющих центральную роль в раскрытии авторского замысла [5, С. 141].

Выявление мотивов порождения текстов и целеполагания авторов становится важнейшим фактором и при описании текстов-слухов, поскольку целевые установки определяют их жанрово-дискурсивные особенности. Тексты жанра светских слухов в англоязычном дискурсе массмедиа, избранные в качестве объекта анализа в данной статье, обнаруживают целую систему экстралингвистических ресурсов и языковых средств выражения значений интенциональности, причем интенциональность манифестируется на всех уровнях смысловой организации текста: содержательном, формальном и стилистическом, выделенных еще М.М. Бахтиным [6, С. 237–280]. При изучении интенционального «рисунка» текстов жанра медийных слухов о селебрити наше внимание сфокусировано на их содержательном ракурсе с учетом культурного фона функционирования текстов.

Обсуждение

Доказано, что жанры медиадискурса в целом характеризуются полиинтенциональностью [9]. Генеральной интенцией медиадискурса общепризнано информирование, поскольку она имманентно присуща любому медийному жанру, оправдывая само существование медиасферы, что не мешает реализации других интенций [10, С. 53].

Уточним, что коммуникативные целеустановки текстов медиаслухов обусловлены гибридным характером исследуемых текстов, который обеспечивается наложением устного сообщения – слуха *per se* на журналистский текст. Происходит интеграция первичного речевого жанра слухов, являющегося элементом личностно-ориентированного дискурса, его разговорно-бытового варианта, и вторичного – журналистского – жанра, традиционно относимого к институциональному дискурсу. В терминах Е.В. Осетровой, исследуемые медиаслухи о селебрити могут быть причислены главным образом к категории текстов с генеральным модусом неавторизованности конвенционального типа [11, С. 25], поскольку представляют собой собственно слухи и размещаются в регулярных рубриках (*gossip column*, *celebrity gossip* и пр.) англоязычных периодических изданий (газет и журналов) и веб-изданиях.

Наблюдения показывают, что интенциональный план исследуемого текстотипа формируется с помощью экстралингвистических и собственно лингвистических средств. Интенциональная структура изучаемого жанра детерминруется соединением двух первостепенных макроинтенций: информирования и развлечения. Их сочетание в первую очередь проявляется на содержательном уровне, определяемом прежде всего тематической организацией исследуемых текстов. По мнению Т.Г. Добросклонской, в рамках ньюсмейкинга «отбор фактов – это одна из эффективных медиатехнологий» [12, С. 195] и первое звено замкнутой цепи в её информационной модели [13], поскольку дает возможность продуцентам медиатекстов реализовывать определенные цели посредством расстановки необходимых акцентов для соответствующей интерпретации событий. Анализ показывает, что в рамках исследуемого жанра отбор фактов группируется вокруг трех устойчивых тематических блоков, создающих его смысловой каркас. Их диапазон простирается от публичной сферы жизни знаменитостей, связанной с их профессиональной деятельностью и карьерой, до приватной сферы и зачастую её сугубо интимной части. В последних двух случаях можно выделить два уровня «вторжения» СМИ в «личное пространство» «мишеней», прямо или косвенно влияющего на их репутацию. Первый уровень вмешательства (по Е.А. Сазонову, «мягкая» степень [14, С. 3]) предполагает освещение событий, где пересекаются личностная и социальная семантические сферы, т.е. события «личной публичной» жизни: помолвка, брак, фертильность, развод, смерть, девиантное поведение в социуме и др. Второй уровень интенсивности внедрения («жесткая» степень [14, С. 3]) связан агрессивным проникновением вглубь личностных взаимодействий вплоть до обращенности к табуированной проблематике: любовные романы, адюльтер, ссоры, примирения, девиантное поведение в быту, проблемы здоровья, трансформации внешности, сексуальные предпочтения и пр.

Одним из основополагающих признаков новостной ценности, согласно англо-американской теории журналистики, наряду с новизной и актуальностью выделяется критерий общественной значимости описываемого события. В учении о журнально-газетных жанрах отечественного языкознания он традиционно считается одним из аспектов текстообразования и относится к онтологическим факторам производства медиатекста [15, С. 26]. Если информация имеет низкую содержательную ценность (в первую очередь в случае слухов третьего тематического блока), журналист по своему усмотрению придает ей статус актуального социально-релевантного события, пользуясь журналистским приемом, обозначаемым термином «объективация субъективного» [16, С. 108], и переводит личностно окрашенное событие в разряд объективного факта, при этом смело нарушая этические границы. Так на основе принципов тенденциозного отбора топиков для освещения, напоминающего «подсматривание в замочную скважину», и придания событиям частной жизни «мишеней» слухов социальной значимости реализуются макроинтенции, направленные на информирование и развлечение массового адресата.

Признавая информирующую функцию ведущей целеустановкой массмедийного дискурса в целом, безусловно, исследуемый жанр можно причислить к фатическим жанрам медиакommunikации. Доминантной интенцией жанра светских слухов выступает интенция развлечения массового адресата. Вкупе с данной интенцией исследуемый жанр, являясь конститутивной частью дискурса «желтой» и таблоидной прессы, четко демонстрирует целеустановку доставить удовольствие, реализуя тем самым не только рекреативную, но и гедонистическую функции. И если «рекреативная функция реализуется через предоставление аудитории развлекательных и банализированных материалов, позволяющих читателю расслабиться, отвлечься от личных проблем и работы», иногда попросту «убить время», утоляя простое человеческое любопытство, «информационный голод», то «гедонистическая функция реализуется путем выполнения «заказа» читателя, осознания индивидуумом включенности в коммуникационный процесс» [14, С. 7]. Последняя напрямую связана с эмоциональным аспектом, который в совокупности с когнитивным образует выделенный западными специалистами феномен, обозначенный термином *emotional hitchhiking* (эмоциональный автостоп, эмоции напрокат). «Это чувства, вызываемые эмоциональной жизнью известных людей, знаменитых в хорошем или плохом смысле – особенно политических деятелей и звезд кино. Например, *celebrity gossip* (слухи о знаменитости), передаваемые обывателями в том же ключе, что и слухи о хороших общих знакомых, покоятся на сообщениях СМИ как на гаранте достоверности. Некоторые поклонники знают все о личной жизни своих кумиров, которой интересуются гораздо живее, чем собственными служебными или семейными обязанностями» [17, С. 70]. Подтверждение тому – существование целых социальных движений, как поддерживающих своих кумиров – фан-клубов, фолловеров, так и отказывающих им в своей поддержке – хейтеров, но фактически в равной степени проявляющих интерес с разницей лишь в том, в какой части аксиологической шкалы предпочтений они находятся: со знаком «плюс» или «минус». Обе доминантные функции дискурсивных практик, распространенных в рамках коммуникативного поля медийных слухов о селебрити, налагаются на социальные функции слухов, традиционно выделяемые в социальной психологии: соответственно релаксирующую (игровую), «предполагающую элемент развлечения», и экспрессивную (аффективную), «связанную с совместным выражением переживаний, оценок и отношений для эмоциональной разрядки» [18, С. 463]. Это обусловлено тем, что тексты-слухи о селебрити становятся по сути проводниками в заманчивый, притягательный, но далекий, недостижимый мир роскоши, гламура и успеха. С одной стороны, они помогают адресату испытать наслаждение, катарсис от чувства мнимой сопричастности к жизни знаменитостей, возможности приоткрыть плотную завесу в мир кажущейся вечной праздности и прикоснуться ко всему тому, что связано с «небожителями». Столь близкий эмоциональный контакт В.З. Демьянков объясняет установлением эмоционального дефицита в современном обществе, когда «нормальные дружеские отношения между знакомыми людьми перестают замечаться и переживаться как самоценность: им необходим еще ореол престижности» [17, С. 70-71]. С другой стороны, они дают возможность приобрести чувство «удовлетворения» от понимания того, что богатые и знаменитые такие же люди из плоти и крови, которым не чужды человеческие слабости и сопряженные с ними проблемы.

В интенциональном комплексе исследуемого типа текстов также явно выделяется устойчивая коммуникативная установка удивить адресата, реализуемая посредством стратегии придания содержанию обсуждаемого события сенсационный характер и предлагающая стимулы к оценке и последующей передаче и обсуждению транслируемых новостей. Подчеркнем, что сенсационность – доминантная типологическая характеристика жанра светских слухов англоязычных СМИ, чему видится две причины. Первая связана с целевой аудиторией подобных текстов, рассчитанных на адресат совершенно определенной категории, по определению Б.В. Дубина, на «простака». «Для подобного антропологического контрагента <...> сообщается, потребляется и в этом смысле реально существует лишь то, что сенсационно, иными словами – невероятно, скандально, разоблачительно, т.е. демонстративно испытывает и нарушает принятые нормы. Слух-посвящение в подобных случаях возможен лишь как слух-разоблачение, «тайна» неотделима от дезавуирования» [19, С. 76]. И речь здесь идет об универсальной, внекультурной характеристике адресата. Вторая причина проистекает из культуроспецифичной черты, присущей англоязычному массмедийному дискурсу и проявляющейся в повышенном интересе британских и американских СМИ к частной жизни селебрити, прежде всего высокопоставленных лиц, представителей королевских династий, деятелей политики, культуры и спорта [20, С. 189-190].

Коммуникативная макроинтенция удивить реципиента амбивалентна и варьируется в зависимости от двух уровней сенсационности: ошеломить или неприятно поразить. Первый вариант связан с семантикой лексемы *сенсация*, в основе которой лежит значение неожиданности, производящей волнующее впечатление (*sensation* – If a person, event, or situation is a sensation, it causes great excitement or interest [21]). Второй уровень ассоциируется со скандалом, который обозначает сенсационное явление, связанное с нарушениями морально-этических норм, принятых в социуме. Его семантическая структура содержит экспрессивно-оценочный компонент, всегда сопряженный с отрицательной коннотацией (*scandal* – talk about the shocking and immoral aspects of someone's

behaviour or something that has happened; a situation or event that is thought to be shocking and immoral and that everyone knows about [21]). В связи с этим типологически по степени интенсивности сенсационности и выраженности аксиологической оценки можно выделить две категории текстов. Первая – слухи-сенсации, содержащие информацию как о положительно заряженном, так и отрицательно окрашенном или трагическом событии, ситуации (эксклюзивные сообщения, горячие новости, экшн), сопровождаемые соответственно мейоративной или пейоративной тональностью. Вторая – слухи-скандалы (крупные скандалы, разоблачения). Что касается последнего типа слухов, они имеют социокультурную подоплеку в том смысле, что создание культуры скандала является одной из специфических особенностей англоязычных СМИ. В рамках текстотипа слухов о селебрити по семантическому признаку четко выделяются несколько категорий скандалов, основой которых может выступать любая сфера. По семантическому признаку четко выделяются следующие: политический скандал (связанный со сферой политики), сексуальный скандал (связанный со сферой интимной жизни), скандал, возникший вследствие девиантного поведения «звезды» в приватной или публичной обстановке. Секс-скандал как следствие намеренно эпатазирующего освещения сексуальных отношений на основе абсолютизации биолого-физиологической составляющей человеческой интеракции является наиболее частым информационным поводом в рамках исследуемого текстотипа, поэтому может быть определен термином *buzz-topic*, предложенным Т.Г. Добросклонской [22, С. 33]. Широкая эксплуатация данной проблематики стала одной из причин появления в постмодернистской концепции понятия *sexploitation* (*sex+exploitation*), обозначающего широкую тенденцию, присущую современной массовой культуре. Скандалы, в которые вовлекаются селебрити, также касаются неодобряемых в обществе моделей поведения, включая эксцентрическое поведение, которому подвержены многие знаменитости.

Функциональный план исследуемого жанра включает воздействующую функцию, которая реализуется посредством установок авторов текстовых репрезентантов побудить адресат к действию. Журналисты разрабатывают и систематически совершенствуют технологии внедрения слухов и раздувания скандалов, «подсаживая на крючок» массовую аудиторию и провоцируя её к ретрансляции искусственных слухов в устной коммуникации. Издания серьезно конкурируют между собой за пальму первенства в передаче сенсационных сведений, что отражено в ФЕ *to break the news* (to tell someone about some important new information [23]) и лексеме *scoop* (an exciting news story which is reported in one newspaper or on one television programme before it appears anywhere else [21]). В рамках исследуемого текстотипа передача информации приобретает свойства сарафанного радио, для которой актуален предложенный В.В. Прозоровым термин – «цепочечность», обозначающий принцип циркуляции устных слухов [24]. Информация, однажды произведенная одним медиаисточником, тиражируется различными СМИ, каждый раз выступающими последующими её ретрансляторами. Фактически любая новость разворачивается в цепочку захватывающих читателя событий, реализуемой посредством «порционного» вброса информации и организованной в виде многочисленного ряда сообщений, выстраивающихся в нарратив огромных размеров. Показательным в этом смысле являются публикации о таких «мега-звездах» кинематографического небосклона, как Анджелина Джоли и Брэд Питт, семейная жизнь которых превратилась в настоящую захватывающую «сагу» под названием *Brangelina*. Будучи одной из самых знаменитых звездных пар Голливуда, они являются центром притяжения интереса фактически всех периодических изданий, что послужило причиной возникновения данного контаминанта с шутливой коннотацией, обозначающего актерскую пару Брэда Питта и Анджелины Джоли. Расположение заголовочных комплексов лишь небольшого числа публикаций в хронологической последовательности обстоятельств их скандального развода (данный список может быть продолжен), дает представление о том, как текстовые репрезентанты жанра светских слухов создают и транслируют определённое представление об истории и характере освещаемого события, связанного с личными взаимоотношениями обсуждаемых публичных «мишеней» (сохраняется оригинальный тип технического оформления заголовков текстов, приведенных из медиаисточников):

Is Brad Okay? Pitt Spotted Entering Infectious Disease Specialist's Office: Actor may face health crisis 'without any support' from estranged family (<http://radaronline.com>, 02.11.2016);

Divorce File Exposed: The Latest On Angelina Jolie & Brad Pitt's Nasty Fight (<http://radaronline.com>, 07.11.2016);

Angelina Jolie Says She and Brad Pitt Reached a Custody Agreement — Yet Sources Dispute That Claim (<http://people.com>, 08.11.2016);

END OF THE WAR? Rep: Brad Pitt & Angelina Jolie Reach Custody Agreement (<http://radaronline.com>, 08.11.2016);

Brad Pitt to walk first red carpet since Angelina Jolie split when he hits Allied premiere in LA... but he won't talk (<https://www.dailymail.co.uk>, 08.11.2016);

Brad Pitt looks thin as he smiles with Julia Roberts in first public appearance after Angelina Jolie divorce (<http://www.mirror.co.uk>, 09.11.2016);

Wendy Williams has some advice for Brad Pitt after it's rumoured he will walk first red carpet since split (<http://www.mirror.co.uk>, 10.09.2016);

AND THAT'S A WRAP! Angelina Jolie reveals the surprising reason she split from Brad Pitt (<https://www.thesun.co.uk>, (15.09.2017);

Brad Pitt, Angelina Jolie "Calling Off Divorce" And "Rebuilding Family"? (<https://www.gossipcop.com>, 02.06.2018);

Angelina Jolie ordered to give Brad Pitt more time with the children or risk losing primary custody (<https://www.dailymail.co.uk>, 12.06.2018);

Angelina Jolie Throwing Out Brad Pitt's Belongings? (<https://www.gossipcop.com>, 08.03.2019).

Функция воздействия в исследуемых текстах воплощается с помощью языковых средств, прежде всего обильно используемых эпистемических языковых маркеров, выступающих суггестивно-манипулятивным инструментом реализации коммуникативной установки убедить адресат в правдивости раскрываемой журналистом информации. На приведенной цепочке заголовков можно проследить, как СМИ конструируют реальность посредством определённой интерпретации событий (т.е. создания и оформления смыслов), реализуя глобальную интенцию – сформировать и

навязать широкому адресату конкретную точку зрения на события, и – шире – формируют информационную картину мира, моделируя тем или иным образом информационные процессы.

Исследуемый жанр характеризуется тем, что его воздействующая функция тесно переплетается с функцией оценки. Более того, анализ показывает, что в типологии жанроформирующих интенций медийных текстов светских слухов оценивание играет важнейшую роль, репрезентируясь через интенцию выражения эмотивной оценки. Данная интенция воплощается в текстах посредством внедрения оценочных суждений-мнений и их насыщения экспрессивно-эмоционально-оценочными компонентами, способствующими, с одной стороны, доступному изложению информации, и, с другой, убеждению адресата в обоснованности представленной точки зрения посредством яркости образной составляющей. Эмотивность и экспрессивность зачастую приобретают гипертрофированные формы благодаря приему гиперболизации, что создает в рамках текста почву для формирования определенной аксиологической модальности, варьируемой в рамках широкой амплитуды: от негативной оценки до крайне агрессивной степени подачи информации.

Переплетение указанных интенций выражается посредством соединения эпистемических маркеров и эмоционально-экспрессивно-оценочных ресурсов в текстовой ткани. Это четко прослеживается на уровне интригующего заголовка, задающего тематическую и эмотивную составляющие всего текста и выполняющего роль «красивой обертки» «товара» [текста], который нужно «впихнуть» массовому «покупателю» [читателю]:

'Pioneer Woman' Ree Drummond Reveals Sad Truth About Her Distant Marriage (<https://radaronline.com>, 16.03.2018);

The Shocking Divorce: Inside Angelina Jolie & Brad Pitt's Miserable Last Days (<https://radaronline.com>, 20.09.2016);

Divorce File Exposed: The Latest On Angelina Jolie & Brad Pitt's Nasty Fight Court papers reveal the bombshell development! (<https://radaronline.com>, 07.11.2016);

CUSTODY BATTLE BOMBSHELL Brad Pitt and Angelina Jolie's divorce takes a dramatic turn after rumours emerge Brad has 'dynamite' tapes that could embarrass actress (<https://www.thesun.co.uk>, 10.11.2016);

Larry King 'embarrassed and furious' over wife's alleged affair (<http://pagesix.com>, 24.08.2016);

The ugly truth of Yolanda and David Foster's divorce (<http://www.nickiswift.com>, 27.04.2018);

The MANY wives and girlfriends of Donald Trump: President elect's love life laid bare – including that very messy divorce (<http://www.mirror.co.uk>, 11.11.2016);

*NEW TRUMP SHAME Donald Trump called his own daughter a 'voluptuous piece of a**' in yet more lewd comments threatening to derail his White House bid* (<https://www.thesun.co.uk>, 09.10.2016);

Pregnant Khloé 'went ballistic' when she found out about Tristan's cheating (<http://pagesix.com>, 11.04.2018);

The disturbing reason Pauley Perrette left NCIS (<http://www.nickiswift.com>, 18.05.2018);

James Corden Reveals The Worst Part Of The Royal Wedding Ceremony (<https://www.huffpost.com>, 22.05.2018);

The most scandalous love affairs (<http://www.nickiswift.com>, 10.04.2018);

The shady side of Joel Osteen (<http://www.nickiswift.com>, 11.09.2017);

The Strange Truth of the President's Marriage (<http://longlist.org>, 25.01.2018);

Underage sex tapes, racist rants: Hollywood's biggest scandals (<https://www.news.com.au>, 03.09.2016);

Inside Matthew Perry's tragic real life story (<http://www.nickiswift.com>, 10.06.2018);

Dark secrets MTV Reality Stars Really Don't Want You To Know (<https://www.cheatsheet.com>, 04.06.2018).

Интенция воздействия на эмоциональное состояние адресата тесно связана с целью формирования у него определённого отношения к транслируемому событию, происшествию, состоянию и, очевидно, исходит из желания адресанта как ретранслятора слуха воздействовать шире – на поведение и ценностную парадигму адресата. Отметим, что данная целеустановка, являясь в сущности одной из ведущих интенций производителей такого рода текстов, отражает прескриптивную функцию слухов и сплетен, связанную с культурой селебрити, а также функцию социального контроля, выделяемую в рамках социальной психологии [25], изучение которых требует дополнительных усилий со стороны исследователей.

Заключение

Интенциональность рассматривается как базовый признак текстуальности и определяющий фактор жанрообразования. Интенциональность жанра создается совокупностью макроинтенций – набором интенциональных значений, типичных для репрезентаций всего текстотипа, образующих его интенциональную структуру. Макроинтенции могут проявляться в рамках трех классических аспектов формирования жанра: содержания, формы и стиля.

Интенциональная структура англоязычного жанра медиаслухов о селебрити на содержательно-тематическом уровне формируется на основе нескольких коммуникативных установок продуцентов текстов-слухов: информирующей, развлекающей, оценивающей и воздействующей. Интенциональной доминантой выступает фатическая функция, выражаемая посредством рекреативной и гедонистической установок авторов. Сложный интенциональный комплекс, присущий жанру слухов о селебрити, складывается из следующего ряда коммуникативных намерений: информировать, развлечь, доставить эмоциональное удовольствие, удивить адресата, выразить эмотивную оценку, убедить в достоверности транслируемой информации, склонить к определенной точке зрения и оценке ситуаций и событий, связанных с жизнью знаменитых «мишеней» слухов.

Интенциональная модель исследуемого жанра поддерживается экстралингвистическими факторами, включающими претенциозный отбор топиков, служащих информационным поводом, и придание социальной значимости тривиальным фактам, а также целым арсеналом персуазивных языковых средств, включающих главным образом эпистемические маркеры и оценочные ресурсы, характеризующиеся гипертрофированной степенью эмотивности и экспрессивности. Результатом является возникновение определенного типа дискурса, относящегося к

развлекательному сегменту медиасферы и рассчитанного на нерефлексирующего, «наивного» адресата, неприязнительного в своих предпочтениях.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Beaugrande R. Introduction to Text Linguistics / R. Beaugrande, W. Dressler – London: Longman, 1981. – 270 p.
2. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская – М.: Ленанд, 2014. – 200 с.
3. Добросклонская Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Добросклонская – М.: КДУ : Добросвет, 2020. – 178 с.
4. Ким М.Н. Новостная журналистика. Базовый курс: учебник / М.Н. Ким – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2005. – 352 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
6. Корнилова Н.А. Антиномия фатических и информативных РЖ в массмедиа. / Н.А. Корнилова // Медиалингвистика. – 2014. – 3. – с. 55–59.
7. Ивченков В.И. Жанр как отражение «образа времени»: объективные и субъективные факторы производства медиатекста. / В.И. Ивченков // Медиалингвистика. – 2014. – 3. – с. 25–28.
8. Колесова Д.В. Интенция как базовая категория текстовой деятельности. / Д.В. Колесова // Мир русского слова. – 2009. – 3. – с. 28–31.
9. Болотнов А.В. Информационное поле медийной языковой личности и ее идиостиль. / А.В. Болотнов // Медиалингвистика. – 2015. – 4 (10). – с. 51–59.
10. Добросклонская Т.Г. Медиатекст: теория и методы изучения. / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – 2. – с. 28–34.
11. Прозоров В.В. Молва как филологическая проблема. / В.В. Прозоров // Филологические науки. – 1998. – 3. – с. 73–78.
12. Дускаева Л.Р. О жанровых текстовых категориях. / Л.Р. Дускаева // Жанры речи. – 2016. – 2. – с. 25–32. doi: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32
13. Шмелева Т.В. Современная медиапрактика с позиций теории речевых актов. / Т.В. Шмелева // Медиалингвистика. – 2014. – 3. – с. 51–55.
14. Горбатов Д.С. Функции слухов в социальной среде. / Д.С. Горбатов // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2014. – 1. – с. 17–22.
15. Клушина Н.И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] / Н.И. Клушина // Медиаскоп. – 2012. – №4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1242>. (дата обращения: 02.09.21)
16. Klushina N.I. Intencional'ny'j metod v sovremennoj lingvisticheskoj paradigme [Intentional method in the modern linguistic paradigm] [Electronic source] / N.I. Klushina // Mediascope. – 2012. – №4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1242>. (accessed: 02.09.21) [in Russian]
17. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Медиатекст как полиинтенциональная система. – СПб.: СПбГУ, 2012. – с. 10–17.
18. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Осетрова Елена Валерьевна. – Красноярск, 2010. – 42 с.
19. Добросклонская Т. Г. Язык британской качественной прессы: новости, комментарий, публицистика / Т. Г. Добросклонская // Язык современной публицистики. – М.: Флинта : Наука. – 2008. – с. 179–212.
20. Демьянков, В.З. Семиотика событийности в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. – Ч. 2. – с. 68–83.
21. Горбатов Д. С. Социальные функции слухов в контексте концепции коммуникативных ролей / Д. С. Горбатов, А. В. Байчик // АНИ: психология и педагогика. – 2016. – Т. 5. – 4 (17). – с. 461–463.
22. Дубин Б. В. Речь, слух, рассказ: трансформации устного в современной культуре / Б. В. Дубин // Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. – М.: НЛО, 2001. – с. 70–81.
23. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – 4-е изд. – М.: Красанд, 2013. – 244 с.
24. Collins English Dictionary (En-En) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 25.02.2020)
25. Cambridge English Dictionary (En-En) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 25.02.2020)

Список литературы на английском / References in English

1. Beaugrande R. Introduction to Text Linguistics / R. Beaugrande, W. Dressler – London: Longman, 1981. – 270 p.
2. Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Textlinguistics. Discourse Linguistics] / V.E. Chernyavskaya – М.: Lenand, 2014. – 200 p. [in Russian]
3. Dobrosklonskaya T. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Media Linguistics: theory, methods, areas of research] / T. Dobrosklonskaya – М.: KDU : Dobrosvet, 2020. – 178 p. [in Russian]
4. Kim M.N. Novostnaya zhurnalistika. Bazovy'j kurs: uchebnik [Broadcast journalism. Basic course: textbook] / M.N. Kim – SPb: Izd-vo Mixajlova V.A., 2005. – 352 p. [in Russian]

5. Bakxtin M.M. E'tetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] / M.M. Bakxtin – M.: Iskusstvo, 1979. – 423 p. [in Russian]
6. Kornilova N.A. Antinomiya faticheskix i informativny'x RZh v massmedia [Antinomy of phatic and informative speech genres in mass media]. / N.A. Kornilova // Media Linguistics. – 2014. – 3. – p. 55–59. [in Russian]
7. Ivchenkov V.I. Zhanr kak otrazhenie «obraza vremeni»: ob'ektivny'e i sub'ektivny'e faktory' proizvodstva mediateksta [Genre as a reflection of the "image of time": objective and subjective factors of media text production]. / V.I. Ivchenkov // Media Linguistics. – 2014. – 3. – p. 25–28. [in Russian]
8. Kolesova D.V. Intenciya kak bazovaya kategoriya tekstovoj deyatel'nosti [Intention as a basic category of textual activity]. / D.V. Kolesova // Mir russkogo slova. – 2009. – 3. – p. 28–31. [in Russian]
9. Bolotnov A.V. Informacionnoe pole medijnoj yazy'kovoj lichnosti i ee idiosstil' [Informational field of media language personality and its idiosstyle]. / A.V. Bolotnov // Media Linguistics. – 2015. – 4 (10). – p. 51–59. [in Russian]
10. Dobrosklonskaya T.G. Mediatekst: teoriya i metody' izucheniya [Media text: theory and methods of study]. / T.G. Dobrosklonskaya // Bulletin of the Moscow university. Series 10. Journalism. – 2005. – 2. – p. 28–34. [in Russian]
11. Prozorov V.V. Molva kak filologicheskaya problema [Rumor as a philological problem]. / V.V. Prozorov // Philological Sciences. – 1998. – 3. – p. 73–78. [in Russian]
12. Duskaeva L.R. O zhanrov'x tekstov'x kategoriyaх [About genre text categories]. / L.R. Duskaeva // Speech genres. – 2016. – 2. – p. 25–32. doi: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32 [in Russian]
13. Shmeleva T.V. Sovremennaya mediapraktika s pozicij teorii rechevy'x aktov [Modern media practice from the standpoint of the theory of speech acts]. / T.V. Shmeleva // Media Linguistics. – 2014. – 3. – p. 51–55. [in Russian]
14. Gorbatov D.S. Funkcii slухov v social'noj srede [The functions of rumors in social environment]. / D.S. Gorbatov // Scientific notes journal of St Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. – 2014. – 1. – p. 17–22. [in Russian]
15. Клушина Н.И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] / Н.И. Клушина // Медиаскоп. – 2012. – №4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1242>. (дата обращения: 02.09.21)
16. Klushina N.I. Intencional'ny'j metod v sovremennoj lingvisticheskoj paradigme [Intentional method in the modern linguistic paradigm] [Electronic source] / N.I. Klushina // Mediascope. – 2012. – №4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1242>. (accessed: 02.09.21) [in Russian]
17. Duskaeva L. R. Intentsional'nost' mediarechi: ontologiya i struktura / L. R. Duskaeva [Media speech intentionality: ontology and structure] // Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema [Media text as a polyintentional system]. – SPb. : SPbGU, 2012. – p. 10–17. [in Russian]
18. Osetrova E. V. Neavtorizovannaya informatsiya v sovremennoi kommunikativnoi srede: rechevedcheskii aspect [Unauthorized information in the modern communication environment: the Speech Studies aspect]: extended abstract of dis. ... of Doctor Sci. in Philology: 10.02.01 / Osetrova Elena Valer'evna. – Krasnoyarsk, 2010. – 42 p. [in Russian]
19. Dobrosklonskaya T. G. Yazyk britanskoi kachestvennoi pressy: novosti, kommentarii, publitsistika [The language of the British quality press: news, commentary, journalism] / T. G. Dobrosklonskaya // Yazyk sovremennoi publitsistiki [The language of modern mass media]. – M. : Flinta : Nauka. – 2008. – p. 179–212. [in Russian]
20. Dem'yankov V. Z. Semiotika sobytiynosti v SMI [Semiotics of eventivity in the media] / V. Z. Dem'yankov // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistiplinarnogo issledovaniya: uchebnoe posobie [Media language as an object of interdisciplinary research: manual ; edited by M. N. Volodina]. – M. : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2004. – Part 2. – p. 68–83. [in Russian]
21. Gorbatov D. S. Sotsial'nye funktsii slухov v kontekste kontseptsii kommunikativnykh rolei [Social functions of rumors in the context of the concept of communicative roles] / D. S. Gorbatov, A. V. Baichik // ANI: psikhologiya i pedagogika [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. – 2016. – 4 (17). – p. 461–463. [in Russian]
22. Dubin B. V. Rech', slukh, rasskaz: transformatsii ustnogo v sovremennoi kul'ture [Speech, rumour, telling: the transformation of the oral in modern culture] / B. V. Dubin // Slovo – pis'mo – literatura: ocherki po sotsiologii sovremennoi kul'tury [Word – writing – literature: essays on the sociology of modern culture]. – M. : NLO, 2001. – p. 70–81. [in Russian]
23. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi [Studying media texts] / T. G. Dobrosklonskaya. – 4th edition. – M. : Krasand, 2013. – 244 p. [in Russian]
24. Collins English Dictionary (En-En) [Electronic resource]. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 25.02.2020)
25. Cambridge English Dictionary (En-En) [Electronic resource]. – URL: <https://www.dictionary.cambridge.org>. (accessed: 25.02.2020)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.51>**ИДИОМАТИЧЕСКАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТСИМВОЛИЗМА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Научная статья

Гущина Л.В. *, Крюкова Е.И.¹ ORCID: 0000-0002-7434-133X;^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (lgushchina[at]sfedu.ru)

Аннотация

Лингвоцветовая картина мира несёт в себе информацию о своеобразии исторического пути лингвокультурной общности и о различии культурных традиций. В англосаксонской культуре формирование колоративной лексики берет своё начало со времён миграций первых племён. Термины цвета того времени содержали корни индоевропейских и германских языков. В качестве основных цветов английской лингвокультуры авторами рассматриваются чёрный («black»), белый («white»), серый («grey»), зелёный («green»), красный («red»), жёлтый («yellow»), синий («blue») и коричневый («brown»). Анализ восприятия цветовых универсалий способствует декодированию сообщений адресанта, его эмоциональных состояний и эффектов, производимых на реципиента сообщения.

Ключевые слова: идиома, цветосимволизм, колорема, лингвокультура, лингвоцветовая картина мира.

IDIOMATIC VERBALIZATION OF COLOR SYMBOLISM IN ENGLISH LINGUISTIC CULTURE

Research article

Gushchina L.V. *, Kryukova E.I.¹ ORCID: 0000-0002-7434-133X;^{1, 2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (lgushchina[at]sfedu.ru)

Abstract

The linguistic color worldview carries information about the uniqueness of the historical path of a linguistic and cultural community and the difference in cultural traditions. In Anglo-Saxon culture, the formation of colorative vocabulary originates from the time of the migrations of the first tribes. The color terms of that time contained the roots of Indo-European and Germanic languages. The authors examine black, white, grey, green, red, yellow, blue, and brown. The analysis of the perception of color universals contributes to the decoding of the addressee's messages, their emotional states, and the effects produced to the recipient of the message.

Keywords: idiom, color symbolism, color lexeme, linguistic culture, linguistic color worldview.

Введение

В связи с вариативностью восприятия цвета и в зависимости от образа мышления изучение употребления колористической лексики в речи носителей языка становится более интересным, особенно в контексте изучения языковой картины мира отдельного народа в определённую эпоху, учитывая социальный и культурологический факторы. Как правило, исследования в области цвета основываются на психологических теориях без углубления в исторический и социокультурный контекст цветоименований. Отсутствие работ, рассматривающих цветоупотребление в историко-социальном контексте англоязычной культуры, обуславливает выбор данной темы и её актуальность.

Методы и принципы исследования

Исследование опирается на труды учёных А.А. Брагиной [3], А.П. Василевича [5], Е.А. Дивинной [10] и И.В. Макеенко [14], посвящённых теории семантической структуры цветообозначений; работы И.Д. Белова [2], В.Г. Гака [7] и А.А. Залевской [11], рассматривающих проблемы сопоставительного и этнолингвистического анализа; работы Н.Б. Бахилиной [1] и Л.С. Грановской [8] о сравнительно-историческом анализе цветообозначающей лексики.

Основные результаты

Эстетика цвета, запечатлённая автором в слове, подобно живописному описанию создаёт яркие визуальные образы. У каждого найдётся своя палитра любимых оттенков для передачи конкретного эмоционального состояния. Очевидно, что погружаясь в эмотивную описательную речь, реципиент живо представляет картины, изображённые адресантом с помощью колористической лексики и различных стилистических средств. Такой эффект достигается в частности благодаря психологическому воздействию цветовосприятия на эмотивное состояние, т.е. обуславливается обоснованными и доказанными психологическими явлениями.

Следует отметить, что впервые изучение воздействия цвета на психологическое состояние человека было проведено сравнительно недавно – в конце прошлого столетия – М. Люшером (1997), начавшим своё исследование с исторического анализа значения цвета для человека. Причину образования конкретных значений, придаваемых тому или иному цвету автор усматривает в трудоёмкости процесса добычи некоторых оттенков в прошлом. Так, например, отличающийся особой трудозатратностью получения, пурпурный цвет считался благородным и «царским». С другой стороны, льняной, представляющий собой грязновато-белый цвет, считался цветом бедняков. Анализируя восприятия

этих цветов в современном мире, эмпирически можно отметить, что и сегодня пурпурный вызывает больше положительных ассоциаций, чем цвет некрашеного льняного полотна.

М. Люшер также отмечает, что цвет в основном работает в качестве акцента, в то время как в целостной картине или фотографии мы замечаем не отдельные цвета, которые могут оказать эмотивное воздействие на нас, а общую цветовую гамму и гармоничность цветовых сочетаний [13, С. 12].

И, тем не менее, невозможно отрицать, что цвет, его интенсивность и оттенок влияют на эмоциональное состояние человека. Сам М. Люшер придерживается убеждения, что вне зависимости от пола, расы и социального статуса все цвета воспринимаются одинаково и базируются на четырёх основных элементах: огне, земле, воде и воздухе. Именно приближённость к природной гармонии и универсальность цветовосприятия легло в основу его трактовки значения цветов для человека и его влияния на восприятие ситуации [13].

Подобной точке зрения придерживается и А. Вежбицкая, указывающая на то, что первоначально цвет отождествлялся с явлением природы или предметом той же окраски, которые определяются в английской культуре как эталонные, а именно, как: небо, сажа, солнце и кровь [6].

Позже появились отдельные слова для определения конкретных цветообозначений: чёрный, белый, жёлтый и др. А.И. Белов отмечает, что в английском языке «формирование имён прилагательных, обозначающих цвет, берёт своё начало со времён миграций первых племён. При этом термины цвета того времени содержали корни индоевропейских и германских языков (совр. «*red*», «*green*», «*blue*», «*white*»)» [2, С. 136].

Далее возникли слова, объединившие себе функцию эталонного предмета, явления и слова-наименования. Р.М. Фрумкина указывает, что таким образом образовано значительное число цветообозначений, типа: «*lemon*», «*opal*» и пр. [18, С. 45].

Как отмечает А.А. Брагина, процесс образования новых колором занял долгое время [3]. Так, для преобразования предмета, обозначающего цвет, в имя прилагательное понадобилось несколько сотен лет. При этом в английском языке XV в. наблюдалось не более 20 таких цветообозначений. В связи с географическими и историческими факторами этот процесс шёл неравномерно, поэтому учащались случаи заимствования. Вследствие этого количество цветообозначений в языке было прямо пропорционально уровню развития культуры его носителей. Со временем ряд цветообозначений утратил свою этимологическую связь. Так, например, колоремы типа «*crimson*» и «*brown*» начали восприниматься обособленно. А на новом этапе развития цветообозначений в английском языке появилась модель «цвет + опорное существительное», например: «*the color of the night*» [5, С. 201].

Конец XX в. представляется возможным считать следующим периодом пополнения словаря цветообозначений, когда термины цвета начали обретать абсолютно новую функцию – рекламную. Здесь особой популярностью стали пользоваться методы уклонения от обозначения точного цвета и акцентирования внимания на оттенке. Большое влияние на это явление, несомненно, оказал рост рынков, распространение торговли, огромный ассортимент товаров и услуг, где невозможно обойтись одним именем существительным, не указывая ярких рекламных цветов, привлекающих интерес потребителей.

Таким образом, становится очевидным, что вместе с изменением исторической системы цветоименований культуры ряд модификаций претерпевает и символика цветообозначений.

Коллективное сознание, в котором закреплены основные знания, установки и этнические стереотипы, культурно-национальная специфика [17], жизнь, уклад, характер и языковая картина мира определённого народа [9] полно отражены во фразеологическом фонде языка, что способствует наиболее полному погружению в лингвокультурное пространство исследуемого языка. Идиомы, как и пословицы, являются ключевым источником интерпретации культурно-национальной специфики, так как они составляют ту часть «языка, веками сформировавшейся обыденной культуры, которая передается из поколения в поколение и заключает категории и установки жизненной философии народа» [17].

Именно поэтому мы склонны полагать, что в англоязычной языковой картине мира восприятие базовых цветов ложится в основу идиоматических и фразеологических единиц, отражая отношение носителей языка к явлению, ассоциируемому с данным цветом, и социокультурный и исторический фон, заложенный в колоремах.

Обсуждение

Известно, что изначально, на раннем этапе развития языка, присутствовало восприятие только двух базовых цветов: чёрного и белого, обозначающих антонимичные понятия света, светлых объектов, и тьмы, объектов тёмных цветов. Соответственно, исторически эти два базовых цвета обозначали основные категории восприятия мира через «хорошее, светлое» и «плохое, тёмное». Данное можно наблюдать при употреблении указанных колором во фразеологических выражениях.

Так, лексема «*black*» означает темноту, отсутствие света, материи, противоположность белого цвета [19], [20]. Ассоциативный ряд данной колоремы включает в себя понятия: «ночь», «смерть», «ничто» и «страх», например: «*black day*» (несчастье, неудача), «*black despair*» (безнадёжность, отчаяние), «*Black Death*» («чёрная смерть», бубонная чума, бушевавшая в Европе в средние века и убившая треть её населения), «*black sheep*» (изгой, «белая ворона») и др.

Белый цвет «*white*» можно назвать двухаспектным, поскольку он символизирует как порождение жизни, так и её завершение [4, С. 201]. Как и во многих европейских культурах, в английской белый цвет ассоциируется, прежде всего, с миром – «*white dove*» (голубь мира), чистотой, невинностью и непорочностью – «*white boy*» / «*white son*» (любимый сын), «*Snow White*» (Белоснежка), безобидностью – «*white lie*» (ложь во спасение), профессиональной деятельностью – «*white-collar worker*» (офисный работник), торжественными мероприятиями – «*white wedding*» (свадебная церемония), традициями – «*white Christmas*» (традиционное Рождество со снегом) [19], [20]. Однако культурноспецифичным, на наш взгляд, является значение беспоплезности, присущее, например, идиоме «*white elephant*», обозначающей обузу.

Серый цвет («*grey*» / «*gray*») описывается в лексикографических источниках как цвет между чёрным и белым, цвет золы или свинца [19], [20]. В английском языке он символизирует, с одной стороны, интеллектуальные способности – «*grey cells*» (клетки серого вещества головного мозга), а, с другой стороны, неопределённость, бесцветность, скуку и безразличие – «*grey area*» (область неопределённости в знаниях).

Зелёный цвет («*green*»), как правило, ассоциируется с покоем и равновесием. Он помогает сбалансировать эмоции и чувства, разум и сердце. Обозначая рождение чего-то нового, обновление и возврат к природе, в целом, это эмоционально позитивный цвет, дающий возможность любить и наслаждаться радостными эмоциями [16].

Согласно *Oxford English Dictionary*, лексема «*green*» имеет значение цвета травы, деревьев и природы [20]. Анализ идиоматических выражений позволяет обнаружить и другие значения, связанные с привычными «природными» ассоциациями с зелёным цветом, а именно: плодородием, молодостью и цветением, например, «*in the green*» (в самом расцвете сил), «*green fingers*» (садоводческое искусство, традиционно занимающее важное место в англоязычной культуре), «*go green*» (начать заботиться об окружающей среде) и др.

В то же время лексема «*green*» может содержать и негативную коннотацию. Так, в средневековых сказках и картинах зелёным цветом обозначали зловонье, болота, заражение и зловещее предзнаменование. Отрицательные эмоции также вербализуются в идиомах с колористическим компонентом «*green*», например: «*green-eyed monster*» (ревность), «*green with envy*» (завистливый), «*to turn green*» (букв. позеленеть из-за плохого самочувствия) и др.

Красный цвет («*red*») трактуется как близкий к оранжевому цвету и противоположный фиолетовому, цвет огня и рубинов [19], [20]. Следует отметить, что противоречивость красного цвета находит своё отражение уже в геральдике крестоносцев, с одной стороны, «выражая любовь к Богу и своим ближним, а, с другой, – ярость и жестокость» [12]. Так, данный цвет ассоциируется с кровью и битвой, а также со стрессом и негативными эмоциями, что наблюдается в таких выражениях, как: «*red with anger*» (красный от злости), «*to turn red with embarrassment*» / «*anger*» (покраснеть от смущения и гнева), «*red as blood*» (красный, как кровь). Однако красному цвету присущи также и положительные коннотации жизненной энергии («*red as a rose*»), торжественности и важности («*red flag*»).

Английский жёлтый («*yellow*») имеет индоевропейские корни *ghel* или *ghol*, которые одновременно обозначали и жёлтые, и зелёные цвета. В лексикографических источниках жёлтый описывается как цвет солнца или золота, различной яркости и оттенков; цвет спелых лимонов или яичных желтков [19], [20].

С психологической точки зрения, жёлтый цвет считается самым лёгким и ярким, обладающим стимулирующим и тонизирующим воздействиями на деятельность человека. Однако анализ английских идиом выявляет негативную коннотацию цвета «*yellow*», вербализующего понятия зависти, ревности, лживости – «*yellow look*» (завистливый взгляд), «*yellow press*» («жёлтая», лживая пресса), «*yellow dog*» (подлый человек) и др.

Синему / голубому цвету («*blue*») лексикографические источники приписывают значения цвета неба, определяя его как один из трёх основных цветов спектра [19], [20]. Однако помимо указанной коннотации, анализ английских идиом выявляет значение исключительности, например: «*blue blood*» («голубые», царские крови), «*blue moon*» (голубая луна, явление, наблюдаемое каждые два с половиной года), «*once in a blue moon*» (очень редко), «*blue-ribbon*» (лучший, исключительный).

Психологи отмечают, что длительное нахождение в контакте с голубым цветом приводит к ощущениям усталости и угнетения, притуплению восприятия, появлению сонливости [16]. Указанные психофизиологические состояния вербализуются рядом идиоматических выражений, в которых рассматриваемая нами колорема «*blue*» обозначает задумчивость, меланхолию, грусть, уныние и тоску: «*be blue*» (грустить), «*as blue as devil*» (грустный, угрюмый) и др.

Коричневый цвет («*brown*») представляет собой результат смешения красного, жёлтого и голубого цветов; это цвет тёмного дерева, плодородной почвы [19], [20]. Коричневый очень распространён в природе, поэтому, с одной стороны, издревле ему приписывали положительные характеристики: стабильность, устойчивость, преданность, здравый смысл, надёжность, основательность («*doupbrown*» – основательно). Однако идиоматические выражения в основном вербализуют отрицательные характеристики этого цвета – подавленное состояние и задумчивость («*brownstudy*» – глубокое раздумье), разрушение и неуверенность («*brownthumb*» – неумелый садовник, ср.: «*greenthumb*» / «*greenfinger*»), скованность и скуку – «*browndoff*» (недовольный, раздражённый, скучающий), подхалимство – «*brownnose*» (подлиза, лизоблюд).

Заключение

Таким образом, рассматривая феномен цвета как физическое явление и принимая во внимание физиологические, лингвистические и психологические теории, мы приходим к выводу о том, что колористическая лексика отражает языковую и цветовую картину мира адресанта. В английской лингвокультуре цветообозначения имеют обширное представление различными колоремами, т.е. языковыми единицами, обозначающими цвет или оттенки. Колоремы обладают большим потенциалом производить определённый эффект на адресата, помогая адресанту кодировать определённое эмоциональное состояние или выражать идейную нагрузку, поскольку в стереотипах базовых цветообозначений («*black*», «*white*», «*grey*», «*green*», «*yellow*», «*red*», «*blue*», «*brown*») зашифрован этимологически обусловленный цветовой код. А значит, благодаря анализу восприятия цветовых универсалий представляется возможным декодировать сообщение адресанта, его эмоциональное состояние и эффект, производимый на реципиента сообщения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М., 1975. – 292 с.
2. Белов А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики / А. И. Белов. – М., 1988.
3. Брагина А. А. Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний / А. А. Брагина. – М., 1997.
4. Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех / Г. Э. Бреслав. – СПб: Б.&К., 2000. – 212 с.
5. Василевич А. П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов – цветообозначений / А. П. Василевич. – М., 1988.
6. Вежбицкая А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
7. Гак В. Г. Беседы о французском слове / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1966. – 336 с.
8. Грановская Л. С. Прилагательные обозначающие цвет в русском языке / Л. С. Грановская. – М., 1964.
9. Гриченко Л. В. Паремический дискурс: становление понятия, основные характеристики / Л. В. Гриченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – №4. – С. 109–116.
10. Дивина Е. А. Синтагматика семантического поля цвета в русском языке : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Дивина Елена Анатольевна. – Краснодар: КГУ, 1996. – 19 с.
11. Залевская А. А. Психолингвистические исследования слова и текста / А. А. Залевская. – Тверь, 2002.
12. Курбацкая Т. Б. Психология труда. Психология Журналистики. Психология рекламы. Часть 1. Психология труда / Т. Б. Курбацкая // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2009. – №50. – С. 33–449.
13. Люшер М. Цвет вашего характера / М. Люшер. – М.: Вече, 1996. – 235 с.
14. Макеенко И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках : Автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Макеенко Ирина Васильевна. – Саратов, 1999.
15. Мухамадьярова А. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических и паремических единиц с компонентом-колоронимом (на материале немецкого, русского и татарского языков) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Мухамадьярова Альбина Фанилевна. – Казань, 2019. – 25 с.
16. Психология цвета: символика цвета [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.livemaster.ru/topic/927725-psiologiya-tsveta-simvolika-tsveta-tsvet-i-harakter-tsvet-i-rabotosposobnost> (дата обращения: 17.10.2021)
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
18. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М.: Издательство «Наука», 1984. – 90 с.
19. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 2009.
20. Oxford English Reference Dictionary. Oxford, 2002.

Список литературы на английском / References in English

1. Bahilina N. B. Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke [History of colour meanings in Russian] / N. B. Bahilina. – М., 1975. – 292 p. [in Russian]
2. Belov A. I. Cvetovye etnoejdemy kak ob"ekt etnopsiholingvistiki [Colour ethnoeids as an object of ethnopsycholinguistics] / A. I. Belov. – М., 1988. [in Russian]
3. Bragina A. A. Cvetovye opredeleniya i formirovanie novyh znachenij slov i slovosochetaniy [Colour definitions and the formation of new meanings of words and phrases] / A. A. Bragina. – М., 1997. [in Russian]
4. Breslav G. E. Cvetopsihologiya i cvetolechenie dlya vseh [Colour psychology and colour treatment for all] / G. E. Breslav. – SPb: B.&K., 2000. – 212 p. [in Russian]
5. Vasilevich A. P. YAzyk i kul'tura: sopostavitel'nyj analiz gruppy slov – cvetooboznachenij [Language and culture: a comparative analysis of a group of words – colour meanings] / A. P. Vasilevich. – М., 1988. [in Russian]
6. Vezhbickaya A. YAzyk, kul'tura, poznanie [Language, culture, knowledge] / A. Vezhbickaya. – М.: Russkie slovary, 1997. – 416 p.
7. Gak V. G. Besedy o francuzskom slove [Conversations about the French word] / V. G. Gak. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1966. – 336 p. [in Russian]
8. Granovskaya L. S. Prilagatel'nye oboznachayushchie cvet v russkom yazyke [Adjectives denoting colour in Russian] / L. S. Granovskaya. – М., 1964. [in Russian]
9. Grichenko L. V. Paremesheskij diskurs: stanovlenie ponyatiya, osnovnye harakteristiki [Paremic discourse: the formation of the concept, the main characteristics] / L. V. Grichenko // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanities and social sciences]. – 2021. – №4. – P. 109–116. [in Russian]
10. Divina E. A. Sintagmatika semanticheskogo polya cveta v russkom yazyke [Synthematics of the semantic field of colour in Russian]: dis. ... of PhD in Philology : 10.02.01 / Divina Elena Anatol'evna. – Krasnodar: KGU, 1996. – 19 p. [in Russian]
11. Zalevskaya A. A. Psiholingvisticheskie issledovaniya slova i teksta [Psycholinguistic studies of the word and text] / A. A. Zalevskaya. – Tver', 2002. [in Russian]
12. Kurbackaya T. B. Psihologiya truda. Psihologiya Zhurnalistiki. Psihologiya reklamy. CHast' 1. Psihologiya truda [Psychology of labour. Psychology of Journalism. Psychology of advertising. Part 1. Psychology of labour] / T. B. Kurbackaya // Social'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizaciya [Socio-economic and technical systems: research, design, optimization]. – 2009. – №50. – P. 33–449. [in Russian]
13. Lyusher M. Cvet vashego haraktera [Colour of your character] / M. Lyusher. – М.: Veche, 1996. – 235 p. [in Russian]
14. Makeenko I. V. Semantika cveta v raznostrukturnyh yazykah [Semantics of colour in different structural languages]: dis. ... of PhD in Philology : 10.02.19 / Makeenko Irina Vasil'evna. – Saratov, 1999. [in Russian]

15. Muhamad'yarova A. F. Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh i paremiologicheskikh edinic s komponentom-koloronimom (na materiale nemeckogo, russkogo i tatarskogo yazykov) [Comparative analysis of phraseological and paremiological units with a colouronym component (based on German, Russian and Tatar)]: dis. ... of PhD in Philology : 10.02.20 / Muhamad'yarova Al'bina Fanilevna. – Kazan', 2019. – 25 p. [in Russian]
16. Psihologiya cveta: simbolika cveta [Colour psychology: colour symbols] [Electronic resource]. – URL: <https://www.livemaster.ru/topic/927725-psihologiya-tsveta-simvolika-tsveta-tsvet-i-harakter-tsvet-i-rabotosposobnost> (accessed: 17.10.2021) [in Russian]
17. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects] / V. N. Teliya. – M.: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1996. – 288 p. [in Russian]
18. Frumkina R. M. Cvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psiholingvisticheskogo analiza [Colour, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis] / R. M. Frumkina. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1984. – 90 p. [in Russian]
19. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 2009.
20. Oxford English Reference Dictionary. Oxford, 2002.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.49>**ШКАЛИРОВАНИЕ ЭМОЦИОГЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА**

Научная статья

Мигранова И.Х. *

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (vk-migranova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается эмоциональность как одна из основных характеристик медиадискурса. Эмоциональность описывается как константа любой осознанной человеческой коммуникации. Медиа́текст рассматривается как один из наиболее эмоциогенных типов текста благодаря одной из основополагающих функций медийного текста – функции воздействия. Приводится классификация медиадискурсов согласно их коммуникативной интенции. Выделяются информационный, публицистический и развлекательный субдискурсы, описывается их воздействие на адресата. В качестве вывода отмечается, что реципиент информационного текста свободен в умозаключениях, и такой тип коммуникации можно признать наиболее экологичным в медиа-пространстве.

Ключевые слова: медиадискурс, коммуникативная интенция, адресат, адресант, коммуникация, медийное пространство.

SCALING THE EMOTIONALITY OF THE MODERN MEDIA TEXT

Research article

Migranova I.H. *

Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (vk-migranova[at]mail.ru)

Abstract

The article examines emotionality as one of the main characteristics of the media discourse. Emotionality is described as a constant of any conscious human communication. The media text is considered as one of the most emotive types of text due to the function of influence, one of the fundamental functions of the media text. The article provides the classification of media discourses according to their communicative intention. The authors of the article also highlight informational, journalistic, and entertainment subdiscourses as well as describe their impact on the addressee. The article concludes by noting that the recipient of the information text is free in their conclusions, and this type of communication in the media environment can be recognized as the most benign.

Keywords: media discourse, communicative intention, addressee, recipient, communication, media environment.

Введение

Исследователи признают, что изучение эмоциональной составляющей процесса коммуникации имеет большое значение для лингвистики, поскольку осознанная коммуникация между людьми всегда эмоциональна. Человек, инициирующий процесс коммуникации, придает этому процессу эмоциональность через личное отношение к субъекту и/или объекту коммуникации. Автор привносит в коммуникативную ситуацию эмоции в зависимости от своих намерений. Здесь идет речь о намерении как о коммуникативной интенции.

В лингвистике под коммуникативной интенцией понимают направленность сознания адресанта на достижение замысленной им цели, ради которой он вступает в коммуникацию [10 С. 210]. Уже на этом этапе инициатор процесса вкладывает в высказывание эмоции, осознанно раскрывая свой внутренний мир, языковую компетенцию, эмоциональный потенциал. «Эмоция – это переживания личности, связанные с удовлетворением или неудовлетворением ее потребностей» [1, С. 11]. Добавим также, что спектр эмоций, которые автор текста способен вызвать у читателя, чрезвычайно широк: это могут быть эмоции как положительной (сострадание, симпатия, сочувствие, переживание), так и отрицательной (раздражение, неодобрение, злоба, ненависть) окраски.

Обсуждение

Рассмотрим далее, на наш взгляд, один из наиболее эмоциогенных типов текста – медиатекст. Наряду с информационной функцией, которая традиционно является основополагающей для тестов средств массовой информации, следует отметить не менее важную для современного медиатекста функцию – функцию воздействия. Задача автора медиатекста – привлечь интерес читателя, что, несомненно, невозможно сделать, не затронув его эмоций. Исследователи полагают, что чем более сильные эмоции вызывает воспринятый текст у его реципиента, тем более сильным воздействующим потенциалом такой текст обладает. Именно по этой причине, авторы современного медиатекста позволяют себе уходить от традиционно сложившихся норм и этических правил, нарушая их ради привлечения внимания к статье/ номеру/ изданию.

Для определения степени эмоциональности коммуникации в пределах медийного пространства необходимо, очевидно, в первую очередь рассмотреть бинарную оппозицию «эмоциональной — неэмоциональной» коммуникации. Такая оппозиция, на наш взгляд, невозможна, поскольку выше мы уже упоминали о принципиальной невозможности неэмоциональности любой коммуникации. Здесь, вероятно, лучше вести речь об «эмоциональности – нулевой эмоциональности» [9, С. 60].

Исходя из такой типологизации коммуникации на шкале эмотивности текста, можно отнести коммуникацию в пределах массмедиа дискурса к эмоциональной или имеющей нулевую эмоциональность. Тогда классические тексты

СМИ, которые, по определению, должны быть логичными, информативными, безоценочными, не отражающими авторского отношения, следует отнести к текстам с нулевой эмоциональностью. Таким текстам присуща объективная модальность [3, С. 134].

Однако современные медиатексты отличаются от традиционных тем, что они ориентированы на пробуждение эмоций у своих реципиентов.

Одной из отличительных характеристик медиадискурса в целом является массовость его адресата. Реципиенты медиадискурса неоднородны территориально, а также по возрасту, полу, социальному положению и другим характеристикам. Однако, несмотря на эти факторы, медиадискурс призван оказывать воздействие на массовое сознание [5, С. 219]. Для выполнения этой основной задачи в рамках медиадискурса происходит упрощение смыслов, снижаются стилистические требования, но усиливается эмоциональность текстов.

Тем не менее, наиболее полно охарактеризовать пространство масс-медиа можно лишь с точки зрения адресанта и его интенции в процессе коммуникации [2, С. 167]. С позиции интенции сферу масс-медиа можно разделить на три ключевые группы, т.е. поделить медиадискурс на субдискурсы. Таким образом, интенция информирования реализуется в информационном/новостном дискурсе, интенция убеждения – в публицистическом, интенция развлечения – в развлекательном.

Интенция не всегда формирует дискурс, но в любом дискурсе присутствует доминантная интенция, формирующая его характерные признаки. Так, например, принято выделять тематические, стилистические, эмоциональные и пр. интенции [4, С. 57]. Преобладающими в медиадискурсе считаются идеологическая, стилистическая и эмоциональная интенции. При этом, эмоциональная интенция присутствует практически во всех видах субдискурсов.

Информационный дискурс, очевидно, располагается ближе остальных к нулевой отметке на шкале эмотивности. Принято считать, что его основная задача – предоставление достоверной информации, большая доля фактического материала. Факты не должны интерпретироваться автором текста, быть объективными. Язык информационного дискурса отличается наличием клише, невыраженностью реципиента, объективностью информации, ее не прямой подачей посредством ссылок на источники материала и цитирований, нейтральной стилистикой [8, С. 217]. Такая информация представляет собой ценность для социума, имеет четкую тематическую структуру.

Публицистический дискурс располагается на значительном удалении от эмоционального нуля, поскольку исследователи относят его к персуазивным, и он содержит эмоциогенные тексты. Основная функция данного дискурса – убеждение. В текстах, входящих в состав публицистического дискурса, важен взгляд автора, его авторитет и интерпретация событий. Высказывания в таком тексте субъективируются, языковые средства ярки и разнообразны [6, С. 92]. Адресат такого текста должен обладать высоким интеллектуальным и культурным развитием, иметь способности к сложной аргументации [7, С. 107].

И, наконец, развлекательный дискурс, который наиболее удален от нуля эмотивности. Основная задача данного типа дискурса – шокировать, эпатажировать, создавать сенсацию. Автор текстов внутри развлекательного дискурса вкладывает в них повышенную экспрессивность, интригу, рекламность. Наиболее полезны с этой точки зрения заголовки, полнее всего реализующие интенции развлечения и сенсационности.

Прагматическая цель развлекательного дискурса заключается, как ни странно, в рекламе. Не только и не столько рекламе товаров и услуг стороннего рекламодателя, но рекламе самого издания. Издателю важно повысить тираж/количество пользователей своего медиаресурса, необходимо привлекать и максимально долго удерживать пользователя. Таким образом, здесь можно вести речь о двух видах интенций: открытой (с целью развлечь пользователя) и скрытой (с целью саморекламы).

Заключение

В заключение подытожим, что с точки зрения интенциональности коммуникации любая коммуникация является умеренной речевой деятельностью, а, значит, эмоциональна. Современное медиапространство в соответствии с содержащейся в дискурсе интенцией можно типологизировать, выделив информационный, публицистический и развлекательный субдискурсы, в которых эмоциональная доминанта усиливается от информационного к развлекательному. При этом следует признать, что эти типы субдискурсов оказывают разное влияние: наиболее сильное воздействие оказывает информационный дискурс, но это воздействие оказывается на разум, а не на психику. Таким образом, реципиент информационного текста свободен в умозаключениях, а давление на его психику минимально. Следовательно, такой тип коммуникации можно признать наиболее экологичным в медиа-пространстве.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Шадриков В.Д. Введение в психологию: эмоции и чувства / В.Д. Шадриков – М.: Логос, 2002. – 156 с.
2. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман – СПб: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
4. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности / Г.Х. Шингаров – М.: Наука, 1971. – 224 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Корташева Е.А. «Экология слова» как новая область знания. / Е.А. Корташева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – 637. – с. 90-95.

7. Сквородников А.П. Об экологии русского языка. / А.П. Сквородников // Филологические науки. – 1992. – 5-6. – с. 104-111.
8. Шаховский В.И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания. / В.И. Шаховский // Языковое бытие человека и этноса. – 2003. – 6. – с. 215-221.
9. ИONOBA C.B. Эколингвистические проблемы современной текстовой коммуникации / ИONOBA C.B. // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. – Волгоград: ВолГУ, 2012. – С. 57-61.
10. КлУШИНА Н.И. Эмоциогенность как критерий дифференциации современного медийного пространства / КлУШИНА Н.И. // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – 450 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Shadrikov V.D. Vvedenie v psixologiyu: e'mocii i chuvstva [Introduction to Psychology: Emotions and Feelings] / V.D. Shadrikov – M.: Logos, 2002. – 156 p. [in Russian]
2. Sedov K.F. Diskurs i lichnost': e'vol'yuciya kommunikativnoj kompetencii [Discourse and personality: the evolution of communicative competence] / K.F. Sedov – M.: Labirint, 2004. – 317 p. [in Russian]
3. Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere] / Yu.M. Lotman – SPb: Iskustvo-SPb, 2000. – 704 p. [in Russian]
4. Shingarov G.X. E'mocii i chuvstva kak formy' otrazheniya dejstvitel'nosti [Emotions and feelings as forms of reflection of reality] / G.X. Shingarov – M.: Nauka, 1971. – 224 p. [in Russian]
5. Karasik V.I. Yazy'kovoj krug: lichnost', koncepty', diskurs. [Language circle: personality, concepts, discourse.] / V.I. Karasik – M.: Gnozis, 2004. – 390 p. [in Russian]
6. Kortasheva E.A. «E'kologiya slova» kak novaya oblast' znaniya ["Ecology of the word" as a new field of knowledge]. / E.A. Kortasheva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. – 2012. – 637. – p. 90-95. [in Russian]
7. Skovorodnikov A.P. Ob e'kologii russkogo yazy'ka [On the ecology of the Russian language]. / A.P. Skovorodnikov // Filologicheskie nauki [Philological sciences]. – 1992. – 5-6. – p. 104-111. [in Russian]
8. Shaxovskij V.I. E'mocii – motivacionnaya osnova chelovecheskogo soznaniya [Emotions are the motivational basis of human consciousness]. / V.I. Shaxovskij // Yazy'kovoe by'tie cheloveka i e'tnosa [Linguistic being of a person and ethnos]. – 2003. – 6. – p. 215-221. [in Russian]
9. Ionova S.V. Ecolinguistic problems of modern textual communication / Ionova S.V. // Communicative aspects of modern linguistics and linguodidactics. - Volgograd: VolSU, 2012. -- P. 57-61.
10. Klushina N.I. Emotionality as a criterion for differentiation of the modern media space / Klushina N.I. // Emotive lingvoecology in the modern communicative space. - Volgograd: Change, 2013. -- 450 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.4>АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ХРОНОТОПЕ КОММУНИКАЦИЙ
(ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Научная статья

Никитина Е.С. *

ORCID: 0000-0001-6985-802X,

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (m1253076[at]yandex.ru)

Аннотация

Слова попадают в словари из текстов, в которых они имеют значения и смысл, а также ассоциативные связи. В разных контекстах индивидом воспроизводятся актуальные из многочисленных ассоциативных связей слова. Какая ассоциация выпадет на предъявленное слово зависит от установки на ситуацию, в которой слово предъявлено. В кабинете психотерапевта, в игре на «Поле чудес», на исповеди у священника, больничной койке, на детекторе лжи, групповом ассоциативном эксперименте и т.п. когнитивные предпосылки, руководящие реакциями личности, различаются по факту адекватности ситуации поведения. Показать зависимость ассоциативной реакции от коммуникативного контекста – хронотопа – входит в задачу представленной статьи. Выявленная зависимость позволяет интерпретировать результаты экспериментов с учетом роли испытуемого не как объекта, но как субъекта – активного действующего лица в ситуации испытания его ментальных карт.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, коммуникативный хронотоп, виды воспоминаний, социальная установка, прайминг.

ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN THE COMMUNICATIONS CHRONOTOPE (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

Research article

Nikitina E.S. *

ORCID: 0000-0001-6985-802X,

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

* Corresponding author (m1253076[at]yandex.ru)

Abstract

Words enter dictionaries from texts, within which they have meanings, as well as associative connections. In different contexts, the individual reproduces words connected to numerous associative connections. What association will fall on the presented word depends on the attitude to the situation in which the word is presented. In the office of a psychotherapist, during a game show, in a confession to a priest, in a hospital bed, on a lie detector, a group associative experiment, etc. the cognitive prerequisites governing the reactions of the individual differ in the fact of adequate behavior in the situation. To show the dependence of the associative reaction on the communicative context - the chronotope - is part of the task of the current article. The determined dependence makes it possible to interpret the results of experiments taking into account the role of the subject an active participant in the situation of testing his mental maps.

Keywords: associative experiment, communicative chronotope, types of memories, social attitude, priming.

Многие приемы лабораторной работы носят характер традиции, то есть они привычны и общеприняты. Их применяют, не задумываясь об их адекватности той или иной конкретной задаче.
Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры.

Введение

Ассоциативный эксперимент является одним из старейших приемов экспериментальной психологии. Джордж Миллер так пересказывает историю возникновения этого метода:

«Сэр Фрэнсис Гальтон (1879), английский ученый и двоюродный брат Чарльза Дарвина, первым попробовал провести ассоциативный эксперимент. Он выбрал 75 слов, написал каждое из них на отдельной карточке и не прикасался к ним несколько дней. Затем он брал карточки по одной и смотрел на них. Он засекал время по хронометру, начиная с того момента, когда его глаза останавливались на слове, и кончая тем моментом, когда прочитанное слово вызвало у него две различные мысли. Он записал эти мысли для каждого слова из списка, но отказался публиковать результаты. “Они обнажают, – писал Гальтон, – сущность человеческой мысли с такой удивительной отчетливостью и открывают анатомию мышления с такой живостью и достоверностью, которые вряд ли удастся сохранить, если опубликовать их и сделать достоянием мира”» [15, С. 175–176].

Выделим три момента из этого описания. **Время** – от предъявления слова-стимула к реакциям на него; у Гальтона оно ограничивалось двумя мыслями-воспоминаниями. **Интимность** этих реакций такова, что ими не следует делиться с другими. Ассоциации слишком субъективны или личностны. И, наконец, **контекст**, или ситуации самого эксперимента. На этих сторонах эксперимента мы в дальнейшем и остановимся.

Неподконтрольный сознанию и волевому управлению процесс возникновения ассоциаций, тесная связь вербальных реакций с эмоциональными реакциями, имеющими объективные физиологические корреляты, определили перспективность ассоциативного эксперимента как для научного поиска (изучение семантической организации содержания индивидуального и массового сознания), так и успешного решения прикладных задач: психоаналитической

психотерапии, психофизиологической экспертизы достоверности показаний (полиграфическая диагностика – «детектор лжи») и т.д. Логика ассоциативного эксперимента нашла применение в прикладной лингвистике, психолингвистике, социологии, психологии рекламы и разработке технологий эффективного рекламного копирайтинга и др. в качестве метода изучения психики человека, установления законов мышления, диагностики овладения языковым материалом, исследования структуры семантических полей и их возникновения и даже для описания языковой картины мира выбранного языкового коллектива. На основе результатов исследования процесса возникновения ассоциаций делаются утверждения об особенностях культуры, мировоззрения, менталитета языковой личности и общности. Вот здесь-то и возникает проблема соотнесения полученных данных со способами их интерпретации. Иначе, проблема обоснованности выводов и заключений, которые предлагают исследователи по данным проведенного эксперимента.

Обсуждение

Для начала отметим, что ассоциативная психология, в которой ассоциации считались главным или даже единственным механизмом работы сознания, ныне представляет исключительно исторический интерес. В качестве основной объяснительной концепции структурирования содержания сознания ассоциативная теория выступала лишь на заре научной психологии, «унаследовавшей» эту гносеологическую схему от философии.

«Впервые десятилетия 20 в. А. п. как особое направление исчезло под влиянием сокрушительной критики со стороны вюрцбургской школы, гештальтпсихологии и др. новых направлений психологии. Ассоциация начала рассматриваться не как исходный основополагающий принцип, а как явление, которое само требует объяснения» [12].

Далее. Произвольность языкового знака и конвенциональный принцип его соотнесения с обозначаемым создают условную возможность для связи любого слова с любым другим словом из языкового универсума. Языковая картина мира функционирует как своеобразная лингвосеть, аналогичная нейросети. Эта лингвосеть избыточна по своей емкости для любых количеств новой информации, и поэтому накопление и расширение человеческого опыта не имеет препятствий в знаковом воплощении. Язык позволяет фиксировать и воспроизводить любые артефакты цивилизации, формируя коллективную память социокультурной общности. При этом заслуживают внимания процессы взаимодействия сознания с этими хранилищами опыта, трансформированного в знаки. Содержимое долговременной (в определенном смысле – вечной) памяти образует два слоя.

1. Наружный, поверхностный «мнемотектонический» пласт содержит информацию, которая часто востребована. Для ее воспроизведения не требуется существенных усилий. Она прочно связана с актуальным содержанием сознания, представляет его неявный фон.

2. Нижний (глубокий) уровень, на котором находится информация, «закрытая» для быстрого припоминания, которая давно не использовалась, поэтому оценивается мозгом как малозначимая или ненужная в настоящий момент. Для ее воспроизведения требуются усилия и специальные мнемические действия. Иногда, чтобы добраться до глубин памяти, требуются особые воздействия на психику, например, гипноз, психоанализ, психотропные средства, а иногда достаточно какого-то незначительного события, которое вызовет цепочку ассоциаций с давно «забытым» опытом.

Ассоциативный эксперимент основан на актуализации материала долговременной памяти. Процесс воспроизведения информации может быть произвольным, либо произвольным. Основное отличие произвольного воспоминания от произвольного состоит в осознанном и целенаправленном обращении к определенным пластам опыта, которые должны содержать искомую информацию. Произвольное припоминание представляет собой спонтанное появление в актуальном слое сознания некоей информации из «хранилища» памяти. Этот процесс непредсказуем и выглядит необъяснимым по своим результатам. Французский писатель Марсель Пруст был первым, кто ввел термин «произвольная память» в романе «В поисках утраченного времени». Пруст рассматривал произвольную память как содержащую «сущность прошлого», в котором часто нет логических связей, только ассоциативные. Память у Пруста выступает средством фиксации потока сознания. Последний состоит из памяти, чувств и переживаний.

«Лучшее, что хранится в тайниках нашей памяти, – вне нас; оно – в порыве ветра с дождем, в нежиле запахе комнаты или в запахе первой вспышки огня в очаге, – всюду, где мы вновь обнаруживаем ту частицу нас самих, которой наше сознание не пользовалось и оттого пренебрегало, остаток прошлого, самый лучший, тот, что обладает способностью, когда мы уже как будто бы выплакались, все-таки довести нас до слез». [10].

Советский писатель Валентин Катаев метафорически обозначил самопроизвольно «всплывающее» в памяти далекое прошлое как «разбитую жизнь» [4]. «Разбитую» не в моральном смысле, а в содержательном. В предисловии к своей книге автор сравнивает воспоминания о давно прошедшем с некогда монолитной каменной плитой, которая сама собой раскололась от времени на куски. Какой из «осколков» минувшего будет внезапно озарен лучом сознания и выхвачен из тьмы забвения, невозможно предсказать заранее. Фрагменты прошлого в виде неожиданно выплывающих из недр памяти отдельных эпизодов, настроений, почти физически переживаемых давних ощущений прихотливо выстраиваются в поток внезапно «оживших» воспоминаний о том, что давно, и, как казалось, прочно, забыто. Эта связь звеньев отдельного потока воспоминаний не усматривается субъектом как хронологическая, телеологическая – вообще «логическая», хоть в каком-либо смысле. Но ассоциативная связь, безусловно, присутствует, и структурирует поток представлений. Помимо смысловых, семантически организованных ассоциаций (ассоциации по сходству), существуют также ассоциации по смежности во времени и в пространстве, а также ассоциации по контрасту. Если ассоциации по сходству, т.е. единству семантической сети, могут быть, хотя бы вероятно, прогнозируемыми, то ассоциации по смежности ситуативны, и, следовательно, всегда уникальны. Подобные ассоциативные комплексы существуют, и даже могут быть использованы для извлечения необходимой информации (путем реконструкции целостной ситуации, возвращающей сознанию все элементы этой ситуации). На этом основаны используемые гипнологами психотехнологии регрессии, позволяющие вспомнить забытую важную

информацию (пин-коды, пароли). Описаны подобные приемы и в художественной литературе («Лунный камень» У. Коллинза).

Объективность «сущности прошлого» человеческого сознания неоднократно высмеивалась в литературе. Так, на карикатуре американского художника, решившего посмеяться над интерпретацией метода свободных ассоциаций Зигмунда Фрейда, изображен кабинет психоаналитика, в котором на кушетке лицом к окну лежит пациент. За окном на небоскребе висит огромная реклама с полуголой девицей. Врач сидит возле пациента и, глядя в блокнот, спрашивает: «А теперь прошу сказать мне первую мысль, которая приходит вам в голову». Художник схватил важную деталь ситуации – зависимость образов сознания от окружающей обстановки «здесь и теперь».

Зададимся таким вопросом: к какому виду воспоминаний можно отнести ассоциативный эксперимент? Как утверждал автор психологической концепции сознания как интериоризированной деятельности А.Н. Леонтьев в книге «Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций», когда говорят: «это мне напоминает...», это означает появление ассоциации, для которой исходный объект выступает в референсной роли, причем эти референсные связи могут быть самыми различными, иногда неожиданными. Предикация «Я припоминаю, что...» выражает целенаправленные усилия сознания по воспроизведению информации в неизменном виде, восстановлению однозначной связи: «сейчас не так, но было именно так». «Усилия памяти пробуждают мысль, влекущую за собой каскад ассоциаций. В первом случае наша мысль следует за произвольной ассоциацией, а во втором мы думаем и ищем ассоциации сознательно» [7, С.69]. Муки Чеховского героя из рассказа «Лошадиная фамилия» демонстрируют произвольную работу по поиску забытого слова (фамилии знахаря) через ассоциативные связи.

«И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...» [14]. Все было напрасно. Фамилия Овсов случайно всплыла в памяти в связи с ситуацией обсуждения провианта лошадей.

Непроизвольные воспоминания не подчиняются какому-либо алгоритму, логическому или мнемическому. Это разворачивание цепи ассоциаций «с открытым кодом». Актуализация материала памяти не требует волевого усилия. Легкость воспроизведения зависит от значимости данной информации для нужд текущей деятельности. При этом сознание может и не концентрироваться специально на задаче припоминания. Информация всплывает как бы «сама собой», но такое ее воспроизведение не является безусловно произвольным. Мнемическая активность в данном случае включена в качестве операционального звена в общую схему реализуемой в данный момент деятельности. Она никогда не возникнет в отрыве от осуществляемой деятельности, и детерминирована только ею, и никакими другими ситуативными впечатлениями. В отношении произвольного воспоминания невозможно предугадать, какой элемент насущной ситуации способен породить цепочку ассоциаций, и какими они будут. Если воспоминание о прошлом бессознательно запускается сигналом окружающей среды – оно является произвольным. Можно провести мысленный эксперимент, в котором его участникам предъявляется список из одних и тех же слов, но в разных хронотопах: в кабинете у психотерапевта, в больничной палате, в купе поезда, на детекторе лжи, в учебной аудитории. Мы с уверенностью утверждаем (проведя пилотные испытания), что результаты никогда не совпадают.

Исследователи зачастую исключают из рассмотрения ту ситуацию, в которой проводится эксперимент. А ведь формы и содержание общения задаются традициями коммуникации в заданных условиях, так как «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1, С. 235]. Хронотоп или дословно «время-пространство» есть единство двух модусов реальности: корпорального и темпорального, направленное на выражение определенного культурного смысла. Социальная психология рассматривает хронотоп в качестве своеобразного норматива социальных взаимодействий, реализуемых в институционально заданных временных и локативных рамках. Эти коммуникативные ситуации задают жанровое единство коммуникативных актов, в котором доминирующие установки накладывают специфический отпечаток на предмет общения. Бахтин утверждал, что «вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [1, С. 406]. Иначе говоря, хронотоп выступает смысловым триггером сознания как текста [8].

В ассоциативном эксперименте воспоминания запускаются стимулом (словом), и всей коммуникативной ситуацией в целом. Произвольность регулируется только временем реакции, или первым пришедшим на ум словом. Но именно в этом и кроется подвох, который был описан как эффект прайминга (фиксирование установки). Результаты социально-психологических исследований середины XX века обнаруживают некую закономерность, также основанную на пространственно-временных связях (т.е. ассоциациях по смежности во времени). Если какие-то два события следуют сразу друг за другом, то впечатления, вызванные первым событием, во многом определяют эффект, производимый вторым событием. Этот механизм психики обеспечивает экономию энергии по причине того, что ход и результат обработки последующей информации задан характером первично поступивших данных. Влияние обнаруживается даже в том случае, когда между двумя последовательно совершившимися событиями нет содержательной связи. Управление процессом указанного влияния предыдущего на последующее получило название прайминга. История открытия феномена прайминга восходит к реальному случаю применения прайминговой коммуникации. Выступавший за чехословацкую национальную сборную в 20-30-х гг. XX века голкипер Франтишек Планичка по прозвищу «Пражский кот» слыл неуязвимым стражем своих ворот, удивительно успешно отражавшим штрафные 11-метровые броски (penalty). Когда судья назначал одиннадцатиметровый в ворота Планички, тот весьма убедительно демонстрировал сильное огорчение, и, как бы в крайнем отчаянии и досаде, срывал с головы кепку и отшвыривал ее в дальний угол своих ворот. Стоит ли говорить, что в 90% (!) случаев бомбардир, сделав нескольких обманных движений, направлял мяч именно в тот угол, куда незадолго до этого была заброшена кепка. Готовый к такому развитию событий, «пражский кот» Планичка в эффектной прыжке брал мяч. Такому нежданному внушению со стороны хитрого Планички не могли противиться опытные и хладнокровные нападающие из команд-противников

чехословацкой сборной. Прайминг может быть осознан, но чаще носит неосознаваемый характер. Едва ли участники одиннадцатиметровых педингов с Планичкой отдавали себе отчет, что действия вратаря перед пробитием мяча могут управлять их выбором направления удара. Иим было бы нелегко поверить в существование и действенность такой связи, даже если бы им объяснили, в чем тут дело.

Впоследствии возможности прайминговой коммуникации были детально исследованы, а также были предложены варианты разработки схем манипуляций, основанных на бессознательном прайминге. В качестве управляющего исходного воздействия могут использоваться слова, символы, графические объекты, запускающие нужные реакции. При этом реагирующая сторона, «жертва прайминга», так и остается в неведении. Наиболее известный эксперимент в данной области состоял в следующем. Участникам эксперимента предлагалось зафиксировать некое число (последние две цифры номера своих водительских прав или случайно выпавшее при вращении рулетки число). Затем им демонстрировали товар (детскую игрушку, бытовой прибор) с инструкцией определить приблизительную стоимость этого товара в магазине. Обнаружилось, что предварительно записанные цифры во многих случаях оказывают влияние на последующие решения относительно предполагаемой цены товара. Испытуемый, у которого в рулетку выпадало число 14, давал на втором этапе опыта ответ о стоимости игрушечного медведя – 14 долларов. Испытуемый, у которого выпало 8, утверждал, что игрушечный медведь стоит, вероятнее всего, 8 долларов. Такие прайминговые эффекты проявлялись устойчиво в нескольких сериях с разными источниками предварительной информации. Наличие эффекта прайминга было статистически достоверным, т.е. исключалась вероятность случайного совпадения. Преодолеть воздействие прайминга можно с помощью осознанности и вдумчивости. А для этого требуется время. Вхождение в экспериментальную ситуацию при реализации ассоциативного эксперимента само по себе является стимульным воздействием. Предъявляемые в последовательности, известной только испытателю, слова представляют собой еще один пусковой механизм «программированной» реакции. В групповом ассоциативном эксперименте, в заданном ритме ответов, в присутствии наблюдателей, у испытуемого нет времени на абстрагирование от коммуникативных и ситуативных наслоений и обдумывание задачи («в чистом виде» (продуцирование собственных ассоциаций)).

Есть еще один критический аргумент против «первого слова, пришедшего на ум». Творческий процесс неразрывно связан с поиском ярких и многозначных ассоциаций. Каждая ассоциация порождает свою собственную креативную линию. Поль Валери предпринял попытку раскрыть феноменологию вдохновения, объяснить природу творчества исключительно возможностями человеческого ума, не прибегая к ненаучным аргументам вроде того, что экстаз вдохновения сродни мистическому, что рукой творца водит Бог и т.д. Вдохновение – это процесс, исходной точкой которого является спонтанная ассоциация, которая зарождает эстетическую идею будущего произведения (точнее, ее образные и эмоциональные опоры). Далее следует уже процесс осознаваемого отбора лучших ассоциаций в русле найденной художественной идеи. Как у Пушкина: «Ведь рифмы запросто со мной живут; Две придут сами, третью приведут». О критериях отбора в явном виде П. Валери не упоминает, но можно предположить, что таковым критерием выступает мета-ассоциация (ее принято называть гармонией). Безупречность стиля (общего способа сопряжения мысли и формы) превращает эстетическую идею в живую ткань художественного образа [5].

Итак, первая реакция зависит от установки. Описание этого феномена можно найти в рассказе Карела Чапека «Эксперимент профессора Роусса». Суть его такова. В чешский городок приезжает профессор психологии Гарвардского университета, решивший навестить историческую родину. Публике через газеты объявлено, что заокеанский гость согласен испытать на желающих возможности своего метода (как выясняется из дальнейшего повествования, это метод направленных ассоциаций). В назначенный час собрались местные политики, чиновники, профессура, журналисты.

«Мой метод заключается в следующем: я произношу слово, а вы должны тотчас же произнести другое слово, которое вам придет в этот момент в голову, даже если это будет чепуха, nonsense, вздор. В итоге я, на основании ваших слов, расскажу вам, что у вас на уме, о чем вы думаете и что скрываете. Понимаете? Я опускаю теоретические объяснения и не буду говорить вам об ассоциативном мышлении, заторможенных рефlekсах, внушении и прочем. Я буду сказать кратко: при опыте вы должны полностью выключить волю и рассудок. Это даст простор подсознательным ассоциациям, и благодаря им я смогу проникнуть в... э—э... Well, what's on the bottom of your mind...»

Вводят преступника, который подозревается в убийстве. Профессор диктует ему слова, предлагая отвечать первым пришедшим в голову словом. Сначала преступник вообще не желает иметь с ним дело. Но потом игра «в слова» его увлекает, и он в неё втягивается. Профессор дает сначала нейтральные слова: Мамашиа — Тетка. Собака — Будка. Солдат — Артиллерист. <... > Но постепенно он начинает включать слова, связанные с обстоятельствами преступления. Предлагается слово «кафе», ответ — «шоссе», дается слово «пятна», ответ — «мешок» (потом было выяснено, что пятна крови были вытерты мешком); на слово «спрятать» — ответ «зарыть», «лопата», — «яма», «яма» — «забор» и т. д. Короче говоря, после сеанса, по рекомендации профессора полицейские отправляются в некоторое место около забора, раскапывают яму и находят спрятанный труп. Не сомневаясь в столь же успешном продолжении опыта, профессор предлагает повторить сеанс с кем-либо из присутствующих зрителей, чтобы раскрыть и его тайны. Но энтузиазм публики от такого предложения вмиг улетучился, и в итоге поучаствовать в качестве подопытного согласился лишь один из многочисленных присутствующих, немолодой человек непримечательной наружности. Новый подопытный с услужливой готовностью предоставил профессору для испытания собственный «bottom of mind». Объяснив «субъекту», что от него требуется, уверенно-небрежным тоном профессор начал опыт:

— Дуб, — бросил профессор.

— Могучий, — прошептал испытуемый.

— Как? — переспросил профессор, словно не поняв.

- Лесной великан, — стыдливо пояснил человек.
- Ага, так. Улица.
- Улица... Улица в торжественном убранстве.
- Что вы имеете в виду?
- Какое-нибудь празднество. Или погребение.
- А! Ну, так надо было просто сказать "празднество". По возможности одно слово.
- Пожалуйста...
- Итак. Торговля.
- Процветающая. Кризис нашей коммерции. Торговцы славой.
- Гм... Учреждение.
- Какое, разрешите узнать?
- Не все ли равно! Говорите какое-нибудь слово. Быстро!
- Если бы вы изволили сказать "учреждения"...
- Well, учреждения.
- Соответствующие! — радостно воскликнул человек. <...>
- Огонь!
- Огнем и мечом. Отважный пожарник. Пламенная речь.

Mene tekel.

- Странный случай, — озадаченно сказал профессор. —

Дальше все пошло того хуже. Ухищрения профессора по смене стратегии стимуляции потока ассоциаций, взвинчиванию темпа и т.д., ни к чему не привели. Испытуемый субъект продолжал выдавать расхожие штампы в ответ на любое стимульное слово, причем мгновенно и не задумываясь — по всем правилам безупречного ассоциативного эксперимента. Догадавшись, наконец, с кем имеет дело, профессор остановил опыт и постарался — в лучших традициях мастеров публичных выступлений — «заякорить» в сознании присутствующих единственный достигнутый результат: «Анализом представлений этого человека мы бы установили, что... м-м, что он журналист. Я думаю, нет смысла продолжать. *It would only waist our time. So sorry, gentlemen!*» [13].

В этом рассказе К. Чапек обыграл в сатирическом ключе идею о полном бессилии науки перед посредственностью, тщетности попыток отыскать в ней хоть что-то живое и интересное. Законопослушный и добропорядочный ремесленник пера, у которого собственные мысли напрочь вытеснены шаблонными газетными оборотами и сентенциями на все случаи жизни, в этом смысле безнадежен для науки. Если комментировать описанное в рассказе с психолингвистических позиций, то устоявшиеся штампы, которые от частого употребления становятся в буквальном смысле «затертыми», как с информационной, так и с эмоциональной точки зрения, приобретают функционал трюизма — положения, настолько общеизвестного, что сознание исключает его из обработки. Штамп является риторической фигурой, лишенной собственной содержательности и выполняющей служебную роль: индикатора коммуникативной ситуации и заполнителя смысловой пустоты. Дискурсивные штампы, которые по форме представлены синтаксическими конструкциями, воспринимаются как целостные неделимые единицы «респектабельной бессмыслицы», застывшие и неизменяемые. Штампы озвучиваются на основе ассоциации по смежности: слово-стимул актуализирует свой штамповый придаток. Эти ассоциации являются тупиковыми, поскольку ассоциативный процесс, как и словообразование, задается эмоциональной направляющей. В случае «штамповых» ассоциативных ответов мы имеем дело лишь с механической реакцией. Таким образом, проявляется влияние индивидуального контекста на ассоциативные процессы.

Процедура проведения ассоциативного эксперимента, как правило, строится по следующему алгоритму. Последовательно предъявляются слова-стимулы, на каждое из которых необходимо ответить первым пришедшим в голову словом. Фиксируются только словесные реакции. Во времена становления ассоциативного эксперимента как метода исследования сознания процедура была иной. Френсис Гальтон стимульные слова предпочитал выписывать на отдельные карточки. Полностью отвлеклся от них на несколько дней, не смотрел в их сторону, не брал в руки, не старался вспомнить, что на них написано — как будто бы их не существовало вовсе. И лишь затем, в состоянии максимально «очищенного» от первоначальных стимульных впечатлений сознания, приступал к ассоциированию. Будучи сторонником строгого соблюдения норм экспериментирования, скрупулезно вел хронометраж ответной реакции (время между воздействием стимула и появлением второй по счету ассоциации). В современных условиях проведения ассоциативного эксперимента фиксируется латентное время (отрезок времени между предъявлением стимула и первой реакцией). Каждому испытуемому отводится время в пределах 7-10 минут для ответных реакций на последовательность из ста стимульных слов. Такая «плотность» потока стимулов обосновывается необходимостью получения спонтанной, неконтролируемой реакции. Но, как иногда бывает в эмпирических науках, усиленное внимание к контролю одних ситуационных переменных сочетается с игнорированием влияния других. В частности, коммуникативных переменных и прайминговых эффектов.

К работе испытуемых по продуцированию ассоциаций сразу же подключается оперативная память, помогая субъекту ориентироваться в ситуации «здесь и сейчас». Главным отличием оперативной памяти является связанность информации напрямую с действием, регистрация его промежуточных результатов. Длительность хранения и использования материала определяется продолжительностью достижения цели. Когда цель достигнута, информация теряет актуальность. Но какая цель у испытуемого в ассоциативном эксперименте? Триггером здесь выступает слово. И не само по себе, а в заданном пространстве и с ограниченным временем реакции. Для подобных случаев Остапом Бендером был составлен универсальный словарик под названием «Торжественный комплект» — незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей. Для сравнения. У К. Чапека даже отъявленный негодяй, убийца и уголовник обладает каким-никаким, но самосознанием, с

подсознанием и прочими прилагающимися. Он опасается разоблачения и прячет свои воспоминания о преступлении. А человек, чья голова вмещает только чужие слова, фразы и банальности – виртуальная заготовка, которая не может адекватно оценить мир вокруг себя, потому что видеть его способна только через призму чужих стандартных установок – «ответить первым пришедшим в голову словом» в учебной (как правило) аудитории.

Основные результаты

Процесс актуализации материала памяти (воспоминание) состоит в ментальной реконструкции определенных единиц опыта. Образы прошлого – это целостные ситуации, зафиксированные в сознании в единстве объекта, действия, времени, места. Принцип хронотопа в выстраивании и упорядочивании воспоминаний проявляется сопряжением «здесь» (нынешнее местонахождение) и «там» (место пребывания в прошлом), «теперь» и «тогда». И даже если «здесь» и «там» – это про одну и ту же локацию, они неизбежно противопоставляются. «Тогда» определяется через «теперь», с помощью социокультурно заданных ориентиров. Личная история интерпретируется посредством исторических вех всего общества в целом. Упомянув о событиях нашего личного прошлого (неизвестных собеседникам), мы говорим: это было сразу после того, как прошли выборы. А это было еще до коронавируса. Воспоминание – интеллектуальный процесс. Он сопровождается осознанием фактов прошлого в новых, расширившихся контекстах, осмыслением и переосмыслением. Память заново творит опыт, закрепляя результаты личностной эволюции. Настоящее, вытесняя, и, в известной мере, отрицая прошлое, в то же время наделяет это прошлое смыслом и целостностью. Если воспоминания так или иначе касаются личной жизни человека, они всегда сопровождаются целым рядом эмоций. Потому выделяют два типа ассоциаций: индивидуальные, эмоционально заряженные, интимные и формальные, заученные, подходящие на все случаи жизни клише, банальности, словесные штампы. Здесь мы сталкиваемся с когнитивной проблемой системности, структурированности знания. И еще никто не показал, что эти системы («концептуальные карты» или «ментальные деревья») формируются на основе ассоциативных связей слов. А вот какой ассоциативный путь изберет оперативная человеческая память – зависит от существующей установки сознания.

Социальные установки отвечают на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках. Установка предшествует разворачиванию реального действия, оформляя в поведенческую схему побуждающий мотив деятельности. «Установки возникают при столкновении личности, имеющей определенные знания, навыки и потребности, с новой информацией, с новыми социальными требованиями и ситуациями, с учетом которых необходимо действовать» [9, С.58].

Установка определяет готовность воспринимать действительность и действовать в ней определенным образом. Имея общие для всех истоки – нормы и ценности общества, установки отдельных личностей имеют индивидуальные черты. Они связаны с тем, как был освоен и переработан (интериоризирован) социальный опыт. Как было разрешено основное противоречие в развитии взрослой личности – между ценностью принадлежности (любви) и ценностью свободы (творчества). Установка определяет формат активности и ее цели. Не является исключением активность в отношении обращения со своими собственными жизненными содержаниями в процессе бессознательного или направляемого сознанием ассоциативного процесса.

Описана трехсоставная структура социальной установки (М. Смит, 1942). Первый ее компонент – когнитивный: predisposition думать определенным образом по поводу объекта установки. Второй компонент установки – аффективный (эмоциональный): predisposition испытывать определенные оценочные чувства по поводу объекта установки. Третий компонент носит название конативного, или поведенческого. Его суть – готовность действовать определенным образом относительно объекта установки [16].

Рис. 1 – Структура социальной установки по М. Смигу

Таким образом, избирательная связь с объектом установки включает: предсуществующую ориентировку в объекте (объект становится фокусом для внутреннего сосредоточения); отношение к объекту как к значимой части мира субъекта; готовность действовать в направлении объекта, ради объекта, вопреки объекту и т.д. Совокупность различных установок образует систему установок (социальных реакций человека), элементы которой взаимосвязаны. Более частные конstellации установок, схожих между собой в каком-либо существенном отношении, также имеют свойство системности. Изменение одного компонента системы влияет посредством внутрисистемной связи на остальные. Любой элемент локальной установочной системы может стать точкой перехода от одной системы к другой, принадлежа им одновременно, и функционируя в соответствии со своей системной ролью в зависимости от того, какая из систем активирована в данное время. Что можно сказать про системообразующие начала различных установочных комплексов? Они могут быть различных видов. Ядром системы может быть объект (социальная установка на объект). При этом другие элементы системы могут варьировать. Внутрисистемные связи могут быть заданы также определенным составом элементов, включающим объект (установка на ситуацию, в которой задан объект). Системообразующим может быть также ракурс взаимодействия с объектом – реальный или иллюзорный (например, перцептивная установка – готовность видеть нечто таким, каким его желательно или привычно видеть самому индивиду или другим людям, целенаправленно формирующим у него такую установку).

В каждой конкретной ситуации поведения актуализируются разные уровни установок в реагировании на словесные стимулы. В кабинете у психотерапевта срабатывает одна установка, в учебной аудитории – другая, в игре на ассоциации – третья, в соннике при разгадывании значения снов – четвертая, и т.д. Одно и то же слово вызовет разные ассоциации в зависимости от «жанра» ситуации или индивидуальных особенностей респондента. Какая ассоциация выпадет на слово «лошадь»: цирковая, ломовая, загнанная, гнедая, хромя, полковая, усталая, кавалерийская, крылатая, ковбойская, почтовая, старая, и так далее? Зависит от ситуации, ситуативного контекста и оперативной памяти. В относительно простых обыденных ситуациях появление ассоциаций и их содержание определяется эмоциональными реакциями и непосредственно предшествующими событиями. Но сложные, целиком умозрительные установочные комплексы определяют ассоциативный процесс, в котором эмоциональный компонент сравнительно мало значим: «мысль высекает мысль». При этом, относительно немногие отвлеченные мысли – целиком собственные (хотя дело и не доходит до тотального умственного плагиата, какой был у героя рассказа К. Чапека). Механический характер воспроизводства и стереотипность речи (сиречь мысли) начинается со школьных требований, передвигается из цитаты в цитату, от одного культурного мема к другому. Оттого реакция на слово в условиях «аудиторного» эксперимента не есть личностное проявление отношения к словесному объекту. Срабатывает установка на ситуацию («школярские ответы») которая подталкивает к шаблонному ответу на предъявленное словесный стимул.

Заключение

Наука стремится к познанию любого объекта исследования как вещи, зафиксированной в своей единственной данности и лишенной собственной активности в акте познания. Так достигается полный контроль над ситуацией и пресловутая «чистота» эксперимента. Но эти подходы неприменимы в изучении человека. Исключать внутрисубъектный и субъект-субъектный фактор было бы непростительным методологическим просчетом. Более того, именно изучение роли этих факторов представляется более интересной и перспективной исследовательской задачей, чем исследование собственно ассоциативной продукции. Познание человека человеком может быть только диалогическим. Имея потенциальную бесконечность ответов, языков, кодов, вступающий в эксперимент в качестве сознательного субъекта испытуемый ориентируется во времени, пространстве, цели взаимодействия с исследователем. Метаязык же познающего всегда диалогически относится к тому языку, который он описывает и анализирует. Наличие этой активной позиции меняет всю ситуацию и, следовательно, результаты эксперимента. Это было зафиксировано еще в квантовой теории. Событие, у которого есть наблюдатель (он же и испытуемый), как бы он ни был скрыт и пассивен, уже совершенно иное событие. Ассоциации людей существенным образом различаются у представителей различных культур, стран, социальных, возрастных и профессиональных групп, как доказано в ряде исследований [3; 6]. Большинство же реакций, приводимых в ассоциативных словарях, получено на выборках студентов университетов и колледжей в возрасте 17-25 лет. Однако, как отметил Ж. Годфруа, в период от 20 до 30 лет происходит только кристаллизация социальных установок, формирование на их основе системы убеждений. И только с 30 лет установки отличаются значительной стабильностью, фиксированностью и плохо поддаются изменениям [2]. Необходимо учесть также особый, характерный для нашей эпохи стиль жизни с его постоянным включением в интернет коммуникации. Стандартное школьное образование, общение в СМИ превращают речь современного человека, а не только журналиста по профессии, в обкатанные и клишированные цитаты, кочующие из одной социальной сети в другие. Сколько времени надо потратить, чтобы эти слова не были банальны! Режимы работы сознания – не только сон или бессознательные реакции сомнамбулы, но и коммуникативные хронотопы, определяющие запуск определенных ассоциативных связей в зависимости от решаемых задач. Многоликий, собранный «Я» есть результат как усвоенных ролевых позиций, «матрешки» из «Я» возрастного движения по ступеням социализации, так и «Я» как субъекта понимания и «Я» как субъекта коммуникации, говорящего и слушающего, поочередно занимающего позиции идущего вперед и освоившего общепринятые нормы сообщества. Здесь «Я» деятельный общается с «Я» понимающим. Чтобы верно и соразмерно отражать реальность сознание как бы «прогоняет» наши представления о мире через два зеркальных параллельных пространства: пространство предметное, деятельностьное и пространство коммуникативное. В последнем оно также не остается пассивным приемником стимулов, но ориентируется и адекватно отвечает. Поддержку выводам находим в понятии «этос», в трактовке Ю.В. Рождественского. «Этосом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю. Эти условия касаются времени, места, сроков ведения речи, и этим определяется часть содержания речи, по крайней мере,

ее тема, которую получатель речи может считать уместной или неуместной. Неуместную речь получатель речи вправе отклонить. Главным признаком уместности является тема речи, при условии, что время, место и сроки речи согласованы между участниками речевой коммуникации» [11, С. 96]. Этос ограничивает пафос, так как последний может реализовываться лишь в пределах заданного этосом места и времени. Этос создает условия для речи. Пафос же – источник создания смысла. А логос – словесное воплощение пафоса на условиях этоса.

Благодарности

Анонимному рецензенту за поддержку работы и внесенные замечания по улучшению текста. Первому читателю, Ахметовой Деларе Нигматовне, сотруднику кафедры психологии Тверского филиала Московского гуманитарно-экономического университета, за конструктивную критику и редактуру.

Acknowledgement

To the anonymous reviewer for supporting the work and comments on improving the text. To the first reader, Akhmetova Delara Nigmatovna, an employee of the Department of Psychology of the Tver Branch of the Moscow University of Humanities and Economics, for constructive criticism and editing.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М.Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 стр.
2. Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. / Ж. Годфруа; Пер. с фр. Н.Н. Алипова, В.В. Свечникова. – М.: Мир, 1992. – Т. 2. – 370 с.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: РГГУ, 2007. – 566 с.4.
4. Катаев В.П. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона / Валентин Катаев; – М.: Сов. писатель, 1983. – 495 с.
5. Лапп Даниэль. Улучшаем память – в любом возрасте / Д. Лапп; Пер. с фр. М. С. Фанченко. – М.: Мир, 1993. – 239 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики (3-е изд.) / Леонтьев А.А. – М.: Смысл, 2003. – 287 с.
7. Леонтьев А. Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций / С пред. Л. С. Выготского. – Москва; Ленинград: Гос. учеб.- пед. изд-во, 1931. – 277 с.
8. Никитина Е.С. На пути к метатеории сознания как текста / Никитина Е.С. // Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистика XXI века: традиции и перспективы», посвящённая 75-летию факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ, Тверь, 2016 г. – С.178-182.
9. Обуховский Казимеж. Психология влечений человека / Перевод с польск. В. И. Могилева; Под ред. и с послесл. д-ра мед. наук проф. Б. М. Сегала. – Москва: Прогресс, 1972. – 247 с.
10. Пруст Марсель. Под сенью девушек в цвету. Пер. А. Федоров, наследники, 2016. Издание на русском языке AST Publishers, 2017. – 740 с. 11.
11. Рождественский, Ю. В. Теория Риторике / Ю. В. Рождественский. – М.: Добросвет, 1997. – 600 с.
12. Соколова Е. Ассоцианизм. Энциклопедия [Электронный ресурс] / Соколова Е. // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/1835179> (дата обращения 18.07.2021).
13. Чапек Карел. Эксперимент профессора Роусса [Электронный ресурс] / Перевод Т. Аксель и О. Молочковского. Файл с книжной полки Несененко Алексея // – URL: <http://www.geocities.com/SoHo/Exhibit/4256/> (дата обращения: 23.07.2021).
14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П.Чехов; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, Т.4: 1885-1886. 1976. – 551с.
15. Miller, G. A. Language and communication / Miller, G. A. – New York: McGraw-Hill. 1951. 286 pp.
16. Smith, M.B. Attitude Change / Smith, M.B. // International encyclopedia of the social sciences / Darity, William A., Jr. - 2nd ed. - Detroit [etc.]: Macmillan reference USA, cop. 2008.

Список литературы на английском / References in English

1. Bakhtin, M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on Historical Poetics] / M.M. Bakhtin. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. – M.: Khudozh. lit., 1975. – 504 p. [in Russian]
2. Godfrua Zh. Chto takoe psikhologiya: V 2 t. [What is psychology: In 2 volumes] / Zh. Godfrua; Per. s fr. N.N. Alipova, V.V. Svechnikova. – M.: Mir, 1992. – Vol. 2. – 370 p. [in Russian]
3. Zalevskaya, A. A. Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics] / A.A. Zalevskaya. – M.: RGGU, 2007. – 566 p. [in Russian]
4. Kataev, V.P. Razbitaya zhizn, ili Volshebnyi rog Oberona [Broken Life, or Oberon's Magic Horn] / Valentin Kataev. – M.: Sov. pisatel', 1983. – 495 p. [in Russian]
5. Lapp, Daniel. Uluchshaem pamyat – v lyubom vozraste [Improving memory – at any age] / D. Lapp – Transl. from Fr. M. S. Fanchenko. – M.: Mir, 1993. – 239 p. [in Russian]
6. Leont'ev, A.A. Osnovy psikholingvistiki (3-e izd.) [Fundamentals of Psycholinguistics (3rd ed.)] / A.A. Leont'ev – M.: Smysl, 2003. – 287 p. [in Russian].
7. Leont'ev, A. N. Razvitie pamyati: Eksperiment. Issledovanie vyssh. psikhologich. Funktsii [Memory Development: An Experimental Study of Higher Psychological Functions] / A.N. Leont'ev. – S pred. L. S. Vygotskogo. – Moscow ; Leningrad : Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 1931. – 277 p. [in Russian]

8. Nikitina, E.S. Na puti k metateorii soznaniya kak teksta [Towards a metatheory of consciousness as a text] / E.S. Nikitina // Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Lingvistika XXI veka: traditsii i perspektivy», posvyashchennaya 75-letiyu fakul'teta inostrannykh yazykov i mezhdunarodnoi kommunikatsii TvGU, Tver', 2016. – P.178-182. [in Russian]
9. Obukhovskii Kazimezh. Psikhologiya vlechenii cheloveka [The psychology of human drives] / K. Obukhovskii – Perevod s pol'sk.V. I. Mogileva; Pod red.i s poslesl.d-ra med. nauk prof. B. M. Segala. – Moscow: Progress, 1972. – 247 p. [in Russian]
10. Prust, Marsel. Pod senyu devushek v tsvetu [In the shadow of the girls in bloom] / Marsel'Prust. – Per. A. Fedorov, nasledniki, 2016. Izdanie na russkom yazyke AST Publishers, 2017. –740 p. [in Russian]
11. Rozhdestvenskii, Yu. V. Teoriya Ritoriki [Rhetoric Theory] / Yu.V Rozhdestvenskii. – M.: Dobrosvet, 1997.– 600 p. [in Russian]
12. Sokolova, E. Assotsianizm. Entsiklopediya [Associationism. Encyclopedia] [Electronic resource] / E. Sokolova. // Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya. – URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/1835179> (accessed: 18.07.2021) [in Russian]
13. .Chapek, Karel. Eksperiment professor Roussa [Professor Rousse's experiment] [Electronic resource] /K.Chapek – Transl. T. Aksel', O. Molochkovskogo. Fail s knizhnoi polka Nesenenko Alekseya // – URL: <http://www.geocities.com/SoHo/Exhibit/4256/> [inRussian]. (accessed: 23.07.2021).
14. Chekhov, A. P. Polnoe sobranie sochinenii I pisem: v 30 t. [Complete works and letters: in 30 volumes] / A.P.Chekhov – redkol.: N. F. Bel'chikov (ch. edit.) [et al.]; AN SSSR, In-t mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo. – Moscow: Nauka, Vol.4: 1885-1886. 1976. – 551 p. [in Russian]
15. Miller, G. A. Language and communication / Miller, G. A. – New York: McGraw-Hill. 1951. 286 pp.
16. Smith, M.B. Attitude Change / Smith, M.B. // International encyclopedia of the social sciences / Darity, William A., Jr. - 2nd ed. - Detroit [etc.]: Macmillan reference USA, cop. 2008.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.7>**КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРОЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ РИЗВАНА ХАМИДА**

Научная статья

Шарипова А.С.¹*, Шамсутова А.А.²¹ ORCID: 0000-0001-5560-4336;² ORCID: 0000-0003-0746-5815;^{1,2} Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (alsu-samigullovna[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются произведения татарского драматурга Ризвана Хамида, в которых поднимается вопрос о национальном самосохранении, на предмет анализа в них способов художественного воплощения национальной идентичности героев. На примере анализа трагедии-реквиема «Актамырлар иле» («Страна белых корней», 1991) и драмы «Олы юлның тузаны» («Пыль с большой дороги», 1986) делается попытка исследования проблемы кризиса национальной идентичности героев, влияния социума и идеологии на самоидентичность человека. Научная новизна статьи заключается в выделении философско-нравственного аспекта утери национальной идентичности, новых качеств в эволюции героев драм Р. Хамида, философских аспектов осмысления драматургом влияния общества на человека. Полученные результаты свидетельствуют о том, что драматургом были сделаны серьезные шаги в переосмыслении художественного воплощения национального героя в исторической перспективе и установлены факторы, определяющие его изменения.

Ключевые слова: татарская драматургия, национальная идентичность, Ризван Хамид, трагедия, драма.**CRISIS OF NATIONAL IDENTITY OF HEROES IN THE WORKS OF RIZVAN KHAMID**

Research article

Sharipova A.S.¹*, Shamsutova A.A.²¹ ORCID: 0000-0001-5560-4336;² ORCID: 0000-0003-0746-5815;^{1,2} G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

* Corresponding author (alsu-samigullovna[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines the works of the Tatar playwright Rizvan Khamid, in which the issue of national self-preservation is raised, with a view to analyzing in them the ways of artistic embodiment of the national identity of the heroes. Using the analysis of the requiem tragedy "Aktamirlar ile" ("The Land of White Roots", 1991) and the drama "Oly yulnyn Tuzany" ("Dust from the high Road", 1986) as examples, the authors of the study attempt to explore the issue of the crisis of national identity of the heroes, the influence of society and ideology on human self-identity. The scientific novelty of the article lies in highlighting the philosophical and moral aspect of the loss of national identity, new qualities in the evolution of the heroes of R. Khamid's dramas, philosophical aspects of the playwright's understanding of the influence of society on a person. The results obtained indicate that the playwright made serious steps in rethinking the artistic embodiment of the national hero in a historical perspective and identified the factors determining their changes.

Keywords: Tatar drama, national identity, Rizvan Khamid, tragedy, drama.**Введение**

Проблема национальной идентичности занимает центральное место в философских рассуждениях татарских писателей и интеллигенции с начала 1980-х годов. Как отмечает К. Султанов: «Для каждой национальной литературы вопрос об идентичности был и остается судьбоносным и неизменно актуальным» [8, С. 6]. Эта проблема стала актуальной с наступлением исторического контекста, поскольку с изменением социальных процессов в 1920-1930-е годы начали меняться ценностные устремления, мировоззренческие установки и образ мышления советских людей. Поэтому она становится проблемой человека, помещенного в исторически изменившуюся культурную среду.

Татарская литература уже с 1980-х годов чутко реагирует на идеологические изменения и стремится способами художественно-эстетических форм отразить их. Подчеркивая роль драматургов в отражении таких изменений, А. Ахмадуллин писал: «Внутри критических событий, происходящих в стране, жанр драматургии стремится найти свое место, обеспечить сцену современными произведениями» [1, С. 8]. Литературовед А. Закирьянов справедливо заметил: «Авторы с помощью новых композиционных приемов, уникальных изобразительных средств приводят к серьезным размышлениям и к дискуссиям, спорам с читателем-зрителем о судьбе нации в ее прошлом, настоящем и будущем» [2, С. 323]. Однако актуальность произведений характеризуется не только новизной темы в литературе. Эстетические, воспитательные, идеологические функции художественной литературы, в первую очередь, напрямую связаны с героями, изображенными в произведениях, и служат раскрытию их основной идеи.

Методы и принципы исследования

Целью настоящей статьи является выявить философско-эстетические особенности размышления татарского драматурга Ризвана Хамида о национальном самосохранении и способов художественного воплощения национальной

идентичности героев. Для достижения вышеуказанной цели поставлены следующие задачи: 1) определение философских аспектов осмысления драматургом влияния общества на человека; 2) проанализировать трагедию-реквием «Актамырлар иле» («Страна белых корней», 1991) и драму «Олы юлның тузаны» («Пыль с большой дороги», 1986) Ризвана Хамида, наиболее полно отразивших характерные особенности исследуемой проблемы; 3) определить философско-нравственные аспекты проблемы кризиса национальной идентичности героев и выявление новых качеств в их эволюции. При подготовке статьи авторами были использованы научные труды таких ученых, как А.Г. Ахмадуллин, А.М. Закирзянов, М.И. Ибрагимов, Г.И. Каюмова, А.М. Саттарова, К.К. Султанов и др. [1], [2], [3], [4]. Основными методами исследования являются культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Основные результаты

Герои, изображенные в татарской драматургии постперестроечного периода, олицетворяют острую проблему кризиса национальной идентичности в татарском обществе этого времени. Основываясь на аспекты влияния социума и идеологии на самоидентичность человека, этих героев условно можно разделить на несколько типов. На наш взгляд, в творчестве Ризвана Хамида были изображены и раскрыты следующие типы героев: первый тип – это «хранители духа нации», второй тип – «духовно мертвые люди». Галерея героев, отраженных в его драматургии, были проанализированы в трудах Г. Каюмовой, Ф. Миннуллиной, А. Саттаровой, А. Шамсутовой [5], [6], [7], [11].

Проблема «национальной идентичности и самосохранения» в татарской литературе поднималась в разные периоды и трактовалась неоднозначно. Достаточно сослаться на роман Гаяза Исхаки «Ике йөз елдан соң инкыйраз» («Исчезновение через двести лет», 1902-1904), чтобы увидеть актуальность в решении обозначенной писателем проблемы еще в начале XX столетия. В нем социально-идеологическая детерминированность стирания самоидентификации личности выходит на первое место и поэтому остро встает проблема нравственной ответственности человека за выбор своего языка, участия в событиях, влияющих на ход истории его нации. По утверждению М. Ибрагимова: «Необходимо принимать во внимание тот факт, что «национальное» в литературе не замкнуто областью художественного творчества, его смыслы открываются в гуманитарной мысли народов, публицистике, наконец, судьбах деятелей национальных культур» [4, С. 4]. Эту мысль подтверждают произведения Ризвана Хамида. В его произведениях возрастает интерес к человеческой личности, которая под влиянием исторических и общественных событий теряет свою «национальную идентичность» и становится «духовно мертвым» человеком. Драматургу интересны не только духовный мир и психология героев, ему интересны их действия во имя сохранения своей самоидентичности и вклад в дело сохранения своей нации.

Герои, созданные Ризваном Хамидом, сильны как по своему характеру, так же и в плане «художественного обаяния». В этом плане интересна трагедия-реквием «Страна белых корней» («Актамырлар иле») [9, С. 128-151] с точки зрения раскрытия характеров героев, через которые драматург хочет донести до читателей трагедию исчезновения нации, о котором в начале XX века писал Гаяз Исхаки. Произведению дано жанровое определение «реквием». Это сразу настораживает. Почему драматург решил дать такое определение? Это обусловлено самой целью написания произведения. Тем самым автор подчеркивает, что описываемые в произведении события – это не просто «трагедия» народа, а это «трагедия», о которой можно рассказать как «реквием». Пьеса отличается философско-психологической глубиной, тяготеющей к ассоциативному стилю изложения, который присущ Ризвану Хамиду.

Трагедия-реквием «Актамырлар иле» воплощает авторскую концепцию нескольких типов личностей, одним из которых являются «духовно мертвые» люди, которые потеряли свою национальную самоидентичность. «Страна белых корней» – это ассоциативный символ страны, государства народа, которое сузилось до уровня небольшого пространства и осталось его последним очагом. Об этом рассказывают нам сюжетно-композиционная организация произведения, стиль изображения различных типов героев. Изучение образов, изображенных в пьесах Ризвана Хамида, «в русле герменевтического и рецептивного подходов позволяет раскрыть специфику художественного сознания самого писателя как носителя тюркской и мусульманской культур, определенной философской направленности в построении художественного вымысла в условиях современных ему социокультурных мировоззрений» [12, С. 91]. Р. Хамид художественно констатировал, что мы живем в эпоху исчезновения национальных традиций, народных устоев, а идеология общества несет иную культуру, более доминирующую. Молодое поколение татар воспитаны иначе, чем взрослые, им не удастся сохранить национальные коды. Как доказательство этой идеи, в пьесе мы можем выделить главного героя Гарая, который называет себя «чужим» именем – Гарри.

Герой пьесы «Ветер березы» («Каен жиле», 1980) Ильсур также не признает культурные и духовные традиции народа, смотрит на них как на пережитки былых лет и с позиции лишь личной выгоды. Он не выстроил мир своих предпочтений с учетом национальных корней, и поэтому у него сложилось ложное представление об устройстве мира. В противовес этим героям ставится еще один герой – старуха Наухабар из драмы «Олы юлның тузаны» («Пыль с большой дороги», 1986), которая служит «памятью нации». По мнению Ризвана Хамида, старшее поколение следовало многовековым традициям и обычаям, поэтому понимание мира и сохранение национальных кодов у них является основным долгом.

В пьесе «Страна белых корней» на примере одного рода (старца Муштари) создается собирательный образ целого народа, нации. В свете мифологических образов Бога и Тангрэ, через уста старца Муштари, события проигрываются из будущего, когда уже не стало целой нации. Благодаря этому мы понимаем, почему драматург решил назвать свою пьесу «реквием». В пьесе периодически меняется время: то оно уходит в будущее, чтобы показать результат сегодняшних событий, то возвращается в настоящее, чтобы можно было понять ужасающие поступки героев, и спасти их от трагедии потери своей идентичности, духовности. Схематично изображая род старца Муштари (Муштари –

Марас – Фаягуль – Гарай-Гарри), можно наглядно увидеть, что с отдалением от старшего поколения род татарского народа деградирует, стирается национальная самоидентичность молодого поколения. Подчеркивая это состояние А. Закирзянов отметил: «Татарская драматургия, веками заботившаяся о защите и сохранении нравственных ценностей, одной из первых заговорила со сцены об этой угрозе бытия» [3, С. 120]. Поэтому, как подчеркивает Ризван Хамид, каждому представителю в роду и в обществе предназначена своя святая роль, задача спасти их от какой-то важной ошибки. В национальной самоидентичности человека есть философская тишина (которую демонстрирует старец Муштари), ожидание «включения» национальных кодов (как в случае с Наухабар), внимание к своему роду, к женщине и скромность (как в случае Фариды), всеохватность и строгость в сохранении национальных корней (как в случае с Муштари, Наухабар).

Ризван Хамид выявляет скрытые структуры кризиса самоидентичности своих героев. Главное – это утеря смысла бытия. Поэтому герои не понимая относятся к своему бытию. Понимание у Ризвана Хаида тождественно изначальному пониманию ответственности за свой народ, его культуру, историю. Драматург находит истоки разрушения духовного наследия у Мараса, сына старца Муштари, «хранителя нации». Марас не оправдывает возложенных на него родителями надежд. Автор неоднократно подчеркивает, что в воспитании таких детей, как Марас и Гарри, ответственны, в первую очередь, родители, и особенно велика роль матерей. Для Гарри, не видевшего ласки своей матери и незнающего родного языка, нет возможности подражания национальным обычаям, традициям взаимоотношений в семье, между соседями, между родом и обществом. Это приводит к невозможности самоидентифицировать себя как часть татарского народа с его принципами гуманности, с многовековыми мусульманскими традициями сохранения языка, культуры и рода.

Для усиления трагедии драматург прибегает к архетипам, мифологическим образам и метафорам, которые имеют национальную природу: гора, дорога, жук, колыбель, береза, корни деревьев, кладбище, и др. Эти метафоры помогают раскрыть основную идею произведения.

Гарри, который выражает свое отношение к миру через грабежи, алкоголь и изнасилования, подносит своего новорожденного ребенка к свинье, чтобы напоить его «материнским» молоком. Это – кульминация трагедии. В результате перехода от социалистического строя к капиталистической формации, отсутствие возможности обеспечить достойное воспитание своих детей, вынужденность зарабатывания насущного хлеба, привели к тому, что количество «Гарри» из года в год лишь стало увеличиваться. Татарский драматург обозначает: «*Т э ң р е. Ә бит кешене юлга чыгарып жибәргәндә юналешне күрсәтәләр*» / «*Т э н г р е. А ведь когда человека пускают в Путь, указывают направление*» [9, С. 150]. Путь – это Жизнь, судьба человека, определенные его родом, семьей, нацией и обществом. Именно эти философские аспекты приглашает Ризван Хамид обсудить своим зрителям. Драматург надеется, что мышление людей должно вернуться к той основе, на которой вырастает национальная картина мира человека.

В творчестве Ризвана Хаида существует еще один интересный тип героя. Это – «хранитель духа нации». Это те характеры, которые хотят сохранить светлый дух татарского народа, передать его будущим поколениям, но становятся для них ненужными. Здесь ярким примером является образ старухи Наухабар из монодрамы «Олы юлның тузаны» («Пыль с большой дороги») [10], сохранившей все свое духовное богатство и ставшей «музой памяти народа». Это произведение уникально не только с точки зрения героической подачи и символики, но и с точки зрения жанра. Произведение состоит только из одного героя. «К «единству трех» компонентов в драматургии Ризван Хамид добавил еще и четвертое единство – единство героя. С помощью четырех единств (места, времени, события и героя) раскрывается судьба народа и трагедия человека» [11, С. 87-88]. Старуха Наухабар – это ценное «наследие», посланное из прошлого в настоящее. Ведь в ее памяти хранятся воспоминания о всех событиях века, о людях того времени. Вместе с Наухабаром в «настоящее» перешли предметы быта, раскрывающие душу человека – женское состояние, мужской характер (зеркало, самовар, сундук, платье при рождении, ордена, ружье и др.). У каждого из них есть история, а значит, и «память». Связь события, представленного в произведении, переезд Наухабар к сыну в город, раскрывается через ассоциацию разрыва связи между старшим поколением и нынешним поколением татар, выяснением отношений между родителями и детьми. Значит, духовная память предков не нужны детям Наухабар, рожденным в социалистическом строе. Монолог и монодействия героя создают кульминацию пьесы – трагедию судьбы народа. Как подчеркивает Г. Каюмова, она связана «с врожденным противоречием между двумя людьми, находящимися в родственных отношениях (между матерью и ребенком)» [5, С. 21-22]. Это трагедия перерастает в кризис сохранения самоидентичности героя и в кризис передачи национальной картины мира через архетипы, символы и мифы народа.

Заключение

Итак, рассмотренные в исследовании проблемы и проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

В вышеуказанных произведениях Ризвана Хаида, имеющих глубокий философский подтекст, остро ставится проблема сохранения национальной идентичности татарского народа. Кризис национальной идентичности героев рассматривается как кризис человека, помещенного в исторически изменившуюся культурную среду. Проблематика пьес приобретает особую актуальность и остроту ситуаций, когда развитие сюжета сопровождается изображением разрушения традиционного уклада жизни народа, изменений социальных норм поведения. Основная идея произведений заключается в том, что глубокие социальные и культурные преобразования, социально-политические потрясения влекут необходимость переоценки идеалов, выработку оптимальной стратегии духовного развития молодого поколения, способного сохранить культурные коды и самоидентификацию с нацией.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Әхмәдуллин А. Г. Татар драматургиясе тарихын өйрәнү мәсьәләләре / А. Г. Әхмәдуллин. Офыклар киңәйгәндә. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2002. – 239 б.
2. Закиржанов Ә. М. Драматургия / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Фолиант, 2019. 7 т.: 1985–2000 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – 2019. – Б. 320–346.
3. Закиржанов Ә. М. Руһи таяныч: әдәби тәнкыйть мәкаләләре / Ә. М. Закиржанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 287 б.
4. Ибрагимов М. И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки / М. И. Ибрагимов. – Казань, 2018. – 104 с.
5. Каюмова Г. И. Концепция личности в драматургии Ризвана Хаида и ее художественное воплощение: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02: защищена 03.05.2007 / Каюмова Гулия Ильдусовна. – Казань, 2007. – 28 с.
6. Миннуллина Ф. Х. Жанр драмы в татарской драматургии рубежа XX–XXI веков / Ф. Х. Миннуллина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 144 с.
7. Саттарова А. М. Современная татарская драматургия (1985–2000 гг.): концепция эпохи и героя / А. М. Саттарова. – Казань: Гуманитария, 2003. – 152 с.
8. Султанов К. К. К вопросу об «этнокультурном повороте» в изучении литератур народов России / К. К. Султанов // STEPANOS. – 2015. – № 2. – С. 10–19.
9. Хәмид Р. Ак тамырлар иле / Р. Хәмид // Казан утлары. – 1991. – № 10. – Б. 128–151.
10. Хәмид Р. Олы юлның тузаны: пьесалар / Р. Хәмид. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 190 б.
11. Шамсутова А. А. Тарих танып, ижатына жаннарын салганнарны / А. А. Шамсутова // Казан утлары. – 2005. – № 6. – Б. 83–107.
12. Шамсутова А. А. Мифологизм и фольклорные мотивы в современном татарском романе / А. А. Шамсутова, Р. А. Каримова // Роман в литературе и культуре народов России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Ответственные редакторы: И. С. Цыремпилова, З. А. Серебрякова. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2021. – С. 85–99.

Список литературы на английском / References in English

1. Әхмәдуллин А. М. Tatar dramaturgiyasе тарихын өйрәнү мәс'әләләре [Issues of studying the history of Tatar dramaturgy] // А. М. Әхмәдуллин. Офыклар киңәйгәндә [As the horizons widen]. – Kazan. Tat. kit. nashr., 2002. – 239 p. [in Tatar]
2. Zakirzhanov Ә. М. Dramaturgiya / Татар әдәбияты тарихы [The Drama / The History of Tatar Literature]: sigез tomда / [tөз. R. F. Rahmani]. – Kazan: Foliant, 2019. 7 v.: 1985–2000 ellar / [fәнни möh.: D. F. Zahidullina, Ә. М. Zakirzhanov]. – 2019. – 574 b. – 323 p. [in Tatar]
3. Zakirzhanov Ә. М. Ruhi tajanych: әдәби тәнкыйт' мәкаләләре [Spiritual Support: Articles in Literary Criticism] / Ә. М. Zakirzhanov. – Kazan: Tatar. kit. nashr., 2011. – 287 p. [in Tatar]
4. Ibragimov M. I. Nacional'naja identichnost' tatarskoj literatury: sovremennyye metody issledovaniya: ocherki [National Identity of Tatar Literature: Modern Research Methods: Essays] / M. I. Ibragimov. – Kazan', 2018. – 104 p. [in Russian]
5. Kajumova G. I. Konceptiya lichnosti v dramaturgii Rizvana Hamida i ee hudozhestvennoe voploshhenie [The concept of personality in Rizvan Hamida's dramaturgy and its artistic embodiment]: abstract of PhD in philological: 10.01.02: defense of the thesis 03.05.2007 / Kajumova Gulija Il'dusovna. – Kazan', 2007. – 28 p. [in Russian]
6. Minnullina F. H. Zhanr dramy v tatarskoj dramaturgii rubezha XX–XXI vekov [The genre of drama in the Tatar dramaturgy of the XX–XXI centuries] / F. H. Minnullina. – Kazan': IJaLI, 2019. – 144 p. [in Russian]
7. Sattarova A. M. Sovremennaja tatarskaja dramaturgiya (1985–2000 gg.): konceptiya jepohi i geroja [Modern Tatar dramaturgy (1985–2000): the concept of epoch and hero] / A. M. Sattarova. – Kazan': Gumanitarija, 2003. – 152 p. [in Russian]
8. Sultanov K. K. K voprosu ob «jetnokul'turnom povorote» v izuchenii literatur narodov Rossii [To the question of «ethnocultural turn» in the study of the literature of the peoples of Russia] / K. K. Sultanov // STEPANOS. – 2015. – № 2. – P. 10–19. [in Russian]
9. Həmid R. Ak tamyrlar ile [A Land of White Roots] / R. Hamid // Kazan utlary. – 1991. – № 10. – P. 128 – 151. [in Tatar]
10. Həmid R. Oly julnyң tuzany: p'esalar [The Dust of the Highway: Plays] / R. Hamid. – Kazan: Tatar. kit. nashr., 1989. – 190 p. [in Tatar]
11. Shamsutova A. A. Tarih tanyj, izhatyna zhannaryn salgannarny [History recognizes those who put their lives into their work] / A. A. Shamsutova // Kazan utlary. – 2005. – № 6. – P. 83–107 [in Tatar]
12. Shamsutova A. A. Mifologizm i fol'klorneye motivy v sovremennom tatarskom romane [Mythology and folklore motifs in the modern Tatar novel] // Roman v literature i kul'ture narodov Rossii: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konfe-rencii [Proceedings of the Conference «Roman in the Literatures and Cultures Russian people»] / Otvetstvennyye redaktory: I. S. Cyrempilova, Z. A. Serebrjakova / A. A. Shamsutova, R. A. Karimova. – Ulan-Udje: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks FGBOU VO VSGIK, 2021. – P. 85–99. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.12>**МОТИВ «ПРАВДЫ ЖИЗНИ» В ДРАМЕ ИЛЬДАРА ЮЗЕЕВА «АК КАЛФАГЫМ ТӨШЕРДЕМ КУЛДАН...» («ВЫРОНИЛА ИЗ РУК БЕЛЫЙ КАЛФАК...»)**

Научная статья

Шарипова А.С. *

ORCID: 0000-0001-5560-4336,

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (alsu-samigullovna[at]yandex.ru)

Аннотация

Целью статьи является анализ мотива «правды жизни» в драме татарского драматурга Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...», 1990). Научная новизна заключается в том, что в работе впервые рассмотрены формы репрезентации мотива «правды жизни» в пьесе «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак», 1990) и определена их роль. Полученные результаты показали, что мотив «правды жизни», являющийся центральным в произведении, раскрывается в отношении истории страны, социально-политических событий недалекого прошлого, поломанных этими событиями судеб героев, трансформирующихся в судьбу татарского народа. Создание сложных национальных характеров, раскрытие личных и этнических ценностных ориентиров, использование символических образов позволили автору сформировать новый философский взгляд на историю XX века.

Ключевые слова: мотив «правды жизни», Ильдар Юзеев, идея, драма, образ, символ.

THE MOTIF OF «THE TRUTH OF LIFE» IN ILDAR YUZEEV'S DRAMA «AK KALFAGYM TSHERDEM KULDAN...» («DROPPED A WHITE KALFAK FROM HER HANDS»)

Research article

Sharipova A.S. *

ORCID: 0000-0001-5560-4336,

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

* Corresponding author (alsu-samigullovna[at]yandex.ru)

Abstract

The purpose of the article is to analyze the motive of the «truth of life» in the drama of the Tatar playwright Ildar Yuzeev «Ak kalfagym tsherdem kuldan...» («I dropped a white kalfak from my hands...», 1990). The scientific novelty lies in the fact that the work for the first time considers the forms of representation of the motif of «the truth of life» in the play «Ak kalfagym tsherdem Kuldan ...» («I dropped the white kalfak from my hands», 1990) and defines their role. The obtained results showed that the motive of the «truth of life», which is central in the work, is revealed in relation to the history of the country, the socio-political events of the recent past, the destinies of heroes broken by these events, transforming into the fate of the Tatar people. The creation of complex national characters, the disclosure of personal and ethnic values, the use of symbolic images allowed the author to form a new philosophical view of the history of the twentieth century.

Keywords: the motive of «the truth of life», Ildar Yuzeev, idea, drama, image, symbol.

Введение

Татарская драматургия конца XX века, которая вначале «была как-то шокирована полным отрицанием новыми политическими силами идей Октября, решительным отказом их от социалистической ориентации, крушением памятников духовного наследия» [7, С. 244], стремясь «найти свое место в литературе и искусстве и обеспечить сцену своевременно звучащими произведениями» [1, С. 386], начинает сконцентрировать внимание на аспектах национального характера, поставив на повестку дня острые проблемы, связанные с формированием и укреплением национального самосознания татарского народа. Драматургия, как и татарская литература в целом, вскоре «окончательно определяется со своим направлением: в центре внимания оказывается тема судьбы татарского народа, на первый план выходит критика советской идеологии и тоталитарного режима, разрушение советского мифа путем доведения результатов красной идеологии до абсурда, поиск истины в отношении прошлого, настоящего и будущего, поиск возможностей для совершенствования жизни» [4, С. 11], «формами проявления национальной идентичности (...) часто становятся национальные концепты, символические образы, идеалы, архетипы, обращение к типичным чертам национального характера» [5, С. 49].

В сценической литературе эта тенденция формируется, прежде всего, в творчестве известного татарского драматурга Ильдара Юзеева (1933-2004) – и не как высказывание позиции автора или героя-резонера, а через создание сложных национальных характеров, людей непростой судьбы, через раскрытие личных и этнических ценностных ориентиров, духовных предпочтений, национальных этических норм. Основным мотивом произведений такого плана становится мотив «правды жизни», который оборачивается правдой об истории большой страны, социально-политических событиях, о поломанных этими событиями судьбах многих людей. В конечном счете, эти судьбы в пьесе трансформируются в судьбу татарского народа.

Методы и принципы исследования

Цель настоящей статьи – анализ мотива «правды жизни» в драме татарского драматурга Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...», 1990). Для достижения вышеуказанной цели

поставлены следующие задачи: 1) выявить особенности проявления мотива «правды жизни» в драме Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак»); 2) раскрыть роль мотива «правды жизни» в идейно-эстетическом содержании произведения; 3) на основе проведенного анализа пьесы определить художественные и социальные задачи, поставленные автором.

При подготовке статьи были использованы научные труды таких ученых, как А.Г. Ахмадуллин, Л.Н. Вагапова, Д.Ф. Загидуллина, А.М. Закирьянов, И.И. Ибрагимов, И.Ю. Кириллова, Н.Г. Ханзафаров, Н.М. Юсупова [1], [2], [3], [4] и др., отражающие особенности развития татарской драматургии конца XX века, а также затрагивающие отдельные аспекты творчества И. Юзеева.

Основными методами исследования являются культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Основные результаты

Пьеса И. Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...», 1990), жанр которой определен автором как «народная драма», становится «новым словом» в татарской драматургии постсоветского периода. Она посвящена переоценке советской идеологии, особенно – ее отношения к судьбам простых людей. Ярко выраженная национальная проблематика, новые композиционные приемы, своеобразный авторский взгляд и гражданская позиция на изображаемые события позволили драматургу остро поднять тему трагической судьбы татарского народа. Литературный прием, используемый И. Юзеевым, – телемост между татарами Казани и татарами, проживающими в Сан-Франциско, позволил автору собрать произведение вокруг мотива «правда жизни», связать воедино прошлое, настоящее и будущее народа, сконцентрировав внимание читателя и зрителя на исторических предпосылках вынужденной эмиграции татар, ведущих так или иначе к замедленной ассимиляции. Раскрывающаяся на сцене «правда жизни» о советской идеологии, превратившей своих граждан – в рабов, заполнившей их сознание ложными представлениями, заставившей отказаться от традиционных ценностей, становится открытием и для зрителя. Персонажи драмы, являющиеся представителями различных профессий, имеющие разные социальные положения, а также разные жизненные позиции, в силу определенных общественно-политических событий оказались оторванными от исторической Родины, вместе с тем, их всех объединяет одно – стремление к своим корням. Несмотря на то, что жизнь за границей спасла их от многих бед – политических преследований, этнических притеснений, культа личности, ссылок, смерти, у эмигрантов судьба по своему трагична, они обречены жить вдали от Родины, тоскуя по родной земле, родному языку, родным традициям:

«Т а й ф у р. Мин ирекле. Ни телим – шуны эшлим. Әмма иң кадерле нәрсәне югалту бәрабәрәнә алынган ирек мине бәхетле итмәде. Басып торган үз туфрагым, жирем, суым, шунда тамырланган тал-тирәкләрәм, телем-моңым җитми миңа. Һәрбер көнем-төнәм иксез-чиксез газатка әйләнде...» [8, С. 59] / *«Т а й ф у р. Я свободен. Я делаю то, что хочу. Но свобода, приобретенная ценой потери самого дорогого, не сделала меня счастливым. Мне не хватает своей земли, воды, укорененных в ней ив, тополей, родного языка, родной мелодии. Дни и ночи превратились в бесконечное мучение...»* (Здесь и далее перевод автора статьи. – А. Ш.).

Композиция пьесы построена таким образом, что целостная картина о судьбе нации в условиях тоталитарной идеологии складывается через знакомство с судьбами отдельных личностей, проживающих как в Казани, так и в Сан-Франциско. Несмотря на то, что главные герои живут в разных континентах Земли, они все являются жертвами общественно-политических событий советского периода – революций, культа личности, войн, советского режима. К примеру, Исмаил Акчурин – известный художник, опытный преподаватель – в свое время для поступления на учебу отрекся от своего родного отца, признанного кулаком, позже и от родственников-эмигрантов, проживающих в Америке, сегодня является отцом сына-инвалида – жертвы афганской войны; жизнь научила его, прежде чем отвечать на вопросы, принимать те или иные решения, обдумывать ситуацию по несколько раз. 85-летняя одинокая Шамсия Ишмуллина, дочь просветителя начала XX века Фатхутдина Ишмуллина, получившего образование в Кембриджском университете и казенного за это революционерами, во время Отечественной войны потеряла мужа и единственного сына, несмотря на это, все еще живет иллюзиями советского периода. Ее сын Жак (Габдулхак Ишмуллин), бывший пленный легиона «Идель-Урал», побоявшись политических преследований, а также навредить этим своей матери и родным, всю жизнь провел в Америке, скрываясь под чужим именем. Тайфур, молодой художник с собственным мнением и взглядом на жизнь, также был вынужден покинуть страну. На примере судеб отдельных семей разных поколений предстают перед читателем трагические события XX века, таким образом, происходит демифилогизация советского тоталитарного прошлого, характеризующегося четко установленными властями сценариями (как это происходит даже и в случае проведения телемоста в постперестроечное время), отсутствием свободы слова и действий граждан. «Проводя мысль о том, что человеческая жизнь – это наивысшая ценность, писатель раскрывает жестокие стороны тоталитарной системы, идеологии периода застоя, призывает не осуждать, а стремится понять, проявлять милосердие к тем, кто живет далеко за пределами родины» [3, С. 324].

Авторская воля обнаруживается, с одной стороны, в построении фабулы, в организации событийного ряда драмы, с другой стороны, – в элементах символики. Пьеса характеризуется многообразием национальных образов-символов, «экзистенциально-философичных в своей основе» [2, С. 18]. В драме символом представителей татарской нации выступает образ скакуна, а «скакуны Сабантуя, падающие без сил» символизируют соотечественников, по воле судьбы оказавшихся вдали от своей исторической родины:

«С а ф и я. Чынында, без барыбыз да – без дә, ә балки сез дә, читкә кагылганнар, рәнҗетелгәннар. Халкыбызның күпчелек өлеше үз туфрагында яшәми. Алар сабантуйдагы чабыштан, хәлсезләнен, егылып калган атлар кебек» [8, С. 49] / *«С а ф и я. На самом деле все мы – и мы, а может быть, и вы, отвергнутые, обиженные. Большая часть нашего народа не живет на собственной земле. Они похожи на скакунов, которые, обессилевшись от скачек на Сабантуйе, падают».*

Основная идея пьесы, передаваемая в реплике Сафии, заключается в том, что только единство, взаимная поддержка смогут обеспечить будущее татарской нации. Белое полотенце символизирует национальные традиции и устои татарского народа, объединяющие всех соотечественников вне зависимости от их места проживания, а белый цвет – чистоту помыслов, великодушие татар.

Образ белого калфака, ставшего талисманом жизни эмигранта Жака (Габдулхака), понимается как символ преданности личности своей нации, её истории, национальным традициям. Оброненный белый калфак, вынесенное на название пьесы, а также неоднократно упоминающийся в татарской народной песне в ходе действий пьесы, в том числе и – в финальной сцене, поднимается до уровня символа утраченной связи с Родиной. «Он не только передает идею о тепле родной земли, связи поколений, духовной близости, единства народа, может интерпретироваться и как символ ненависти к тоталитарному режиму» [3, С. 324].

Образ дремучего леса (карурман) символизирует историческую память, крепость духа и богатство души татарского народа. Наивысшей точкой создания драматургом в пьесе специфического образа-символа, подчеркивающего уникальность татарской нации, на наш взгляд, можно назвать символ «иман нуры» («свет (луч) веры»), который олицетворяет доброту души, искренность, преданность традициям и благочестивость народа.

В пьесе предметом размышлений автора становится не только историческое прошлое, но и настоящее и будущее нации. Проблема исчезновения родного языка, родной культуры рассматривается в тесной связи с судьбой татарского народа. «Противопоставляя представителей одной нации, живущих в двух мирах, драматург приходит к выводу, что национальные обычаи и традиции татарского народа сохранились именно в диаспоре» [2, С. 23]. Утрата чувств национальной идентичности, а конкретно родного языка, национальной культуры, религии, преподносится драматургом как последствие тоталитарного периода общества. Будущее народа видится в возвращении к духовным и нравственным истокам:

«З ө б ә й д ә. Кешеләр кыргый, вәхиш сыйфатларын онытып, Аллаһы Тәгалә жән биреп иңдергән Адәм тормышы белән яши башламасалар, бер-берсен бетерәчәкләр. Юлбарыслар – атларны, акулалар ваграк балыкларны йотачаклар» [8, С. 63] / *«З у б а й д а. Если люди не забудут о своих диких, варварских качествах и не начнут жить той жизнью, которую Бог им ниспослал, то они уничтожат друг друга. Тигры проглотят лошадей, акулы – более мелких рыб».*

Необходимо отметить, что тема трагической судьбы татар, вынужденных уехать и обустроиться на чужбине, появилась в татарской литературе намного раньше: на волне демократических перемен 1960-1980-х годов. Пионером на этой стезе стал Миргазиян Юныс и его рассказ «Безнең өй өянке астында иде...» («Наш дом стоял под ивою...», 1964). По мнению Р. Рахмана, этот рассказ и самого писателя «вернул на национальную почву, в национальную действительность» [6, С. 12].

В нем описывается встреча в порту Генуи моряка Габдрахмана Рахманкулова со старушкой-татаркой, вынужденной жить на чужбине после революции 1917 года. Тоскующая по родной деревне Карамалы, по родному дому старушка ночью перебирается в трюм корабля, направляющегося на родину, и там умирает. С одной стороны, прозаик превращает образ – в символ большинства татар, вынужденных жить вдали от родины. С другой, основным в рассказе остается экзистенциальный лейтмотив. Автор, хотя и озвучивает такие вопросы как: *«Нигә туган җирдә генә яшәп булмый икән? Нинди көч, гаиләләрне туздырып, туганнарны әллә кайларга таратып ташлый икән? Татар кешесе үз иркеннән китми бит туган җиреннән. Татарлар туган туфракларыннан бәхет эзләргә китәләр. Туган нигездә бәхеткә ирешеп булмый микәнни? Кая киткән татар яши торган җирдәге бәхет? Кем куган аны? Нигә?»* [9, С. 74] / *«Почему невозможно прожить только на своей родине? Какая сила, разрушив семьи, заносит родственников бог знает куда? Татарин ведь не по своей воле покидает родину. Татары уходят с родной земли в поисках счастья. Неужели нельзя добиться счастья на родимой земле? Куда подевалось счастье оттуда, где живет татарин? Кто знал его? Зачем?»*, ответы на них должен додумывать сам читатель.

Рассказ М. Юныса «Энже эзләучеләр» («Искатели жемчуга», 1971) еще более близок к драме И. Юзеева. Его герой Гимран – сын плененного в годы Великой Отечественной войны и оставшегося в Бельгии татарина – перед смертью завещает сыну вернуться в родные края, к своим предкам.

В отличие от вышеназванных рассказов М. Юныса советского периода, в которых центральным становится образ Родины и ностальгия по ней, в драме «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...»), «по оригинальности формы и образов занимающей особое место в татарской драматургии» [1, С. 408], наблюдается четкое указание на социально-политические причины вынужденности жить за пределами родных мест. Социально-политическое начало выходит на первый план благодаря проработанности характеров героев, в связке с их судьбой и личными ценностными ориентирами, а также с судьбой родины. По этой причине мы называем драму И. Юзеева одной из первых «новых» пьес постсоветского периода, «ориентированных на раскрытие социально-политических (тоталитаризм и его влияние на человека) и философских (философия жизни) тем» [10, С. 124].

Заключение

Изучив особенности проявления мотива «правды жизни» в драме Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...»), можно прийти к следующим выводам.

Мотив «правды жизни», выступающий в пьесе в качестве центрального мотива, нацелен на переосмысление произошедших событий XX века, их оценки и подведения итогов через призму национальных и общечеловеческих ценностей. Он оборачивается правдой об истории большой страны, правдой о социально-политических событиях и о поломанных этими событиями судьбах многих людей, которые трансформируются в судьбу татарского народа. В этом аспекте драма И. Юзеева «задает тон»: в переоценке советского прошлого в драматургии конца XX века важную роль начинают играть символы и символические образы, многие из которых были традиционными для татарской литературы, через них подчеркивается надежда на преодоление последствий «жизни во лжи». В результате

экзистенциальность, оплакивание бесчисленных безвинных жертв, оплакивание утери исторической памяти и, даже, национального самосознания, в конечном счете, превращаются в светлую печаль.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия : история и проблемы / А. Г. Ахмадуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 511 с.
2. Вагапова Л. Н. Поэтика драматургии Ильдара Юзеева : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 : защищена 20.06.2011 / Вагапова Лейсан Нигматулловна. – Уфа, 2011. – 25 с.
3. Закиржанов Ә. М. Драматургия / Ә. М. Закиржанов / Татар әдәбияты тарихы : сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан : Фолиант, 2019. 7 т. : 1985–2000 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – 2019. – Б. 320–346.
4. Заһидуллина Д. Ф. Әдәби хәрәкәт / Д. Ф. Заһидуллина / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан : Фолиант, 2021. 8 т. : 2001– 2020 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – 2021. – Б. 11– 41.
5. Кириллова И. Ю. Национальная идентичность и особенности ее отражения в современной драматургии Поволжья / И. Ю. Кириллова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – № 3 (112). – С. 47–52.
6. Рахмани Р. Кыйблабызга тугрылык / Р. Рахмани // Юныс М. Әсәрләр алты томда. 1 том : Хикәя, новелла, повестьлар (1961–1986). – Казан : «РУХИЯТ» нәшр., 2003. – Б. 5–38.
7. Ханзафаров Н. Г. Татарская комедия / Н. Г. Ханзафаров. – Казань : «ФЭН», 1996. – 266 с.
8. Юзеев Илдар. Шагыйрь сәһнәсе : драмалар, комедиялар / И. Юзеев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 190 б.
9. Юныс М. Әсәрләр : алты томда. 1 том : Хикәя, новелла, повестьлар (1961–1986) / Юныс М. – Казан : «РУХИЯТ» нәшр., 2003. – 582 б.
10. Юсупова Н. М., Ибрагимов М. И. Современная татарская драматургия // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.) / Н. М. Юсупова, М. И. Ибрагимов: коллективная монография / науч. ред. В. Р. Аминев. – Барнаул : ИГ «Си-пресс», 2012. – 234 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Ahmadullin A. G. Tatarskaja dramaturgija : istorija i problemy [Tatar drama: history and problems] / A. G. Ahmadullin. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2012. – 511 p. [in Russian]
2. Vagapova L. N. Pojetika dramaturgii İl'dara Juzeeva [Poetics of dramaturgy by İldar Yuzeev]: abstract of PhD in philological: 10.01.02 : defense of the thesis 20.06.2011 / Vagapova Lejsan Nigmatullova. – Ufa, 2011. – 25 p. [in Russian]
3. Zakiržanov Ә. M. Dramaturgija [Dramaturgy] / Ә. M. Zakiržanov / Tatar әдәбияты тарихы [History of Tatar literature] : in eight volumes / [tөz. R. F. Rahmani]. – Kazan: Foliant, 2019. Volume 7 : 1985–2000 years / [fәнни мөх.: D. F. Zahidullina, Ә. M. Zakiržanov]. – 2019. – P. 320–346. [in Tatar]
4. Zahidullina D. F. Әдәби хәрәкәт [Literary movement] / D. F. Zahidullina / Tatar әдәбияты тарихы [History of Tatar literature] : in eight volumes / [tөz. R. F. Rahmani]. – Kazan: Foliant, 2021. Volume 8 : 2001– 2020 years / [fәнни мөх.: D. F. Zahidullina, Ә. M. Zakiržanov]. – 2021. – P. 11– 41. [in Tatar]
5. Kirillova I. Ju. Nacional'naja identichnost' i osobennosti ee otrazhenija v sovremennoj dramaturgii Povolzh'ja [National identity and features of its reflection in the modern drama of the Volga region] / I. Ju. Kirillova // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva [Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. – 2021. – № 3 (112). – P. 47–52. [in Russian]
6. Rahmani R. Kyjblabyzga tugrylyk [Loyalty to landmarks] / R. Rahmani // Junys M. Әсәрләр [Works] : in six volumes. Volume 1 : Hikəja, novella, povest'lar [Short stories, short stories, novellas] (1961–1986). – Kazan : «RUHIJaT» nəshr., 2003. – P. 5–38. [in Tatar]
7. Hanzafarov N. G. Tatarskaja komedija [Tatar Comedy] / N. G. Hanzafarov. – Kazan' : «FƏN», 1996. – 266 p. [in Russian]
8. Juzeev İldar. Shagyjr' səhnəse: dramalar, komedijalar [The poet's stage: dramas, comedies] / I. Juzeev. – Kazan : Tatar. kit. nəshr., 2002. – 190 p. [in Tatar]
9. Junys M. Әсәрләр [Works]: in six volumes. Volume 1: Hikəja, novella, povest'lar [Short stories, short stories, novellas] (1961–1986) / Junys M. – Kazan : «RUHIJaT» nəshr., 2003. – 582 p. [in Tatar]
10. Jusupova N. M., Ibragimov M. I. Sovremennaja tatarskaja dramaturgija [Modern Tatar drama] // Nacional'nye literatury respublik Povolzh'ja [National literatures of the Volga Republics] (1980–2010 gg.) / N. M. Jusupova, M. I. Ibragimov: collective monograph / nauch. red. V. R. Amineva. – Barnaul : IG «Si-press», 2012. – 234 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.15>**ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ ПУБЛИЦИСТА БЕКСУЛТАНА БАТЫРХАНА**

Научная статья

Угурчиева Р.Х. *

ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (uruket[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье проанализированы основные вехи жизни и творчества публициста, переводчика, издателя Бексултана Батырхана, видного деятеля ингушской литературной диаспоры в Турции. Практически весь корпус его работ сосредоточен в кавказских журналах Анкары и Стамбула – «Kafkasya» («Кавказ») и «Kuzey Kafkasya» («Северный Кавказ»), выходивших в 1960–1970-е гг. Наследие Б. Батырхана разнотемно, разнопланово, разножанрово и включает в себя как его собственные произведения, очерки, статьи, литературоведческие работы, так и переводы художественной, исторической литературы, фольклорных текстов различных народов Кавказа. Для Б. Батырхана как для автора, переводчика характерна та же особенность, что для всего кавказского зарубежья в целом: сконцентрированность на самом главном образе – образе Кавказа, к которому обращены его думы, переживания. Творчество его можно с полным правом рассматривать как яркий образец кавказоориентированной, кавказоцентричной рефлексии.

Ключевые слова: ингушское зарубежье, Б. Батырхан, литературная диаспора, кавказская эмиграция.

MILESTONES OF THE LIFE AND CREATIVE PATH OF THE PUBLICIST BEKSULTAN BATYRKHAN

Research article

Ugurchieva R.Kh. *

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

* Corresponding author (uruket[at]rambler.ru)

Abstract

The article analyzes the main milestones in the life and work of the publicist, translator, publisher Beksultan Batyrkhan, a prominent figure of the Ingush literary diaspora in Turkey. Almost the entire body of his work is concentrated in the Caucasian magazines of Ankara and Istanbul - "Kafkasya" ("Caucasus") and "Kuzey Kafkasya" ("North Caucasus"), published in the 1960s and 1970s. The legacy of B. Batyrkhan is diverse in theme and genre and includes both his own works, essays, articles, literary works, as well as translations of fiction, historical literature, folklore texts of various peoples of the Caucasus. As an author and translator, B. Batyrkhan, as well as the entire Caucasian diaspora, is characterized by the concentration on the most important image – the image of the Caucasus, to which his thoughts and experiences are addressed. His work can rightfully be regarded as a vivid example of Caucasian-oriented, Caucasian-centric reflection.

Keywords: Ingush abroad, B. Batyrkhan, literary diaspora, Caucasian emigration.

Введение

Статья посвящена изучению биографии и творческого пути одного из видных деятелей ингушской литературной эмиграции в Турции Бексултана Батырхана. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения и возвращения культурного наследия ингушского зарубежья. Цель исследования – анализ публицистической, литературно-критической, переводческой деятельности и основных вех жизни Б. Батырхана. Для достижения поставленной цели предпринято: а) привлечение исследований других авторов, б) привлечение результатов собственных поисков архивных материалов, в) перевод и анализ публикаций Б. Батырхана.

Бексултан Батырхан – турецкое имя Бексултана Исмаиловича Котиева (~1888–1972), известного в эмиграции как автор многочисленных публицистических, художественных, литературоведческих работ, переводчик, издатель, благотворитель. О Б. Батырхане, как, впрочем, и всей ингушской диаспоре в Турции, стало известно благодаря Марем Ялхаровой, на протяжении многих лет занимавшейся (и занимающейся) серьезной исследовательской работой в этом направлении ингушского зарубежья, включая экспедиции в города компактного проживания турецких ингушей. Ее монографию «Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции» [8], в которой представлена богатая фактологическая база, с полным правом можно считать настольной книгой для каждого, кто обращается к настоящей теме.

Представитель второй волны ингушской эмиграции Б. Батырхан из числа тех, для кого 1917 год стал переломным и разделил жизнь на «до» и «после». Если бы не драматические для всей страны эпохальные перемены, круто изменившие судьбу, его жизнь сложилась бы совершенно иначе. Б. Батырхан учился во Владикавказском реальном училище, откуда из последнего класса ушел добровольцем на русско-японскую войну, воевал, был представлен к Георгиевскому кресту, планировал стать военным, но тяжелое ранение помешало этому. 1917 год застал Б. Батырхана в Екатеринодаре, где он вступает в Добровольческую армию, в которой исполняет обязанности чиновника по особым поручениям при ставке командующего Вооруженными силами Юга России [8, С. 94]. Эмиграция его состоялась в составе армии Врангеля, в которой он служил до последних дней – вплоть до ноября 1920 г., когда огромная флотилия с остатками Добровольческой армии и гражданскими беженцами эвакуировалась из Крыма (по другим данным, из Ялты) в Константинополь. При условии наличия средств на существование прибывшие получали свободу передвижения, в ином случае направлялись в специальные лагеря в Турции, Греции, Сербии. Б. Батырхан остался в Турции, вначале жил в г. Самсуне, затем переехал в Стамбул. Выживание на чужбине изгнанникам давалось тяжело,

многие не выдерживали стресса, такого резкого, неожиданного поворота судьбы, когда еще вчера у человека было все, а сегодня он вдали от родины один на один со своей бедой. Атмосфера всеобщей подавленности и растерянности царила повсюду, единственной верой и опорой для изгнанников была лишь надежда на скорое возвращение домой. В отличие от многих солдат и офицеров, которые от безысходности уходили служить в армии чужих стран, Б. Батырхан не стал продолжать военную карьеру. Первые годы жизни в Турции были для него нелегкими, но он сумел выдержать испытания, выпавшие на его долю, завести собственное дело, организовать бизнес, доходы от которого, по признанию многих, щедро расходовал на общественные проекты и помощь соотечественникам, вне зависимости от национальности и вероисповедания попавших в беду. Спустя годы Б. Батырхан принимал активное участие в судьбе военнопленных северокавказцев, оказавшихся во время войны в беженских лагерях Германии, Австрии, Италии [8, С. 95]. Помимо общественной и благотворительной деятельности, Б. Батырхан занимался и активной литературно-издательской, переводческой, журналистской, о чем говорится в работах М. Ялхроевой, турецкого исследователя адыгского происхождения С. Берзег [10] и А. Сибгатуллиной [6]. Б. Батырхан -- основатель журнала «Kuzey Kafkasya» («Северный Кавказ»), органа Северокавказского общества культуры и взаимопомощи, и, кстати сказать, он также один из учредителей этого Общества [10, С. 51], [8, С. 95]. Как пишет С. Берзег, «Батырхан одновременно публиковался в журнале “Северный Кавказ” (Стамбул), издаваемом вышеупомянутым обществом, в журнале “Кавказ”, издаваемом в Анкаре, и других, где были представлены многие его статьи о родине и переводы с русского» [10, С. 51]. Упомянутый журнал «Kuzey Kafkasya» начал выходить в 1970 г., из ингушских авторов в нем печатались еще и Салих Полаткан (С. Хаматханов).

Основные результаты

М. Ялхроева [8] обнаружила в «Kuzey Kafkasya» 18 публикаций Б. Батырхана за 1971-1972 гг., это и статьи, портретные очерки, переводы стихов, поэм на турецкий язык: «Оакхарой Махома» (пер. на тур.), «Красивая услуга» (1970. № 1), «Гази Мулла», «Три исторических события в Чечне» (1970. № 2), «Вассан-Гирей Джабагиев» (1970. № 10), «Избранные страницы жизни истинного друга Кавказа и кавказцев М. Ю. Лермонтова», «Пшемахо Косок» (1971. № 5), «Ташо-Хаджи» (1971. № 6-7), «Происхождение осетинского народа» (1971 № 7-8), «Опора Хаджи» (пер. на тур.), «Лекарства Цагена» (1971. № 8), «Обманщики», «Нарт Пхармат» (пер. на тур.), «Абдул-Межид (Тапа) Чермоев» (1971. № 9), «Мцыри» (пер. на тур.), «Зелим Хан» (1971. № 10), «“Кавказский пленник” М. Ю. Лермонтова», «Владелец двух разных чувств и действий – дагестанский поэт Р. Гамзатов» (1972. № 12). Как видим по публикациям, Б. Батырхан писал даже в последний год своей жизни.

А. Сибгатуллина [6] проделала большую, основательную работу, в результате которой обнаружила в журнале «Kafkasya» порядка 40 статей на самые различные темы: «В связи с неделей порабожденных народов» (1964. № 3), «Имам Гамзат (по случаю 130-й годовщины смерти)» (1964. № 3), «В связи с 21-й годовщиной геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев» (1965 № 5), «О борьбе северокавказцев за свободу» (1965. № 5), «О мюридизме» (1964. № 3), «“Кавказ” Тараса Шевченко» (1965. № 6), «Шейх Мансур» (1965. № 6, № 7), «Борьба северокавказцев за свободу» (1965. № 7), «К вопросу о национальных меньшинствах России» (1965. № 8), «Мюридизм на Кавказе» (1965. № 8), «О кавказцах» (1966. № 11), «Убыхи» (1966. № 12), «Одна из легенд северокавказских горцев» (1966. № 12), «О кавказцах» (1967. № 13), «Тайми Бибулат (взгляд российских авторов)» (1967. № 13), «Чеченцы в XIX веке» (1968. № 17), «Кем были предки осетин» (1968. № 19), «Ахульго» (1968. № 20), «Сказание нартов» (1969. № 21) и др.

Для Б. Батырхана как для публициста, литературоведа, переводчика характерна та же особенность, что для всего кавказского зарубежья в целом: сконцентрированность на самом главном, сакральном образе – образе Родины, образе Кавказа, и на самой магистральной идее – идее единого Кавказа. Творчество ингушского эмигранта, равно как и его общественную, политическую деятельность, можно без преувеличения назвать кавказоцентричным. Все думы, переживания его, как и других изгнанников, обращены к Кавказу, поэтому кавказоцентричным было, если можно так выразиться, и его мировоззрение, мышление, ощущение жизни. Образ Кавказа был непременно идеальным, героическим, что не могло не отразиться в литературе, публицистике, в целом в культуре. Понятно, что это относилось не ко всем авторам или текстам без исключения, однако творчество Б. Батырхана по праву можно рассматривать как яркий образец кавказоориентированной, кавказоцентричной рефлексии, образец приверженности и преданности идее единого Кавказа. Конечно, это не значит, что в каждой работе затрагивалась тема общекавказского единства, возвращения на родину и т.д., нет, однако, о чем бы ни шел разговор в его работах, прямо ли, опосредованно ли суть в них всегда работала на данную тематику. Возьмем переводы Б. Батырхана, на чем он, как и очень многие кавказцы-эмигранты, останавливает свой выбор? На свободолюбивой, духоподъемной, воодушевляющей поэзии, прозе или исторических сюжетах такого же плана. Чаще всего в диаспоре обращались к творчеству М. Лермонтова, его стихи, поэмы переводили как на кавказские языки, так и на турецкий. Сам факт того, что поэт принимал участие в военных действиях на Кавказе, почему-то не акцентировался в кавказском зарубежье. Б. Батырханом переведены и проанализированы стихотворения «Приветствую тебя, седой Кавказ», «Смерть поэта», «Валерик» и др. Есть переводы и стихотворений А. Пушкина о Кавказе. Как переводчик Б. Батырхан руководствовался своей концепцией, своими установками. Скажем, в связи переводом поэмы «Мцыри» М. Ялхроева отмечает такой факт: «Не случайно переводчик позволил себе вольность, изменив эпиграф поэмы на слова А. Пушкина: “...и бездыханное тело хочет покоиться в родной земле”» [8, С. 101]. А эпиграфом М. Лермонтова к «Мцыри», как помним, была цитата из Библии: «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю». В этой сознательной “вольности” выражалось чаяние самих изгнанников, только и живших надеждой на возвращение домой, на благословенную родину. Другой пример: из «Кавказского пленника» М. Лермонтова Б. Батырхан «переводит пятую главу, в которой поэт использовал фольклор народов Кавказа -- народную песню, воспевающую доблесть горцев» [8, С. 101]. Выборочность, избирательность подхода у Б. Батырхана была продиктована не отсутствием ответственности

перед чужим словом, оригиналом или незнанием, что и как переводить, а как раз той самой идеей свободы, идеей обретения родины, которая витала в воздухе, была смыслом изгнаннической жизни и которую ему, автору-переводчику, хотелось непременно подчеркнуть, усилить переводимым текстом. Тот фрагмент, в котором свободолобивые идеи были наиболее выражены, и представлял для него больший интерес. Безусловно, не менее важной была здесь и просветительская установка: знакомство и кавказского, и турецкого читателя с русской классической поэзией.

В русле установки на свободолобивую поэзию, посвященную Кавказу и ее народам, нужно рассматривать и обращение Б. Батырхана (вернее, попытку обращения) к поэме «Кавказ» Т. Шевченко, которую много переводили и советские национальные поэты, в т.ч. и ингушские. Однако понимание и восприятие Т. Шевченко «здесь» и «там» было кардинально разным, что можно проследить по ингушским переводам с этой, советской, и с той, диаспорной, сторон. Если «здесь» перевод поэмы «Кавказ» Т. Шевченко был либо абсолютно механистическим, т.е. перевод ради перевода, либо в духе осуждения царского режима, то в корне другим было восприятие поэмы «там», можно даже сказать, что оно было обостренно-болезненным. Это очевидно хотя бы уже по тому, как назвал Б. Батырхан свою небольшую заметку, в которой приводит перевод фрагмента поэмы Т. Шевченко -- «О борьбе северокавказцев за свободу» [3, С. 23]. Еще одна публикация по настоящей теме с примечаниями автора называется «“Кавказ” Тараса Шевченко» [2, С. 28]. По сути, это были подступы к переводу, подступы к большой работе в будущем, но, видимо, поэма настолько взволновала Б. Батырхана, что он как бы торопится поделиться ею и своими впечатлениями о ней с читателями, публикуя переведенные фрагменты. О том, что здесь не перевод ради перевода, а вполне осознанный выбор «объекта» интереса, говорят комментарии, пояснения, примечания автора-переводчика, который, кстати сказать, всегда знакомит читателя с личностью переводимого им поэта, писателя или историка, с историей написания того или иного произведения.

Б. Батырхан переводил и ингушский фольклор, особенно сказания из ингушской нартиады, сказки, предания: «Нарт Пхармат», «Оакхарой Махома», «Лекарства Цагена», «Опора Хаджи», «Обманщики» [8, С. 101]. Примечательно, что Б. Батырхан переводит и популяризирует не только ингушский фольклор, но и фольклор других народов Кавказа. В своих работах он старался давать максимально выверенную, сверенную информацию, для чего предпринимал самые невероятные попытки. Трудно поверить, но, находясь в эмиграции, за тысячи километров от родины, Б. Батырхан умудрялся отслеживать исследования по фольклору, истории, литературе, выходившие в Советском Союзе (о чем еще скажем ниже). И, что совсем поразительно, порой в кратчайшие сроки после выхода издания в свет. Возьмем такой пример, приводимый М. Ялхроевой: книга А. О. Мальсагова «Нарт-орстхоевский эпос вайнахов», явившаяся для Б. Батырхана толчком для перевода одного из сказаний ингушского нартского эпоса, вышла в Москве в 1970 г. А статья его с переводом сказания «Нарт Пхармат» появляется на страницах журнала «Kuzey Kafkasya» уже в 1971 г., т.е. с разницей всего в один год.

Публицистика Б. Батырхана так же разнотемна, разнопланова, представлена портретными очерками об исторических личностях, лидерах («Гази-Муллу», «Ташо-Хаджи», «Шейх Мансур», «Имам Гамзат», «Тайми Бибулат» и др.), о религиозных течениях и движениях («Мюридизм на Кавказе», «О мюридизме»), о современных ему политических и общественных деятелях кавказской эмиграции («Вассан-Гирей Джабагиев», «Абдул-Межид (Тапа) Чермоев», «Пшемахо Косок» и др.), очерками о народах Кавказа («О кавказцах», «Чеченцы в XIX веке», «Кабардинцы», «Убыхи», «Кем были предки осетин?» и др.) и статьями о репрессиях Сталина («В связи с неделей поработанных народов», «По случаю 21-й годовщины геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев») и т.д. Несомненно, все без исключения публикации Б. Батырхана носят просветительский характер.

Героями своих очерков Б. Батырхан выбирает ярких, сильных, волевых личностей, лидеров по характеру, сумевших консолидировать народы, противостоять царскому режиму. Заметим, здесь имеет место не случайное попадание, когда пишут по инерции обо всех или всем подряд, а вполне осознанный, продуманный выбор объекта повествования, будь то историческая личность или историческое событие. Порой в заголовках или подзаголовках некоторых работ мы видим упоминание той или иной годовщины, круглой даты, юбилея. Поражает то, как эти важные даты блюлись, отмечались специальными статьями, репортажами, мероприятиями, что было характерно для многих эмигрантских авторов и обществ. Примечательно и то, с какой ответственностью Б. Батырхан подходит к тексту, особенно чужому, в каждом из публикаций, выходивших под его именем, отмечая степень своего авторства или участия.

Целый пласт в творчестве ингушского публициста составляют очерки исторического характера о религиозных деятелях Кавказа, лидерах освободительной борьбы против произвола царского режима по отношению к кавказским народам. Таковым является, к примеру, повествование «Имам Гамзат (по случаю 130-й годовщины смерти)», в котором рассказывается об истории жизни имама Гамзат-бека и становления его как личности, известного предводителя, лидера мюридов. К очеркам об известных деятелях, борцах за свободу, независимость края тесно примыкают очерки о мюридизме. Свою задачу автор видит в знакомстве читателя не только с этим течением, но и вообще с Кавказом, в популяризации исторического прошлого горцев, выступавших против произвола царских властей: «Смыслом жизни в горах представляется борьба. Наказание за трусость, робость, предательство -- смерть. <...> Во главе всего стоит имам, человек с высочайшим авторитетом. Суть мюридизма составляют учение, практика и мышление» [1, С. 21-22]. И, конечно же, в обязательном порядке артикулируется объединительный мотив, мотив единства, пробуждения национального самосознания: «Народы, выступавшие ранее в одиночку против врага и гордившиеся своими победами, оставив внутренние противоречия, объединяются и становятся внушительной силой. Проснулось национальное самосознание кавказских горцев, которые стали единым социальным организмом. Не зря народная мудрость гласит: “Один пруттик сломать легко, а целый веник сломать трудно”» [1, С. 22].

Особо стоит отметить и акцентировать тот факт, насколько тщательно Б. Батырхан отслеживал события на исторической родине, в целом в СССР и насколько оперативно на них реагировал, причем конкретными работами, переводами, статьями. Касалось это не только новостей и новинок в области фольклора, литературы, истории, но и жизни ингушского и других народов, особенно периода депортации (1944–1957), тотальных репрессий. К теме депортации ингушские эмигранты, в т.ч. и Б. Батырхан, обращались постоянно, отмечая трагическую дату, знакомя читателей с произошедшими событиями. Целиком данной тематике посвящена статья «По случаю 21-й годовщины геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев» [9]. В ней автор предпринимает экскурсии в историческое прошлое репрессированных народов, знакомит с их материальной и духовной культурой, часто ссылаясь на известного кавказоведа, доктора исторических наук Евгения Крупнова, с которым состоял в дружеской переписке и был знаком лично [8, С. 97]. Благодаря бескорыстной помощи Е. Крупнова Б. Батырхан имел новые издания, материалы по Кавказу, причем не только труды самого Е. Крупнова, но и труды в целом по кавказоведению, фольклору, литературе. Что положило начало дружбе ингушского публициста-эмигранта и советского археолога-кавказоведа, как состоялось их знакомство? Желание получить ответы на эти вопросы сподвигло нас на изучение материалов личного архива Е. Крупнова в Институте археологии РАН, что пролило свет на многие обстоятельства. Так, из отчета Е. Крупнова о научной командировке делегации АН СССР в Турцию, состоявшейся по приглашению Анкарского и Стамбульского университетов (с 19 декабря 1962 г. по 2 января 1963 г.), узнаем, насколько большую заинтересованность проявлял ученый-археолог к северокавказским диаспорам [7, Л. 17]. Он подчеркивал, что в массе своей эмигранты проявляют живой интерес к жизни соотечественников в Союзе, не выражают враждебности к советскому режиму и осторожно, но настойчиво предлагал наладить связи с диаспорами в Турции. И как пример стремления северокавказцев к диалогу приводит в своем отчете такой факт: «Об этом можно судить хотя бы по письму, полученному товарищем Крупновым в 1961 г. из Стамбула, в связи с опубликованием издательством АН СССР его монографии «Древняя история Северного Кавказа» (1960)» [7, Л. 5]. Хотя ученый и не называет фамилии автора письма, нет сомнения, что речь в данном случае идет о Б. Батырхане, с которым он встретился во время научной командировки, в чем можно убедиться, ознакомившись с его письмом ингушскому лингвисту, фольклористу Д. Мальсагову: «Мне удалось нанести визит, в сопровождении советского атташе по культуре, одному почтенному жителю Стамбула – ингушу Бексултану Батырханову. Вот о нем я и хочу поведать Вам. Ему сейчас 70 лет. Но он бодрый старик. ... Сам Бексултан Батырханов превосходно говорит по-русски. Наше знакомство завязалось года два тому назад в связи с выходом в свет моей книги “Древняя история Северного Кавказа”, которую он с трудом приобрел через Париж. Я получил от него несколько писем, положительно оценивающих мою монографию и брошюру, с просьбой присылать все, что у меня выходит по Чечено-Ингушетии и Кавказу вообще, ибо он только “живет мечтою о Кавказе”» [5]. Б. Батырхан оставил о себе настолько приятные впечатления, что по приезде из научной командировки Е. Крупнов стал расспрашивать о нем ингушских ученых коллег, а в одну из поездок в тогдашнюю Чечено-Ингушетию даже рассказывал о своей встрече с ингушским эмигрантом собравшейся аудитории творческой интеллигенции [8, С. 98].

Будучи человеком с военным прошлым, Б. Батырхан поздно пришел к публицистике, переводческой, литературоведческой деятельности, однако, несмотря на преклонный возраст, он постоянно пополнял багаж знаний, расширял кругозор и помогал это делать другим. Нам представляется, что отдельного внимания заслуживает его эпистолярный, пусть на сегодняшний день и незначительный в своем объеме. М. Ялхарева приводит в монографии одно из писем ингушского эмигранта к племяннице, в котором всплывает немало интересных фактов. Так, он с теплотой вспоминает Е. Крупнова, надеется, что сможет заполучить его последнюю, посмертную монографию «Средневековая Ингушетия» (1971), делится впечатлениями о некоторых ингушских писателях, их произведениях, новых изданиях по фольклору и т.д. Мы узнаем, что Б. Батырхану удавалось приобрести даже произведения ингушских советских писателей, которые выходили такими малыми тиражами, что в самой ЧИАССР о них порой не знали. Факт поразительный сам по себе. Прочитанное (особенно художественные произведения) удручало его, расстраивало и без преувеличения порой шокировало: он не мог понять, для чего и с какой целью национальными писателями искажаются реалии ингушской жизни, действительность, изображается классовое деление, классовая борьба, чего не было у ингушей. Делясь впечатлениями о романе А. Бокова «Сыновья Беки» в письме внучатой племяннице, живущей в СССР, он пишет (*орфография и стиль автора письма сохранены*): «Должен тебе сказать, что очень расстроился, когда читал эту книгу, старавшуюся почему-то делить ингушский народ на два лагеря: старшин села, имущий класс и бедноту, что на самом деле в дореволюционное время среди ингушей не было. Бедный ингуш, богатый ингуш или старшина села были одинаковы, одинаково защищали свой интерес перед правительством. Ни один старшина в угоду начальства не опускался до такой низости, о которой пишется в романе, и ни один ингуш не перенес бы плевков пристава в лицо, не говоря уже о старшине. Это единственный народ на Кавказе, который был полностью объединен целью – сообща защищать свой народный интерес» [4, С. 152-153]. Б. Батырхану трудно скрыть свое изумление: «Возьмем, к примеру, лавочника Бокова, он и богач, он и доносчик. Подумай, какой богач может быть аульский лавочник, дневная выручка которого не составляет и одного рубля? Никакому богачу ингуш не простит донос на него, доносчик это хорошо знал. Если у него нет ни благородства, ни совести, воздержится от доноса из боязни мести, а также и народного гнева на него» [4, С. 153]. Затрагивает автор письма и творчество классика ингушской литературы И. Базоркина: «Вот и писатель Базоркин в своем большом романе старается доказать, что в свое время у ингушей было деление народа... Неправда! Этого не было» [4, С. 153]. Надо отметить, Б. Батырхан поднимает важную для национального литературоведения, литературной критики проблему – проблему рецепции ингушского советского текста, презентующего модель отсутствующего бытия, отсутствующей повседневности. Как человек, далекий от советской действительности, он болезненно и остро воспринимает этот диссонанс, не понимая (либо не желая понимать) идеологическую обусловленность данного явления в ингушской литературе советского периода. Даже одно это письмо замечательно и ценно тем, что, сам того не подозревая, Б. Батырхан положил начало

литературоведческому и литературно-критическому дискурсу, дискурсу объективному, свободному от условностей, идеологических рамок и установок. Считаем, что взгляды, идеи, проблемы, артикулируемые Б. Батырханом, не имеют «срока давности» и актуальны по сегодняшний день, хотя и озвучены практически полвека назад.

Заключение

Подытоживая вышеизложенное, отметим: Б. Батырхан прожил яркую, предельно насыщенную, богатую на события жизнь, оставив после себя не только внушительный корпус разноплановых работ, но и добрую память как щедрый благотворитель, финансировавший проекты в области культуры, образования, издательского дела да и попросту оказывавший поддержку любому человеку в тяжелой ситуации. У Б. Батырхана биографический портрет удивительным образом перекликается с творческим портретом: каков он в жизни, таков он и в творчестве. В каждой из работ этого автора нашли отражение идеи, взгляды, проблемы, волновавшие его в жизни. А волновало его все, что связано с Кавказом: фольклор, литература, культура, история, социально-политические события. Полную, целостную картину жизни и творческой деятельности Б. Батырхана еще предстоит сложить, думается, доступ к литературному, мемуарному, эпистолярному наследию деятелей и ингушской, и в целом кавказской эмиграции положительным образом сыграл бы роль в решении настоящей проблемы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Батырхан Б. Имам Гамзат / Батырхан Б. // *Kafkasya*. — 1964. — № 3. — С. 21-22.
2. Батырхан Б. «Кавказ» Тараса Шевченко / Батырхан Б. // *Kafkasya*. — 1965. — № 6. — С. 28.
3. Батырхан Б. О борьбе северокавказцев за свободу / Батырхан Б. // *Kafkasya*. — 1965. — № 5. — С. 23.
4. Письмо Б. Батырхана М. Плиевой. 15.02.1972 // Ялхароева М. А. Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции. — Назрань, 2008. — С. 152-153.
5. Письмо Е. И. Крупнова Д. Д. Мальсагову. 17.04.1963 // Личный архив Л. Д. Мальсаговой.
6. Сибгатуллина А. Т. Публикации Бексултана Батырхана в журнале «Kafkasya» / Сибгатуллина А. Т. // Вестник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. — 2020. — № 2. — С. 78-85.
7. Ф. 13. Д. 93 // Личный архив Е. И. Крупнова. Институт археологии РАН.
8. Ялхароева М. А. Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции / Ялхароева М. А. — Назрань, 2008. — 172 с.
9. Batırhan B. Kuzey Kafkasyadaki Çeçeno-İnguş ve Karaçay Balkarların Genosidinin 21.ci Yılı Münasebetiyle [По случаю 21-й годовщины геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев] / Batırhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — № 5. — S. 6-10.
10. Berzeg Sefer Ersin. Kafkas Diasporası'nda Edebiyatçılar ve Yazarlar Sözlüğü (Caucasian Writers in Diaspora) [Писатели кавказской диаспоры. Словарь]. — Samsun: Kafkasya Gerçeği Yayınları, 1995. — 283 s.

Список литературы на английском / References in English

1. Batoryhan B. Imam Gamzat [Imam Gamzat] / Batoryhan B. // *Kafkasya*. — 1964. — № 3. — P. 21-22.
2. Batoryhan B. "Kavkaz" Tarasa Shevchenko ["Caucasus" by Taras Shevchenko] / Batoryhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — № 6. — P. 28.
3. Batoryhan B. O bor'be severokavkazcev za svobodu [On the struggle of the North Caucasians for freedom] / Batoryhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — № 5. — P. 23.
4. Pis'mo B. Batoryhana M. Plievoj. 15.02.1972 [B. Batorykhan's letter to M. Plieva. 02/15/1972] // Jalharoeva M. A. Literaturno-publicisticheskaja dejatel'nost' ingushskoj diaspory v Turcii. — Nazran', 2008. — P. 152-153.
5. Pis'mo E. I. Krupnova D. D. Mal'sagovu. 17.04.1963 [Letter from E. I. Krupnov to D. D. Malsagov. 04/17/1963] // Lichnyj arhiv L. D. Mal'sagovoj.
6. Sibgatullina A. T. Publikacii Beksultana Batoryhana v zhurnale «Kafkasya» [Beksultan Batorykhan's publications in the magazine "Kafkasya"] / Sibgatullina A. T. // Vestnik Ingushskogo NII gumanitarnyh nauk im. Ch. Ahrieva. — 2020. — № 2. — P. 78-85.
7. F. 13. D. 93 // Lichnyj arhiv E. I. Krupnova [Personal archive of E. I. Krupnov]. Institut arheologii RAN.
8. Jalharoeva M. A. Literaturno-publicisticheskaja dejatel'nost' ingushskoj diaspory v Turcii [Literary and journalistic activities of the Ingush diaspora in Turkey] / Jalharoeva M. A. — Nazran', 2008. — 172 p.
9. Batırhan B. Kuzey Kafkasyadaki Çeçeno-İnguş ve Karaçay Balkarların Genosidinin 21.ci Yılı Münasebetiyle [On the occasion of the 21st anniversary of the genocide of the North Caucasian peoples: Chechens, Ingush, Karachais and Balkars] / Batırhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — No 5. — P. 6-10.
10. Berzeg Sefer Ersin. Kafkas Diasporası'nda Edebiyatçılar ve Yazarlar Sözlüğü (Caucasian Writers in Diaspora) [Writers of the Caucasian Diaspora. Dictionary]. — Samsun: Kafkasya Gerçeği Yayınları, 1995. — 283 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.16>**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.К. ВАГАТОВОЙ**

Научная статья

Долженко Н.Г.¹*, Милевская К.А.²¹ ORCID: 0000-0002-4147-2595;^{1, 2} Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

* Корреспондирующий автор (dng25101961[at]mail.ru)

Аннотация

В статье в рамках антропологической парадигмы современного отечественного языкознания представлен анализ женских образов в произведениях выдающейся хантыйской поэтессы М. К. Вагатовой. Типология женских образов в хантыйской литературе весьма разнообразна и многопланова. Цель данной работы – выявить своеобразие женских образов, представленных в авторских сказках. Задачи исследования – представить классификацию и описать особенности языковой репрезентации выделенных женских образов на разных уровнях языка. Предлагаемый материал и результаты анализа могут быть использованы в лингвокультурологических исследованиях, работах по антропоцентристской семантике, а также в проектах по изучению особенностей идиостиля писателя.

Ключевые слова: женский образ, гипербола, метафора, эпитет, глагол.

REPRESENTATION OF THE FEMALE IMAGE IN THE WORKS OF M.K. VAGATOVA

Research article

Dolzhenko N.G.¹*, Milevskaya K.A.²¹ ORCID: 0000-0002-4147-2595;^{1, 2} Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

* Corresponding author (dng25101961[at]mail.ru)

Abstract

Within the framework of the anthropological paradigm of modern Russian linguistics, the article features an analysis the female image in the works of the prominent Khanty poetess M. K. Vagatova. The typology of female characters in Khanty literature is very diverse and multifaceted. The purpose of this work is to identify its originality presented in the author's fairy tales. The objectives of the study are to present the classification and describe the features of the linguistic representation of selected female characters at different levels of the language. The proposed material and the results of the analysis can be used in linguistic and cultural studies, works on anthropocentric semantics, as well as in projects to study the idiosyncrasies of the writer.

Keywords: the female image, hyperbole, metaphor, epithet, verb.

Введение

Женский образ всегда связан с условностями, тайнами, а зачастую и стереотипами. В литературе женский образ – это комплекс параметров, на основе которых можно сформировать представление о народе. В хантыйских произведениях наравне с мужскими присутствуют и женские образы. Именно через женский образ возможно более глубокое раскрытие особенностей национального характера, так как в женщине сосредоточены наиболее яркие и значимые черты нации, женщина впитывает и остаётся хранителем не только домашнего очага, но и значимых традиций своего рода, несёт в себе наиболее существенные ценности народа. К тому же именно женский образ помогает значительно расширять границы мужского начала в хантыйской литературе.

Методы и принципы исследования

Материалом данного исследования являются художественные произведения М. К. Вагатовой [2], особое внимание уделено такому жанру, как авторская сказка.

Методология исследования основывается на идеях и методике антропоцентристской семантики с привлечением приёмов комплексного анализа, элементов компонентного анализа, а также статистического анализа языкового материала, выделенного методом сплошной выборки из произведений обозначенного автора.

Обсуждение

Изучение женских образов в литературных произведениях не является чем-то новым ни в России (Е.П. Каргаполов [4], Е. В. Косинцева [5], [6], Н. А. Купряхина [7], А. С. Мазинов [8], Т. А. Молданова [9]), ни даже во всем мире [3], [10]. Однако в хантыйской литературе образ женщины и сейчас не до конца исследован. Анализируя хантыйскую литературу, важно понять, в каком филологическом контексте она формировалась и развивалась, какие литературные традиции оказали влияние на ее становление, какие темы нашли отражение в творчестве писателей ханты, по каким принципам складывалась система образов в хантыйской литературе. Традиционный фольклорный образ является также отражением идеальной фольклорной действительности. Именно она, по мнению Купряхиной Н. А. [7], обуславливает воплощение в фольклорном образе народного эстетического идеала. Исследователи, анализирующие систему персонажей в произведениях писателей ханты, акцентируют внимание на типах героев мужчин. Между тем, изучение типологии женских образов чрезвычайно важно для раскрытия национального характера ханты.

Т. А. Молданова [9] выделила три периода в жизни хантыйской женщины: «В юности девушка готовится к воспроизводству жизни на физическом, материальном уровне, поэтому символ этого периода Мать-Земля. В зрелом возрасте, став матерью, женщина – это птица, охраняющая свое гнездо и поющая личную песню судьбы перед оком огня-Матери. Пожилая женщина – кладезь духовной мудрости, ее взор уже простирается в иные миры».

Е. П. Каргаполов рассматривает женские образы в творчестве поэтессы и делает вывод: «Мифология в творчестве М. К. Вагатовой проявляется в особом взгляде на мир природы и культуры. Ее творчество – это гимн хантыйской женщины» [4].

Язык отражает объективную действительность через внутренний мир человека (мотивы и цели его деятельности, ценностные ориентации и т.д.) и, отражая, часто трансформирует его сообразно мотивам и ценностям. В работе рассмотрено понятие «художественный тип». Это художественный образ индивида, в котором воплощены черты, отражающие характер, дух и обычаи народа и времени. Таким образом, изучение проблемы специфики женских образов в произведениях М. К. Вагатовой является важным и современным.

В традиционной культуре ханты сложился образ, чаще всего связанный с понятием «семейных уз» [5]. У женщины есть конкретная социальная роль: жена, мать, бабушка, сестра, поэтому четко определены качества хранительницы очага, мастерицы, мудрой женщины. Несомненно, многие женщины принимают участие в общественной жизни и выполняют важные роли, разделение по-прежнему наблюдается в каждом секторе. В настоящее время хантыйские женщины в большинстве своем добились равенства с мужчинами. Об этом свидетельствуют возможности выбора профессии и продвижения по карьерной лестнице.

Женщины осознают свою судьбу, права и идеалы. Это осознание улучшается с поддержкой семьи и дружелюбной обстановкой в обществе.

Однако гендерные проблемы в обществе всё же остаются довольно актуальными. Исследование образа женщины в фольклоре, художественной литературе помогает привлекать внимание к проблемам, отчасти решать их.

Основные результаты

Женский образ объединяет все формы мысленных духовных образов и повседневного поведения, выраженные женскими фигурами, будь то индивидуальное существо, которое представлено как в физических, так и психологических аспектах, будь то лицо в предлагаемых социальных условиях. Образ человека можно определять и характеризовать через роль, которую он играет в повседневной жизни. Если он найден в литературном произведении, особенно в форме прозы, то характеризовать образ, в частности образ женщины-героини, целесообразно в связи с условиями жизни главной женской героини и также через анализ других фигур, вовлеченных в жизнь персонажа литературного произведения.

В нашей статье мы исходим из положения, что образ женщины как эталона делится на следующие типы:

а) образ традиционных женщин:

для него важны следующие характеристики женщин, придерживающихся традиционного образа: 1) занимается ремеслом, 2) чтит обычаи и религиозные ценности, 3) зависит от мужчин, 4) добрая и сговорчивая;

б) образ женщины-Божества:

на характеристики женщин-духов влияют фольклорные традиции, их характерные качества: 1) облают силой/даром, 2) связаны с природой, 3) не зависят от людей, 4) заботится об окружающей среде, 5) свободны от семейных уз, обычаев и индивидуальны;

в) образ злой женщины:

характеристики этого типа женщин являются в целом гиперболизированными, в них сосредоточен весь негатив конкретного порока. Можно разделить по типам: 1) злая жена, жадная, не чтит гостей, 2) злодейка – людоедка, не обладает состраданием, преследует собственные цели, 3) хитрая, строит козни, создает проблемы, не соблюдает традиции.

Далее в работе анализируются языковые средства выразительности в описании образа женщины в авторских сказках М.К. Вагатовой, которые выделены на разных уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом.

Выявлено около 120 лексических единиц и словоформ.

Лексический уровень.

Основными средствами выразительности являются тропы, специальные выразительные средства языка, основанные на использовании слов в переносном значении. Обобщим выявленный материал в таблице:

Таблица 1 – Лексические средства художественной выразительности

Средства художественной выразительности	Описание	Пример использования художественного средства	Статистика Кол-во ед.
Тропы			
Эпитет	Образное определение	Земля-мать, девушка-солнце, девушка-огонь. Очень красивая, мудрая женщина	31
Метафора	Скрытое образное сравнение	Имеет лицо, подобное цвету крови зайца – алое... Смерть застряла в заброшенных волосах...	9
Олицетворение	Приписывание неодушевлённым предметам признаков и свойств живых существ	Ягодка кое-как сварила еду...	11
Сравнение	Сопоставление двух явлений, пояснение одного через другое.	Женщина бывает красива, как ягодка, но ничего не умеют делать ее руки... Вся светилась, как солнце, искрилась как огонь.	18
Гипербола	Преувеличение	Земля дрожит от тяжелых шагов; Пустила одну стрелу и всех насквозь пронзила; Каждый зуб величиной с пень	17
Литота	Преуменьшение	Выбежала женщина, ростом с зайца	3
Неспециальные лексические изобразительно-выразительные средства			
Синонимы	Слова одной части речи, различные по звучанию, но одинаковые или близкие по лексическому значению	Заплакала, зарыдала, застонала	27
Лексика по сфере употребления			
Нейтральная лексика	Слова, не прикрепленные к определённому стилю речи	Высказать, говорить, звать	34
Разговорная лексика	Слова, которые употребляют в неофициальном, бытовом общении	Ишь чего захотел...	19
Эмоционально окрашенные слова	Слова, выражающие отношение к предметам, признакам, действиям	Браниться, вопить, кричать.	22

Выявлено, таким образом, широкое употребление эпитетов, образных определений: «Очень красивая, косы длинные, много украшений, благородная» [1], [2], «Мудрая женщина» [2, С. 327], «...женщина разрешил наш спор» [2, С. 304] (образ бабушки).

На морфологическом уровне в первую очередь анализу подвергнуты глаголы с семантикой речевой деятельности, именно они являются довольно ярким средством создания женского образа, так как обладают огромным потенциалом для выражения действий, связанных с жизнью и бытом.

Глаголы могут

- изобразить движение (*бежит, идет, режет, готовит, шьет, запасает*);
- придать речи динамизм, иметь яркую эмоционально-экспрессивную окрашенность (*браниться, вопить, кричать*);
- «оживить» предмет или явление (*вдохнуть жизнь*);
- детализировать описание (*почернел, одичал ты весь*).

Глаголы несовершенного вида прошедшего времени подчеркивают будничность, постоянство, повторяемость действий, о которых повествуется в тексте (*готовила, шила, бранилась*). Глаголы совершенного вида прошедшего времени представляют результат (*запасла, спрятала*).

Глаголы в произведениях М. К. Вагатовой могут показывать характер и настроение героя (*заплакала, зарыдала, обида взяла*). Глаголы с семантикой говорения в произведениях служат ярким средством характеристики говорящего персонажа.

В произведениях М. К. Вагатовой женщина чаще всего вовлечена в процесс. Героиня изображается деятельной и трудолюбивой: «Каждый день узоры шьет, украшающие швы делает, узорчатые, мастеровые дела делает, дом украшает, зимнюю и летнюю одежду шьет, пищу на зиму, на лето запасает», «Мясо, привезенное мужем, рыбу,

привезенную мужем, готовит, варит, режет» [2, С. 206] (образ жены). Женский образ представлен глаголами действия, повтор «привезенную мужем» акцентирует внимание на важности действий мужчины, что свидетельствует о гендерном разделении труда.

На синтаксическом уровне мы выделили следующие средства, обобщённые в таблице:

Таблица 2 – Синтаксические средства художественной выразительности

Средства выразительности	Описание	Пример использования	Статистика Кол-во ед.
Антитеза	Противопоставление.	<i>Женщина красива, да вся беспомощна</i>	8
Инверсия	Обратный порядок слов.	<i>Жили, ночевали, дневали муж с женой</i>	5
Риторический вопрос, восклицание, обращение	Выражение утверждения в вопросительной форме; привлечение внимания; усиление эмоционального воздействия.	<i>Дел-то ведь много, как человеку без дела жить?</i>	4
Синтаксический параллелизм	Сходное, параллельное построение фраз, строк.	<i>Младшая дочь – наше последнее дыхание, нашей жизни конец и начало нашего бессмертия</i>	7
Эпифора	Одинаковая концовка нескольких предложений.	<i>Кровь не выходит, гной не выходит.</i>	9

Используются однородные сказуемые: «подсказывает, наставляет человека на дело, учит мастерству, душу пестует, побуждает творить красоту, добро, бессильного делает сильным, неумелого умелым...» [1], [2].

Встречаются приложения: *Земля-мать, девушка-солнце, девушка-огонь* [1], [2].

Достаточно часто употребляются распространенные определения: «Радостная, как светящееся солнце, от ее улыбки вечер днем становится» [1], [2], «...светилась как солнце, искрилась, как огонь...» [1], [2] (образ сестры).

Следовательно, синтаксические средства раскрывают как внутреннюю сторону, так и репрезентируют внешнюю характеристику женского персонажа.

Заключение

Таким образом, проведя анализ женских образов ряда произведений М. К. Вагатовой, мы выделили некоторые особенности репрезентации данных образов:

1. Как правило, в авторских сказках образы формируются на стыке фольклорно-мифологической и книжной традиции. Здесь необходимо отметить, что шаманизм, православие и исторические реалии в определённой степени повлияли на создание женских образов: деятельные и самобытные характеры сменяются образами «кротких жен» и наоборот. В тексте сказок М.К. Вагатовой распространены черты фольклорной легенды, сказки и придания, однако женские образы в большинстве случаев самобытны, хотя и создаются при помощи использования сюжетных элементов народной сказки.

2. Языковая репрезентация образа женщины многогранна и многоаспектна. В данной статье мы затронули лексический, морфологический и синтаксический уровни языка и выделили наиболее частотные и интересные языковые явления.

3. На лексическом уровне одним из наиболее распространенных стилистических средств создания женских характеров выступают метафоры, сравнения и гиперболы. Гиперболизированные женские образы могут вбирать в себя как сугубо положительные черты, воплощая традиционные добродетели (образы святых жен), так и являться средоточием всех отрицательных качеств, представляя собой абстрактное злое начало (образ «злой жены», «людоеда»).

4. Морфологический уровень представлен анализом глаголов, которыми характеризуются женщины в произведениях М. К. Вагатовой. Именно глаголы ярко представляют образ женщины – труженицы, женщины – хранительницы не только домашнего очага, но и семейных, а также в целом культурных традиций народа ханты.

5. Синтаксические средства активно участвуют как в описании внешности женщины, так и в представлении её роли в жизни общества. М. К. Вагатова, являясь хантыйской поэтессой, представляет женщин как значимых героев в произведениях, хотя обычаи, сложившийся образ жизни также находит отражение в тексте и напрямую касаются женщин.

Подводя общий итог, можно отметить, что по причине далеко не главенствующего социального положения женщины в обществе ее образ в хантыйской литературе был представлен в значительно меньшей степени, по сравнению с образами мужчин, подчинен жестким правилам литературного этикета. Благодаря этому фольклорные элементы, безусловно, проникали в произведения, женские образы создавались на стыке традиционно-книжного и устного народного творчества. Однако рост интереса к психологии героя ведет к постепенной смене типичных характеров яркими самобытными образами, что обнаруживается и в авторских сказках М.К. Вагатовой. Это, в свою очередь, создаёт широкое поле для дальнейшего исследования образа женщины в различных аспектах у самых разных национальных писателей, в том числе с учётом жанровой специфики произведений.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Вагатова М. К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки / Вагатова М. К. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 192 с.
2. Вагатова М. К. Золотое сияние. Сказки, легенды, мифы, загадки, пословицы, поговорки / Вагатова М. К. – Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2020. – 392 с.
3. Ван Минь. Образ женщины во фразеологизмах русского и китайского языков / Ван Минь // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. № 4 (414). – С. 44–49.
4. Каргаполов Е. П. Единение женщины и природы в поэзии М.К. Вагатовой / Каргаполов Е. П. // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. – С. 47–63.
5. Косинцева Е. В. Женские образы в хантыйской литературе: монография / Косинцева Е. В. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. – 98 с.
6. Косинцева Е. В. К вопросу об авторских сказках М. К. Вагатовой / Косинцева Е. В. // Материалы третьей научно-практической конференции, посвященной памяти А. А. Дунина-Горкавича, 10.04.2007. – Нижневартовск: Издат. дом «Югорский», 2008. – С. 76.
7. Купряхина Н. А. Языковая репрезентация идеального женского образа в фольклорном тексте / Купряхина Н. А. Педагогический форум. 2021. № 1 (7). – С. 106–107.
8. Мазинов А. С. Национальная специфика объективации концепта «женственность»: на материале английского и крымскотатарского языков / Мазинов А. С., Ганиева А. О. // Сопоставительная лингвистика. – 2017. № 6. – С. 41–48.
9. Молданова Т. А. Духовное освоение мира женщиной в традиционной культуре хантов / Молданова Т. А. // Культурное наследие Тюменской области: материалы научной конференции «Культурогенез и проблемы актуализации культурного наследия народов Тюменской области». – Тюмень, 2007. Ч. 1. – С. 110–119.
10. Images of women in contemporary British fiction by women Rogers Ja. Footpath: A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. 2020. № 13. – С. 35–43.

Список литературы на английском / References in English

1. Vagatova M. K. Moya pesnya, mya pesnya. Stikhi. Legendy. Skazki [My song, my song. Poems. Legends. Fairy tales] / Vagatova M. K. – Yekaterinburg: Middle-Ural. book publishing house, 2002. – 192 p. [in Russian]
2. Vagatova M. K. Zolotoe siyanie. Skazki, legendy, mify, zagadki, poslovitsy, pogovorki [Golden glow. Fairy tales, legends, myths, riddles, proverbs, sayings] / Vagatova M. K. – Khanty-Mansiysk: Publishing house "News of Ugra", 2020. – 392 p. [in Russian]
3. Wang Min. Obraz zhenshchiny vo frazeologizmakh russkogo i kitayskogo yazykov [The image of a woman in phraseological units of Russian and Chinese languages] / Wang Min // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University] - 2018. No. 4 (414). – Pp. 44–49. [in Russian]
4. Kargapolov E. P. Edinenie zhenshchiny i prirody v poezii M.K. Vagatovoy [The unity of women and nature in the poetry of M.K. Bagatova] / Kargapolov E. P. // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Sorodichi, ya ne tayu prekrasnoe ot vashikh vzorov», posvyashchennoy yubileyu M.K. Vagatovoy, 23.01.2007. [Materials of the scientific-practical conference with international participation "Kindred, I do not conceal beauty from your eyes", dedicated to the anniversary of M.K. Vagatova, 23.01.2007]. – Khanty-Mansiysk: Information and Publishing Center, 2009. – Pp. 47–63. [in Russian]
5. Kosintseva E. V. Zhenskie obrazy v khantyyskoy literature: monografiya [Women's images in Khanty literature: monograph] / Kosintseva E. V. – Khanty-Mansiysk: Printing business, 2010. – 98 p. [in Russian]
6. Kosintseva E. V. K voprosu ob avtorskikh skazkakh M. K. Vagatovoy [On the issue of the author's tales of M. K. Vagatova] / Kosintseva E. V. // Materialy tret'ey nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.A. Dunina-Gorkavicha, 10.04. 2007 [Materials of the third scientific-practical conference dedicated to the memory of A.A. Dunin-Gorkavich, 10.04. 2007]. –Nizhnevartovsk: Publisher. house "Yugorsky", 2008. – P. 76. [in Russian]
7. Kupryakhina N. A. Yazykovaya reprezentatsiya ideal'nogo zhenskogo obraza v fol'klornom tekste. Pedagogicheskiy forum [Linguistic representation of the ideal female image in the folklore text. Pedagogical Forum] / Kupryakhina N. A. 2021. No. 1 (7). – Pp. 106–107. [in Russian]
8. Mazinov A. S. Natsional'naya spetsifika ob'ektivatsii kontsepta «zhenstvennost'»: na materiale angliyskogo i krymskotatarskogo yazykov [National specificity of objectification of the concept of "femininity": on the material of English and Crimean Tatar languages] / Mazinov A. S., Ganieva A. O. // Sopostavitel'naya lingvistika [Comparative linguistics]. – 2017. – No. 6. – Pp. 41–48. [in Russian]
9. Moldanova T.A. Dukhovnoe osvoenie mira zhenshchinoy v traditsionnoy kul'ture khantov [Spiritual assimilation of the world by a woman in the traditional culture of the Khanty] / Moldanova T.A. // Kul'turnoe nasledie Tyumenskoy oblasti: materialy nauchnoy konferentsii «Kul'turogenез i problemy aktualizatsii kul'turnogo naslediya narodov Tyumenskoy oblasti» [cultural heritage of the Tyumen region: materials of the scientific conference "Cultural genesis and problems of updating the cultural heritage of the peoples of the Tyumen region]. – Tyumen, 2007. Part 1. – Pp. 110–119. [in Russian]
10. Images of women in contemporary British fiction by women Rogers Ja. Footpath: A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. 2020. № 13. – P. 35–43.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.21>**КОНЦЕПТ СМЕРТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТИВЕНА КИНГА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «УИЛЛА» И «ЧУВСТВО, КОТОРОЕ СЛОВАМИ МОЖНО ВЫРАЗИТЬ ТОЛЬКО ПО-ФРАНЦУЗСКИ»)**

Научная статья

Петров М.А.¹*, Моргун Е.А.²¹ ORCID: 0000-0002-8325-5468;^{1,2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (quasimodo.r[at]gmail.com)

Аннотация

В данной статье исследуется и декодируется концепт смерти в художественном пространстве Стивена Кинга. На примере произведений «Уилла» и «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски», написанных в разные периоды времени и творчества писателя и включенных в две различные антологии («После заката» и «Все предельно»), но развивающих один и тот же нарратив, прослеживается, как автор интерпретирует и развивает концепцию «жизни после смерти» (post mortem). Проводится анализ семантического пространства литературных текстов, содержащих элементы «хоррора» в сочетании с «магическим реализмом» с точки зрения концептуального и художественно-образного воплощения смерти в рассказах С. Кинга.

Ключевые слова: Стивен Кинг, концепт смерти, post mortem, хоррор, магический реализм.

THE CONCEPT OF DEATH IN THE WORKS OF STEPHEN KING (BASED ON "WILLA" AND "THAT FEELING, YOU CAN ONLY SAY WHAT IT IS IN FRENCH")

Research article

Petrov M.A.¹*, Morgun E.A.²¹ ORCID: 0000-0002-8325-5468;^{1,2} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (quasimodo.r[at]gmail.com)

Abstract

This article explores and decodes the concept of death in the works of Stephen King. By using the works "Willa" and "That Feeling, You Can Only Say What It Is in French" written in different periods of time and included in two different anthologies ("Just After Sunset" and "Everything is Eventual"), but developing the same narrative, it is traced how the author interprets and develops the concept of "life after death" (post mortem). The semantic space of literary texts containing elements of horror in combination with magical realism is analyzed from the point of view of the conceptual and artistic-figurative embodiment of death in the stories of S. King.

Keywords: Stephen King, the concept of death, post mortem, horror, magical realism.

Введение

Стивен Кинг известен как автор многочисленных психологических триллеров. Хотя его часто и называют королем «хоррора» или автором ужасиков, отличительной чертой творчества писателя является психологизм. Кинг тщательно прорабатывает портреты своих персонажей, создает им правдоподобное культурное и физическое окружение, показывает ситуативные изменения в настроении и поведении своих героев. Если вычленишь голый сюжет, то многие произведения автора вызовут не чувство страха, а скорее смех. Чего, например, стоят сюжеты об оживших автомобилях («Uncle Otto's truck» [29], в русском переводе «Грузовик дяди Отто»), домах, превращающихся в космические корабли («The house on Maple street» [28], в русском переводе «Дом на Кленовой улице»), машинах, поедающих людей («Mile 81» [24], в русском переводе «Миля 81»), или смертоносном дожде из жаб, случающемся один раз в семь лет («Rainy season» [28], в русском переводе «Сезон дождей»). Все эти рассказы читаются с интересом и даже становятся поводом для исследований, потому что в основе их сюжетов лежит столкновение характеров, психологическая коллизия, нравственная дилемма, а атрибуты хоррора являются антуражем, на фоне которого происходит действие. Так, читатель понимает, что дом, превращающийся в инопланетный космический корабль, нужен Кингу для разрешения конфликта между жестоким преподавателем колледжа и его пасынками, ну и, конечно, для поддержания интереса читателя. Машина, поедающая людей, становится метафорой тупости, косности и невосприимчивости мира взрослых.

Психологизм Кинга, помимо таланта и художественных способностей автора, основывается на тщательном изучении работ по психоанализу, прежде всего, З. Фрейда, а также работы «Тысячеликий герой» [10], которая с помощью опять же психоанализа объясняет древние мифы. Из этой работы Кинг почерпнул и развил идеи об инициации главного героя и создания для него мифологического окружения [15, С. 90].

Хотя, как было показано выше, многие рассказы Кинга имеют в своей основе прозрачную и легко декодируемую метафору, в творчестве автора можно найти произведения, которые требуют неоднократного прочтения для их понимания и дешифровки. К таким рассказам, по нашему мнению, относятся работы, в которых Стивен Кинг развивает свое видение существования людей после их физического ухода. В этих произведениях писатель как бы обновляет клишированные мотивы, связанные с темой смерти [13, С. 30], и предлагает свое собственное видение. В этой связи интересно проследить, как автор интерпретирует и развивает эту тему в двух связанных между собой рассказах – «Willa» («Уилла») [27] и «That feeling, you can only say what it is in French» («Чувство, которое словами

можно выразить только по-французски») [25]. Эти рассказы написаны в разное время и опубликованы в разных сборниках. Рассказ «Уилла» вошел в состав авторского сборника «Just After Sunset» («После заката»), впервые изданного в 2008 году, в то время как второе произведение было напечатано в сборнике «Everything's eventual» («Все предельно») в 2002 году. По нашему мнению, несмотря на значительные временные рамки, разграничивающие эти истории, они связаны концептуально (одна тема), сюжетно (путевые очерки) и жанрово («хоррор» плюс «магический реализм»), так как последовательно развивают один и тот же нарратив – жизнь после смерти, причины, определяющие вариант существования людей после их физического ухода.

Исследование фокусируется на двух отдельных литературных произведениях, в основе которых лежит один и тот же концепт. Термин «концепт» (от лат. *conceptus* – «мысль», «понятие») является, согласно Е.С. Кубряковой [9, С. 58], С.Г. Воркачеву [7], «зонтиковым» – составляет предмет изучения различных научных дисциплин. «Дело в том, что концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» [17, С. 9]. Концепт трактуется как: «сгусток культуры в сознании человека» [19, С. 43]; объект из мира «Идеальное», который отражает определенные, культурно-обусловленные представления человека из мира «Действительность» [6, С. 26]; «представление о фрагменте мира» [16, С. 8] и т.п. В литературоведении термин «концепт» сужается до понятия «художественный концепт». Художественный концепт является неотъемлемой частью индивидуально-авторской картины мира. Репрезентация концепта в художественных текстах носит уникальный, индивидуальный характер, художественный концепт предстает единицей сознания писателя, которая «получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов и явлений» [1, С. 6]. В художественном произведении концепты являются опорными точками, с помощью которых автор излагает свой взгляд на мир [14, С. 169]. Наиболее распространенными концептами в языковой картине мира являются репрезентации добра и зла, истины и лжи. Сюда же можно отнести и тему смерти, которую в контексте этих двух рассказов можно сопроводить уточнением: что происходит с человеком, когда он покидает этот мир.

Методы и принципы исследования

Для семантического и стилистического анализа текстов в работе используются два метода: сравнительный и интерконтекстуальный. Сравнительный подход позволил выявить сходства и различия на сюжетном, концептуальном и жанровом уровнях между двумя рассматриваемыми рассказами, а также выявить похожие идеи у других авторов и сделать вывод, что в плане развития концепта смерти два анализируемых рассказа дополняют друг друга. Интерконтекстуальный подход выявил художественные средства и интерконтекстуальные связи, с помощью которых автор придает тексту больший драматизм и большую правдоподобность.

Обсуждение и основные результаты

Целью исследования было показать, что у автора есть определенная концепция «жизни после смерти», и на примере судьбы своих героев писатель демонстрирует, как персонажи встраиваются в его концепцию. Первый рассказ «Уилла», хотя он и написан позже, обозначает теоретические рамки этой концепции – ощущения плюс ожидания (в оригинале: *perception and expectation*). Декодируется эта формула следующим образом: мировосприятие складывается из двух компонентов. Первое – то, что ты хочешь визуально представить. Второе – то, что ты ожидаешь увидеть. Здесь важно заметить, однако, что перцепция или ощущения должны быть основаны на предыдущем опыте и знаниях, так как в основе перцепции лежит представление об объекте, сформированное при помощи сенсорного аппарата [12, С. 190]. Во втором рассказе этот посыл получает дальнейшее развитие, большую конкретизацию, заданные словами мужа главной героини – «You probably got what you'd always thought you would get» [25, С. 396] («ты, вероятно, получаешь то, что всегда ожидал получить»). Жизнь после смерти – это последний и самый великий фокус человеческого мозга. После смерти человек оказывается там, где он всегда ожидал (именно ожидал, а не надеялся или хотел) оказаться. И его ожидание складывается из суммы совершенных им грехов и несправедных дел. Конечно, такая интерпретация смерти не нова. Она, например, созвучна конструкции Булгакова, выраженной словами Воланда «на балу ста королей». Резюмируя различные теории смерти, Воланд замечает: есть среди них (теорий) и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере [3, С. 283]. И с этими словами отправляет в небытие М.А. Берлиоза, так как последний не верил в потустороннее существование, а значит в продолжении жизни после физического ухода ему отказано.

И тем не менее, подход Стивена Кинга к этой теме и его интерпретация представляют интерес, так как, следуя своей формуле, автор помещает «обычных людей в необычные обстоятельства», в данном случае существования пост мортем (*post mortem*). К тому же, как и всегда виртуозно, добавляет колоритные образы, какие-то свои новые элементы, штрихи. И, наконец, как в рассказе «Уилла», использует тему смерти для постановки других традиционных для своего творчества вопросов: проблема инициации главного героя, отношения между поколениями, оппозиция «мир взрослых – мир детей». Также рассказ «Уилла» можно интерпретировать как противопоставление объективистской и субъективистской теорий, которые в свое время были популярны на Западе.

Рассказы «Уилла» и «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски» связаны не только концептуально, но и сюжетно, так как вписываются в жанр «road movies», основывающийся на единстве времени и пространства, где герой двигается из пункта А в пункт Б, попадая в различного рода неприятности. У Стивена Кинга – это часто супружеская пара, которая отправляется в путешествие, затем во время поездки происходит событие, которое резко меняет жизнь пары или даже приводит к смерти. Как правило, хотя и не всегда, доминирующим в этом тандеме является мужчина, и именно из-за его упрямства или неспособности предвидеть последствия своих решений пара попадает в фатальную ситуацию – как, например, в рассказе «You know they got a hell of a band» [28], в русском

переводе «Знаете, они классно играют». Это классический сюжет такого рода «дорожных» рассказов Стивена Кинга, но в нем возможны некоторые вариации, что мы и можем наблюдать в двух анализируемых произведениях.

Главными героями рассказа «Уилла» являются неженатые молодые люди по имени Уилла и Дэвид. В отличие от других рассказов американского писателя роль лидера здесь принадлежит женщине. Не случайно главную героиню зовут Уилла – достаточно редкое имя, указывающее на ее исключительность и уникальность [18, С. 206]. И сам автор отмечает: «Willa was another endangered species» (Уилла – это еще одно имя, относящееся к исчезающим видам) [27, С. 9].

Во втором рассказе сюжет выдержан в большей степени в рамках жанра. Супружеская пара Кэрл и Билл Шелтоны прожили вместе двадцать пять лет и отправляются во второе свадебное путешествие в штат Флорида, чтобы попытаться заново пережить те чувства, которые у них были во время первого медового месяца. Тем более, повод для этого есть довольно веский: у Билла был мимолетный роман с секретаршей («Clairol girl», как называет ее Кэрл) и супружеской чете нужно залечить раны. Также вполне традиционно для подобного сюжета, что муж Кэрл занят в компьютерной индустрии, где он занимает солидную должность. Внешне он является доминирующим, так как обеспечивает семью материально, принимает решения, наделен типичным мужским эго, которое не выносит возражений, и бывает нетерпимым и раздражительным. Но его доминирование не абсолютно. Кэрл постоянно подчеркивает, что брак – это не только любовь, но и маленькие секреты, и они у Кэрл есть. К тому же, за многие годы Кэрл хорошо изучила поведение своего мужа и научилась даже каталогизировать его по уровням («shit level», «great level»).

Стивен Кинг не является «сто процентным» автором «страшного» рассказа как литературной формы. Споры об определении и классификации жанра «хоррор» (литература ужасов, от англ. horror literature/fiction) ведутся по сей день. Так, проблемам жанра «хоррор» посвящены многочисленные труды зарубежных исследователей (Д. Пантер [30], Ф. Фрэнк [23], Д. Скэл [31], Х. Стренгелл [32] и др.). На западе horror studies, gothic studies (изучение литературы ужасов) – уже довольно давно влияющая академическая дисциплина. В отечественной науке «хоррор» долгое время почти полностью игнорировался, сегодня же наблюдается нарастающий интерес к данному вопросу (И.В. Васина [4], Т.М. Тимошенкова [20], Д. Хапаева [21] и др.). Следует отметить, что многие исследователи рассматривают «хоррор» как вполне сформировавшийся литературный жанр с характерными особенностями авторского замысла, стиля и языка [5, С. 31]. Хоррор базируется на фольклорных истоках: корнями генеалогическое «древо ужаса» уходит в глубь веков, в мир преданий и суеверий, ствол же его образует классическая литературная форма «готического» романа Викторианской эпохи [22, С. 5]. О значимости и ценности хоррора в современной литературе также красноречиво говорят работы корифеев литературы ужасов, например, эссе Говарда Лавкрафта «Ужас и сверхъестественное в литературе» [11]; предисловие к сборнику «Сокровища литературы ужасного и сверхъестественного», написанное Стивеном Кингом [26].

При попытке определить жанровые характеристики исследуемых рассказов С. Кинга мы столкнулись с проблемой «смешанных» жанров, сочетающих в себе элементы двух или более жанров [8, С. 44] – в данном случае, хоррор («катастрофическая» проза) с элементами «магического реализма». Наиболее ярким представителем «магического реализма» считается Г.Г. Маркес, роман которого «Сто лет одиночества» являет собой хрестоматийный пример использования «магического реализма». Суть этого метода заключается в том, что обыденные явления описываются как оригинальные и экстраординарные, а необычные события представляются как вполне естественные и сами собой разумеющиеся. Однако разные авторы достигают этой «обыденности необычного» разными способами. Если Маркес делает это неуловимо и стилистически ювелирно, вплетая в реальность фрагменты сказочного и вымышленного, то Кинг добивается этого эффекта, помещая героя в тихую и идиллическую среду маленьких американских городков, а также давая подробнейшие описания материального и культурного окружения героя (отсюда обилие рекламных имен и топонимов). Иногда граница между реальным и ирреальным мирами в произведениях С. Кинга вообще не маркирована. Герои, сами того не подозревая, попадают в вымышленную вселенную писателя, что создает еще больший шок (для героев). Так случилось с персонажами рассказа «Знаете, они классно играют», которые, путешествуя на машине, оказались в городе музыкантов-призраков. Как замечает главная героиня: это случилось потому, что они просто заблудились в лесу, ведь это с каждым может случиться [28]. Можно сказать, что Кинг добивается своей цели – убедить читателя в реальности происходящего. В рассказе «Уилла» герои оказываются в американском захолустье (в штате Вайоминг), что создает вполне реалистичный фон для дальнейших событий. Автор настолько естественно описывает происходящее, что первую половину рассказа у читателя нет сомнений, что речь идет о живых людях. Когда же к читателю приходит понимание, что герои умерли и живут в созданной Кингом «продолженной реальности», естественность описания сохраняется, и читатель также естественно воспринимает и эту данность, что и является отличительной чертой «магического реализма». Сама констатация смерти героев происходит не броско и не нарушает общего «реалистического» стиля рассказов. Обращает на себя внимание и необычайное сходство ситуации в рассказе «Уилла» с романом Хуана Рульфо «Педро Парамо», который по праву считается одним из лучших образцов «магического реализма».

Анализируемые рассказы С. Кинга можно также интерпретировать как спор между объективистским и субъективистским подходами. Объективизм утверждает, что все объекты обладают свойствами, которые не зависят от восприятия людей и постулирует абсолютную истину. Согласно субъективизму, индивидуум в практической жизни полагается на свои чувства и развитую интуицию и создает свою собственную реальность, свободную от ограничений. Уилла (героиня одноименного рассказа) все время напоминает своему жениху: помни, Дэвид, ощущения плюс ожидания. Благодаря этому Дэвид, Уилла и Кэрл (героиня второго рассказа) даже после смерти создают свою собственную реальность, свой собственный мир, населенный их собственными симулякрами, что укладывается в рамки субъективистского подхода. Пассажиры (персонажи рассказа «Уилла»), ждущие поезда на заброшенной станции, наоборот, не могут принять новую ситуацию и продолжают ждать поезда, который для них является

абсолютной истиной и доказательством того, что они живы. Однако Стивен Кинг показывает, насколько призрачным является их убежище в виде железнодорожной станции, так как сама станция обречена на снос и постоянно меняет свои очертания, то превращаясь в заброшенное здание, то в стройплощадку, то снова возвращаясь в прежнее состояние. Размышляя о перспективе пассажиров дожидаться спасительного поезда, Уилла издевательски замечает: «Maybe the one they're always singing about, the gospel train, the train to glory, the one that don't carry no gamblers or midnight ramblers» (Быть может, это и есть тот самый поезд, о котором они постоянно толкуют, библейский поезд на небо, поезд, в котором нет места для любителей азартных игр и уличных бродяг) [27, С. 20]. Сложно сказать, намеренно ли Стивен Кинг противопоставил своих персонажей как носителей двух разных философских подходов, но получилось именно так. Два этих подхода были достаточно популярны на Западе, причем объективизм ассоциировался с наукой, а субъективизм связывался с поэзией и литературой.

И в первом, и во втором рассказах Стивен Кинг использует классические приемы жанра хоррор для поддержания интереса читателя: «саспенс» – технику нагнетания драматической обстановки, а также элементы «мистери» – косвенные намеки и референции вместо «прямого текста». Автор как бы подбрасывает читателю улики и косвенные признаки аномальности ситуации, постепенно нагнетая напряженность, и лишь потом, ближе к середине рассказа, позволяет читателю догадаться, что произошло на самом деле. Пассажиры ждут поезда на станции, заросшей сорняком, вокруг следы запустения: ни одной машины на парковке, стертые выцветшие вывески, блуждающие волки неподалеку. Все это диссонирует с ожиданиями пассажиров и должно насторожить внимательного читателя. Чтобы придать больший трагизм ситуации, Стивен Кинг использует прием интерконтекстуальных связей. В ночном клубе, где главный герой рассказа Дэвид находит свою девушку, выступает группа Derailers, что переводится с английского как «потерпевшие крушение поезда». Самих пассажиров автор называет *detraining passengers*. Из таких кратких зарисовок складывается жутковатая и зловещая атмосфера рассказа. Позже, когда читателю становится ясно, что персонажи мертвы, Кинг все равно продолжает давать визуальные иллюстрации существования персонажа пост мортем (*post mortem*). Так, идя в город, Дэвид пинает пивную банку. На обратном пути он находит банку в том же самом месте, где она была первоначально, до того, как он ее пнул («he looked back and there it lay, right where it had been» [27, С. 23]), потому что, конечно, он никогда ее и не пинал, так как мертвецы не пинают банки.

В рассказе Кинг психологически точно показывает, как главным героям тяжело примириться с фактом своей физической смерти. Дэвид и Уилла сравнивают себя с живыми людьми (например, Дэвид замечает про себя: платье на девушке трепетало от ветра, как на любой живой женщине) или надеются, что если их видят волки, то значит в них осталось что-то от живых людей. Но иллюзорность этих надежд только усиливает тяжесть их состояния. Колышущееся от ветра платье создано воображением Дэвида, а волки, в конечном счете, пугаются главных героев, что только подчеркивает принадлежность Дэвида и Уиллы к миру мертвых.

Главная героиня обосновывает идею существования после смерти, выражая эту концепцию двумя словами: «ощущения плюс ожидания» и демонстрирует ее на конкретном примере. Дважды она предлагает Дэвиду посмотреть в зеркало, и, когда изумленный Дэвид, видит отраженную в зеркале пустую кабинку бара вместо них самих, Уилла объясняет своему жениху: восприятие (ощущения) – еще не все, но восприятие и ожидание, взятые вместе, – это живительный источник для мозга (в оригинале: «put them together and you had a Reese's peanut butter cup of the mind» [27, С. 23]). В конце рассказа Уилла демонстрирует свою теорию в действии. Когда герои хотят проникнуть в закрытый на ночь музыкальный бар, Дэвид возражает, что он закрыт. Уилла в очередной раз напоминает своему жениху: «Not if we don't want it to be. Perception, remember? Perception and expectation». И это срабатывает, так как дверь в клуб оказывается открытой. Другими словами, главные герои видят то, что они привыкли видеть в своей земной жизни или то, что они знают, исходя из своего опыта. Если есть зеркало, оно должно отражать людей, волка можно напугать, хлопнув в ладоши и громко крикнув, пустую пивную банку можно пнуть. Однако вычтите из этого уравнения ожидание, и вы получите голую потустороннюю реальность: зеркало будет отражать пустую комнату, так как призраки в зеркале не отражаются, волки будут пугаться не хлопков, а опять же призраков, наконец, пивная банка останется на своем месте, потому что призрак пнуть ее не может, это может быть только результат его воображения.

Тема смерти в рассказе «Уилла» также обеспечивает фон, который позволяет писателю развивать и другие сюжеты. Прежде всего, это инициация героя, противопоставление мира взрослых и мира детей. Дэвид, жених Уиллы, преодолевает свое нежелание идти в город и рискует опоздать на поезд, несмотря на то, что другие пассажиры всячески отговаривают его. Но Дэвид преодолевает себя и отправляется на поиски своей невесты. Это решение и становится для него моментом инициации. Так Стивен Кинг вводит одну из своих излюбленных тем в сюжетную линию рассказа.

В рассказе нашлось место и для развития другой темы: противопоставление мира взрослых и мира детей, только применительно к данному рассказу она раскрывается на контрасте инерции и способности принимать действительность. Все пассажиры поезда понимают, что мертвы, но не хотят признавать этого, так как удобнее делать вид, что все как раньше и ждать мифического поезда. В отличие от Дэвида и Уиллы, у них нет элемента восприятия. Однако изображение нежелающих мириться с новой реальностью пассажиров важно, скорее, для развития другой излюбленной темы Кинга – изображения «тупого, скучного» и инерционного мира взрослых. И совсем не случайно, когда маленькая Пэтти поднимает своего рода бунт, начиная вспоминать, как произошло крушение поезда, ее мать жестоко подавляет его. «Танцующая Пэтти», как прозвал ее Дэвид, оказывается единственной готовой покинуть удобное укрытие и пойти в город, но ее мать, конечно, ей этого не позволяет.

Если в рассказе «Уилла» нарратив смерти можно назвать фоновым или используемым для решения и других сюжетных тем, то для другого рассказа, «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски», мотив смерти – основной, так как все события развиваются в ситуации пост мортем (*post mortem*). На этот раз герои – супружеская пара средних лет, прожившая вместе долгое время. Все происходящее в этом рассказе показано глазами главной героини Кэрол, которую охватывает странное чувство дежа-вю. Любой предмет, любое действие или любое

слово выступает в ее сознании триггером, запускающим механизм воспоминаний о ее жизни. Частично ее воспоминания отягощены ошибками прошлого, к которым она постоянно возвращается. Это аборт, который она сделала, приняв самостоятельное решение и не посоветовавшись даже со своим мужем. Это также неприличные стишки, которые главная героиня рассказывала, когда училась в католическом колледже: «Hey there, Mary, what's the story, save my ass from Purgatory» (Эй, Мария, что скажешь? Спасешь мою задницу, не накажешь?) [25, С. 397]. Это бабушкин медальон, который она легкомысленно потеряла во время школьной экскурсии. Еще одна линия воспоминаний Кэрол – лишения и бедность, через которые ей довелось пройти в юности. После свадьбы ее муж Билл не мог найти работу по специальности в компьютерной области и поэтому сначала довольствовался работой сторожа. Доход позволял молодой паре снимать дешевую квартиру, жизнь в которой убивала всякую надежду на будущее: «We won't ever get out of here» (Нам никогда не выбраться отсюда) [25, С. 383] – замечает Кэрол. На верхнем этаже жили наркдилеры, принимавшие всю ночь клиентов и слушавшие рокеров-наркоманов, а с пляжа доносился несмолкающий шум аттракционов.

Поездка четы Шелтонов задумывалась как второй медовый месяц двадцать пять лет спустя после их свадьбы. Десять незабываемых дней на роскошном курорте должны были стать ярким контрастом с их первым свадебным путешествием во Флориду, где они могли себе позволить тогда лишь номер с тараканами в ящиках. Как вспоминает Кэрол: «... that was... at a little cabin colony, and there were cockroaches in the bureau drawers» [25, С. 380]. В этот раз муж Кэрол зафрахтовал частный самолет только для них двоих и забронировал дорогой автомобиль в аэропорту. Но вместо утверждения своего успеха и воскрешения чувств, главные герои гибнут в авиакатастрофе, а сама Кэрол – обречена на проживание одного и того же события с небольшими вариациями. Стивен Кинг использует необычный сюжетный ход: хотя герои погибают при столкновении их самолета с другим воздушным судном, их путешествие не заканчивается. Каким-то образом после авиакатастрофы жизнь Кэрол продолжается. События происходят так, как они должны были бы происходить, если бы герои были живы. Самолет благополучно приземляется, в аэропорту героев ждет статусный автомобиль Краун Виктория, Краун Вик, как его называла братва из гангстерских фильмов, замечает автор: «which was a Crown Victoria – what the goodfellas in the gangster movies invariably called a Crown Vic» [25, С. 384]. И герои почти добираются до цели своего путешествия – пальмового домика на островном курорте для состоятельных людей. Однако каждая сцена этой поездки дарит Кэрол не радость и расслабление отдыха, а боль и тягостные воспоминания.

Такое авторское решение опять же связано с его видением жизни после смерти и отражает его послыл: ты получаешь то, что ожидаешь получить. Кэрол, с ее грузом воспоминаний и прошлых грехов и обид, как раз и иллюстрирует эту идею. Интересно, что эта концепция, звучащая немного примитивно из уст мужа Кэрол (именно его слова вспоминает главная героиня), может быть преобразована в более сложную конструкцию Булгакова, озвученную Волондом: каждый получает то, во что он верит.

Сцены, которые видит Кэрол во время поездки, могут быть упорядочены по трем категориям: детство в католической школе с неприличными стишками и считалочками, бедность в юности и раскаяние и переживания более зрелого возраста. Так, девочка с куклой у дорожного супермаркета, чернокожий старик за прилавком фруктового киоска – это напоминание о прошлой бедности. В своих воспоминаниях Кэрол все время обращается к Деве Марии. Возможно, это вызвано осознанием греха за сделанный аборт. Может, поэтому во время поездки на автомобиле вместо рекламных щитов она постоянно видит плакаты с изображением Девы Марии с призывом о помощи для благотворительной организации: «MOTHER OF MERCY CHARITIES HELP THE FLORIDA HOMELESS – WON'T YOU HELP US» (Благотворительный фонд Девы Марии помогает бездомным Флориды, а ты помоги нам) [25, С. 383]. Еще одна линия воспоминаний Кэрол – личные переживания. После посадки, у самолета, Кэрол и Билла встречает красивая блондинка, от которой Билл не в состоянии отвести взгляд. Это напоминание о недавней измене мужа с его секретаршей, что является источником дополнительной боли для Кэрол.

Таким образом, Кэрол сама себя помещает в лимб постоянно повторяющегося эпизода ее смерти с некоторыми вариациями. С одной стороны, она надеется, что поездка на дорогой курорт поправит их пошатнувшийся брак, с другой стороны, с возрастом она начинает рефлексировать о прошлых ошибках. В результате, героиня продолжает свое путешествие и после смерти, но оно изобилует напоминаниями о прошлом и неизменно заканчивается катастрофой. Как и читатели, сама героиня не сразу понимает, что она обречена все время проживать один и тот же эпизод после крушения самолета, но по мере повторения это осознание к ней приходит. «Looking around wildly at the cabin, she was thinking, it happens at sixteen thousand feet. I have to tell them, I have to warn them» [25, С. 386]. Но выйти из этого повторяющегося сценария Кэрол не в состоянии.

Таким образом, к моменту смерти, жизнь Кэрол омрачали несколько событий: сделанный в юности аборт, потеря бабушкиного медальона с изображением Девы Марии, воспоминания о жизни в наркоманском районе у пляжа, наконец, недавняя измена мужа. Все эти симулякры из своей земной жизни героиня встречает после своего физического ухода. И эти симулякры призваны раз за разом вызывать в ней болезненные воспоминания. Именно поэтому путешествие Кэрол, прерванное фатальной катастрофой, продолжается даже после ее смерти, чтобы она могла пережить все это еще раз. В отличие от рассказа «Уилла», продолжая несостоявшееся путешествие Кэрол, автор создает не просто «продолженную реальность», а «продолженную повторяющуюся реальность». Не случайно, в комментарии к этому рассказу, Стивен Кинг заметил, что ад – это повторение одного и того же: «My idea is that it (Hell) might be repetition» [25, С. 397].

Как и в рассказе «Уилла», читатель не сразу догадывается, что произошло с главными героями. В этом рассказе автор проделал еще более ювелирную работу, чтобы отсрочить момент, когда читатель догадается, что героиня и ее муж уже мертвы. Здесь подсказки автора еще более неуловимые. Одна из них – постоянный повтор некоторых фраз. Рассказ начинается с фразы: «Floyd, what's that over there? Oh shit» (Флойд, что это там? О, нет!) [25, С. 378]. На протяжении рассказа эта реплика будет повторена много раз, чтобы привлечь внимание читателя. Только потом

читатель узнает, что Флойд – это пилот зафрахтованного частного самолета, который должен был доставить пару во Флориду. В сюжетном плане, этот рассказ – загадка, которую читатель отгадывает ближе к концу. Еще позже читатель узнает, как именно погибли герои. Во-первых, это постоянная отсылка к Флойду – пилоту самолета. Но есть и другие указатели. Так, деления в милях на спидометре автомобиля постепенно превращаются в футы, единицы измерения высоты у летчиков. Неизменно стрелка спидометра застывает на отметке – 16 000 футов, высоте, на которой произошла авиакатастрофа. Наконец, прямая отсылка к причине катастрофы в самом тексте: «She has time to see something big. And to read the word DELTA» (У нее (Кэрл) было время увидеть очертания чего-то большого и прочесть слово Дельта) [25, С. 395]. Для любого американского читателя «Дельта» – это название авиалиний. Таким образом, к концу рассказа читатель получает полную картину происшедшего: на высоте 16 000 футов частный самолет, на котором летела чета Шелтонов, столкнулся с самолетом авиакомпании «Дельта». Есть и другие контекстуальные подсказки, которые автор инкрустирует в текст. Например, «Somewhere below, waiting for them now and forever, was a gangster car» (Где-то внизу стояла белая машина из гангстерских фильмов, которой суждено ждать их вечно) [25, С. 397]. В мире «продолженной реальности» Кэрл из раза в раз будет садиться в эту машину, но в реальном мире чета Шелтонов в нее так никогда и не сядет.

Может возникнуть вопрос: так ли важно для понимания произведения, как именно погибли герои, в самолете или в автомобиле (так как есть разные интерпретации этого рассказа)? При неправильном понимании обстоятельств гибели героев потеряется целый семантический пласт интерпретации рассказа и новаторства автора, который не просто описывает жизнь героев до их гибели, а помещает их в созданную им «продолженную реальность» после их физического ухода.

Как обычно, Стивен Кинг широко использует в обоих рассказах различные художественные приемы: риторические и стилистические фигуры речи играют важную роль в создании различных стилистических эффектов. К ним можно отнести метафоры, эпитеты, сравнения, повторы, параллельные конструкции, риторические вопросы и восклицания, а также окказионализмы. Последние используются, чтобы придать большую достоверность созданному писателем миру и вызвать у читателя те эмоции, которые он пытался донести [2, С.140-141].

Вот некоторые из примеров:

- Trash-pine lobos – авторский окказионализм используется в тексте для усиления высказывания;
- Night came on and the stars unrolled across the sky from east to west like a rug with spangles in it – метафора плюс симилие; используются для создания соответствующей атмосферы;
- Wolf Frightener – словосложение; используется для создания иронии;
- She looked nine miles out of place – гипербола плюс авторская трансформация фразеологизма;
- Where he would flop his final flop – конверсия, flop употреблено как существительное и как глагол;
- Белая птица расхаживала вдоль обочины, подобно рассерженному проповеднику (перевод авторов). Симилие используется для передачи иронии.

Эмоциональность и экспрессивность повествования часто усиливается добавлением эпитетов, например:

- Несколько черных ворон, упитанных и лоснящихся, оторвались от тушки, размазанной по асфальту в луже крови (перевод авторов).
- Оперенные листьями кроны пальм, возвышавшиеся на фоне голубого неба, напомнили ей японские истребители времен Второй мировой войны, расстреливающие из пулеметов на бреющем полете (перевод авторов).

Заключение

Существует немало произведений, авторы которых обращаются к концепту смерти. В своих двух рассказах писатель предложил свою собственную интерпретацию этой темы. В художественном дискурсе С. Кинга предпринята попытка переосмыслить экзистенциальный концепт смерти (неминуемое уничтожение vs. посмертие). То, что происходит с человеком, когда он покидает этот мир – застывшее мгновение вечности, череда повторяющихся событий. Реальный мир противопоставляется потустороннему, иллюзорному миру, своего рода мистической реальности, где люди после их физического ухода продолжают существовать. Смерть – не конец и не начало, а чувство, «которое словами можно выразить только по-французски», чувство дежа-вю, «продолженная реальность». Сам Стивен Кинг скромно оценивал рассказ «Уилла», называя его не самым лучшим своим произведением. Однако в содержательном отношении два рассмотренных рассказа выделяются своим когерентным подходом и схожей концепцией «жизни после смерти». Сохраняя зловещую и жутковатую атмосферу «хоррора», они обладают концептуальной, семантической и жанровой сложностью, что позволяет отнести их к вершинам качественной беллетристики.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. Е. Беспалова. – СПб., 2002. – 24 с.
2. Богданова П. С. Структурные особенности окказионального словообразования в произведениях С. Кинга / П. С. Богданова, О. В. Егорова // Материалы секционных заседаний 58-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ. – 2018. – С. 138–141.
3. Булгаков М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. – Санкт-Петербург: Азбука, 2011. – 283 с.
4. Васина И. В. Основные характеристики нонгог как жанра художественной литературы в диахроническом

аспекте / И. В. Васина // Молодой ученый. – 2017. – № 4.1. – С. 78–81.

5. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 544 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 24. – М., 2003. – С. 5–12.
8. Григорьева Е. В. Готический роман и своеобразие фантастического в прозе английского романтизма / Е. В. Григорьева. – Ростов н/Д: Литмир, 1988. – 125 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996 – 245 с.
10. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. – М.: АСТ, 1997. – 384 с.
11. Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе / Г. Ф. Лавкрафт. – Л.: Просвещение, 1927. – 164 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
13. Литвиненко И. А. Наказание и преступление в повести С. Кинга «1922» / И. А. Литвиненко // Филология. – 2017. – № 1 (7). – С. 28–31.
14. Литвинова В. В. Концепт «смерть» в романе «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери / В. В. Литвинова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2008. – № 58. – С. 168–172.
15. Ненилин А. Г. Стивен Кинг и проблемы детства в англо-американской литературной традиции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / А. Г. Ненилин. – Самара, 2006. – 187 с.
16. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М. В. Пименовой. – Вып. 4. – Кемерово, 2004. – 208 с.
17. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001 – 189 с.
18. Рабкина Н. В. Художественный универсум Стивена Кинга: имена собственные как средство создания достоверной реальности / Н. В. Рабкина // Вестник кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4–4 (64). – С. 204–208.
19. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
20. Тимошенкова Т. М. «Дьяволиада» Стивена Кинга и Михаила Булгакова / Т. М. Тимошенкова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Х., 1999. – Т. 5. – С. 396–411.
21. Хапаева Д. Готическое общество: морфология кошмара / Д. Хапаева. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 152 с.
22. Чамеев А. А. В традициях «старого доброго страха», или Об одном несерьезном жанре британской литературы / А. А. Чамеев // Дом с призраками. Английские готические рассказы. СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 5 – 18.
23. Frank F. Through the pale door: a guide to and through the American Gothic / F. Frank. – New York: Greenwood press, 1990. – 338 p.
24. King S. Bazaar of bad dreams / S. King. – Scribner: Reprint edition. – 2015. – 513 p. (Kindle Edition).
25. King S. Everything's Eventual / S. King. – Scribner: New-York. – 2002. – 608 p. (Kindle Edition).
26. King S. [Introduction] / S. King // Classic Tales of Horror and the Supernatural / compiled by B. Pronzini, B.N. Malzberg and M.H. Green; with an introduction by Stephen King. – New York: Arbor House, 1981. – 599 p.
27. King S. Just After Sunset / S. King. – Scribner: New-York. – 2008. – 388 p. (Kindle Edition).
28. King S. Nightmares and dreamscapes / S. King. – Pocket books: Reprint edition. – 2009. – 913 p. (Kindle Edition).
29. King S. Skeleton crew / S. King. – Scribner: Reprint edition. – 2016. – 673 p. (Kindle Edition).
30. Punter D. The Literature of Terror: The gothic tradition / D. Punter. – London, 1996. – 237 p.
31. Skal D. The Monster Show: A Cultural History of Horror / D. Skal. – New York: Plexus, 1994. – 312 p.
32. Strengell H. Dissecting Stephen King: From the Gothic to Literary Naturalism / H. Strengell. – Madison: University of Wisconsin Press, 2005. – 320 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Bespalova O. Ye. Kontseptosfera poezii N. S. Gumileva v yeye leksicheskom predstavlenii [The conceptual sphere of N. S. Gumilev's poetry in its lexical manifestation]: abstract of dis. ... of PhD in Philology: 10.02.01 / O. Ye. Bespalova. – Saint Petersburg, 2002. – 24 p. [in Russian]
2. Bogdanova P. S., Yegorova O. V. Strukturnyye osobennosti okkazional'nogo slovaobrazovaniya v proizvedeniyakh S. Kinga [Structural peculiarities of occasional word-building in literary works by S. King] / P. S. Bogdanova, O. V. Yegorova // Materialy sekcionnykh zasedaniy 58-y studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii TOGU [Section proceedings of the 58th Student Scientific-Practical Conference of Pacific National University]. – 2018. – P. 138–141. [in Russian]
3. Bulgakov M. Master i Margarita [The master and Margarita] / M. Bulgakov. – Saint Petersburg: Azbuka, 2011. – 283 p. [in Russian]
4. Vasina I. V. Osnovnyye kharakteristiki uzhasa kak zhanra khudozhestvennoy literatury v diakhronicheskom aspekte [The essential characteristics of horror as a literary genre in terms of the diachronic aspect] / I. V. Vasina // Molodiy vcheniy [Young Scientist]. – 2017. – № 4.1. – P. 78–81. [in Russian]
5. Vatsuro V. E. Goticheskiy roman v Rossii [The Gothic novel in Russia] / V. E. Vatsuro. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 2002. – 544 p. [in Russian]
6. Wierzbicka A. Yazyk. Kul'tura. Poznaniye [Language. Culture. Cognition] / A. Wierzbicka. – M.: Russkiye slovari [Russian dictionaries], 1996. – 416 p. [in Russian]

7. Vorkachev S. G. Kontsept kak «zontikovyy termin» [Concept as an “umbrella term”] / S. G. Vorkachev // Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya / [Language, consciousness, communication]. – Issue 24. – M., 2003. – P. 5–12. [in Russian]
8. Grigor'yeva Ye. V. Goticheskiy roman i svoeobrazie fantasticheskogo v proze angliyskogo romantizma [The Gothic novel and the originality of the fantastic in the prose of English Romanticism] / Ye. V. Grigor'yeva. – Rostov-on-Don: Litmir, 1988. – 125 p. [in Russian]
9. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [A short dictionary of cognitive terms] / Ye. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina; ed. by Ye. S. Kubryakovoy. – M.: Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova [Philological faculty of Lomonosov Moscow State University], 1996 – 245 p. [in Russian]
10. Campbell J. Tysyachelikiy geroy [The hero with a thousand faces] / J. Campbell. – M.: AST, 1997. – 384 p. [in Russian]
11. Lovecraft H. P. Sverkh'yestestvennyy uzhas v literature [Supernatural Horror in Literature] / H. P. Lovecraft. – L.: Prosveshcheniye, 1927. – 164 p. [in Russian]
12. Lakoff G., Johnson M. Metafor, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by] / G. Lakoff, M. Johnson – M.: URSS, 2004. – 256 p. [in Russian]
13. Litvinenko I. A. Nakazaniye i prestupleniye v povesti S. Kinga «1922» [Punishment and crime in S. King's 1922] / I. A. Litvinenko // Filologiya [Philology]. – 2017. – № 1 (7). – P. 28–31. [in Russian]
14. Litvinova V. V. Kontsept «smert'» v romane «Vino iz oduvanchikov» Reya Bredberi [Concept “Death” in Ray Bradbury's novel “Dandelion Wine”] / V. V. Litvinova // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences]. – 2008. – № 58. – P. 168–172. [in Russian]
15. Nenilin A. G. Stiven King i problemy detstva v anglo-amerikanskoy literaturnoy traditsii [Stephen King and the problems of childhood in the Anglo-American literary tradition]: dis. ... of PhD in Philology: 10.01.03 / A. G. Nenilin. – Samara, 2006. – 187 p. [in Russian]
16. Pimenova M. V. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku [Introduction to cognitive linguistics] / ed. by M. V. Pimenova. – Issue 4. – Kemerovo, 2004. – 208 p. [in Russian]
17. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoy lingvistike [Essays on cognitive linguistics] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – Voronezh, 2001 – 189 p. [in Russian]
18. Rabkina N. V. Khudozhestvennyy universum Stivena Kinga: imena sobstvennyye kak sredstvo sozdaniya dostovernoy real'nosti [Stephen King's imaginative universe: proper names as a means of creating a true-to-life reality] / N. V. Rabkina // Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. – 2015. – № 4–4 (64). – P. 204–208. [in Russian]
19. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture] / Yu. S. Stepanov. – M.: Yazyki russkoy kul'tury [Languages of Russian culture], 1997. – 824 p. [in Russian]
20. Timoshenkova T. M. «D'yavoliada» Stivena Kinga i Mikhaila Bulgakova [“The Diaboliad” by Stephen King and Mikhail Bulgakov] / T. M. Timoshenkova // Vcheni zap. Khark. gumanit. in-tu «Nar. ukr. akad.». – Kharkov, 1999. – V. 5. – P. 396–411. [in Russian]
21. Khapayeva D. Goticheskoye obshchestvo: morfologiya koshmara [Gothic society: the morphology of a nightmare] / D. Khapayeva. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 2008. – 152 p. [in Russian]
22. Chameyev A. A. V traditsiyakh «starogo dobrogo strakha», ili Ob odnom neser'eznom zhanre britanskoy literatury [In the traditions of the “good old fear”, or About one frivolous genre of British literature] / A. A. Chameyev // Dom s prizrakami. Angliyskiye goticheskiye rasskazy [A haunted house. English Gothic stories]. – St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2004. – P. 5–18. [in Russian]
23. Frank F. Through the pale door: a guide to and through the American Gothic / F. Frank. – New York: Greenwood press, 1990. – 338 p.
24. King S. Bazaar of bad dreams / S. King. – Scribner: Reprint edition. – 2015. – 513 p. (Kindle Edition).
25. King S. Everything's Eventual / S. King. – Scribner: New-York. – 2002. – 608 p. (Kindle Edition).
26. King S. [Introduction] / S. King // Classic Tales of Horror and the Supernatural / compiled by B. Pronzini, B.N. Malzberg and M.H. Green; with an introduction by Stephen King. – New York: Arbor House, 1981. – 599 p.
27. King S. Just After Sunset / S. King. – Scribner: New-York. – 2008. – 388 p. (Kindle Edition).
28. King S. Nightmares and dreamscapes / S. King. – Pocket books: Reprint edition. – 2009. – 913 p. (Kindle Edition).
29. King S. Skeleton crew / S. King. – Scribner: Reprint edition. – 2016. – 673 p. (Kindle Edition).
30. Punter D. The Literature of Terror: The gothic tradition / D. Punter. – London, 1996. – 237 p.
31. Skal D. The Monster Show: A Cultural History of Horror / D. Skal. – New York: Plexus, 1994. – 312 p.
32. Strengell H. Dissecting Stephen King: From the Gothic to Literary Naturalism / H. Strengell. – Madison: University of Wisconsin Press, 2005. – 320 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.27>**РЕАЛИИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В ПЕРЕВОДЕ НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК**

Научная статья

Сергиенко О.С.^{1*}, Бабкина Л.Д.²¹ ORCID: 0000-0002-2374-717X;^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (olesyaserg[at]mail.ru)

Аннотация

В настоящем исследовании рассматриваются способы перевода на чешский язык реалий, встречающихся в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия». Были проанализированы такие методы передачи национально специфической лексики, как транскрипция, калькирование, генерализация, описательный перевод, функциональный аналог. В результате исследования было установлено, что при переводе реалий на чешский язык наиболее эффективными являются приемы транскрипции и функционального аналога, позволяющие передать фонетическую форму реалии, а также ее семантику. При переводе реалий также может быть использован принцип родовидовой замены, с помощью которого незнакомая для иностранного читателя реалия превращается в более знакомое и близкое понятие. В случаях, когда невозможно применить перечисленные приемы, переводчик может прибегнуть к калькированию реалии или её объяснению.

Ключевые слова: перевод реалий, национально-специфическая лексика, чешский язык, перевод «Белой гвардии».

**CULTURE-SPECIFIC TERMS IN M. A. BULGAKOV'S THE WHITE GUARD AND THEIR TRANSLATION
INTO CZECH**

Research article

Sergienko O.S.^{1*}, Babkina L.D.²¹ ORCID: 0000-0002-2374-717X;^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (olesyaserg[at]mail.ru)

Abstract

The current study examines the ways of translating the culture-specific terms found in M. A. Bulgakov's novel The White Guard into Czech. The study analyzes such methods of translation of nation-specific vocabulary as transcription, calque, generalization, descriptive translation, and the use of functional analogues. The study finds that when translating culture-specific terms into Czech, the most effective methods are transcription and the use of functional analogs, which allows for conveying the phonetic form of the terms, as well as their semantical component. When translating the terms, the principle of generic substitution can also be used, with the help of which a term unfamiliar to a foreign reader turns into a more familiar concept. In cases where it is impossible to apply these techniques, the translator can resort to using calque or explaining the term.

Keywords: translation of culture-specific terms, nation-specific vocabulary, Czech language, translation of The White Guard.

Введение

«Белая гвардия» – первый роман Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940), написанный в середине 1920-х годов. В 1918 году в Киеве писатель и его близкие пережили сложный период гражданской войны. Именно эти события легли в основу сюжета произведения, а родные автора стали прототипами героев. В романе нашла отражение историческая эпоха, воссоздать которую М.А. Булгакову помогают различные лексические средства и приёмы. Среди них – национально-специфическая лексика, которая не только создает национальный колорит в произведении, но и являются частью индивидуально-авторского стиля. Именно поэтому представляется особо важным сохранение и передача этих лексических единиц в тексте перевода. На чешский язык роман был переведен в 1966 году замечательной переводчицей и булгаковедом Аленой Моравковой, и именно этот перевод регулярно переиздается в Чехии [10].

Понятие «реалия»

Одним из первых термин «реалия» употребил лингвист Л. Н. Соболев в своей работе «О переводе образа образом» (1955) [6, С. 290], где он толкует данное понятие следующим образом: «бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно и в языках других стран, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах».

Переводчик и литературовед В. М. Россельс [5, С. 169] определяет реалии как «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, жизни того или иного народа страны, которое не встречается у других народов».

Советский лингвист и переводчик Г. В. Чернов [9, С. 226-227] среди признаков реалий выделял их «общеупотребительность» и «широкое вхождение в общенародный язык», однако преимущественно пользовался термином «безэквивалентная лексика».

Белорусский лингвист и славист А. Е. Супрун [7, С. 52-54] рассматривал реалии как «экзотическую лексику», понимая под экзотизмами слова, которые передают специфику условий жизни, обычаев, истории различных народов, придают описанию определённый национально-исторический колорит.

С. Влахов и С. Флорин в своей работе «Непереводимое в переводе» [2, С. 18] называют реалии «ярким примером непереводимых элементов текста», неоднозначной категорией, а также «наиболее яркими выразителями колорита». Исследователи выводят следующее определение: реалии – это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [2, С. 47].

Реалии в романе «Белая гвардия»

Исходя из предметной классификации С. Влахова и С. Флорина [1, С. 51-56], можно выделить следующие реалии в романе «Белая гвардия»:

1. Этнографические реалии:

а) Предметы одежды (*папаха, френч, башлык, портянки, валенки, чесучовая рубашка, чакчиры, жупан, зефирная сорочка, тужурка, галифе, лапти, плахта*).

б) Предметы быта (*сахарная голова, самовар, сухарница, пила-фразе, колонка, опара, дутые лихачи, сливянка, махорка, кринка, дровни, баклажка, манерка, козетка, козья ножка, каменка*).

с) Искусство и культура (*золото-черный конногвардеец Брокгауз-Ефрон, балалайка, торбан, трехрядная итальянка, бандура*).

д) Виды труда и занятий (*повивальная бабка, податный инспектор*).

е) Обозначения мер и денежных единиц (*верста, сажень, катеринки, петры, николаи первые, ариши, карбованцы, гривны*).

2. Общественно-политические реалии

а) Реалии общественно-политической жизни (*большевики, банды красные, самодержавие, сердюки, сахарная карточка, Станислав на шее*).

Военные реалии (*улан, поручик, кавалергард, полковник, адъютант, гусар, вольноопределяющийся, владимировцы, константиновцы, алексеевцы, самокатчик*).

Возможности перевода реалий

Многие исследователи отмечают, что перевод реалий – непростая задача для переводчика. Так, чешский теоретик перевода И. Левый в книге «Искусство перевода» упоминает реалии в числе «крестных мук переводческих» [2, С. 149].

С. Влахов и С. Флорин сводят приемы передачи реалий к двум способам: транскрипции и переводу, называя эти понятия антонимическими. Под транскрипцией исследователи понимают «механическое перенесения реалии из ИЯ в ПЯ графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме». Перевод же реалии подразумевает использование следующих приемов: 1. Введение неологизма (калька, полукалька или освоение реалии). 2. Приблизительный (гипонимический) перевод (родовидовое соответствие, функциональный аналог или описание/толкование). 3. Контекстуальный перевод [1, С. 87].

Основные результаты

Обратимся к переводу романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» на чешский язык, чтобы рассмотреть практическое применение способов передачи реалий в художественном переводе.

Наиболее часто А. Моравкова прибегает к приёму транскрипции. Этим способом переведены такие реалии, как *папаха* (чеш. *paracha*), *башлык* (чеш. *bašlík*), *валенки* (чеш. *válenky*), *лапти* (чеш. *láptě*), *самовар* (чеш. *samovar*), *махорка* (чеш. *tachorka*), *бандура* (чеш. *bandura*), *верста* (чеш. *versta*), *большевик* (чеш. *bolševik*), *улан* (чеш. *ulan*), *гусар* (чеш. *husar*), *владимировцы*, *константиновцы*, *алексеевцы* (чеш. *vladimírovci*, *konstantinovci*, *alexejevci*). Перевод реалии *козья ножка* на чешский язык сочетает использование транскрипции и калькирования: *kozí nožka*.

В случаях, когда реалия, переведённая транскрипцией, может оказаться недостаточно информативной для читателя, используются другие способы перевода. Например, реалии *податный инспектор* (чеш. *berní inspektor*), *катеринки*, *петры*, *николаи первые* (чеш. *patnáct „kateřin“*, *devět „petrů“*, *deset „nikolajů“*), *банды красные* (чеш. *bandy rudé*), *сахарная карточка* (чеш. *lístek na cukr*), *вольноопределяющийся* (чеш. *dobrovolník*) переданы с помощью калькирования. Чаще всего данный прием используется для перевода реалий, выраженных словосочетаниями. В случае с реалией *трехрядная итальянка* (гармонь итальянского строя) чешская переводчица совмещает прием калькирования с генерализацией (чеш. *trojřadová harmonika*).

Генерализация также используется в следующих примерах: *френч* (чеш. *blůza*), *жупан* (чеш. *dlouhý kabát*), *тужурка* (чеш. *blůza*), *плахта* (чеш. *sukně*), *опара* (чеш. *těsto*), *каменка* (чеш. *kamna*), *сердюки* (чеш. *kozáci*), *сахарная очередь* (чеш. *fronta před obchodem*), *адъютант* (чеш. *štáb*), *дровни* (чеш. *sáně*). Чаще всего данный прием используется при переводе предметов одежды, отсутствующих в другой культуре. В некоторых случаях генерализация может приводить к омонимии реалий в переводе. Например, в чешском переводе понятие *blůza* используется одновременно для перевода реалий *френч* и *тужурка*.

В некоторых случаях переводчице удается найти функциональный аналог, эквивалент реалии, заменить незнакомое для читателя понятие знакомым, близким по семантике. Рассмотрим некоторые примеры. Предметы одежды *портянки*, *штаны-галифе* переданы сходными по значению словами: чеш. *opučky*, *jezdecké kalhoty*). Аналогом

реалии *сливянка* (наливка из слив) является чешская *slivovice* (сливовая ракия), чешское слово *krajáč* можно назвать полным аналогом реалии *кринка*. Для передачи синонимичных реалий *баклажка* и *манерка*, обозначающих походную фляжку, в чешском переводе используются понятия *čutora* (фляга) и *polní lahev* (фляга, бутылка). Реалия *козетка*, обозначающая маленький двухместный диванчик без цельной спинки, очень точно передана в чешском переводе словом *kanapíček* (диванчик). Реалия *повивальная бабка*, ассоциирующаяся с народной медициной, заменена в чешском переводе более нейтральным аналогом *porodní asistentka*, обозначающим акушерку. Прием поиска функционального аналога часто используется для перевода единиц мер и денег. Так, например, *сажень* на чешский передана эквивалентным понятием *sáh*. Общественно-политическую реалию *самодержавие* отражает понятие *samoděržaví*, используемое в языке для обозначения абсолютизма в царской России. Некоторые воинские звания и должности также переводятся с помощью близких по значению понятий в другом языке: *поручик* (чеш. *poručík*, звание поручика соответствует званию лейтенанта, является чешской калькой термина «лейтенант»), *полковник* (чеш. *důstojník* – офицер), *самокатчик* (военнослужащий самокатной части) (чеш. *motocyklista* – мотоциклист).

Некоторые реалии в следствие отсутствия эквивалента и невозможности транскрипции переведены описательно. Среди них – *чесучовая рубашка* (рубашка из плотной шелковой ткани желтоватого цвета) (чеш. *košile z čínského hedvábí* – рубашка из китайского шелка), *зефирная сорочка* (зефир – прочная хлопчатобумажная ткань из тонкой пряжи высокого качества) (чеш. *tenká košile* – тонкая рубашка), *дутые лихачи* (извозчики с экипажами на «дутых» резиновых шинах) (чеш. *rychlé drožky* – быстрые дрожки), *карбованцы* (чеш. *rublíky*), *зривны* (чеш. *desetikopejky*), *Станислав на шее* (чеш. *stanislavský řád na prsou*), *кавалергард* (чеш. *sloužil v osobní carově gardě* – служил в личной гвардии царя), *зажигай колонку* (чеш. *zatoř v koupelně* – затопи в ванной).

В редких случаях переводчица не совсем корректно воспринимает значение реалий, трансформируя их при переводе или опуская. Например, М. А. Булгаков сравнивает красные звезды и облака с цветом *чакчир*, гусарских штанов. Однако в чешском переводе вместо штанов появляются сапоги (*holínky*). При переводе реалий *сухарница* (предмет столовой посуды для подачи хлеба) и *пила-фраже* (нож для разрезания хлеба варшавской фирмы «Фраже») на чешский язык *сухарница* трансформируется в сахарницу (*cukřenka*), а нож – в сладкий миндаль (*slazené mandle*). Можно также предположить, что при переводе реалии *дутые лихачи* на чешский слово «лихачи» было понято как любители быстрой езды, отсюда – перевод *rychlé drožky* (быстрые дрожки), в то время как в оригинале подразумеваются извозчики с щегольскими экипажами, колеса которых покрыты «дудой» резиной. Перевод реалии *золото-черный конногвардеец Брокгауз-Ефрон* осложняется наличием в ней метафоры (золотые буквы на черном переплете словаря напоминают мундир конногвардейца). В чешском переводе передано олицетворение, однако опущена фамилия одного из издателей Энциклопедического словаря: *zlatočerní Brockhausové*. Не совсем верно передано значение реалии *торбан* (украинский народный музыкальный инструмент, родственник бандуре). В чешском переводе струнный инструмент заменен барабаном (*buben*). Также в чешском переводе оказались полностью опущены такие реалии, как *балалайка* и *аршин*.

Заключение

Таким образом, среди приемов, используемых чешской переводчицей для передачи реалий в художественном тексте, чаще всего встречаются транскрипция и функциональный аналог, реже – генерализация, калькирование и описательный перевод. Транскрипция позволяет передать фонетическую форму реалии, но для читателя, незнакомого с иностранной культурой, требует пояснения. Функциональный аналог помогает создать у читателя качественные представления путем замены незнакомой реалии на знакомую, однако в таком случае теряется заложенный в реалии национальный колорит. С помощью генерализации или принципа родовидовой замены можно приблизительно передать содержание реалии единицей с более широким значением. Калькирование позволяет перенести реалию при максимально верном сохранении семантики, но далеко не всегда без утраты колорита. К описательному переводу прибегают в тех случаях, когда реалию, не передаваемую транскрипцией, необходимо просто объяснить.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Влахов С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин – М.: Высшая школа, 1986. – 384 с.
2. Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы/Предисл. В. И. Сахарова. / М.А. Булгаков – Минск: Мастацкая літаратура, 1988. – 670 с.
3. Левый И. Искусство перевода / И. Левый – М.: Прогресс, 1974. – 395 с.
4. Чернов Г.Е. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. / Г.Е. Чернов // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – 1958. – XVI. – с. 226-227.
5. Супрун А.Е. Экзотическая лексика. / А.Е. Супрун // Филологические науки. – 1958. – 2. – с. 52-54.
6. Глоссарий "Белая гвардия" [Электронный ресурс] // Проза.ру. – 2016. – URL: <https://proza.ru/2016/08/19/305>. (дата обращения: 06.05.21)
7. Россельс В. М. Перевод и национальное своеобразие подлинника / Россельс В. М. // Вопросы художественного перевода. М.: Советский писатель, 1955. – С. 165-212.
8. Соболев Л. Н. О переводе образа образом / Соболев Л. Н. // Вопросы художественного перевода. М.: Советский писатель, 1955. – С. 259-309.
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.).

10. Bulgakov M. Bílá garda. Přeložila Alena Morávková. - Městská knihovna v Praze, 2019. - 489 s.
11. Slovník spisovného jazyka českého [Электронный ресурс]. – URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?db=ssjc> (дата обращения 13.05.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Vlaxov S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation] / S. Vlaxov, S. Florin – M.: Vysshaya shkola, 1986. – 384 p. [in Russian]
2. Bulgakov M.A. Belaya gvardiya; Master i Margarita: Romany' / Predisl. V. I. Saxarova. [The White Guard; The Master and Margarita: Novels/Preface V. I. Sakharov] / M.A. Bulgakov – Minsk: Mastaczkaya li'taratura, 1988. – 670 p. [in Russian]
3. Levy'j I. Iskustvo perevoda [Art of translation] / I. Levy'j – M.: Progress, 1974. – 395 p. [in Russian]
4. Chernov G.E. K voprosu o peredache beze'kvivalentnoj leksiki pri perevode sovetskoj publicistiki na anglijskij yazy'k [To the question of translating non-equivalent vocabulary while translating Soviet articles into English language]. / G.E. Chernov // Ucheny'e zapiski 1-go MGPIIYa [Proceedings of the 1-st MGPIIY]. – 1958. – XVI. – p. 226-227. [in Russian]
5. Suprun A.E. E'kzoticheskaya leksika [Exotic vocabulary]. / A.E. Suprun // Filologicheskie nauki [Philological sciences]. – 1958. – 2. – p. 52-54. [in Russian]
6. Glossarij "Belaya gvardiya" [Glossary "The White Guard"] [Electronic resource] // Proza.ru. – 2016. – URL: <https://proza.ru/2016/08/19/305>. (accessed: 06.05.21) [in Russian]
7. Rossels V. M. Perevod i natsionalnoye svoeobrazie podlinnika [Translation and national identity of the original] // Voprosy chudozhestvennogo perevoda [Questions of literary translation]. M.: Sovetskij pisatel, 1955. – P. 165-212. [in Russian]
8. Sobolev L. N. O perevode obraza obrazom [About translation of an image by an image] // Voprosy chudozhestvennogo perevoda [Questions of literary translation]. M.: Sovetskij pisatel, 1955. – P. 259-309. [in Russian]
9. Tolkovyj slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language] / Pod. red. D. N. Ushakova [edited by D. N. Ushakov]. — M. : Gos. int-t «Sov. entsikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1935-1940. (4 v.). [in Russian]
10. Bulgakov M. The White guard [Bila garda]. Translated by Alena Moravkova. - Městská knihovna v Praze, 2019. - 489 s.
11. Slovník spisovného jazyka českého [Dictionary of standard Czech language] [Electronic resource]. – URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?db=ssjc> (accessed: 13.05.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.41>

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ЛИРИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ ШОТЛАНДСКОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ПОЭЗИИ США XIX В.: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Научная статья

Велилаева Л.Р. *

ORCID: 0000-0002-6491-8633,

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

* Корреспондирующий автор (lilivelilaeva[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются основные типы лирических ситуаций, среди которых можно выделить бытовые, политические, философские и религиозные. Религиозный аспект поэтических текстов шотландских эмигрантов XIX века определяет их идеологическую составляющую и реализует мифогенную функцию. Это повлияло на выбор персонажей, их характеристику, а также определение типовых ситуаций. Эмиграция в данном контексте приобретает божественный смысл и связана с библейскими мотивами «Земли Обетованной» и «избранного народа». Шотландцы потеряли свою «старую» Родину, но Бог дал им возможность в новой стране создать свой – потерянный и обретенный – рай. Именно Америка – целина, которую нужно превратить в место изобилия и благоденствия.

Ключевые слова: Шотландия, США, эмиграция, поэзия, XIX век.

PATRIOTIC MOTIFS AND LYRICAL SITUATIONS OF SCOTTISH EMIGRATIONAL POETRY OF THE USA OF THE SIXTH CENTURY: RELIGIOUS ASPECT

Research article

Velilaeva L.R. *

ORCID: 0000-0002-6491-8633,

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia

* Corresponding author (lilivelilaeva[at]yandex.ru)

Abstract

The article deals with the main types of lyrical situations, among which can be distinguished domestic, political, philosophical and religious. The religious aspect of the poetic texts of Scottish emigrants of the XIX century determines their ideological component and implements mythogeneric function. This affected the choice of personages, their characteristics, as well as the definition of model situations. Emigration in this context acquires divine meaning and is associated with the biblical motifs of the «Promised Land» and «Chosen People». The Scots lost their «old» homeland, but God gave them the opportunity in the new country to create their own – lost and acquired – Paradise. It is America that is virgin land, which needs to be turned into abundant and prosperous place.

Keywords: Scotland, the USA, emigration, poetry, XIX century.

Introduction

Scottish emigration to the United States is a long and diverse phenomenon that determined the life of Scots of the XIXth century on both sides of the Atlantic Ocean and had a huge impact on the history, culture and literature of both countries. Scottish emigrational poetry of the XIXth century is a separate chapter in the history of Scottish and American literatures, and the patriotic motives are key in understanding this poetry.

The purpose of this work is to analyze religious aspect of lyrical situations through which patriotic motives are introduced in the poetry of Scottish emigrants of the USA of the middle of the XIX century. It was necessary to solve the following **tasks**: 1) to systematize typical lyrical situations; 2) to determine the relevance of religious aspect of patriotic motives; 3) to analyze peculiarities of poetic realization of the religious aspect in different levels: domestic, political, philosophical.

The **material** of this research work – the poetic texts of the Scottish emigrants of the middle of the XIX century. The **novelty** of the study consists in an attempt to distinguish, systemize and analyze different levels of religious aspects of Scottish emigrational poetry in its relevance for patriotic motives of that poetry.

Historic and literary approach and methods of contextual and analyses are used in the article.

Among lyrical situations, through which the patriotic motives of Scottish emigrational poetry are transformed into text, are situations domestic, political, philosophical and religious.

Religious situations are on the upper hierarchical stage (J. Lyon's «Confidence in God», D.M. Henderson's «A Charity Sermon» or «Oh, Lippen and be leal»).

An illustration of *political* situations in patriotic discourse, in addition to those already cited, can be D.M. Henderson's «Wallace» and «Scotland Mine».

The texts of the *philosophical* orientation associated with the motive of love for Scotland are J. Patterson's elegy «Dreaming» or J. Kennedy's «To My Native Land».

Examples of *domestic* situations in patriotic discourse are H. Ainslie's «Morning Sang», D.M. Crerar's «Caledonia's Bluebells» or J.D. Crichton's «The Emigrant Shepherd's Lament».

Is it possible, however, to consider that the patriotic motives and the image of Scotland as the Motherland had any relevance to the texts of the religious discourse of Scottish emigrational poets? In our opinion, it is not only possible, but inevitable.

All waves of Scottish emigration of the New time, from the earliest (the end of the XVIth – the beginning of the XVIIth centuries) to later (for us – until the end of the XIXth century), necessarily had for their departure, besides others, some religious motives. The earlier these emigrational waves were, the more their religious motives are self-evident and dominant. However, even the emigrational flows of the XIXth century: the epoch, when the loyalty and faithfulness to one or another denomination has no longer resulted «at home», in the UK, with the mortal danger; the epoch, when financial, social (career) and status successes became primary – the religious excuse for emigration was still felt as necessary. Only it could give departure from the «old» homeland a real ideological authority, moral prestige, and the emigrant itself is a positive attitude of the environment as «old» and on the «new» homeland [1], [2], [3], [11]. Therefore, in the poetry of Scottish emigrants, patriotic theme is so sustainably accompanied by the religious motives of the mission and searches of Paradise.

In everyday life, this required an accent on the moral qualities of the characters (loyalty, dedication, etc.) and / or on their «good» deeds (labor assistance, charity, etc.). Such qualities and actions (as the authors wanted to show) became in a full scale possible only in the conditions of the "new" homeland, although they were brought up in the homeland «old»: «<...> Ane built a kirk, and fee'd it fair; / Ane built the puir, the sick, the lame / A snug and bien' like restin' place. / And call'd it a Saint Andrew's Hame. / And to the puir at hame, some wealth / They freely spent baith spring and simmer, / And mony a frail man blessed their names. / And for their peace pray'd mony a kimmer. <...>» [7, P. 89-91].

In political terms, the situation was selected on the principle of similarity. First of all, the plots of wars for independence and political trials became central in patriotic texts, relevant for both Scotland and the USA. This can be found in poetic works of D.K. McCullum («Soldier's Song of Freedom»), P. MacPherson («Dark Culloden Day (April 16, 1746)»), W. Anderson («Scotland Forever», «Old Glory»), H. McCulloch («Centennial, 1876»), J. Kennedy («The Highlanders in Tennessee»).

At the same time, God himself could be the main personage in the system of lyrical characters, and the composition itself was often marked by a sermon or her final — a moral «lesson» for listeners (D.M. Henderson's «Sermon»).

In the philosophical plan, the motive of the Motherland (both «old» and «new») was transformed into the motive of the «Promised Land», the people became the «People elected», and the hero in the «God's worker / preacher / warrior». Examples include the texts of R. Whittet («Home Should Be Beautiful»), W. Anderson («There's Nae Land Like Old Scotland»), D. M. Henderson («Columbia — Hail to thee»), J.D. Law («Hurrah for Pennsylvania!»).

Religious situations, religious motives at the US Scots Poets create not only the highest, but also the most syncretic level of generalization of their emigrant's experience. This allows different authors to attribute their texts from different genres with a unified mythic function.

Such an original religious adaptation of the patriotic motif suggested, for example, Robert Whittet. In his poem «Home Should Be Beautiful» everything seemed to be traditional: both God, and Man, and Paradise, and the Earth. Paradise is a house that God created for people. This house-Paradise God holds under his secures, while a human continues his earthly affairs and his life. However, this beautiful Paradise is created as a pattern. According to it, a person can become an employee of God: to create a Paradise on Earth, to make his new earthly house — a new country of his living. God «<...> Full plenished with fruit and flower, / And over all revealed – (that we / May strive to copy) faithfully) – / The pattern of His home above! / Then be it ours, while life is given, / To make earth's home like that of heaven!» [10, P. 116].

There appears a chain of similarities: God → man; Paradise → Afterlife; Paradise beauty as the creativity of God → Earthly beauty as a man's work; Dual meaning of «home», earthly and heavenly, «old» and «new».

In the context of the emigrational situations under consideration, this chain of similarities is lengthened by another link: America, new world. America is also a virgin land, requiring human work (the poem of J.C. Moffat «Tamers of the Ground»). This is the earthly paradise as well, the place of abundance and prosperity. It turns out that the whole text of R. Whittet, imposed on the biblical background, is also a story about the former homeland, which (like paradise) human has lost, but God has retained it for a person, – and about New homeland that a person is intended to turn from primitive paganism to a true faith with the help of spiritual work.

Conclusions

1. 4 main groups of lyrical situations can be distinguished: domestic, political, philosophical and religious.
2. Religious aspect of patriotic votives was important and of high significance.
3. This was determined by its ability to elevate ideological authority of Scottish emigration of the XIXth century.
4. Religious situations and religious motives represent the generalization of emigrant's experience in the highest and the most syncretic level and allow to show the appearance of New Paradise for Scottish emigrants.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Black G.F. Scotland's mark on America / G.F. Black. – New York: Scottish section of "America's making", 1921. – 126 p.
2. Brown L.J. Literature of Immigration and Racial Formation / L.J. Brown. – London: Taylor & Francis, 2004. – 160 p.
3. Bumsted J. M. The people's clearance: Highland emigration to British North America 1770-1815 / J. M. Bumsted. – Edinburg: Edinburgh University Press, 1981. – 200 p.
4. Carruthers G. Scottish literature / G. Carruthers. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 228 p.
5. Crawford R. Scotland's Books: the Penguin History of Scottish Literature / R. Crawford. – London: Penguin, 2007. – 830 p.
6. Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices / J.D. Ross. – New York:

Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p.

7. Ross J.D. Random Sketches on Scottish Subjects / J.D. Ross. – London: Alexander Gardner, 1896. – 146 p.
8. Ross P. Scot in America / P. Ross. – New York: The Raeburn book company, 1896. – 446 p.
9. Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices / J.D. Ross. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p.
10. Scottish Emigration and Scottish Society / ed. by T.M. Devine. – Edinburgh, 1994. – 200 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.42>**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «SCIENCE» В РОМАНЕ СИНКЛЕРА ЛЬЮИСА «ЭРРОУСМИТ»**

Научная статья

Хомутникова Е.А. *

ORCID: 0000-0002-7139-3230,

Курганский государственный университет, Курган, Россия

* Корреспондирующий автор (ea7878[at]mail.ru)

Аннотация

Творчество С. Льюиса представляет интерес в силу своей социальной значимости. Проанализированы лексические средства вербализации концепта «Наука» в романе Синклера Льюиса «Эрроусмит». Наука – основной концепт романа, для описания которого С. Льюис использует такие лексические средства, как science, chemistry, medicine, bacteriology, biology, physics, anatomy, scientist, doctor, professor, study, research, method, approach, test, analysis, experiment, formula, laboratory, cabinet, classroom, solution, microscope, reaction, substance, syringe, burner. Оригинальная картотека исследования состоит из 27 лексических единиц, 1008 употреблений. Отмечается, что наиболее ярко научную семантику в романе выражают слова science и scientist. Данные лексические единицы обретают в художественном тексте коннотативные семы, поэтому описаны в статье более детально. В результате исследования обозначилась тенденция использования С. Льюисом словарных значений слов, вербализующих концепт «Наука». При этом писатель иногда наделяет научную лексику новыми, окказиональными смыслами, внося в концепт «Наука» собственное видение. Практическая значимость исследования связана с преподаванием английского языка и с использованием его материалов при составлении словаря языка писателя.

Ключевые слова: лексика, концепт, наука, Синклер Льюис, «Эрроусмит».

LEXICAL MEANS OF VERBALIZATION OF THE "SCIENCE" CONCEPT IN SINCLAIR LEWIS'S "ARROWSMITH"

Research article

Khomutnikova E.A. *

ORCID: 0000-0002-7139-3230,

Kurgan State University, Kurgan, Russia

* Corresponding author (ea7878[at]mail.ru)

Abstract

Sinclair Lewis's literary heritage is of interest due to its social significance. The lexical means of verbalization of the concept "Science" in Sinclair Lewis's novel "Arrowsmith" are being analyzed in this article. "Science" is the basic concept of the novel, in order to implement this concept into the text structure, the narrator uses such lexical units, as science, chemistry, medicine, bacteriology, biology, physics, anatomy, scientist, doctor, professor, study, research, method, approach, test, analysis, experiment, formula, laboratory, cabinet, classroom, solution, microscope, reaction, substance, syringe, burner. The original research card file consists of 27 lexical units, 1008 occurrences. It is noted that the most vividly scientific semantics in the novel is expressed by the words science and scientist. These lexical units acquire connotative semes in the literary text, therefore, they are described by the authors of the article in more detail. The results of the research enabled to reveal S. Lewis's tendency to employ mostly the dictionary meanings of lexemes that verbalize the concept "Science". At the same time, the novelist sometimes endows scientific vocabulary with new, occasional meanings, introducing his vision into the concept. The practical application of the article might be effected through its incorporation into academic courses of English language, the research materials might further be used in compiling a dictionary of the writer's language.

Keywords: lexis, concept, science, Sinclair Lewis, Arrowsmith.

Introduction

Modern researches on the concept "Science" affect the philosophical, social, cultural, linguistic aspects. Socio-philosophical edge of this concept is considered in the article by S. Chernozub "The concept of national science in the new discourse of civilizations" [1].

The research in the features of verbalization of the concept "Science" does not lose its relevance in the works of scientists. For example, N.V. Butorina examines the lexico-semantic field "Science" in Russian and English languages [2], Ya. V. Zubkova's studies are devoted to comparative analysis of the concept «Science» in German and Russian cultures [3].

The purpose of our research is to analyze the lexical means engaged in verbalization of the concept "Science" in the novel "Arrowsmith" by Sinclair Lewis.

Research objectives: to determine the social significance of the novel "Arrowsmith"; to compile a card index of lexical units verbalizing the concept "Science" in the novel; to reveal the semantic peculiarities of lexical means engaged in verbalization of the concept "Science" in S. Lewis's novel "Arrowsmith".

Research methods: descriptive method, field method, component analysis method. The material of the research is a card index compiled through the application of the method of continuous sampling to the studied text, the card index consists of 27 lexical units and 1008 occurrences.

In 1930 Sinclair Lewis became the first US writer who won the Nobel Prize in Literature "for his powerful and expressive narrative art and rare skill to create new types and characters with satire and humor." His Nobel speech "The American Fear of

Literature" caused a wide public resonance, because in this speech Lewis spoke against those who are "afraid of any literature except the one that exalts everything American, equally advantages and disadvantages" [4].

Among his most popular works are "Our Mr. Wrenn", "The Job", "Main Street", "Babbitt" "The Man who knew Coolidge", "Elmer Gantry", "Arrowsmith".

The study of S. Lewis's literary heritage is relevant for modern researchers, for example, the works of such scientists as Edward Sorel [5], Ashley Walters [6], Ian Afflerbach [7], Andrew Ball [8], Isabel Marin Gomez [9] are devoted to it.

Main results

The novel "Arrowsmith" is named for the main character — a young American physician, microbiologist Martin Arrowsmith. One of the strands of the narrative is depiction of the "genius of science" — an old German professor working in the USA, Max Gottlieb. Another narrative thread is the collision of general scientific interests with personal or business interests. According to many scholars, the novel very accurately depicts the atmosphere of scientific research.

While working on the manuscript, Sinclair Lewis investigated into the matter and read a lot of scientific literature, personally met many scientists. Most of the novel's characters have real prototypes.

S. Lewis's "Arrowsmith" reflects the broad and significant theme of contradiction between capitalism and science. In terms of science the choice fell on medicine and biology because, as the novelist mentioned before, in these fields the acute influence of capitalism can be traced.

The addresser reveals all the ins and outs of the interaction between science and capitalism, highlighting various aspects of the life of private doctors, the processes of functioning of private clinics, as well as institutes of hygiene and research institutions. The protagonist, Arrowsmith, along with his colleague Terry Wickett, hides in the wilderness, developing serums, earning money for scientific research. Sinclair Lewis is quite pessimistic in his novel when touching on the theme of contradiction of science and capitalism, for as he notes science turns into an object of purchase and sale. Cultivation of a scientist-careerist image is the main aim and characteristic of capitalism. As I.O. Mazirka notices, in the novel there are no prospects beyond the framework of capitalism, therefore the author takes the side of those who are going against the current, the side of those who seek to achieve true progress in science despite capitalist interests and needs [10].

Thus, contradiction of science and capitalism becomes the key strand of the narrative; the main conflict of the novel — between the protagonist-scientist and society — is formed around it. "Arrowsmith" undoubtedly reveals social problems that remain more than relevant nowadays, in this aspect, the text of the novel and in particular the concept "Science" is of great interest for social and linguistic research. A number of additional nuances in realization of scientific theme of the novel should be marked out, they are mostly connected with the personality of the main character. It is not by chance that the author places the name of the main character of the novel into its title — the strong position of the text. Science turns out to be the basis that brings the scientist's intrapersonal conflict into society, giving rise to the science-morality contradiction.

According to our observations, in order to reveal the state of science and scientific community in America, S. Lewis employs in his novel 27 lexical units (1008 uses) associated with science: *science* (94), *chemistry* (47), *medicine* (39), *bacteriology* (15), *biology* (14), *physics* (8), *anatomy* (5), *scientist* (75), *doctor* (58), *professor* (49), *study* (144), *research* (46), *method* (25), *approach* (24), *test* (21), *analysis* (20), *experiment* (18), *formula* (3), *laboratory* (164), *cabinet* (78), *classroom* (14), *solution* (14), *microscope* (13), *reaction* (8), *substance* (4), *syringe* (4), *burner* (4).

The authors included these lexical units into the concept "Science" and presented it in the form of a field, with the lexical unit *science* in the core of the concept and the near periphery including various fields of science (*medicine, anatomy, biology, bacteriology, chemistry, physics*) and science workers (*scientist, professor, doctor*). To the far periphery the authors referred units, which name scientific activities and cover the processes of scientific research, observations and experiments (*study, research, method, approach, test, analysis, experiment, formula, laboratory, cabinet, classroom, solution, microscope, reaction, substance, syringe, burner*) (Table 1).

Table 1 Semantic and quantitative correlation of the lexis included in the field of the concept "Science" in S. Lewis's novel "Arrowsmith"

Table 1 — Semantic and quantitative correlation of the lexis included in the field of the concept "Science" in S. Lewis's novel "Arrowsmith"

The place of the lexical unit in the concept field	Lexical unit	Lexical meanings and number of uses
Core	Science	The total number of uses is 94, in terms of: Science — 74 Scientific — 5 Scientific work — 4 Scientist — 3 Knowledge — 2 Science (Medicine) — 1 Science (as a human, woman) — 1 Education — 1 Scientific fact — 1 Scientific information — 1 Scientific world — 1
Near periphery	Chemistry Medicine Bacteriology Biology Physics Anatomy Scientist Doctor Professor	47 39 15 14 8 5 75 58 49
Far periphery	Study Research Method Approach Test Analysis Experiment Formula Laboratory Cabinet Classroom Solution Microscope Reaction Substance Syringe Burner	144 46 25 24 21 20 18 3 164 78 14 14 13 8 4 4 4

The core of the concept "Science" — the lexical unit *science* occurs in the novel "Arrowsmith" quite often (94 uses) and in various meanings, the authors will consider the details below.

In order to get a thorough understanding of the meaning of the lexical unit *science* the authors turned to the etymological dictionary of the English language, where the word *science* has the following meaning: "what is known, knowledge (of something) acquired by study; information", "assurance of knowledge, certitude, certainty" [11]. In modern English the lexeme *science* denotes a scientific discipline, a branch of science [12].

In English, the word *science* means what in Russian is denoted by the phrase natural sciences. Since the term *science* denotes only natural sciences, it is worth considering the entire classification of sciences in English: exact sciences, social sciences/studies, applied sciences, humanities/arts. In English, the following expressions are recorded with the term *science* and its derivatives: be a scientist — "to engage in science", give oneself up / devote oneself wholly to science/scholarship — "to surrender to science"; men of science/scholars — "people of science"; let this be a lesson — "this is science for you." The authors can conclude from the above, that the notion *science* can be expressed by the word *lesson*.

Let us consider the meaning of the word *science* in the Oxford Dictionary:

"1. The intellectual and practical activity encompassing the systematic study of the structure and behavior of the physical and natural world through observation and experiment.

2. A particular area of science.

3. A systematically organized body of knowledge on a particular subject.

4. (archaic) Knowledge of any kind" [13].

The lexical unit *science*, according to our data, is used by Sinclair Lewis in the novel "Arrowsmith" in the following meanings:

· science (74 uses);

- scientific (5 uses);
- scientific work (4 uses);
- scientist (3 uses);
- knowledge (2 uses);
- science (as Medicine) (1 use);
- science (as a living organism, as a woman) (1 use);
- scholarship (1 use);
- scientific evidence (1 use);
- scientific baggage (1 use);
- scientific world (1 use).

All these meanings correspond to the meanings of the word *science* in the Oxford Dictionary.

The use of the lexical unit in the context of the novel is seen through this example:

"You do not! They say, 'Oh, sure, *science* is all right in its way; helps a doc to treat his patients,' and then they begin to argue about whether they can make more money if they locate in a big city or a town, and is it better for a young doc to play the good-fellow and lodge game, or join the church and look earnest" [14].

The lexical unit *science* is used in its first direct dictionary meaning, which is "a particular area of science". But, at the same time, there are some sentences in which the lexical unit *science* bears the meaning "knowledge".

For example: "I don't care whether he has all *science* at his fingertips, whether he can instantly diagnose with a considerable degree of accuracy the most obscure ailment, whether he has the surgical technique of a Mayo, a Crile, a Blake, an Ochsner, a Cushing" [14].

In the meanings of this lexical unit, in addition to the dictionary and contextual meanings, there is a connotative one, which might be formulated as "the main purpose of a scientist's life" since for the protagonist science is equated with the meaning and purpose of life, without which the true scientists cannot imagine themselves.

The near periphery of the field of the concept "Science" in the novel includes the fields of branches of science and workers of science.

The most common word in this group is *chemistry* (47 uses). For example: "His idol was Professor Edward Edwards, head of the department of *chemistry*, who was universally known as "Encore" [14].

The following example "Who the dickens has been talking scandal about my organic *chemistry*? " shows the presence of an emotional attitude to chemistry and a positive connotation in the meaning of this word [14].

This lexical unit *chemistry* is found in the novel in the direct meaning of "science that studies chemical processes."

The field of science, which is the most important to the protagonist of the novel, is medicine. This word is used 39 times in the novel.

In Oxford Dictionary, this lexical unit has the following meanings:

"1. The science or practice of the diagnosis, treatment, and prevention of disease (in technical use often taken to exclude surgery)

2. A drug or other preparation for the treatment or prevention of disease. (especially among some North American Indian peoples) a spell, charm, or fetish believed to have healing, protective, or other power [13].

For example:

"In college he had felt that prosody and Latin Composition were futile, and he had looked forward to the study of *medicine* as illumination" [14].

"I tell you, you fellows are the kind that keep *medicine* nothing but guess-work diagnosis, and here you have a man" [14].

S. Lewis uses dictionary meanings of lexical unit *medicine*, nevertheless, medicine is an important part of the protagonist's life, as well as science in general.

The following aspect to consider is the role of the lexical unit *scientist*, which refers to the near periphery of the concept "Science" in the novel and designates workers of science. This word occurs in the novel 75 times, mainly in the following meanings:

- scientist (72 uses);
- scholarship (1 use);
- professor (1 use);
- wise men of science (1 use).

According to Oxford dictionary, the meaning of the word *scientist* (noun) is determined as following: "a person who is studying or has expert knowledge of one or more of the natural or physical sciences" [13].

In the novel the word *scientist* might be found in the following context: «And in the whole Institute there was not one man who would, in all states of liquor, assert that the work of any other *scientist* anywhere was completely sound, or that there was a single one of his rivals who had not stolen ideas from him» [14].

Here the word *scientist* is used in its direct dictionary meaning, however, there are examples in which one sees that the word is used in the meaning of "learning".

For example: "The wire-gang were as healthy and as simple as the west wind; they had no pretentiousness; though they handled electrical equipment they did not, like medics, learn a confusion of scientific terms and pretend to the farmers that they were *scientists*" [14].

In most of examples, this lexical unit is used in its direct meaning, however, there are also additional connotations in the description of scientists and teachers, who have different opinions about science and its purpose. All those who put money above scientific research receive the title of "pseudo scientists", people who do not deserve to call themselves true scientists.

To the far periphery of the semantic field the authors attributed scientific activities and processes of scientific research, observations and experiments. The most common units were *study* (144 uses) and *laboratory* (164 uses). Let us refer to the examples, showing these lexemes in the context of the novel:

"If the business of the Institute was not more complicated thereby, certainly its placidity was the more disturbed by the appearance of Gustaf Sondelius, who had just returned from a study of sleeping sickness in Africa and who noisily took one of the guest *laboratories*" [13].

"He thought of working in a *laboratory* at night, alone, absorbed, contemptuous of academic success and popular classes" [14].

It shall be noted that these lexemes bear a direct dictionary meaning. The fact that they are used more frequently than others indicates that the studying process plays the most important role in the life of a scientist, and the laboratory is the place where all the stages of scientific research take place. Laboratory is the place where scientists spend most of their day, devoting their time and energy to science, which comes before everything.

Conclusion

Having studied the concept "Science" in Sinclair Lewis's novel "Arrowsmith", the authors came to the conclusion that this concept certainly differs from a general language concept. It can be proved by the fact that the writer includes only certain branches of science, without touching on the humanitarian sections. The lexical units that verbalize the concept "Science" in the novel in most cases have a dictionary meaning. However, S. Lewis's creativity in using scientific vocabulary results in introduction of additional connotative senses into the novel that enrich the text and make it an unforgettable piece of literary work. It shall be noted that negative and positive connotations mainly indicate the mood, attitude and emotions of the author while he describes various scientific phenomena. Sinclair Lewis extols science over money, showing the reader that there are still "pure scientists" who devote their lives to scientific research and are not interested in the material side of the issue.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Чернозуб С.П. Концепт национальной науки в новом дискурсе цивилизаций. / С.П. Чернозуб // Историческая психология и социология истории. – 2012. – 5. № 1. – с. 43-61.
2. Буторина Н.В. Лексико-семантическое поле слова Наука. / Н.В. Буторина // Грамота. – 2008. – № 8 (15). II. – с. 16-18.
3. Зубкова Я.В. Концепт «Наука» в немецкой и русской лингвокультурах. / Я.В. Зубкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 10. – с. 40-43.
4. Lewis S. The American Fear of Literature [Electronic resource] / Lewis S. // – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1930/lewis/lecture/> (accessed: 01.07.2021)
5. Sorel E. That time when Theodore Dreiser slapped Sinclair Lewis in the face / Sorel E. // New York times book review. 2021. V. 126. P. 23.
6. Walters A. "Oriental Leaven": Anna and Rose Strunsky in the Unpublished Writings of Jack London and Sinclair Lewis / Walters A. // American jewish history. 2020. V.104. №. 2-3. P. 323-345.
7. Afflerbach I. Sinclair Lewis and the liberals who never learn: reading politics in it can't happen here / Afflerbach I. // Studies in the novel. 2019. V.51. №. 4. P. 523-545.
8. Ball A. J. "Christianity incorporated": Sinclair Lewis and the taylorization of american protestantism / Ball A. J. // Religion & literature. 2018. V.50. №. 1-2. P. 65.
9. Gomez I. M. The history of social work in the Contemporary Literature. Ann Vickers by Sinclair Lewis / Gomez I. M. // Historia social. 2018. № 90. P. 85.
10. Мазирка И. О. Романы Синклера Льюиса 30-40-х гг. XX в.: Эволюция проблематики, своеобразие жанра и стиля: дис. канд. филол. наук. Москва, 2000. 534 с.
11. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/search?q=science> (accessed: 14.07.2021)
12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/science> (accessed: 14.07.2021)
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 14.07.2021)
14. Lewis S. Martin Arrowsmith / Lewis S. Signet Classics, Signet, 2008. 480 P.

Список литературы на английском / References in English

1. Chernozub S.P. Koncept nacional'noj nauki v novom diskurse civilizacij [Concept of national science in the new discourse of civilizations]. / S.P. Chernozub // Istoricheskaya psixologiya i sociologiya istorii [Historical psychology and sociology of history]. – 2012. – 5. № 1. – p. 43-61. [in Russian]
2. Butorina N.V. Leksiko-semanticheskoe pole slova Nauka [Lexico-semantic field of the word Science]. / N.V. Butorina // Gramota [Diploma]. – 2008. – № 8 (15). II. – p. 16-18. [in Russian]
3. Zubkova Ya.V. Koncept «Nauka» v nemeczkoj i russkoj lingvokul'turax [Concept "Science" in German and Russian linguocultures]. / Ya.V. Zubkova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of

the Volgograd State Pedagogical University]. – 2010. – № 10. – p. 40-43. [in Russian]

4. Lewis S. The American Fear of Literature [Electronic resource] / Lewis S. // – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1930/lewis/lecture/> (accessed: 01.07.2021)

5. Sorel E. That time when Theodore Dreiser slapped Sinclair Lewis in the face / Sorel E. // New York times book review. 2021. V. 126. P. 23.

6. Walters A. "Oriental Leaven": Anna and Rose Strunsky in the Unpublished Writings of Jack London and Sinclair Lewis / Walters A. // American jewish history. 2020. V.104. №. 2-3. P. 323-345.

7. Afflerbach I. Sinclair Lewis and the liberals who never learn: reading politics in it can't happen here / Afflerbach I. // Studies in the novel. 2019. V.51. №. 4. P. 523-545.

8. Ball A. J. "Christianity incorporated": Sinclair Lewis and the taylorization of american protestantism / Ball A. J. // Religion & literature. 2018. V.50. №. 1-2. P. 65.

9. Gomez I. M. The history of social work in the Contemporary Literature. Ann Vickers by Sinclair Lewis / Gomez I. M. // Historia social. 2018. № 90. P. 85.

10. Mazirka I.O. Romany Sinklera L'yuisa 30-40-h gg. HKH v.: Evolyuciya problematiki, svoeobrazie zhanra i stilya [The novels of Sinclair Lewis 30-40s. XX century: Evolution of problems, originality of genre and style]. Dis... PhD in Philology. Moscow, 2000. 534 p.

11. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/search?q=science> (accessed: 14.07.2021)

12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/science> (accessed: 14.07.2021)

13. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 14.07.2021)

14. Lewis S. Martin Arrowsmith / Lewis S. Signet Classics, Signet, 2008. 480 P.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА-АНТРОПОНИМЫ В КИТАЙСКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СЯНШЕН

Научная статья

Шамотина Э.А. *

Специалист ЮНЕСКО по лингвистике, Ланьчжоу, КНР

* Корреспондирующий автор (elya240579[at]mail.ru)

Аннотация

Актуальность темы исследования изучения прецедентных имен - антропонимов в юмористическом тексте сяншен определяется значимостью прецедентных феноменов для межкультурного общения в современном обществе. Знание и понимание прецедентных имен китайскоязычного дискурса, умение их использовать в своей речи – очень важный момент при изучении китайского языка и культуры. Понимание юмора другой культуры – является показателем знания иностранного языка. Практическая значимость исследования: данное исследование может быть использовано на практических занятиях по китайскому языку для иностранцев.

Целью данного исследования является анализ функционирования прецедентных имен-антропонимов, использованных в китайских традиционных юмористических текстах сяншен (相声).

Задачи исследования: 1. определить теоретическую базу исследования, раскрыть суть понятий «прецедентное имя», «прецедентное имя-антропоним», «сяншен»; 2. изучить юмористические тексты сяншен на наличие прецедентных имен-антропонимов; 3. проанализировать прецедентные имена - антропонимы, использованные в сяншен.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентное имя-антропоним, сяншен, китайский язык.

PRECEDENT ANTHROPONYM NAMES IN THE TEXTS OF THE CHINESE COMIC GENRE XIANGSHENG

Research article

Shamotina E.A. *

UNESCO Linguistics Specialist, Lanzhou, China

* Corresponding author (elya240579[at]mail.ru)

Abstract

The relevance of the research topic of the study of precedent anthroponym names in xiangsheng can be attributed to the significance of precedent phenomena for intercultural communication in today's society. Knowledge and understanding of the precedent names of the Chinese-language discourse, the ability to use them in one's speech is a very important point when studying the Chinese language and culture. Understanding the humor of another culture is an indicator of knowledge of a foreign language. The practical significance of the study lies in the fact that it can be used in practical classes of Chinese for foreigners.

The purpose of this study is to analyze the functioning of precedent names-anthroponyms used in the Chinese traditional comic texts xiangsheng (相声).

The research sets the following objectives: 1. To determine the theoretical basis of the study, to explore the essence of the concepts of "precedent name", "precedent name-anthroponym", "xiangsheng"; 2. To study the humorous texts of xiangsheng for the presence of precedent names-anthroponyms; 3. To analyze the precedent names - anthroponyms used in xiangsheng.

Keywords: precedent name, precedent name-anthroponym, xiangsheng, Chinese.

Введение

Прецедентные имена – это неотъемлемая часть культурного наследия, которое передается из поколения в поколение. Использование прецедентных имен в дискурсе – это лакмусовая бумага образованности носителя языка.

Примеры использования прецедентных имен, использованные в статье, говорят о том, что среднестатистический гражданин Китая знаком с этими именами. Имена литературных героев, исторических личностей, используемые в этих текстах, изучаются в школе, звучат в телевизионных программах, встречаются в СМИ. Эти имена являются неотъемлемой частью китайскоязычного дискурса.

Методы и принципы исследования

Методология определена объектом и предметом: используются метод сплошной выборки, описательный метод, метод наблюдения, контекстологический анализ, прагматический анализ.

Обсуждение

Сяншен (相声 xiang sheng) – разговорный юмористический жанр, один из самых популярных в Китае.

Сяншэн – один из самых древних китайских комических жанров и до сих пор любим публикой. Лингвистическое наполнение текстов, их тематика, сам процесс «живого» выступления и реакция зрительской аудитории имеют социокультурные, национально-специфические особенности, позволяющие понять менталитет и ценностные ориентиры китайского народа. [10, С.167]

Согласно историческим записям, еще в весенне-осенний период воюющих государств (722-481 гг. до н. э.) существовала «单口相声» (dan kou xian sheng) – сатирический монолог, тогда в народе называвшаяся «滑稽戏» (hua ji xi) – театральная комедия, фарс.

В 1860-е годы во время правления династии Цин (1644-1911 гг.) на открытом воздухе выступали мастера слова, которые своими выступлениями пытались привлечь внимание к социальным и политическим проблемам страны.

В середине прошлого века сяньшен распространяется по Китаю и завоевывает любовь народа. Примерно в это же время комедийные монологи сяньшен уступили место диалогам.

Согласно терминологии сяньшэн ведущего принято называть 逗哏 или 甲 (первый), подыгрывающего называют 捧哏 или 乙 (второй). Если большую часть диалога рассказывает ведущий, то такой способ представления, согласно Н.А. Спешневу, называется 一头沉 (досл. с одного конца тяжелее), если задачи по рассказу сяньшэн распределены поровну, то такой способ называется 字母哏 [9, с. 270].

Существует три вида сяньшен – это монологи «данькоу» (单口相声), диалоги «дуйкоу» (对口相声) и полилоги «чюнькоу» (群口相声).

Наиболее распространенный вид сяньшэна, пользующийся особой популярностью в народе – это диалоги «дуйкоу» [9, с. 270].

Современный сяньшен своим появлением обязан популярному артисту Го Дэган. В 1995 году он основал сообщество актеров Дэюнь (德云社 dé yún shè), чтобы вновь заинтересовать широкую публику данным жанром.

Китайский народ очень ревностно хранит традиции, преклоняется перед историей своей Родины. Комедийные артисты, выступающие в жанре сяньшен, отдавая дань традициям, не меняют правила, которые возникли задолго до их рождения. Длинные халаты в пол, с традиционной вышивкой, в руках веер и белое полотенце (артист обмахивался веером и вытирал полотенцем пот). Еще одним частым атрибутом выступления является стол, символ трибуны, выступая, актер чувствует себя оратором. Выступления артистов происходят стоя.

Основной формой представления сяньшен является говорение. Артистичность выступающего играет не последнюю роль, поэтому лучше всего сяньшен слушать, а не читать текст, эмоциональность актера придает особый колорит выступлению. Быстрый темп речи и тяньцзиньский диалект – частые спутники выступлений в жанре сяньшен. Сяньшен доступен тем иностранцам, кто владеет китайским языком на достаточно высоком уровне.

Еще одной особенностью данного юмористического жанра является контакт со зрителем, возникает ощущение непосредственного общения. Интересен тот факт, что одобрением, наивысшей похвалой для артиста служат не аплодисменты, а возглас (длинное «О», с интонацией на понижение), который в русской лингвокультуре является выражением недовольства.

Отличием сяньшэн (相声 xiàng sheng) от других юмористических жанров, характерных для китайской лингвокультуры, является обилие каламбуров, игры слов и идиом, использование прецедентных имен.

В сферу наших интересов попали сяньшен, в которых использованы прецедентные имена. Использование прецедентных имен в сяньшен затрудняет их понимание для человека другой культуры, ведь знание исторических персонажей и событий, литературных героев, понимание значения идиом – это показатель эрудированности и образованности человека.

В своей работе мы опираемся на определение, которое дал Д. Б. Гудков: прецедентом называется индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя – символ, указывающее на некоторую совокупность определенных качеств [2, с. 108].

Современный исследователь-китаевед Воропаев Н.Н. предлагает классификацию прецедентных имен китайскоязычного дискурса, выделяя четыре типа ПИ: 1. прецедентное имя-антропоним (широко известное имя человека или человекоподобного существа, ПИ1). [1, с. 53]

Выводы

Самым распространённым является ПИ1 – прецедентное имя-антропоним (имя человека или человекоподобного существа, ПИ1). В статье мы приведем примеры использования прецедентных имен-антропонимов в китайском юмористическом тексте – сяньшен.

В сяньшен «家庭论» – «теория семьи» мы встречаем три имени 陈季常 (chen ji chang), 柳月娥 (liu yue e), (苏东坡- sū dōngpō), которые являются ПИ1.

Во времена династии Сун жил литератор Чэнь Цзи Чан (陈季常- chen ji chang), особенно боявшийся своей супруги, часто избиваемый женой и стоящий перед ней на коленях. Поэт, государственный деятель эпохи Сун 苏轼 (su shi) (1037-1101 гг.), также известный под именем Су Дунпо (苏东坡- sū dōngpō) составил план как помочь 陈季常 и отправился к нему в дом.

Имя 陈季常 (chen ji chang) стало нарицательным, так в Китае называют мужчину, который боится жену, является подкаблучником, и является носителем отрицательной коннотации.

В сяньшен — 相声 «三癩婿» – «Три хромых зятя», мы встречаем два ПИ1, это 梁鸿 (liang hong) и 孟光 (meng guang).

Отшельник времен Династии Хань (汉朝 han chao) Лян Хун 梁鸿 (liang hong) и его жена Мэн Гуан 孟光 (meng guang) живут бедно, ведут уединённый образ жизни. По преданию она была некрасивой женщиной, которая любила и уважала своего мужа. Жили они в мире и согласии.

Современные жители Поднебесной используют их имена, когда хотят кого-то охарактеризовать как доброго и порядочного семьянина или семейную пару, почитающую и уважающую друг друга. Коннотация данных имен положительная, их использование в дискурсе несет положительную эмоциональную окраску.

В сяншен «君臣斗智» – «Остроумие монарха, рассказывается история периода Цяньлун – 乾隆, эпоха династии Цин -清朝 (Маньчжурская (Цинская) династия (1644-1911 гг.). Неоднократно в тексте используется имя 刘墉 (liú yōng) (ПИ1) – годы жизни 1719-1804, государственный деятель, в силу своего остроумия и интеллекта привлекался к важным государственным делам в критическое время, чтобы спасти положение. Коннотация положительная.

«山西人要账» – «Люди Шанси хотят этого», в данном сяншен встречаем ПИ 杨白劳 (yang bailao) – это герой очень известной китайской оперы, по которой снят фильм, события происходят в 1935 году. Бедный крестьянин -杨白劳 (yang bailao), который должен выплатить долг помещику. Помещик желает в качестве долга получить красавицу — дочь крестьянина. 杨白劳 (yang bailao) – безысходность, невозможность изменить или повлиять на ситуацию; это имя навеивает грусть и тоску на китайского слушателя.

В тексте сяншен «解学士» – «jièxuéshì», используется прецедентное имя-антропоним (ПИ1) – 解缙 (jiè jīn), (1369-1415гг.) – ученый, каллиграф эпохи династии Мин (明朝).

解缙 (jiè jīn) известный талант династии Мин, с ранних лет был умен и прилежен, но его семья была бедна. В данном сяншен упоминается событие, когда 解缙 (jiè jīn) в канун Нового года (праздника весны – 情节) на дверь/бамбук (в одних источниках упоминается дверь, в других – бамбук), повесил пару стихов, богатый хозяин дома приказывал срезать стихи, так как текст ему не понравился. Автор добавил еще несколько слов, усилив эмоциональную окраску текста, обличая богача. В итоге хозяин дома приказал убрать дверь/выкопать бамбук, чтобы лишить автора стихов места для их вывешивания.

解缙 (jiè jīn) – умен, прилежен, справедлив; коннотация у данного имени положительная.

Семь прецедентных имен (ПИ1) использовано в тексте сяншен «夸住宅» – «Хвастовство жилищем».

曹操 (cáo cāo) (155 — 220 гг.) – полководец, автор сочинений по военному мастерству, первый министр династии Хань. В современном китайском дискурсе так называют человека хитрого, лукавого. Данное ПИ достаточно часто встречается в современных юмористических текстах, в данном сяншен является носителем негативной коннотации.

秦始皇 (qín shǐhuáng) (259-210 гг. до н.э.), основатель династии Цинь, положивший конец двухсотлетней эпохе Воюющих Царств. Вошёл в историю как создатель и правитель объединенного китайского государства. Имя и образ秦始皇 очень популярно, правитель, который был умен, но и жесток; отношение к нему не однозначное, в тексте может быть использовано как в негативном, так и в позитивном ключе. В сяншен «夸住宅» – «Хвастовство жилищем»秦始皇 упоминается как великий правитель и несет положительную коннотацию.

管仲 (guǎn zhòng) (ум. 645 гг. до н.э.), китайский политический деятель периода Весны и Осени, основоположник легизма. Это имя является носителем положительной оценки.

鲍叔牙(bào shūyá) (ум. 644 г. до н. э.) , высокопоставленный сановник при 齐桓公(qí huángōng), (правитель княжества Ци в 685-643 гг. до н. э.) – положительная коннотация.

关羽(guānyǔ) военачальник царства Шу эпохи Троецарствия, один из главных героев романа «Троецарствие»). Идеал благородства. У данного имени положительная коннотация.

张飞(zhāng fēi, храбрый полководец и воин времён Троецарствия, герой исторических романов). Положительный герой, носитель положительной коннотации.

诸葛亮(zhūgě liàng), (181-234), герой романа «Троецарствие» полководец, государственный деятель. Его имя стало нарицательным, характеризует человека мудрого, хорошего стратега.

В сяншен «我要穿越» – «Я хочу путешествовать во времени» используется имя 潘金莲(pan jinlian) – персонаж двух китайских романов – «Речные заводы» и «Цветы сливы в золотой вазе». Имя героини стало нарицательным, символом разврата и порока, коварности неверной жены. Носитель отрицательной коннотации.

В сяншен «托妻献子» – «Доверься жене, отдай сына» мы также встречаем имя 潘金莲(pan jinlian) в образе коварной женщины.

武松(wu song) – персонаж романа "Речные заводы", мужественный и непобедимый. В диалоге обыгрывается ситуация, когда 潘金莲(pan jinlian) отравляет своего мужа, и строятся предположения что бы было, если на месте мужа оказался бы 武松(wu song) «убивающий тигра».

Заключение

Авторы 相声(сяншен), используя в тексте то или иное имя, проделывают огромную образовательную работу. Известные имена, которые «на слуху» обычно используются без объяснения, но часто мы встречаем тексты, в которых авторы объясняют использование того или иного имени, ненавязчиво напоминая слушателям кто это.

Использование прецедентных имен в сяншен – это не только сохранение традиций, это передача знаний следующим поколениям. Это попытка рассказать о современных проблемах используя историю, фольклор, фразеологию и литературные произведения.

Прецедентные имена – это особый язык, который понятен носителям языковой культуры, чтобы понимать этот язык недостаточно уметь читать и говорить на иностранном языке; язык прецедентных имен следует изучать, медленно погружаясь в культуру/литературу/историю.

Не указан.

None declared.

Список литературы / References

1. Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в китайско-язычном дискурсе/ Н.Н. Воропаев. Дис.канд.филол.наук. – Москва.: 2012. – 315 с.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Гудков Д. Б. М.: Гнозис. – 2003. – 288 с.
3. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М., 1986. – С. 27-32.
4. Косинова (Максимова) Л.В. Китайский юмористический жанр «сяншен» / Косинова (Максимова) Л.В. // Известия ВГПУ. - 2012. С. 146-149
5. Ленинцева В.А. Прецедентные имена китайской национальной культуры / Ленинцева В.А., Бурукина Т.Н. // Вестник РУДН. - серия Лингвистика. - 2015. - № 2. - С.70-89
6. Леонтович О.А. Лингвокультурная специфика китайских нарративных жанров / Леонтович О.А., Косинова Л.В., Симоненко Н.Ю. // Жанры речи. 2016. №2. С. 87–95.
7. Разина А. С. Происхождение чэньюй: взаимодействие культур в межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2018. – №36. – С. 130-132. – URL <https://moluch.ru/archive/222/52536/> (дата обращения: 28.05.2021).
8. Рождественский Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М. : 1997. – 597 с.
9. Спешнев, Н.А. Китайская простонародная литература: песенно-повествовательные жанры / Спешнев, Н.А. – М. : Наука, 1986. – 320 с.
10. Чорбэ Е.Г. Способы передачи комического эффекта с китайского языка на русский (на примере китайских комических жанров «сяншен», «куайбань», «анекдот») / Чорбэ Е.Г., Семешко Ю.А. // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. - 2017. - №3. - С.166-174
11. Ху Цзин. Феномен вариативной риторики в языке перекрестных помех / Ху Цзин // Журнал Синжоуского педагогического университета. 2017. - 2. С. 46-49.

Список литературы на английском / References in English

1. Voropaev N.N. Precedentnye imena v kitajsko-yazychnom diskurse [Precedent names in Chinese-language discourse] / N.N. Voropaev. Dis...PhD in Philology – Moscow.: 2012. – 315 p. [in Russian]
2. Gudkov D. B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii [Theory and practice of intercultural communication] / Gudkov D. B. – M.: Gnozis. – 2003. – 288 p. [in Russian]
3. Karaulov, Yu. N. Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii yazykovoj lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of the linguistic personality] / Karaulov, Yu. N. – M., 1986. – P. 27-32. [in Russian]
4. Kosinova (Maksimova) L.V. Kitajskij yumoristicheskij zhanr «syanshen» [Chinese humorous genre "xiangshen"] / Kosinova (Maksimova) L.V. // Izvestiya VGPU. - 2012. P. 146-149 [in Russian]
5. Leninceva V.A. Precedentnye imena kitajskoj nacional'noj kul'tury [Precedent names of Chinese national culture] / Leninceva V.A., Burukina T.N. // Vestnik RUDN. - ser. Lingvistika. - 2015. - № 2. - P.70-89 [in Russian]
6. Leontovich O.A. Lingvokul'turnaya specifika kitajskih narrativnyh zhanrov [Linguistic and cultural specifics of Chinese narrative genres] / Leontovich O.A., Kosinova L.V., Simonenko N.Yu. // Zhanry rechi. 2016. №2. P. 87–95. [in Russian]
7. Razina A. S. Proiskhozhdenie chen'yuy: vzaimodejstvie kul'tur v mezh'yazykovoj kommunikacii [The Origin of Chengyu: the interaction of cultures in interlanguage communication] [Electronic resource] / Razina A. S. // Molodoj uchenyj. – 2018. – №36. – P. 130-132. – URL <https://moluch.ru/archive/222/52536/> (data obrashcheniya: 28.05.2021). [in Russian]
8. Rozhdestvenskij Yu.V. Teoriya ritoriki [Theory of rhetoric] / Yu.V. Rozhdestvenskij . – M. : 1997. – 597 p. [in Russian]
9. Speshnev, N.A. Kitajskaya prostonarodnaya literatura: pesenno-povestvovatel'nye zhanry [Chinese vernacular literature: song-narrative genres] / Speshnev, N.A. – M. : Nauka, 1986. – 320 p. [in Russian]
10. Chorbe E.G. Sposoby peredachi komicheskogo effekta s kitajskogo yazyka na russkij (na primere kitajskih komicheskij zhanrov «syanshen», «kuajban'», «anekdot») [Methods of transmitting the comic effect from Chinese to Russian (using the example of the Chinese comic genres "xiangshen", "kuaibang", "anecdote")] / Chorbe E.G., Semeshko Yu.A. // Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodyh uchenyh – 2017. - №3.-P.166-174. [in Russian]
11. Hu Czin. Fenomen variativnoj ritoriki v yazyke perekrestnyh pomekh [The phenomenon of variable rhetoric in the language of crosstalk] / Hu Czin // Zhurnal Sinzhouskogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. - 2. P. 46-49. [in Chinese]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛАНА ШУФФЛАЯ И МНЕНИЕ АЛБАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Научная статья

Камбер Камбери¹ *, Лабинот Бериша²^{1, 2} Джяковицкий университет имени Фехми Агани, Джяковица, Республика Косово

* Корреспондирующий автор (kamber.kamberi[at]uni-gjk.org)

Аннотация

Милан Шуффлай — хорошо известное и значительное имя в области науки, в основном связанной с историографией разных народов, в частности — Балканского полуострова. Он является одним из величайших ученых, внёсших большой вклад в альбанологию. В соавторстве с доктором Л. Талочи и доктором К. Иречком он разработал и предпринял инициативу по публикации его основного труда, “Acta Albaniae”, в нескольких томах, однако после смерти соавторов этот труд полностью переходит Шуффлаю.

Труды изучаемого албанолога весьма обширны и сконцентрированы главным образом на таких научных областях, как историография, лингвистика, литература и др. Данная тема в области албанографии обширна и представляет исключительную ценность. В совокупности всё это является отправной точкой многогранных подходов, которые обеспечили устойчивые знания и ориентацию, особенно в период, охватывающий несколько столетий.

Учитывая выдающуюся деятельность Милана Шуффлая для албанской истории и культуры, возникает неизбежный вопрос: какой величины вклад сделала для него албанская наука или литература?! Ответ неизбежен: не достаточной! По этой причине в данной статье, посвященной работе данного хорватского гения, блестящего ученого, спасшего от исчезновения иллирийские свидетельства, делается попытка показать такие аспекты, как обобщенные подходы или взаимосвязанные оценки в контексте истории-филологии, также включающие в себя литературу, журналистику и другие области.

Ключевые слова: Acta Albaniae, историография, культура, наука, Шуффлай, произведения.

THE WORK OF MILAN ŠUFFLAY AND THE OPINION OF ALBANIAN RESEARCHERS

Research article

Kamber Kamberi¹ *, Labinot Berisha²^{1, 2} University “Fehmi Agani”, Gjakova, Republic of Kosovo

* Corresponding author (kamber.kamberi[at]uni-gjk.org)

Abstract

Milan Šufflay is a well-known and very special name in the field of science, mainly related to historiography of different peoples, especially Balkans. He is one of the greatest scholars, connoisseurs and most deserving contributors to the Albanology science. As a co-author with Dr. L. Thaloczy and Dr. K. Jirecek, they have designed and undertaken the initiative for the publication of the major work “Acta Albaniae” in several volumes, but after the death of two co-actors, the whole burden work falls on him.

The writings of this distinguished albanologist is quite wide and extends mainly in the field of historiography, linguistics, but also literature and other sciences. The topic in the field of Albanology is quite broad and of extraordinary value. All of this, in its entirety, is a reference point of multifaceted approaches that provided sustainable knowledge and orientation, especially of a period spanning several centuries.

Given the outstanding contribution of Šufflay with his work for Albanians, their history and culture, the inevitable question arises, how much has Albanian science or literature done for him?! The answer is inevitable, not as much as it should be! Therefore, this paper on the work of Croatian genius, this brilliant scientist who saved the Illyrian evidence from extinction, attempts to show some aspects, such as summarized approaches, or intertwined assessments in the context of history-philology, which are also related to literature, journalism and other fields.

Keywords: Acta Albaniae, historiography, culture, science, Šufflay, works.

Introduction

The work and contribution of the colossus of knowledge Milan Šufflay is well known by scientific, historiographical and literary circles everywhere. He wrote a lot in the field of history and culture of the European peoples, especially the peoples of the Balkans. Šufflay as an albanologist, from our point of view is seen as a historiographer, but also as a writer with those topics that address the Albanian history, culture and life. The theme of his work, which spans from ancient times, is as much interesting as it is bold, especially one that elaborates the medieval period. Through these scientific works, but also in other fields, Šufflay represents the figure of a special, principled and impartial intellectual who did so much for the truth, heritage and rights of each people of the Balkans and beyond.

This multidimensional intellectual, by doing valuable work, also deals with the history and culture of another people, such as the Albanians in this case, and more recently his work is the object of careful and comprehensive study and elaboration. This topic will be focused on a superficial overview of his works, the evaluations, contacts, commitments, obligations, reactions, research and correspondence with Albanian intellectuals of culture, literature, science, politics, etc., which are as numerous as they are of interest. Therefore, generally viewed, Albanians in particular have obligations in reviewing the work and honouring the figure of this colossus.

In general, reviewing with dedication the work of M. Šufflay, which has to do with the Albanian issue, certainly requires serious work by applying the appropriate scientific methods to bring arguments and facts, innovations in human messages, which are of a particular importance. In the context of all this, it will be of interest to display writings (correspondence) developments, studies, evaluations and pronunciations of various authors, by prominent figures such as: Faik Konica, Mithat Frashëri, Gjergj Fishta, Aleks Buda, K. Frashëri, Ismail Kadare, Jahja Dranqolli, P. Xhufi, M. Zeqo, Shaban Sinani and-so-on.

Biography and scientific activity

When we read the biography of Milan Šufflay, we can say that his life was interesting, intense and with many challenges. He was born in Lepoglava, Croatia in November 1879 where he received his first lessons, and then continued the classical gymnasium where he achieved excellent success and graduated with the highest grades. After finishing high school he enrolled in higher studies in historical sciences at the University of Zagreb. Even as a student he was distinguished for extraordinary ingenuity, especially in the field of history and in knowledge of foreign languages. Šufflay spoke and wrote all Slavic languages, as well as other languages, old Greek, Latin, Italian, Spanish, German, English, French, and Hungarian. Later, with his special devotion and talent, he acquired other languages, such as Hebrew, Albanian, etc. He received his Ph.D. in 1901, and two years later he studied Albanology at the College of Vienna under the guidance of Prof. Jireček, which he failed to complete, due to different reasons.

After completing his university studies, he devoted himself to scientific work, achieving continuous success, so very quickly, he became known as a researcher on a European scale. At a very young age, he engages in various collaborations with well-known scientists, such as Jireček and Talos. They collaborate with Šufflay in drafting the "*Codex diplomaticus*" corpus. For a short period he worked at the Institute of Historical Studies in Vienna where he also published "*Dalmatian Private Deeds*". Later for a period of four years he has worked in National Museum of Budapest, etc.

The Scientific work of Milan Šufflay is significantly large, although with many obstacles and challenges, which were almost permanent during his life. In most cases, as the sole author, (he has published under pseudonyms), or in collaboration with others, he published various scientific works, distinguishing here those that deal with the Albanian issue and their neighbors, such as: "*Church circumstances in Albania*", "*Albanian borders in the Middle Ages*", "*Medieval Albania*", "*The Hungarian-Albanian connection in the Middle Ages*", "*Political Fates of Durrës Theme*", "*Biology of the tribes of the Albanian people*", "*National Fog*", "*Cadastral of Shkodra*", "*Ethnic Cyclones in the Balkans*", "*Cities and Castles of Albania in the Middle Ages*", "*Serbs and Albanians*", "*National Mosaic in Macedonia*", "*Medieval Towns and Villages*", "*Konstantin Ballshaj*" (novel) etc. Therefore, a voluminous work that goes to work that goes to about 3 thousand titles of books and study articles related to Croatia, Hungary, Albania, Bulgaria, Montenegro, Romania, Serbia, Italy, Slovenia, Austria, Greece, Macedonia, etc.

Numerous titles which present the work that are related to the Albanian history and culture signify that M. Šufflay is one of the most distinguished personalities of the Albanology science and one of the most dignified representatives, especially for the medieval period. With documents and arguments he brings facts and thesis revealing the culture and organization of the civic life of Albania. He also argues for the descent of Albanians from Illyrians, reinforcing the thesis of the German philosopher Gottfried Leibniz, thesis that comes from the late 17th and early 18th centuries. Thus, from all this emerges a clear historical definition including from Illyrian times to the late middle Ages. Nevertheless, Šufflay's work, which belongs to the field of albanology, remains as an incomparable source, as a reference point for all those who deals with the history of Albanian culture in general.

Milan Šufflay's greatest work for Albanians, written in Latin, in collaboration with scholars Dr. Jireček dhe Dr. Talosin, is, "*Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia*" which in English means, "*Acts and Diplomatic Affairs illustrating the Middle Ages in Albania*". In short, this work published two volume is known as "*Acta Albaniae*". Since the beginning of the 20th century, together with Dr. Thaloczy-n and Dr. Jirecek-un, Milan Šufflay had designed and took the initiative to publish the corpus *Acta Albaniae*" which would contain several volumes. The first volume of this corpus was published in 1913 in Vienna, and the second volume in 1918 in Vienna. These two volumes show the history of many provinces of Albania, covering the period from 334 to 1406. Unfortunately, the work stagnated, because both of Šufflay's collaborators died in the meantime. To continue this whole initiative, all the work that required vicissitudes and multifaceted commitment, remains to Milan Šufflay. All this work that required vicissitudes and multifaceted commitment remains to Šufflay to continue this whole initiative. This work was continued by him, in collecting documents, providing arguments and facts from the archives of Dalmatia, Italy, Austria, and Albania and beyond. Despite the commitment to this project accomplishment, engagement in several other projects, this initiative remained unfinished, because an assassination organized by the so-called "*Bela ruka*", of the secret services of the time, carried out near his apartment in Zagreb, in February 1931, was fatal. Thus, the prominent Croatian scientist was violently deprived of his life, who throughout his (short) life worked for the historiography and culture of different peoples.

Šufflay's and his co-authors scientific work related to Albanians, "*Acta Albaniae*", was projected in 7 volumes. But, since he died at a relatively young age (after turning 50) the design of the work remains unfinished, only two of these expected books have been published. Nevertheless, these two volumes and the work done by him in collecting arguments, documents and other evidence, have tremendous value. Some of the materials and files collected and prepared for this work found in the archives of Vienna, Italy, and Archives of the Albania, and partly in that of Croatia, because after the assassination of Šufflay the police raided his house, overturned everything and took some parts from the collected materials. So they confiscated and damaged parts prepared for the third volume of "*Acta Albaniae*" that was being prepared for the next edition. This valuable Project remains the task of scientists in the respective fields to collect, organize and prepare these parts of his work for publication, as much as possible, approximately as designed and thought by Milan Šufflay.

Correspondence

Given the dimension and exceptional performance, we can say that even Milan Šufflay's correspondence with others, especially with the authorities of science and culture, was certainly numerous, but in fact after his violent death, a part of his work was taken away, disappeared, or destroyed by the police services of the regime of that time. However, close to 1000 different correspondences are known, which are also specified by M. Ahmeti and E. Lala in a press release:

"In this very voluminous correspondence (we have more than 980 letters) dominates the issue of the study of the Albanian Middle Ages, but there are also other topics of various natures, be they of economics, political, social and even intimate letters" [8].

Most of these letters and correspondence are written in Latin, French, Italian, German, Hungarian and Creation. However, of these that are known, or have remained, are writings or correspondence of the time with prominent personalities and scholars of world education and culture such as: Shmiciklas, Jireček, Taloc, Radoniq, with the director of the Eastern European Institute, the Minister of Education of Albania, Minister of Education of Hungary, etc. Among the mutual correspondences with Albanians, the ones between him and the Minister of Education Abdurrahman Dibra and the prominent intellectual Mit'hat Frashëri (Lumo Skëndo), are well known. The latter closely followed the publications of foreign authors on the history of Albanian culture. Many of the publications which would be found in his library in Tirana, which at the time was quite rich with books in many languages of the world. It is rumoured that there were letters, or letters of appreciation from Gjergj Fishta, but these data have not been documented to date, perhaps they may have been deliberately lost by the communist regime.

These letters contain Šufflay's engagement and work in archival research, finding documents, collecting and multiple selection from reliable sources that would serve for the projected publication *"Acta Albaniae"*. Also from these correspondences we learn about the progress of the designed work, innovations, successes, but also about the many difficulties encountered during this voluminous work.

The Mithat Frashëri's letter of 30 June 1929, which apparently was the first addressed to Šufflay, the content turns out that he wanted to be informed about the extent of the work on the publication of the following volumes of *"Acta Albaniae"* and what the content would be of this voluminous corpus. Albanologist Šufflay's response was immediate. He explained the project and generally about the content of each of these parts, which would reach several volumes. They would include the sources collected mainly in the archives of Venice, the Vatican and Dubrovnik, which would date back to 1451 and extent until 1571. In volume 3 would be published *"Cadastral of Shkodra of 1416"*. Along with this will be copies of documents provided by the archives of Barcelona and Milan that shed light on Skënderbeg's relations with Sultan Muhammed II (the author proves that these copies he had lent to Radoniq, which the latter never returned, but always, according to Šufflay, perhaps even made deliberate changes and speculations).

After this correspondence, Mit'hat Frashëri had informed the Minister of Education Dibra, about the important Project of Šufflay, as he was aware of the great work of the well-known Albanologist and Balkanologist, of the importance of work for Albanian historiography, and had also informed King Zog in detail. Then the King congratulated the prominent scientist for the great interest, contribution and commitment to the Albanian history and culture, the valuable work and encouraged him for the continuation of this project. Therefore, for the realization of this Project his royal government had allocated the amount of 75.000 gold francs for the collection of archival documents and for the realization of publication of this volume.

In the context of the progress of the work for the realization of this project, there is another very interesting correspondence (telegram) of Milan Šufflay, addressed to the government of King Zog, respectively the Minister of Education:

**Mr. Minister of Education,
Tirana, Zagreb, December 17, 1930
Gunduliqeva 25
"Excellency,**

Your letter of 30 November no. 4225/11 arrived at my address on 15 December. Many thanks to the Albanian government, attached you will receive the receipt of the amount of 3000 Swiss francs, received in check (No. B. 002529) from the Bank of Basel in Zurich. Although I did not expect this receipt that was written on December 16, when I was invited to the police to verbally inform me that the Belgrade government had given me permission to come to Albania. So, in a little while I hope I will get the passport. Though at the beginning of January, I think I will go to Ragusa to orient myself first about the current working conditions in the archives. After a short stay in Ragusa I will leave for Tirana, announcing exactly when I will arrive. For many reasons I will not get the visa of the Albanian Legation in Belgrade. Of course, I also asked for a passport for Italy, but Belgrade leaves this request in silence. The police told me that this issue could be settled with the Minister of Belgrade in Tirana. Not being sure that I would be able to go to Rome and suspecting the Albanian government approves my proposals regarding the Italian archives and if it is willing to pay the fee for the Italian copyists, I will send it shortly to Mr. Amedeo Gianini, director of the institute for Eastern for Europe, list of documents to be copied in Rome, Naples, Ancona and Barcelona. I will bring a copy of those lists with me to Tirana. Please, your Excellency, accept my highest consideration" [13].

Milan Šufflay

In this regard, another letter that Šufflay sent to Giannini, the director of the Eastern European Institute, contains mainly the work instructions for the realization of this Project. Enthusiastically, Šufflay informs him about obtaining a visa and making a trip to Albania, after two years of application. Also, in this letter, he demanded that Giannini, as his collaborator and friend, start immediately in the realization of this project by selecting the copyists of documents in Rome, Venice, Naples and Ancona. He was notified that all expenses would be borne by the Albanian government, and initially 3000 gold francs were poured into the Swiss bank. He also tells his friend about the contacts with Minister Dibra with his associates and the dinner at the hotel *"Tirana"*, which made him an extraordinary impression [12].

Šufflay's Visit to Albania

King Zog was informed in detail about the work of Šufflay, in general about the work related to history of Balkans and other European peoples, and especially with the history of Albania. Therefore, taking his personality into consideration, he gladly invited him to visit Albania, the Royal Court, and the Albanian Parliament and wherever he wanted and where he was interested.

Šufflay arrived in Tirana in January 1931, where he stayed for several days. On this occasion he was busy with the activities in the institutions of that time, visiting various places of interest for Albanian history and culture such as castles, churches, monasteries, cemeteries, etc. Whereas, as the most interesting event in this visit was the appearance in the Albanian Parliament of that time and his speech held in this session organized in his honour. The occasional speech was without text, directly addressing the audience with greetings in Albanian, Hungarian, but most of the time this occasional speech, or which can also be called academic lecture was held in Albanian. This presentation of Šufflay made so much impression that it was interrupted several times by frequent and long applause. Among other things, he presented the convincing arguments for the origin of the Albanians in this Parliament, as well as for the work that should be done in the future to strengthen this thesis.

He left Albania with an extraordinary impression of hospitality and more motivated for further research in the realization of his designed work, which would further enrich and deepen Albanological and Balkanological studies. Immediately after returning from Albania, he continued to work hard for the third part of "*Acta Albaniae*". Unfortunately, violent death at a relatively young age interrupted his activity before the age of 52, so the work remained unfinished. His death had many consequences in general science, and Albanology lost one of its most devoted connoisseurs and supporters at the time.

Šufflay's death caused by a criminal assassination, was echoed everywhere. Despite efforts to conceal the truth, the horrifying news spread throughout the world, and reactions were numerous, and appeared in various forms. They reacted with their articles "*Tribuna*", Rome, "*Berliner Tagblatt*", "*New York Times*", "*Frankfurter Zeitung*", "*Arbënia*" Tirana, "*Vullneti i Popullit*", Tirana etc. Authorities of science, culture and politics also reacted, such as *Albert Einstein*, *Heinrich Mann*, *dr. Josef Bajza*, *dr. Max Hildebert Boehm*, *dr. Karl Fritzler*, *dr. Zenon Kuziela*, *dr. Martin Spahn*, *dr. Branimir Jeliq*, *Josip Milković*, *Mithat Frashëri (Lumo Skëndo)*, *Faik Konica*, *Gjergj Fishta* etc.

Evaluation of figure of Milan Šufflay and his work

The evaluation of the contribution of Milan Šufflay and his work for the history of Albanians can be said that it has not been fulfilled enough. Virtually, this merit of this personality has been appreciated and honoured to the highest degree only in his lifetime, in the time of Zog. Subsequently, in the period of communism and the regime of Enver Hoxha, contribution of Šufflay and his work were known very little and only by certain circles. Therefore, it has not been treated properly and perhaps deliberately left in oblivion. Meanwhile, after the advent of democracy from '90, of the last century onwards, we have another interest in approach, recognition or better say a re-acquaintance with the work of Šufflay, which nevertheless results in a more serious and comprehensive interest.

Ismail Kadare

I. Kadare is the most prominent writer of contemporary Albanian literature, whose literary work includes the time span from ancient times to the present day. His literary work thus expresses multifaceted information, which reflects his broad culture and abundant information concerning the history and destiny of peoples over the centuries. He has obtained some of the knowledge and information about Albanian historiography from Šufflay's work.

He is one of the first connoisseurs, evaluators, reminders, or even the first announcers to resonate in our environments. Knowing the work of Šufflay and referring to it, and in advance the scientific theses of the German philosopher Leibniz on the origin of Albanians, in his review entitled "*European Identity of Albanians*", among other things he emphasises:

"The Albanian population is white, just like the rest of the European continent. Like the language, it is called in the most favourable case, the descendant of the Illyrians, while in the most unfavourable, of the Thracian-Illyrians. The history of Albania until the Ottoman occupation is part of the European chronicle, like the whole peninsula. At least three of its main towns with uninterrupted life, Durrës, Shkodra and Berat, are about the same age as Rome. Economic and military ties, regulatory laws (statutes) of cities, roads and seaports are of the same nature as those of continent. Greco-Illyrian-Roman archaeological traces, theatres and amphitheatres are also found everywhere. According to the monumental work of Milan Šufflay, the history of the Albanian Middle Ages is given in a complete picture with principalities, chieftains, alliances, intermarriages, and of course the unparalleled quarrels, whose tradition has arrived unscathed until today. The similarity with the European mosaic of the time has been found by scholars, such as Ernest Koliqi and others, as one of the reasons why Dante Alighieri was so popular in Albania" [2, PP. 498].

This approach and appreciation of Šufflay's contribution to Albanians, emerges as another appreciation for the merit and dedication to the greatest Albanian writer. Kadare knows how to evaluate and competently emphasize the contributions of others for the historiography and culture of Albania, starting from the German philosopher G. Leibniz, to M. Šufflay, Stipečević etc.

Also other serious evaluations and expressions of gratitude come from academic circles, from scholars of various fields, or other Albanian writers. One of the evaluators for M. Šufflay, and his work, for the first acquaintance with this author and his contribution to the Albanian historiography and culture, is emphasized in the answer of an interview of the writer and researcher, academic Shaban Sinani:

Shaban Sinani

*"I have written very little about Šufflay and in general Albanian science has written little about him. Among the first to remember for the Šufflay name and work is Ismail Kadare. In one of his works the author of "*Acta et diplomata*" is a literary*

character. *"Kadare's literature, r-read in sync with the sources collected by Šufflay, is not only to be non- legendary, but almost a parallel reality"* [4, P. 238].

Nevertheless, Šufflay's work dedicated to Albanians is emphasized with a series of monographic works, very important, such as *"Albania in antiquity"*, *"Statutes of medieval Albanian cities"*, *"On some Albanian cities in the middle Ages"*, *"Albanians and Croats"*, *"Serbs and Albanians"* and other unknown and unpublished works for us. The following expresses about the undisputed values, the contribution of Šufflay and the importance of his for Albanian history:

"If we would like to recognize this deep dimension of the independence of our country, (he liked to sign) he is the most important sourceologist in Albanian history. In his archives he has listed the events, developments and protagonists of this world. Everything that has sparked in the fate of this people, for a thousand years, from 334 to the middle of the century 15th" [4, P. 231].

Therefore, if we refer to these data as well as other resources, it turns out that Šufflay's contribution to Albanian historiography is surprising and extraordinary. In addition to the works he wrote and published, the preparation of many hypotheses and theses, he left in his archive many materials. Arguments and facts collected and systematized, which are of great interest, and which can be used by different scholars over time. Academician Shaban Sinani would best illustrate this, in one of his writings with a meaningful title, *"As an academy for Albania"* where, among other things, he emphasises:

"Long ago Šufflay has solved almost fictitious discussions, which continue to this day, such as the relationship of the Arberian world with the European Renaissance. I would like to mention, for the readers of "Balkan", only one fact. Recently, the Italian scholar Lucia Nadin and the well-known Albanian medievalist Pëllumb Xhufi published in Albanian and in the original "Statute of Shkodra", whose manuscript belongs to the Šufflay archive. This initiative that has deserved the welcome of Albanian culture. However, in the Šufflay archives there is not only the "Statute of Shkodra". Almost a century earlier, the historic city of Danja, as early as 1316, had its own statute with over 500 articles, one of the most complete statutes of the entire European space where the storm of humanism had blown. Statute – basic acts of civil law, as evidenced by the Šufflay fund, also had Durrës, Drišt and Ulcinj. It seems that these sources, which have been silent for almost a century in the archives, will make it obligatory for Albanian science to change several priorities: for example, to share with canons, products of agrarian law and to deal with statutes, products of civil law, in the presence of the climate of the European Renaissance. This will also affect the ethno psychological situation of Albanians, so as not to humbly look at the old continent, because there were times when the face of Europe was modelled precisely on developments and trends of our world" [4, P. 232].

Relying on this passage and the thesis of this study, it appears that Šufflay continued work in Albanian history until his assassination. Belonging to the Austro-German school of Albanology, he wrote history (as much as life enabled him) with much objectivity, continuing the tradition of Croatian Albanologists. Some of his works and scientific studies have been published in German or Hungarian such as: *"Acta Albaniae"*, *"Biology of the Albanian tribe"*, *"Kadastr of Shkodra"*, *"Albanian cities and castles in Middle Ages"*, *"The state of churches in pre-Ottoman Albania"* and others that are in Croatian, such as, *"History of Northern Albania"* and *"Serbs and Albanians"*.

Aleks Buda

When the first *Albanian Encyclopaedic Dictionary* was compiled in 1985, the President of the Albanian Academy of Sciences at that time, Professor Aleks Buda has compiled contribution parts for Milan Šufflay. On this occasion, he emphasizes *"that very little has been done to remember and place in the first line of national memory this great Balkan scientist and benevolent of the friendship of the peoples of the peninsula, a little more martyr of love for Albania"*.

The evaluation of academician Buda is fair and deserving, just as Šufflay himself was dedicated to the old Albanian history and culture in this case. In the context of his work, Buda evaluates and gives other statements of this nature:

"The richness of the source material stands out in the works of Milan Šufflay. He considers The History of Albanians mainly the history of a distinct ethno cultural identity, with ancient autochthonous roots and always constant, with great regenerative ability, and that for Šufflay represents the authentic essence of the history of the Balkans" [1].

No doubts these assessments and considerations of the academic level come from deep scientific knowledge in the context of Šufflay's work. Therefore, these evaluations are argumentative, consistent and verifiable, sincere and completely on a scientific basis.

Pëllumb Xhufi

The eminent historian whose field of study is mainly of ancient times and the medieval period Prof. Pëllumb Xhufi called the Croatian scientist Milan Šufflay *"as the great emancipator of the history of Albania and the Albanians"*. He also wrote about his work that: *"IV-XI centuries, the dark centuries of social and ethnic upheavals elsewhere in the Balkans, for the territories of Southern Illyria were for Šufflay the centuries of a titanic battle for survival of the old Illyrian seed."* Professor Xhufi then insists on the accuracy and courage of the author, emphasizing that: *"the rescue intervention, full of authority and competence, but also Šufflay's courage in the debate on the country and the role of Albanians, made the foundation stone of theses removed ... with a clear political and anti-Albanian background, which until then had contaminated albanological studies. That is why no one had forgiven him such courage."*

Jahja Drançolli

Among those who have approached and studied and evaluated the work of Milan Šufflay, is the historian of the medieval period, Professor Jahja Drançolli, who in dealing with the extraordinary ability in the scientific approach and interpretation of some issues or these given in Šufflay's work finds that:

"Finally, the great scientific and humanitarian power, on the one hand, and the persecution and state pressure of the royal Yugoslavia, on the other hand, made Šufflay often express the historical truth indirectly through allusions, such as was the case of presenting his views not only in the essay published in the newspaper "Hrvat", dated September 3, 1928, where he

alluded to the Albanian state formation outside Albania politics, respectively in the territory of Kosovo...are excellent messages of Šufflay that Albanians have lived throughout history where they live today” [14].

Moikom Zeqo

In the view of scholars and approaches to Šufflay’s work, there is also a prominent scholar Moikom Zeqo, who in this context makes a critical assessments of the approach, style, intuitions, analysis, synthesis, conception, etc. He considers his contribution as incomparable for the Albanian historiography, since the old history and especially that of the medieval period.

“For Albanians he will remain a prince of Albanology, especially as the greatest medievalist and most professional.”

We still do not know exactly how the idea came to him for the endless interest and accuracy for Albanians.

He, like no other, defined and formulated a high, cultural, titular status of the Albanian Middle Ages, even at the European level. His studies were endless. He stands out for an amazing synthetic style. He is the knight of syntheses, in all trials of history he has an inner dialectic, in this way he stands conceptually above all contemporaries. In many respects it is Insurmountable even today.

His scientific method is comprehensive, multidisciplinary. His works have made an era. Especially the study masterpiece “Serbs and Albanians”.

In the history of northern Albania, a material has been collected about Šufflay, a substance that has first-hand importance from the point of view of the general history of mankind. This is related to the high culture referred to as the Adriatic culture, with Indo-European. He has wonderfully understood the Illyrian-Albanian traditions, intertwined with the high rhetoric of Western and Eastern cultures, Roman – Anjouan – Venetian – Italian, with Greek-Byzantine cultures, Slavic, Ottoman cultures etc., but not to disintegrate and alienate ethnic individuality of the Albanian nation, but to sculpt it. Šufflay has proved that the culture of Medieval Albania is a reflective, urban culture, that the cultural, political and economic level of Albania until the Ottoman conquest, after Skanderbeg’s death was in the same parameters as in Italy and other parts of Western Europe.

Above all, Šufflay has a great admiration for Durrës as a capital of cultures, distinct even in the Mediterranean area. He says that Durrës in the Middle Ages was the most splendid city, which can be called the Adriatic garden, where the type of Dalmatian and South Italian city is reflected in the Illyrian-Albanian face as well as in the Byzantine one” [10].

Conclusion

New facts are learned from the essential selections of the many values of Šufflay’s work and from these brilliant assessments of a high academic rank. He possessed extraordinary features and talents in research, study and creation. He committed himself and did more for the history of other countries than for the history of his own country. Perhaps, all this does not fulfil his contribution with the volume of works he did for Albanians.

His work quite wide and diverse, so that it can be to the work of an institution. All his works belong to a modern spirit that conforms to the art and methodology of the European school. His principled, objective and fair orientation reflects features in all his works. The whole corpus of his works highlighted here, belongs to the German school of Albanology. The working methodology is selective as well as argumentative and brings facts for a permanently sustainable work.

Including the volume of numerous works for Albanians, scientific works or literary works of Šufflay, which would follow after two published volumes of “Acta Albaniae”, his valuable work will fill the gap and will illuminate the period extensive history and culture of ancient people. Each work separately brings something previously unknown, undiscovered, hidden with or without intent. For the values and multiple importance of the two published works, from the design of several volumes of “Acta Albaniae”, Sh. Sinani would emphasize: *“The republication of the first two volumes was a great service to Albanology as a whole, ethnology, history, patronymic, civil law, ecclesiastical law, linguistics, literature, palaeography, archives, and sourceology”* [5, P. 219].

Thus, from the observations that can be made in this context, about his work, the selection of all scholars, scientists, writers and historians Albanian, selection would be very difficult, perhaps impossible. Fortunately, finally, from this overview, it can be said that Šufflay’s work is in the focus of appropriate and meritorious interests and evaluations. As Milan Šufflay is deserving and extraordinary for the Albanian history and culture.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Group of authors, Fjalori enciklopedik shqiptar, ASHSH, Tiranë 2009
2. Kadare I. Vepra (Vëllimi i njëzetë) / Kadare I. – Onufri, Tiranë 2009
3. Kadare I. Mosmarrëveshja / Kadare I. – Onufri, Tiranë, 2012
4. Sinani S. Një Shqipëri tjetër / Sinani S. – Argeta, Tiranë, 2006
5. Sinani S. Pyetje në albanologji / Sinani S. – Naimi, Tiranë, 2013
6. Shufflay M. Qytetet dhe kështjellat e Shqipërisë kryesisht në mesjetë / Shufflay M. – Onufri Tiranë 2004
7. Shufflay M. Serbët dhe shqiptarët / Shufflay M. – Toena, Tiranë 2004
8. Musa A. Voice of Albaniens-Zëri i shqiptarëve / Musa A., Etleva L. – 19.10. 2009
9. Musa A. Albanologji, zbulime të reja të kroatit Milan Shufflay / Musa A. – Alba Soul, 08.02.2016
10. Moikom Z., “Dita”, (nga Arkiva) / Moikom Z. – Tiranë, 16. 02. 2016
11. Pëllumb X., Si e shpëtoi historinë shqiptare Milan Shufflay / Pëllumb X.
12. Zylyftar H. Gazeta “Dita” / Zylyftar H. 14.2.2016

13. Radi and Radi [Electronic resource]. – URL: www.radiondradi.com (accessed: 15.09.2021)
14. Gazeta Express [Electronic resource]. – URL: <https://www.gazetaexpress.com/> (accessed: 15.09.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Group of authors, Fjalori enciklopedik shqiptar [Albanian encyclopedic dictionary], ASHSH, Tiranë 2009 [in Albanian]
2. Kadare I. Vepra (Vëllimi i njëzetë) [Works (Volume Twenty)] / Kadare I. – Onufri, Tiranë 2009 [in Albanian]
3. Kadare I. Mosmarrëveshja [Disagreement] / Kadare I. – Onufri, Tiranë, 2012 [in Albanian]
4. Sinani S. Një Shqipëri tjetër [Another Albania] / Sinani S. – Argeta, Tiranë, 2006 [in Albanian]
5. Sinani S. Pyetje në albanologji [Questions in Albanology] / Sinani S. – Naimi, Tiranë, 2013 [in Albanian]
6. Shuflaj M. Qytetet dhe kështjellat e Shqipërisë kryesisht në mesjetë [The cities and castles of Albania mainly in the Middle Ages] / Shuflaj M. – Onufri Tiranë 2004 [in Albanian]
7. Shuflaj M. Serbët dhe shqiptarët [Serbs and Albanians] / Shuflaj M. – Toena, Tiranë 2004 [in Albanian]
8. Musa A. Voice of Albaniens-Zëri i shqiptarëve / Musa A., Etleva L. – 19.10. 2009 [in Albanian]
9. Musa A. Albanologji, zbulime të reja të kroatit Milan Shuflaj [Albanology, new discoveries of the Croatian Milan Shuflaj] / Musa A. – Alba Soul, 08.02.2016 [in Albanian]
10. Moikom Z., “Dita”, (nga Arkiva) [“Dita” (from the Archive)] / Moikom Z. – Tiranë, 16. 02. 2016 [in Albanian]
11. Pëllumb X., Si e shpëtoi historinë shqiptare Milan Shuflaj [How Milan Shuflaj saved Albanian history] / Pëllumb X. [in Albanian]
12. Zylyftar H. Gazeta “Dita” [Newspaper "Dita"] / Zylyftar H. 14.2.2016 [in Albanian]
13. Radi and Radi [Electronic resource]. – URL: www.radiondradi.com (accessed: 15.09.2021) [in Albanian]
14. Gazeta Express [Electronic resource]. – URL: <https://www.gazetaexpress.com/> (accessed: 15.09.2021) [in Albanian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.23>**АНТОНИМЫ С РАЗНЫМИ КОРНЯМИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Научная статья

Плана Садете¹*, Плана Фиснике²¹ ORCID: 0000-0001-9140-7065;¹ Приштинский университет «Хасан Приштина», Приштина, Республика Косово;² Юго-восточный Европейский Университет, Республика Северная Македония, Скопье

* Корреспондирующий автор (sadete.pllana[at]uni-pr.edu)

Аннотация

В данной статье проводится анализ фактического материала устной и письменной речи студентов и преподавателей экономики экономического факультета в Приштине на предмет антонимов с различными корнями экономической терминологии, а также фиксируется и объясняется значение слов в учебниках по экономике, изданных на албанском языке. В ранней грамматике албанского языка в качестве антонимов использовались только слова с разными корнями, которые использовались как противоположные. В статье также проанализированы ряд слов с различными корнями, используемые в экономической терминологии, такие как существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Ключевые слова: антонимы, антонимы с разными корнями, экономическая терминология.

ANTONYMS WITH DIFFERENT ROOTS IN THE TERMINOLOGY OF ECONOMICS IN THE ALBANIAN LANGUAGE

Research article

Pllana Sadete¹*, Pllana Fisnike²¹ ORCID: 0000-0001-9140-7065;¹ University of Prishtina "Hasan Prishtina" Faculty of Economics, Prishtina, Republic of Kosovo;² South-Eastern European University, Republic of Northern Macedonia, Skopje

* Corresponding author (sadete.pllana[at]uni-pr.edu)

Abstract

In this paper, we will analyze the factual material of spoken and written language by students and teachers of economics at the Faculty of Economics in Pristina for antonyms with different roots of economics terminology, as well as record and explain the meaning of words in economics textbooks published in Albanian. In the early grammar of the Albanian language, only the words of different roots that are used as opposites have been taken as antonyms. This paper will analyze a number of words with different roots, such as nouns, adjectives, verbs, and adverbs, that are used in economics terminology.

Keywords: Antonyms, antonyms with different roots, economics terminology.

Introduction

From the linguistic aspect, including word formation and stylistic point of view, antonyms enable the enrichment of language with new words and meanings, with meanings opposite to other words creating new contextual and structural circumstances [1]. As such, from a structural point of view, antonyms form different lexical types. Various studies have been done on antonyms, and it has been concluded that they are words with opposite meanings that first affirm themselves, then deny the opposite word. Antonyms have produced more work than other lexical and generally linguistic microsystems, such as homonyms, synonyms, and polysynonyms. There have been opinions that antonyms should only be called words with opposite meanings that have different roots (pasuri-varfëri, shumicë-pakicë, shpenzoi-kursej/ wealth-poverty, wholesale-retail, spend-save). Here, opposite meanings are expressed structurally in words that have completely different phonetic elements. Therefore, their antonyms are both semantically and structurally genuine.

Regarding the antonyms in the Albanian language, as well as in the specific national languages, a professional and scientific study was made in the second half of the twentieth century [8, PP. 159-164].

Working Methodology

Theoretical studies undertaken by local linguists have also served as a basis for this paper (Goçi, I.; Samara, M.; Kostallari, A.; Pllana, S.; Thomj, J.) and for the work of foreigners (Novikov, L. A.; Sirbu, R.; Lalevic, M. S.). For antonyms, the works related to problems of economic fields have generally been used both for genuine theoretical issues, as well as for issues related to the application of terminological principles in the practice of elaboration of terms and reflection in publications from broad fields of economics and in relevant dictionaries of economics.

Classification of Antonyms with Different Roots

From the point of view of word formation of antonyms with different roots, they are classified into two groups [7, P. 93]:

— **Complementary antonyms**— **Relational antonyms**

Complementary antonyms have not only roots but also completely different themes, such as: analizë – sintezë/ analysis – synthesis, blej – shes/ buy – sell, dendur – rrallë/ dense – rarely, herët – vonë/ early – late, shpenzoi – kursej/ spend – save, shpesh – rrallë/ often – rarely, etc.

Relational antonyms consist structurally of different word-forming themes + word-forming formant, such as: afrohem – largohem/ nearness – away, blerës – shitës/ buyer – seller, dhënës – marrës/ giver – receiver, fitore – humbje/ victory – loss, gjerësisht – hollësisht/ widely – detail, lejoj – ndaloj/ allow – forbid, i vonshëm – i hershëm/ late – early, zgjat – shkurtoj/lengthen – shorten, etc.

Antonyms with Different Roots or Themes: Nouns, Adjectives, Verbs, and Adverbs

Antonyms with different roots or themes, **nouns**: ashpërsi,-a – butësi/ harshness – softness; debi,-a – kredi/ debit – credit; dobësi,-a – fuqi/ weakness – strength; dritë,-a – errësirë/ light – darkness; dhëni,-e – marrje/ giving – receiving; fitim,-i – humbje/ profit – loss; hapj/e,-a – mbyllje/ opening – closing; heqj/e-a – futje/ exhale – insertion; jug,-u – verë/ south – north; kundërshtar,-i – përkrahë/ opponent – supporter; lag,-ë – tërë/ wet – dry; lirësi,-a – shtrenjtësi/ cheap – expensive; mallkim,-i – urim/ curse – wish; marrës,-i – dhënës/ receiver – giver; mbarim,-i – fillim/ end – beginning; mbrëmje,-a – mëngjes/ evening – morning; nat/ë-a – ditë/ night – day; pakicë,-a – shumicë/ minority – majority; përfundim,-i – lindje/ west – east; shpejtim,-i – ngadalësim/ acceleration – deceleration; thellësi,-a – cekësi/ depth – shallowness; vështirësi,-a – lehtësi/ difficulty – easiness; etc.

Antonyms with different roots or themes, **adjectives**: afërt (i, e) – i largët/ near – distant; cilësor,-e – sasior/ qualitative – quantitative; çelur (i,e) – i mbyllur/ open – closed; dimëror,-e – veror/ winter – summer; dobët (i,e) – i fortë/ weak – strong; ëmbël (i,e) – i thartë/ sweet – sour; fituar (i,e) – i humbur/ won – lost; fortë (i,e) – i dobët/ strong – weak; ftohtë (i,e) – i ngrohtë/ cold – warm; gjatë (i,e) – i shkurtër/ long – short; hapët (i,e) – i mbyllët/ open – closed; hollë (i,e) – i trashë/ thin – thick; individual,-e – i përgjithshëm/ individual – general; lagët (i,e) – i thatë/ wet – dry; lehtë (i,e) – i rëndë/ light – heavy; madh (i,-e) – i vogël/ large – small; majtë (i,e) – djathtë/ left – right; mbyllët (i,e) – i hapët/ closed – open; palarë (i,e) – i larë/ unwashed – washed; pasur (i,e) – i varfër/ rich – poor; përmblodhur (i,e) – i shpërndarë/ concentrated – diffuse; plogët (i,e) – i shkathët/ sluggish – agile; shëmtuar (i,e) – i bukur/ ugly – beautiful; shkurtër (i,e) – i gjatë/ short – tall; tërthortë (i,e) – i drejtpërdrejtë/ indirect – direct, varfër (i,e) – i pasur/ poor – rich; zgjatur (i,e) – i shkurtuar/ elongated – shortened; etc.

Antonyms with different roots or themes, **verbs**: bashkoj – veçoj/ unite – separate, fitoj – humbas/ win – lose, forcoj – dobësoj/ strengthen – weaken, fut – nxjerr/ insert – exhale, holloj – trash/ dilute – thicken, kursej – shpenzoj/ save – spend, lehtësoj – vështirësoj/ facilitate – complicate, lejoj – ndaloj/ allow – forbid, marr – jap/ take – give, mbaroj – filloj/ finish – start, ndez – shuaj/ turn on – turn off, ndot – pastroj/ pollute – clean, ngadalësoj – shpejtoj/ slow down – speed up, shes – blej/ sell – buy, shpenzoj – kursej/ spend – save, terroj – ndriçoj/ conceal – enlighten, veçoj – bashkoj/ separate – unite, zgjat – shkurtoj/ lengthen – shorten, etc.

Antonyms with different roots or themes, **adverbs**: andej – këtej/ here – there, barkazi – shpinazi/ in the abdomen – in the back, brenda – jashtë/ inside – outside, botë – fortë/ soft – strong, dendur – rrallë/ dense – rarely, ditën – natën/ day – night, djathtas – majtas/ right – left, dje – sot/ yesterday – today, drejt – shtrembër/ straight – crooked, fjetur – zgjuar/ sleeping – awake, fort – butë/ hard – soft, fshehur – hapur/ hidden – open, gjithnjë – rrallë/ always – rarely, hapët – mbyllur/ open – closed, hollë – trashë/ thin – thick, keq – mire/ bad – good, lagët – thatë/ wet – dry, lirë – shtrenjtë/cheap – expensive, majtas – djathtas/ left – right, natën – ditën/ night – day, nesër – sot/ tomorrow – today, shpejt – ngadalë/quickly – slowly, shpesh – rrallë/ often – rarely, shtrembër – drejt/ crooked – straight, tek – çift/ single – couple, thatë – lagët/ dry – wet, vertikalisht – horizontalisht/ vertically – horizontally, vonë – herët/ late – early, zbrazur – plot/ empty – full, etc. [7, P. 229]

Conclusion

The lexical-semantic composition of antonyms produces word-forming and lexical richness. From hence derived their great importance for lexicology in the language. Antonyms form antitheses and contradictions in the semantic and stylistic plane with sharp emotional nuances. Some antonyms are common to all languages (power, space, weight, etc.). Others are characteristic of each separate language.

Complementary antonyms are morphologically unbreakable and semantically unmotivated; i.e., their antonymous meaning is not related to the meaning of any other topic. They usually consist structurally of a single root morpheme that matches the theme.

Relational antonyms are usually words derived from prefixes and words formed by pre-conjugation or by conversion.

In this terminology, antonyms become a means of expression of necessary phenomena, seem more natural than in general language, and become more expressive of necessary phenomena in the field of scientific knowledge.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

- Goçi, I. Antonimet e gjuhës së sotme shqipe / Goçi, I. – Prishtinë, 1985, - p. 6.
- Gorani, H. Disa çështje të formimit të termave ekonomike në gjuhën shqipe // Gorani, H. // në “Probleme aktuale të kulturës së gjuhës shqipe”, IA, – Prishtinë, 1983.
- Luboteni, G. Menaxhmenti bankar / Luboteni, G. – Prishtinë, 2010.
- Pasha, H. Terminologjia e ekonomisë në gjuhën shqipe nga Rilindja deri në vitet '80 të shek. XX // Pasha, H. // ASHSH IGJL, – Tiranë, 2005.
- Pllana, G. The Role of Antonyms in Theoretical Mechanics / Pllana, G.; Pllana, S. // Academic Journal of Interdisciplinary Studies MCSER Publishing, Vol 4 No 3 S1 December, Rome-Italy, 2015.
- Rexha, N. Fjalor i terminologjisë së biznesit anglisht –shqip dhe shqip-anglisht / Rexha, N. // QKEMM, – Prishtinë, 2001.

7. Samara, M. Çështje të antonimisë në gjuhën shqipe / Samara, M. – Tiranë, 1985,-p. 239.
8. Thomai, J. Leksikologjia e gjuhës shqipe / Thomai, J. // BOTIMET TOENA, – Tiranë, 2006.-p.

Список литературы на английском / References in English

1. Goçi, I. Antonimet e gjuhës së sotme shqipe [Antonyms of today's Albanian language] / Goçi, I. – Prishtinë, 1985, -p. 6. [in Albanian]
2. Gorani, H. Disa çështje të formimit të termave ekonomike në gjuhën shqipe [Some issues of the formation of economic terms in the Albanian language] / Gorani, H. // në “Probleme aktuale të kulturës së gjuhës shqipe” in [“Current problems of the culture of the Albanian language], IA, Prishtinë, 1983. [in Albanian]
3. Luboteni, G. Menaxhmenti bankar [Banking management] / Luboteni, G. – Prishtinë, 2010. [in Albanian]
4. Pasha, H. Terminologjia e ekonomisë në gjuhën shqipe nga Rilindja deri në vitet ’80 të shek. XX [Terminology of economics in the Albanian language from the Renaissance to the 80s of the century. XX] / Pasha, H. ASHSH IGJL, Tiranë, 2005. [in Albanian]
5. Pllana, G. The Role of Antonyms in Theoretical Mechanics / Pllana, G.; Pllana, S. // Academic Journal of Interdisciplinary Studies MCSER Publishing, Vol 4 No 3 S1 December, Rome-Italy, 2015.
6. Rexha, N. Fjalor i terminologjisë së biznesit anglisht –shqip dhe shqip-anglisht [Dictionary of business terminology English-Albanian and Albanian-English] / Rexha, N. // QKEMM, – Prishtinë, 2001. [in Albanian & English]
7. Samara, M. Çështje të antonimisë në gjuhën shqipe [Issues of antonymy in the Albanian language] / Samara, M. – Tiranë, 1985,-p. 239. [in Albanian]
8. Thomai, J. Leksikologjia e gjuhës shqipe [Lexicology of the Albanian language] / Thomai, J. // BOTIMET TOENA, Tiranë, 2006.-p. [in Albanian]